

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер

и

Реликвии Смерти

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер

и

Реликвии Смерти

Посвящение
в этой книге
разбито
на семь частей:
Нилу,
Джессике,
Дэвиду,
Кензи,
Ди,
Энн,
и вам,
если вы
оставались
с Гарри
до конца.

Text copyright © 2005 J.K.Rowling
Перевод copyright © 2017 Ushwood

Версия от 11.03.17

Последнюю версию можно найти на <http://ushwood.ru/hp/>

Приведение глоссария и оформления к единому виду – ar13.

Версия от 10.04.24

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Восхождение Тёмного Лорда	6
Глава 2. In memoriam	14
Глава 3. Отъезд Дёрзли	23
Глава 4. Семь Поттеров	31
Глава 5. Павший воин	43
Глава 6. Гуль в пижаме	57
Глава 7. Завещание Альбуса Дамблдора	72
Глава 8. Свадьба	88
Глава 9. Укрытие	102
Глава 10. Рассказ Кричера	111
Глава 11. Подкуп	126
Глава 12. Магия – сила	139
Глава 13. Комиссия по Регистрации магглорождённых	153
Глава 14. Вор	167
Глава 15. Месть гоблина	176
Глава 16. Годрикова Лощина	192
Глава 17. Секрет Батильды	203
Глава 18. Жизнь и ложь Альбуса Дамблдора	215
Глава 19. Серебряная оленуха	223
Глава 20. Ксенофилиус Лавгуд	238
Глава 21. Сказка о трёх братьях	249
Глава 22. Реликвии Смерти	260
Глава 23. Особняк Малфоев	273
Глава 24. Создатель волшебных палочек	291
Глава 25. Ракушечный Коттедж	306
Глава 26. Гринготтс	316
Глава 27. Последний тайник	331
Глава 28. Пропавшее зеркало	337
Глава 29. Утраченная диадема	347
Глава 30. Увольнение Северуса Снейпа	357
Глава 31. Битва при Хогвартсе	369
Глава 32. Бузиная палочка	387
Глава 33. История Принца	399
Глава 34. Снова Лес	418
Глава 35. Кингс-Кросс	426

Глава 36. Брешь в плане	437
Эпилог. Девятнадцать лет спустя.....	453
О названии романа (от переводчика)	457
Аннотация	460

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОСХОЖДЕНИЕ ТЁМНОГО ЛОРДА

Два человека возникли на залитой лунным светом узкой улочке из ниоткуда в нескольких ярдах друг от друга. Какое-то мгновение они стояли совершенно неподвижно, каждый из них держал волшебную палочку, нацеленную в грудь другого; затем, узнав друг друга, они спрятали палочки под плащи¹ и быстрым шагом двинулись в одну и ту же сторону.

– Есть новости? – спросил тот, что повыше.

– Отличные, – ответил Северус Снейп².

Улочка, по которой они шли, была огорожена слева диким низкорослым ежевичником, справа – высокой, аккуратно постриженной живой изгородью. Длинные полы их плащей развевались вокруг лодыжек.

– Я думал, что опоздаю, – произнёс Якли; его плоское лицо то выплывало на свет, то скрывалось, по мере того как нависающие над улочкой ветви деревьев открывали и закрывали собой луну. – Всё было немного сложнее, чем я ожидал. Но я надеюсь, он будет доволен. Ты уверен, что тебя примут хорошо?

Снейп кивнул, но не стал развивать тему. Они свернули направо, в широкий проезд, ведущий в сторону от улочки. Живая изгородь свернула вместе с ними, убегая куда-то вдаль позади преградивших им путь внушительных ворот из кованого железа. Оба не затормозили; в полном молчании каждый поднял левую руку, как бы отдавая салют, и они прошли прямо сквозь ворота, словно те были не из тёмного металла, а из дыма.

Шаги их были приглушены растущими по бокам тисами. Где-то справа раздался шорох; Якли снова выхватил волшебную палочку, направив её через голову своего спутника, но источником шума оказался всего лишь белый павлин, величественно вышагивавший по изгороди.

– Он всегда умел хорошо устроиться, этот Люциус. *Павлины...* – хмыкнул Якли, убирая палочку обратно к себе под плащ.

Проезд закончился, и навстречу им из темноты выплыл красивый особняк; свет мерцал в окнах первого этажа, словно в брильянтах. Где-то за изгородью в тёмном саду игриво шумел фонтан. Гравий захрустел под ногами Снейпа и Якли, когда они подошли к входной двери; дверь тут же распахнулась вовнутрь, хотя никого, кто мог бы её открыть, видно не было.

Прихожая была огромна, тускло освещена и роскошно обставлена; большую часть каменного пола покрывал великолепный ковёр. Люди с бледными лицами на портретах, мимо которых шагали Снейп и Якли, провожали их взглядами. Наконец, оба они

¹ Для одежды колдунов Роулинг использует два термина: cloak и robes. Первый означает предмет верхней одежды, второй – одежду, которую носят в помещениях. Хотя в принципе оба слова можно перевести как «мантия», я во избежание путаницы перевожу cloak как «плащ», а robes – как «мантия». *Здесь и далее – прим. Ushwood.*

² Severus Snape. Имя происходит от слова severe – строгий, суровый. Фамилия на одну букву отличается от snake – змея.

остановились перед тяжёлой деревянной дверью, ведущей в следующую комнату, помедлили какое-то мгновение, и Снейп повернул бронзовую ручку.

Гостиная была полна народу; все молча сидели за длинным, вычурно разукрашенным столом. Обычно занимавшая эту комнату мебель была небрежно сдвинута к стенкам. В красивом мраморном камине, увенчанном позолоченным зеркалом, трещал огонь — единственный источник освещения в комнате. На мгновение Снейп и Ясли задержались на пороге. Когда глаза их приспособились к полусумраку, взор их приковал к себе самый странный объект в комнате — явно бессознательное человеческое тело, висящее вверх ногами над столом и медленно вращающееся вокруг своей оси, словно подвешенное невидимой верёвкой. Тело отражалось в зеркале и в гладкой, полированной поверхности стола. Никто из людей, сидевших под этой достопримечательностью, не обращал на неё внимания, за исключением бледного молодого человека, который сидел почти прямо под ней. Он, похоже, не мог удержаться от того, чтобы кидать взгляд вверх чуть ли не ежеминутно.

— Ясли, Снейп, — произнёс ясный высокий голос человека, сидевшего во главе стола. — Вы почти опоздали.

Говоривший сидел прямо напротив камина, так что новоприбывшим было трудно сразу же различить что-либо, кроме его силуэта. Когда они подошли ближе, однако, из сумрака навстречу им выплыло его лицо, безволосое, змееподобное, с щелями вместо ноздрей и красными сверкающими глазами с вертикальными зрачками. Он был настолько бледен, что, казалось, испускал жемчужное сияние.

— Северус — сюда, — Волдеморт указал место по правую руку от себя. — Ясли — рядом с Долоховым.

Оба вошедших заняли указанные им места. Большинство взглядов за столом было устремлено в сторону Снейпа, и именно к нему Волдеморт обратился в первую очередь.

— Ну?

— Мой лорд, Орден Феникса собирается забрать Гарри Поттера из его нынешнего убежища в следующую субботу, поздно вечером.

Заинтересованность сидевших за столом усилилась чуть ли не осязаемо: кто-то застыл на месте, другие заёрзали, и все не отрывали глаз от Снейпа и Волдеморта.

— В субботу... поздно вечером, — повторил Волдеморт. Его красные глаза впились в чёрные глаза Снейпа с такой силой, что некоторые из наблюдавших отвели взгляды, видимо, опасаясь, что их самих испепелит ярость этого взора. Снейп, однако, смотрел в глаза Волдеморта совершенно спокойно, и через одну-две секунды безгубый рот Волдеморта изогнулся в некоторое подобие улыбки.

— Хорошо. Очень хорошо. И эта информация поступила...

— От источника, который мы обсуждали, — ответил Снейп.

— Мой лорд.

Ясли наклонился вперёд, глядя вдоль стола на Волдеморта и Снейпа. Все лица повернулись к нему.

— Мой лорд, я слышал другое.

Ясли прервался, но Волдеморт молчал, так что он продолжил.

– Долиш, аврор³, проговорился, что Поттера не заберут до тридцатого – до ночи перед его семнадцатилетием.

Снейп улыбнулся.

– Мой источник сообщил мне, что они планируют навести нас на ложный след; наверняка это он и есть. Не вызывает сомнения, что на Долиша были наложены Запутывающие чары. С ним это не в первый раз, всем известно, что он им легко поддаётся.

– Заверяю вас, мой лорд, Долиш был совершенно уверен, – сказал Ясли.

– Если его Запутали, разумеется, он уверен, – возразил Снейп. – Я заверяю *тебя*, Ясли, отдел авроров больше не участвует в защите Гарри Поттера. Орден считает, что мы проникли в Министерство.

– Ну хоть до чего-то Орден правильно догадался, э? – произнёс крепко сбитый невысокий человек, сидящий недалеко от Ясли; он хрипло усмехнулся, и в ответ послышались смешки с разных концов стола.

Волдеморт не смеялся. Его взор медленно поднялся вверх, в сторону тела, безмолвно вращавшегося над головами; похоже было, что он углубился в размышления.

– Мой лорд, – продолжил Ясли. – Долиш считает, что при транспортировке мальчишки будет использован большой отряд авроров...

Волдеморт поднял свою большую белую ладонь, и Ясли немедленно замолчал, с возмущённым видом наблюдая, как Волдеморт снова обращается к Снейпу.

– Где они собираются спрятать мальчишку на этот раз?

– Дома у кого-то из членов Ордена, – ответил Снейп. – Это место, согласно моему источнику, получило полную защиту, какую только могут предоставить Орден и Министерство вместе взятые. Я полагаю, у нас мало шансов захватить его, когда он окажется там, мой лорд, если, конечно, Министерство не падёт к следующей субботе, что дало бы нам возможность обнаружить и нейтрализовать достаточно заклятий, чтобы мы смогли прорваться сквозь остальные.

– Ну, Ясли? – обратился Волдеморт вдоль стола, и огонь камина таинственно отразился в его красных глазах. – *Падёт ли* Министерство к следующей субботе?

В очередной раз все головы повернулись разом. Ясли втянул голову в плечи.

– Мой лорд, у меня на эту тему хорошие новости. Мне удалось – с огромным трудом, в результате тяжёлой работы – наложить проклятие Импернус на Пнуса Тикнесса⁴.

Большинство сидевших вокруг Ясли явно были впечатлены. Его сосед Долохов, человек с длинным искривлённым лицом, хлопнул его по спине.

– Многообещающе, – произнёс Волдеморт. – Но Тикнесс – это всего лишь один человек. Скримджер⁵ должен быть окружён нашими людьми прежде, чем я начну действовать. Одно неудачное покушение на жизнь министра отбросит меня далеко назад.

³ Auror. Термин происходит от имени Аулога – богини утренней зари в древнеримской мифологии.

⁴ Pius Thicknesse. Фамилия одной буквой отличается от слова «thickness», имеющего много значений, в том числе «толщина», «слой», «тупость».

⁵ Scrimgeour. Фамилия происходит от «scrimmage» – драка.

– Да – мой лорд, это верно, – но, видите ли, будучи главой департамента Поддержания магического правопорядка, Тикнесс постоянно общается не только с самим министром, но также с главами всех прочих департаментов Министерства. Я думаю, теперь, когда под нашим контролем столь высокопоставленный чиновник, подчинить остальных будет легко, и они смогут вместе свалить Скримджера.

– Если только нашего друга Тикнесса не разоблачат прежде, чем он завербует остальных, – заметил Волдеморт. – В любом случае маловероятно, что Министерство станет моим до следующей субботы. Если мы не можем тронуть мальчишку в месте его назначения, это надо сделать, пока он в пути.

– Здесь у нас преимущество, мой лорд, – сказал Якли, явно намеревающийся всё-таки получить свою порцию одобрения. – Несколько наших людей уже внедрены в департамент Магического транспорта. Если Поттер аппаратует или воспользуется сетью летучего пороха, мы узнаем об этом немедленно.

– Он не сделает ни того, ни другого, – вмешался Снейп. – Орден избегает любых видов перемещения, которые контролируются или регулируются Министерством; они не доверяют всему, что имеет к нему хоть какое-то отношение.

– Это всё к лучшему, – подытожил Волдеморт. – Ему придётся вылезти наружу. Тем проще будет его взять, намного проще.

Волдеморт вновь кинул взгляд на медленно вращающееся тело и продолжил:

– Мальчишкой я займусь лично. Слишком много было допущено ошибок в том, что касается Гарри Поттера. И некоторые из этих ошибок допустил я сам. То, что Поттер до сих пор жив, – в большей степени следствие моих ошибок, чем его успехов.

Компания вокруг стола взирала на Волдеморта с настороженностью; каждый из них, судя по его или её выражению лица, опасался, что именно их обвинят в том, что Поттер по-прежнему существует. Волдеморт, однако, говорил словно бы больше с самим собой, чем с кем-либо из них, обращаясь в сторону бессознательного тела над его головой.

– Я был неосмотрителен, и потому меня каждый раз отбрасывали случайности и фортуна, эти враги всех планов, за исключением самых тщательно подготовленных. Но сейчас я стал опытнее. Я понимаю то, чего не понимал раньше. Именно я должен убить Гарри Поттера, и я это сделаю.

При этих словах и словно бы в ответ на них внезапно раздался вопль – ужасающий протяжный крик, полный тоски и боли. Многие из сидящих за столом с испуганным видом посмотрели себе под ноги, ибо звук исходил, казалось, откуда-то снизу.

– Прихвост, – голос Волдеморта абсолютно не изменился, он говорил по-прежнему тихо и задумчиво, не отрывая взгляда от вращающегося тела над его головой. – Разве я не говорил с тобой о том, что наш пленник не должен нарушать тишины?

– Да, м-мой лорд, – выдохнул маленький человек, сидящий в середине стола; он сидел настолько низко, что стул его на первый взгляд казался пустым. После этих слов он вскочил на ноги и помчался прочь из комнаты, оставив позади себя лишь странный серебряный взблеск.

– Как я уже говорил, – продолжил Волдеморт, снова глядя в напряжённые лица своих сторонников, – теперь я лучше понимаю происходящее. В частности, мне понадобится позаимствовать у кого-то из вас волшебную палочку, прежде чем я отправлюсь убивать Гарри Поттера.

На лицах людей отразился шок; глядя на них, можно было подумать, что Волдеморт объявил, что собирается позаимствовать у кого-то из них руку.

– Добровольцев нет? – отметил Волдеморт. – Давайте посмотрим... Люциус, я не вижу никаких причин, по которым тебе ещё нужна была бы палочка.

Люциус Малфой поднял глаза. Освещённая огнём, кожа его казалась восково-жёлтой, глаза запали и были тусклыми. Когда он заговорил, голос его был хрипл.

– Мой лорд?

– Твоя палочка, Люциус. Мне нужна твоя волшебная палочка.

– Я...

Малфой, не поворачивая головы, кинул взгляд на свою жену. Она смотрела прямо перед собой, столь же бледная, как он; её длинные светлые волосы неподвижно свисали за её спиной, но длинные пальцы под столом быстро сжали его запястье. Ощувив её прикосновение, Малфой засунул руку внутрь своей мантии, извлёк волшебную палочку и протянул её Волдеморту. Тот поднял её к своим глазам и внимательно осмотрел.

– Из чего она?

– Вяз, мой лорд, – прошептал Малфой.

– А сердцевина?

– Драконья... драконья жила.

– Хорошо, – уронил Волдеморт. Он извлёк свою собственную палочку и сравнил их длины.

Люциус Малфой сделал невольное движение; какую-то долю секунды казалось, что он ожидает получить палочку Волдеморта взамен своей. Это движение не осталось незамеченным Волдемортом, глаза его злобно расширились:

– Отдать тебе мою палочку, Люциус? *Мою* палочку?

Кто-то из толпы хихикнул.

– Я дал тебе свободу, Люциус, для тебя этого недостаточно? Но я заметил, что ты и твоя семья в последнее время выглядите не очень-то счастливыми... Что *такого* в моём присутствии у тебя дома, что так тебе не нравится, Люциус?

– Ничего... ничего, мой лорд!

– Какой же ты *лжец*, Люциус...

Мягкое «с», казалось, продолжало звучать даже после того, как жестокий рот перестал шевелиться. Один-два колдуна едва подавили дрожь, когда шипение усилилось; было слышно, как под столом по полу скользит что-то тяжёлое.

По стулу Волдеморта начала медленно взбираться огромная змея, толщиной с бедро человека, с вертикальными щелевидными зрачками. Она всё ползла и ползла вверх, и конца ей было не видно; в конце концов она устроилась у Волдеморта на плечах. Волдеморт

рассеянно погладил тварь своими длинными тонкими пальцами, по-прежнему глядя на Люциуса Малфоя.

– Почему Малфои выглядят такими несчастными среди себе подобных? Разве моё возвращение, моё восхождение к власти – не то, чего они, предположительно, жаждали все эти годы?

– Ни в коем случае, мой лорд, – ответил Люциус Малфой. Рука его, которой он вытер пот с верхней губы, дрожала. – Мы действительно жаждали этого – и сейчас жаждём.

Слева от Малфоя его жена сделала странный сухой кивок, старательно не глядя на Волдеморта и змею. Справа его сын Дрэйко, не сводивший взора с вращающегося тела наверху, быстро глянул на Волдеморта и тотчас отвёл взор, боясь посмотреть ему в глаза.

– Мой лорд, – произнесла сидящая в середине стола темноволосая женщина, пытаясь сдерживать эмоции, – для нас большая честь, что вы присутствуете здесь, в доме нашей семьи. Большой радости для нас просто не может быть.

Она сидела рядом со своей сестрой, но отличалась от неё решительно во всём: и во внешнем облике (у неё были чёрные волосы и глаза с тяжёлыми веками), и в манере держаться и вести себя (в то время как Нарцисса сидела прямо и с непроницаемым выражением лица, она вся тянулась к Волдеморту, и похоже было, что простые слова не могли отразить всё её стремление быть ближе к нему).

– Не может быть большей радости, – повторил Волдеморту, глядя на Беллатрикс, и голова его при этом склонилась чуть вбок. – Это очень много значит, Беллатрикс, из твоих уст.

Её лицо залилось краской, на глазах проступили слёзы восторга.

– Мой лорд знает, что я всегда говорю только правду.

– Не может быть большей радости... даже по сравнению со счастливым событием, которое, насколько я слышал, произошло у тебя в семье на этой неделе?

Она в явном замешательстве уставилась на него, приоткрыв рот.

– Я не знаю, о чём вы говорите, мой лорд.

– Я говорю о твоей племяннице, Беллатрикс. И о вашей, Люциус и Нарцисса. Она только что вышла замуж за оборотня, Римуса Люпина⁶. Вы, должно быть, так гордитесь.

Со всех сторон раздался издевательский смех. Многие наклонились вперёд, чтобы злорадно переглядываться между собой; некоторые стучали по столу кулаками. Огромной змее это внезапное нарушение спокойствия не понравилось, и она, широко разинув пасть, сердито зашипела, но Пожиратели Смерти не слышали её, настолько рады они были унижению Беллатриксы и Малфоев. Лицо Беллатриксы, ещё недавно разрумившееся от счастья, пошло отвратительными красными пятнами.

– Она не племянница нам, мой лорд! – прокричала она сквозь радостный гвалт. – Мы – и Нарцисса, и я – не виделись с нашей сестрой с того момента, как она вышла за

⁶ Remus Lupin. Фамилия происходит от слова «lupus» – на латыни «волк». Имя позаимствовано у одного из братьев – основателей Рима (обычно на русский оно переводится как «Рем»); братья, согласно мифологии, были вскормлены волчицей. Таким образом, и имя, и фамилия очень подходят для оборотня.

грязнокровку⁷. Её отродье никакого отношения к нам не имеет, и любой зверь, за которого оно выходит, – тоже.

– А ты что скажешь, Дрэйко? – поинтересовался Волдеморт, и его голос, хотя и негромкий, отчётливо доносился сквозь свист и оскорбления. – Ты будешь ухаживать за волчатами?

Раздался взрыв хохота; Дрэйко Малфой в ужасе глянул на своего отца, упорно смотревшего на своё колено, затем поймал взгляд матери. Та едва заметно качнула головой, после чего продолжила неотрывно взирать на противоположную стену.

– Довольно, – уронил Волдеморт, поглаживая рассерженную змею. – Хватит.

Смех тотчас словно обрезаю.

– Многие старейшие генеалогические деревья становятся больны со временем, – произнёс он, в то время как Беллатрикс не дыша смотрела на него умоляющим взглядом. – Ты должна подрезать своё, чтобы оно выздоровело, не правда ли? Отрезать ветви, угрожающие здоровью остального дерева.

– Да, мой лорд, – прошептала Беллатрикс, и глаза её вновь наполнились слезами, на сей раз от признательности. – При первой же возможности.

– И у тебя будет возможность, – сказал Волдеморт. – И в твоей семье, и по всему миру... Мы вырежем язву, заражающую нас, пока не останутся лишь те, в чьих жилах течёт истинная кровь...

Волдеморт поднял палочку Люциуса Малфоя, указал ей на безмолвно вращающуюся фигуру, висящую над столом, и еле заметно шевельнул. Со стоном пленник пришёл в себя и начал дёргаться, пытаясь освободиться от невидимых верёвок.

– Узнаёшь ли ты нашу гостью, Северус? – спросил Волдеморт.

Снейп поднял взор к перевернутому вверх ногами лицу. Теперь все Пожиратели Смерти глазели на пленницу, словно получив разрешение проявить наконец своё любопытство. Повернувшись в сторону огня, женщина произнесла надтреснутым, полным ужаса голосом: «Северус! Помоги!»

– Ах, да, – произнёс Снейп, после того как пленницу медленно развернуло в другую сторону.

– А ты, Дрэйко? – свободной от палочки рукой Волдеморт поглаживал нос змеи. Дрэйко дёрнул головой в сторону. Теперь, когда женщина очнулась, он был явно не в состоянии больше на неё смотреть.

– Ну да, ты же у неё не учился, – сказал Волдеморт. – Для тех из вас, кто пока не в курсе: сегодня нас посетила Чарити Бёрбедж, до недавнего времени преподававшая в школе колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс».

Отовсюду донеслись негромкие звуки, долженствующие означать понимание. Полная сутулая женщина с острыми зубками издала смешок.

– Да... профессор Бёрбедж учила детей ведьм и колдунов всему о магглах... Тому, что они от нас не так уж отличаются...

⁷ Mudblood – дословно «грязная кровь».

Один из Пожирателей Смерти плюнул на пол. Чарити Бёрбедж, сделав оборот, вновь оказалась лицом к лицу со Снейпом.

– Северус... Пожалуйста... пожалуйста...

– Молчать, – Волдеморт сделал ещё одно лёгкое движение волшебной палочкой Малфоя, и Чарити замолчала, словно ей в рот сунули кляп. – Не удовлетворяясь разложением и заполнением грязью сознания детей колдунов, на прошлой неделе профессор Бёрбедж написала весьма вдохновенную статью о защите грязнокровок в «Ежедневном пророке». Колдуны, утверждает она, должны признать этих воров наших знаний и нашей магии. Разбавление чистой крови, утверждает профессор Бёрбедж, является наиболее желательным... Ей дай волю, она нас всех переженит на маглах... либо, вне всякого сомнения, на оборотнях...

На сей раз никто не смеялся: слишком хорошо были слышны гнев и презрение в голосе Волдеморта. В третий раз Чарити Бёрбедж повернулась лицом в сторону Снейпа. Слёзы лились из её глаз и стекали по волосам. Снейп смотрел на неё с абсолютно непроницаемым видом. Она вновь медленно повернулась в сторону.

– *Avada Kedavra.*

Зелёная вспышка осветила каждый угол комнаты. Чарити с громким стуком рухнула вниз; стол задрожал и закрипел. Некоторые из Пожирателей Смерти откинулись назад на своих стульях. Дрэйко свалился со своего стула на пол.

– Ужин, Нагини, – мягко произнёс Волдеморт, и огромная змея медленно перетекла с его плеч на полированное дерево.

ГЛАВА ВТОРАЯ

IN MEMORIAM⁸

Гарри обливался кровью. Сжимая свою правую руку в левой и ругаясь про себя, он плечом открыл дверь своей спальни. Неожиданно раздался звук бьющегося фарфора: Гарри наступил на чашку с холодным чаем, стоявшую на полу прямо за дверью спальни.

– Что за?..

Он оглянулся; лестничная площадка дома четыре по Бирючинному проезду⁹ была совершенно пуста. Вероятно, чашка с чаем была хитроумной ловушкой в представлении Дадли. Держа кровоточащую руку повыше, Гарри второй рукой собрал осколки чашки и швырнул их в переполненное мусорное ведро, чуть видимое сквозь дверь спальни. Затем он направился в ванную, чтобы промыть палец под краном.

Это было тупо, бессмысленно и невероятно раздражающе – то, что он ещё целых четыре дня не мог применять магию... хотя Гарри не мог не признать самому себе, что с этим рваным порезом пальца он бы не совладал. Он так и не научился лечить раны, и впервые он вдруг подумал, что это, с учётом его планов на ближайшее будущее, серьёзный пробел в его магическом образовании. Сделав себе мысленную зарубку спросить Гермиону, как это делается, Гарри воспользовался большим рулоном туалетной бумаги для того, чтобы убрать с пола как можно больше чая, после чего вернулся в спальню и захлопнул за собой дверь.

Гарри провёл всё утро, полностью опустошая свой школьный сундук, впервые после того, как упаковал его шесть лет назад. В начале всех прочих своих школьных лет он просто вытаскивал верхние три четверти содержимого и заменял их новыми вещами, а на дне скапливался всякий мусор – старые перья, высохшие жучиные глаза, непарные носки, из которых он давно вырос. Несколько минут назад Гарри запустил руку в эту груду, ощутил сильную боль в безымянном пальце правой руки и, отдернув её, увидел, что палец весь в крови.

Теперь он продолжал немного осторожнее. Вновь опустившись на колени перед сундуком, он пошарил на дне и, после того как извлёк старый значок, на котором сменяли друг друга тусклые надписи *«Болейте за СЕДРИКА ДИПТОРИЙ»* и *«ПОТТЕР – СМЕРДЯК»*, треснутый нерабочий хитроскоп¹⁰ и золотой медальон с вложенной в него запиской, подписанной *«Р.А.Б.»*, Гарри наконец нашёл острый предмет, нанёсший рану. Он узнал его сразу же. Это был двухдюймовый осколок зачарованного зеркала, которое ему подарил Сириус, его покойный крёстный. Гарри отложил его в сторону и осторожно пошарил в сундуке в поисках остального, но от последнего подарка его крёстного не осталось более

⁸ In memoriam – латинское выражение, означающее статьи, материалы в память об умершем. Поскольку название главы в оригинале не на английском, я оставил его непереведённым.

⁹ Privet drive. «Privet» – растение бирючина, которое в Англии часто используется в живых изгородях.

¹⁰ Sneakoscope. Sneak – подкрадываться, красть исподтишка.

ничего, кроме стеклянной пыли, которая сверкающими крошками осела в самых глубоких слоях мусора.

Гарри уселся и внимательно осмотрел зазубренный осколок, о который он порезался, но не увидел в нём ничего, кроме отражения своего собственного ярко-зелёного глаза. Затем он положил осколок на свежий, ещё не прочитанный «Ежедневный пророк», лежавший на его кровати, и атаковал остальной мусор в сундуке, попытавшись таким образом заглушить внезапный поток тяжёлых воспоминаний, уколов совести и тоски, вызванных обнаружением разбитого зеркала.

Ещё час у Гарри ушёл на то, чтобы опустошить сундук полностью, выбросить совершенно бесполезные вещи и рассортировать остальные на кучки в зависимости от того, понадобятся они ему в ближайшем будущем или нет. Его школьные и квиддичные мантии, котёл, пергамент, перья и большинство учебников были сложены кучкой в углу – они будут оставлены. Он подивился про себя, что его дядя с тётей сделают со всем этим; вероятно, сожгут в самый глухой час ночи, словно улики, оставшиеся после какого-то ужасного преступления. Свою магловскую одежду, плащ-невидимку, набор для зельеварения, часть книг, фотоальбом, когда-то подаренный ему Хагридом, пачку писем и волшебную палочку Гарри упаковал в свой старый рюкзак. В переднем кармане были Карта Мародёра и медальон с вложенной в него запиской, подписанной «Р.А.Б.». Медальон заслужил столь почётное место не потому, что он был ценен, – во всех смыслах он был бесполезен, – но из-за высокой цены, которую пришлось заплатить, чтобы его заполучить.

Неразобранной осталась только внушительная кипа газет, лежащая на столе рядом с Гарриной полярной совой Хэдвиг: по одной за каждый день, проведённый Гарри в Бирючинном проезде этим летом.

Гарри поднялся с пола, потянулся и направился к столу. Хэдвиг не двинулась с места, когда он принялся рыться в пачке газет, бросая их одну за другой в кучу мусора; сова спала либо, может быть, притворялась; она была сердита на Гарри за то, что он слишком мало выпускал её из клетки в эти дни.

Приближаясь к концу кипы газет, Гарри замедлил темп, высматривая один конкретный номер, прибывший, как он помнил, вскоре после его возвращения в Бирючинный проезд; он помнил, что на первой странице там было мимолётное упоминание об отставке Чарити Бёрбедж, преподавателя изучения маглов в Хогвартсе. Наконец он нашёл этот номер. Развернув газету на десятой странице, Гарри уселся на стул и начал перечитывать статью, которую он искал.

«В ПАМЯТЬ ОБ АЛЬБУСЕ ДАМБЛДОРЕ

Элфиас Дордж

Я познакомился с Альбусом Дамблдором, когда мне было одиннадцать лет, в наш первый день в Хогвартсе. Наше стремление друг к другу было вызвано, несомненно, тем, что мы оба чувствовали себя изгоями. Я перенёс драконку незадолго до приезда в школу, и, хотя я был уже незапамятным, моё покрытое оспинами лицо и зеленоватый цвет кожи не сподвигали большинство людей приближаться ко мне. Альбус, в свою очередь, прибыл в Хогвартс, неся груз неприятной и нежеланной известности. Едва ли год назад его отец Персиваль был обвинён в получившем

широкую огласку варварском нападении на трёх молодых магглов.

Альбус никогда не пытался отрицать, что его отец (приговорённый к пожизненному заключению в Азкабана) совершил это преступление; напротив, когда я набрался смелости спросить его об этом, он заверил меня, что знает, что его отец виновен. Более Дамблдор отказывался обсуждать эту печальную тему, хотя многие пытались его разговорить. Некоторые, разумеется, были склонны прославлять действия его отца и предполагали, что Альбус тоже был магглоненавистником. Сильнее ошибаться они не могли: как признает любой, кто знал Альбуса, он никогда не проявлял ни малейшего намёка на антимаггловские настроения. Напротив, его решительная поддержка прав магглов дала ему много врагов в последующие годы.

На протяжении следующих месяцев, однако, собственная известность Альбуса начала превосходить известность его отца. К концу первого года обучения о нём уже никогда не вспоминали как о сыне магглоненавистника, но не более и не менее как о самом выдающемся ученике, которого когда-либо видела школа. Те из нас, кто имел честь быть его друзьями, брали с него хороший пример, не говоря уже о его помощи и об ободрении, на которые он всегда был щедр. Много позже он признался мне, что уже тогда он знал, что наибольшее удовольствие он получает от преподавания.

Он не только заслужил все стоящие упоминания награды, какие только можно было получить в школе, — он скоро начал переписываться со знаменитейшими колдунами того времени, в том числе с выдающимся алхимиком Николасом Фламельем, известным историком Батильдой Бэггот и теоретиком магии Адальбертом Ваффлингом. Некоторые из его статей были опубликованы в таких известных изданиях, как «Тематическая трансфигурация», «Частности в чарах» и «Заметки по зельеварению». Карьера Дамблдора ожидалась ярчайшей, и оставался лишь один вопрос — через сколько лет он станет министром магии. Хотя в последующие годы неоднократно говорилось, что он должен стать министром вот-вот, у него никогда не было тяги к министерской работе.

Через три года после того, как он начал своё обучение в Хогвартсе, туда поступил брат Альбуса Аберфорт. Они были совсем непохожи; Аберфорт не очень любил книги и, в отличие от Альбуса, предпочитал решать все разногласия дуэлями, а не аргументированными дискуссиями. Однако совершенно неправильно было бы предполагать, как многие делали, что братья не были друзьями. Они ладили между собой настолько хорошо, насколько вообще могут ладить два столь разных человека. По отношению к Аберфорту справедливым было бы отметить, что жизнь в тени Альбуса не могла быть всецело приятной. Быть постоянно в тени — неизбежный недостаток при дружбе с таким человеком, и для его брата это нисколько не большее удовольствие.

Когда мы с Альбусом закончили школу, мы намеревались вместе предпринять традиционную в то время поездку по миру, навестить и посмотреть иностранных колдунов, прежде чем продолжить свои собственные карьеры. Однако в наши планы вмешалась трагедия. Непосредственно накануне поездки скончалась мать Альбуса Кендра, оставив Альбуса главой и единственным кормильцем семьи. Я отложил свой отъезд, чтобы присутствовать на похоронах Кендры, после чего отбыл уже в одиночную поездку. Альбусу надо было заботиться о

младших брате и сестре, а золота у него оставалось мало, и даже вопроса не могло возникнуть о том, чтобы Альбус мог меня сопровождать.

Это был период нашей жизни, когда мы почти не контактировали между собой. Я писал Альбусу, описывая — возможно, не деликатно — мои приключения в путешествии, от едва удавшегося бегства от химер в Греции до экспериментов египетских алхимиков. Его письма мало что говорили мне о его повседневной жизни, которая, как я предполагал, была раздражающе скучна для столь блистательного колдуна. Поглощённый моими собственными делами, я ужаснулся, узнав ближе к концу своего годовичного путешествия о ещё одной трагедии, разразившейся в семье Дамблдоров: смерти его сестры Арианы.

Хотя Ариана была нездорова на протяжении многих лет, этот удар, пришедшийся так скоро после потери матери, оказал колоссальное воздействие на обоих братьев. Все близкие к Альбусу люди — а я отношу к их счастливому числу и себя — сходятся в том, что смерть Арианы и чувство Альбуса, что он лично ответственен за неё (хотя, разумеется, он был ни в чём не виноват), навсегда наложили на него свой отпечаток.

Вернувшись домой, я встретил молодого человека, испытавшего страдания, которых хватило бы намного более старому. Альбус стал более замкнутым, чем был раньше, и гораздо менее жизнерадостным. В добавление к его страданию, кончина Арианы повлекла за собой не сближение Альбуса с Аберфортом, но, напротив, их отчуждение. (Со временем это прошло — впоследствии они восстановили если не близкие взаимоотношения, то, по крайней мере, дружеские.) Однако с того времени он редко говорил о своих родителях или об Ариане, и его друзья привыкли тоже не упоминать о них.

Другие перья опишут триумфы последующих лет. Необозримый вклад Дамблдора в копилку магического знания, включая его открытие двенадцати способов применения крови дракона, послужит многим поколениям колдунов, так же как и мудрость, которую он проявил будучи Главным чародеем Визенгамота. До сих пор многие считают, что ни одна дуэль колдунов не сравнится с дуэлью между Дамблдором и Гринделвальдом в 1945 году. Те, кто был её свидетелями, описывают ужас и восхищение, которое они испытали, наблюдая за сражением этих двух экстраординарных колдунов. Победа Дамблдора и её последствия для магического мира считаются поворотной вехой в магической истории, не менее значимой, чем введение Международного статута секретности или падение Того-Кого-Нельзя-Называть.

Дамблдор никогда не был чванливым или самодовольным; он находил достоинства в любом человеке, каким бы незначительным или неприятным он ни был, и я уверен, что столь ранние потери привили ему гуманность и сочувствие к другим. Мне будет не хватать дружбы с ним сильнее, чем это можно описать словами, но моя потеря — ничто по сравнению с потерей, понесённой магическим миром. То, что он был лучшим и наиболее любимым из всех директоров Хогвартса, не может вызывать никаких вопросов. Он умер так же, как он жил: постоянно трудясь во имя большего блага и до последнего дня будучи готовым протянуть руку маленькому мальчику с драконкой так же, как это было в день нашего с ним знакомства.»

Гарри закончил читать, но продолжал смотреть на фотографию, опубликованную вместе с некрологом. Дамблдор улыбался своей знакомой доброй улыбкой, но когда он

глядел поверх своих полумесяцевидных очков, даже с фотографии, создавалось впечатление, что он просвечивает Гарри насквозь. Гарри ощущал печаль пополам с чувством стыда.

Он полагал, что довольно хорошо знал Дамблдора, но, едва прочитав некролог, вынужден был признать, что вряд ли знал его вообще. Никогда раньше он не представлял себе детство или юность Дамблдора; всё было так, словно он изначально был таким, каким Гарри знал его – почтенным, седовласым, старым. Сама мысль о Дамблдоре-подростке казалась столь же нелепой, как попытка представить себе глупую Гермиону или дружелюбного взрывохвостого скрута¹¹.

Он никогда даже и не думал о том, чтобы расспросить Дамблдора о его прошлом. Разумеется, это выглядело бы странно и даже нахально, но, в конце концов, все же знали, что Дамблдор участвовал в той легендарной дуэли с Гринделвальдом, и Гарри не догадался спросить у Дамблдора, на что это было похоже, да и о других его знаменитых достижениях тоже. Нет, темой для обсуждения всегда был Гарри, Гаррино прошлое, Гаррино будущее, Гаррины планы... и сейчас Гарри казалось, при всей опасности и неопределённости его будущего, что он упустил какие-то незаменимые возможности, когда не расспросил Дамблдора о нём самом, даже несмотря на то, что единственный личный вопрос, который он когда-либо задал директору, был в то же время единственным, на который Дамблдор, как ему казалось, не дал честного ответа:

«Что вы видите, когда смотрите в Зеркало?»

«Я? Я вижу самого себя, держащего в руках пару толстых шерстяных носков».

После нескольких минут размышлений Гарри выдрал некролог из «Пророка», тщательно сложил и засунул в первый том «Практики защитной магии и её применения против Тёмных искусств». Затем он швырнул остаток газеты в кучу мусора и вновь осмотрел комнату. Теперь она была намного чище. Не на своих местах оставались только сегодняшней «Ежедневный пророк», по-прежнему лежащий на кровати, и положенный на него осколок разбитого зеркала.

Гарри пересёк комнату, стряхнул осколок зеркала с последнего «Пророка» и развернул газету. Сегодня рано утром, когда он принял свёрнутую газету у почтовой совы, он лишь мельком оглядел заголовок и отбросил газету в сторону, едва понял, что там ничего не было о Волдеморте. Гарри не сомневался, что Министерство давит на «Пророк», чтобы те не распространяли новостей о Волдеморте. Поэтому только сейчас Гарри увидел, что же он пропустил.

Через всю нижнюю половину первой полосы над фотографией шагающего с озабоченным видом Дамблдора шёл заголовок: **«ДАМБЛДОР – НАКОНЕЦ-ТО ПРАВДА?»**

«На следующей неделе в свет выйдет шокирующая история запятнанного гения, считавшегося многими величайшим колдуном своего поколения. Отбросив популярную картину спокойной сдобородой мудрости, Рита Скитер раскрывает разрушенное детство, незаконную юность, пожизненную вражду и тайны преступлений, унесённые Дамблдором с собой в могилу».

¹¹ Blast-Ended Skrewt. Blast – взрыв; end – хвост, конец; skrewt – некая смесь из screw (винт), scorpion (скорпион) и newt (тритон).

ПОЧЕМУ человек, который, по общему мнению, должен был стать министром магии, был удовлетворён должностью простого директора школы? В ЧЁМ состояла настоящая цель тайной организации, известной как Орден Феникса? КАК на самом деле Дамблдор встретил свой конец?

Ответы на эти и многие другие вопросы вы найдёте в новом бестселлере — биографии «Жизнь и ложь Альбуса Дамблдора», написанной Ритой Скитер, эксклюзивное интервью с которой, взятое Бетти Брэйтуэйт, опубликовано на 13 странице.»

Гарри разорвал газету и нашёл страницу 13. Вверху страницы была фотография с ещё одним знакомым лицом — женщина в украшенных драгоценными камнями очках и с тщательно завитыми светлыми волосами. Рот её был приоткрыт, несомненно изображая улыбку победителя, пальцы слегка шевелились. Прикладывая максимум усилий, чтобы игнорировать это тошнотворное изображение, Гарри принялся читать.

«При личной встрече Рита Скитер оказалась гораздо мягче и человечнее, чем можно было бы предположить по её знаменитым острым статьям. поприветствовав меня в прихожей своего уютного домика, она сразу же провела меня на кухню, чтобы налить мне чашечку чая, угостить кусочком пирога и, разумеется, обрушить на меня лавину свежайших слухов.

— Что ж, несомненно, Дамблдор — это мечта биографа, — сказала Скитер. — Столь долгая, насыщенная жизнь. Я совершенно уверена, что моя книга будет первой в череде многих, многих других.

Скитер определённо среагировала на события очень быстро. Её девятисотстраничная книга была завершена всего через четыре недели после таинственной смерти Дамблдора в июне. Я спросила, как ей удалась такая сверхбыстрая работа.

— О, если работаешь журналистом так долго, как я, написание к заданному сроку становится второй натурой. Я знала, что магический мир требует полной истории, и я хотела быть первой, кто утолит эту жажду.

Я упомянула недавно опубликованные во многих изданиях утверждения Элфиаса Доуджа, Особого советника при Визенгамоте и давнего друга Альбуса Дамблдора, что «в книге Скитер фактов меньше, чем на вкладыше от Шоколадной лягушки».

Скитер, откинув голову, расхохоталась.

— Милый Доджи, чтоб он был здоров! Помню, я брала у него интервью несколько лет назад насчёт русалочьих прав. Абсолютно сдвинутый; кажется, он тогда думал, что мы с ним сидим на дне озера Уиндермер, всё время твердил мне, чтобы я остерегалась форелей.

И тем не менее обвинения Элфиаса Доуджа в неточности повторяют многие. Неужели Скитер действительно считает, что четырёх коротких недель достаточно для составления полной картины длинной и экстраординарной жизни Дамблдора?

— О, дорогая моя, — улыбнулась Скитер, дружелюбно похлопывая меня по пальцам, — ты так же хорошо, как и я, знаешь, сколько информации можно извлечь с помощью кошелька, набитого галлеонами, отказа понимать слово «нет» и милого острого Прытко Пишущего Пера! В любом случае, народ буквально выстаивался в очередь, чтобы полить Дамблдора грязью. Не все, знаешь ли, считали, что он был таким замечательным — он успел отдалить огромное множество очень важных мозолей. Но старый хитрый Доудж может перестать

вещать со своего гипногрифа, поскольку у меня был доступ к такому источнику, за который многие журналисты отдали бы свои волшебные палочки; к источнику, который никогда раньше не делал публичных заявлений и который был близок к Дамблдору в течение наиболее насыщенной событиями и проблемами стадии его юности.

Анонсы биографии Скитер недвусмысленно намекают, что большой шок ожидает тех, кто верил, что Дамблдор жил жизнью праведника. Какие самые большие сюрпризы раскрывает она читателю, спросила я.

— Ну же, Бетти, не надо, я не собираюсь выдавать всё самое интересное, прежде чем кто-то купит книгу! — рассмеялась Скитер. — Но я точно обещаю, что каждого, кто всё ещё думает, что Дамблдор белый и пушистый, как его борода, ждёт крайне неприятное пробуждение! Скажу только, что мало кому из тех, кто слышал, как он выступает против Сами-Знаете-Кого, могло бы и во сне присниться, что в юности он сам баловался Тёмной магией! И для колдуна, проводившего свои последние годы, убеждая всех быть терпимее, он был не очень-то либеральным в молодости! Да, прошлое Альбуса Дамблдора чрезвычайно тёмное, уж не говоря о его весьма подозрительной семейке, что он так старательно пытался скрыть.

Я спросила, не имеет ли Скитер в виду брата Дамблдора Аберфорта, который пятнадцать лет назад был обвинен Визенгамотом в противоправном использовании магии, что вызвало небольшой скандал.

— О, Аберфорт был только вершиной этого вонючего айсберга, — со смехом ответила Скитер. — Нет, нет, я говорю о вещах гораздо худших, нежели братец, обожжающий слоняться туда-сюда со своими козами, и даже худших, чем издевающийся над магглами отец, — в любом случае, эти истории Дамблдор не смог бы замести под ковёр, их обоих судил Визенгамот. Нет, меня заинтриговали его мать и сестра, и, проведя некоторые исследования, я наткнулась просто на кучу мерзостей — но, как я уже сказала, чтобы узнать все детали, вам придётся потерпеть до глав с девятой по двенадцатую. Всё, что я сейчас могу добавить: меня совершенно не удивляет, что Дамблдор никогда никому не рассказывал, при каких обстоятельствах он сломал нос.

Ладно, оставим в стороне скелеты в шкафу; отрицает ли Скитер его блестящий интеллект, позволивший Дамблдору сделать столько открытий в магии?

— У него были мозги, — признала она, — хотя многие сегодня ставят под сомнение, что именно ему принадлежит честь всех его якобы достижений. Как я сообщаю в главе шестнадцать, Айвор Диллонсби утверждает, что он уже открыл восемь применений крови дракона, когда Дамблдор «позаимствовал» его статьи.

Осмелюсь предположить, однако, что важность некоторых достижений Дамблдора не может подвергаться сомнению. Как насчёт его знаменитой победы над Гринделвальдом?

— А, да, я рада, что ты упомянула Гринделвальда, — с дразнящей улыбкой ответила Скитер. — Боюсь, что тем, кто смотрит сквозь розовые очки на эту блистательную победу Дамблдора, следует готовиться к взрыву серьёзной бомбы — возможно, даже навозной. На самом деле, очень грязная была история. Всё, что я скажу сейчас — не будьте так уверены в том, что там действительно была эта потрясающая легендарная дуэль. Прочтя мою книгу, читатели, вероятно, будут вынуждены признать, что Гринделвальд просто создал своей

волшебной палочкой белый платок и тихо сдался!

Скитер отказалась дать ещё какие-либо намёки на эту интригующую тему, так что мы перешли к связи, которая, несомненно, интересует её читателей больше, чем что бы то ни было другое.

— Ах, да, — весело кивнула Скитер, — я посвятила целую главу отношениям Поттера и Дамблдора. Многие эту связь называют нездоровой, даже зловещей. Снова повторю, что вашим читателям придётся приобрести мою книгу, если они хотят узнать всю историю целиком; но несомненно, что Дамблдор проявил неестественный интерес к Поттеру с самого начала. Было ли это на самом деле в лучших интересах мальчика — что ж, увидим. Секретом Полишинеля является то, что детство у Поттера было чрезвычайно беспокойным.

Я поинтересовалась, поддерживает ли Скитер связь с Гарри Поттером, у которого она взяла своё знаменитое интервью в прошлом году — потрясающее эксклюзивное интервью, в котором Поттер рассказал о своей убеждённости в том, что Сами-Знаете-Кто вернулся.

— О да, между нами теперь очень тесная связь, — ответила Скитер. — У несчастного Поттера очень мало настоящих друзей, а мы познакомились в один из самых сложных периодов в его жизни — Тримагический Турнир. Я, вероятно, один из очень немногих ныне живущих людей, кто может утверждать, что знает настоящего Гарри Поттера.

И это благополучно подводит нас к многочисленным слухам касательно последних часов жизни Дамблдора. Верит ли Скитер в то, что Поттер был в том месте и в тот момент, когда погиб Дамблдор?

— Что ж, я не хочу сейчас много говорить — вы всё найдёте в книге, — но свидетели в замке Хогвартса видели, как Поттер бежал с места происшествия сразу же после того, как Дамблдор упал, прыгнул или был сброшен вниз. Впоследствии Поттер свидетельствовал против Северуса Снейпа, человека, с которым, как всем известно, он долгое время был на ножках. Всё ли здесь так, как кажется? Магическому сообществу предстоит ответить на этот вопрос — после того, как они прочитают мою книгу.

И на этой интригующей ноте я откланялась. Нет ни малейшего сомнения, что из-под пера Скитер вышел настоящий бестселлер. Легионам поклонников Дамблдора в то же время можно уже начинать дрожать от того, что нам всем скоро предстоит узнать про их героя.»

Гарри дочитал статью до конца, но продолжал тупо взирать на страницу. Отвращение и гнев поднимались в нём, словно рвотные массы; он скомкал газету и со всей силой швырнул её в стенку, где она и присоединилась к остальному мусору, лежащему кучкой вокруг переполненной урны.

Он начал слепо шагать туда-сюда по комнате, открывая пустые ящики и подбирая книги, лишь для того, чтобы тут же положить их на то же место, почти не осознавая, что именно он делает, в то время как в голове у него вспыхивали случайные фразы из статьи Риты: *целую главу отношениям Поттера и Дамблдора... называют нездоровой, даже зловещей... в юности он сам баловался Тёмной магией... у меня был доступ к такому источнику, за который многие журналисты отдали бы свои волшебные палочки...*

— Ложь! — выкрикнул Гарри, и сквозь окно он увидел, как их сосед, остановившийся, чтобы запустить газонокосилку, нервно взглянул вверх.

Гарри тяжело плюхнулся на кровать. Осколок зеркала отскочил прочь от него; Гарри снова его подобрал и покрутил в пальцах, думая, думая о Дамблдоре и обо всей той лжи, которую обрушила на него Рита Скитер...

Яркая вспышка синего света. Гарри застыл на месте, его порезанный палец снова скользнул вдоль зазубренного края осколка. Ему это показалось, да, наверняка показалось. Он обернулся через плечо, но стена была тошнотворного персикового цвета, выбранного тётей Петунией; ничего синего, что могло бы отразиться в зеркале, там не было. Он снова заглянул в осколок зеркала, но не обнаружил там ничего, кроме собственного ярко-зелёного глаза, глядящего на него в ответ.

Ему показалось, другого объяснения просто не могло быть; показалось, потому что он всё время думал о погибшем директоре. Если что-то и было несомненно, так это то, что ярко-синие глаза Альбуса Дамблдора никогда больше не пронзят его своим взором.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТЪЕЗДА ДЁРЗЛИ

Звук захлопнувшейся входной двери разнёсся по лестнице, и громкий голос выкрикнул: «Эй, ты!»

К Гарри подобным образом обращались шестнадцать лет, и ни малейшего сомнения в том, кого именно зовёт его дядя, у него не было; тем не менее он не стал отвечать сразу же. Он по-прежнему не сводил взгляда с осколка зеркала, в котором, как ему казалось в течение какого-то мгновения, он видел глаз Дамблдора. И лишь когда дядя проревел «ПАРЕНЬ!», Гарри медленно поднялся на ноги и направился к двери спальни, остановившись лишь затем, чтобы добавить осколок разбитого зеркала в рюкзак, наполненный вещами, которые он собирался брать с собой.

– Многовато времени у тебя ушло! – прокричал Вернон Дёрзли, когда Гарри вышел на лестницу. – Давай сюда вниз, мне надо с тобой поговорить!

Гарри направился вниз по лестнице, запустив руки в карманы джинсов. Добравшись до гостиной, он обнаружил там всех трёх Дёрзли. Они были одеты в дорожную одежду: дядя Вернон – в бежевую куртку на молнии, тётя Петунья – в ладное розовое пальто, а Дадли, огромный светловолосый мускулистый кузен Гарри – в кожаную куртку.

– Чего? – поинтересовался Гарри.

– Сядь! – приказал дядя Вернон. Гарри удивлённо поднял брови. – Пожалуйста! – добавил дядя Вернон, слегка вздрогнув, как будто это слово оцарапало ему горло.

Гарри сел. Ему показалось, что он догадывается, к чему всё идёт. Его дядя начал ходить взад-вперёд, тётя Петунья и Дадли с озабоченным видом провожали его взглядами. Наконец дядя Вернон остановился перед Гарри – его большое фиолетовое лицо приобрело сосредоточенный вид – и сказал: «Я передумал».

– Как я удивлён, – ответил Гарри.

– Не смей говорить таким тоном!.. – пронзительно начала тётя Петунья, но дядя Вернон взмахом руки заставил её замолчать.

– Всё это смахивает на дешёвую комедию, – заявил дядя Вернон, уставившись на Гарри своими пороссячьими глазками. – Я решил, что я не верю ни единому слову. Мы остаёмся здесь, мы никуда не едем.

Гарри взглянул на своего дядю и ощутил раздражение пополам с весельем. За последние четыре недели дядя Вернон передумывал каждые двадцать четыре часа, упаковывая, распаковывая и перепаковывая багажник своего автомобиля с каждой сменой настроения. Больше всего Гарри понравился момент, когда дядя Вернон, не зная, что Дадли после предыдущей распаковки добавил в свой чемодан несколько гантелей, попытался запихнуть его обратно в багажник и упал, рыча от боли и отчаянно ругаясь.

– Ты утверждаешь, – произнёс дядя Вернон, возобновив свои циркуляции по комнате, – что мы – Петунья, Дадли и я – мы все в опасности. От... от...

– Некоторых из «моей шатиш», ага, – согласился Гарри.

– Ну а я этому не верю, – повторил дядя Вернон, вновь остановившись прямо перед Гарри. – Я не спал полночи, обдумывая всё это, и я считаю, что это заговор, чтобы завладеть домом.

– Домом? – повторил Гарри. – Каким домом?

– *Этим вот* домом! – крикнул дядя Вернон, и вена у него на лбу начала пульсировать. – *Нашим* домом! Цены на дома сейчас скачут, как сумасшедшие! Ты хочешь, чтобы мы отсюда убрались, и тогда ты сделаешь какой-нибудь фокус-покус, и мы глазом не успеем моргнуть, как все бумаги будут переправлены на тебя, и...

– Вы совсем свихнулись? – воскликнул Гарри. – Заговор, чтобы завладеть этим домом? Вы правда такой тупой, каким кажется?

– Не смей!.. – взвизгнула тётя Петунья, но Вернон вновь успокоил её движением руки: оскорбления, нанесённые его фигуре, явно были ничем по сравнению с угрозой, которую он обнаружил.

– Чисто на случай если вы забыли, – произнёс Гарри, – у меня уже есть дом, мне его мой крёстный оставил в наследство. Так зачем мне нужен этот? Хранить счастливые воспоминания?

Ему никто не ответил. Гарри подумал, что этот аргумент впечатлил-таки его дядю.

– Ты утверждаешь, – дядя Вернон снова начал ходить по комнате, – что этот Лорд Как-его-там...

– Волдеморт, – нетерпеливо перебил Гарри, – и мы это обсуждали уже сотню раз. Это не утверждение, это факт, Дамблдор говорил вам в прошлом году, и Кингсли, и мистер Уизли...

Вернон Дёрзли сердито поднял плечи, и Гарри предположил про себя, что его дядя пытается избавиться от воспоминаний о неожиданном визите двух взрослых колдунов, состоявшемся через несколько дней после возвращения Гарри на летние каникулы. Появление на пороге Кингсли Шаклболта и Артура Уизли оказалось для семейства Дёрзли исключительно неприятным сюрпризом. Правда, Гарри вынужден был признать, что, поскольку мистер Уизли однажды уже разнёс половину их гостиной, вряд ли следовало ожидать, что его новое появление приведёт дядю Вернона в восторг.

– ...Кингсли и мистер Уизли тоже всё вам объяснили, – безжалостно продолжил Гарри. – Когда мне исполнится семнадцать, защитные чары, которые держат меня в безопасности, спадают, и это оставит вас беззащитными точно так же, как и меня. Орден уверен, что Волдеморт нападёт на вас, либо чтобы выпытать у вас моё местонахождение, либо в надежде, что, если вы будете у него в заложниках, я приду и попытаюсь вас освободить.

Дядя Вернон и Гарри встретились взглядами. Гарри был уверен, что в этот самый момент они оба думали об одном и том же. Затем дядя Вернон снова начал вышагивать, а Гарри продолжил.

– Вы должны укрыться, и Орден хочет вам помочь. Вам предложена очень серьёзная защита, лучшая, какая только возможна.

Дядя Вернон ничего не ответил, лишь продолжил ходить взад-вперёд. Солнце за окном низко нависло над бирючинными оградами. Соседская газонокосилка снова встала.

– Мне казалось, там у вас есть Министерство магии? – внезапно спросил Вернон Дёрзли.

– Да, есть, – удивлённо ответил Гарри.

– Ну вот, почему тогда они не могут нас защитить? У меня такое впечатление, что мы, невинные жертвы, не виновные ни в чём, кроме того, что взрастили человека, которого хотят убить, – мы можем рассчитывать на защиту правительства!

Гарри рассмеялся; он просто не смог удержаться. Так это было похоже на его дядю – возложить свои надежды на власти, даже в мире, который он презирал и которому не верил.

– Вы же слышали, что говорили мистер Уизли и Кингсли, – ответил Гарри. – Мы думаем, что в Министерство уже проникли.

Дядя Вернон прошагал к камину и обратно, дыша так тяжело, что его здоровенные чёрные усы дрожали; лицо его по-прежнему оставалось фиолетовым от сосредоточенности.

– Ну ладно, – заявил он, в очередной раз остановившись перед Гарри. – Ну ладно, предположим, в порядке спора, что мы примем эту их защиту. Я по-прежнему не понимаю, почему нас не может охранять этот тип, Кингсли.

Гарри не без труда удержался от того, чтобы возвести очи горе. Этот вопрос ему тоже задавали уже полдюжины раз.

– Как я уже говорил, – процедил он сквозь зубы, – Кингсли охраняет магг-... в смысле, вашего премьер-министра.

– Вот именно – он лучший! – воскликнул дядя Вернон, указывая на чёрный экран телевизора. Дёрзли видели Кингсли в новостях, когда он незаметно шёл позади маггловского премьер-министра, посещавшего больницу. Это, а также тот факт, что Кингсли постиг искусство одеваться как маггл, не говоря уже об уверенности, которую внушал всем его низкий, медленный говор, заставило Дёрзли относиться к Кингсли так, как они определённо никогда не относились к другим колдунам; хотя, с другой стороны, они никогда его не видели с серьгой в ухе.

– Так вот, он уже занят, – произнёс Гарри. – Но Эстия Джонс и Дедалус Диггл более чем пригодны для этой работы...

– Если б мы ещё видели их резюме, – проворчал дядя Вернон, но тут терпение Гарри лопнуло. Поднявшись на ноги, он направился к дяде, в свою очередь указывая на телевизор.

– Эти несчастные случаи вовсе не случайны – все эти аварии, и взрывы, и железнодорожные катастрофы, и что там ещё случилось с тех пор, как мы последний раз смотрели новости. Люди пропадают, и умирают, и за всем этим стоит он – Волдеморт. Я снова и снова это вам повторяю, он убивает магглов просто ради смеха. Даже туман – его вызывают дементоры, а если вы не помните, что это такое, спросите своего сына!

Руки Дадли дёрнулись вверх, прикрыв рот. Увидев, что на него смотрят и родители, и Гарри, он медленно опустил руки и спросил: «Их теперь... больше?»

– Больше? – рассмеялся Гарри. – Больше, чем те два, что напали на нас, ты имеешь в виду? Конечно, их больше, их сотни, может, теперь уже тысячи, судя по тому, как они впитывают страх и тоску!..

– Ну хорошо, хорошо, – выплюнул Вернон Дёрзли. – Ты нас убедил...

– Надеюсь, что так, – перебил Гарри, – потому что как только мне исполнится семнадцать, все они – Пожиратели Смерти, дементоры, может быть, даже преисподы¹², то есть мёртвые тела, зачарованные Тёмным колдуном, – все они смогут вас найти и наверняка нападут. И если вы вспомните последний случай, когда вы пытались скрыться от колдунов, я думаю, вы согласитесь, что вам нужна помощь.

На короткое время воцарилось молчание, сквозь которое, казалось, пробилося из далёкого прошлого эхо выламывания деревянной двери Хагридом. Тётя Петунья смотрела на дядю Вернона; Дадли не сводил глаз с Гарри. Наконец дядю Вернона прорвало.

– Но как же моя работа? Как же Дадлина школа? Я не думаю, что эти вещи имеют значение для кучки бездельников-колдунов...

– Вы всё ещё не поняли? – заорал Гарри. – *Они вас запытают и убьют, как моих родителей!*

– Папа, – громко заявил Дадли. – Папа – я пойду с этими из Ордена.

– Дадли, – сообщил Гарри, – впервые в жизни ты сказал что-то умное.

Он знал, что сражение выиграно. Если Дадли достаточно напуган, чтобы принять помощь Ордена, его родители пойдут вместе с ним: о том, чтобы разлучить их с их Даддиком, не могло быть и речи. Гарри глянул на часы, стоявшие на камине.

– Они будут здесь минут через пять, – произнёс он и, когда ни один из Дёрзли не ответил, покинул комнату. Перспектива расставания – возможно, навсегда – со своими тётей, дядей и кузеном была как раз тем, на что он мог смотреть с некоторым воодушевлением, но тем не менее определённое чувство неловкости в воздухе витало. Что можно сказать другу другу после шестнадцати лет взаимной нелюбви?

Вернувшись в спальню, Гарри начал бесцельно возиться со своим рюкзаком, затем просунул пару совиных орешков через прутья клетки Хэвиг. Они с глухим стуком упали на дно; Хэвиг их проигнорировала.

– Мы скоро уйдём, действительно скоро уйдём, – заверил её Гарри. – И тогда ты снова сможешь летать.

Раздался звонок в дверь. Гарри застыл на месте, затем кинулся вон из комнаты и вниз по лестнице: было бы слишком оптимистично рассчитывать, что Эстия и Дедалус смогут самостоятельно поладить с Дёрзли.

– Гарри Поттер! – пропищал возбуждённый голос, едва Гарри открыл дверь; оттуда ему низко поклонился маленький человечек в светло-лиловом цилиндре. – Большая честь для меня, как всегда!

– Спасибо, Дедалус, – Гарри чуть сконфуженно улыбнулся черноволосой Эстии. – Как хорошо, что вы согласились на это... Они здесь внутри, мои тётя, и дядя, и кузен...

– Здравствуйте, родственники Гарри Поттера! – радостно воскликнул Дедалус Диггл, шагнув в гостиную. Дёрзли такое обращение совершенно не обрадовало; Гарри начал подозревать, что они сейчас опять передумают. Дадли при виде ведьмы и колдуна плотнее прижался к матери.

– Я вижу, что вы уже упаковались и готовы. Замечательно! Наш план, как Гарри вам уже говорил, очень прост, – Дедалус извлёк из жилетного кармана колоссальных размеров часы и

¹² Inferi. Название происходит от «inferno» – ад, преисподняя.

внимательно посмотрел на них. – Мы отъедем до того, как отъедет Гарри. Из-за опасности применения магии в вашем доме – поскольку Гарри всё ещё несовершеннолетний, это дало бы Министерству повод арестовать его – мы отъедем на машине, скажем, миль десять, и только потом Дезапарируем в безопасное место, которое мы для вас подобрали. Вы умеете водить авто, я полагаю? – вежливо поинтересовался он у дяди Вернона.

– Умею ли?.. Разумеется, я, чёрт побери, очень даже умею водить машину! – выплюнул дядя Вернон.

– Очень выдающееся умение, сэр, очень, лично я был бы в полнейшем замешательстве от всех этих кнопочек и ручек, – сказал Дедалус. У него явно сложилось впечатление, что таким образом он льстит Вернону Дёрзли; последний буквально на глазах, с каждым словом Дедалуса, терял уверенность в плане.

– Даже машину водить не умеют, – буркнул он себе под нос, неодобрительно шевеля усами, но, к счастью, ни Дедалус, ни Эстия его, судя по всему, не услышали.

– А ты, Гарри, – продолжил Дедалус, – подожди здесь, пока прибудет твоя охрана. При подготовке произошли некоторые изменения...

– В каком смысле? – перебил Гарри. – Я думал, Безумный Глаз должен был прийти и забрать меня с помощью совместного аппарирования?

– Так не выйдет, – кратко ответила Эстия. – Безумный Глаз всё объяснит.

В этот момент раздался громкий скрипучий голос, который прокричал: «*Поторапливайтесь!*» Дёрзли, на лицах которых было написано полнейшее непонимание, подпрыгнули на месте. Гарри вертел головой, ища источник голоса по всей комнате, прежде чем осознал, что он исходил из карманных часов Дедалуса.

– Совершенно верно, мы работаем по очень плотному графику, – кивнул своим часам Дедалус и засунул их обратно в жилет. – Мы пытаемся приурочить твой отъезд к дезаппарированию твоей семьи, Гарри; таким образом, чары будут сняты в тот момент, когда вы все уже направитесь в безопасное место. – Он повернулся к Дёрзли. – Ну что, мы все упаковались и готовы ехать?

Ни один из них не ответил; дядя Вернон по-прежнему стоял в шоке, не сводя глаз с выпуклости в кармане Дедалусова жилета.

– Наверно, нам лучше подождать снаружи, в прихожей, Дедалус, – пробормотала Эстия; она явно ощущала, что нетактично оставаться в комнате во время сцены прощания Гарри и Дёрзли, полной любви и, возможно, даже слёз.

– Да ладно, не надо, – прошептал Гарри, но тут дядя Вернон сделал все дальнейшие объяснения бессмысленными, громко произнеся:

– Ну... значит, это... до свидания, парень.

Он выбросил вперёд правую руку, чтобы пожать руку Гарри, но в последний момент понял, что для него это будет слишком, и просто сжал её в кулак и начал качать этим кулаком вверх-вниз, напоминая метроном.

– Готов, Дидди? – спросила тётя Петуния, придирчиво осматривая защёлку своей сумочки, словно избегая встречаться взглядом с Гарри.

Дадли не ответил – просто стоял на месте, приоткрыв рот и чем-то слегка напоминая Гарри великана Гроупа.

– Ну пошли тогда, – сказал дядя Вернон.

Он уже почти дошёл до двери гостиной, когда Дадли пробормотал: «Я не понимаю».

– Чего ты не понимаешь, Попкин? – повернулась к своему сыну тётя Петунья.

Дадли указал своей огромной окорокоподобной рукой на Гарри.

– Почему он с нами не едет?

Дядя Вернон и тётя Петунья застыли на месте, уставившись на Дадли с таким видом, словно он только что изъявил желание стать балериной.

– Чего? – громко переспросил дядя Вернон.

– Почему он тоже не едет? – повторил Дадли.

– Ну, он... он не хочет, – ответил дядя Вернон и, повернувшись к Гарри, добавил: – ты ведь не хочешь, правильно?

– Ни в малейшей степени, – заверил Гарри.

– Ну вот видишь, – обратился к Дадли дядя Вернон. – Теперь пошли, мы уходим.

Он вышел из комнаты, они услышали, как открылась входная дверь, но Дадли по-прежнему не двинулся с места, и тётя Петунья, сделав несколько неуверенных шагов, также остановилась.

– Ну что ещё? – пролаял дядя Вернон, вновь появляясь в дверях.

Похоже было, что Дадли боролся с собственными мыслями, слишком сложными, чтобы он мог обратить их в слова. Спустя несколько мгновений тяжёлой внутренней борьбы он наконец спросил:

– Но куда он тогда пойдёт?

Тётя Петунья и дядя Вернон переглянулись. Дадли их явно пугал. Молчание прервала Эстия Джонс.

– Но... ведь вы же знаете, куда направится ваш племянник? – с изумлённым видом спросила она.

– Конечно, знаем, – ответил дядя Вернон. – Он уйдёт с кем-то из вашей шатии, так? Ладно, Дадли, пошли в машину, ты слышал этого человека, мы спешим.

Вновь дядя Вернон промаршировал до входной двери, и вновь Дадли за ним не пошёл.

– Уйдёт с кем-то из *нашей шатии*?

Эстия явно чувствовала себя оскорблённой. Такую реакцию Гарри уже встречал: ведьмы и колдуны были просто парализованы, узнав, насколько мало знаменитый Гарри Поттер интересуется его ближайших родственников.

– Всё нормально, – заверил её Гарри. – Это не имеет значения, честное слово.

– Не имеет значения? – повторила Эстия, и её голос пошёл вверх, предвещая бурю. – Эти люди что, не понимают, через что ты прошёл? В какой опасности ты находишься? Какое уникальное место ты занимаешь в сердцах всех, кто борется с Волдемортом?

– Э... не-а, не понимают, – подтвердил Гарри. – Они считают, что *в доме* я занимаю место зря, да, но я привык к...

– Я не считаю, что ты только зря занимаешь место в доме.

Если бы Гарри не видел, как шевелятся губы Дадли, он бы не поверил своим ушам. Поражённый, он смотрел на Дадли в течение нескольких секунд, прежде чем осознал, что да, это именно его кузен произнёс; Дадли, в свою очередь, покраснел. Гарри был смущён и ошеломлён.

– Ну... э... спасибо, Дадли.

Дадли вновь, похоже, боролся с мыслями, слишком неуклюжими, чтобы их можно было выразить, после чего пробормотал:

– Ты спас мне жизнь.

– Не совсем так, – произнёс Гарри. – Твою душу тот дементор забрал бы, да...

Он с любопытством посмотрел на своего кузена. Они практически не общались между собой в это лето, да и в предыдущее тоже, поскольку Гарри приезжал в Бирючинный проезд на очень короткий срок и проводил время в основном у себя в комнате. Сейчас, однако, до Гарри дошло, что чашка холодного чая, на которую он наступил этим утром, возможно, вовсе не была ловушкой. Хотя Гарри был весьма тронут, но в то же время он ощутил облегчение от того, что Дадли явно исчерпал свои возможности по выражению чувств. Открыв рот ещё раз или два, Дадли покраснел ещё больше и замолчал.

Тётя Петуния разрыдалась. Эстия Джонс кинула на неё одобрителный взгляд, сменившийся на оскорблённый, когда тётя Петуния бросилась вперёд и обняла Дадли, а не Гарри.

– А... ах ты мой хороший, Даддерс... – всхлипывала она на его широкой груди, – М-мой милый м-мальчик, с-сказал спасибо...

– Но он вовсе не сказал спасибо! – неодобрительно воскликнула Эстия. – Он только сказал, что Гарри не просто занимал место в доме!

– Да, но от Дадли это всё равно что «я тебя люблю», – ответил Гарри, разрываясь между раздражением и желанием рассмеяться, глядя, как тётя Петуния продолжала стискивать в объятиях Дадли, словно он только что вытащил Гарри из горящего здания.

– Так мы идём или нет? – взревел дядя Вернон, в очередной раз появляясь в дверях гостиной. – Мне казалось, что у нас плотный график!

– Да – да, так и есть! – Дедалус Диггл всё это время наблюдал за происходящим с весьма озадаченным видом, но после слов дяди Вернона явно взял себя в руки. – Нам действительно уже пора. Гарри... – он бросился вперёд и пожал Гарри руку двумя своими. – ...Удачи. Я надеюсь, мы ещё встретимся. Все надежды магического мира на тебя.

– О, – ответил Гарри. – Ага. Спасибо.

– Прощай, Гарри, – Эстия тоже пожала ему руку. – Наши мысли будут всегда с тобой.

– Надеюсь, всё будет хорошо, – сказал Гарри, глянув на тётю Петунию и Дадли.

– О, я уверен, что мы в конце концов станем друзьями не разлей вода, – весело произнёс Дедалус, взмахнув шляпой и покинув комнату. Эстия последовала за ним.

Дадли мягко освободился от объятий матери и подошёл к Гарри, который подавил возникшее у него желание припугнуть его магией. Затем Дадли протянул ему свою огромную розовую руку.

– Чёрт возьми, Дадли, – сказал Гарри на фоне возобновившихся всхлипов тёти Петунии, – неужто дементоры сделали из тебя другого человека?

– Нинаю, – пробормотал Дадли. – До свидания, Гарри.

– Ага, – Гарри протянул свою руку и обменялся с Дадли рукопожатием. – Может, увидимся ещё. Береги себя, Большой Ди.

Дадли почти удалось улыбнуться, после чего он неуклюже выбрался из комнаты. Гарри слышал его тяжёлые шаги по гравийной дорожке, затем хлопнула дверь автомобиля.

Тётя Петунья, чьё лицо было погружено в носовой платок, при этом звуке огляделась. Похоже, она совсем не ожидала остаться наедине с Гарри. Пospешно запихнув мокрый носовой платок в карман, она сказала: «Ну – пока» – и зашагала к двери, не глядя на него.

– Пока, – ответил Гарри.

Тётя Петунья остановилась и оглянулась. Какое-то мгновение Гарри испытывал необычное чувство, что она хочет ему что-то сказать: она окинула его странным, неуверенным взглядом, и, казалось, слова вот-вот сорвутся с её губ, – но затем, чуть дёрнув головой, она поспешила прочь из комнаты вслед за мужем и сыном.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

СЕМЬ ПОТТЕРОВ

Гарри взбежал обратно в свою спальню и добрался до окна как раз вовремя, чтобы увидеть, как машина Дёрзли выворачивает с подъездной дорожки и едет прочь по улице. Цилиндр Дедалуса был отчётливо виден на заднем сиденье, между головами тёти Петунии и Дадли. Доехав до конца Бирючинного проезда, машина свернула вправо, её окна взблеснули алым, отразив свет садящегося солнца, и она исчезла.

Гарри взял клетку Хэвиг, свой «Всполох» и рюкзак, внимательно окинул последним взглядом ставшую неестественно чистой спальню и начал медленно и осторожно спускаться вниз в прихожую, где и разместил клетку, помело¹³ и рюкзак у подножия лестницы. Стремительно темнело, вся прихожая погрузилась в сумеречные тени. Это было очень странное ощущение – стоять здесь в полной тишине и знать, что скоро он покинет этот дом в последний раз. Давным-давно, когда Дёрзли оставляли Гарри дома одного, уезжая развлекаться, часы одиночества были редкой радостью: задержавшись только для того, чтобы свистнуть что-нибудь вкусненькое из холодильника, он мчался наверх поиграть на компьютере Дадли или включал телевизор и щёлкал каналы в поисках чего-нибудь интересного. Сейчас, вспоминая эти случаи, он испытывал странное ощущение пустоты; он словно вспоминал младшего брата, которого больше нет.

– Не хочешь последний раз глянуть на этот дом? – спросил Гарри у Хэвиг, по-прежнему обиженно прячущей голову под крыло. – Мы никогда больше сюда не вернёмся. Ты не хочешь вспомнить всё хорошее, что было? Я имею в виду, глянь на этот коврик у двери. Какие воспоминания... Дадли на него вырывало после того, как я спас его от дементоров... Оказалось, что он таки способен испытывать благодарность, представляешь?.. А прошлым летом Дамблдор вошёл через вон ту дверь...

На мгновение Гарри потерял нить своих мыслей, а Хэвиг совершенно не стремилась помочь ему вновь её найти, упорно пряча голову под крылом. Гарри отвернулся от входной двери.

– А вот здесь, Хэвиг, – Гарри открыл дверцу под лестницей, – я раньше спал! Ты меня ещё и не знала тогда – чёрт, как тут тесно, я и забыл уже...

Гарри оглядел выставку туфель и зонтов, припоминая, как он раньше просыпался каждое утро, глядя на нижнюю сторону лестничных ступенек, частенько украшенную одним-двумя пауками. В те дни он ничего ещё не знал о своей истинной сущности; ещё не знал, как именно погибли его родители и почему вокруг него всё время происходят всякие странные вещи. Но Гарри помнил, какие сны его преследовали, даже в те дни: непонятные сны, в которых мелькали вспышки зелёного света, а один раз – дядя Вернон чуть не разбил свою машину, когда Гарри об этом рассказал, – летающий мотоцикл...

¹³ Роулинг использует два слова: broom (метла) и broomstick (помело). Я стараюсь придерживаться этих вариантов в соответствии с авторским написанием.

Где-то поблизости вдруг раздался оглушительный рёв. Гарри резко выпрямился и стукнулся головой о низкую притолоку. Задержавшись лишь для того, чтобы выпустить в воздух несколько любимейших ругательств дяди Вернона, он выбрался обратно на кухню, держась рукой за голову, и глянул через окно в тёмный сад.

Темнота словно пошла волнами, воздух начал дрожать. Затем, одна за другой, в поле зрения начали появляться фигуры людей, по мере того как прекращали действовать их Образумные чары. Большую часть сцены занимал Хагрид, щеголявший шлемом и очками и восседавший на громадном мотоцикле с чёрной коляской. Вокруг него прочие прибывшие слезали с мётел, а двое – со скелетоподобных чернокрылых лошадей.

Распахнув заднюю дверь, Гарри поспешил к толпе. Со всех сторон раздались приветственные крики; Гермиона его обняла, Рон хлопнул по спине, а Хагрид воскликнул:

– Всё нормуль, Гарри? Готов отвалить?

– Абсолютно, – ответил Гарри, радостно глядя на них всех. – Но я не ожидал, что вас будет так много!

– План поменялся, – проворчал Безумный Глаз, держа в руках два огромных баула; его магический глаз безумно вращался, глядя то в темнеющее небо, то на дом, то на сад. – Давай уберёмся внутри, а потом уж посвятим тебя в детали.

Гарри отвёл прибывших обратно на кухню, где они все, смеясь и болтая, устроились на стульях, расселись на сверкающих кухонных столах тёти Петунии или прислонились к девственно чистой кухонной технике: долговязый Рон; Гермиона, густые волосы которой были заплетены в длинную косу; Фред и Джордж, ухмыляющиеся идентичными улыбками; Билл, длинноволосый и исчёрканный шрамами; мистер Уизли, лысоватый, с добрым лицом и чуть криво сидящими очками; Безумный Глаз, потрёпанный в боях, одноногий, с ярко-синим магическим глазом, бешено крутящимся в глазнице; Тонкс, чьи короткие волосы были её любимого ярко-розового цвета; Люпин, ещё более седой и испещрённый морщинами, чем раньше; Флер, грациозная и прекрасная, со своей длинной серебристо-белой гривой волос; Кингсли, безволосый, чернокожий и широкоплечий; Хагрид, со своими неухоженными волосами и бородой, горбящийся, чтобы не удариться головой о потолок; и Мундунгус Флетчер, маленький, грязный и печальный, с унылыми глазами бассет-хаунда и спутанными волосами. При взгляде на них, сердце Гарри, казалось, было готово вот-вот вырваться из груди и засиять; он любил их всех, даже Мундунгуса, которого пытался придушить при их последней встрече.

– Кингсли, я думал, ты приглядываешь за магловским премьер-министром? – спросил он через всю комнату.

– Одну ночь он и без меня проживёт, – ответил Кингсли. – Ты важнее.

– Гарри, смотри что покажу! – похвасталась Тонкс, примостившаяся на посудомоечной машине, и помахала ему левой рукой; на пальце блеснуло кольцо.

– Вы поженились? – вскричал Гарри, переводя взгляд с неё на Люпина.

– Извини, что мы тебя не пригласили, Гарри, это было очень тихое мероприятие.

– Это просто здорово, поздра-...

– Так, хватит, хватит, у нас ещё будет время для милого уютного обмена новостями! – прокричал Муди сквозь общий гомон, и в кухне мгновенно установилась тишина. Муди уронил к своим ногам баулы и повернулся к Гарри. – Как Дедалус, вероятно, сказал тебе, нам придётся отставить план А. Пиус Тикнесс ушёл к ним, и это создало нам большую проблему. Он постановил, что всякая попытка подключить этот дом к сети летучего пороха, поместить сюда портключ, а также аппарировать сюда или отсюда – преступление, караемое тюрьмой. Всё, разумеется, ради твоей безопасности, чтобы не дать Сам-Знаешь-Кому пробраться сюда к тебе. Абсолютно бессмысленно, учитывая, что чары твоей матери и так прекрасно решают проблему. Реально он это сделал, чтобы ты не смог отсюда безопасно уйти. И вторая проблема: ты несовершеннолетний, а это значит, что на тебе до сих пор Метка.

– Я не...

– Метка, Метка! – с нетерпением в голосе повторил Безумный Глаз. – Чары, которые детектируют магическую активность поблизости от тех, кому ещё нет семнадцати, именно так Министерство узнаёт о магии, творимой несовершеннолетними! Если ты или кто-то рядом с тобой сотворит заклинание, чтобы увести тебя отсюда, Тикнесс тут же об этом узнает, а значит, и Пожиратели Смерти тоже.

Мы не можем ждать, пока Метка разрушится, потому что в момент твоего семнадцатилетия ты потеряешь всю защиту, которую дала тебе твоя мать. Короче: Пиус Тикнесс уверен, что загнал тебя в угол надёжно и качественно.

Гарри мысленно не мог не согласиться с незнакомым ему Тикнессом.

– Тогда что же мы будем делать?

– Мы используем те способы передвижения, которые у нас остались, те, которые не засечёт твоя Метка, потому что для их использования не надо творить заклинаний: мётлы, тестралов и мотоцикл Хагрида.

Гарри нашёл этот план небезупречным; однако он придержал язык, давая Безумному Глазу возможность договорить.

– Значит, так. Чары твоей матери будут сняты при выполнении двух условий: когда ты станешь совершеннолетним, либо, – Муди обвёл жестом уютную кухню, – когда ты перестанешь считать это место своим домом. Ты и твои дядя с тётей сегодня ночью отправляетесь разными путями, полностью осознавая, что вы никогда больше не будете жить вместе, так?

Гарри кивнул.

– Стало быть, на этот раз, когда ты отсюда уйдёшь, пути назад уже не будет, и чары рухнут в тот момент, когда ты покинешь радиус их действия. Мы выбрали вариант, при котором они будут сняты пораньше, поскольку альтернатива – подождать, когда Сам-Знаешь-Кто придёт и спаает тебя в ту же секунду, когда тебе исполнится семнадцать.

Наше единственное преимущество в том, что Сам-Знаешь-Кто не знает, что мы увозим тебя сегодня. В Министерстве мы оставили ложный след: они уверены, что ты не уйдёшь до тридцатого. Однако, поскольку мы имеем дело не с кем-нибудь, а с Сам-Знаешь-Кем, мы не можем полагаться лишь на то, что он перепутает даты; он наверняка отрядил пару Пожирателей Смерти патрулировать небеса в этом районе, чисто на всякий случай. Поэтому

мы выбрали дюжину разных домов и обеспечили их всеми защитными мерами, какими могли. Все они выглядят так, как будто именно там мы собираемся тебя укрывать, все они каким-то образом связаны с Орденом: мой дом, дом Кингсли, Моллиной тётюшки Мюриэл – в общем, ты понял идею.

– Ага, – кивнул Гарри, хотя при этом он был не вполне правдив – он всё ещё видел в этом плане огромную зияющую дыру.

– Ты пойдёшь в дом родителей Тонкс. Как только ты окажешься в пределах защитных заклятий, которые мы на него наложили, ты сможешь воспользоваться портключом в Нору. Вопросы есть?

– Э... да. Может, они сразу и не узнают, в какой из двенадцати безопасных домов я направляюсь, но не станет ли это... вроде как очевидным... если, – он быстро подсчитал по головам присутствующих, – все четырнадцать из нас полетят к дому родителей Тонкс?

– А, – ответил Муди. – Я забыл упомянуть основной момент. Все четырнадцать из нас вовсе не полетят к дому родителей Тонкс. Этой ночью в небо отправятся семь Гарри Поттеров, каждый из них в сопровождении спутника, и каждый полетит в своё отдельное убежище.

С этими словами Муди извлёк из своего плаща фляжку, наполненную чем-то вроде грязи. Более ничего говорить не потребовалось: остальную часть плана Гарри понял мгновенно.

– Нет! – громко воскликнул он, и его голос разнёсся по кухне. – Только не так!

– Я им сразу сказала, что тебе это не понравится, – с оттенком самодовольства произнесла Гермиона.

– Если вы думаете, что я позволю шести людям рисковать жизнью!..

– ...поскольку для нас всех это впервые, – встрял Рон.

– Это же совсем другое дело – изображать меня...

– Ну, знаешь, на самом деле никому из нас это особо не по душе, – серьёзным голосом заверил Фред. – Ты только представь: вдруг что-то пойдёт не так, и мы навсегда останемся такими вот мелкими тощими прыщами.

Гарри не улыбнулся.

– Вы не сможете это сделать, если я не согласен, вам нужно, чтобы я дал вам несколько волос.

– Мда, это рушит весь план, – покачал головой Джордж. – Конечно, если ты не согласен, заполучить твои волосы у нас никаких шансов.

– Ага, тринадцать человек против одного типа, который не может применять магию; точно без шансов, – добавил Фред.

– Очень смешно, – отрезал Гарри. – Я просто в восторге.

– Если придётся применить силу – применим, – проворчал Муди; его магический глаз слегка подрагивал в глазнице, уставившись на Гарри. – Здесь все совершеннолетние, Поттер, и все готовы рискнуть.

Мундунгус содрогнулся и скорчил гримасу; магический глаз резко развернулся и уставился на него сквозь висок Муди.

– Прекращаем спорить. Время выходит. Мне нужно несколько твоих волос, парень. Быстро.

– Но это же безумие, совсем необязательно...

– Необязательно! – прорычал Муди. – Когда там снаружи Сам-Знаешь-Кто и с ним половина Министерства? Поттер, если нам повезло, он проглотил нашу наживку и будет поджидать тебя в засаде тридцатого, но он был бы просто психом, если бы не оставил одного или двух Пожирателей Смерти в качестве наблюдателей; я бы именно так и сделал. Они, может, и не в состоянии добраться до тебя в этом доме, пока держатся чары твоей матери, но чары вот-вот рухнут, и им известно примерное расположение дома. Наш единственный шанс – отвлечь их приманкой. Даже Сам-Знаешь-Кто не может разделить себя на семь частей.

Гарри поймал взгляд Гермионы и тотчас отвернулся.

– Итак, Поттер – несколько твоих волос, будь так любезен.

Гарри глянул на Рона; на лице у того было написано «просто сделай и не парься».

– Быстро! – рыкнул Муди.

Ощущая на себе взоры всех присутствующих, Гарри потянулся к своей макушке, ухватил прядь волос и дёрнул.

– Отлично, – Муди захромал вперёд, вытаскивая пробку из фляги с зельем. – Сюда, пожалуйста.

Гарри уронил волосы в грязеподобную жижу. Едва они коснулись поверхности, как зелье начало бурлить и дымиться, после чего внезапно приобрело чистый ярко-золотой цвет.

– Оо, а ты на вид куда вкуснее, что Крэбб и Гойл, Гарри! – воскликнула Гермиона; увидев удивлённо приподнятые брови Рона, она слегка покраснела и добавила: – Ох, ну ты же знаешь, о чём я: зелье Гойла было похоже на сопли.

– Так, значит, фальшивые Поттеры – сюда, в линию, пожалуйста, – скомандовал Муди.

Рон, Гермиона, Фред, Джордж и Флер выстроились перед сверкающей раковиной тётки Петунии.

– Нам одного недостаёт, – отметил Люпин.

– Вот, – буркнул Хагрид, подняв за воротник Мундунгуса и уронив его рядом с Флер; та демонстративно сморщила нос и отодвинулась, встав между Фредом и Джорджем.

– Я ж грю, я б лучше защитником был, – сказал Мундунгус.

– Заткнись, – проворчал Муди. – Как я уже говорил, ты, бесхребетный червяк, любой Пожиратель Смерти, на которого мы наткнёмся, будет стараться захватить Поттера, не убить его. Дамблдор всегда говорил, что Сам-Знаешь-Кто хочет прикончить Поттера лично. Именно о защитниках и надо будет в основном волноваться, Пожиратели Смерти попытаются их убить.

Мундунгуса, судя по его виду, это не вполне убедило, но Муди уже извлёк из своего плаща полдюжины бокалов размером с яйцо и раздавал их всей шестёрке. Потом он вылил в каждый бокал небольшое количество Многосущного зелья.

– Ну, все вместе...

Рон, Гермиона, Фред, Джордж, Флер и Мундунгус разом выпили. Все тут же начали ловить ртом воздух и строить гримасы, едва зелье попало им в глотки. Тотчас их черты лица

начали пузыриться и искажаться, словно горячий воск. Гермиона и Мундунгус вытягивались вверх; Рон, Фред и Джордж уменьшались; их волосы темнели, волосы Гермионы и Флер словно втягивались в черепа.

Муди с совершенно невозмутимым видом уже развязывал баулы, принесённые им с собой; когда он выпрямился, перед ним тяжело дышали шесть Гарри Поттеров.

Фред и Джордж повернулись друг к другу и хором воскликнули:

– Ух ты – мы одинаковые!

– Хотя я не уверен, думаю, я по-прежнему лучше выгляжу, – добавил Фред, изучая своё отражение в чайнике.

– Брр, – фыркнула Флер, посмотрев на себя в дверцу микроволновки. – Билль, не смотри на меня, я выгляжу ужасно.

– Кому одежда стала великовата – у меня тут есть поменьше, – объявил Муди, показывая на первый баул, – и наоборот. Не забудьте про очки, там в боковом кармане лежат шесть пар. А когда оденетесь – во втором бауле багаж.

Настоящий Гарри подумал, что это, возможно, самое причудливое зрелище, какое он когда-либо видел, а ему доводилось видеть массу чрезвычайно странных вещей. Он наблюдал, как шесть его двойников роются в баулах, вытаскивают комплекты одежды, надевают очки, засовывают обратно свои собственные вещи. Гарри захотелось попросить их проявить большее уважение к его личной жизни, когда они начали бессовестно раздеваться на глазах у всех, явно с большей легкостью демонстрируя всем его тело, чем демонстрировали бы своё собственное.

– Я так и знал, что Джинни врёт про эту татуировку, – сказал Рон, глянув на свою голую грудь.

– Гарри, у тебя действительно ужасное зрение, – заметила Гермиона, едва надев очки.

Одевшись, фальшивые Гарри взяли из второго баула рюкзаки и клетки, в каждой из которых лежало чучело полярной совы.

– Отлично, – произнёс Муди, когда на него смотрело семь одетых, очкастых и нагруженных вещами Гарри. – Разделяемся на пары таким образом: Мундунгус будет со мной, на моей метле...

– Чё эт я с тобой? – буркнул ближайший к задней двери Гарри.

– Потому что за тобой надо присматривать, – проворчал в ответ Муди, и действительно, его магический глаз неотрывно уставился на Мундунгуса. – Артур и Фред...

– Я Джордж, – откликнулся близнец, на которого указал Муди. – Неужели ты не можешь нас различить, даже когда мы Гарри?

– Извини, Джордж...

– Я просто подкалываю, я на самом деле Фред...

– Хватит путаться под ногами! – зарычал Муди. – Второй – Джордж, или Фред, или как тебя там – ты с Римусом. Мисс Делакур...

– Я возьму Флер на своего тестрала, – вмешался Билл. – Она не очень-то любит метлы.

Флер подошла к нему и встала рядом, одарив его слащавым, преданным взглядом; Гарри от всего сердца понадеялся, что на его лице такого взгляда не будет больше никогда.

– Мисс Грейнджер с Кингсли, снова на тестрале...

Кингсли улыбнулся Гермионе, та с облегчением улыбнулась в ответ; Гарри знал, что Гермиона тоже не очень уверенно чувствует себя на помеле.

– И это значит, ты со мной, Рон! – весело воскликнула Тонкс и помахала ему рукой, сбив при этом подставку для кружек.

Рон выглядел не столь довольным, как Гермиона.

– А ты со мной, Гарри. Лады? – с несколько обеспокоенным видом сказал Хагрид. – Мы бум на мотоцикле, метлы и тестралы моего весу не держат, вишь ли. Правда, там на седле не очень много места будет, када я сяду, так шо те придётся в коляску.

– Это круто, – заверил его Гарри, правда, не вполне откровенно.

– Мы считаем, что Пожиратели Смерти ожидают увидеть тебя на метле, – произнёс Муди, угадав, судя по всему, какие чувства Гарри сейчас испытывает. – У Снейпа было полно времени, чтобы рассказать им о тебе всё, чего он не упоминал раньше, так что если мы таки влетим в Пожирателей Смерти, мы делаем ставку на то, что они выберут того из Поттеров, который будет на метле как дома. Ну ладно, – продолжил он, завязывая баулы с одеждой фальшивых Поттеров и направляясь обратно к двери. – У нас три минуты до отправления. Не нужно запирать заднюю дверь, это всё равно не остановит Пожирателей Смерти, когда они придут посмотреть... Идёмте...

Гарри поспешил в прихожую, чтобы подобрать свой рюкзак, «Всполох» и клетку Хэдвиг, после чего присоединился к остальным во тьме заднего сада. Повсюду вокруг него в руки людей прыгали помелья; Кингсли уже посадил Гермиону на огромного чёрного тестрала, Билл – Флер на другого. Хагрид, надев очки, стоял наготове рядом с мотоциклом.

– Это он и есть? Мотоцикл Сириуса?

– Он самый, – улыбнувшись Гарри, ответил Хагрид. – И последний раз, када ты на нём ехал, я мог уместить тя в ладони!

Гарри не мог не чувствовать себя несколько униженно, забравшись в коляску мотоцикла. Теперь он находился на несколько футов ниже всех остальных; Рон ухмыльнулся при виде Гарри, сидящего в коляске, словно в машинке на аттракционе. Гарри засунул себе под ноги рюкзак и помело и воткнул клетку Хэдвиг между колен. Это было чрезвычайно неудобно.

– Артур тут кой-чего улучшил, – сказал Хагрид, не обращая ни малейшего внимания на неудобство Гарри. Он устроился в седле мотоцикла; тот слегка скрипнул и погрузился на несколько дюймов в землю. – Ща у него на руле несколько интересных штуковин. Вот эта – моя идея, – с этими словами он указал на фиолетовую кнопку рядом со спидометром.

– Пожалуйста, осторожнее, Хагрид, – попросил мистер Уизли, стоящий рядом с ними с помелом в руках. – Я по-прежнему не уверен, что это стоит использовать, и уж во всяком случае – только при чрезвычайных обстоятельствах.

– Ну ладно, – объявил Муди. – Всем приготовиться; я хочу, чтобы все отбыли в точности в одно и то же время, иначе весь смысл нашего отвлечения будет потерян.

Все оседлали свои метлы.

– Ну, держись, Рон, – заявила Тонкс, и Гарри заметил, как Рон исподтишка кинул на Люпина виноватый взгляд, кладя обе руки ей на талию. Хагрид пинком ноги пробудил мотоцикл к жизни; тот взревел, словно дракон, и коляска начала вибрировать.

– Ну, всем удачи! – прокричал Муди. – Увидимся примерно через час в Норе. По счёту три. Раз... два... ТРИ.

Мотоцикл взревел ещё громче, и Гарри ощутил, как его коляску неприятно дёрнуло: он с огромной скоростью взмывал в воздух, глаза его немного слезились, волосы откинуло с лица назад. Мётлы вокруг него также взлетали вверх; рядом мелькнул длинный чёрный хвост тестрала. Гаррины ноги, прижатые к стенкам коляски клеткой Хэдвиг и рюкзаком, уже болели и начали затекать. Ему было настолько неудобно, что он чуть не забыл кинуть прощальный взгляд на дом четыре по Бирючинному проезду; к тому моменту, как он выглянул из коляски, он уже не мог различить, который из домов тот самый. Они поднимались всё выше и выше в небо...

И тут, словно из ниоткуда, из ничего – их окружили. Не меньше тридцати закутанных в плащи с капюшонами фигур висели в воздухе, образуя огромное кольцо, в середине которого поднимались члены Ордена, не подозревая пока...

С обеих сторон от Гарри раздались вскрики, мелькнули вспышки зелёного света; Хагрид взвыл, и мотоцикл сделал бочку. Гарри потерял всякое ощущение пространства: уличные фонари над ним, крики вокруг него, он цеплялся за края коляски, как за собственную жизнь. Клетка Хэдвиг, «Всполох» и его рюкзак выскользнули у него из-под ног...

– Нет – ХЭДВИГ!

Помело, вертясь, улетело вниз, но Гарри, хоть и с огромным трудом, удалось ухватиться за лямку рюкзака и за вершину клетки, в то время как мотоцикл вновь перевернулся и принял нормальное положение. Секунда облегчения – и тут же вновь зелёная вспышка; сова надрывно вскрикнула и упала на дно клетки.

– Нет... НЕТ!

Мотоцикл рванулся вперёд; Гарри мельком увидел, как Пожиратели Смерти в своих капюшонах рассыпались в стороны, когда Хагрид прорвался сквозь их кольцо.

– Хэдвиг... Хэдвиг...

Но сова жалкой игрушкой неподвижно лежала на дне клетки. У Гарри это не укладывалось в голове, его затопил страх за остальных. Он оглянулся через плечо и увидел клубящуюся массу людей, вспышки зелёного света, две пары на метлах, улетающие прочь, но он не мог разобрать, кто это был...

– Хагрид, мы должны вернуться, мы должны вернуться! – прокричал он сквозь громовой рёв двигателя, вытаскивая волшебную палочку и втыкая клетку Хэдвиг в пол, всё ещё отказываясь верить, что она погибла. – Хагрид, ПОВОРАЧИВАЙ НАЗАД!

– Моя задача – тя отсюда вытащить в безопасность, Гарри! – проревел в ответ Хагрид и дал полный газ.

– Стой... СТОЙ! – крикнул Гарри. Но как раз в тот момент, когда он снова обернулся, два зелёных луча промелькнули рядом с его левым ухом: четверо Пожирателей Смерти вырвались из кольца и преследовали их, целясь в широкую спину Хагрида. Хагрид начал

маневрировать, но Пожиратели Смерти не отставали от мотоцикла; в них полетели ещё проклятия, и Гарри пришлось погрузиться в коляску как можно ниже, чтобы его не задело. Извернувшись, он крикнул: «*Stupefy!*», и красный луч вырвался из его собственной палочки, расщепив четвёрку преследователей надвое, когда они разошлись, уворачиваясь от него.

– Держись, Гарри, ща они огребут! – проревел Хагрид, и Гарри посмотрел на него как раз вовремя, чтобы заметить, как Хагрид втопил свой толстый палец в зелёную кнопку рядом с индикатором топлива.

Стена, сплошная кирпичная стена вырвалась из выхлопной трубы. Вывернув шею, Гарри увидел, как она раскрылась во всю длину прямо в воздухе. Трое Пожирателей Смерти отвернули и уклонились от неё, но четвёртому повезло меньше: он исчез из виду, а затем камнем вывалился из-за стены; помело его разлетелось в щепки. Один из остальных приотстал, чтобы его спасти, но тут Хагрид пригнулся к рулю и ещё ускорился, и оба преследователя и летящая в небе стена исчезли из виду.

Ещё убивающие проклятия мелькнули мимо головы Гарри, испущенные палочками двух оставшихся Пожирателей Смерти; они целились в Хагрида. Гарри ответил серией оглушающих заклятий; красное и зелёное столкнулись в воздухе, образовав букет разноцветных искр; Гарри непроизвольно подумал о фейерверке и о магглах внизу, которые не имеют ни малейшего представления о том, что происходит...

– Ща ещё разок, Гарри, держись! – и Хагрид ткнул в другую кнопку. На сей раз из выхлопной трубы вырвалась огромная сеть, но к этому Пожиратели Смерти оказались готовы. Они не только удачно увернулись, но их спутник, замедлившийся, чтобы спасти своего бессознательного приятеля, нагнал их: он внезапно вылутился из темноты, и теперь за мотоциклом гнались трое, посылая в него проклятия.

– Ща я им задам, Гарри, держись крепче! – крикнул Хагрид, и Гарри увидел, как он всей пятернёй ударил по фиолетовой кнопке рядом со спидометром.

Раздался невероятной силы рёв, относительно природы которого невозможно было ошибиться: из выхлопной трубы, словно из пасти дракона, вырвался огонь, раскалённый до сине-белого цвета, и мотоцикл под скрежет металла рванулся вперёд, словно пуля. Гарри увидел, как Пожиратели Смерти свернули и пропали из виду, чтобы избежать смертоносной струи пламени, и одновременно ощутил, как коляска злоево зашаталась: металлические штыри, связывающие её с мотоциклом, треснули от ускорения.

– Всё путём, Гарри! – прокричал Хагрид, откинувшись назад под потоком воздуха; мотоциклом никто не управлял, и коляска начала болтаться в отбрасываемой им воздушной струе.

– Ща я займусь, Гарри, не волнуйся! – и Хагрид вытащил из кармана куртки свой розовый в цветочек зонт.

– Хагрид! Нет! Лучше я!

– *REPARO!*

Раздался оглушительный треск, и коляска окончательно отвалилась; Гарри полетел вперёд, влекомый инерцией летящего мотоцикла, затем коляска стала терять высоту...

В отчаянии Гарри указал волшебной палочкой на коляску и крикнул: «*Wingardium Leviosa!*»

Коляска взмыла вверх, как пробка из бутылки, неуправляемая, но, по крайней мере, держащаяся в воздухе; облегчение его, однако, длилось лишь долю секунды, ибо мимо него тотчас пролетела новая порция проклятий: трио Пожирателей Смерти снова приближалось.

– Я иду, Гарри! – заорал Хагрид откуда-то из темноты, но Гарри ощутил, что коляска вновь начинает опускаться; пригнувшись так низко, как только мог, он указал в середину приближающихся фигур и крикнул: «*Impedimenta!*»

Сглаз угодил среднему Пожирателю Смерти точно в грудь: какое-то мгновение человек висел в воздухе, неестественно раскинув руки, словно он врезался в невидимый барьер; один из его приятелей едва не столкнулся с ним...

Тут коляска начала падать уже всерьёз, а последний Пожиратель Смерти послал проклятие столь близко к Гарри, что ему пришлось пригнуться под край коляски, и, ударившись об обод, он выбил себе зуб...

– Я иду, Гарри, я иду!

Огромная рука ухватила Гарри за мантию в районе спины и выдернула его из пикирующей коляски; Гарри потянул за собой рюкзак и влез на мотоцикл, оказавшись на сиденье спиной к спине с Хагридом. Когда они взмыли вверх, прочь от двух оставшихся Пожирателей Смерти, Гарри выплюнул кровь изо рта, нацелил волшебную палочку на падающую коляску и прокричал: «*Confingo!*»

Он ощутил сильнейшую, выворачивающую внутренности наизнанку боль по Хэдвиг, когда коляска взорвалась; ближайшего к ней Пожирателя Смерти снесло с метлы, и он пропал из виду; его спутник сбросил скорость и исчез.

– Гарри, прости, прости, – простонал Хагрид. – Зря я пытался эт сам сделать... и ща у тя совсем места нет...

– Это не проблема, летим дальше! – прокричал Гарри в ответ, увидев, как ещё два Пожирателей Смерти вынырнули из темноты и начали приближаться.

Когда проклятия вновь полетели сквозь разделяющее их пространство, Хагрид опять пошёл зигзагами: Гарри понял, что из-за его слишком ненадёжной посадки Хагрид не решается вновь применить драконий огонь. Гарри посылал в сторону преследователей одно оглушающее заклятье за другим, но этим лишь удерживал их на расстоянии. Он направил очередной блокирующий сглаз; ближайший Пожиратель Смерти рванул в сторону, чтобы увернуться, и его капюшон соскользнул; в красном свете своего следующего оглушающего заклятья Гарри увидел неестественно пустое лицо Стэнли Шанпайка – Стэна...

– *Expelliarmus!* – вскричал Гарри.

– Это он, это он, настоящий!

Крик оставшегося в капюшоне Пожирателя Смерти донёсся до Гарри, перекрыв даже рёв двигателя мотоцикла; в следующее мгновение оба преследователя резко отстали и пропали из виду.

– Гарри, чё случилось? – проорал Хагрид. – Куда они делись?

– Не знаю!

Но Гарри был напуган: Пожиратель Смерти в капюшоне крикнул «это он, настоящий», как он догадался? Он оглядел окружающее их пустое на вид тёмное пространство и ощутил разлитую в нём угрозу. Где они находятся?

Он не без труда развернулся на сиденье туловищем вперёд и вцепился Хагриду в спину.

– Хагрид, сделай снова эту штуку с драконьим огнём, давай убираться отсюда!

– Ну тада держись крепче, Гарри!

Вновь послышался оглушающий рёв и клекот, и из выхлопной трубы вырвался синеватый огонь; Гарри ощутил, что сползает с того маленького кусочка сиденья, который был в его распоряжении, Хагрида отбросило назад, прямо на него, он с трудом удерживал руль...

– Кажись, мы их скинули, Гарри, кажись, нам удалось! – крикнул Хагрид.

Но Гарри не был в этом так уверен; страх мягкой лапой касался его, когда он вертел головой по сторонам, высматривая преследователей, которые, он не сомневался, вот-вот должны были появиться... Почему они отстали? У одного из них по-прежнему была палочка... *Это он, настоящий...* Они это сказали сразу после того, как он попытался обезоружить Стэна...

– Мы почти на месте, Гарри, мы почти добрались! – прокричал Хагрид.

Гарри почувствовал, как мотоцикл немного снизился, хотя огни внизу по-прежнему казались далёкими, будто звёзды.

Затем шрам у него на лбу словно вспыхнул огнём; в тот самый момент, когда по обе стороны мотоцикла появилось по Пожирателю Смерти, два убивающих проклятия, пущенные сзади, прошли в миллиметре от головы Гарри...

И тут Гарри увидел его. Волдеморт летел, подобно облаку дыма на ветру, не поддерживаемый ни помелом, ни тестралом, его змееподобное лицо белело из темноты, белые пальцы вновь поднимали палочку...

Хагрид испустил полный страха вопль и направил мотоцикл в отвесное пики. Насмерть вцепившись в мотоцикл, Гарри пускал оглушающие заклятья в вертящуюся вокруг него ночь наугад, не глядя. Он увидел пролетающее мимо него тело и понял, что попал в кого-то, но тут же раздался хлопок, и он увидел искры, летящие от мотора, и мотоцикл камнем полетел вниз, совершенно неуправляемый...

Мимо них снова мелькнули вспышки зелёного света. Гарри не имел ни малейшего представления, в какой стороне верх, в какой низ; шрам его по-прежнему пылал; он понял, что может умереть в любую секунду. Закутанная фигура на помеле была в считанных футах от него, он увидел, как она подняла руку...

– НЕТ!

Издав яростный вопль, Хагрид катапультировал себя с мотоцикла прямо на Пожирателя Смерти; к своему ужасу, Гарри увидел, как они оба, и Хагрид, и Пожиратель Смерти, рухнули вниз и пропали из виду – их общий вес оказался слишком велик для помела...

Едва удерживая падающий мотоцикл коленями, Гарри услышал, как Волдеморт прокричал: «*Мой!*»

Всё было кончено: Гарри не мог ни увидеть, ни услышать, где был Волдеморт; он мельком увидел, как другой Пожиратель Смерти рванул в сторону, с дороги, и услышал «*Avada...*»

И в тот миг, когда от невыносимой боли в шраме Гарри зажмурил глаза, его палочка сработала сама по себе. Гарри ощутил, как она рванула его руку и повела по дуге, словно какой-то огромный магнит; сквозь неплотно сжатые веки увидел вырвавшуюся из неё струю золотого огня, услышал треск и вопль ярости. Последний Пожиратель Смерти завопил, Волдеморт простонал: «*Нем!*» – и каким-то образом Гарри обнаружил в дюйме от своего носа кнопку драконьего огня и втопил её свободной от волшебной палочки рукой, и мотоцикл вновь испустил пламя, устремившись к земле.

– Хагрид! – закричал Гарри, изо всех сил держась за мотоцикл. – Хагрид! *Accio Хагрид!*

Мотоцикл ещё ускорился, неотвратимо приближаясь к земле. Пригнувшись головой к самому рулю, Гарри не видел ничего, кроме далёких огней, на глазах становящихся близкими; он понял, что вот-вот рухнет и что сделать с этим он ничего не в силах. Позади него послышался новый крик:

– *Твоя палочка, Селвин, дай мне твою палочку!*

Он ощутил Волдеморта прежде, чем увидел его. Глянув в сторону, он уставился прямо в красные глаза и понял, что это последнее, что он видит в жизни: Волдеморта, намеревающегося снова наложить на него проклятие...

И вдруг Волдеморт исчез. Гарри перевёл взгляд вниз и увидел Хагрида, раскинувшего руки и ноги прямо под ним; он дёрнул руль, чтобы не врезаться в Хагрида, зашарил рукой в поисках тормоза – и тут с душераздирающим грохотом мотоцикл рухнул в грязный прудик.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПАВШИЙ ВОИН

– Хагрид?

Гарри с трудом пытался подняться из кучи металлических и кожаных обломков, которые его окружали; когда он попробовал выпрямиться, руки его на несколько дюймов погрузились в грязную воду. Он не понимал, куда делся Волдеморт, и ожидал, что тот в любой момент может вывалиться на него из темноты. Что-то горячее и влажное медленно стекало вниз по его подбородку и лбу. Гарри выполз из прудика и, шатаясь, направился к лежавшей на земле большой тёмной массе – Хагриду.

– Хагрид? Хагрид, ответь что-нибудь!..

Но тёмная масса не шевельнулась.

– Кто здесь? Это Поттер? Вы Гарри Поттер?

Этого мужского голоса Гарри не узнал. Затем послышался крик женщины:

– Они разбились, Тед! Разбились в саду!

У Гарри перед глазами всё поплыло.

– Хагрид, – тупо повторил он, и его колени подломились.

Следующее, что он ощутил, – это что он лежит на спине, на чём-то мягком, судя по всему – на подушках, и что его рёбра и правая рука горят. Выбитый зуб вырос опять. Шрам на лбу по-прежнему болезненно пульсировал.

– Хагрид?

Он открыл глаза и увидел, что лежит на диване в незнакомой, залитой светом лампы гостиной. Его рюкзак, мокрый и грязный, валялся на полу неподалёку. Рядом, обеспокоенно смотря на него, стоял светловолосый пузатый мужчина.

– Хагрид в порядке, сынок, – заверил он. – Моя жена сейчас за ним ухаживает. Как ты себя чувствуешь? Может, ещё что-нибудь сломано? Я подправил тебе рёбра, зуб и руку. Кстати, я Тед, Тед Тонкс – отец Доры.

Гарри рывком сел, но слишком резко: перед глазами замелькали звёздочки, он ощутил тошноту и слабость.

– Волдеморт...

– Спокойно, спокойно, – Тед Тонкс взял Гарри за плечо и подтолкнул его обратно в подушки. – Вы только что здорово разбились. Кстати, что произошло? Что-то не так пошло с мотоциклом? Артур Уизли снова перестарался со своими магловскими штучками-дрючками?

– Нет, – ответил Гарри, и его шрам начал пульсировать подобно открытой ране. – Пожиратели Смерти, целая куча... Они за нами гнались...

– Пожиратели Смерти? – резко переспросил Тед. – В каком смысле, Пожиратели Смерти? Я думал, они не знают, что тебя заберут сегодня, я думал...

– Они знали.

Тед Тонкс глянул на потолок, словно мог разглядеть сквозь него небо.

– Ну что ж, теперь мы знаем, что наши защитные чары работают, э? Они не смогут подойти ближе чем на сотню ярдов к дому, с любой стороны.

Только теперь Гарри понял, почему Волдеморт исчез: это произошло в тот момент, когда мотоцикл пересёк барьер чар Ордена. Ему лишь оставалось надеяться, что это будет работать и дальше: он представил себе Волдеморта, висящего в воздухе в сотне ярдов над ними в это самое время, пытающегося изыскать способ пробить этот, как Гарри себе представил, огромный прозрачный пузырь.

Он спустил ноги с дивана на пол – ему надо было увидеть Хагрида собственными глазами, чтобы он мог поверить, что Хагрид жив. Однако едва он успел встать, как дверь распахнулась, и Хагрид протиснулся сквозь неё, слегка хромающий, с коркой грязи и крови на лице, но непостижимым образом живой.

– Гарри! – опрокинув два хрупких на вид столика и горшок с аспидистрой, он в два шага покрыл разделяющее их расстояние и заключил Гарри в объятие, едва не сломавшее обратно его свежевылеченные рёбра. – Блин, Гарри, как ты оттуда выбрался? Я думал, нам обоим крышка.

– Ага, я тоже. До сих пор не могу поверить...

Гарри резко прервался, едва заметил женщину, вошедшую в комнату вслед за Хагридом.

– Ты! – выкрикнул он, резко запустив руку в карман, но карман оказался пуст.

– Твоя палочка здесь, сынок, – сказал Тед, похлопывая упомянутой палочкой по Гарриной руке. – Она лежала совсем рядом с тобой, я её подобрал. А кричишь ты на мою жену.

– Ох, простите... простите.

Когда миссис Тонкс прошла вперёд, сходство её со своей сестрой Беллатрикс значительно уменьшилось: её волосы были светло-каштановыми, а глаза – больше и добрее. Тем не менее, вид у неё после Гарриного возгласа был слегка высокомерный.

– Что с нашей дочерью? – спросила она. – Хагрид сказал, что вы попали в засаду; где Нимфадора?

– Я не знаю, – ответил Гарри. – Мы не знаем, что случилось с другими.

Она и Тед переглянулись. При виде выражений их лиц Гарри охватила смесь страха и чувства вины; если кто-нибудь из остальных погиб, это была его вина, целиком и полностью его. Он принял этот план, дал им свои волосы...

– Портключ, – произнёс он, внезапно вспомнив эту часть плана. – Мы должны вернуться в Нору и всё выяснить – тогда мы сможем послать вам весточку, или – или Тонкс пойдёт, как только она...

– С Дорой всё будет в порядке, Дромеда, – сказал Тед. – Она знает своё дело, она, когда стала аврором, побывала во многих переделках. Портключ в той комнате, – добавил он, адресуя реплику уже Гарри. – Он должен отправиться через три минуты, если вы его возьмёте.

– Ага, мы возьмём, – кивнул Гарри. Он взял свой рюкзак и закинул себе за плечи. – Я...

Он посмотрел на миссис Тонкс, желая извиниться за то чувство страха, с которым он их оставляет и за которое он ощущал себя в полной мере ответственным, но все слова, приходившие на ум, казались ему пустыми и неискренними.

– Я скажу Тонкс – Доре – чтобы она вам сообщила, когда она... Спасибо вам, что нас залатали, спасибо за всё. Я...

Гарри с облегчением вышел из комнаты и проследовал за Тедом Тонксом через короткий коридор и затем в спальню. Хагрид вошёл за ними, согнувшись в три погибели, чтобы не удариться головой о притолоку.

– Вот, сынок. Это портключ, – мистер Тонкс указал на лежащую на ночном столике маленькую расчёску с серебряной вставкой.

– Спасибо, – произнёс Гарри, протягивая руку, чтобы коснуться её пальцем, готовый к отправлению.

– погоди-ка, – вмешался Хагрид, оглядываясь по сторонам. – Гарри, а где Хэвиг?

– Она... в неё попали, – ответил Гарри.

Осознание обрушилось на него внезапно; глаза обожгло слезами, он ощутил острое чувство стыда. Сова была его спутником, единственным мостом, связывавшим его с магическим миром всякий раз, когда он вынужден был возвращаться к Дёрзли.

Хагрид протянул свою огромную руку и довольно болезненно похлопал Гарри по плечу.

– Ну ничё, – хриплым голосом произнёс он, – ничё... Она прожила отличную долгую жизнь...

– Хагрид! – предостерегающе воскликнул Тед Тонкс, в то время как расчёска засветилась ярко-синим, и Хагрид еле успел коснуться её указательным пальцем.

Гарри ощутил рывок где-то в районе пупка, его словно зацепило невидимым крюком и понесло вперёд; он обрушился в ничто, беспорядочно крутясь и вместе с Хагридом стремительно удаляясь от мистера Тонкса; палец его будто приклеился к портключу; несколько секунд спустя Гаррины ступни врезались в твёрдую землю, и он упал на четвереньки во дворе Норы. Послышались вскрики. Отшвырнув в сторону не сияющую более расчёску, Гарри встал, чуть пошатнувшись, и увидел, как от задней двери к нему мчатся по ступенькам миссис Уизли и Джинни; тем временем Хагрид, также не устоявший на ногах при приземлении, с трудом приводил себя в вертикальное положение.

– Гарри? Ты настоящий Гарри? Что случилось? Где остальные? – кричала миссис Уизли.

– Что вы имеете в виду? Что, больше никого нет? – хватая воздух ртом, выдавил Гарри.

Ответ был написан на побледневшем лице миссис Уизли.

– Пожиратели Смерти нас ждали, – объяснил ей Гарри. – Нас окружили сразу же, как мы взлетели... Они знали, что это будет сегодня ночью... Я не знаю, что стало с остальными. За нами погнались четверо, всё, что мы могли, это убегать, а затем нас нагнал Волдеморт...

Он слышал оправдывающуюся нотку в собственном голосе, мольбу, обращённую к ней, чтобы она поняла, почему он ничего не знает о том, что случилось с её сыновьями, но...

– Слава богу, что ты цел, – проговорила она, принимая Гарри в объятия, которых он, по его мнению, никак не заслуживал.

– У тебя не найдётся малешко бренди, а, Молли? – нетвёрдым голосом поинтересовался Хагрид. – Для медицинских целей?

Она вполне могла призвать бутылку с помощью магии, но вместо этого побежала обратно в покосившийся дом; Гарри догадался, что она хотела спрятать своё лицо. Он повернулся к Джинни, и она тотчас удовлетворила его невысказанную мольбу об информации.

– Рон и Тонкс должны были прибыть первыми, но они опоздали к своему портключу, он вернулся без них, – она указала на ржавую маслёнку, валявшуюся на земле рядом с ними. – А это, – она показала на старый кед, – портключ папы и Фреда, они должны были прийти вторыми. Ты и Хагрид – третья пара, – Джинни глянула на часы, – а Джордж и Люпин, если они успели, вернутся где-то через минуту.

Из дома снова вышла миссис Уизли, неся бутылку бренди, и протянула её Хагриду. Тот открыл её и осушил одним могучим глотком.

– Мама! – крикнула Джинни, показывая на точку в нескольких футах от них.

В темноте вспыхнул голубой огонёк; он становился всё больше и ярче, и вдруг появились вращающиеся Люпин с Джорджем, и тут же оба рухнули на землю. Гарри мгновенно понял, что что-то не так: Люпин поддерживал Джорджа; тот был без сознания, и лицо его было всё в крови.

Гарри бросился вперёд и подхватил Джорджа за ноги. Вместе с Люпином они отнесли его в дом, пронесли через кухню в гостиную и там положили на диван. Когда свет лампы осветил голову Джорджа, Джинни ахнула, и Гарри желудок содрогнулся: у Джорджа не было одного уха. Вся сторона головы и шеи была покрыта влажной, ужасающе алой кровью.

Не успела миссис Уизли склониться над своим сыном, как Люпин ухватил Гарри за плечо и довольно грубо вытащил его обратно в кухню, где Хагрид всё ещё пытался осторожно протащить своё тело сквозь заднюю дверь.

– Эй! – недовольно воскликнул Хагрид. – Отпусти его! Отпусти Гарри!

Люпин его проигнорировал.

– Что за существо сидело в углу в первый раз, когда Гарри Поттер пришёл в мой кабинет в Хогвартсе? – спросил он, слегка встряхнув Гарри. – Отвечай!

– Это... гриндилоу в аквариуме, кажется?

Люпин отпустил Гарри и привалился к кухонному шкафу.

– Эт чё было? – проревел Хагрид.

– Прости, Гарри, но я обязан был проверить, – хрипло произнёс Люпин. – Нас предали. Волдеморт знал, что тебя заберут этой ночью, и сказать ему об этом могли только те, кто был прямо вовлечён в этот план. Ты вполне мог оказаться двойником.

– Ну дык чё ты меня не проверяешь? – выдавил Хагрид, всё ещё никак не в силах справиться с дверью.

– Ты полувеликан, – ответил Люпин, подняв взгляд на Хагрида. – Многосущное зелье рассчитано только на людей.

– Никто из Ордена не сказал Волдеморту, что мы отправляемся сегодня, – заявил Гарри; сама мысль вызвала в нём ужас, он не мог поверить в такое в отношении любого из них. –

Волдеморт догнал меня лишь в самом конце, изначально он не знал, который из нас я. Если бы он был в курсе плана, он бы с самого начала знал, что я – тот, который с Хагридом.

– Волдеморт догнал тебя? – резко переспросил Люпин. – И что произошло? Как вы спаслись?

Гарри кратко объяснил, как Пожиратели Смерти, преследовавшие их, опознали в нём настоящего Гарри, как они прекратили погоню, как они, видимо, призвали Волдеморта, который и появился непосредственно перед тем, как они с Хагридом достигли убежища родителей Тонкс.

– Они тебя опознали? Но как? Что ты сделал?

– Я... – Гарри попытался вспомнить; весь полёт представлялся ему сплошной паникой и неразберихой. – Я увидел Стэна Шанпайка... ну вы знаете, того парня, кондуктора на «Ночном рыцаре»¹⁴? И тогда я попробовал его обезоружить вместо... Ну, то есть он же не понимал, что он делает, так? Наверняка он был под Имперкусом!

Люпин явно был шокирован.

– Гарри, время обезоруживания прошло! Это люди хотят тебя захватить и убить! Хотя бы оглушай, если уж ты не готов убивать!

– Мы были на сотни футов над землёй! Стэн был сам не свой, а если б я его оглушил и он бы упал, он бы погиб точно так же, как если б я применил *Авада Кедavra!* *Экспеллиармус* спас меня от Волдеморта два года назад, – с вызовом в голосе добавил Гарри. Люпин напомнил ему глумливого хафклаффа Захариаса Смита, насмехавшегося над Гарри, когда он собирался обучать Дамблдорову Армию обезоруживанию.

– Да, Гарри, – сдержанность явно далась Люпину нелегко, – и огромное количество Пожирателей Смерти были тому свидетелями! Прости меня, но тогда, под угрозой верной смерти, это был очень нестандартный ход. И повторить его сейчас, прямо перед Пожирателями Смерти, которые это либо видели, либо слышали о первом случае, было практически самоубийством!

– Значит, вы считаете, что я должен был убить Стэна Шанпайка? – гневно спросил Гарри.

– Конечно же, нет, – ответил Люпин. – Но Пожиратели Смерти – да и не только они, большинство людей! – ожидают, что ты будешь отбиваться! *Экспеллиармус* – полезное заклинание, Гарри, но Пожиратели Смерти, похоже, думают, что оно стало твоей личной подписью, и я умоляю тебя сделать всё, чтобы это не стало так на самом деле!

От этих слов Люпина Гарри почувствовал себя полным идиотом, но тем не менее зерно упрямства в нём всё ещё оставалось.

– Я не буду убивать людей только потому, что они стоят на моём пути, – твёрдо произнёс он. – Это метод Волдеморта.

Ответа Люпина он не услышал: Хагриду наконец-то удалось преодолеть дверь, и он нетвёрдым шагом подошёл к ближайшему стулу и сел, после чего стул немедленно развалился. Не обращая внимания на мешанину вырвавшихся у него извинений и обещаний, Гарри снова обратился к Люпину.

¹⁴ Knight Bus. Knight – рыцарь.

– С Джорджем всё будет нормально?

Всё недовольство Люпина поведением Гарри при этом вопросе явно улетучилось.

– Думаю, да, хотя отрастить новое ухо будет без шансов, только не в этом случае, когда его оторвало проклятием...

Снаружи раздался шаркающий звук. Люпин кинулся к задней двери; Гарри перепрыгнул через ноги Хагрида и тоже бросился во двор.

Во дворе появились две фигуры, и Гарри, подбежав к ним, узнал в них Гермиону, как раз возвращающуюся к своему нормальному облику, и Кингсли; оба держались за погнутую вешалку. Гермиона тут же бросилась в объятия Гарри, но Кингсли не выразил радости при виде их. Через плечо Гермионы Гарри увидел, как он поднял волшебную палочку и нацелил её в грудь Люпину.

– Последние слова, которые Дамблдор сказал нам обоим?

– «Гарри – наша главная надежда. Доверяйте ему», – спокойно ответил Люпин.

Кингсли перевёл палочку на Гарри, но Люпин остановил его:

– Это он, я уже проверил!

– Хорошо, хорошо! – сказал Кингсли, убирая волшебную палочку обратно под плащ. – Но кто-то нас предал! Они знали, они знали, что это будет сегодня ночью!

– Похоже, что так, – согласился Люпин, – но, судя по всему, они не ожидали, что Гарри будет семь.

– Небольшое утешение, – фыркнул Кингсли. – Кто ещё вернулся?

– Только Гарри, Хагрид, Джордж и я.

Гермиона слабо вскрикнула, прикрыв рот ладонью.

– Что произошло с вами? – спросил Люпин у Кингсли.

– Погнались пятеро, двоих ранил, возможно, одного убил, – быстро припомнил Кингсли. – И Сам-Знаешь-Кого мы тоже видели, он на полпути присоединился к погоне, но довольно быстро исчез. Римус, он умеет...

– ...летать, – закончил Гарри. – Я тоже его видел, он гнался за нами с Хагридом.

– Вот, значит, куда он делся – погнался за тобой! – сказал Кингсли. – А я не мог понять, почему он исчез. Но что вынудило его сменить цель?

– Гарри немного чересчур мягко обошёлся со Стэном Шанпайком, – объяснил Люпин.

– Со Стэном? – переспросила Гермиона. – Но я думала, он в Азкабане?

Кингсли испустил горький смешок.

– Гермиона, наверняка оттуда был массовый побег, о котором Министерство спокойно молчит. У Трэверса слетел капюшон, когда я его угостил проклятием, он тоже должен был сидеть там. Но что было с тобой, Римус? Где Джордж?

– Он лишился уха, – ответил Люпин.

– Лишился?.. – высоким голосом повторила Гермиона.

– Снейп постарался, – пояснил Люпин.

– Снейп? – вскричал Гарри. – Вы не говорили...

– У него тоже свалился капюшон во время погони. *Сектумсемтра* всегда была его специализацией. Хотел бы я сейчас сказать, что достойно отплатил ему, но после того, как

Джордж был ранен, всё, что я мог, – это удерживать его на метле, он терял слишком много крови.

Пало молчание; все четверо взглянули вверх, в небо. Ни малейшего признака движения не было; звёзды взирали на них сверху вниз, немигающие, равнодушные, не заслоняемые летящими друзьями. Где был Рон? Где были Фред и мистер Уизли? Где были Билл, Флер, Тонкс, Безумный Глаз и Мундунгус?

– Гарри, помоги нам! – хрипло позвал с кухни Хагрид, снова застрявший в двери. Довольный тем, что может что-то сделать, Гарри помог ему высвободиться, после чего прошёл сквозь кухню обратно в гостиную, где миссис Уизли и Джинни всё ещё ухаживали за Джорджем. Миссис Уизли сумела остановить кровь, и в свете лампы Гарри разглядел чистое отверстие в том месте, где раньше у Джорджа было ухо.

– Как он?

Миссис Уизли обернулась и ответила:

– Я не могу заставить ухо отрасти обратно, оно было оторвано Тёмной магией. Но всё могло быть гораздо хуже... Он остался в живых.

– Ага, – ответил Гарри. – Слава богу.

– Мне показалось, кто-то ещё был во дворе? – спросила Джинни.

– Гермiona и Кингсли.

– Слава богу, – прошептала Джинни. Они посмотрели друг на друга; Гарри захотелось обнять её, прижать к себе; его даже не волновало присутствие миссис Уизли, но, прежде чем он успел поддаться импульсу, из кухни послышался громкий треск.

– Я докажу, кто я такой, Кингсли, но не раньше чем увижу своего сына, а теперь ты отстанешь, если догадываешься, что это для тебя полезнее!

Гарри никогда не слышал, чтобы мистер Уизли когда-либо так орал. Он бурей ворвался в гостиную, его лысинка сверкала от пота, очки съехали набок. Фред бежал прямо за ним; оба были бледны, но не ранены.

– Артур! – вскрикнула миссис Уизли. – О, слава богу!

– Как он?

Мистер Уизли упал на колени рядом с Джорджем. Фред явно не находил слов, впервые за всё то время, что Гарри его знал. Он смотрел на рану своего брата через спинку дивана, словно не мог поверить своим глазам.

Вероятно, придя в себя от звуков, изданных прибывшими Фредом и отцом, Джордж шевельнулся.

– Как ты себя чувствуешь, Джордж? – прошептала миссис Уизли.

Пальцы Джорджа напарили дырку на голове.

– Как святой, – пробормотал он.

– Что с ним случилось? – с ужасом в голосе прокаркал Фред. – Ему мозги задело?

– Как святой, – повторил Джордж, открыв глаза и глядя снизу вверх на брата. – Видишь... моя голова теперь священная. *Свищенная*¹⁵, Фред, сечёшь?

¹⁵ Игра слов. В оригинале на первый вопрос Джордж ответил «Saint-like» (как святой), а потом пояснил: «holey». Holy по-английски «святой», holey – «дырявый», произносится практически одинаково.

Миссис Уизли всхлипнула ещё громче. Бледное лицо Фреда вернуло прежний цвет.

– Никчёмно, – сообщил он Джорджу. – Совершенно никчёмно! Из всего огромного набора ушного юмора, какой был в твоём распоряжении, ты выбрал *священную* голову?

– А, кстати, – Джордж ухмыльнулся залитой слезами матери. – Теперь ты сможешь всегда нас различить, мам.

Он огляделся.

– Привет, Гарри – ты же Гарри, да?

– Ага, это я, – ответил Гарри, придвигаясь ближе к дивану.

– Что ж, по крайней мере, мы смогли нормально тебя доставить. А почему Рон и Билл не склонились печально над постелью больного?

– Они пока что не вернулись, Джордж, – сказала миссис Уизли. Ухмылка Джорджа тотчас увяла. Гарри глянул на Джинни и, пододвинувшись к ней, жестом пригласил её вместе с собой наружу. Когда они шли через кухню, Джинни тихо произнесла:

– Рон и Тонкс уже должны были прибыть. Им лететь надо было немного, дом тётушки Мюриэл не так уж далеко отсюда.

Гарри промолчал. Он пытался не дать страху заполнить себя с того момента, как он добрался до Норы, но сейчас страх охватил его всего, он словно полз по коже, стучал в груди, перехватывал горло. Когда Гарри с Джинни спускались по ступеням от задней двери во двор, Джинни взяла его за руку.

Кингсли шагал взад и вперёд, кидая взгляд в небо всякий раз, когда поворачивал. Гарри тут же вспомнил дядю Вернона, бегавшего по гостиной миллион лет назад. Хагрид, Гермиона и Люпин стояли плечом к плечу, в молчании неотрывно глядя вверх. Никто из них не обернулся, когда Гарри и Джинни присоединились к их безмолвной вахте.

Минуты тянулись, превращаясь, казалось, в года. Любое дуновение ветра заставляло их всех подпрыгивать на месте и поворачиваться к зашумевшему кусту или дереву в надежде, что из-под его листьев выскочит кто-то из не вернувшихся пока членов Ордена, целый и невредимый...

И вдруг прямо над ними в воздухе материализовалась метла и тут же устремилась к земле...

– Это они! – вскрикнула Гермиона.

Тонкс приземлилась с огромным заносом, распыряя повсюду комья земли и камешки.

– Римус! – закричала Тонкс, слезая с метлы прямо в объятия Люпина. Его лицо было бледным и застывшим, он был явно не в состоянии говорить. Рон с ошеломлённым видом заковылял навстречу Гарри и Гермионе.

– Вы в порядке, – успел пробормотать он, прежде чем Гермиона налетела на него и крепко обняла.

– Я уж думала... я думала...

– Я намана, – ответил Рон, похлопывая её по спине. – Отлично.

– Рон был крут, – тепло произнесла Тонкс, отпустив Люпина. – Просто супер. Оглушил одного из Пожирателей Смерти, прямо в голову засадил, а когда целишься в движущуюся цель с летящей метлы...

– Правда? – воскликнула Гермiona, не отрывая глаз от Рона и всё ещё обнимая его за шею.

– Как всегда, удивление в голосе, – чуть обиженно заметил он, высвобождаясь из объятий. – Мы последние пришли?

– Нет, – ответила Джинни. – Мы всё ещё ждём Билла с Флер и Безумного Глаза с Мундунгусом. Я пойду скажу маме с папой, что ты в порядке, Рон...

С этими словами она побежала в дом.

– Так что вас задержало? Что случилось? – голос обращающегося к Тонкс Люпина был почти сердитым.

– Беллатрикс, – сказала Тонкс. – Она хочет до меня добраться так же сильно, как до Гарри, Римус, она из всех сил старалась меня убить. Хотелось бы и мне её достать, я Беллатрикс кое-что задолжала. Но мы точно ранили Родольфуса... Затем мы добрались до дома Роновой тётушки Мюриэл, и опоздали к портключу, и она вокруг нас суетилась...

На челюстях Люпина перекатились желваки. Он кивнул, но сказать что-либо, похоже, был не в состоянии.

– Ну а с вами что случилось? – спросила Тонкс, обращаясь к Гарри, Гермионе и Кингсли.

Они пересказывали истории своих полётов, но всё это время отсутствие Билла, Флер, Безумного Глаза и Мундунгуса давило на них, словно слой льда, холодные укусы которого было всё труднее игнорировать.

– Мне пора возвращаться на Даунинг Стрит, я ещё час назад должен был там быть, – произнёс наконец Кингсли, последний раз обежав взглядом небеса. – Дайте мне знать, когда они вернутся.

Люпин кивнул. Помахав остальным рукой, Кингсли зашагал прочь, к воротам и в темноту. Гарри показалось, что он услышал тихий хлопок, означающий, что Кингсли деаппарировал, едва оказался за пределами Норы.

Мистер и миссис Уизли выбежали из дому по ступенькам, за ними Джинни. Мать с отцом обняли Рона, после чего повернулись к Люпину и Тонкс.

– Спасибо вам, – сказала миссис Уизли, – за наших сыновей.

– Не глупи, Молли, – тотчас ответила Тонкс.

– Как Джордж? – поинтересовался Люпин.

– А что с ним? – вскинулся Рон.

– Ему оторвало... – но окончание ответа миссис Уизли потонуло во всеобщем крике: тестрал вынырнул из темноты и приземлился в нескольких футах от них. С его спины соскользнули Билл и Флер, помятые, но невредимые.

– Билл! Слава богу, слава богу!..

Миссис Уизли кинулась вперёд, но Билл обнял её быстро и небрежно. Глядя в глаза своему отцу, он произнёс:

– Безумный Глаз убит.

Все застыли в молчании. Гарри ощутил, как что-то внутри него оборвалось и упало, упало куда-то под землю, ушло из него навсегда.

– Мы это видели, – сказал Билл; Флер кивнула, и в свете, исходящем от кухонного окна, стали видны дорожки слёз на её щеках. – Это случилось сразу же, как мы вырвались из кольца: Безумный Глаз и Дунг¹⁶ были совсем рядом с нами, они тоже летели на север. Волдеморт – кстати, он умеет летать – напал прямо на них. Дунг запаниковал, я слышал его крик, Безумный Глаз попытался остановить его, но он дезаппарировал. И Волдемортово проклятие попало Безумному Глазу точно в лицо, он свалился назад с метлы и... Мы ничего не могли сделать, совсем ничего, у нас самих было их полдюжины на хвосте... – голос Билла задрожал и прервался.

– Вы действительно ничего не могли поделать, – произнёс Люпин.

Они стояли, глядя друг на друга. У Гарри это не укладывалось в голове. Безумный Глаз мёртв; этого просто не могло быть... Безумный Глаз, такой крепкий, такой храбрый, такой умеющий выживать в любой ситуации...

Наконец все разом осознали, хотя никто не произнёс этого вслух, что более ждать во дворе незачем, и в полном молчании они потянулись вслед за мистером и миссис Уизли обратно в Нору, в гостиную, где вместе смеялись о чём-то Фред и Джордж.

– Что случилось? – тут же спросил Фред, едва увидел их лица. – Что произошло? Кто?..

– Безумный Глаз, – уронил мистер Уизли. – Мёртв.

Ухмылки близнецов превратились в ошеломлённые гримасы. Все явно не представляли, что делать дальше. Тонкс беззвучно плакала в платок: Гарри знал, что она поддерживала близкие отношения с Безумным Глазом – она была его любимицей и протеже в Министерстве магии. Хагрид, усевшись на пол в том углу, где было больше места, промокал глаза своим огромным, со скатерть размером, платком.

Билл подошёл к буфету и извлёк бутылку огневиски и несколько бокалов.

– Держите, – сказал он и одним взмахом волшебной палочки отправил двенадцать полных бокалов через всю комнату в руки каждому из них, сам взяв тринадцатый. – За Безумного Глаза.

– За Безумного Глаза, – повторили все остальные и выпили.

– За Безумного Глаза, – чуть опоздав, произнёс Хагрид и икнул.

Огневиски опалило Гарри глотку; оно словно вожгло его чувства внутрь, развеяло окостенение и чувство нереальности происходящего, взамен наполнив отвагой.

– Стало быть, Мундунгус сбежал? – проговорил Люпин, осушивший свой бокал одним глотком.

Атмосфера переменилась мгновенно: все разом напряглись и перевели взгляды на Люпина; как казалось Гарри, все одновременно и хотели, чтобы он продолжил свою мысль, и боялись того, что они могут услышать.

– Я знаю, о чём ты думаешь, – отозвался Билл, – и я тоже об этом думал по пути сюда, ведь они же ждали нас, правильно? Но Мундунгус не мог нас предать. Они не знали, что Гарри будет семеро, это смутило их в то мгновение, когда мы вылетели, а, если ты забыл, именно Мундунгус предложил это маленькое жульничество. Почему он тогда не выдал им самую важную деталь? Я думаю, просто-напросто Дунг запаниковал. Он с самого начала не

¹⁶ Полное имя Mundungus (Мундунгус) сокращено до Dung, что означает «навоз».

хотел с нами идти, но Безумный Глаз его заставил, а Сами-Знаете-Кто полетел прямо на них: от этого любой бы запаниковал.

– Сами-Знаете-Кто действовал точно так, как говорил Безумный Глаз, – всхлипнула Тонкс. – Безумный Глаз говорил, что он наверняка решит, что настоящий Гарри будет с самыми сильными и опытными аврорами. Он сразу погнался за Безумным Глазом, а когда Мундунгус свалил, он взялся за Кингсли...

– Да, и это всё очень хорошо, – вставила Флер, – но это совершенно не объясняет, откуда они знали, что мы будем забирать ‘Арри этой ночью, нье так ли? Кто-то билб неосторожен. Кто-то пробольтался о дате посторонньому. Это единственное объяснение того, что они знали дату, но не знали план целиком.

Флер оглядела их всех, безмолвно предлагая кому-нибудь возразить; на её красивом лице всё ещё были видны дорожки от слёз. Единственным звуком, нарушавшим тишину, была икота Хагрида, доносившаяся из-за его платка. Гарри глянул на Хагрида, который только что рисковал своей жизнью, чтобы спасти Гаррину, – Хагрида, которого он любил, которому он доверял, которого уже один раз заставили обманом выдать Волдеморту важнейшую информацию в обмен на драконье яйцо...

– Нет! – громко выкрикнул Гарри, и все в удивлении посмотрели на него: огневиски, похоже, усилило его голос. – То есть... если кто-то допустил ошибку, – продолжил он, – и нечаянно проговорился, я знаю, что он не хотел этого. Это не его вина, – повторил он, вновь чуть громче, чем он говорил обычно. – Мы должны доверять друг другу. Я доверяю вам всем, я уверен, что ни один из сидящих в этой комнате никогда не продаст меня Волдеморту.

Молчание вновь окутало комнату, когда он договорил. Все смотрели на него; Гарри снова ощутил жар и выпил ещё огневиски, просто чтобы что-то сделать. Глотнув, он вновь подумал о Безумном Глазе. Безумный Глаз всегда проезжался насчёт готовности Дамблдора доверять людям.

– Хорошо сказал, Гарри, – неожиданно произнёс Фред.

– Ага, верно, верно, – поддержал Джордж, на мгновение скосив глаза на Фреда; уголок рта последнего чуть дёрнулся.

На обращённом к Гарри лице Люпина было какое-то странное выражение, почти сожаление.

– Вы думаете, я дурак? – требовательно спросил у него Гарри.

– Нет, я думаю, что ты как Джеймс, – ответил Люпин. – Он тоже счёл бы в высшей степени недостойным не доверять своим друзьям.

Гарри понял, на что намекает Люпин, – что его отец был предан своим другом, Питером Петтигрю¹⁷. Он почувствовал необъяснимый приступ гнева. Он хотел заспорить, но Люпин уже отвернулся, поставил свой бокал на столик сбоку и обратился к Биллу.

– Надо ещё кое-что сделать. Я могу спросить Кингсли, не...

– Нет, – тотчас возразил Билл. – Я сделаю, я пойду.

– Куда это вы пойдёте? – в унисон спросили Тонкс и Флер.

¹⁷ Peter Pettigrew. Petty – маленький, мелкий. Grew – форма прошедшего времени глагола to grow – расти. Фамилия Pettigrew означает «низкорослый».

– Тело Безумного Глаза, – ответил Люпин. – Нам нужно его забрать.

– А нельзя?.. – начала миссис Уизли, умоляюще глядя на Билла.

– ...подождать? – закончил её вопрос Билл. – Ты думаешь, лучше, если его подберут Пожиратели Смерти?

На это никто не ответил. Люпин и Билл попрощались и вышли.

Оставшиеся снова сели на свои стулья, все, кроме Гарри, оставшегося стоять. Внезапность и окончательность смерти витала в воздухе, словно осязаемая.

– Я тоже должен идти, – проговорил Гарри.

На него уставились десять пар ошеломлённых глаз.

– Не глупи, Гарри, – сказала миссис Уизли. – О чём это ты говоришь?

– Я не могу здесь оставаться.

Он потёр лоб, снова начавший пульсировать; так сильно он не болел уже больше года.

– Вы все в опасности, пока я здесь. Я не хочу...

– Да не глупи же ты так! – повторила миссис Уизли. – Весь смысл сегодняшней операции был в том, чтобы доставить тебя сюда целым и невредимым, и, слава богу, всё получилось. И Флер согласилась играть свадьбу здесь, а не во Франции, мы всё устроили, так что мы сможем остаться все вместе и присматривать за тобой...

Она не понимала, от её слов Гарри чувствовал себя только хуже, не наоборот.

– Если Волдеморт узнает, что я здесь...

– Но откуда он узнает? – перебила миссис Уизли.

– Есть целая дюжина мест, в каждом из которых ты сейчас можешь быть, Гарри, – заметил мистер Уизли. – Он никак не сможет узнать, в каком доме-убежище ты находишься.

– Да я не о себе беспокоюсь! – воскликнул Гарри.

– Мы это знаем, – тихо ответил мистер Уизли, – но если ты уйдёшь, наши сегодняшние усилия окажутся довольно-таки бессмысленными.

– Никуда ты не идёшь, – проворчал Хагрид. – Чёрт, Гарри, и эт всё после того, через шо мы прошли, шоб привезти тя сюда?

– Ага, посмотри на моё окровавленное ухо! – добавил Джордж, поднимаясь на своих подушках.

– Я это знаю...

– Безумный Глаз не хотел бы...

– Я ЗНАЮ! – прокричал Гарри.

Он чувствовал, что на него накнулись со всех сторон, что его шантажируют; неужели они думают, что он не понимает, что они сделали для него? Неужели они не понимают, что именно по этой самой причине он и хотел уйти сейчас, прежде чем из-за него они пострадают ещё больше? Повисло долгое неловкое молчание; Гарри шрам продолжал покалывать и пульсировать. Наконец, молчание прервала миссис Уизли.

– А где Хэвиг, Гарри? – успокаивающе спросила она. – Мы можем поселить её вместе с Свинстуном и чем-нибудь покормить.

Внутренности Гарри завязались в узел. Он был не в состоянии сказать ей правду. Он допил своё огневиски, только чтобы избавиться себя от необходимости отвечать.

– Ты погоди, ещё все узнают, шо ты опять его сделал, – проговорил Хагрид. – Ушёл, отбился от него, када он был прям над тобой.

– Это был не я, – ровным голосом ответил Гарри. – Это была моя палочка. Моя волшебная палочка сработала сама по себе.

Через несколько секунд Гермиона мягко сказала:

– Но это невозможно, Гарри. Ты хотел сказать, что ты сотворил магию, не собираясь этого делать; ты среагировал инстинктивно.

– Нет, – покачал головой Гарри. – Мотоцикл падал, я не мог сообразить, где Волдеморт, но моя палочка крутанулась в руке, и нашла его, и выпустила в него заклинание, и я даже не понял, что это было за заклинание. У меня раньше никогда не вылетало золотое пламя.

– Частенько, – вмешался мистер Уизли, – когда ты в критической ситуации, ты можешь производить магию, о которой ты даже не подозреваешь. Маленькие дети часто так делают, прежде чем их обучат...

– Это было совсем по-другому, – сквозь зубы возразил Гарри. Его шрам горел; он был сердит и раздражён; он ненавидел саму идею, что они все тут воображали, что у него есть силы на уровне Волдемортовых.

Никто ему не ответил. Гарри знал, что они ему не верят. Сейчас, когда он об этом подумал, он осознал, что и сам никогда раньше не слышал, чтобы палочка творила магию сама по себе.

Его шрам раскалывался от боли; он еле удерживался от того, чтобы застонать вслух. Пробормотав что-то насчёт свежего воздуха, он снял очки и вышел из комнаты.

Когда он шёл через тёмный двор, громадный скелетоподобный тестрал взглянул на него, шуршавший своими колоссальными перепончатыми крыльями и продолжил пастись. Гарри остановился у ворот, ведущих в сад, глядя на переросшие растения, потирая свой пульсирующий лоб и думая о Дамблдоре.

Дамблдор бы ему поверил, он это точно знал. Дамблдор наверняка бы знал, как и почему палочка Гарри так независимо себя повела, потому что у Дамблдора были ответы на все вопросы; он знал всё о волшебных палочках, он объяснил Гарри странную связь, существовавшую между его и Волдемортовой палочками... Но Дамблдор, как и Безумный Глаз, как и Сириус, как и его родители, как и его бедная сова, – все они ушли туда, где Гарри никогда уже не сможет с ними поговорить. Он ощутил в горле жжение, не имеющее никакого отношения к огневиски...

И вдруг, ни с того ни с сего, боль в шраме возросла неимоверно. Он вцепился в собственный лоб и зажмурил глаза, в то время как в голове у него раздался громкий крик.

– Ты говорил, что проблема будет решена, если я применю палочку другого!

И перед его мысленным взором возникла картина изнурённого старого человека в лохмотьях, лежащего на каменном полу, стонущего, испускающего ужасный протяжный крик, полный невыносимой муки...

– Нет! Нет! Я умоляю вас, умоляю...

– Ты лгал Лорду Волдеморту, Олливандер!

– Я не... Клянусь, я не лгал...

- Ты хотел спасти Поттера, помочь ему уйти от меня!
- Клянусь, я не хотел... Я считал, что другая палочка будет работать...
- Объясни тогда, что произошло. Палочка Люциуса разрушена!
- Я не могу понять... Связь... она только... между вашими двумя палочками...
- *Ложь!*
- Пожалуйста... умоляю...

И Гарри увидел, как белая рука поднимает палочку, и ощутил приступ злобы и ярости, охватившей Волдеморта, увидел, как худой старик на полу корчится в агонии...

– Гарри?

Всё закончилось так же внезапно, как началось: Гарри, пошатываясь, стоял во тьме и цеплялся руками за ворота, ведущие в сад; сердце его колотилось, шрам всё ещё покалывало. Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал, что рядом с ним стоят Рон и Гермиона.

– Гарри, пошли обратно в дом, – прошептала Гермиона. – Ты больше не думаешь о том, чтобы уйти?

– Ага, тебе надо остаться, приятель, – сказал Рон, хлопнув Гарри по спине.

– С тобой всё в порядке? – спросила Гермиона, едва приблизившись настолько, чтобы увидеть его лицо. – Ты ужасно выглядишь!

– Ну, – дрожащим голосом произнёс Гарри, – вероятно, я выгляжу лучше, чем Олливандер...

Когда он закончил излагать им всё, что увидел, Рон выглядел ошеломлённым, а Гермиона, казалось, была просто в ужасе.

– Но я думала, это прекратилось! Твой шрам – он не должен был больше так делать! Тебе нельзя позволить этой связи снова заработать – Дамблдор хотел, чтобы ты закрыл свой мозг!

Когда Гарри не ответил, Гермиона схватила его за руку.

– Гарри, он берёт контроль над Министерством, над газетами и над половиной магического мира! Не впускай его ещё и к себе в голову!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГУЛЬ В ПИЖАМЕ

Шок от потери Безумного Глаза висел над домом долго; Гарри всё ещё ожидал, что вот-вот Муди войдёт в заднюю дверь подобно другим членам Ордена, которые периодически приходили и уходили, обмениваясь новостями. Гарри ощущал, что только действие сможет приглушить чувства вины и горя, и что он должен начать свою миссию по отысканию и уничтожению Хоркраксов как можно скорее.

– Ну, ты всё равно не сможешь сделать что-либо насчёт... – Рон одним губами произнёс «*Хорфраксов*», – пока тебе не стукнет семнадцать. На тебе по-прежнему Метка. А планировать мы можем и здесь, точно так же как и в любом другом месте, верно? Или, – он понизил голос до уровня шёпота, – ты думаешь, ты уже знаешь, где находятся сам-знаешь-что?

– Нет, – честно признался Гарри.

– Я думаю, Гермiona сейчас что-то такое копает, – сказал Рон. – Она сказала, что откладывала это до того времени, когда ты здесь появишься.

Они вдвоём сидели за обеденным столом; мистер Уизли и Билл только что отправились на работу, миссис Уизли пошла наверх, чтобы разбудить Гермionу и Джинни, а Флер отправилась принимать ванну.

– Метка сойдёт тридцать первого, – сказал Гарри. – Это значит, мне надо остаться здесь всего на четыре дня. Затем я смогу...

– Пять дней, – твёрдо поправил его Рон. – Мы должны остаться на свадьбу. Они нас убьют, если мы не останемся.

Гарри расшифровал «их» как Флер и миссис Уизли.

– Всего один лишний день, – добавил Рон, глядя на бунтарское выражение лица Гарри.

– Неужели они не понимают, как важно?..

– Конечно, нет, – кивнул Рон. – Они и понятия не имеют. И кстати, раз уж ты об этом начал, мне надо поговорить с тобой на эту тему.

Рон глянул сквозь открытую дверь в прихожую, чтобы убедиться, что миссис Уизли до сих пор не вернулась, затем наклонился поближе к Гарри.

– Мама несколько раз пыталась вытянуть из нас с Гермionой, куда мы собираемся идти и что делать. В следующий раз она возьмётся за тебя, так что будь готов. Папа и Люпин тоже спрашивали оба, но когда мы ответили, что Дамблдор велел тебе никому, кроме нас, не рассказывать, они отстали. А мама нет. Она хочет добиться своего.

Предсказание Рона сбылось уже через несколько часов. Незадолго до обеда миссис Уизли отделила Гарри от остальных, попросив его помочь опознать непарный мужской носок, который, как она полагала, мог вывалиться из его рюкзака. Едва они уединились в крохотной буфетной при кухне, как она приступила.

– Рон с Гермionой, похоже, думают, что вы трое не пойдёте в Хогвартс, – лёгким будничным голосом начала она.

– О, – ответил Гарри. – Ну... да. Мы собираемся не идти.

Отжималка в углу комнаты вдруг сама собой включилась, выжимая нечто напоминающее одну из безрукавок мистера Уизли.

– А могу я поинтересоваться, *почему* вы решили забросить своё образование? – спросила миссис Уизли.

– Ну, Дамблдор поручил мне... кое-что сделать, – пробормотал Гарри. – Рон и Гермиона об этом знают, и они хотят пойти со мной.

– И что это за «кое-что»?

– Простите, но я не могу...

– Ну, знаешь ли, мне кажется, Артур и я имеем право это знать, и я уверена, что мистер и миссис Грейнджер со мной бы согласились! – заявила миссис Уизли. Гарри опасался этой атаки «озабоченных родителей». Он заставил себя посмотреть ей прямо в глаза, заметив впервые, что они точно такие же карие, как у Джинни. Это не облегчило ему задачу.

– Дамблдор не хотел, чтобы кто-либо ещё знал, миссис Уизли. Мне очень жаль. Рон и Гермиона не обязаны идти, это их выбор...

– А мне кажется, что и *ты* тоже идти не обязан! – отрезала она, отставив всякое притворство. – Вы только-только достигли совершеннолетия, все трое! Это полный бред, если бы Дамблдору нужно было, чтобы кто-то что-то сделал, в его распоряжении был весь Орден! Гарри, ты наверняка его неправильно понял. Наверно, он тебе говорил, что *хочет*, чтобы что-то было сделано, а ты решил, что он имеет в виду, что хочет, чтобы *ты*...

– Я всё понял правильно, – ровным тоном ответил Гарри. – Это должен сделать я.

Он протянул ей одинокий расшитый стеблями камыша носок, который он предположительно должен был опознать.

– Это не мой, я не болею за Падлмер Юнайтед¹⁸.

– О, ну конечно же, – миссис Уизли внезапно вернулась к своему обычному тону; Гарри это насторожило. – Я должна была догадаться. Ладно, Гарри, пока ты тут, ты не будешь возражать против того, чтобы помочь нам подготовиться к свадьбе Билла и Флер, нет? Так много ещё надо сделать.

– Нет... я... конечно, не буду, – ответил Гарри, сбитый с толку столь внезапной сменой темы.

– Ты мой хороший, – и она с улыбкой вышла из буфетной.

С этого момента миссис Уизли настолько загрузила Гарри, Рона и Гермиону подготовкой к свадьбе, что у них практически не было времени даже думать. Самым приятным объяснением такого её поведения могло бы быть то, что миссис Уизли пытается отвлечь их всех от мыслей о Безумном Глазе и об ужасах их недавнего путешествия. Однако после двух дней непрерывной чистки столовых приборов, подбора подходящих по цвету бантов, лент и цветков, обезгномивания сада и помощи в приготовлении огромного количества канapé Гарри начал подозревать, что мотив у неё другой. Все задания, которые она им давала, явно имели цель держать его, Рона и Гермиону подальше друг от друга; у него

¹⁸ Название города Падлмер (Puddlemere) происходит от «puddle» (лужа) и «mere» (озеро, пруд). Неудивительно, что символ команды – камыш.

не было ни единого шанса пообщаться с ними наедине с той самой первой ночи, когда он рассказал им о том, как Волдеморт пытал Олливандера.

– Я думаю, мама верит, что, если она не даст вам троем собираться вместе и составлять планы, она сможет отложить ваш уход, – вполголоса сообщила ему Джинни, когда они вместе накрывали обеденный стол в третий вечер пребывания Гарри в Норе.

– И что, по её мнению, произойдёт потом? – прошептал в ответ Гарри. – Кто-то ещё пойдёт и прикончит Волдеморта, пока мы тут вместе с ней делаем волованы¹⁹?

Он брякнул это не подумавши и тотчас увидел, как лицо Джинни побелело.

– Значит, это правда? – сказала она. – Ты *это* хочешь сделать?

– Я... да нет... я пошутил, – уклончиво ответил Гарри.

Они смотрели друг на друга, и в глазах Джинни было нечто большее, чем шок. Неожиданно до Гарри дошло, что они с Джинни оказались наедине впервые после тех выкроенных часов в отдалённых уголках хогвартского парка. Он был уверен, что и она вспоминает о тех часах. Затем оба подскочили на месте – дверь внезапно открылась, и в комнату вошли мистер Уизли, Кингсли и Билл.

В эти дни к ужину часто приходили другие члены Ордена, поскольку Нора заменила дом двенадцать по площади Гриммода в качестве штаб-квартиры. Мистер Уизли объяснил, что после гибели Дамблдора, их Хранителя Тайны, каждый из людей, кому Дамблдор поверил местонахождение дома на площади Гриммода, в свою очередь стал Хранителем Тайны.

– А поскольку нас теперь около двадцати, эффективность чар Фиделнус заметно снижена. Это даёт Пожирателям Смерти в двадцать раз больше возможностей выжать из кого-либо тайну. Мы не думаем, что чары долго продержатся.

– Но сейчас уже наверняка Снейп сказал адрес Пожирателям Смерти? – спросил Гарри.

– Ну, Безумный Глаз повесил пару проклятий специально против Снейпа на тот случай, если он снова там появится. Мы надеемся, что они достаточно сильны, чтобы и не пустить его в дом, и заткнуть ему рот, если он попытается заговорить об этом месте, – но полной уверенности у нас нет. Было бы полным безумием продолжать использовать этот дом как штаб-квартиру, когда его защита столь ненадёжна.

В этот вечер кухня оказалась настолько плотно забита народом, что трудно было работать ножом и вилок. Гарри оказался прижат к Джинни; недосказанные слова, только что прошмыгнувшие между ними, заставили его желать, чтобы их с Джинни разделяло немного больше народу. Он так усердно старался не дотрагиваться до её руки, что ему с трудом удавалось резать свой кусок курицы.

– Нет новостей о Безумном Глазе? – спросил Гарри у Билла.

– Никаких, – ответил Билл.

Они так и не смогли похоронить Муди, поскольку Биллу с Люпином не удалось забрать тело. Было очень трудно определить, где он упал, с учётом темноты и общей сумятицы боя.

– «Ежедневный пророк» ни слова не написал о его гибели, и об обнаружении тела тоже, – продолжил Билл. – Но это ничего не значит. Они много о чём молчат в эти дни.

¹⁹ Vol-au-vent – волован, стаканчик из слоеного теста, в котором подают салаты и другие закуски.

– И они не спешат пока назначать слушание по поводу всей этой несовершеннолетней магии, которую я применил, спасаясь от Пожирателей Смерти? – спросил Гарри у сидящего на другом конце стола мистера Уизли (тот покачал головой). – Потому что они знают, что у меня не было выбора, или потому что не хотят рассказывать всему миру, что Волдеморт напал на меня?

– Второе, я полагаю. Скримджер не желает признать, что Волдеморт столь же силен, как и он сам, и что из Азкабана был массовый побег – тоже.

– Ага, зачем говорить людям правду? – с этими словами Гарри настолько сильно сжал рукоятку ножа, что на тыльной стороне его правой ладони проступили тонкие белые шрамы: *Я не должен лгать.*

– Хоть кто-нибудь в Министерстве готов ему противостоять? – гневно спросил Рон.

– Несомненно, Рон, но люди сильно напуганы, – ответил мистер Уизли. – Они боятся, что они будут следующими, кто исчезнет, их дети – следующими, на кого нападут! Ходят всякие поганые слухи; я, например, не верю, что хогвартская преподавательница изучения магглов ушла в отставку. Её уже несколько недель никто не видел. А Скримджер в то же время целыми днями сидит запершись в своём кабинете; мне только остаётся надеяться, что он выработывает какой-то план.

Повисла пауза, во время которой миссис Уизли движением палочки сдвинула опустевшие тарелки в сторону и подала на стол яблочный пирог.

– Нам надо решить, как ты замаскируешься, ‘Арри, – произнесла Флер, когда все взяли по порции пирога. – На свадьбу, – добавила она, увидев его удивлённое лицо. – Конечно, среди наших гостей нет Пожирателей Смерти, но мы не можем гарантировать, что никто не проболтается, когда выпьет шампанского.

Из этих слов Гарри заключил, что она по-прежнему подозревает Хагрида.

– Да, это разумно, – согласилась миссис Уизли, сидя во главе стола с очками на кончике носа и просматривая длиннющий список заданий, выписанных ею на огромном листе пергамента. – Так, Рон, ты ещё не прибрался у себя в комнате?

– *Зачем?* – возопил Рон, хлопнув ложкой по столу и сердито уставившись на мать. – Зачем в моей комнате надо прибираться? Нас с Гарри она вполне устраивает в таком виде, в каком она есть!

– Твой брат играет свадьбу через несколько дней, молодой человек...

– Они что, собираются жениться у меня в спальне? – гневно спросил Рон. – Нет! Так зачем, во имя мерлиновой древнучей левой...

– Не говори с матерью таким тоном, – твёрдо потребовал мистер Уизли. – И делай то, что тебе сказано.

Рон сердито посмотрел на своих родителей, затем подобрал ложку и набросился на остатки своего яблочного пирога.

– Я тебе помогу, кое-какой мусор там мой, – обратился Гарри к Рону, но миссис Уизли его перебила.

– Нет, Гарри, дорогой, я бы тебя попросила помочь Артуру почистить цыплят, и Гермiona, я буду тебе так благодарна, если ты сменишь простыни для месье и мадам Делакур, ты же знаешь, они прибывают завтра утром в одиннадцать.

Выяснилось, однако, что Гарриина работа имела очень мало отношения к цыплятам.

– Тебе необязательно, э, говорить об этом Молли, – произнёс мистер Уизли, преграждая ему путь в курятник, – но, э, Тед Тонкс прислал мне почти всё, что осталось от мотоцикла Сириуса, и я это прячу... ну, в смысле храню... вот здесь. Просто фантастика: вот выхрапная крупа – так, кажется, это называется? – вот просто замечательная батарея, и у меня будет прекрасная возможность разобраться, как устроены тормоза. Я хочу постараться собрать это всё обратно, пока Молли не... Ну, в смысле, когда у меня будет время.

Когда они вернулись домой, миссис Уизли нигде не было видно, и Гарри прошмыгнул в спальню Рона под чердаком.

– Я убираю, убираю!.. о, это ты, – с облегчением сказал Рон, когда Гарри вошёл в комнату. Он улёгся на кровать, с которой, очевидно, только что вскочил. Комната оставалась ровно такой же захламлённой, какой была всю минувшую неделю; единственной новой деталью была Гермiona, сидевшая в дальнем углу со своим пушистым светло-рыжим котом Косолапом в ногах. Гермiona перебирала книги (часть из которых, как определил Гарри, были его собственными) и раскладывала их в две огромные стопки.

– Привет, Гарри, – поздоровалась она, когда он уселся на свою раскладушку.

– А тебе как удалось смыться?

– О, мама Рона забыла, что она поручила нам с Джинни сменить простыни ещё вчера, – ответила Гермiona. С этими словами она отправила «Нумерологию и грамматику» в одну стопку, а «Расцвет и падение Тёмных искусств» в другую.

– Мы как раз говорили про Безумного Глаза, – сообщил Рон Гарри. – Я думаю, может, он выжил.

– Но Билл же видел, как в него попало убивающее проклятие, – возразил Гарри.

– Да, но Билла самого в это время атаквали, – настаивал Рон. – Как он может точно знать, что произошло?

– Даже если Убивающее проклятие промазало, Безумный Глаз всё равно упал с тысячи футов, – заметила Гермiona, взвешивая в руке «Квиддичные команды Британии и Ирландии».

– Он мог применить Щитовые чары...

– Флер сказала, что у него палочку выбило из руки, – ответил Гарри.

– Ну ладно, если вы так уж хотите, чтобы он был мёртв, – проворчал Рон, взбивая подушку поудобнее.

– Разумеется, мы не хотим, чтобы он был мёртв! – потрясённым тоном воскликнула Гермiona. – То, что он мёртв – это ужасно! Но мы просто реалисты!

Впервые за всё это время Гарри вообразил тело Безумного Глаза, изломанное, как тогда тело Дамблдора, но с тем самым его магическим глазом, всё ещё вращающимся в глазнице. Он ощутил резкий укол отвращения пополам с иррациональным желанием рассмеяться.

– Пожиратели Смерти, наверно, прибрали за собой, потому никто и не нашёл, – задумчиво произнёс Рон.

– Ага, – кивнул Гарри. – Как Барти Крауча, которого превратили в кость и зарыли в садике Хагрида. Они небось трансфигурировали Муди и прикопали его...

– Не смей! – взвизгнула Гермиона. Подскочив на месте, Гарри обернулся и увидел, как из глаз её брызнули слёзы прямо на «Руководство Руноведа»²⁰ в её руках.

– О, нет, – Гарри попытался подняться со своей старой раскладушки. – Гермиона, я не хотел обидеть...

Но тут отчаянно заскрипели ржавые пружины – Рон спрыгнул с кровати и добрался до Гермионы раньше Гарри. Обняв её одной рукой, другой он покопался в кармане джинсов и извлёк оттуда отвратного вида носовой платок, которым он недавно оттирал духовку. Поспешно вытащив палочку, он указал ей на тряпку и произнёс: «*Tergeo*».

Большую часть грязи сдуло. С довольным видом Рон протянул слегка дымящийся платок Гермионе.

– Ох... Спасибо, Рон... Извини... – она высморкалась и икнула. – Просто это так ужасно... ужасно, правда? Ср-разу после Дамблдора... Я п-просто никогда не могла вообразить, что Безумный Глаз умрёт, он казался таким крепким!

– Да, я знаю, – сказал Рон, обняв её сильнее. – Но ты же знаешь, что он сказал бы нам, если бы он был здесь?

– П-постоянная бдительность, – ответила Гермиона, вытирая глаза.

– Это точно, – кивнул Рон. – Он бы сказал, чтобы мы извлекали урок из того, что произошло с ним. И лично я извлёк урок – не доверять этому маленькому трусливому пискуну Мундунгусу.

Гермиона испустила неуверенный смешок и подалась вперёд, чтобы подобрать очередные две книги. Секундой позже Рон внезапно убрал руку с её плеч – Гермиона уронила ему на ногу «Монструозную книгу монстров». Книга вырвалась из сдерживавшего её пояса и злобно вцепилась Рону в лодыжку.

– Ой, извини, извини! – вскрикнула Гермиона; Гарри оторвал книгу от Роновой ноги и перетянул её заново.

– Кстати, что ты собираешься делать со всеми этими книгами? – поинтересовался Рон, ковыляя обратно на кровать.

– Просто хочу определиться, какие нам взять с собой, – ответила Гермиона. – Когда мы пойдём искать Хоркраксы.

– О, ну конечно, – хлопнул себя по лбу Рон. – Я и забыл, что мы будем охотиться на Волдеморта в мобильной библиотеке.

– Ха-ха, – сказала Гермиона, глядя на «Руководство Руноведа». – Вот интересно... нам понадобится переводить руны? Вполне может быть... Думаю, лучше нам её взять, на всякий пожарный.

Она кинула «Руководство» в большую из двух стопок и подобрала «Историю Хогвартса».

– Послушайте, – произнёс Гарри.

²⁰ В оригинале здесь Spellman Syllabary – Букварь заклинателя. Фактически же эта книга – словарь рун.

Он сел прямо. Рон и Гермиона смотрели на него с одинаковыми покорно-вызывающими выражениями лица.

— Я знаю, что после похорон Дамблдора вы сказали, что хотите пойти вместе со мной, — начал Гарри.

— Ну, началось, — закатив глаза, сказал Рон, обращаясь к Гермионе.

— Мы так и знали, — вздохнула она, вновь повернувшись к книгам. — Знаете, я думаю, я всё-таки возьму «Историю Хогвартса». Даже если мы туда не вернёмся, мне кажется, мне чего-то будет не хватать без...

— Да послушайте же! — снова начал Гарри.

— Нет, Гарри, это *ты* послушай, — ответила Гермиона. — Мы пойдём с тобой. Это было решено много месяцев назад — много лет назад, на самом деле.

— Но...

— Заткнись лучше, — посоветовал Рон.

— ...вы точно уверены, что вы хорошо всё обдумали? — настойчиво спросил Гарри.

— Давай посмотрим, — произнесла Гермиона, шлёпнув в отбракованную стопку «Турне с Троллями» и проводив книгу сердитым взглядом. — Я упаковываюсь уже кучу времени, так что сейчас мы готовы отчалить в любой момент, и это, к твоему сведению, потребовало кое-какой чертовски трудной магии, не говоря уже о том, что я умыкнула весь запас Многосущного зелья Безумного Глаза прямо из-под носа мамы Рона.

Кроме того, я модифицировала память моих родителей, так что теперь они уверены, что на самом деле их зовут Уэнделл и Моника Уилкинз и что мечта всей их жизни — переехать в Австралию — что они сейчас и сделали. Это добавит проблем Волдеморту, если он захочет их выследить и допросить обо мне — или о тебе, поскольку, к сожалению, я им немало о тебе рассказывала.

Если я выживу в нашей охоте на Хоркраксы, я найду маму с папой и сниму заклятье. Если нет — что ж, думаю, у меня получились достаточно хорошие чары, чтобы они были счастливы и им ничто не угрожало. Уэнделл и Моника Уилкинз не в курсе, что у них есть дочь, понимаешь ли.

В глазах Гермионы вновь стояли слёзы. Рон слез с кровати, снова обвил рукой талию Гермионы и хмуро взглянул на Гарри, словно порицая его за бестактность. Гарри не нашёлся что сказать в ответ — не в последнюю очередь потому, что событие «Рон учит такту кого-то другого» вообще было крайне редким.

— Я... Гермиона, прости... Я не...

— Не догадывался, что мы с Роном прекрасно осознаём, что может произойти, если мы пойдём с тобой? А мы вот осознаём. Рон, покажи Гарри, что ты сделал.

— Не-а, он недавно ел, — возразил Рон.

— Давай, он должен знать!

— О, ну ладно. Гарри, пошли.

Рон вторично убрал руку с плеча Гермионы и неуклюже направился к двери.

— Пошли.

— А что? — спросил Гарри, выходя вслед за Роном на маленькую лестничную площадку.

– *Descendo*, – прошептал Рон, указывая палочкой на низкий потолок. Прямо над их головами открылся люк, из которого прямо к их ногам свесилась лестница. Из квадратной дыры послышался ужасный не то свист, не то стон. Завоняло как из канализации.

– Это ваш гуль, да? – спросил Гарри; ему никогда ещё не доводилось видеть создание, которое время от времени нарушало ночную тишину.

– Ага, он самый, – ответил Рон, взбираясь по лестнице. – Иди сюда и посмотри на него.

Гарри вслед за Роном одолел несколько низких ступенек и поднялся на крохотный чердак. Он уже просунул в люк голову и плечи, когда наконец увидел создание, свернувшееся калачиком в нескольких футах впереди него; создание спало в сумраке чердака, разинув свой большой рот.

– Но он... он похож... А в норме гули носят пижамы?

– Нет, – ответил Рон. – Кроме того, в норме у них не бывает рыжих волос и такого количества прыщей.

Гарри внимательно рассматривал создание; от этого зрелища его слегка мутило. По форме и размеру существо напоминало человека, и когда глаза Гарри приспособились к темноте, он понял, что одето оно было в старую пижаму Рона. Кроме того, Гарри был уверен, что гули обычно гладкие, скользкие и лысые, а вовсе не покрытые шевелюрой и множеством фиолетовых пятен.

– Это я, понимаешь? – пояснил Рон.

– Не-а, – ответил Гарри. – Не понимаю.

– Пошли обратно в комнату, там объясню, а то эта вонь меня достала, – предложил Рон. Они спустились обратно по лестнице, немедленно возвращённой Роном на потолок, и присоединились к Гермионе, которая всё ещё рассортировывала книги.

– Как только мы уйдём, гуль спустится и будет жить здесь, в моей комнате, – начал объяснять Рон. – Я думаю, что он сам этого ждёт с нетерпением – ну, точно сказать трудно, поскольку всё, что он может, это стонать и капать слюной, – но, когда с ним об этом говоришь, он всё время кивает. Ну так вот – это буду я, заболевший брызгнойкой²¹. Круто, э?

Гарри непонимающе смотрел на него.

– Круто! – убеждённо повторил Рон, раздосадованный тем, что Гарри сразу не ухватил всё великолепие плана. – Смотри, когда мы все трое не появимся в Хогвартсе, все подумают, что мы с Гермионой наверняка с тобой, так? И это означает, что Пожиратели Смерти пойдут прямо к нам домой, чтобы посмотреть, не смогут ли они вытянуть из наших семей какую-нибудь информацию о том, где ты.

– Но я надеюсь, всё будет выглядеть так, как будто я уехала вместе с мамой и папой; сейчас многие магглорождённые поговаривают о том, чтобы укрыться на некоторое время, – сказала Гермиона.

– Мы не можем спрятать всю мою семью, это будет выглядеть слишком подозрительно, да и работу они не могут бросить, – продолжил Рон. – Поэтому мы сострепали историю, что я серьёзно болен брызгнойкой и что поэтому я и не возвращаюсь в школу. А если кто-то явится посмотреть, мама или папа покажет им гуля в моей постели, всего в прыщах.

²¹ Spattergroit. Spatter – брызги.

Брызгнойка жутко заразная, они вряд ли захотят подойти поближе убедиться. И что он не может говорить – тоже не имеет значения, потому что больной и не должен, у него грибок на языке.

– А твои мама с папой в курсе насчёт этого плана? – поинтересовался Гарри.

– Папа в курсе. Он помогал Фреду и Джорджу преобразовать гуля. Мама... Ну ты же видел, какая она. Она не смиритсЯ с тем, что мы уходим, пока мы таки не уйдём.

В комнате повисло молчание, прерываемое лишь глухими шлепками, когда Гермиона кидала книги то в одну, то в другую стопку. Рон смотрел на неё, а Гарри переводил взгляд с одного на другого, не в силах произнести ни слова. Те меры, которые они приняли для защиты своих родных, больше, чем что-либо другое, заставили его осознать, что они действительно намеревались пойти с ним и что они точно представляли себе, насколько опасным это может быть. Гарри захотелось сказать им, как много это для него значит, но он просто-напросто не мог найти для этого нужных слов.

Сквозь тишину пробились приглушённые крики миссис Уизли четырьмя этажами ниже.

– Небось Джинни оставила пылинку на какой-нибудь мелкой салфетнице, – откомментировал Рон. – Не знаю, чего Делакурам взбрело приехать за два дня до свадьбы.

– Сестра Флер будет подружкой невесты, она должна была приехать пораньше, чтобы порепетировать, и она слишком мала, чтобы приехать одна, – отозвалась Гермиона, нерешительно оглядывая «Банкеты с Банши».

– Ну что ж, гости не очень-то снимут мамин стресс, – заметил Рон.

– Что нам действительно нужно решить, – произнесла Гермиона, без раздумий отправляя в урну «Теорию защитной магии» и подбирая «Оценку магического образования в Европе», – так это куда мы направимся после того, как уйдём отсюда. Я знаю, ты говорил, что собирался в первую очередь посетить Годрикову Лощину, Гарри, и я понимаю почему, но... всё-таки... не следует ли нам отдать приоритет Хоркраксам?

– Если бы мы знали, где находится хотя бы один Хоркракс, я бы с тобой согласился, – ответил Гарри; он не верил, что Гермиона на самом деле понимает его стремление вернуться в Годрикову Лощину. Могилы его родителей были лишь частью того, что влекло его: он испытывал сильное, хотя и необъяснимое чувство, что там его ждут многие ответы. Возможно, это было просто из-за того, что именно там он выжил после убивающего проклятия Волдеморта; теперь, когда перед ним стояла реальная возможность попытаться повторить этот трюк, Гарри тянуло на место, где это произошло; он пытался понять.

– А тебе не кажется, что есть вероятность, что Волдеморт послал в Годрикову Лощину своих наблюдателей? – спросила Гермиона. – Вполне возможно, он ожидает, что ты вернёшься к могилам твоих родителей, когда ты станешь волен делать всё что захочешь?

Такая мысль Гарри в голову не приходила. Пока он пытался подобрать контраргумент, Рон неожиданно заговорил, очевидно следуя какой-то собственной мысли.

– Это тип, Р.А.Б. – задумчиво произнёс он. – Ну вы поняли, тот, который спёр настоящий медальон?

Гермиона кивнула.

– Он сказал в своей записке, что собирается его уничтожить, так?

Гарри притянул к себе рюкзак и вытащил поддельный Хоркракс, в котором до сих пор лежала свёрнутая записка Р.А.Б.а.

– «Я украл настоящий Хоркракс и намерен уничтожить его как можно скорее», – прочёл Гарри.

– Вот, что если он его действительно кокнул?

– Или она, – перебила Гермиона.

– Это без разницы, – махнул рукой Рон. – Это значит, нам осталось бы на один меньше!

– Да, но нам всё равно надо будет попытаться найти настоящий медальон, верно? – заметила Гермиона. – Хотя бы чтобы узнать, уничтожен он или нет.

– А когда мы доберёмся до Хоркракса, как мы будем его уничтожать? – поинтересовался Рон.

– Ну, – ответила Гермиона, – я на эту тему немного покопалась...

– Как? – спросил Гарри. – Я думал, в библиотеке нет ни одной книги по Хоркраксам?

– Их и нет, – Гермиона порозовела. – Дамблдор их все забрал, но он – он их не уничтожил.

Рон резко выпрямился, глядя на Гермиону квадратными глазами.

– Как, во имя мерлиновых штанов, как тебе удалось наложить лапу на эти книги о Хоркраксах?

– Я – я их не крада! – воскликнула Гермиона, с отчаянным видом переводя взгляд с Гарри на Рона. – Это по-прежнему библиотечные книги, хотя Дамблдор и забрал их с полок. И вообще, если бы он действительно не хотел, чтобы кто-нибудь до них добрался, я уверен, он бы сделал так, чтобы было намного труднее...

– Ближе к теме! – потребовал Рон.

– Ну... в общем, это было просто, – тихо проговорила Гермиона. – Я просто произвела Манящие чары. Ну вы знаете – *Accio*. И тогда – они вылетели из окна кабинета Дамблдора прямо в спальню девочек.

– Но когда ты это успела? – спросил Гарри, разглядывая Гермиону со смешанным чувством удивления и восхищения.

– Сразу после его – Дамблдора – похорон, – ещё тише ответила Гермиона. – Сразу же, как только мы решили уйти из школы и отправиться искать Хоркраксы. Когда я вернулась к себе наверх, чтобы забрать вещи, до меня... до меня вдруг дошло, что чем больше мы о них узнаем, тем лучше... И я была там одна... Вот, и я попыталась... и всё получилось. Они прилетели прямо через открытое окно, и я... я их взяла.

Она сглотнула и умоляющим голосом продолжила:

– Я не думаю, что Дамблдор был бы очень сердит, мы же не собираемся использовать эту информацию, чтобы создать Хоркракс, ведь так?

– А ты слышала, чтобы мы жаловались? – спросил Рон. – Кстати, где все эти книги?

Гермиона порылась немного и извлекла из общей кучи здоровенный том, переплетённый в выпцветшую чёрную кожу. Она смотрела на него с омерзением на лице и держала брезгливо, словно недавно сдохшее животное.

– Вот здесь даны детальные инструкции, как делать Хоркракс. «Тайны Темнейшего искусства» – это кошмарная книга, просто ужасная, там такая злая магия. Мне интересно, когда

именно Дамблдор забрал её из библиотеки... Если уже после того, как он стал директором, готова спорить, что Волдеморт именно отсюда взял все инструкции, которые ему были нужны.

– Но зачем ему тогда было спрашивать Слагхорна, как делать Хоркракс, если он это уже прочёл? – спросил Рон.

– Он говорил со Слагхорном только чтобы выяснить, что произойдёт, если расщепить душу на семь частей, – ответил Гарри. – Дамблдор не сомневался, что Риддл уже знал, как создать Хоркракс, в тот момент, когда он спрашивал о них Слагхорна. Думаю, ты права, Гермиона, очень похоже, что именно отсюда он взял всю информацию.

– И чем больше я о них читаю, – сказала Гермиона, – тем более ужасными они мне кажутся, и тем меньше я верю, что он на самом деле создал целых шесть. В этой книге предупреждают, что разорванная душа становится очень нестабильной, и это при создании только одного Хоркракса!

Гарри припомнил, что говорил Дамблдор, насчёт того, что Волдеморт перешёл грань «обычного зла».

– А есть ли способ собрать свою душу обратно? – поинтересовался Рон.

– Есть, – невесело улыбнулась Гермиона. – Но это невероятно болезненно.

– Почему? Как это можно сделать? – спросил Гарри.

– Раскаяние, – произнесла Гермиона. – Ты должен действительно ощутить, что ты наделал. Там есть сноска. Вероятно, эта боль может тебя уничтожить. Я как-то не представляю себе, чтобы Волдеморт попытался это сделать, а вы?

– Нет, – покачал головой Рон, прежде чем Гарри успел ответить. – Так в этой книге сказано, как уничтожить Хоркраксы?

– Да, – Гермиона начала листать хрупкие страницы с таким видом, словно копалась в гниющих потрохах, – потому что эта книга предупреждает Тёмных колдунов, насколько сильные заклинания необходимо на них накладывать. Судя по тому, что я прочла, то, что сделал Гарри с дневником Риддла, – один из очень немногих реально действенных способов уничтожить Хоркракс.

– Что именно, пырнуть его клыком василиска? – уточнил Гарри.

– О, ну тогда круто, что у нас такой большой запас клыков василиска, – заявил Рон. – А я-то думал, что нам с ними делать.

– Это не обязательно должен быть клык василиска, – терпеливо сказала Гермиона. – Это должно быть нечто столь разрушительное, что Хоркракс не сможет залечить сам себя. От яда василиска есть только одно противоядие, и оно невероятно редкое...

– ...слёзы феникса, – кивнул Гарри.

– Точно, – подтвердила Гермиона. – Наша проблема в том, что в мире очень мало веществ, столь же разрушительных, как яд василиска, и все они слишком опасны, чтобы постоянно носить их с собой. Это, однако, та проблема, которую нам решить совершенно необходимо, потому что просто разломать, разбить или раздавить Хоркракс будет недостаточно. Его надо разрушить так, чтобы он не мог быть восстановлен никакими магическими методами.

– Но даже если мы раздолбаем эту штуку, в которой сидит кусок души, – спросил Рон, – почему этот кусок не может просто уйти и поселиться в чём-нибудь ещё?

– Потому что Хоркракс – это полная противоположность человеческому существу.

Увидев, что Гарри и Рон совершенно сбиты с толку, Гермиона поспешила продолжить:

– Вот смотри, если я прямо сейчас возьму меч, Рон, и проткну им тебя, твою душу я абсолютно не затрону.

– И это наверняка меня здорово утешит, – заметил Рон. Гарри рассмеялся.

– И правильно, что утешит! Но вся суть в чём: что бы ни произошло с твоим телом, душа твоя выживет и останется невредимой, – сказала Гермиона. – А с Хоркраксом всё прямо наоборот. Выживание частицы души внутри него зависит от своей оболочки, от своего зачарованного тела. Она не может существовать без этой оболочки.

– Тот дневник... он вроде как умер, когда я его проткнул, – Гарри припомнил чернила, текущие, словно кровь, из пронзённых страниц, и вопли частицы души Волдеморта, когда она исчезала.

– И как только дневник был правильным способом уничтожен, фрагмент души, запертый в нём, больше не мог существовать. Джинни пыталась избавиться от дневника, прежде чем ты это сделал, она спустила его в туалет, но, разумеется, он вернулся назад как новенький.

– Погоди-ка, – нахмурился Рон. – Тот кусок души из дневника овладел Джинни, так? А это как работало?

– Пока магический сосуд в порядке, частица души может влетать и вылетать из кого-то, кто слишком близок к этому объекту. Я не имею в виду – держать его у себя слишком долго; это не имеет отношения к физической близости, – добавила она, прежде чем Рон смог что-то вставить. – Я имею в виду, эмоционально близок. Джинни в этом дневнике изливала душу, от этого она стала чрезвычайно уязвимой. Большие неприятности ожидают того, кто слишком полюбит или станет слишком зависим от Хоркракса.

– Вот интересно, как Дамблдор уничтожил кольцо? – задумчиво произнёс Гарри. – Почему я его об этом не спросил? Я никогда не...

Его голос уял: он думал обо всём том, что он должен был спросить у Дамблдора, и о том, как много возможностей он упустил, пока Дамблдор был жив, выяснить больше... выяснить всё...

Внезапно дверь спальни распахнулась; звук, который она издала, врезавшись в стену, разбил повисшую тишину. Гермиона вскрикнула и выронила «Тайны темнейшего искусства»; Косолап с недовольным шипением метнулся под кровать; Рон спрыгнул с постели, поскользнулся на фантике от шоколадной лягушки и въехал головой в противоположную стену; Гарри инстинктивно потянулся за волшебной палочкой, прежде чем сообразил, что перед ним стоит не кто иной, как миссис Уизли с растрёпанными волосами и искажённым от ярости лицом.

– Простите, что прерываю это маленькое миленькое собрание, – дрожащим голосом произнесла она. – Я не сомневаюсь, что вам всем необходимо отдохнуть... но в моей комнате

лежит множество свадебных подарков, которые необходимо разобрать, и у меня сложилось впечатление, что вы обещали помочь.

– О да, – ответила Гермiona, с ужасом на лице вскочив на ноги и разбросав книги во все стороны, – мы поможем, конечно... Простите...

Кинув страдальческий взгляд на Гарри и Рона, Гермiona вслед за миссис Уизли покинула комнату.

– Я чувствую себя домовым эльфом, – вполголоса пожаловался Рон, по-прежнему потирая голову, когда они с Гарри направились следом. – Вся разница, что радости от работы не ощущаю. Чем скорее закончится эта свадьба, тем счастливее я буду.

– Ага, – кивнул Гарри, – тогда нам совсем ничего не придётся делать, кроме как Хоркраксы искать... это будут практически каникулы, э?

Рон начал было смеяться, но при виде колоссальной груды свадебных подарков, поджидавших их в комнате миссис Уизли, мгновенно затих.

Делакуры прибыли на следующий день в одиннадцать утра. Гарри, Рон, Гермiona и Джинни к этому моменту заочно успели довольно сильно на семью Флер обидеться, так что Рон без особого энтузиазма поплёлся обратно к себе, чтобы натянуть на ноги два одинаковых носка, а Гарри попытался пригладить волосы. Как только им было официально подтверждено, что они прилично выглядят, они все вместе вышли в солнечный задний двор, чтобы ждать гостей там.

Гарри никогда ещё не видел двор таким чистым. Ржавые котлы и старые сапоги, обычно захламывавшие ступени перед задней дверью, исчезли; вместо них по бокам двери стояли два больших горшка с трепетливыми кустиками²²; несмотря на отсутствие ветра, листья лениво колыхались, образуя приятную волнообразную картину. Всех кур заперли, двор подмести, а расположенный рядом сад подрезали, пропололи и в целом привели в пристойный вид, хотя Гарри, которому он нравился в своём обычном полузапущенном состоянии, показалось, что сейчас, когда в нём не кипят гномы, он выглядит каким-то унылым.

Он сбился со счёта, пытаясь понять, сколько защитных заклинаний было наложено на Нору как Орденом, так и Министерством; всё, что он знал, – это что прибыть непосредственно сюда при помощи магии стало совершенно невозможно. Как следствие этого, мистер Уизли отправился встречать Делакуров на вершину ближайшего холма, куда они должны были прибыть с портключом. Первым признаком их приближения стал необычайно высокий смех, исходивший, как выяснилось, от мистера Уизли; секунды спустя в воротах появился и он сам, нагруженный багажом и ведущий за собой красивую светловолосую женщину в длинной зелёной мантии – несомненно, мать Флер.

– *Maman!* – закричала Флер, бросившись вперёд, чтобы обнять её. – *Papa!*

Месье Делакур был и близко не так привлекателен, как его жена; он был на голову ниже неё и чрезвычайно тучен, на лице его была маленькая чёрная борода-эспаньолка. Выглядел он, однако, вполне добродушно. Кинувшись навстречу миссис Уизли на своих туфлях на высоком каблуке, он чмокнул её по два раза в каждую щёку, заставив смутиться.

²² Flutterby Bushes. Flutter – трепетать, порхать.

– У вас было столько трудностей, – низким голосом проговорил он. – Флер рассказывала нам, что вы очень много работали.

– О, да это ничего, ничего! – высоким голосом ответила миссис Уизли. – Никаких проблем, совсем никаких.

Рон выразил свои чувства, пнув гнома, выглядывавшего из-за одного из новых трепетливых кустиков.

– Дорогая леди! – торжественно произнёс месье Делакур, по-прежнему держа руку миссис Уизли двумя своими пухлыми ручками и улыбаясь во весь рот. – Будущее объединение двух наших семей – для нас большая честь! Позвольте мне представить мою жену Аполлину.

Мадам Делакур грациозно скользнула вперёд и наклонилась, чтобы тоже поцеловать миссис Уизли.

– *Enchantée*²³, – произнесла она. – Ваш муж рассказывал нам такие интересные вещи!

Мистер Уизли испустил маниакальный смех; миссис Уизли кинула на него взгляд, от которого он мгновенно затих и принял вид, подобающий человеку, стоящему у постели тяжело больного близкого друга.

– И конечно, вы уже знакомы с моей младшей дочерью Габриэлью! – сказал месье Делакур. Габриэль была миниатюрной копией Флер; одиннадцатилетняя, с длинными, до пояса, волосами чистого серебристо-белого цвета, она одарила миссис Уизли ослепительной улыбкой и обняла её, после чего, взмахнув ресницами, кинула на Гарри сияющий взгляд. Джинни громко прокашлялась.

– Ну всё, проходите, давайте! – бодро воскликнула миссис Уизли и провела Делакуров в дом, что сопровождалось многочисленными «пожалуйста», «только после вас» и «не за что».

Делакуры, как вскоре выяснилось, оказались милыми, трудолюбивыми гостями. Они были всем довольны и горели желанием помогать в приготовлениях к свадьбе. Месье Делакур объявлял всё, от схемы посадки гостей до туфель подружек невесты, «*charmant!*»²⁴. Мадам Делакур оказалась весьма сведущей в хозяйственных заклинаниях и вычистила духовку в мгновение ока; Габриэль хвостиком ходила за своей старшей сестрой, пытаясь помочь всем, чем могла, и быстро треща по-французски.

Обратной стороной медали оказалось то, что Нора была не приспособлена к тому, чтобы в ней жило так много народу. Мистер и миссис Уизли спали теперь в гостиной, громогласно подавив протесты месье и мадам Делакур и настояв, чтобы те заняли их спальню. Габриэль спала вместе с Флер в бывшей комнате Пёрси, а Билл должен был спать в одной комнате с Чарли, своим шафером, как только тот прибудет из Румынии. Возможности планировать что-либо вместе стали абсолютно нереальными, и то, что Гарри, Рон и Гермиона сами вызвались кормить кур, было жестом отчаяния – только бы убраться из переполненного дома.

²³ *Enchantée* – «Я очарована», «Я восхищена» (фр.)

²⁴ *Charmant* – очаровательно (фр.)

— Ну *никак* она не оставит нас в покое! — проворчал Рон, когда их вторая попытка встретиться во дворе была сорвана появлением миссис Уизли с большой корзиной свежевystиранного белья в руках.

— О, как хорошо, что вы покормили кур, — произнесла она, подойдя к ним. — Нам лучше бы их снова запереть, завтра к нам ещё люди придут... шатёр установить для свадьбы, — пояснила она, привалившись к стенке курятника. Выглядела она очень усталой. — Магическая Мебель Милламанта... очень хорошая фирма. Билл будет их сопровождать... Тебе лучше из дому не выходить, пока они будут здесь, Гарри. Надо сказать, намного труднее организовывать свадьбу, когда всюду понатыканы эти защитные заклятья.

— Простите меня, — робко проговорил Гарри.

— О, не глупи, мой дорогой! — тотчас возразила миссис Уизли. — Я не хотела сказать... Словом, твоя безопасность гораздо важнее! На самом деле я хотела спросить, как ты собираешься отмечать свой день рождения, Гарри. Семнадцать, в конце концов, это очень важная годовщина...

— Я не хочу суеты, — быстро ответил Гарри, представив себе дополнительную нагрузку, которая должна будет на всех свалиться. — На самом деле, миссис Уизли, достаточно обычного ужина, ничего больше... Это будет всего за день до свадьбы...

— Ну ладно, если ты так считаешь, дорогой. Я приглашу Римуса и Тонкс, хорошо? А что насчёт Хагрида?

— Это было бы здорово. Только пожалуйста, не утруждайте себя слишком сильно.

— Да ничего, ничего... Это совсем не трудно...

Она окинула его долгим, изучающим взглядом, затем немного печально улыбнулась, выпрямилась и пошла прочь. Гарри смотрел, как миссис Уизли взмахнула волшебной палочкой рядом с бельевой верёвкой, после чего сырая одежда взмыла в воздух и повисла на ней. Внезапно он ощутил резкий укол сожаления за всё то неудобство и боль, которые он ей причинял.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЗАВЕЩАНИЕ АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА

Он шёл в одиночестве по горной дороге, освещаемый прохладным голубым рассветным сиянием. Далеко внизу, закутанная в туман, виднелась тень маленького городка. Там ли находился человек, которого он искал? Человек, который был ему нужен так сильно, что он не мог думать ни о чём другом, человек, который знал ответ, знал решение его проблемы...

– Эй, просыпайся.

Гарри открыл глаза. Он вновь лежал на раскладушке в захлащённой комнатке Рона под чердаком. Солнце ещё не взошло, и комната была погружена в тени. Свинстун спал, спрятав голову под своё крохотное крылышко. Шрам на лбу у Гарри покалывало.

– Ты бормотал во сне.

– Правда?

– Ага. «Грегорович». Ты всё время повторял «Грегорович».

Гарри был без очков; лицо Рона казалось слегка размытым.

– Кто такой Грегорович?

– Мне-то откуда знать? Это ты его имя говорил.

Гарри потёр свой лоб, усиленно размышляя. У него было смутное ощущение, что он слышал это имя раньше, но он никак не мог вспомнить, где.

– Я думаю, Волдеморт его ищет.

– Вот беда, – с чувством прокомментировал Рон.

Гарри уселся, по-прежнему потирая шрам; теперь он проснулся окончательно. Он попытался в точности припомнить, что именно он видел во сне, но всё, что вспомнилось, – это горы повсюду вокруг и контур маленькой деревни, примостившейся в глубокой долине.

– Кажется, он за границей.

– Кто, Грегорович?

– Волдеморт. Я думаю, он где-то за границей, разыскивает Грегоровича. Это было совершенно не похоже на Британию.

– Ты думаешь, ты снова заглянул в его мысли? – голос Рона звучал обеспокоенно.

– Окажи любезность, не говори Гермионе, – попросил Гарри. – Хотя как, по её мнению, я смогу перестать видеть разную фигню во сне...

Он уставился на маленькую клетку Свинстуна, продолжая размышлять... Почему фамилия «Грегорович» была ему знакома?

– Мне кажется, – медленно произнёс Гарри, – он имеет какое-то отношение к квиддичу. Там какая-то связь, но я не могу... не могу понять какая.

– Квиддич? – переспросил Рон. – Ты уверен, что ты думаешь не о Горговиче?

– О ком?

– О Драгомире Горговиче. Это гончий, проданный два года назад в «Пушки Чадли» за рекордную стоимость. Лидер по числу потерь квоффла за сезон.

– Нет, – покачал головой Гарри. – Определённо я думаю не о Горговиче.

– Я тоже стараюсь о нём не думать, – сообщил Рон. – Ну, в любом случае – с днём рождения!

– Ух ты – точно, я совсем забыл! Мне семнадцать!

Гарри схватил волшебную палочку, лежавшую рядом с раскладушкой, указал ей на заваленный вещами столик, на который он положил свои очки, и скомандовал: «*Accio очки!*» Хотя до них было не больше фута, он ощущал колоссальное удовлетворение, глядя, как они летят прямо к нему, по крайней мере пока дужка не ткнула его в глаз.

– Круто, – хмыкнул Рон.

Наслаждаясь исчезновением Метки, Гарри принялся отправлять в полёт по комнате разные вещи Рона, чем разбудил Свинстунa, начавшего тут же возбуждённо порхать по клетке. Затем Гарри попытался с помощью магии завязать шнурки на кроссовках (потом у него ушло несколько минут, чтобы развязать получившийся узел вручную) и, чисто ради удовольствия, перекрасил оранжевые мантии на Роновых постерах с «Пушками Чадли» в ярко-синий цвет.

– Только ширинку я бы на твоём месте руками застегнул, – посоветовал Рон и ухмыльнулся, увидев, что Гарри немедленно проверил, не расстёгнута ли она. – Держи подарок. Разверни лучше здесь, это не для глаз мамаша.

– Книга? – удивился Гарри, взяв прямоугольный свёрток. – Некоторое отступление от традиции, э?

– Это не просто какая-то там книга, – заверил Рон. – Это чистое золото: «Двенадцать безотказных способов очаровать ведьму». Объясняет всё, что тебе необходимо знать о девушках. Если б только она была у меня в прошлом году, я бы точно знал, как мне избавиться от Лаванды, и я бы знал, как мне начать встречаться с... Короче, Фред и Джордж подарили мне её, и я много узнал. Ты будешь удивлён, там не всё делается с помощью волшебной палочки.

Когда они спустились в кухню, на столе обнаружилась кучка подарков. Билл и месье Делакур заканчивали завтрак, в то время как миссис Уизли беседовала с обоими, стоя над большой сковородой.

– Артур поручил мне поздравить тебя с семнадцатилетием, Гарри, – широко улыбнулась ему миссис Уизли. – Ему пришлось рано уйти на работу, но к ужину он вернётся. Подарок от нас – вон там, наверху.

Гарри уселся, взял квадратный свёрток, на который она показала, и развернул его. Внутри лежали часы, очень похожие на те, что мистер и миссис Уизли подарили на семнадцатилетие Рону, – золотые, со звёздами, вращающимися по циферблату вместо стрелок.

– Это традиция – дарить часы колдуну, когда он становится совершеннолетним, – пояснила миссис Уизли, стоя возле плиты и обеспокоенно глядя на Гарри. – Боюсь, эти не такие новые, как у Рона, – они раньше принадлежали моему брату Фабиану, а он не очень бережно обращался со своими вещами, и они сзади немного поцарапаны, но...

Договорить свою речь ей не удалось; Гарри поднялся с места и обнял её. Он попытался вложить в это объятие всё то, что не мог выразить словами. Вероятно, миссис Уизли его

поняла, поскольку, когда Гарри разжал объятия, она неуклюже потрепала его по щеке и наугад взмахнула палочкой, заставив половину бекона выпрыгнуть из сковородки и шлёпнуться на пол.

– С днём рождения, Гарри! – воскликнула Гермиона, вбегая в кухню и добавив свой подарок на вершину кучи. – Не бог весть что, конечно, но я надеюсь, он тебе понравится. А ты что ему подарил? – добавила она, обратившись к Рону; тот сделал вид, что не расслышал.

– Давай, открывай Гермионин! – сказал Рон.

Она купила ему новый хитроскоп. Другие свёртки заключали в себе заколдованную бритву («А, да, она обеспечит тебе самое мягкое бритьё, какое только можно», – заверил его месье Делакур, – «но ты должен чётко сказать ей, чего ты хочешь... иначе ты обнаружишь, что у тебя немного меньше волос, чем тебе хотелось бы...»), шоколад от Делакуров и огромную коробку самых свежих товаров «Улётных Уловов Уизли»²⁵ от Фреда и Джорджа.

Гарри, Рон и Гермиона не стали задерживаться за столом, поскольку с приходом мадам Делакур, Флер и Габриэль в кухне стала чересчур тесно.

– Я это для тебя упакую, – весело произнесла Гермиона, забирая у Гарри подарки, и все трое направились по лестнице вверх. – Я уже почти закончила, осталось только дождаться, когда из стирки придут твои остальные трусы, Рон...

Сердитая ответная реплика Рона была прервана звуком открывшейся на втором этаже двери.

– Гарри, зайти на минуточку, пожалуйста.

Это была Джинни. Рон резко затормозил, но Гермиона взяла его под локоть и потащила дальше по лестнице. Гарри вслед за Джинни вошёл в её комнату.

Здесь он никогда раньше не был. Комната была маленькая, но светлая. На одной стене висел большой постер колдовской группы «Странные сестрички», на другой – фотография Гвенет Джонс, капитана полностью женской квиддичной команды «Головастые Гарпии». Напротив открытого окна стоял письменный стол; окно выходило во фруктовый сад, где они с Джинни, Роном и Гермионой играли когда-то в облегчённый (по двое в команде) квиддич и где сейчас стоял большой жемчужно-белый шатёр. Золотой флаг на макушке шатра был вровень с Джинниным окном.

Джинни посмотрела Гарри прямо в глаза, сделала глубокий вдох и произнесла:

– Поздравляю с семнадцатилетием.

– Ага... спасибо.

Она неотрывно смотрела на него; ему, в то же время, было очень трудно поднять на неё глаза, это было всё равно что смотреть на яркий свет.

– Отличный вид, – слабым голосом сказал Гарри, указав на окно.

Джинни не обратила на эти слова ни малейшего внимания. Он не мог её в этом винить.

– Я не смогла придумать, что тебе подарить, – продолжила она.

– Тебе необязательно что-либо мне дарить.

Это она тоже проигнорировала.

²⁵ Weasley Wizarding Wheezes. Wizarding – колдовской, wheeze – трюк, уловка.

– Я не знала, что тебе сможет пригодиться. Что-то не очень большое, иначе ты не сможешь взять это с собой.

Он рискнул всё-таки взглянуть на неё. Слёз в её глазах не было; это была одна из многих замечательных черт Джинни, она почти никогда не плакала. Иногда он думал, что наличие шести братьев её здорово закалило.

Она подошла на шаг ближе к нему.

– И тогда я подумала, мне хотелось бы, чтобы у тебя было что-то, чтобы ты помнил обо мне, если ты встретишь какую-нибудь вилу, когда ты уйдёшь делать то, что ты собираешься делать.

– Я подозреваю, возможностей для свиданий там у меня будет крайне мало, честно говоря.

– Этого момента я так долго ждала, – прошептала она, и после этого она его поцеловала так, как никогда не целовала его раньше, и Гарри целовал её в ответ, и наступило блаженное забытие, лучше, чем от огневиски; она была единственной реальностью в этом мире, Джинни, ощущение её, когда он держал одну руку у неё на спине, а другую в её длинных, ароматных волосах...

Дверь за их спиной распахнулась, и они отскочили друг от друга.

– Ох, – саркастически произнёс Рон. – Извините.

– Рон! – чуть запыхавшаяся Гермиона стояла прямо у него за спиной. Повисло натянутое молчание, затем Джинни тихим ровным голосом проговорила:

– Ну, в любом случае – с днём рождения, Гарри.

Уши Рона пылали, Гермиона явно нервничала. Гарри хотел захлопнуть дверь прямо им в лицо, но он чувствовал, что с открытием двери в комнату словно ворвалась струя холодного воздуха, и его лучший миг лопнул, как мыльный пузырь. Все его основания для того, чтобы прервать отношения с Джинни, чтобы держаться подальше от неё, казалось, проползли в комнату вслед за Роном, и счастливое забытие прошло.

Он глянул на Джинни, желая что-нибудь ей сказать, правда, плохо представляя, что именно, но она повернулась к нему спиной. Ему показалось, что она, возможно, впервые поддалась слезам. На глазах у Рона он ничего не мог сделать, чтобы её утешить.

– Увидимся позже, – сказал он и вышел из комнаты вслед за Роном и Гермионой.

Рон стремительно шёл вниз, сквозь всё ещё запруженную кухню и во двор; Гарри всё время держался рядом с ним, Гермиона с испуганным видом семенила сзади.

Добравшись до укромного уголка свежестриженной лужайки, Рон повернулся к Гарри.

– Ты с ней разошёлся. Что ты делаешь, зачем её мучаешь?

– Я её не мучаю, – ответил Гарри как раз в тот момент, когда их догнала Гермиона.

– Рон...

Но Рон предостерегающе вытянул руку, и он замолчала.

– Ей было очень паршиво, когда ты это прекратил...

– И мне тоже. Ты знаешь, почему я это прекратил – не потому, что мне этого хотелось.

– Да, но теперь ты с ней лижешься, и сейчас она снова начнёт надеяться...

– Она не идиотка, она знает, что этого не случится, она не ожидает, что мы... что мы поженимся, или...

В тот момент, когда он это произнёс, в воображении Гарри нарисовалась отчётливая картина: Джинни в белом платье выходит замуж за высокого, безликого, противного иностранца. В следующее мгновение его словно ударило мыслью: её будущее свободно и ничем не отягощено, в то время как его... Он не видел впереди ничего, кроме Волдеморта.

– Если ты будешь лапать её при каждой возможности...

– Этого больше не повторится, – хриплым голосом сказал Гарри. День был совершенно безоблачным, но он чувствовал себя так, словно солнце внезапно скрылось. – Нормально?

Рон смотрел возмущённо и вместе с тем робко; несколько секунд он покачивался на мысках взад-вперёд, после чего произнёс:

– Ну тогда, это, ладно... ага.

До конца дня Джинни не пыталась ещё раз встретиться один на один с Гарри; ни единым словом или жестом она не показала, что в её комнате у них с Гарри было что-то большее, чем просто вежливый разговор. Как бы там ни было, с приходом Чарли на душе у Гарри полегчало: он отвлёкся, наблюдая, как миссис Уизли силой впихнула Чарли в кресло, с угрожающим видом подняла волшебную палочку и заявила, что сейчас он наконец-то будет нормально пострижен.

Поскольку от количества присутствующих на праздничном ужине в честь дня рождения Гарри кухня Норы неминуемо лопнула бы даже до прихода Чарли, Люпина, Тонкс и Хагрида, несколько столов были составлены вместе в саду. Фред и Джордж зачаровали множество фиолетовых фонарей с нанесённым сбоку большим числом 17, чтобы они висели в воздухе над гостями. Благодаря стараниям миссис Уизли рана Джорджа была чистой и аккуратной, но Гарри по-прежнему не привык видеть тёмную дырку около его виска, несмотря на многочисленные шутки близнецов на эту тему.

Гермиона выпустила из своей волшебной палочки струи фиолетового и золотого серпантина, которые искусно развесились на деревьях и кустах.

– Супер, – произнёс Рон, когда Гермиона сделала последний взмах палочкой и превратила листья на дикой яблоне в золотые. – У тебя действительно талант на такие штуки.

– Спасибо, Рон, – ответила Гермиона с довольным и одновременно чуть сконфуженным видом. Гарри отвернулся, улыбнувшись про себя. Его посетила забавная мысль, что неплохо бы ему найти главу о комплиментах, когда у него будет время полистать свои «Двенадцать безотказных способов очаровать ведьму»; он поймал взгляд Джинни и улыбнулся ей, но тут же вспомнил обещание, данное Рону, и быстренько завёл разговор с месье Делакуром.

– Освободите проход, освободите проход! – пропела миссис Уизли, входя в ворота; прямо перед ней в воздухе парило нечто вроде огромного, размером с пляжный надувной мяч, снитча. Через несколько секунд до Гарри дошло, что это был его именинный торт, который миссис Уизли предпочла подвесить в воздухе, нежели рисковать нести его по неровной земле. Когда торт наконец приземлился в середине стола, Гарри произнёс:

– Он выглядит просто потрясающе, миссис Уизли.

– О, ничего особенного, мой дорогой, – гордо ответила она. За её плечом Рон поднял оба больших пальца и одними губами произнёс: «*Малоток*».

К семи часам прибыли все гости; Фред и Джордж встречали их на дороге и проводили в дом. Хагрид по случаю столь значимого события надел свой лучший (и совершенно ужасающий) ворсистый коричневый костюм. Люпин, хотя и улыбнулся, пожимая Гарри руку, выглядел, как показалось Гарри, довольно невесело. Это было очень странно; Тонкс рядом с ним буквально сияла.

– С днём рождения, Гарри, – поздравила она, крепко его обняв.

– Семнадцать, э! – сказал Хагрид, принимая от Фреда бокал вина размером с ведёрко. – Шесть лет как мы познакомились, Гарри, помнишь?

– Смутно, – ответил Гарри, улыбнувшись ему в ответ. – Кажется, ты тогда вышиб входную дверь, подарил Дадли свинячий хвост и сообщил мне, что я колдун?

– Деталей я не помню, – хохотнул Хагрид. – Всё намана, Рон, Гермиона?

– Мы отлично, – ответила Гермиона. – А как ты?

– А, неплохо. Малёшко занят, у нас несколько новорождённых единорожков, я их вам покажу, када вы вернётесь обратно... – Гарри старательно избегал взглядов Рона и Гермионы, пока Хагрид рылся у себя в карманах. – Во, Гарри – не мог просечь, чё те подарить, но тут я вспомнил об этом. – Он извлёк маленькую, немного пухлую сумочку с длинной верёвковой завязкой, очевидно предназначенную для ношения на шее. – Сумкасин²⁶. Спрячешь там чё хошь, и никто, кроме хозяина, это вытащить не сможет. Редкие штуки.

– Хагрид, спасибо!

– Ничё, ничё, – ответил Хагрид, взмахнув ладонью размером с крышку от урны. – А вот и Чарли! Всегда он мне нравился – эй! Чарли!

Чарли подошёл, грустно поглаживая свою новую, жестоко укороченную причёску. Он был ниже ростом, чем Рон, обладал плотным телосложением и многочисленными ожогами и царапинами на своих мускулистых руках.

– Привет, Хагрид, как дела?

– Давно собирался те написать. Как там Норберт?

– Норберт? – рассмеялся Чарли. – Норвежский гребнеспин? Мы теперь его зовём Норбертой.

– Чё – Норберт девочка?

– О да.

– А как вы определяете? – поинтересовалась Гермиона.

– Они гораздо более злобные, – ответил Чарли. Он оглянулся через плечо и негромко добавил: – Хорошо бы папа поспешил прийти. Мама начинает волноваться.

Они посмотрели на миссис Уизли. Она пыталась беседовать с мадам Делакур, но постоянно кидала взгляды на ворота.

– Я думаю, нам лучше начать без Артура, – обратилась она ко всем через пару секунд. – Он, похоже, задержался на – ох!

²⁶ Mokeskin. Skin – кожа, а в целом слово похоже на «moccasin» – мокасин.

Они все увидели это одновременно: струю света, пролетевшую через двор прямо на стол, где она превратилась в сверкающую серебряную ласку. Ласка встала на задние лапы и заговорила голосом мистера Уизли.

— Со мной идёт министр магии.

Патронус растворился в воздухе, оставив семью Флер изумлённо взирать на то место, где он исчез.

— Нам нельзя здесь оставаться, — тотчас заявил Люпин. — Гарри — прости — я всё объясню в другой раз...

Он ухватил Тонкс за запястье и потянул её прочь; они дошли до забора, перелезли через него и исчезли из виду. Миссис Уизли стояла как громом поражённая.

— Министр... но почему?.. Я не понимаю...

Но обсуждать ситуацию уже не было времени; секундой позже в воротах из ниоткуда появился мистер Уизли в сопровождении Руфуса Скримджера; последнего можно было легко узнать по характерной гриве седеющих волос.

Новоприбывшие прошли через двор в сад, к залитому светом фонарей столу; все сидели молча, наблюдая за их приближением. Когда Скримджер оказался под лучами фонарей, Гарри заметил, что он выглядел гораздо старше, чем при их последней встрече, похудевшим и более мрачным.

— Прошу прощения за вторжение, — произнёс Скримджер, после того как подошёл хромая к столу и остановился. — Тем более, что я, по-видимому, вломился на торжество.

Его взор на некоторое время задержался на гигантском торте-снитче.

— Поздравляю с днём рождения.

— Спасибо, — ответил Гарри.

— Мне необходимо с вами приватно побеседовать, — продолжил Скримджер. — А также с мистером Рональдом Уизли и мисс Гермионой Грейнджер.

— С нами? — удивлённо переспросил Рон. — Почему с нами?

— Я расскажу вам, когда мы окажемся где-нибудь в более уединённой обстановке, — заверил Скримджер. — Есть здесь такое место? — обратился он к мистеру Уизли.

— Да, разумеется, — немного нервно ответил мистер Уизли. — Скажем, эээ, гостиная, почему бы не воспользоваться ей?

— Ведите нас, — скомандовал Скримджер, обращаясь к Рону. — Не надо нас сопровождать, Артур.

Гарри, Рон и Гермиона встали; Гарри заметил, как мистер и миссис Уизли обменялись обеспокоенными взглядами. Когда они молча направились к дому, Гарри догадался, что Рон с Гермионой думают о том же, о чём и он: должно быть, Скримджер каким-то образом узнал, что они трое собираются бросить Хогвартс.

Скримджер не произнёс ни слова, пока они не прошли через неприбранную кухню и не оказались в гостиной Норы. Хотя сад был залит мягким золотистым вечерним светом, в гостиной было уже темно; Гарри, войдя, взмахнул волшебной палочкой в направлении масляных ламп, и они тотчас осветили неряшливую, но уютную комнату. Скримджер устроился в продавленном кресле, занимаемом обычно мистером Уизли, предоставив Гарри,

Рону и Гермионе втиснуться всем вместе на диван. Как только они уселись, Скримджер заговорил.

– У меня есть несколько вопросов к вам троим, и я полагаю, что будет лучше, если мы поговорим с вами по отдельности. Вы двое, – он показал на Гарри и Гермиону, – подождите наверху, пожалуйста, я начну с Рональда.

– Мы никуда не пойдём, – ответил Гарри; Гермиона яростно закивала. – Вы либо будете говорить с нами вместе, либо ни с кем.

Скримджер окинул Гарри долгим оценивающим взглядом. У Гарри сложилось впечатление, что министр прикидывал, стоит ли начинать открытый конфликт так быстро.

– Очень хорошо, вместе так вместе, – пожал он плечами, затем прокашлялся. – Причина, по которой я здесь, как вам наверняка известно, – завещание Альбуса Дамблдора.

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись.

– Неужели это для вас новость? Значит, вы не в курсе, что Дамблдор вам кое-что завещал?

– Н-нам всем? – переспросил Рон. – Мне и Гермионе тоже?

– Да, вам вс-...

Тут Гарри его перебил.

– Дамблдор погиб более месяца назад. Почему понадобилось столько времени, чтобы передать нам то, что он нам завещал?

– Неужели это неочевидно? – вмешалась Гермиона, прежде чем Скримджер смог ответить. – Они хотели изучить то, что он нам оставил. Вы не имели права этого делать! – при этих словах её голос слегка задрожал.

– У меня есть право делать всё, – равнодушно ответил Скримджер. – Декрет о Законной Конфискации даёт Министерству право конфисковывать завещанные предметы...

– Этот закон был создан, чтобы воспрепятствовать колдунам передавать друг другу Тёмные артефакты, – перебила Гермиона, – и Министерство должно иметь серьёзные основания полагать, что собственность умершего незаконна, прежде чем конфисковывать её! Не хотите ли вы мне сказать, что считали, что Дамблдор пытался передать нам что-то проклятое?

– Вы собираетесь продолжить карьеру в области магического законодательства, мисс Грейнджер? – поинтересовался Скримджер.

– Совершенно не собираюсь! – отрезала Гермиона. – Я надеюсь сделать что-то полезное для мира!

Рон рассмеялся. Взгляд Скримджера метнулся в его сторону, но тут же вернулся обратно, едва заговорил Гарри.

– Так почему вы решили позволить нам получить наши вещи сейчас? Не смогли найти повода удержать их у себя?

– Нет, наверняка просто из-за того, что тридцать один день уже прошёл, – тотчас ответила Гермиона. – Они не могут держать у себя предмет дольше этого срока, если не смогут доказать, что он опасен. Правильно?

– Считаете ли вы, что вы были в близких отношениях с Дамблдором, Рональд? – спросил Скримджер, проигнорировав слова Гермионы. Рон явно был удивлён вопросом.

– Я? Да нет... не особо... Обычно Гарри...

Рон оглянулся на Гарри и Гермиону как раз вовремя, чтобы увидеть лицо Гермионы, на котором было написано *«да замолчи же!»*, но дело было сделано: судя по виду Скримджера, он услышал ровно то, что хотел и ожидал услышать. Он набросился на ответ Рона, как птица на добычу.

– Если вы не были в близких отношениях с Дамблдором, чем вы объясните тот факт, что он упомянул вас в своём завещании? Он завещал поразительно мало вещей кому-либо персонально. Практически всё его имущество – его личная библиотека, его магические приборы и прочее движимое имущество – он оставил Хогвартсу. Почему, как вы полагаете, он выделил вас?

– Я... нинаю, – ответил Рон. – Я... когда я сказал, что мы не были близки... В смысле, я думаю, я ему нравился...

– Ты скромничаешь, Рон, – заявила Гермиона. – Дамблдор был очень высокого мнения о тебе.

Это утверждение можно было назвать правдой с очень большой натяжкой; насколько Гарри знал, Рон и Дамблдор ни разу не оказывались наедине, и прямой связи между ними практически не было. Однако Скримджер, по-видимому, не слушал. Он запустил руку под свой плащ и извлёк оттуда сумку, похожую на ту, что Хагрид подарил Гарри, но только гораздо больших размеров. Из сумки он достал свиток пергамента, после чего развернул его и прочёл вслух.

– *«Завещание Альбуса Персиваля Вулфрика Брайана Дамблдора»...* Да, вот здесь... *«Рональду Билиусу Уизли я завещаю свой Делюминатор, в надежде, что он будет вспоминать обо мне, когда будет пользоваться им».*

Скримджер извлёк из сумки предмет, который Гарри уже видел раньше: нечто похожее на серебряную зажигалку. Но Гарри знал, что этот предмет мог одним щелчком гасить весь свет в каком-либо месте, а потом возвращать его. Скримджер потянулся вперёд и протянул Делюминатор Рону, тот с ошеломлённым видом взял его и начал вертеть в пальцах.

– Это ценный предмет, – произнёс Скримджер, наблюдая за Роном. – Возможно, даже уникальный. Определённо его сделал сам Дамблдор. Почему бы он оставил вам столь редкую вещь?

Рон покачал головой, он по-прежнему был потрясён.

– Дамблдор обучил, должно быть, тысячи учеников, – настаивал Скримджер. – Тем не менее в своём завещании он упомянул только вас троих. Почему? Каким образом, по его мнению, вы должны применить его Делюминатор, мистер Уизли?

– Выключать свет, наверно, – пробормотал Рон. – Что ещё с ним можно делать?

Судя по всему, встречных идей у Скримджера не нашлось. Посмотрев немного на Рона из-под полуприкрытых век, он вновь вернулся к завещанию Дамблдора.

– *«Мисс Гермионе Джин Грейнджер я завещаю свой экземпляр «Сказок барда Бидла», в надежде, что она найдёт его увлекательным и полезным».*

На этот раз Скримджер вытащил из сумки маленькую книжку, на вид столь же древнюю, как «Тайны Темнейшего искусства» наверху. Кожа, покрывающая переплёт, была покрыта пятнами и местами отслоилась. Гермиона без единого слова взяла её у Скримджера. Она положила книгу на колени и уставилась на неё. Гарри заметил, что название было написано рунами; он так и не научился их разбирать. Пока он смотрел на книгу, на выпуклые символы упала слеза.

– Почему, как вы считаете, Дамблдор завещал вам эту книгу, мисс Грейнджер? – спросил Скримджер.

– Он... он знал, что я люблю книги, – еле разборчиво проговорила Гермиона, вытирая глаза рукавом.

– Но почему именно эту книгу?

– Не знаю. Наверное, он думал, что она мне понравится.

– Вы когда-либо обсуждали с Дамблдором шифры или какие-либо другие способы передавать секретные сообщения?

– Нет, никогда, – Гермиона всё ещё вытирала глаза рукавом. – И уж если Министерство за тридцать один день не нашло в этой книге никаких скрытых шифров, сомневаюсь, что я найду.

Она подавила всхлип. Они трое были стиснуты так плотно, что Рону пришлось приложить усилие, чтобы высвободить руку и обнять Гермиону за плечи. Скримджер вновь вернулся к завещанию.

– «Гарри Джеймсу Поттеру», – прочёл он, и всё внутри Гарри сжалось в предвкушении, – *«я оставляю снитч, пойманный им в своём первом квиддичном матче в Хогвартсе, как напоминание о награде за настойчивость и мастерство».*

Когда Скримджер вытащил маленький золотой мяч размером с грецкий орех и его серебряные крылышки вяло забили по воздуху, Гарри внезапно ощутил разочарование.

– Почему Дамблдор оставил вам этот снитч?

– Без понятия, – ответил Гарри. – По причине, которую вы только что прочли, я полагаю... Чтобы напомнить мне, чего можно достичь, если ты... настойчив и что там ещё.

– Значит, вы полагаете, что это чисто символический памятный знак?

– Наверно, так, – пожал плечами Гарри. – А чем ещё это может быть?

– Здесь я спрашиваю, – сказал Скримджер, придвинув кресло чуть ближе к дивану. Теперь стемнело уже и снаружи; шатёр за окном белой призрачной тенью возвышался над забором.

– Я обратил внимание, что ваш именинный торт сделан в форме снитча, – вновь обратился Скримджер к Гарри. – Почему бы это?

Гермиона иронично рассмеялась.

– О, это просто не может иметь отношения к тому, что Гарри сильный искатель, это было бы слишком очевидно. Наверняка там в глазури тайное сообщение от Дамблдора!

– Я не думаю, что что-то там спрятано в глазури, – произнёс Скримджер, – но снитч может быть идеальным местом, где можно спрятать небольшой предмет. Вы, конечно, знаете почему?

Гарри пожал плечами. Гермиона, однако, ответила; в голове у Гарри мелькнула мысль, что стремление давать правильные ответы стало у неё настолько въевшейся привычкой, что она просто не смогла его подавить.

– Потому что снитчи имеют память кожи, – ответила она.

– Что? – хором переспросили Гарри и Рон; они оба считали познания Гермионы в области квиддича близкими к нулю.

– Правильно, – кивнул Скримджер. – До снитча никогда не дотрагиваются голой кожей, пока его не выпустят в воздух, даже его создатель, он работает в перчатках. На снитч накладывается заклятие, благодаря которому он может узнавать первого человека, дотронувшегося на него, на случай споров касательно его поимки. Этот снитч, – он приподнял крошечный золотой мячик, – помнит ваше прикосновение, Поттер. Мне кажется, что Дамблдор, имевший, при всех своих недостатках, выдающиеся магические способности, мог зачаровать это снитч таким образом, чтобы он открылся только вам.

Сердце Гарри понеслось вскачь. Он был уверен, что Скримджер прав. Как же ему избежать необходимости взять снитч голой рукой, сидя прямо перед министром?

– Вы молчите, – отметил Скримджер. – Возможно, вам уже известно, что содержится в снитче?

– Нет, – ответил Гарри, всё ещё не представляя себе, как он сможет притвориться, что касается снитча, не дотрагиваясь до него на самом деле. Если бы только он владел легилименцией, на самом деле владел, и смог бы прочесть мысли Гермионы... Он буквально слышал, как они бурлят совсем рядом.

– Возьмите его, – тихо приказал Скримджер.

Гарри встретился взглядом с жёлтыми глазами министра и понял, что у него нет иного выхода, кроме как повиноваться. Он вытянул руку; Скримджер вновь наклонился вперёд и медленно и осторожно поместил снитч Гарри на ладонь.

Ничего не произошло. Когда Гаррины пальцы сомкнулись вокруг снитча, усталые крылышки взметнулись в последний раз и опали. Скримджер, Рон и Гермиона продолжали пожирать глазами практически полностью скрытый теперь мячик, словно всё ещё надеясь, что он во что-нибудь превратится.

– Как это было драматично, – холодно произнёс Гарри. Рон и Гермиона рассмеялись.

– Это всё, стало быть, мы свободны? – спросила Гермиона, попытавшись оторваться от дивана.

– Не совсем, – ответил Скримджер, настроение которого явно испортилось. – Дамблдор завещал вам ещё один предмет, Поттер.

– И что же это? – возбуждение Гарри вновь возросло.

На сей раз Скримджер не соизволил прочесть по завещанию.

– Меч Годрика Гриффиндора.

Гермиона и Рон застыли на месте. Гарри оглянулся, рассчитывая увидеть инкрустированную рубинами рукоять, но Скримджер не вытаскивал меч из кожаной сумы; впрочем, она в любом случае была слишком маленькой, чтобы он мог там уместиться.

– Ну и где он? – подозрительно спросил Гарри.

– К сожалению, – ответил Скримджер, – этот меч не принадлежал Дамблдору, чтобы он мог его завещать. Меч Годрика Гриффиндора – важный исторический артефакт и, как таковой, принадлежит...

– Он принадлежит Гарри! – горячо воскликнула Гермиона. – Он его выбрал, Гарри его нашёл, он пришёл к Гарри из Сортировочной Шляпы...

– Судя по достоверным историческим источникам, меч может вручить себя любому достойному гриффиндорцу, – ответил Скримджер. – Это не делает его исключительной собственностью мистера Поттера, что бы ни решил по этому поводу Дамблдор, – Скримджер почесал свою плохо выбритую щёку, изучая Гарри. – Почему, по вашему мнению?..

– ...Дамблдор хотел передать мне меч? – перебил Гарри, изо всех сил стараясь сдержаться. – Возможно, он полагал, что он будет отлично смотреться у меня на стене.

– Это не шутка, Поттер! – прорычал Скримджер. – Может быть, это было продиктовано тем, что Дамблдор верил, что лишь меч Годрика Гриффиндора сможет одолеть Наследника Слизерина? Может быть, он желал передать вам этот меч, Поттер, потому что он, как и многие другие, верил, что именно вам предназначено судьбой уничтожить Того-Кого-Нельзя-Называть?

– Интересная теория, – заметил Гарри. – Любопытно, кто-нибудь когда-нибудь пытался ткнуть мечом в Волдеморта? Возможно, Министерству стоит подрядить нескольких человек на это дело, вместо того чтобы тратить время, разбирая Делюминаторы или заматывая под коврик побеги из Азкабана. А вы, значит, вот чем занимаетесь, министр – запираетесь в своём кабинете и пытаетесь заставить открыться снитч? Люди гибнут, я чуть было не стал одним из них, Волдеморт за мной гнался через полстраны, он убил Безумного Глаза Муди, но ни о чём об этом от Министерства не было и полслова, не так ли? И вы всё ещё хотите, чтобы мы с вами сотрудничали!

– Ну это уж слишком! – рявкнул Скримджер, вставая с кресла; Гарри тоже вскочил на ноги. Скримджер, прихрамывая, подошёл к Гарри вплотную и ткнул ему в грудь кончиком своей волшебной палочки; она прожгла в Гарриной футболке отверстие, словно зажжённая сигарета.

– Эй! – воскликнул Рон, вскакивая на ноги и выхватывая свою палочку, но Гарри его остановил:

– Нет! Хочешь дать ему повод арестовать нас?

– Вспомнил наконец, что ты не в школе, да? – прошипел Скримджер, тяжело дыша Гарри в лицо. – Вспомнил, что я не Дамблдор, который прощал тебе твою дерзость и неуважение к старшим? Ты можешь носить этот шрам, как корону, Поттер, но я не позволю семнадцатилетнему мальчишке учить меня делать мою работу! Пора тебе научиться уважению!

– Пора вам его заработать! – ответил Гарри.

Пол задрожал, послышался звук быстрых шагов, дверь в гостиную распахнулась, и в комнату вбежали мистер и миссис Уизли.

– Нам... нам показалось, что мы слышали... – начал мистер Уизли; при виде Гарри и министра, стоящих практически нос к носу, вид у него стал крайне встревоженный.

– ...громкие голоса, – пропыхтела миссис Уизли.

Скримджер отошёл от Гарри на пару шагов назад, поглядывая на дырку, которую он прожёл в Гарриной футболке. Похоже, он пожалел о своей несдержанности.

– Ничего... ничего особенного, – проворчал он. – Я... сожалею о вашем отношении, – добавил он, вновь глядя Гарри прямо в лицо. – Вы, похоже, считаете, что Министерство не желает того же, чего желаете вы... чего желал Дамблдор. Нам необходимо работать вместе.

– Мне не нравятся ваши методы, министр, – сказал Гарри. – Помните?

Во второй раз он поднял свой правый кулак и продемонстрировал Скримджеру шрамы, всё ещё белеющие на тыльной стороне его ладони: «Я не должен лгать». Лицо Скримджера отвердело. Без единого слова он развернулся и ухромал из комнаты. Миссис Уизли поспешила за ним; Гарри услышал, как она остановилась в дверях. Через минуту или около того она позвала остальных:

– Он ушёл!

– Чего он хотел? – спросил мистер Уизли, оглядывая Гарри, Рона и Гермиону, пока миссис Уизли торопливо семенила обратно к ним.

– Отдать нам то, что Дамблдор нам завещал, – ответил Гарри. – Они только сейчас огласили его последнюю волю.

Когда они снова оказались в саду, три предмета, которые Скримджер передал им, начали переходить из рук в руки. Все восторженно восклицали над Делюминатором и «Сказками барда Бидла» и выражали сожаление по поводу того, что Скримджер отказался отдать меч, но никто из них не мог высказать какого-либо предположения, зачем Дамблдору оставлять Гарри старый снитч. Когда мистер Уизли рассматривал Делюминатор в третий или четвёртый раз, миссис Уизли неуверенно сказала:

– Гарри, дорогой, все ужасно хотят есть, мы не хотели начинать без тебя... Может, мне подавать ужин?

Ели все довольно торопливо; после поспешного хорового исполнения «С днём рождения» и быстрого уничтожения торта празднование было окончено. Хагрид, приглашённый на завтрашнюю свадьбу, но слишком большой, чтобы ночевать в и без того переполненной Норе, удалился, чтобы поставить палатку в ближайшем поле.

– Встретимся наверху, – прошептал Гарри Гермионе, пока они помогали миссис Уизли возвращать сад в его нормальное состояние. – Когда все лягут спать.

Наверху, в комнате под чердаком, Рон продолжил изучать свой Делюминатор, а Гарри наполнял Хагридов Сумкасин – нет, не золотом, но самыми дорогими для себя вещами (хоть некоторые из них и были на взгляд совершенно бесполезными): Картой Мародёра, осколком зачарованного зеркала Сириуса и медальоном Р.А.Б.а. Он затянул завязку и повесил сумочку себе на шею, после чего уселся, держа старый снитч и наблюдая, как он вяло шевелит крылышками. Прошло некоторое время, прежде чем, наконец, Гермиона постучала в дверь и на цыпочках пробралась внутрь.

– *Muffliato*, – прошептала она, взмахнув палочкой в направлении лестницы.

– Мне казалось, ты это заклинание не одобряешь? – поинтересовался Рон.

– Времена меняются, – улыбнулась Гермиона. – А сейчас давай, покажи нам этот Делюминатор.

Рон подчинился немедленно. Держа его прямо перед Гарри и Гермионой, он щёлкнул. Единственная лампа, которую они зажгли, немедленно выключилась.

– Фокус в том, – прошептала Гермиона в образовавшейся темноте, – что мы могли бы достичь того же с помощью Перуанского Порошка Мгновенной Тьмы.

Раздался негромкий щелчок, и шар света взмыл обратно под потолок и снова осветил всех троих.

– И всё равно это круто, – с некоторым вызовом произнёс Рон. – И, судя по тому, что они сказали, Дамблдор сам его изобрёл!

– Я знаю, но, несомненно, он не стал бы упоминать тебя в своём завещании исключительно для того, чтобы помочь нам гасить свет!

– Думаешь, он знал, что Министерство конфискует его завещание и будет проверять всё, что он нам оставил? – спросил Гарри.

– Наверняка, – ответила Гермиона. – Он не мог сообщить в завещании, зачем он оставляет нам эти вещи, но это по-прежнему не объясняет...

– ...почему он не мог оставить нам хотя бы намёк, пока был жив? – предположил Рон.

– Ну... да, – кивнула Гермиона, начав пролистывать «Сказки барда Бидла». – Если эти вещи достаточно важны, чтобы передать их нам прямо под носом у Министерства, можно предположить, что он должен был дать нам знать, зачем... если только он не полагал, что это очевидно?

– Тогда он неправильно полагал, верно? – заявил Рон. – Я всегда говорил, что он чокнутый. Блестящий, и всё такое прочее, но сдвинутый. Оставить Гарри старый снитч – зачем, чёрт побери?

– Без понятия, – пожала плечами Гермиона. – Когда Скримджер заставил тебя взять его, Гарри, я была так уверена, что что-то должно случиться!

– Ну... да, – ответил Гарри, поднимая снитч; его пульс участился. – Я ж не собирался так уж сильно стараться, сидя пред Скримджером, как вы считаете?

– В каком смысле? – спросила Гермиона.

– Снитч, который я поймал в моём самом первом квиддичном матче? Неужели не помните?

Гермиона казалась сконфуженной. Рон, однако, ахнул и с безумным видом показал пальцем на Гарри, потом на снитч, потом снова на Гарри, и так пока снова не обрёл дар речи.

– Это тот самый, который ты чуть не проглотил!

– Точно, – кивнул Гарри и, едва удерживая в груди рвущееся наружу сердце, прижал снитч к губам.

Он не открылся. Расстройство и горькое разочарование переполнили его; он было опустил золотую сферу, но тут Гермиона выкрикнула:

– Надпись! На нём надпись, смотрите, скорее!

От удивления и возбуждения Гарри чуть не выронил снитч. Гермиона была совершенно права. На гладкой золотой поверхности, там, где секундами ранее не было ровным счётом ничего, были выгравированы слова, написанные мелким косым почерком, в котором Гарри узнал почерк Дамблдора.

«Я открываюсь при закрытии»²⁷.

Едва он успел прочесть слова, как они исчезли вновь.

– *«Я открываюсь при закрытии»*... И что это должно означать?

Гермиона и Рон с недоумённым видом покачали головами.

– Я открываюсь при закрытии... при *закрытии*... Я открываюсь при закрытии...

Но независимо от того, как часто они повторяли эти слова, с каким бы ударением они их произносили, извлечь ещё какой-либо смысл им так и не удалось.

– И меч, – сказал Рон, когда они, в конце концов, оставили все попытки угадать значение надписи на снитче. – Почему он хотел, чтобы меч был у Гарри?

– И почему он не мог просто взять и сказать мне? – тихо произнёс Гарри. – Он же был *там*, он был прямо там, на стене его кабинета, весь прошлый год, когда мы с ним там занимались! Если он хотел, чтобы я его забрал, почему он тогда просто не дал мне его?

У него было такое чувство, словно он сидит на экзамене, и перед ним лежит вопрос, который он должен знать, но мозг его работает медленно и неохотно. Может, во время его долгих бесед с Дамблдором в прошлом году было что-то, что он пропустил? Может, он должен был знать, что всё это значит? Может, Дамблдор ожидал от него, что он поймёт?

– И что касается этой книги, – сказала Гермиона, – «Сказки барда Бидла»... Я о них даже и не слышала никогда!

– Ты никогда не слышала о «Сказках барда Бидла»? – неверящим голосом переспросил Рон. – Ты шутишь, да?

– Нет, не шучу, – Гермиона явно была удивлена. – А ты что, их знаешь?

– Ну конечно, знаю!

Гарри поднял голову, отвлечённый от своих мыслей. Рон прочёл книгу, которую не прочла Гермиона, – это было беспрецедентно. Рон, однако, видя их изумление, сам был изумлён не меньше.

– Ох, да ладно вам! Все старые детские сказки Бидл написал, по крайней мере, так считается! «Фонтан вечной удачи»... «Колдун и прыгающий горшок»... «Бобблик Кробблик»²⁸ и его кудахчущий пенёк»...

– Ещё раз? – ухмыльнувшись, переспросила Гермиона. – Что ты назвал последнее?

– Да ладно тебе! – Рон, словно не веря своим ушам, переводил взгляд с Гарри на Гермиону. – Ты должна была слышать про Бобблика Кробблика...

– Рон, ты же прекрасно знаешь, что мы с Гарри выросли среди магглов! – воскликнула Гермиона. – Нам не рассказывали таких сказок, когда мы были маленькие, нам рассказывали «Белоснежку и семь гномов» и «Золушку»...

– Это что, болезнь такая? – поинтересовался Рон.

²⁷ В оригинале: «I open at the close».

²⁸ Babbity Rabbity. Rabbit – кролик.

– Значит, это всё детские сказки? – спросила Гермиона, вновь склоняясь над рунами.

– Ага, – неуверенно кивнул Рон. – В смысле, все так говорят, ну ты понимаешь, что все эти старые сказки придумал Бидл. Не знаю, на что они похожи в оригинале.

– Но интересно, почему Дамблдор считал, что мне нужно их прочесть?

Снаружи что-то скрипнуло.

– Наверно, это всего лишь Чарли, – нервно сказал Рон. – Пользуется тем, что мама заснула, хочет выбраться наружу, чтобы отрастить волосы заново.

– Кстати, и нам пора ложиться, – прошептала Гермиона. – Завтра проспать никак нельзя.

– Это точно, – согласился Рон. – Жестокое тройное убийство, совершённое матерью жениха, может малость подпортить свадьбу. Я выключу свет.

И, после того как Гермиона вышла из комнаты, он снова щёлкнул Делюминатором.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СВАДЬБА

На следующий день, когда пробило три часа пополудни, Гарри, Рон, Фред и Джордж стояли в саду перед гигантским белым шатром, ожидая появления гостей. Гарри принял большую дозу Многосущного зелья и выглядел теперь точной копией рыжеволосого подростка-маггла из ближайшей деревни Оттери Сент-Кэтчпол, у которого Фред позаимствовал волосы с помощью Манящих чар. Идея заключалась в том, чтобы представить Гарри как «кузена Барни» и надеяться на то, что огромное количество родственников Уизли надёжно прикроет эту маскировку.

Все четверо сжимали в руках планы посадки гостей, дабы помогать прибывающим занимать правильные места. Часом раньше уже прибыла прорва официантов в белых мантиях, а также ансамбль в золотистых жилетах, разместившийся под деревом неподалёку; Гарри видел исходящие от этого места голубые клубы трубочного дыма.

В самом шатре за спиной Гарри виднелись бесчисленные ряды хрупких на вид золотых стульев, расположенные по обе стороны длинного фиолетового ковра. Поддерживающие крышу шатра столбы были увиты белыми и жёлтыми цветами. Фред и Джордж привязали огромную связку золотистых воздушных шариков прямо над тем местом, где Билл и Флер должны будут вскорости стать мужем и женой. За пределами шатра над травой и кустами лениво летали пчёлы и бабочки. Гарри чувствовал себя довольно-таки неудобно. Юный маггл, чью внешность он сейчас изображал, был несколько полнее, чем он, так что его парадная мантия немного жала, а под прямыми лучами летнего солнца ещё и слегка жгла.

– Когда я буду жениться, – проговорил Фред, оттягивая ворот своей мантии, – я не стану забивать голову всем этим бредом. Вы все сможете носить что захотите, а на маму я наложу проклятие Телобинта, пока всё не закончится.

– Ну, кстати, сегодня утром она была не так уж плоха, – ответил Джордж. – Немного порыдала, что Пёрси здесь нету, но кому он нужен? О чёрт, приготовьтесь – вот они, смотрите.

На дальнем краю двора из ниоткуда одна за другой начали появляться пёстро одетые фигуры. Через несколько минут образовалась уже целая процессия, зигзагами пробирающаяся через сад к шатру. На шляпках ведьм колыхались экзотические цветки и порхали зачарованные птички, а с галстуков многих колдунов подмигивали драгоценные камни; возбуждённый гомон всё нарастал, заглушая жужжание пчёл по мере приближения толпы к шатру.

– Отлично, кажется, я вижу несколько кузин-вил, – произнёс Джордж, вытянув шею для улучшения обзора. – Надо будет им помочь разобраться в наших английских традициях, я пригляжу за ними...

– Не так быстро, Ваше Преосвященство²⁹, – заявил Фред и, прошмыгнув мимо компании немолодых ведьм, возглавляющих процессию, обратился к паре хорошеньких девушек-француженок. – Пожалуйста – *Permettez-moi* чтобы *assister vous*³⁰, – те хихикнули и позволили ему провести себя внутрь. Джорджу пришлось разбираться с немолодыми ведьмами, Рон занялся Пёркинсом, старым коллегой мистера Уизли по Министерству, в то время как Гарри досталась пожилая и явно глуховатая супружеская пара.

– Салют, – раздался знакомый голос, когда он снова вышел из шатра, и в самом начале очереди обнаружили Тонкс с Люпином. На этот раз она была блондинкой. – Артур сказал, что ты – тот, который кучерявый. Извини за вчерашнее, – добавила она шёпотом, пока Гарри вёл их по проходу между стульями. – Министерство сейчас против оборотней настроено очень сильно, и мы подумали, что наше присутствие может быть для тебя совсем бесполезным.

– Всё нормально, я понимаю, – заверил Гарри, больше обращаясь к Люпину, чем к Тонкс. Люпин одарил его быстрой улыбкой, но когда они отвернулись, Гарри заметил, как лицо Люпина вновь пошло унылыми морщинами. Он этого понять не мог, но времени, чтобы поразмышлять на тему, у него не было: Хагрид устроил небольшой тарарам. Неправильно поняв указания Фреда, он уселся не на увеличенное и укреплённое магически сиденье, поставленное чуть в стороне и сзади специально для него, а на пять обычных сидений; теперь эти сиденья напоминали большую груду золотых спичек.

Пока мистер Уизли устранял повреждения, а Хагрид громогласно изливал извинения всякому, кто желал их слушать, Гарри поспешил обратно к входу, где и застал Рона лицом к лицу с чрезвычайно эксцентричного вида колдуном. Чуть косящий, с белыми волосами до плеч, напоминающими внешне сахарную вату, он носил шапочку с кисточкой, свисающей прямо перед его носом, и мантию ослепительно-жёлтого, словно яичный желток, цвета. На золотой цепи, свисающей у него с шеи, сверкал странный символ, отдалённо напоминающий треугольный глаз.

– Ксенофилиус³¹ Лавгуд, – произнёс он, – протягивая Гарри руку. – Мы с дочерью живём прямо за холмом, так мило со стороны Уизли нас пригласить. Но я думаю, вы знакомы с моей Луной³²? – добавил он, обратившись к Рону.

– Да, – кивнул Рон. – А она не с вами?

– Она задержалась в этом очаровательном садике, чтобы поздороваться с гномами, это такие славные обитатели! Столь немногие колдуны сознают, сколь многому мы можем научиться от маленьких мудрых гномов – вернее, как их следует называть, *Gernumbli gardensi*.

– Наши знают много отличных ругательств, – заметил Рон, – но сдаётся мне, это Фред с Джорджем их научили.

Он повел в шатёр компанию чародеев, и в этот момент прибежала Луна.

²⁹ Your Holeyness, «Ваша Дырявость» дословно. Эта фраза мной взята из американского издания; в английском Фред называет Джорджа «Lugless», т.е. «безухий» на смеси английского и шотландского языков.

³⁰ Искражённый французский; что-то типа «Позвольте мне, чтобы помочь вас».

³¹ Xenophilus. Имя содержит греческие корни xenos (чужой) и phileo (люблю), но с латинским окончанием. Имя означает «человек, любящий инородное».

³² Luna, произносится с ударением на первый слог.

- Привет, Гарри! – воскликнула она.
- Э... меня зовут Барни, – в замешательстве ответил Гарри.
- О, ты это тоже поменял? – весело поинтересовалась она.
- Но как ты догадалась?..
- О, просто по выражению лица.

Как и её отец, Луна была одета в ярко-жёлтую мантию, в комплект к которой шёл огромный цветок подсолнуха в волосах. Если привыкнуть к ослепительной яркости всего этого, общее впечатление создавалось довольно приятное. По крайней мере, она не использовала редиски в качестве серёжек.

Ксенофилиус, поглощённый разговором со своим знакомым, не обратил внимания на эту беседу между Луной и Гарри. Попрощавшись со своим собеседником, он обернулся к своей дочери; та подняла вверх палец и сказала:

- Смотри, папочка – один из гномов меня укусил!
- Это замечательно! Гномья слюна невероятно полезна! – воскликнул мистер Лавгуд, взяв в руку отставленный палец Луны и изучая кровоточащие ранки. – Луна, дорогая моя, если ты сегодня ощутишь внезапный прилив таланта – возможно, неожиданное желание исполнить оперную арию или прочесть стихи по-русалочьи, – не подавляй его! Возможно, это дар от *Gernumbli*!

Рон, проходя мимо них в противоположном направлении, громко хрюкнул.

– Рон может смеяться, – мягко произнесла Луна, пока Гарри вёл её и Ксенофилиуса к их местам, – но мой отец довольно долго занимался исследованием магии *Gernumbli*.

– Правда? – сказал Гарри, давным-давно решивший не оспаривать оригинальных взглядов Луны и её отца. – Но ты уверена, что не хочешь смазать чем-нибудь этот укус?

– О, всё нормально, – заверила Луна, с мечтательным видом посасывая палец и оглядывая Гарри сверху вниз. – А ты нарядный. Я говорила папочке, что большинство народу, скорее всего, будут в парадных мантиях, но он уверен, что на свадьбу надо обязательно надевать солнечные цвета – ну ты знаешь, на счастье.

Когда она ускользнула вслед за своим отцом, Гарри вновь заметил Рона, в руку которого вцепилась очень старая ведьма. Её длинный клювообразный нос, красные ободки вокруг глаз и розовая шляпка с перьями придавали ей вид рассерженного фламинго.

– ...и волосы у тебя слишком длинные, Рональд, в какой-то момент мне показалось, что ты Джиневра. Чёрт побери, во что это обрядился Ксенофилиус Лавгуд? Он похож на омет. А ты кто такой? – пролаяла она, обращаясь к Гарри.

– Ах да, тётушка Мюриэл, это наш кузен Барни.

– Ещё один Уизли? Вы плодитесь как гномы. А Гарри Поттер разве не здесь? Я надеялась с ним познакомиться. Я думала, он твой друг, Рональд, или ты всего лишь хвастался?

– Нет – просто он не смог прийти...

– Хмм. Нашёл повод, значит, да? Похоже, он не столь безнадёжен, как выглядит на фотографиях в прессе. Я только что объясняла невесте, как правильно носить мою тиару, – громким голосом сообщила она Гарри. – Гоблинская работа, знаешь ли, и хранилась в моей

семье веками. Она красивая девочка, но всё-таки – *француженка*. Ну ладно, ладно, найди мне хорошее кресло, Рональд, мне уже сто семь лет, и мне не следует оставаться на ногах слишком долго.

Проходя мимо Гарри, Рон многозначительно на него посмотрел. Назад Рон не появлялся довольно долго; в следующий раз, когда они встретились у входа, Гарри проводил к своим местам ещё дюжину посетителей. Шатёр был практически заполнен, и очередь снаружи наконец-то рассосалась.

– Просто кошмар эта Мюриэл, – выговорил Рон, вытирая лоб рукавом. – Она раньше каждый год на Рождество приходила, затем, слава богу, она оскорбилась из-за того, что Фред и Джордж за ужином взорвали навозную бомбу у неё под стулом. Папа всё время говорит, что она их наверняка вычеркнет из своего завещания – как будто это их волнует, они к старости будут самыми богатыми в нашей семье, если продолжат теми же темпами, что и сейчас... Ни фига себе, – добавил он, усиленно моргая при виде торопливо идущей к ним Гермионы. – Ты шикарно выглядишь!

– Как всегда, удивление в голосе, – ответила Гермиона, впрочем улыбаясь. На ней было лёгкое лиловое платье и такого же цвета туфли на шпильках; волосы её были гладкими и блестящими. – Твоя двоюродная бабушка Мюриэл с тобой не согласна, я только что познакомилась с ней наверху, когда она вручала Флер тиау. Она сказала: «О боже, это она магглорождённая?» – и потом ещё «плохая осанка и толстые лодыжки».

– Не принимай слишком серьёзно, она всем грубит, – утешал Рон.

– Беседуете о Мюриэл? – поинтересовался Джордж, появляясь из шатра вместе с Фредом. – Да, она мне только что сказала, что у меня уши кривые. Старая ворона. Хотя старик Билиус – жаль, что его с нами нет; с ним на свадьбах было весело.

– Это он увидел Грима и умер двадцать четыре часа спустя? – спросила Гермиона.

– Ну... да – под конец он стал немного с приветом, – признал Джордж.

– Но когда он был ещё в норме, он был душой компании, – подхватил Фред. – Он обычно выдувал целую бутылку огневиски, затем бежал на танцпол, закатывал свою мантию и начинал вытаскивать букеты цветов у себя из...

– Да, судя по всему, он был просто очарователен, – заметила Гермиона, в то время как Гарри покатывался от смеха.

– Так никогда и не женился, уж не знаю почему, – сказал Рон.

– Как я удивлена.

Они так смеялись, что никто из них не заметил припозднившегося гостя, темноволосого молодого человека с большим крючковатым носом и густыми чёрными бровями, до тех пор пока он не протянул Рону своё приглашение и не произнёс, глядя на Гермиону: «Ты выглядишь чудесно».

– Виктор! – вскрикнула она, уронив свою расшитую бисером сумочку; та шлёпнулась на землю с довольно громким для своего размера звуком. Залившись краской и поспешно наклонившись, чтобы подобрать сумочку обратно, она вымолвила:

– А я и не знала, что тебя... Боже... Как я рада тебя... Как у тебя дела?

Уши Рона снова заагели. Глянув на приглашение Крама, словно не веря ни единому написанному в нём слову, он чересчур громко поинтересовался:

– А как вышло, что ты здесь?

– Меня Флер пригласила, – приподняв брови, ответил он.

Гарри, ничего против Крама не имевший, обменялся с ним рукопожатием; затем, предположив, что удалить Крама за пределы видимости Рона было бы очень разумной идеей, Гарри предложил показать ему предназначенное для него место.

– Твой дружок не рат меня видеть, – произнёс Крам, когда они вошли в битком набитый шатёр. – Или это родственник? – добавил он, глянув на рыжие кучерявые волосы Гарри.

– Кузен, – пробормотал Гарри, но Крам его уже не слушал. Его появление вызвало большое шевеление, особенно среди кузин-вил: в конце концов, он был знаменитым игроком в квиддич. Пока люди вытягивали шеи, стараясь рассмотреть его получше, к Гарри по проходу торопливо подбежали Рон, Гермиона, Фред и Джордж.

– Пора и нам садиться, – сообщил Фред Гарри, – а то в нас невеста врежется.

Гарри, Рон и Гермиона заняли свои места во втором ряду позади Фреда с Джорджем. Лицо Гермионы было всё ещё красноватым, да и уши Рона по-прежнему пылали. Несколько секунд спустя он прошептал Гарри:

– Ты видел, он отрастил эту идиотскую бородку?

Гарри в ответ неопределённо хмыкнул.

Чувство нервного предвкушения заполнило тёплый шатёр; общий бормочущий гул время от времени разрывали всплески хохота. Мистер и миссис Уизли прошептались по проходу, улыбаясь и махая руками родственникам; на миссис Уизли были совершенно новые аметистового цвета мантия и шляпка.

Мгновением позже у входа в шатёр встали Билл и Чарли, оба в парадных мантиях с большими белыми розами в петлицах; Фред восхищённо присвистнул, со стороны кузин-вил раздалось хихиканье. Затем из, как всем показалось, золотых воздушных шариков грянула музыка, и толпа мгновенно утихла.

– Ооох! – воскликнула Гермиона, крутанувшись на своём месте, чтобы взглянуть на вход в шатёр.

Все собравшиеся ведьмы и колдуны разом выдохнули, когда по проходу двинулись месье Делакур и Флер; Флер плыла, месье Делакур радостно подпрыгивал. От Флер, одетой в очень простое белое платье, словно бы исходило яркое серебряное сияние. Обычно рядом с ней всё выглядело каким-то тусклым, сегодня же всё, что освещало это сияние, казалось более красивым, чем раньше. Джинни и Габриэль, обе в золотистых платьях, выглядели даже более хорошенькими, чем обычно, а Билл, когда Флер подошла к нему, стал совершенно не похож на человека, повстречавшего Фенрира Грэйбэка³³.

– Леди и джентльмены, – раздался монотонный голос, и Гарри испытал лёгкий шок, увидев того самого человечка со встрёпанными волосами, который толкал речь на похоронах Дамблдора; теперь он стоял перед Биллом с Флер. – Сегодня мы собрались здесь, чтобы отпраздновать соединение двух любящих душ...

³³ Greyback – дословно «Серая спина». Вполне подходящая фамилия для оборотня.

– Да, моя тиара здесь смотрится очень хорошо, – весьма громким шёпотом заявила тётушка Мюриэл. – Но должна сказать, что декольте на платье Джиневры слишком большое.

Джинни с ухмылкой оглянулась, подмигнула Гарри и тут же снова уставилась вперёд. Мысли Гарри унеслись далеко от шатра, к тем полуденным часам, проведённым им наедине с Джинни в укромных уголках хогвартского парка. Казалось, это было так давно и так хорошо, что это не могло быть правдой, словно он украл эти солнечные часы из чьей-то другой, нормальной жизни, жизни человека, на лбу которого не было шрама...

– Согласны ли вы, Уильям Артур, взять Флер Изабель?..

В первом ряду миссис Уизли и мадам Делакур обе тихонько плакали в кружевные платочки. Трубные звуки из заднего ряда известили всех присутствующих, что Хагрид тоже извлёк один из своих скатертеподобных платков. Гермiona, сияя, взглянула на Гарри, в её глазах тоже стояли слёзы.

– ...в таком случае я объявляю вас связанными на всю жизнь.

Встрёпанный колдун поднял свою палочку над головами Билла и Флер, и на них пролился поток серебряных звёзд, обвившийся спиралью вокруг их переплетённых пальцев. Фред и Джордж первыми начали аплодировать; золотые шары над головами новобрачных взорвались, и из них вырвались райские птицы и маленькие золотые колокольчики, добавляя свои песни и звон к общему гаму.

– Леди и джентльмены! – воззвал встрёпанный колдун. – Прошу вас всех встать!

Все тотчас поднялись на ноги, причём тётушка Мюриэл – с довольно громким брюзжанием; колдун взмахнул своей палочкой. Стулья, на которых все только что сидели, грациозно взмыли в воздух, брезентовые стены шатра исчезли, и оказалось, что все стоят под огромным балдахином, поддерживаемым золотыми столбами, а вокруг открывается прелестный вид на залитый солнцем фруктовый сад и окрестные пейзажи. В следующее мгновение словно золотое озерцо растеклось из центра шатра, образуя блистающий танцпол; летящие стулья скучковались вокруг покрытых белыми скатертями столиков, и всё это элегантно приземлилось вокруг шатра, и ансамбль в золотистых жилетах прошествовал на подиум.

– Красиво, – признал Рон, когда повсюду вокруг из ниоткуда объявились официанты, часть которых несла на серебряных подносах тыквенный сок, сливочное пиво и огневиски, другая часть – неустойчивые пирамиды пирогов и сэндвичей.

– Мы должны подойти их поздравить! – воскликнула Гермiona, вставая на цыпочки, чтобы рассмотреть то место, где находились Билл и Флер, погребённые в толпе поздравляющих.

– У нас ещё будет время, – пожал плечами Рон, хватая три бокала сливочного пива с проплывающего мимо подноса и протягивая один из них Гарри. – Гермiona, не тормози, пошли найдём себе столик... Нет, не там! Только не рядом с Мюриэл...

Рон повёл их через пустую танцплощадку, постоянно поглядывая вправо-влево; Гарри догадался, что он высматривает Крама. К тому моменту, когда они достигли противоположного края шатра, бо́льшая часть столиков была уже занята; за самым свободным сидела в одиночестве Луна.

– Ничего если мы с тобой сядем? – спросил Рон.

– О, да, – радостно ответила она. – Папочка как раз пошёл вручать Биллу и Флер наш подарок.

– И что за подарок, запас стражекорня³⁴ на всю жизнь? – поинтересовался Рон.

Гермиона попыталась пнуть его под столом, но нечаянно попала в Гарри. Тот, с глазами, слезящимися от боли, потерял на некоторое время нить разговора.

Ансамбль начал играть. Билл и Флер прошли на танцпол первыми, вызвав бурю аплодисментов; через некоторое время за ними последовали мистер Уизли и мадам Делакур, затем миссис Уизли и отец Флер.

– Я люблю эту песню, – заявила Луна, покачиваясь в такт вальсоподобной мелодии, и несколько секунд спустя она скользнула на танцплощадку, где начала в полном одиночестве вращаться на месте с закрытыми глазами, делая плавные движения руками.

– Классная она, правда? – восхищённо произнёс Рон. – С ней не соскучишься.

Но улыбка тотчас испарилась с его лица: на освободившееся место Луны плюхнулся Виктор Крам. Гермиона тотчас приобрела радостно-взволнованный вид, но на этот раз Крам пришёл не для того, чтобы делать ей комплименты. С гримасой на лице он спросил:

– Кто этот человек в шёлтом?

– Ксенофилиус Лавгуд, это отец нашей подруги, – ответил Рон. Его задиристый тон прозрачно намекал, что они не собираются смеяться над Ксенофилиусом, несмотря на предоставленные последним возможности. – Пошли потанцуем, – резко добавил он, обращаясь к Гермионе.

Это явно застало её врасплох, но одновременно и обрадовало; Гермиона встала, и они вместе канули в растущую толпу на танцплощадке.

– А, они теперь вместе? – спросил Крам, отвлекшись ненадолго от Лавгуда.

– Э... типа того, – кивнул Гарри.

– Как тебя зовут? – поинтересовался Крам.

– Барни Уизли.

Они обменялись рукопожатием.

– Так слушай, Барни – ты хорошо знаешь этого Лавгуда?

– Нет, я только сегодня с ним познакомился. А что?

Крам сердито посмотрел на Ксенофилиуса поверх своего бокала; тот беседовал с несколькими чародеями с противоположной стороны от танцпола.

– Потому што, – ответил Крам, – если бы он не был гостем Флер, я бы вызвал его на дуэль, здесь и сейчас, за то, што он носит этот мерский знак на груди.

– Знак? – переспросил Гарри, тоже поднимая взгляд на Ксенофилиуса. Станный треугольный глаз сверкал на его груди. – А что? Что с ним не так?

– Гринделвальд. Это знак Гринделвальда.

– Гринделвальд... это тот Тёмный колдун, которого победил Дамблдор?

– Именно.

Мышцы на челюсти Крама напряглись, словно он жевал. Затем он продолжил.

³⁴ Gurdyroot. Root – корень, а первая часть слова созвучна с Guard – стража, охрана.

– Гринделвальд убил много людей, моего деда в том числе. Конечно, в вашей стране он никогда не был особенно силен, говорили, что он боялся Дамблдора – и был прав, если вспомнить, как он кончил. Но это, – он показал пальцем на Ксенофилиуса, – это его знак, я узнал его сразу же: Гринделвальд выбил его на стене в Дурмстранге, когда он там учился. Некоторые идиоты копировали его на свои книги и одежду, желая всех поразить, произвести впечатление – пока те из нас, кто потерял родственника из-за Гринделвалда, не научили их уму-разуму.

Крам злоежесче постучал костяшками пальцев друг о друга, сердито взирая на Ксенофилиуса. Гарри пребывал в полном обалдении. Казалось совершенно невероятным, чтобы отец Луны был приверженцем Тёмных искусств; да и прочие гости свадьбы, похоже, не опознали этой треугольной руноподобной фигуры.

– А ты... э... точно уверен, что это Гринделвальдов?..

– Я не ошибаюсь, – холодно ответил Крам. – Я несколько лет ходил мимо этого знака, я очень хорошо его знаю.

– Ну, не исключено, – сказал Гарри, – что Ксенофилиус сам не знает, что обозначает этот символ. Лавгуды, они довольно... необычные. Он легко мог подобрать его где-то и подумать, что это сечение головы морщерогого храпстера³⁵ или что-нибудь типа того.

– Сечение чего?

– Ну, я точно не знаю, что это такое, но, судя по всему, он вместе с дочерью все каникулы их ищет...

Гарри ощутил, что его попытки объяснить суть Луны и её отца пропадают втуне.

– Вон она, – указал он на Луну; та по-прежнему танцевала в одиночестве, делая движения руками вокруг головы, словно отгоняя мошкар.

– Почему она это делает? – спросил Крам.

– Похоже, пытается избавиться от долбоструя³⁶, – ответил Гарри, узнавший симптомы.

Крам, судя по всему, никак не мог решить, издевается над ним Гарри или нет. Он извлёк из своей мантии волшебную палочку и злобно ткнул ей себе в бедро; из её кончика вылетели искры.

– Грегорович! – громко воскликнул Гарри, и Крам вздрогнул, но Гарри был слишком возбуждён, чтобы это его волновало. При виде палочки Крама он тотчас вспомнил: Оливандер берёт эту палочку и тщательно проверяет её перед Тримагическим Турниром.

– Што Грегорович? – подозрительно переспросил Крам.

– Он изготовитель волшебных палочек!

– Я знаю.

– Он сделал твою палочку! Вот почему мне казалось – квиддич...

Крам смотрел всё более и более подозрительно.

– Откуда ты знаешь, что мою палочку сделал Грегорович?

– Я... я где-то это читал, кажется, – ответил Гарри. – В... э... фанатском журнале, – на ходу придумал он, и Крам, похоже, успокоился.

³⁵ Crumple-Horned Snorkack. Crumpled – смятый, сморщенный; horn – рог; snore – храпеть.

³⁶ Wrackspurt. Wrack – остатки кораблекрушения, разрушение. Spurt – струя.

– Я и не помню, чтобы я опсуждал свою палочку с фанатами.

– Так это... где сейчас Грегорович?

Крам выглядел озадаченным.

– Он оставил работу несколько лет назад. Я был одним из последних, кто приобрёл палочку Грегоровича. Они лучшие – хотя я знаю, конечно, что вы, британцы, выше фсех ставите Олливандера.

Гарри не ответил. Он делал вид, что наблюдает за танцующими, подобно Краму, но в то же время лихорадочно размышлял. Значит, Волдеморт искал прославленного изготовителя палочек, и Гарри не пришлось много думать, чтобы угадать причину: наверняка это было из-за того, что сделала палочка Гарри в ту ночь, когда Волдеморт летел за ним по небу. Волшебная палочка из остролиста и пера феникса одолела позаимствованную палочку, нечто, чего Олливандер не ожидал и не понимал. Знает ли Грегорович больше? Действительно ли он искуснее, чем Олливандер, знает ли он секреты волшебных палочек, неизвестные Олливандеру?

– Эта девушка очень красивая, – произнёс Крам, возвращая Гарри к окружающей действительности. Крам показывал на Джинни, как раз присоединившейся к Луне. – Она тоше твоя родственница?

– Ага, – ответил Гарри, внезапно охваченный раздражением, – и она уже кое с кем встречается. Очень ревнивый тип. И большой. Тебе не стоит с ним связываться.

– Што проку, – проворчал Крам, осушая свой кубок и вновь поднимаясь на ноги, – быть игроком сборной по квиддичу, если фсех красивых девушек уже разобрали?

И он пошёл прочь. Гарри взял сэндвич с подноса проходящего мимо официанта и направился вокруг забитой народом танцплощадки. Он хотел найти Рона и рассказать ему о Грегоровиче, но Рон танцевал с Гермиейой в самой середине площадки. Гарри прислонился к одному из золотых столбов и стал наблюдать за Джинни, танцующей с приятелем Фреда и Джорджа Ли Джорданом. Гарри изо всех сил старался не сожалеть о своём обещании Рону.

Ему никогда раньше не доводилось бывать на свадьбе, поэтому он не мог оценить, насколько празднования колдунов отличаются от магловских, хотя он был абсолютно уверен, что последние наверняка не включают в себя свадебный торт, украшенный сверху двумя фигурками фениксов, взлетевшими в воздух, едва торт был разрезан, или бутылки шампанского, свободно летающие сквозь толпу. Когда надвинулся вечер и мошки начали кружиться под балдахином, освещённым теперь летающими золотыми фонарями, гулянка начала становиться всё более бесконтрольной. Фред и Джордж давно исчезли во тьме вместе с парой кузин Флер; в уголке Чарли, Хагрид и приземистый колдун в фиолетовой шляпе вместе пели балладу о герое Одо.

Бредя сквозь толпу, дабы уклониться от выпившего Ронина дядюшки, который, судя по всему, был не уверен, является Гарри его сыном или нет, Гарри заметил старого колдуна, сидевшего за столом в одиночестве. Облако белых волос делало его похожим на старый одуванчик, сверху сидела поеденная молью феска. Он казался смутно знакомым; порывшись в памяти, Гарри вдруг понял, что это Элфиас Додж, член Ордена Феникса и автор некролога Дамблдора.

Гарри подошёл к нему.

– Можно к вам подсесть?

– Конечно, конечно, – ответил Доудж; голос его оказался довольно высоким и хрипловатым.

Гарри пригнулся к нему поближе.

– Мистер Доудж, я Гарри Поттер.

Доудж ахнул.

– Мой дорогой мальчик! Артур сказал мне, что ты тоже здесь, замаскированный... Я так рад, такая честь!

Весь дрожа от радости, Доудж налил Гарри шампанского в кубок.

– Я думал написать тебе, – прошептал он, – после того как Дамблдор... Такой шок... И для тебя, я уверен, тоже...

Крохотные глаза Доуджа внезапно наполнились слезами.

– Я читал некролог, который вы написали для «Ежедневного пророка», – сказал Гарри. – Я и не знал, что вы так хорошо знали профессора Дамблдора.

– Как и все, – ответил Доудж, промакивая глаза салфеткой. – Несомненно, я знал его дольше всех, если не считать Аберфорта – но люди почему-то *никогда* не считают Аберфорта.

– Кстати, говоря об «Ежедневном пророке»... я не знаю, видели ли вы, мистер Доудж?..

– О, называй меня, пожалуйста, Элфиасом, мой дорогой.

– Элфиас, я не знаю, вы читали интервью Риты Скитер о Дамблдоре?

Лицо Доуджа покраснело от гнева.

– О да, Гарри, я его читал. Эта женщина, или гарпия – это более подходящий термин, пожалуй – всё донимала меня, чтобы я с ней беседовал. Мне стыдно признаться, но я был довольно груб, назвал её «надоедливой форелью», что и привело, как ты, вероятно, видел, к инсинуациям насчёт моего рассудка.

– Так вот, в этом интервью, – продолжил Гарри, – Рита Скитер намекнула, что профессор Дамблдор в молодости был связан с Тёмными искусствами.

– Не верь ни единому слову! – немедленно воскликнул Доудж. – Ни единому слову, Гарри! Ничему не позволяй запятнать твою память об Альбусе Дамблдоре!

Гарри посмотрел в честное, искажённое болью лицо Доуджа и почувствовал не уверенность, но раздражение. Неужели Доудж действительно думает, что это всё так просто, что Гарри может просто *решить* не верить? Неужели Доудж не понимает, что Гарри должен быть уверен, что он должен знать *всё*?

Вероятно, Доудж подозревал, какие чувства испытывает Гарри, поскольку он с озабоченным видом торопливо пояснил:

– Гарри, Рита Скитер – отвратительная...

Но тут он был внезапно перебит пронзительным смешком.

– Рита Скитер? О, я её обожаю, всегда читаю её статьи!

Гарри и Доудж подняли глаза на стоящую перед ними тётушку Мюриэл, с плюмажем, развевающимся на шляпе, и с кубком шампанского в руке.

– Она написала книгу о Дамблдоре, представляете!

– Привет, Мюриэл, – произнёс Доудж. – Да, мы как раз обсуждали...

– Эй, ты! Уступи мне свой стул, мне уже сто семь лет!

Ещё один рыжий кузен Уизли с встревоженным видом соскочил со своего места, и тётушка Мюриэл с неожиданной силой развернула освободившийся стул и уселась между Доуджем и Гарри.

– Ещё раз здравствуй, Барри или как там тебя зовут, – обратилась она к Гарри. – Так значит, что ты говорил про Риту Скитер, Элфиас? Ты знаешь, что она написала биографию Дамблдора? Жду не дождусь, когда смогу её прочитать, надо не забыть сделать заказ у «Флориша и Блоттса»!

Доудж при этих словах приобрёл очень сухой и официальный вид, но тётушка Мюриэл осушила свой кубок и щёлкнула своими костлявыми пальцами на проходящего мимо официанта, чтобы он принёс добавку. Сделав ещё один большой глоток шампанского, она рыгнула и сказала:

– И не надо смотреть как два лягушачьих чучела! Прежде чем Альбус стал таким из себя уважаемым, респектабельным и прочая ерунда, о нём ходила масса очень забавных слухов!

– Критику на ложной информации, – отрезал Доудж, лицо которого снова стало цветом напоминать редиску.

– От тебя я другого и не ждала, Элфиас, – издала кудахтающий смешок тётушка Мюриэл. – Я заметила, как ты обошёл все грязные места в этом своём некрологе!

– Мне очень жаль, что ты так думаешь, – ещё более холодным тоном произнёс Доудж. – Заверяю тебя, я писал от чистого сердца.

– О, мы все знаем, что ты преклонялся перед Дамблдором; осмелюсь предположить, что ты будешь считать его святым даже если наружу таки выплывет, как он уничтожил свою сестру-сквибб!

– *Мюриэл!* – возопил Доудж.

Холод, не имевший никакого отношения к ледяному шампанскому, прокрался в грудь Гарри.

– Что вы имеете в виду? – спросил он у Мюриэл. – Кто сказал, что его сестра была сквиббом? Я думал, она была больна?

– Ну, значит, неверно думал, Барри! – тётушка Мюриэл явно была в восторге от произведённого ей эффекта. – В любом случае, как ты можешь знать что-либо об этом? Это всё случилось за много, много лет до того, как тебя хотя бы задумали, мой дорогой, а правда в том, что те из нас, кто жил тогда, так и не узнали, что же на самом деле произошло. Потому-то я и жду с нетерпением, что же там раскопала Скитер! Дамблдор очень долго молчал о своей сестре!

– Неправда, – просипел Доудж. – Абсолютная неправда!

– Он никогда не говорил мне, что его сестра была сквиббом, – не подумавши брякнул Гарри, всё ещё ощущая холод внутри.

– А с чего, чёрт возьми, он стал бы тебе говорить? – проскрежетала Мюриэл, слегка покачнувшись на своём стуле при попытке получше сфокусироваться на Гарри.

– Причина, по которой Альбус никогда не говорил об Ариане, – начал Элфиас, с трудом выговаривая слова от сдерживаемых эмоций, – как мне представляется, совершенно очевидна. Он был так подавлен её смертью...

– Почему никто никогда её не видел, Элфиас? – прокаркала Мюриэл. – Почему половина из нас даже и не знала, что она есть, до тех пор пока из их дома не вынесли гроб и не похоронили её? Где был святой Альбус, пока Ариана сидела запертая в погребке? Блистал в Хогвартсе, и неважно, что происходило в его родном доме!

– В каком смысле «запертая в погребке»? – переспросил Гарри. – Это что значит?

Доудж выглядел совершенно раздавленным. Тётушка Мюриэл снова издала кудхтающий смешок и ответила Гарри.

– Мать Дамблдора была кошмарной женщиной, просто кошмарной. Магглорождённой, хотя я слышала, что она притворялась чистокровной...

– Она никогда не притворялась никем таким! Кендра была прекрасной женщиной, – тоскливо прошептал Доудж, но тётушка Мюриэл его проигнорировала.

– ...гордая и очень высокомерная, как раз такие ведьмы просто в ужас приходят, если у них рождается сквиб...

– Ариана не была сквибом! – просипел Доудж.

– Это ты так говоришь, Элфиас, но объясни тогда, почему она не обучалась в Хогвартсе! – сказала тётушка Мюриэл и вновь обернулась к Гарри. – В наши дни о сквибах часто умалчивали. Хотя доводить это до предела, действительно заточать в доме маленькую девочку и притворяться, что её не существует...

– Я говорю тебе, не было такого! – перебил Доудж, но тётушка Мюриэл неслась вперёд, по-прежнему обращаясь к Гарри.

– Сквибов обычно сплавляли в маггловские школы и советовали им вливаться в общество магглов... Это намного лучше, чем пытаться найти им место в магическом мире, где они всегда остаются людьми второго сорта; но, естественно, Кендре Дамблдор и в страшном сне не могло присниться, что её дочь может пойти в школу для магглов...

– Просто Ариана была нежной! – в отчаянии проговорил Доудж. – Её здоровье всегда было слишком хрупким, чтобы позволить ей...

– ...чтобы позволить ей выйти из дому? – вновь кудхнула тётушка Мюриэл. – И при этом её ни разу не отвезли в больницу св. Мунго, и ни один лекарь ни разу не был вызван к её постели!

– Ну право же, Мюриэл, откуда ты можешь знать такие...

– К твоему сведению, Элфиас, мой кузен Ланселот был в те времена лекарем в больнице св. Мунго, и он по большому секрету рассказал моей семье, что Ариану там никогда никто не видел. И это, по его мнению, было очень подозрительно!

Доудж, казалось, вот-вот расплачется. Тётушка Мюриэл, явно наслаждавшаяся ситуацией, щёлкнула пальцами, требуя ещё шампанского. Словно в столбняке, Гарри вспомнил о том, как Дёрзли когда-то затыкали ему рот, запирали его, убирали с глаз долой – всё за то преступление, что он был колдуном. Неужели сестра Дамблдора точно так же страдала по противоположной причине – была заточена за отсутствие магических

способностей? И неужели Дамблдор действительно предоставил её своей участи, отправившись в Хогвартс, чтобы показывать свои способности и талант?

– Так вот, если бы Кендра не умерла первой, – продолжила Мюриэл, – я бы сказала, что именно она и прикончила Ариану...

– Как у тебя язык повернулся, Мюриэл? – простонал Доудж. – Чтобы мать убила собственную дочь? Подумай, о чём ты говоришь!

– Если вышеупомянутая мать была способна заключить свою дочь в тюрьму на многие годы, то почему бы и нет? – пожала плечами тётушка Мюриэл. – Но, как я уже сказала, это не подходит, поскольку Кендра умерла раньше Арианы – кстати, никто толком не знает от чего...

– О, несомненно, её убила Ариана, – сказал Доудж, храбро попытавшись добавить сарказма в голос. – Почему бы и нет?

– Да, возможно, Ариана в отчаянии попыталась вырваться на свободу и убила Кендру, борясь с ней, – задумчиво кивнула тётушка Мюриэл. – Качай головой сколько хочешь, Элфиас! Ты же был на похоронах Арианы, был?

– Да, я там был, – дрожащими губами ответил Доудж. – И более печальной ситуации я ни разу не видел. Альбус был сломен...

– И не только сам Альбус. Не помнишь, как Аберфорт сломал Альбусу нос в середине церемонии?

Если Доудж был в ужасе прежде – это не шло ни в какое сравнение с тем, как он выглядел теперь. Мюриэл словно ударила его ножом в спину. Она громко хохотнула и сделала большой неаккуратный глоток шампанского, пролив немного себе на подбородок.

– Откуда ты?.. – прокаркал Доудж.

– Моя мать была дружна со старой Батильдой Бэгшот, – радостно заявила тётушка Мюриэл. – Батильда всё рассказала матери, а я подслушала под дверь. Драка над гробом! Судя по рассказу Батильды, Аберфорт кричал, что это Альбус виноват в том, что Ариана мертва, и потом он ударил его в нос. Согласно Батильде, Альбус даже не пытался защититься, и это странно само по себе, Альбус мог уничтожить Аберфорта на дуэли даже со связанными руками.

Мюриэл потянула ещё шампанского. Воспоминания о старых скандалах, похоже, взбодрили её в такой же мере, в какой ужаснули Доуджа. Гарри не знал, что ему думать, чему верить: он жаждал правды, а всё, что делал Доудж, – это сидел и жалобно блеял, что Ариана была больна. Гарри с трудом мог представить себе, чтобы Дамблдор не вмешался, если бы такие жестокие вещи действительно происходили в его доме, но тем не менее что-то странное в этой истории, несомненно, было.

– И я ещё кое-что тебе скажу, – добавила Мюриэл, ставя кубок на стол, и слегка икнула. – Я думаю, Батильда и разболтала всё Рите Скитер. Все эти намёки в интервью Скитер про важный источник, близкий к Дамблдору, – это уж точно, она там была во время всей этой истории с Арианой, да, всё совпадает!

– Батильда никогда не стала бы говорить с Ритой Скитер! – прошептал Доудж.

– Батильда Бэгшот? – переспросил Гарри. – Автор «Истории магии»?

Это имя было напечатано на обложке одного из Гарриных учебников, хотя, следует признать – не из числа тех, которые он прочитывал от корки до корки.

– Именно, – ответил Доудж, хватаясь за Гарриин вопрос, словно утопающий за соломинку. – Самый одарённый магический историк и старая приятельница Альбуса.

– Сейчас она уже совсем сдвинутая, я слышала, – радостно добавила тётушка Мюриэл.

– Если это так, тогда то, как Скитер её использовала, ещё более бесчестно, – заявил Доудж, – и всё, что Батильда могла сказать, не заслуживает доверия!

– О, есть способы возвращать старые воспоминания, и я уверена, что Рита Скитер знает их все, – ответила тётушка Мюриэл. – Но если даже Батильда совсем ку-ку, я не сомневаюсь, что у неё есть старые фотографии, может, даже письма. Она знала Дамблдоров многие годы... Вполне стоит того, чтобы наведаться в Годрикову Лошину, рискну предположить.

Глоток сливочного пива попал Гарри не в то горло; он закашлялся, глядя на тётушку Мюриэл слезящимися глазами; Доудж похлопал его по спине. Когда голос снова вернулся к нему, он спросил:

– Батильда Бэгшот живёт в Годриковой Лошине?

– О да, она там всё время живёт! Дамблдоры переехали туда после осуждения Персиваля, и она стала их соседкой.

– Дамблдоры жили в Годриковой Лошине?

– Да, Барри, именно это я только что и сказала, – раздражительным тоном произнесла тётушка Мюриэл.

Гарри чувствовал себя полностью опустошённым. Ни разу, за все шесть лет, Дамблдор не сказал Гарри, что они оба жили и оба потеряли любимых людей в Годриковой Лошине. Почему? Были ли Джеймс и Лили похоронены рядом с матерью и сестрой Дамблдора? Навещал ли Дамблдор их могилы, возможно, при этом он проходил мимо могил Лили и Джеймса? И он ни разу не сказал Гарри... ни разу не удосужился...

Почему это было так важно, Гарри не мог объяснить даже самому себе, но он ощущал, что это было намного хуже, чем ложь – не рассказать ему про то общее, что у них было, и про место, и про трагедии, произошедшие там. Застывшим взглядом он глядел перед собой, едва замечая, что творится вокруг, и не осознавая, что из толпы появилась Гермиона, до тех пор, пока она не придвинула к нему стул.

– Я просто не могу больше танцевать, – пропыхтела она, скинув одну из туфель и массируя свою подошву. – Рон пошёл искать ещё сливочного пива. Странно немного, я только что видела, как Виктор уходит от отца Луны, похоже, они о чём-то спорили и ссорились... – она обрубилась на слове, поглядев на него. – Гарри, ты в порядке?

Гарри не знал, с чего ему начать, но это уже не имело значения. В этот самый момент нечто большое и серебряное рухнуло сквозь балдахин прямо на танцпол. Рысь, грациозная и сияющая, легко приземлилась прямо в середине ошеломлённой толпы танцующих. Ближайшие к рыси нелепо застыли посреди танца, головы повернулись. Затем рот Патронуса открылся и громко произнёс низким медленным голосом Кингсли Шаклболта.

– *Министерство пало. Скримджер убит. Они идут.*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

УКРЫТИЕ

Всё казалось каким-то размытым, замедленным. Гарри и Гермиона вскочили на ноги и выхватили волшебные палочки. Многие только начали осознавать, что произошло что-то странное; серебряная кошка уже исчезла, но многие головы ещё продолжали поворачиваться в том направлении, где она только что была. Тишина расходилась от места, где приземлился Патронус, словно круги на воде. Затем кто-то закричал.

Гарри и Гермиона бросились в паникующую толпу. Гости носились во всех направлениях; многие дезаппарировали; защитные чары вокруг Норы рухнули.

– Рон! – закричала Гермиона. – Рон, где ты?

Пробиваясь сквозь танцплощадку, Гарри обнаружил появляющиеся в толпе фигуры в плащах и масках; Затем он увидел Люпина и Тонкс, поднявших волшебные палочки; оба они прокричали «*Protego!*», и этот крик эхом раздался отовсюду...

– Рон! Рон! – не переставая звала Гермиона, чуть не плача, когда её и Гарри толкали во все стороны перепуганные гости. Вспышка света мелькнула у них над головами, не то чьи-то защитные чары, не то что-то более зловещее, Гарри не разобрал; он крепче вцепился в руку Гермионы, чтобы случайно не разделиться...

И вдруг объявился Рон. Он поймал свободную руку Гермионы, и Гарри ощутил, как она поворачивается на месте; свет и звук словно выключились, и на них обрушилась тьма; всё, что он ощущал, – это рука Гермионы; его протаскивало сквозь пространство и время, прочь от Норы, прочь от Пожирателей Смерти, прочь, возможно, от самого Волдеморта...

– И где мы? – слышался голос Рона.

Гарри открыл глаза. Какое-то мгновение ему казалось, что они вовсе не покинули свадьбу: они по-прежнему были окружены людьми.

– Тотенхем Корт Роуд³⁷, – пропыхтела Гермиона. – Идёмте, просто идёмте, нам надо найти место, где вы переодеетесь.

Гарри последовал её совету. Они то ли пошли, то ли побежали вдоль широкой тёмной улицы, забитой поздними прохожими. По бокам рядами выстроились закрытые магазины. Сверху подмигивали звёзды. Мимо прогромыхал двухэтажный автобус; весёлая компания выпивох уставилась на них: Гарри и Рон всё ещё были в парадных мантиях.

– Гермиона, нам не во что переодеться, – заметил Рон, когда молодая женщина, глянув на него, громко захихикала.

– Почему я не проверил, при мне ли плащ-невидимка? – простонал Гарри, проклиная про себя собственную тупость. – Весь прошлый год носил его с собой, а...

– Всё нормально, я взяла плащ, я взяла одежду для вас обоих, – проговорила Гермиона. – Просто попытайтесь вести себя естественно, пока... А, вот это подойдёт.

Она повела их в переулок, затем в надёжное укрытие затенённой улочки.

³⁷ Tottenham Court Road – улица в Лондоне.

– Когда ты сказала, что ты взяла плащ и одежду... – произнёс Гарри, недоумённо нахмурившись: в руках у Гермионы не было ничего, кроме маленькой расшитой бисером сумочки, в которой она в этот момент рылась.

– Да, вот они, – заявила Гермиона, и, к полному потрясению Гарри и Рона, она извлекла пару джинсов, водолазку, несколько малиновых носков и, наконец, серебристый плащ-невидимку.

– Как, чёрт побери?..

– Чары Недетектрируемого Растяжения, – пояснила Гермиона. – Трудные, но я думаю, у меня получилось правильно; в любом случае, мне удалось засунуть вот сюда всё, что нам нужно, – Гермиона слегка потрясла нежную на вид сумочку; звук был как от грузового контейнера, по дну которого перекачивается множество тяжёлых предметов. – О чёрт, это книги, – добавила она, заглянув внутрь, – а я-то их уложила по тематике... Ох, ну ладно... Гарри, ты лучше возьми плащ-невидимку. Рон, быстрее переодевайся...

– Когда ты всё это успела? – спросил Гарри, пока Рон стягивал с себя мантию.

– Я же сказала тебе ещё в Норе, всё самое важное я паковала много дней, понимаешь, на случай если нам понадобится быстро убраться. Твой рюкзак я упаковала сегодня утром, Гарри, после того как ты переделся, и засунула его сюда... Просто у меня было предчувствие...

– Ты потрясающая, просто супер, – произнёс Рон, протягивая ей свою свёрнутую мантию.

– Спасибо, – ответила Гермиона, выдавив слабую улыбку, и запихнула мантию в сумочку. – Гарри, пожалуйста, надевай плащ!

Гарри накинул плащ-невидимку себе на плечи и натянул на голову, полностью пропав из виду. Только сейчас до него стало доходить, что же произошло.

– Остальные – там, на свадьбе...

– Об этом нам сейчас не стоит волноваться, – прошептала Гермиона. – Им нужен ты, Гарри, и если мы вернёмся, то все окажутся в ещё большей опасности.

– Она права, – добавил Рон, явно догадавшийся (хоть он и не видел Гарриного лица), что Гарри собирается заспорить. – Там была большая часть Ордена, они позаботятся об остальных.

Гарри кивнул, затем, вспомнив, что они его не видят, произнёс «ага». Но затем он подумал о Джинни, и страх запузырился в его желудке, словно кислота.

– Пошли, я думаю, нам нужно двигаться, – предложила Гермиона.

Они вернулись обратно в переулочек и затем на главную улицу. Несколько мужчин через дорогу распевали песни и покачивались, стоя на тротуаре.

– Чисто ради интереса, почему Тотенхем Корт Роуд? – спросил Рон.

– Без понятия, просто первое, что пришло в голову, но я уверена, что мы в большей безопасности в магловском мире, здесь они нас не ожидают.

– Верно, – согласился Рон, оглядываясь, – но не кажется ли тебе, что мы чересчур... открыты?

– Ну а куда ещё? – сказала Гермиона, съёжившись, когда мужчины на той стороне дороги начали восхищённо присвистывать при виде неё. – Не думаю, что мы можем заказать комнату в «Дырявом котле», а? И площадь Гриммода выпадает, если Снейп может туда попасть... Я думаю, мы можем попробовать дом моих родителей, хотя, с другой стороны, есть шанс, что там они проверят... Ох, хорошо бы они заткнулись!

– Всё в порядке, родная? – крикнул наиболее пьяный из компании с противоположного тротуара. – Хочешь выпить? Отшей рыжего и пошли с нами, пропустим по пинте!

– Давайте где-нибудь присядем, – поспешно сказала Гермиона, увидев, что Рон открывает рот с явным намерением что-то крикнуть в ответ. – Смотри, вот здесь можно, пошли!

Это было маленькое и неприбранное ночное кафе. Тонкий слой жира лежал на покрытых пластиком столах, но, по крайней мере, оно было пустым. Гарри проскользнул за стол у стены первым, Рон уселся рядом с ним напротив Гермионы; та оказалась спиной к входу, чем была очень недовольна: она всё время оборачивалась через плечо, словно у неё был тик. Гарри не нравилось сидеть на месте; когда они шли, создавалась иллюзия какой-то цели. Под плащом он ощутил, как последние частицы Многосущного зелья покидают его и как его руки возвращают себе нормальную длину и форму. Он извлёк из кармана очки и надел их.

Через одну-две минуты Рон произнёс:

– А вы знаете, мы ведь недалеко от «Дырявого котла», он всего лишь на Чаринг Кросс...

– Рон, нам нельзя! – тотчас перебила Гермиона.

– Да не оставаться там, просто узнать, что происходит!

– Мы уже знаем, что происходит! Волдеморт взял под контроль Министерство, что ещё нам требуется знать?

– Ладно, ладно, я просто предложил!

Они снова погрузились в нервное молчание. Жующая жвачку официантка подошла к ним, шаркая ногами, и Гермиона заказала два кашпучино: поскольку Гарри был невидим, брать кофе для него выглядело бы странно. Пара широкоплечих работяг вошла в кафе и втиснулась за соседний столик. Гермиона сбросила голос до шёпота.

– Я бы предложила найти тихое место, чтобы дезаппарировать и направиться за город. Когда мы будем там, сможем послать сообщение Ордену.

– А ты что, умеешь делать эту штуку с говорящим Патронусом? – спросил Рон.

– Я практиковалась, думаю, что смогу.

– Хорошо... если только это не добавит им проблем... хотя, возможно, их уже арестовали. Боже, это отвратно, – добавил Рон, глотнув сероватого пенистого кофе. Официантка услышала; она кинула на Рона уничтожающий взгляд, после чего ушаркала принимать заказ у новых посетителей. Более крупный из двух работяг – Гарри посмотрел на него и увидел, что он очень большой и со светлыми волосами, – отмахнулся. Она с оскорблённым видом уставилась на них.

– Ну пошли тогда, я не хочу пить эту дрянь, – сказал Рон. – Гермиона, у тебя есть магловские деньги, чтобы расплатиться?

– Да, я сняла все сбережения на покупку дома, прежде чем пошла в Нору. Держу пари, вся мелочь там на дне, – вздохнула Гермиона, берясь за сумочку.

Двое работяг сделали одинаковые движения, и Гарри бессознательно повторил то же самое: все трое извлекли волшебные палочки. Рон, слишком поздно сообразивший, что происходит, инстинктивно бросился вперёд через стол, смахнув Гермиону на скамейку. Заклинания Пожирателей Смерти раскололи несколько плиток на стене напротив того места, где только что была голова Рона; в этот момент Гарри, по-прежнему невидимый, крикнул: «*Stupefy!*»

Огромный белобрысый Пожиратель Смерти получил красным лучом точно в лицо; потеряв сознание, он грохнулся набок. Его спутник, не понимая, кто произвёл это заклинание, снова выстрелил в Рона: блестящие чёрные верёвки вырвались из кончика его палочки и опутали Рона с ног до головы – официантка завопила и помчалась к двери – Гарри послал ещё одно Оглушающее заклятье в Пожирателя Смерти с искривлённым лицом, связавшего Рона, но промахнулся – заклинание отразилось от окна и попало в официантку, тотчас свалившуюся у самой двери.

– *Expulso!* – взревел Пожиратель Смерти, и стол, за которым стоял Гарри, разлетелся на части; взрывом Гарри впечатало в стену, и он ощутил, как палочка выскользнула у него из руки, а плащ свалился на пол.

– *Petrificus Totalus!* – крикнула укрывшаяся Гермиона, и Пожиратель Смерти упал вперёд, как статуя, и со страшным грохотом приземлился на груду обломков фарфора и дерева, политых кофе. Гермиона выбралась из-под скамьи, дрожа с ног до головы и вытряхивая из волос осколки стеклянной пепельницы.

– *D-Diffindo!* – проговорила она, указывая палочкой на Рона; тот заорал от боли, поскольку она рассекла его джинсы на колене, оставив глубокий порез. – О, прости пожалуйста, Рон, у меня рука дрожит! *Diffindo!*

Разорванные верёвки отлетели в сторону. Рон поднялся на ноги, потряхивая руками, чтобы разогнать кровь. Гарри подобрал свою волшебную палочку и пробрался через кучу обломков к скамье, на которой распростёрся огромный белобрысый Пожиратель Смерти.

– Я должен был его узнать, он был там, когда умер Дамблдор, – произнёс он. Он перевернул ногой темноволосого Пожирателя Смерти; тот быстро переводил глаза между Гарри, Роном и Гермионой.

– Это Долохов, – заметил Рон. – Я узнал его по старым плакатам о розыске. А тот бугай, думаю, Торфинн Роул.

– Плевать, как их зовут! – немного истерично заявила Гермиона. – Как они нас нашли? И что нам теперь делать?

Каким-то образом её паника привела мысли Гарри в порядок.

– Запри дверь, – сказал он ей, – а ты, Рон, выключи свет.

Гарри посмотрел на парализованного Долохова, интенсивно размышляя. Замок за его спиной щёлкнул, одновременно Рон воспользовался Делюминатором, и кафе погрузилось во тьму. Гарри слышал, как гуляки, подкалывавшие ранее Гермиону, где-то вдалеке кричат на другую девушку.

– И что мы с ними сделаем? – в темноте прошептал Рон, обращаясь к Гарри; затем, ещё тише: – Убьём их? Они бы нас убили. Только что сделали хорошую попытку.

Гермиону трянуло, и она сделала шаг назад. Гарри покачал головой.

– Нам нужно всего лишь стереть им память, – сказал он. – Это лучше, это сойдёт их со следа. Если бы мы их убили, стало бы очевидно, что мы были здесь.

– Ты у нас главный, – произнёс Рон с явным облегчением. – Но я никогда не накладывал чары Памяти.

– И я тоже, – кивнула Гермиона, – но теорию я знаю.

Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, затем указала палочкой на лоб Долохова и проговорила: «*Obliviate*».

Глаза Долохова тотчас расфокусировались и затуманились.

– Блестяще! – воскликнул Гарри, хлопнув её по спине. – Займись вторым и официанткой, а мы с Роном пока приберёмся.

– Приберёмся? – переспросил Рон, встревоженно озирая полуразрушенное кафе. – Зачем?

– А тебе не кажется, что они могут заинтересоваться, что здесь произошло, если они очнутся и обнаружат, что это место выглядит как после бомбёжки?

– Ага, ну ладно...

Рон не без труда сумел извлечь свою волшебную палочку из кармана.

– Неудивительно, что я не мог её вытащить, Гермиона, ты захватила мои старые джинсы, они мне малы.

– О, мне так жаль, – прошипела Гермиона, и когда она отволанивала официантку подальше от окна, Гарри расслышал, как она вполголоса посоветовала, куда Рону следует засунуть свою волшебную палочку.

Когда кафе было возвращено к своему исходному состоянию, они отволокли Пожирателей Смерти за их столик и усадили их лицом друг к другу.

– Но как они нас нашли? – спросила Гермиона, переводя взор с одного неподвижного тела на другое. – Откуда они узнали, что мы здесь? – она повернулась к Гарри. – Ты... ты уверен, что на тебе больше нет Метки, а, Гарри?

– На нём не может быть, – ответил Рон. – Метка сходит в семнадцать, это закон магического мира, её невозможно повесить на взрослого.

– Это то, что ты знаешь, – возразила Гермиона. – Что если Пожиратели Смерти нашли способ повесить её на человека, которому уже есть семнадцать?

– Но Гарри за последние сутки ни разу не был поблизости от Пожирателя Смерти. Кто, по-твоему, мог снова повесить на него Метку?

Гермиона промолчала. Гарри ощущал себя грязным, прокажённым. Неужели именно так их нашли Пожиратели Смерти?

– Если я не могу применять магию, и вы не можете её применять рядом со мной, не выдавая наше местонахождение... – начал он.

– Разделяться мы не будем! – твёрдо отрезала Гермиона.

– Нам нужно безопасное укрытие, – произнёс Рон. – Где у нас будет время, чтобы всё как следует обдумать.

– Площадь Гриммолд, – предложил Гарри.

Рон и Гермиона уставились на него, открыв рты.

– Не глупи, Гарри, туда может заявиться Снейп!

– Папа Рона сказал, что они расставили сглазы против него, – и даже если они не сработали, – нажал он, когда Гермиона попыталась возразить, – что с того? Клянусь, мне ничего так не хотелось бы, как повстречать Снейпа!

– Но...

– Гермиона, а куда ещё? Это наш лучший шанс. Снейп – это всего один Пожиратель Смерти. Если на мне по-прежнему Метка, на нас они будут валиться толпами всюду, куда бы мы ни пошли.

Больше Гермиона не спорила, хотя, судя по её виду, была не прочь. Когда она отперла дверь кафе, Рон щёлкнул Делюминатором, чтобы включить свет. Затем по счёту «три» (считал Гарри) они освободили трёх своих жертв от заклинаний, и, пока официантка и Пожиратели Смерти могли только сонно шевелиться, Гарри, Рон и Гермиона крутанулись на месте и вновь провалились в давящую тьму.

Несколько секунд спустя Гаррины лёгкие поблагодарили его за предоставленную им возможность вновь вобрать воздух, и Гарри открыл глаза: они втроём стояли в центре знакомой маленькой замусоренной площади. Со всех сторон на них смотрели высокие облупившиеся дома. Дом двенадцать все трое также видели, ибо о его существовании их проинформировал Дамблдор, его Хранитель Тайны, и они бросились к дому, удостоверяясь через каждые несколько ярдов, что за ними никто не наблюдает и не идёт. Они взбежали по каменным ступеням, и Гарри один раз коснулся своей волшебной палочкой входной двери. Послышалась серия металлических щелчков и дребезг цепи, после чего входная дверь со скрипом распахнулась, и они быстро прошли за порог.

Едва Гарри закрыл дверь, старомодные газовые лампы пробудились от сна, отбросив неровный свет на стены прихожей. Она выглядела в точности так, какой Гарри её помнил: жутковатая, затянутая по углам паутиной, абрисы голов домовых эльфов на стене, отбрасывающие на лестницу причудливые тени. Длинные тёмные портьеры закрывали портрет сириусовой матери. Единственным предметом не на своём месте была стойка для зонтиков из троллей ноги, лежащая на боку, словно только что её вновь опрокинула Тонкс.

– Кажется, здесь кто-то был, – прошептала Гермиона, указывая на стойку.

– Это могло случиться, когда Орден отсюда уходил, – пробормотал в ответ Рон.

– Ну и где все эти сглазы, которые они установили против Снейпа? – спросил Гарри.

– Может, они включаются, только если он сам появится? – предположил Рон.

Они по-прежнему оставались друг рядом с другом на придверном коврике, прижимаясь спинами к входной двери, опасаясь пройти дальше в дом.

– Ну не можем же мы стоять тут вечно, – произнёс Гарри и шагнул вперёд.

– *Северус Снейп?*

Шёпот Безумного Глаза Муди раздался откуда-то из темноты, заставив всех троих отскочить назад от страха.

– Мы не Снейп! – успел прокаркать Гарри, прежде чем что-то просвистело над ним, словно струя холодного воздуха, и его язык завернулся назад, лишив его возможности говорить. Однако прежде чем Гарри смог разобраться, что произошло у него во рту, его язык развернулся обратно.

Спутники его, судя по всему, тоже испытали это неприятное ощущение. Рон издавал такие звуки, словно его рвало; Гермиона с трудом выговорила:

– Это, н-наверное, б-было К-кляповое проклятие, которое Безумный Глаз поставил от Снейпа!

Гарри осторожно сделал ещё несколько шагов вперёд. В тених в конце коридора что-то сдвинулось с места, и, прежде чем кто-либо из них смог произнести хоть слово, прямо из ковра выросла фигура, высокая, страшная, цвета пыли; Гермиона закричала, а вслед за ней и миссис Блэк, портьеры которой распахнулись настежь. Серая фигура скользила им навстречу, всё быстрее и быстрее, её волосы и борода по пояс длиной развевались у неё за спиной, лицо ввалившееся, лишённое плоти, с пустыми глазницами. Кошмарная и одновременно знакомая, ужасающе изменившаяся фигура подняла худую руку, нацелившись на Гарри.

– Нет! – прокричал Гарри, и, хотя он поднял волшебную палочку, ни одного заклинания в его голову не приходило. – Нет! Это не мы! Мы не убивали тебя!..

При слове «убивали» фигура взорвалась, превратившись в огромный клуб пыли; кашляя, вытирая слезящиеся глаза, Гарри огляделся. Гермиона скорчилась на полу у двери, закрыв голову руками; Рона всего трясло, но он неуклюже похлопывал Гермиону по плечу, приговаривая: «Всё в п-порядке... Оно у-ушло».

Пыль клубилась вокруг Гарри, мерцая в свете газовых ламп подобно синему туману. Миссис Блэк продолжала вопить.

– *Грязнокровки, мерзость, бесчестники, пятно позора в доме моих отцов...*

– ЗАТКНИСЬ! – проревел Гарри, направив на неё волшебную палочку, и портьеры с грохотом и потоком красных искр захлопнулись обратно, мгновенно её утихомирив.

– Это... это был... – хныкнула Гермиона, когда Рон помогал ей подняться на ноги.

– Ага, – кивнул Гарри. – Но это был не настоящий он, да? Просто путало для Снейпа.

Сработало ли оно, подивился про себя Гарри, или же Снейп уже смёл прочь эту жуткую фигуру столь же легко, как он убил настоящего Дамблдора? По-прежнему на нервах, Гарри вёл своих спутников по коридору, почти ожидая появления какого-нибудь нового кошмара, но ничего не двигалось, если не считать мыши, скребущейся за плинтусом.

– Прежде чем мы пойдём дальше, я думаю, нам лучше проверить, – прошептала Гермиона и, подняв палочку, проговорила: – *Homenum revelio*.

Ничего не произошло.

– Ну ничего, у тебя только что был сильный шок, – утешительно произнёс Рон. – А что оно должно было делать?

– Что должно было, то и сделало! – довольно резко ответила Гермиона. – Это было заклинание, которое открывает присутствие человека, и здесь, кроме нас, никого нет.

– Ага, и кроме старины Дасти³⁸, – добавил Рон, глянув на то место на ковре, из которого выросла труповидная фигура.

– Пойдёмте наверх, – предложила Гермиона, испуганно посмотрев на то же самое место, и первой пошла по ступеням, направляясь в гостиную на втором этаже.

Гермиона взмахом палочки зажгла старые газовые лампы, затем, слегка дрожа от сквозняка, примостилась на диване, обвив себя руками. Рон пересёк комнату, подошёл к окну и на дюйм отодвинул тяжёлую бархатную портьеру.

– Не вижу там никого, – доложил он. – А по идее, если бы на Гарри всё ещё была Метка, они б за нами сюда пришли. Я знаю, в дом они попасть не могут, но – что с тобой, Гарри?

Гарри испустил крик боли: его шрам вновь раскалился, и что-то вспыхнуло в его мозгу, словно яркий свет в воде. Он увидел большую тень и ощутил, как ярость, которая не была его собственной, толкнулась сквозь его тело, жестоко и коротко, как электрический разряд.

– Что ты видел? – спросил Рон, придвигаясь к Гарри. – Ты видел его у меня дома?

– Нет, я просто почувствовал злость – он очень зол...

– Но это может быть и в Норе, – громко сказал Рон. – Что ещё? Ты ничего не видишь? Может, он кого-то проклинал?

– Нет, я просто ощутил гнев – не могу сказать...

Гарри был сконфужен, и Гермиона совершенно не облегчила его ощущения, произнеся испуганным голосом:

– Опять твой шрам? Но в чём дело? Я думала, эта связь закрылась!

– Она и закрылась, на время, – пробормотал Гарри; его шрам по-прежнему болел, затрудняя попытки сосредоточиться. – Я... я думаю, она снова открывается, когда он теряет самообладание, так оно было ра-...

– Но тогда ты должен закрывать свой разум! – визгливо произнесла Гермиона. – Гарри, Дамблдор не хотел, чтобы ты пользовался этой связью, он хотел, чтобы ты её разорвал, именно для этого ты должен был применять окклюменцию! Если ты этого не сделаешь, Волдеморт сможет внушить тебе фальшивые мысли, помнишь...

– Да, я помню, спасибо, – сквозь зубы процедил Гарри; ему не требовалась Гермиона, чтобы объяснить, что Волдеморт однажды использовал эту связь между ними, чтобы заманить его в ловушку, и что это привело к гибели Сириуса. Он жалел, что рассказал Рону и Гермионе о том, что видел и чувствовал; это делало Волдеморта более пугающим, словно он заглядывал в окно комнаты; а боль в шраме всё не утихала, и Гарри боролся с ней, это было похоже на борьбу с приступом рвоты.

Гарри отвернулся от Рона и Гермионы, делая вид, что изучает генеалогическое древо Блэков на стене. Внезапно Гермиона вскрикнула; Гарри вновь выхватил свою палочку и крутанулся на месте. Он увидел, как серебряный Патронус влетел сквозь окно гостиной и приземлился на полу прямо перед ними, где материализовался в ласку, заговорившую голосом отца Рона.

– *Семья в безопасности, не отвечайте, за нами следят.*

³⁸ Dusty – пыльный.

Патронус растворился в воздухе. Рон испустил нечто среднее между всхлипом и стоном и плюхнулся на диван; Гермиона присоединилась к нему, стискивая его руку.

– Они в порядке, они в порядке, – прошептала она, и Рон, почти смеясь, обнял её.

– Гарри, – сказал он через Гермионино плечо, – я...

– Нет проблем, – ответил Гарри, по-прежнему чувствующий себя больным от огня в голове. – Это же твоя семья, конечно, ты волновался. Я бы так же себя чувствовал, – он подумал о Джинни. – И *чувствую*.

Боль в шпире достигла максимума; его жгло так же сильно, как в саду Норы. Сквозь боль он едва расслышал голос Гермионы:

– Я не хочу оставаться здесь одна. Давайте возьмём спальники, которые я захватила, и устроимся сегодня в этой комнате?

Гарри услышал, как Рон согласился. Он не мог более бороться с болью; он был вынужден уступить.

– Я в туалет, – пробормотал Гарри и вышел из комнаты так быстро, как только мог, не переходя на бег.

Он едва успел: защёлкнув за собой дверь дрожащими руками, он обхватил свою пульсирующую голову и рухнул на пол; затем он ощутил, как ярость, которая была не его, мощным импульсом овладела его душой; он увидел длинную комнату, освещённую лишь огнём камина, увидел большого белобрысого Пожирателя Смерти на полу, кричащего и извивающегося, и меньших размеров фигуру, стоящую над ним с направленной в сторону волшебной палочкой. Гарри заговорил высоким, холодным, безжалостным голосом.

– Ещё, Роул, или закончим это и скормим тебя Нагини? Лорд Волдеморт не уверен, что он простит тебя на этот раз... Ты позвал меня за этим? Чтобы сообщить мне, что Гарри Поттер снова ускользнул? Дрэйко, дай Роулу ещё раз испытать моё неудовольствие... Давай же, или сам его испытаешь!

В огонь полетело полено; пламя поднялось выше, на мгновение озарив полное ужаса остренькое бледное лицо. словно всплывая из глубины на поверхность озера, Гарри тяжело задышал и открыл глаза.

Он лежал, раскинув руки, на чёрном холодном мраморном полу, его нос находился в нескольких дюймах от одного из серебряных змеиных хвостов, поддерживающих большую ванну. Он сел. Исхудавшее, закаменевшее лицо Малфоя словно отпечаталось с внутренней стороны его глаз. Гарри чувствовал глубокое отвращение от увиденного, от того, как теперь Волдеморт использовал Дрэйко.

Раздался резкий стук в дверь, и затем громкий голос Гермионы, от которого Гарри подпрыгнул на месте.

– Гарри, тебе дать твою зубную щётку? Я её взяла.

– Ага, здорово, спасибо, – ответил он, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал как обычно, и встал на ноги, чтобы дать Гермионе войти.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РАССКАЗ КРИЧЕРА³⁹

На следующее утро Гарри проснулся рано, свернувшись в своём спальном мешке на полу гостиной. Между тяжёлыми портьерами виднелся кусочек неба; он был чистого, холодного, синего цвета, словно разбавленные чернила. Время было где-то между ночью и рассветом, и повсюду царила тишина, нарушаемая лишь спокойным, глубоким дыханием Рона и Гермионы. Гарри глянул на тёмные тени, которые они отбрасывали на пол у его ног. У Рона случился приступ галантности, и он настоял, чтобы Гермиона спала на подушках от дивана, поэтому сейчас её силуэт возвышался над его. Её руки свесились до самого пола, пальцы были в нескольких дюймах от пальцев Рона. Гарри подумал, что, возможно, они уснули, держась за руки. От этой мысли он ощутил необъяснимое одиночество.

Он глянул на тёмный потолок, на затянутую паутиной люстру. Менее чем за двадцать четыре часа до этой минуты он стоял под солнцем у входа в шатёр, готовясь проводить внутрь гостей, приглашённых на свадьбу. Это было словно в прошлой жизни. Что должно произойти теперь? Гарри лежал на полу и думал о Хоркраксах, о пугающей, сложной миссии, порученной ему Дамблдором... Дамблдором...

Горе, охватившее его с момента гибели Дамблдора, теперь ощущалось по-другому. Обвинения, которые он услышал от Мюриэл на свадьбе, свили гнездо в его мозгу, словно зараза, пятнающая его воспоминания о колдуне, которого он боготворил. Мог ли Дамблдор допустить, чтобы такие вещи действительно произошли? Был ли он как Дадли, спокойно наблюдавший невниманию и жестокости к другим, пока это не касалось его лично? Мог ли он отвернуться от собственной сестры, заточённой и скрытой ото всех?

Гарри подумал о Годриковой Лощине, о могилах, о которых Дамблдор никогда не говорил; он подумал о загадочных предметах, упомянутых в завещании Дамблдора безо всяких объяснений, и его заполонила горечь. Почему Дамблдор ему не рассказал? Почему не объяснил? Заботился ли Дамблдор о Гарри вообще, на самом-то деле? Или же Гарри был не более чем инструментом, который можно полировать, который можно затачивать, но которому нельзя доверять и нельзя поверять свои мысли?

Гарри не мог этого вынести – просто лежать и держать в себе горькие размышления. Отчаянно желая хоть что-нибудь сделать, чтобы отвлечься от мыслей, он выскользнул из спальника, подобрал свою палочку и осторожно выбрался из комнаты. Выйдя на лестничную площадку, он прошептал «*Lumos*» и начал взбираться по лестнице, освещая себе путь волшебной палочкой.

На третьем этаже была спальня, в которой они с Роном спали в прошлое своё пребывание здесь; он заглянул внутрь. Двери шкафов были открыты, простыни разорваны. Гарри вспомнил перевернутую троллю ногу вниз. Кто-то обыскивал его дом, после того как Орден его покинул. Снейп? Или, может быть, Мундунгус, который утаскивал из этого

³⁹ Kreachers – имя домового эльфа. Созвучно словам creak (скрипеть) и treachery (предательство).

дома много разных вещей и до, и после смерти Сириуса? Гарри перевёл взгляд на портрет, в котором время от времени появлялся Финеас Найджеллус Блэк, прапрадед Сириуса – но портрет был пуст, на грязном холсте не было ничего. Наверняка Финеас Найджеллус проводил ночь в директорском кабинете в Хогвартсе.

Гарри продолжил взбираться по лестнице, пока не вышел на самую верхнюю площадку, где было всего две двери. На той, что была прямо перед ним, была табличка с надписью «Сириус». Никогда раньше Гарри не входил в комнату своего крёстного. Он толкнул дверь и поднял палочку повыше, чтобы лучше осветить комнату.

Комната была просторной и когда-то, видимо, очень красивой. В ней была большая кровать с резной деревянной спинкой, высокое окно, занавешенное длинными бархатными портьерами, и запылённая люстра, причём полусгоревшие свечи по-прежнему оставались на своих местах, и капли застывшего воска свисали вниз подобно сосулькам. Тонкий слой пыли покрывал картины на стенах и спинку кровати; паутина протянулась между люстрой и вершиной большого деревянного гардероба. Когда Гарри вошёл в комнату, он услышал топоток потревоженных мышей.

Подростком Сириус увешал стены таким количеством постеров и фотографий, что серебристо-серый шёлк обоев был практически не виден. Гарри вынужден был предположить, что родители Сириуса были не в силах снять чары Перманентного Приклеивания, удерживающие их на стене, поскольку, вне всякого сомнения, они не одобряли вкусов своего старшего сына по части украшения комнаты. Сириус, похоже, изменил своему стилю специально, чтобы вывести из себя родителей. Там было несколько больших флагов Гриффиндора, все в алом и золотом, чисто чтобы подчеркнуть его отличие от прочей слизеринолюбивой семейки. Также там было множество фотографий магловских мотоциклов и (Гарри не мог не восхититься наглостью Сириуса) несколько постеров с магловскими девушками в бикини; Гарри сразу понял, что это магглы, потому что они были в своих картинах совершенно неподвижны, выцветшие улыбки и потускневшие глаза застыли на бумаге. Резкий контраст с ними составляла единственная магическая фотография во всей комнате – фотография четырёх учеников Хогвартса, стоящих рука об руку и смеющихся в камеру.

Гарри ощутил прилив радости, узнав своего отца; его взъерошенные чёрные волосы торчали хохолком на затылке, точно как Гаррины, и на нём тоже были очки. Рядом с ним стоял Сириус, беззаботно-импозантный, его чуть высокомерное лицо было намного моложе и счастливее, чем Гарри когда-либо видел вживую. По правую руку от Сириуса стоял Петтигрю, более чем на голову ниже, полный, с водянистыми глазами, покрасневший от удовольствия, от того, что он был в самой классной компании, с такими признанными бузотёрами, как Джеймс и Сириус. Слева от Джеймса стоял Люпин, уже тогда несколько неухоженный на вид, но и от него исходила та же аура радостного удивления от того, что его признали и полюбили... или Гарри видел всё это просто потому, что он знал, как это было? Он попытался снять фотографию со стены; в конце концов, она была теперь его – Сириус завещал ему всё, – но она не сдвинулась с места. Сириус не оставил своим родителям ни единого шанса переоформить его комнату.

Гарри оглядел пол комнаты. Небо снаружи светлело, и столб света открыл взору обрывки бумаги, книги и всякую мелочь, раскиданную по ковру. Очевидно, спальня Сириуса тоже подверглась обыску, хотя, судя по всему, её содержимое было расценено как преимущественно (а может, и полностью) бесполезное. Некоторые книги трясали достаточно грубо, так что у них оторвались переплёты, и высушенные солнцем страницы усеяли пол. Гарри наклонился, подобрал несколько бумажек и начал их изучать. Одну из них он идентифицировал как страницу старого издания «Истории магии» Батильды Бэгшот, другую — как отрывок инструкции по эксплуатации мотоцикла. Третья была написана от руки и скомкана; Гарри разгладил её и начал читать.

«Дорогой Бродяга,

Большое, большое тебе спасибо за твой подарок на день рождения Гарри! Это до сих пор его любимая игрушка. Всего год, и уже летает вокруг на своём игрушечном помеле, и такой довольный, я вложила фотографию — посмотри сам. Ты же знаешь, оно поднимается всего на два фута, но он уже чуть не убил кошку и раскокал ту кошмарную вазу, которую Петуния подарила на Рождество (это я не жалею, нет). Конечно, Джеймс решил, что это очень забавно, он говорит, что Гарри станет великим игроком в квиддич, но нам приходится прятать всё, что бьётся, и не спускать с него глаз, когда он влезает на метлу.

У нас было очень тихое именинное чаепитие, только мы и старая Батильда, она всегда мила с нами, а Гарри она просто обожает. Нам было так жаль, что ты не смог прийти, но Орден превыше всего, а Гарри ещё слишком мал, он даже ещё не знает, что это его день рождения! Джеймс немного раздражён из-за того, что ему приходится здесь сидеть безвылазно, он старается этого не показывать, но я-то вижу — кроме того, его плащ-невидимка по-прежнему у Дамблдора, так что шансов на небольшие вылазки никаких. Если бы ты мог нас навестить, это так бы его взбодрило. На прошлых выходных к нам зашёл Хвостик, он мне показался каким-то грустным, но это, видимо, из-за новостей о МакКиннонах; я плакала весь вечер, когда услышала.

Батильда забегает частенько, она просто потрясающая старушенция и рассказывает совершенно невероятные истории про Дамблдора, не думаю, что он был бы доволен, если бы знал об этом! Я просто не знаю, насколько всему этому верить — кажется невероятным, чтобы Дамблдор».

Руки и ноги Гарри словно заоченели. Он стоял как истукан, держа это невероятное письмо и не чувствуя его пальцами. Внутри его тела произошло словно тихое извержение, устремившее по его жилам потоки наслаждения и печали в равной пропорции. Пошатнувшись, он наткнулся на кровать и уселся.

Гарри прочёл письмо снова, но не извлёк из его содержания ничего такого, чего не заметил бы в первый раз, и начал изучать сам почерк, которым оно было написано. Она писала букву «d» точно так же, как он; он нашёл в письме все эти буквы, и каждая была словно дружеский жест с той стороны вуали. Письмо было невероятным сокровищем, доказательством того, что на свете жила Лили Поттер, действительно жила, что её тёплая

рука когда-то двигалась по этому листу пергамента, выписывая чернилами эти буквы, эти слова, слова о нём, Гарри, о своём сыне.

Нетерпеливо смахнув выступившие слёзы, Гарри перечитал письмо, на сей раз концентрируясь на смысле. Он словно слушал полузабытый голос.

У них была кошка... Возможно, и она погибла, как и его родители, там, в Годриковой Лошине... или ушла, когда некому стало её кормить... Сириус подарил ему его первое помело... Его родители были знакомы с Батильдой Бэгшот; возможно, их Дамблдор познакомил? *Его плащ-невидимка по-прежнему у Дамблдора...* Что-то в этом было странное...

Гарри прервал чтение, размышляя над словами матери. Почему Дамблдор забрал плащ-невидимку Джеймса? Гарри отчётливо помнил, как много лет назад директор говорил ему: *мне не нужен плащ, чтобы стать невидимым*. Может, плащ нужен был другому члену Ордена, у которого не было своего, и Дамблдор выступил в роли передатчика? Гарри продолжил чтение...

К нам зашёл Хвостик... Петтигрю, предатель, казался «грустным», вот как? Возможно, он знал, что видит Джеймса и Лили живыми в последний раз?

И в конце снова Батильда, которая рассказывала невероятные истории про Дамблдора: *кажется невероятным, чтобы Дамблдор...*

Чтобы Дамблдор что? Но ведь существует куча вещей, которые кажутся невероятными, когда речь идёт о Дамблдоре: что он как-то раз получил низший балл по трансфигурации, например, или что он зачаровывал коз, как Аберфорт...

Гарри слез с кровати и обыскал пол; возможно, вторая часть письма тоже была где-то здесь. Он хватал бумажки, в своём нетерпении уделяя им столь же мало внимания, как и тот, кто искал здесь что-то в прошлый раз; он открывал ящики стола, тряс книги, встал на стул, чтобы ощупать рукой верх гардероба, забрался под кровать и под кресло.

Наконец, лёжа на полу на животе, он заметил под комодом что-то похожее на обрывок бумаги. Когда Гарри его извлёк, он оказался частью фотографии, о которой Лили говорила в своём письме. Черноволосый малыш летал прочь с фотографии и обратно на крошечной метле, громко хохоча, и пара ног, принадлежащих, должно быть, Джеймсу, гонялась за ним. Гарри засунул фотографию к себе в карман, вслед за письмом Лили, и продолжил поиски второй страницы.

Четверть часа спустя, однако, он вынужден был смириться с тем, что окончание письма его матери исчезло. Возможно, оно просто-напросто затерялось за шестнадцать лет, прошедшие с момента его написания, или же его взял тот, кто обыскивал комнату? Гарри вновь перечитал первую страницу, на сей раз в поисках намёков на что-то, что могло сделать ценным второй лист. Вряд ли Пожирателей Смерти могло заинтересовать его игрушечное помело... Единственная потенциально полезная вещь, которую он мог видеть, — это была возможная информация о Дамблдоре. *Кажется невероятным, чтобы Дамблдор* — что?

— Гарри! Гарри! *Гарри!*

— Я здесь! — откликнулся он. — Что случилось?

За дверью послышался звонкий стук шагов, и в комнату ворвалась Гермиона.

– Мы проснулись и не знали, где ты! – запыхавшись, проговорила она, затем повернулась и крикнула себе за плечо: – Рон! Я его нашла!

Откуда-то далеко снизу донёлся раздражённый голос Рона.

– Отлично! Передай ему от меня, что он поганец!

– Гарри, не надо так исчезать, пожалуйста, мы были просто в ужасе! Кстати, зачем ты сюда поднялся? – она оглядела разорённую комнату. – Что ты здесь делал?

– Смотри, что я только что нашёл.

Он протянул ей письмо своей матери. Гермиона взяла его и прочла; Гарри наблюдал за ней. Дойдя до конца страницы, она подняла взгляд на него.

– О, Гарри...

– И ещё вот это.

Он протянул разорванную фотографию, и Гермиона улыбнулась при виде ребёнка, летающего взад-вперёд на игрушечной метле.

– Я искал окончание письма, – сказал Гарри, – но его здесь нет.

Гермиона огляделась.

– Это ты устроил весь этот кавардак или часть работы была уже сделана, когда ты пришёл?

– Кто-то обыскал комнату до меня, – кивнул Гарри.

– Я так и подумала. Разор был в каждой комнате, куда я заглядывала, когда поднималась сюда. Что они искали, как ты думаешь?

– Информацию об Ордене, если это был Снейп.

– Но можно предположить, что у него и так было всё, что ему надо, я имею в виду, он же сам был в Ордене, так?

– Ну тогда, – сказал Гарри, горя желанием обсудить свою теорию, – что насчёт информации о Дамблдоре? Вторая страница письма, например. Ты знаешь эту Батильду, которую упомянула моя мама, ты знаешь, кто она?

– Кто?

– Батильда Бэгшот, автор...

– ...«Истории магии», – подхватила Гермиона, явно заинтересованная. – Так твои родители её знали? Она просто потрясающий магический историк.

– И она всё ещё жива, – произнёс Гарри, – и она живёт в Годриковой Лощине, Ронова тётушка Мюриэл рассказывала о ней на свадьбе. Она и семью Дамблдора тоже знала. С ней было бы чертовски интересно поговорить, как ты считаешь?

Гермиона одарила его понимающей улыбкой; слишком понимающей, на вкус Гарри. Он забрал письмо и фотографию и засунул их в висящую на шее сумочку, стараясь не смотреть на Гермиону, чтобы не выдать свои чувства.

– Я понимаю, почему тебе хотелось бы поговорить с ней о твоих маме и папе, и о Дамблдоре тоже, – сказала Гермиона, – но это не очень-то поможет нам при поиске Хоркраксов, согласись. – Поскольку Гарри не ответил, она продолжила. – Гарри, я знаю, что ты очень хочешь пойти в Годрикову Лощину, но я боюсь... Меня пугает, как легко эти Пожиратели Смерти нас вчера нашли. Из-за этого я ещё сильнее чувствую, что нам надо

избегать места, где похоронены твои родители, я просто уверена, что они ждут, что ты туда придёшь.

– Дело не только в этом, – Гарри по-прежнему избегал смотреть на неё. – Мюриэл наговорила много всякого про Дамблдора во время свадьбы. Я хочу узнать правду...

Он рассказал Гермионе всё, что узнал от Мюриэл. Когда он закончил, Гермиона сказала:

– Конечно, я понимаю, почему это тебя так расстроило, Гарри...

– Вовсе не расстроило, – солгал он, – я просто хочу знать, правда это всё или...

– Гарри, неужели ты действительно думаешь, что узнаешь правду от злобной старухи вроде Мюриэл? Или от Риты Скитер? Как ты можешь им верить? Ты же знал Дамблдора!

– Я тоже думал, что знал, – прошептал он.

– Но ты знаешь, сколько правды было во всём, что Рита писала о тебе! Доуж прав, как ты можешь позволить этим людям пятнать твою память о Дамблдоре?

Он отвернулся, стараясь не выдать свою обиду и негодование. Снова то же самое: выбери, чему верить. А он хотел правды. Почему все так нацелены не дать ему до неё добраться?

– Может, пойдём на кухню? – после короткой паузы предложила Гермиона. – Найдём там что-нибудь на завтрак?

Он согласился, хотя и неохотно, вышел вслед за ней на лестничную площадку и прошёл мимо второй двери, которая на ней располагалась. На краске, покрывающей дверь, было несколько глубоких царапин, а немного выше – табличка, которую он не заметил в темноте. Он задержался перед лестницей, чтобы её прочесть. Это была маленькая вычурная табличка с текстом, аккуратно написанным от руки, – что-то такого типа вполне мог бы прикрепить к двери своей спальни Пёрси:

*«Не Входить
Без Особого Разрешения
Регулуса Арктура Блэка».*

Чувство возбуждения медленно поползло у Гарри по всему телу, хотя сам он не сразу осознал, из-за чего именно. Он снова прочёл табличку. Гермиона уже успела удалиться на один пролёт.

– Гермиона, – позвал он и сам удивился тому, как спокоен был его голос. – Поднимись сюда ещё разок.

– А в чём дело?

– Р.А.Б. Кажется, я его нашёл.

Раздалось громкое «ох!», и Гермиона взбежала обратно.

– В письме твоей мамы? Но я не видела...

Гарри покачал головой и показал на табличку Регулуса. Она прочла, затем вцепилась Гарри в руку, настолько сильно, что он поморщился от боли.

– Брат Сириуса? – прошептала она.

– Он был Пожирателем Смерти, – сказал Гарри, – Сириус рассказывал мне о нём, он пришёл к ним, когда был совсем молодым, а потом перетрусил и попытался уйти – и тогда они его убили.

– Всё сходится! – ахнула Гермиона. – Если он был Пожирателем Смерти, у него был доступ к Волдеморту, и если он разочаровался, он мог захотеть уничтожить Волдеморта!

Она выпустила руку Гарри, свесилась через перила и прокричала:

– Рон! РОН! Давай к нам наверх, быстрее!

Запыхавшийся Рон появился минутой позже, держа палочку наготове.

– Что случилось? Если опять куча пауков, я хочу сперва позавтракать, а потом уж...

Он хмуро посмотрел на знак на регулусовой двери, на который ему безмолвно указывала Гермиона.

– И что? Это был брат Сириуса, кажется? Регулус Арктурус... Регулус... Р.А.Б./ Медальон – вы думаете?..

– Давайте узнаем, – произнёс Гарри. Он толкнул дверь; она была заперта. Гермиона указала волшебной палочкой на ручку и проговорила: «*Alohomora*». Раздался щелчок, и дверь распахнулась.

Они все вместе прошли в комнату, оглядываясь по сторонам. Спальня Регулуса была немного меньше, чем у Сириуса, но создавала то же ощущение былого величия. В то время как Сириус всячески пытался подчеркнуть своё отличие от остальной семьи, Регулус из всех сил стремился к обратному. Повсюду были зелёные и серебряные цвета Слизерина, на покрывале кровати, на стенах, на шторах. Семейный герб Блэков был тщательно выведен над кроватью, вместе со своим девизом «*Toujours Pur*»⁴⁰. Ниже на стене висело собрание пожелтевших газетных вырезок, все они были скреплены вместе, образуя неряшливый коллаж. Гермиона пересекла комнату и осмотрела их.

– Это всё про Волдеморта, – произнесла она. – Регулус, похоже, стал фанатом за несколько лет до того, как присоединился к Пожирателям Смерти.

Небольшой клуб пыли поднялся с покрывала, когда Гермиона уселась на кровать, чтобы прочесть вырезки. Гарри, в то же время, заметил ещё одну фотографию: с неё улыбалась и махала руками хогвартская квиддичная команда. Придвинувшись поближе, он увидел змей, изображённых у них на груди: слизеринцы. Он мгновенно опознал Регулуса в мальчике, сидящем в середине переднего ряда: у него были такие же чёрные волосы и такое же чуть высокомерное лицо, как и у его брата, хотя он был ниже ростом, более худым и не таким импозантным, как Сириус.

– Он был искателем, – произнёс Гарри.

– Что? – рассеянно спросила Гермиона; она всё ещё была погружена в изучение газетных вырезок, посвящённых Волдеморту.

– Он сидит в середине первого ряда, это место, где искатель... Ладно, проехали, – сказал Гарри, осознав, что его никто не слушает: Рон, опустившись на четвереньки, осматривал пространство под гардеробом. Гарри оглядел комнату на предмет мест, где логичнее всего было бы что-то спрятать, и подошёл к письменному столу. Однако и здесь кто-то покопался ещё до них. Содержимое ящиков было перевёрнуто вверх дном совсем недавно, слой пыли потревожен, и ничего стоящего там не осталось: сломанные перья, устаревшие учебники со

⁴⁰ *Toujours Pur* – «всегда чистый» (фр.) Очевидно, имеется в виду чистокровность.

следами плохого обращения и недавно разбитый пузырёк с чернилами, липкое содержимое которого залило всё содержимое ящика.

– Есть более простой путь, – заявила Гермиона, пока Гарри вытирал испачканные чернилами пальцы о собственные джинсы. Подняв свою палочку, она проговорила: «*Accio медальон!*»

Ничего не произошло. Рон, обыскивавший складки выцветших шторм, был явно разочарован.

– Значит, всё? Его тут нет?

– О, он вполне может быть здесь, но защищён контрзакалятьями, – ответила Гермиона. – Ну ты знаешь – чары, не позволяющие призвать его магическим путём.

– Лорд Волдеморт наложил такие чары на каменную чашу в пещере, – Гарри припомнил, как ему не удалось призвать фальшивый медальон.

– Ну и как тогда мы будем его искать? – поинтересовался Рон.

– Вручную, – ответила Гермиона.

– Отличная идея, – закатив глаза, откомментировал Рон и снова начал исследовать штормы.

Они обшарили каждый дюйм комнаты, затратив на это больше часа, но в конечном итоге были вынуждены признать, что медальона там нет.

Солнце уже взошло; оно слепило глаза даже сквозь грязные окна лестничной площадки.

– Хотя он может быть где-то ещё в доме, – ободряющие сказала Гермиона, когда они спускались обратно по лестнице: в то время как Гарри и Рона всё больше охватывало уныние, она становилась всё более целеустремлённой. – Удалось Регулусу уничтожить его или нет, он наверняка хотел скрыть его от Волдеморта, так? Помните все те мерзкие штуковины, от которых нам пришлось избавляться, когда мы были здесь в прошлый раз? Эти часы, которые стреляли болтами во всех подряд, и старые мантии, которые пытались придушить Рона; Регулус вполне мог засунуть туда это всё для охраны медальона, даже если мы и не догадались об этом... этом...

Гарри и Рон взглянули на неё. Она стояла, подняв одну ногу и забыв опустить, с ошеломлённым видом, словно её только что подвергли заклятью *Obliviate*; глаза её смотрели сквозь них.

– ...тогда, – шёпотом закончила она.

– Что-то не так? – спросил Рон.

– Там был медальон.

– Что? – переспросили одновременно Гарри и Рон.

– В шкафчике в гостиной. Никто его не мог открыть. И мы... мы...

Гарри почувствовал себя так, словно ему в желудок упал кирпич. Он вспомнил: он даже держал в руках эту штуковину, когда они передавали её друг другу и каждый пытался заставить её открыться. Потом медальон засунули в сумку с прочим барахлом, вместе с табакеркой с Бородавочным порошком⁴¹ и музыкальной шкатулкой, усыплявшей всех, кто её слушал...

⁴¹ Wartcap powder. Wart – прыщ, powder – пудра.

– Кричер тырил у нас много всего, – произнёс Гарри. Это был их единственный шанс, тоненький лучик надежды, который у них оставался, и Гарри намеревался цепляться за этот лучик, пока его не оторвут силой. – Он держал целый склад в своём чуланчике на кухне. Пошли.

Он сбежал вниз, перепрыгивая через ступеньку, Рон и Гермиона не отставали. Они так грохотали, что, проносясь через прихожую, разбудили портрет мамы Сириуса.

– *Чернь! Грязнокровки! Погань!* – орала она им вслед, когда они скатились по ступеням в расположенную в полуподвале кухню и захлопнули за собой дверь.

Гарри пронёсся через всю комнату, с трудом затормозил перед дверью в чулан Кричера и распахнул её настежь. Внутри было гнездо из старых грязных одеял, в котором домовый эльф когда-то спал, но из этого гнезда не сверкали более вещицы, спасённые Кричером. Единственным предметом, который там оставался, была старая книга «Природное благородство: генеалогия колдунов». Отказываясь верить своим глазам, Гарри схватил одеяла в охапку и потряс их. Оттуда вывалилась дохлая мышь и уныло покатилась по полу. Рон со стоном рухнул на кухонный стул; Гермиона закрыла глаза.

– Это ещё не всё, – заявил Гарри и, повысив голос, позвал. – *Кричер!*

Раздался громкий хлопок, и прямо перед пустым холодным камином из ниоткуда появился домовый эльф, которого Гарри когда-то без малейшего энтузиазма унаследовал от Сириуса. Эльф был маленький, размером в половину человеческого роста, бледная кожа свисала отовсюду складками, пучки белых волос торчали из огромных ушей. Он по-прежнему носил грязную тряпку, в которой они видели его в первый раз, и презрительный взгляд, которым он одарил Гарри, показал, что его отношение к смене хозяина изменилось не больше, чем его одеяние.

– Господин, – прокричал Кричер своим жабьим голосом, после чего низко поклонился и продолжил вполголоса, обращаясь к собственным коленям, – вернулся в старый дом моей госпожи вместе с кровоотступником⁴² Уизли и грязнокровкой...

– Я запрещаю тебе называть кого-либо «кровоотступником» и «грязнокровкой», – проворчал Гарри. Кричер, со своим носом, смахивающим на свиной пяточок, и с налитыми кровью глазами, казался ему совершенно необаятельным субъектом, даже если бы этот эльф не предал Сириуса Волдеморту.

– У меня к тебе вопрос, – сказал Гарри, глядя сверху вниз на эльфа, и его сердце отчаянно заколотилось, – и я приказываю тебе ответить на него честно. Понятно?

– Да, господин, – ответил Кричер, вновь низко поклонившись; Гарри заметил, что его губы беззвучно шевелятся, несомненно изрыгая оскорбления, которые ему было запрещено произносить вслух.

– Два года назад, – начал Гарри, сердце которого колотилось о рёбра, словно молот, – в гостиной наверху был большой золотой медальон. Мы его выкинули. Ты украл его обратно?

На мгновение повисло молчание; Кричер выпрямился и посмотрел Гарри прямо в лицо. Затем он произнёс: «Да».

⁴² Blood traitor, дословно «предатель крови».

– Где он сейчас? – торжествующе спросил Гарри; Рон с Гермионой явно были в восторге.

Кричер закрыл глаза, словно не мог видеть их реакцию на своё следующее слово.

– Нету.

– Нету? – повторил Гарри, радость которого мгновенно испарилась. – Что значит «нету»?

Эльф задрожал и пошатнулся.

– Кричер, – яростно произнёс Гарри, – я приказываю тебе...

– Мундунгус Флетчер, – прокаркал эльф, по-прежнему плотно зажмурившись. – Мундунгус Флетчер украл всё: портреты мисс Беллы и мисс Цисси, перчатки моей госпожи, орден Мерлина первого класса, кубки с семейным гербом и, и...

Кричер интенсивно глотал воздух, его впалая грудь бурно поднималась и опускалась; затем он открыл глаза и испустил вопль, от которого кровь стыла в жилах.

– ...и медальон, медальон господина Регулуса, Кричер поступил плохо, Кричер не выполнил своих приказов!

Гарри среагировал инстинктивно: как только Кричер бросился за кочергой, стоящей у каминной решётки, он кинулся на эльфа, прижав его к полу. Вскрик Гермионы смешался с Кричеровым, но Гарри заорал громче их обоих:

– Кричер, я приказываю тебе оставаться на месте!

Он ощутил, как эльф замер, и выпустил его. Кричер неподвижно лежал на холодном каменном полу, и слёзы обильно текли из его выпученных глаз.

– Гарри, разреши ему встать! – прошептала Гермиона.

– Чтобы он смог избить самого себя кочергой? – хмыкнул Гарри, опускаясь на колени перед эльфом. – Не думаю, что это правильно. Так, Кричер, мне нужна правда: откуда ты знаешь, что Мундунгус Флетчер украл медальон?

– Кричер его видел! – просипел эльф; слёзы текли по его пяточку и затекали в рот, полный серых зубов. – Кричер видел, как он вылезал из чулана Кричера, и в его руках были сокровища Кричера. Кричер приказал вору остановиться, но Мундунгус Флетчер засмеялся и у-убежал...

– Ты сказал, что это медальон «господина Регулуса», – произнёс Гарри. – Почему? Откуда он взялся? Какое отношение к нему имел Регулус? Кричер, сядь и расскажи мне всё, что ты знаешь про этот медальон, и всё про то, как с этим связан Регулус!

Эльф уселся, свернулся клубком, пристроил своё мокрое лицо между коленями и начал раскачиваться взад-вперёд. Когда он заговорил, его голос звучал приглушённо, но вполне разборчиво в тихой гулкой кухне.

– Господин Сириус сбежал, и скатертью дорога, он был плохим мальчишкой и разбил сердце моей госпожи своим незаконным поведением. Но господин Регулус был гордостью семьи; он знал, что достойно имени Блэка и его чистой крови. Многие годы он говорил о Тёмном Лорде, который собирался вывести колдунов из их укрытий, чтобы они правили магглами и магглорождёнными... и когда ему было шестнадцать лет, господин Регулус присоединился к Тёмному Лорду. Он был так горд, так горд, так счастлив служить...

И однажды, через год после того, как он присоединился, господин Регулус спустился в кухню, чтобы повидать Кричера. Господин Регулус всегда любил Кричера. И господин Регулус сказал... он сказал...

Старый эльф стал раскачиваться быстрее.

— ...он сказал, что Тёмному Лорду нужен эльф.

— Волдеморту понадобился *эльф*? — переспросил Гарри, оглядываясь на Рона и Гермиону; те выглядели столь же озадаченными, как и он.

— О да, — простонал Кричер. — И господин Регулус предложил Кричера. Это большая честь, сказал господин Регулус, большая честь для него и для Кричера, который должен непременно выполнить всё, что ему прикажет Тёмный Лорд... и потом в-вернуться домой.

Кричер закачался ещё быстрее, его вдохи стали больше походить на всхлипы.

— Так Кричер пошёл к Тёмному Лорду. Тёмный Лорд не рассказал Кричеру, что они должны были сделать, но взял Кричера с собой в пещеру у берега моря. А за этой пещерой была ещё одна, а в ней было большое чёрное озеро...

Волосы на Гаррином затылке встали дыбом. Каркающий голос Кричера доносился до него словно с дальнего берега этого чёрного озера. Он видел то, что произошло дальше, так отчётливо, словно сам там находился.

— ...и там была лодка...

Разумеется, там была лодка; Гарри знал про эту лодку, призрачно-зелёную и крошечную, зачарованную так, чтобы она могла доставить на островок в центре озера одного колдуна и одну жертву. Вот, значит, как Волдеmort проверял свою защиту, окружающую Хоркрас: одолжив кого-то, от кого не жалко избавиться, домового эльфа...

— На острове была ч-чапа, полная зелья. Т-тёмный Лорд заставил Кричера выпить его...

Эльфа трясло с ног до головы.

— Кричер пил, и пока он пил, он видел ужасные вещи... Кричера жгло изнутри... Кричер звал господина Регулуса, чтобы он спас его, он звал свою госпожу Блэк, но Тёмный Лорд лишь смеялся... Он заставил Кричера выпить всё зелье... Он кинул медальон в пустую чашу... Он наполнил её новым зельем. А потом Тёмный Лорд уплыл, оставив Кричера на острове...

Гарри словно видел, как это происходило. Он смотрел, как белое змееподобное лицо Волдеморта исчезает во тьме, видел его красные глаза, беспощадно вззирающие на корчащегося эльфа, которому оставалось жить несколько минут, пока он не поддастся ужасающей жажде, вызванной зельем в его жертве... Но на этом воображение Гарри забуксовало, ибо он никак не мог понять, как Кричеру удалось сбежать.

— Кричер хотел пить, он подполз к краю острова и стал пить из чёрного озера... и тогда руки, мёртвые руки, они появились из воды и потащили Кричера в глубину...

— Как ты выбрался? — спросил Гарри и несколько не удивился, осознав, что говорит шёпотом.

Кричер поднял свою уродливую голову и взглянул на Гарри своими огромными налитыми кровью глазами.

— Господин Регулус приказал Кричеру вернуться домой, — ответил он.

– Я знаю – но как ты сбежал от преисподов?

Кричер явно не понимал.

– Господин Регулус приказал Кричеру вернуться домой, – повторил он.

– Я знаю, но...

– По-моему, это очевидно, Гарри, а? – встрял Рон. – Он дезаппарировал!

– Но... в эту пещеру и из неё нельзя аппарировать, – возразил Гарри, – иначе Дамблдор...

– Эльфийская магия не такая, как магия колдунов, верно? – ответил Рон. – В смысле, они могут аппарировать и дезаппарировать в Хогвартс и из него, а мы не можем.

Некоторое время Гарри в полной тишине переваривал эту информацию. Как мог Волдеморт совершить такую ошибку? Но пока он только думал об этом, Гермиона уже заговорила, и голос её был ледяным.

– Конечно же, Волдеморт считал домовых эльфов слишком ничтожными, чтобы их способности заслужили его внимания, точно как все чистокровные, которые обращаются с ними как с животными... Ему никогда не пришло бы в голову, что у эльфов может быть магия, которой сам он не владеет.

– Высший закон домового эльфа – выполнение приказов своего господина, – медленно, нараспев проговорил Кричер. – Кричеру было приказано вернуться домой, и Кричер вернулся домой.

– Ну вот, значит, ты сделал то, что тебе сказали, верно? – ласково сказала Гермиона. – Ты вовсе не ослушался приказов!

Кричер помотал головой и снова начал быстро раскачиваться.

– И что было потом, когда ты вернулся обратно? – спросил Гарри. – Что сказал Регулус, когда ты рассказал ему, что произошло?

– Господин Регулус был очень обеспокоен, очень обеспокоен, – прокаркал Кричер. – Господин Регулус приказал Кричеру не показываться людям на глаза и не покидать дома. А потом... это было немного позже... однажды ночью господин Регулус пришёл к Кричеру в его чулан, и господин Регулус был странный, не такой как обычно, не в себе, Кричер это видел... И он попросил Кричера доставить его в пещеру, в ту пещеру, куда Кричер ходил с Тёмным Лордом...

И вот они отправились. Гарри представлял их себе совершенно отчётливо, перепуганного эльфа и худого черноволосого искателя, который был так похож на Сириуса... Кричер знал, как открыть спрятанный вход во внутреннюю пещеру, он знал, как поднять крохотную лодку; на этот раз его любимый Регулус плыл с ним к островку, на котором стояла чаша с ядом...

– И он заставил тебя выпить это зелье? – с отвращением в голосе спросил Гарри.

Но Кричер покачал головой и заплакал. Гермиона внезапно прижала руки ко рту: она, похоже, что-то поняла.

– Г-господин Регулус достал из кармана медальон, похожий на тот, который был у Тёмного Лорда, – произнёс Кричер, и слёзы стекали по обе стороны его носа-пятачка. – И он приказал Кричеру взять его, а когда чаша опустеет – подменить медальон...

Кричер всхлипывал всё громче; Гарри приходилось изо всех сил напрягаться, чтобы понять, что он говорит.

– И он приказал – Кричеру уйти – без него. И он сказал Кричеру – идти домой – и никогда не рассказывать моей госпоже – что он сделал – но только разрушить – первый медальон. И он выпил – всё зелье – и Кричер поменял медальоны – и смотрел... как господина Регулуса... утащили под воду... и...

– О, Кричер! – плача, проговорила Гермиона. Она упала на колени рядом с эльфом и попыталась его обнять. Мгновение спустя он уже был на ногах и, скрючившись, с явным отвращением отскочил от неё.

– Грязнокровка дотронулась до Кричера, он такого не позволит, что бы сказала его госпожа?

– Я же велел тебе не называть её «грязнокровкой»! – прорычал Гарри, но эльф уже наказывал сам себя: он грохнулся ничком и начал колотиться лбом об пол.

– Прекрати это – прекрати это! – закричала Гермиона. – Ох, ну неужели ты и теперь не видишь, как это отвратительно – то, как они должны подчиняться?

– Кричер – стой, стой! – заорал Гарри.

Эльф лежал на полу, дрожа и хватая ртом воздух, вокруг пятка растеклась зелёная сырость; шишка уже начала набухать на мертвенно бледном лбу в том месте, которым он успел приложиться о пол; глаза его были налиты кровью, заплывшие и мокрые от слёз. Гарри никогда ещё не видел столь жалостливого зрелища.

– Значит, ты принёс медальон домой, – безжалостно продолжил он; он твёрдо вознамерился узнать всю историю до конца. – И ты пытался его уничтожить?

– Всё, что делал Кричер, не оставило на нём никаких следов, – простонал эльф. – Кричер пробовал всё, всё, что он знал, но ничего, ничего не выходило... Так много сильных заклятий на оболочке, Кричер был уверен, что, чтобы его уничтожить, надо его открыть, но это тоже не получалось... Кричер наказывал себя, снова пытался, наказывал себя и снова пытался. Кричер не выполнил приказания, Кричер не смог уничтожить медальон! И его госпожа обезумела от горя, потому что господин Регулус пропал, а Кричер не мог рассказать ей, что произошло, нет, потому что господин Регулус 3-з-запретил ему говорить всем членам с-с-семьи, что было в п-пещере...

Кричер начал всхлипывать так часто, что разобрать какие-либо слова стало невозможно. Слёзы текли по щекам неотрывно глядящей на Кричера Гермионы, но вновь коснуться его она не осмеливалась. Даже Рон, будучи абсолютно не фанатом Кричера, явно был в замешательстве. Гарри сменил позу, опёршись на каблуки, и потряс головой, стараясь её прочистить.

– Я тебя не понимаю, Кричер, – наконец сказал он. – Волдеморт пытался убить тебя, Регулус погиб, стараясь уничтожить Волдеморта, но ты всё-таки с радостью предал Волдеморту Сириуса? Ты был счастлив уйти к Нарциссе и Беллатрикс и через них передавать информацию Волдеморту...

– Гарри, Кричер не рассуждает так, как ты, – ответила Гермиона, вытирая глаза тыльной стороной ладони. – Он раб; домовые эльфы привыкли к плохому, даже к жестокому

обращению; то, что Волдеморт сделал с Кричером, было не так уж далеко от того, что делается постоянно. Что значат войны колдунов для эльфов, таких как Кричер? Он лоялен к людям, которые добры к нему, и миссис Блэк, должно быть, была добра, а Регулус наверняка был добр, и поэтому он служил им по доброй воле и верил в то, во что они верили. Я знаю, что ты хочешь сказать, – продолжила она, заметив, что Гарри собирается возразить, – что Регулус изменил своё мнение... но, по-видимому, он не объяснил этого Кричеру, понимаешь? И мне кажется, я знаю почему. Семья Кричера и Регулуса оставалась бы в большей безопасности, если бы придерживалась своих старых чистокровных мировоззрений. Регулус пытался защитить их всех.

– Сириус...

– Сириус ужасно обращался с Кричером, Гарри, и не надо на меня так смотреть, ты знаешь, что это правда. Когда Сириус вернулся сюда, Кричер жил здесь в одиночестве уже очень долго, и он, возможно, изголодался по человеческой привязанности. Я уверена, что «мисс Цисси» и «мисс Белла» были исключительно любезны с Кричером, когда он к ним пришёл, и поэтому он оказал им услугу и рассказал всё, что они хотели узнать. Я всё время говорила, что колдуны должны расплатиться за то, как они обращаются с домовыми эльфами. Вот Волдеморт и расплатился... и Сириус тоже.

Гарри не нашёлся что ответить. Наблюдая за Кричером, хнычущим лежа на полу, он вспомнил, что ему сказал Дамблдор лишь через несколько часов после смерти Сириуса: *«Не думаю, что Сириус когда-либо воспринимал Кричера как существо, способное чувствовать так же, как и человек...»*

– Кричер, – некоторое время спустя произнёс Гарри, – когда будешь в состоянии, э... пожалуйста, сядь.

Прошло несколько минут, прежде чем Кричер проикался и успокоился. Затем он снова привёл себя в сидячее положение, продолжая тереть кулаками глаза, словно маленький ребёнок.

– Кричер, я хочу попросить тебя кое-что сделать, – сказал Гарри. Он глянул на Гермину, надеясь на её помощь: он хотел отдать приказ ласково, но в то же время не притворяясь, что это вовсе не приказ. Однако уже изменение его тона, похоже, заслужило её одобрение: она поощрительно улыбнулась.

– Кричер, пожалуйста, я хочу, чтобы ты отыскал Мундунгуса Флетчера. Нам нужно выяснить, где находится медальон... медальон господина Регулуса. Это очень важно. Мы хотим закончить работу, которую начал господин Регулус, мы хотим... э... сделать так, чтобы смерть его не была напрасной.

Кричер опустил кулаки и поглядел на Гарри.

– Найти Мундунгуса Флетчера? – прокричал он.

– И приведи его сюда, на площадь Гриммода, – кивнул Гарри. – Как ты думаешь, ты сможешь сделать это для нас?

Когда Кричер кивнул и встал на ноги, Гарри неожиданно озарило. Он открыл сумочку Хагрида и вытащил поддельный Хоркракс, второй медальон, в который Регулус вложил записку, адресованную Волдеморту.

– Кричер, я, ээ, хотел бы подарить тебе вот это, – заявил он, вложив медальон в руку эльфа. – Это принадлежало Регулусу, и я уверен, он хотел бы, чтобы это хранил ты, в знак признательности за то, что ты...

– Перебор, приятель, – прокомментировал Рон, ибо эльф, кинув лишь один взгляд на медальон, испустил вопль потрясения и горя и снова рухнул на пол.

Почти полчаса ушло у них на то, чтобы успокоить Кричера. Тот был настолько потрясён тем, что ему передали семейную реликвию Блэков в полную собственность, что у него тряслись колени, и он был не в силах нормально стоять. Когда наконец Кричер смог сделать несколько неуверенных шагов, Гарри, Рон и Гермиона проводили его к чулану, посмотрели, как он нежно укрывает медальон в своих грязных одеялах, и заверили его, что охрана медальона будет их первоочередной задачей на время его отсутствия. После этого он отвесил низкие поклоны Гарри и Рону и даже забавно дёрнулся в сторону Гермионы, что должно было, видимо, означать попытку уважительного жеста, после чего с обычным громким хлопком дезаппарировал.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПОДКУП

Если уж Кричеру удалось выбраться из озера, полного преисподов, то захват Мундунгуса, не сомневался Гарри, должен был потребовать нескольких часов максимум, и всё утро он слонялся по дому в предвкушении. Однако ни утром, ни даже во второй половине дня Кричер не вернулся. К вечеру Гарри охватило уныние и беспокойство, и ужин, состоящий преимущественно из заплесневелого хлеба, который Гермиона всячески (но безуспешно) пыталась трансфигурировать, не способствовал улучшению его настроения.

И на следующий день Кричер не вернулся, и через день тоже. Зато на площади перед домом двенадцать появились двое мужчин в плащах и стояли там, глядя на дом, который они не могли видеть, — стояли, пока их не скрыла ночь.

— Пожиратели Смерти, это точно, — произнёс Рон, когда они с Гарри и Гермионой наблюдали за ними из окон гостиной. — Как вы думаете, они знают, что мы здесь?

— Вряд ли, — покачала головой Гермиона, хотя вид у неё при этом был довольно напуганный. — Иначе они бы послали сюда за нами Снейпа?

— Ты думаешь, он сюда уже приходил, и теперь его язык связан проклятием Муди? — спросил Рон.

— Да, — кивнула Гермиона, — иначе он смог бы рассказать этой компании, как сюда войти, верно? Но они, вероятно, смотрят, появимся мы или нет. В конце концов, они же знают, что этот дом принадлежит Гарри.

— Но откуда они?.. — возмутился было Гарри.

— Завещания колдунов проверяются Министерством, забыл? Они наверняка узнали, что Сириус завещал тебе этот дом.

Присутствие Пожирателей Смерти снаружи ещё усилило общую зловещую атмосферу, царящую в доме двенадцать. Со времени появления Патронуса мистера Уизли они не слышали ни единого слова от кого-либо извне, и напряжение постепенно нарастало. Рон, беспокойный и раздражительный, завёл неприятную привычку играть с Делюминатором в своём кармане. Особенно это злило Гермиону, которая скрашивала ожидание Кричера, изучая «Сказки барда Бидла», и которой совершенно не нравилось, что огни постоянно то вспыхивают, то гаснут.

— Да прекрати же! — закричала она на третий вечер отсутствия Кричера, когда весь свет в гостиной в очередной раз погас.

— Прости, прости, — отозвался Рон, щёлкнув Делюминатором и вернув свет. — Это я бессознательно!

— Ты что, не можешь найти себе какое-нибудь полезное занятие?

— Это какое, например? Читать детские книжки?

— Дамблдор оставил мне эту книгу, Рон...

— ...а мне он оставил Делюминатор, может, я и должен его применять!

Не в силах вынести их перепалку, Гарри, незамеченный ими обоими, выскользнул из комнаты. Он направился вниз в сторону кухни – он всё время туда наведывался, поскольку считал, что Кричер, скорее всего, появится именно там. Однако, преодолев половину пролёта, ведущего в прихожую, Гарри услышал лёгкий стук во входную дверь, затем металлические щелчки и звяканье цепи.

Каждый нерв в его теле натянулся до предела; он извлёк волшебную палочку, зашёл в затенённый угол лестницы позади отрубленных эльфийских голов и стал ждать. Дверь открылась; Гарри мельком увидел кусочек освещённой площади снаружи, после чего фигура в плаще пробралась в прихожую и закрыла дверь за собой. Визитёр сделал шаг вперёд, и голос Муди спросил *«Северус Снейп?»* Потом в конце коридора поднялась пылевая фигура и понеслась к вошедшему, поднимая свою мёртвую руку.

– Не я убил тебя, Альбус, – произнёс тихий голос.

Сглаз рухнул: фигура снова разлетелась в пыль, и различить вошедшего за оставленным ей густым серым облаком стало невозможно.

Гарри навёл палочку в середину облака.

– Ни с места!

Он совершенно забыл о портрете миссис Блэк; как только он крикнул, закрывавшие её портьеры распахнулись, и она начала вопить: *«Грязнокровки и мразь, поганяющие мой дом...»*

Рон и Гермиона слетели вниз по ступеням и встали позади Гарри, тоже наведя свои палочки на неизвестного; тот, подняв руки вверх, неподвижно стоял в прихожей.

– Не стреляйте, это я, Римус!

– О, слава богу, – слабым голосом проговорила Гермиона и перевела волшебную палочку на миссис Блэк; портьеры с грохотом захлопнулись, и прихожая погрузилась в тишину. Рон также опустил палочку, но Гарри этого не сделал.

– Покажитесь! – крикнул он.

Люпин сделал шаг вперёд, чтобы его было лучше видно в свете ламп, руки он по-прежнему держал поднятыми вверх, как бы сдаваясь.

– Я Римус Джон Люпин, оборотень, известный в узких кругах как Лунатик⁴³, один из четырёх создателей Карты Мародёра, женат на Нимфадоре, обычно известной как Тонкс, и я обучил тебя, Гарри, вызывать Патронуса, принимающего форму оленя.

– О, всё нормально, – Гарри опустил свою волшебную палочку, – но мне же надо было проверить, правильно?

– Как твой бывший преподаватель защиты от Тёмных искусств, я совершенно согласен, что ты должен был проверить. Рон, Гермиона, вам не следует так поспешно снимать свою защиту.

Они сбежали по ступеням Люпину навстречу. Закутанный в плотный чёрный дорожный плащ, он выглядел измученным, но заметно было, что он рад их видеть.

– Стало быть, никаких следов Северуса? – спросил он.

– Нет, – ответил Гарри. – Что происходит? Все наши в порядке?

⁴³ Моону, кличка произошла от слова Moon – луна.

– Да, – кивнул Люпин, – но за нами всеми следят. На площади снаружи дежурит пара Пожирателей Смерти...

– ...Мы знаем...

– ...так что мне пришлось очень точно аппарировать, прямо на верхнюю ступеньку перед входной дверью, чтобы гарантировать, что они меня не увидят. Они не знают, что вы здесь, иначе, я уверен, их там было бы больше; просто они ставят наблюдателей во всех местах, какие хоть как-то с тобой связаны, Гарри. Пойдёмте вниз, мне надо много чего вам рассказать, и я сам хочу узнать, что с вами случилось после того, как вы сбежали из Норы.

Они спустились в кухню, и Гермиона указала волшебной палочкой на очаг. Огонь вспыхнул немедленно, придав гладким каменным стенам видимость уюта и отражаясь от поверхности длинного деревянного стола. Люпин вытянул из-под своего дорожного плаща несколько бутылок сливочного пива, и все они уселись.

– Я бы пришёл тремя днями ранее, но мне надо было стряхнуть Пожирателя Смерти, который за мной следил, – произнёс Люпин. – Так значит, вы направились сюда прямо после свадьбы?

– Нет, – ответил Гарри, – только после того, как наткнулись на пару Пожирателей Смерти в кафе на Тотенхем Корт Роуд.

Люпин пролил большую часть своего сливочного пива себе на грудь.

– *Что?*

Они рассказали, что произошло; когда они закончили, Люпин был потрясён.

– Но как они нашли вас так быстро? Выследить того, кто аппарирует, невозможно, разве что вцепиться в него, прежде чем он исчезнет!

– Но и на то, что они просто прогуливались в тот момент по Тотенхем Корт Роуд, тоже не очень-то похоже, верно? – сказал Гарри.

– Мы тут подумали, – осторожно поинтересовалась Гермиона, – а не может ли на Гарри по-прежнему быть Метка?

– Исключено, – ответил Люпин. Рон приобрёл самодовольный вид, Гарри ощутил колоссальное облегчение. – Помимо всего прочего, они наверняка знали бы, что Гарри здесь, если бы на нём до сих пор была Метка, согласись? Но я не понимаю, как они смогли выследить вас до Тотенхем Корт Роуд, и это меня беспокоит, очень беспокоит.

Он действительно выглядел озабоченным, но, на взгляд Гарри, этот вопрос вполне терпел.

– Расскажите, что произошло после того, как мы ушли, мы вообще ничего не слышали с того момента, как папа Рона передал, что его семья в безопасности.

– Что ж, Кингсли нас спас, – произнёс Люпин. – Благодаря его предупреждению большинство гостей успело дезаппарировать прежде, чем они появились.

– Это были Пожиратели Смерти или люди из Министерства? – перебила Гермиона.

– И те, и другие; впрочем, по своим целям и намерениям они сейчас совершенно одинаковы, – ответил Люпин. – Их было около дюжины, но они не знали, что ты тоже там был, Гарри. До Артура дошёл слух, что они пытались выпытать твоё местонахождение у Скримджера, прежде чем убили его; если это правда, то он тебя не выдал.

Гарри взглянул на Рона и Гермиону; на их лицах отразилась смесь потрясения и благодарности, которые ощущал он сам. Скримджер ему никогда особо не нравился, но если то, что сказал Люпин, было правдой, последнее действие в жизни этого человека было направлено на защиту Гарри.

– Пожиратели Смерти обыскали Нору сверху донизу, – продолжил Люпин. – Они нашли гуля, но не решились подойти к нему близко – и тогда они допросили тех из нас, кто оставался там подолгу. Они пытались вытянуть информацию о тебе, Гарри, но, разумеется, никто, кроме членов Ордена, не знал, что ты там был.

Одновременно с их приходом на свадьбу другие Пожиратели Смерти вламывались во все дома, связанные с Орденом. Все живы, – поспешно добавил он, предваряя вопрос, – но они не церемонились. Они сожгли дом Дедалуса Диггла, но, как тебе известно, его там не было. Они применили проклятие Крусиатус на семье Тонкс, также пытаясь выяснить, куда ты отправился после того, как побывал у них. С ними всё нормально – шок, несомненно, но в остальном они в порядке.

– Пожиратели Смерти пробились через все эти защитные чары? – спросил Гарри, вспомнив, насколько эффективны были эти чары в ту ночь, когда он разбился в саду родителей Тонкс.

– Тебе следует осознать, Гарри, что теперь на стороне Пожирателей Смерти вся мощь Министерства, – ответил Люпин. – У них есть права накладывать самые жестокие заклинания, не опасаясь, что их узнают или арестуют. Им удалось преодолеть все защитные заклинания, которые мы против них поставили, ну а войдя внутрь, они совершенно не скрывали, что им было там нужно.

– А хоть какой-то формальный повод, позволяющий им пытаться людей, чтобы узнать местонахождение Гарри, они удосужились придумать? – злым голосом осведомилась Гермиона.

– Вообще-то... – Люпин, поколебавшись немного, извлёк сложенный номер «Ежедневного пророка».

– Вот, – Люпин бросил газету через стол к Гарри. – Всё равно ты рано или поздно узнаешь. Вот их повод для того, чтобы разыскивать тебя.

Гарри разгладил газету. Всю первую полосу занимала гигантская фотография его собственной персоны. Над фотографией он прочёл заголовок:

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ ДЛЯ ДОПРОСА ПО ПОВОДУ СМЕРТИ АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА»

Рон и Гермиона испустили негодующие крики, но Гарри не произнёс ни слова. Он оттолкнул газету в сторону; он не желал читать дальше, он знал, что там написано. Никто, кроме тех, кто был на вершине башни, когда погиб Дамблдор, не знал, кто на самом деле его убил, и, как Рита Скинтер уже сообщила всему магическому миру, Гарри действительно видели бегущим с места происшествия сразу после того, как Дамблдор упал.

– Мне жаль, Гарри, – произнёс Люпин.

– Стало быть, Пожиратели Смерти контролируют и «Ежедневный пророк» тоже? – яростно спросила Гермиона.

Люпин кивнул.

– Но люди, я надеюсь, понимают, что происходит?

– Переворот прошёл очень гладко и практически бесшумно, – ответил Люпин. – Официальная версия убийства Скримджера – что он ушёл в отставку; его заменил Пиус Тикнесс, находящийся под проклятием Империи.

– Почему Волдеморт не провозгласил министром магии себя? – спросил Рон.

Люпин рассмеялся.

– Ему этого не нужно, Рон. Фактически он *и есть* министр, но зачем ему сидеть за столом в Министерстве? Его кукла, Тикнесс, занимается рутинными делами, ну а Волдеморт может спокойно раздвигать границы своей власти за пределами Министерства.

Естественно, немало людей сообразило, что произошло: за последние несколько дней политика Министерства очень резко изменилась, и многие перешёптываются, что за этим стоит Волдеморт. Однако в этом и проблема: они перешёптываются. Они не осмеливаются открыться друг другу, поскольку не знают, кому доверять; они боятся говорить громко – на тот случай, если их подозрения верны и их семьи находятся под прицелом. Да, Волдеморт играет очень умно. Если бы он открылся, это могло бы привести к прямому восстанию; а сейчас повсюду замешательство, неопределённость и страх.

– И это резкое изменение политики Министерства, – произнёс Гарри, – включает в себя предостережение магического мира против меня вместо Волдеморта?

– Это, несомненно, часть новой политики, – кивнул Люпин, – и это очень умный ход. Теперь, когда Дамблдор мёртв, ты – Мальчик, Который Выжил – наверняка должен был бы стать символом и центром сопротивления Волдеморту. Но предложив версию, что ты приложил руку к гибели их старого героя, Волдеморт не только назначил цену за твою голову, но и посеял сомнение и страх во многих, кто стал бы тебя защищать.

Да, в то же время Министерство стало предпринимать шаги против магглорождённых, – Люпин снова показал на «Ежедневный пророк». – Посмотрите на второй странице.

Гермиона перевернула страницу с тем же брезгливым выражением лица, с каким она держала «Тайны Темнейшего искусства».

«Реестр магглорождённых», – прочла она вслух. – «Министерство магии предпринимает обследование так называемых «маглорождённых», чтобы составить наилучшее представление о том, каким образом им удалось овладеть секретами магии.

Исследование, недавно проведённое департаментом Тайн, показало, что магия может передаваться от человека к человеку только когда колдуньи воспроизводят сами себя. Следовательно, в случае отсутствия подтверждённых предков-колдунов так называемые магглорождённые, вероятно, заполучили свои магические способности путём воровства или с применением силы.

Министерство твёрдо намерено выкорчевать таких узурпаторов магической силы, и с этой целью оно выслало каждому так называемому магглорождённому приглашение явиться на собеседование в недавно созданную комиссию по Регистрации магглорождённых.»

– Люди не позволят это сделать, – покачал головой Рон.

– Это *уже* делается, Рон, – ответил Люпин. – Уже сейчас, пока мы говорим, происходят аресты магглорождённых.

– Но как они могут «красть» магию? – произнёс Рон. – Это же маразм, если бы магию можно было красть, не было бы сквиббов, так ведь?

– Я знаю, – кивнул Люпин. – И тем не менее, если ты не можешь доказать, что у тебя есть хотя бы один близкий родственник-колдун, тебя признают заполучившим магические силы незаконным путём и подвергнут наказанию.

Рон глянул на Гермению, затем сказал:

– А что если чистокровные и полукровки поклянутся, что магглорождённый – часть их семей? Я всем буду рассказывать, что Гермения – моя кузина...

Гермения накрыла руку Рона своей и слегка сжала её.

– Спасибо, Рон, но я не позволю тебе...

– А я тебя и не спрошу, – яростно отрезал Рон, стискивая её руку. – Ты выучишь наизусть наше генеалогическое древо – я тебя обучу – и ты сможешь отвечать на вопросы по нему.

Гермения издала слабый смешок.

– Рон, поскольку мы сейчас в бегах вместе с Гарри Поттером, самым разыскиваемым человеком во всей стране, я не думаю, что это имеет значение. Если бы я собиралась вернуться в школу, это было бы другое дело. А что Волдеморт сделает с Хогвартсом? – обратилась она к Люпину.

– Посещение школы теперь обязательно для всех юных ведьм и колдунов, – ответил он. – Об этом только вчера сообщили. Это нововведение, раньше это никогда обязательным не было. Разумеется, практически все ведьмы и колдуны в Британии учились в Хогвартсе, но у их родителей было право обучать их дома или послать за границу, если они считали это нужным. Теперь Волдеморт сможет присматривать за колдунами с молодого возраста. И кроме того, это ещё один способ выводить магглорождённых, поскольку все учащиеся, чтобы получить право на посещения школы, должны иметь Статус Крови – то есть доказать Министерству, что они колдовского происхождения.

Гарри ощущал гнев и отвращение: именно в это самое мгновение одиннадцатилетки, должно быть, в предвкушении рассматривают свои новоприобретённые учебники магии, не зная ещё, что они никогда не увидят Хогвартса, а возможно, и семей своих больше никогда не увидят.

– Это... это... – пробормотал он, безуспешно пытаясь найти слова, которые бы отразили весь ужас, царивший в его мыслях, но Люпин негромко перебил его:

– Я знаю.

Поколебавшись немного, Люпин сказал:

– Я тебя пойму, если ты не сможешь это подтвердить, Гарри, но у Ордена сложилось впечатление, что Дамблдор поручил тебе некую миссию.

– Поручил, – кивнул Гарри, – и Рон с Герменией в ней тоже участвуют, они вместе со мной.

– Можешь ли ты открыть мне содержание этой миссии?

Гарри взглянул в его преждевременно изборозждённое морщинами лицо, на густые, но уже тронутые сединой волосы, и от всей души пожалел, что не может дать другого ответа.

— Я не могу, Римус. Прости меня. Если Дамблдор тебе не рассказал — не думаю, что мне можно.

— Я так и думал, что ты это скажешь, — в голосе Люпина прозвучало разочарование. — Но я всё-таки могу быть вам полезен. Вы знаете, что я из себя представляю и что я умею. Я мог бы пойти с вами и защищать вас. Вам не надо будет говорить мне конкретно, что вы собираетесь делать.

Гарри поколебался. Предложение было очень заманчивым, хотя он совершенно не представлял себе, как они смогут держать свою задачу в секрете от Люпина, если он постоянно будет с ними.

Гермиона в то же время была явно озадачена.

— Но как же Тонкс? — спросила она.

— Что Тонкс?

— Ну, — нахмутив брови, пояснила Гермиона, — она же твоя жена! Что она думает о том, что ты пойдёшь с нами?

— Тонкс будет в полной безопасности, — ответил Люпин. — Она будет жить в доме своих родителей.

Что-то непонятное прозвучало в голосе Люпина; он говорил почти холодно. Да и в самой идее спрятать Тонкс в доме её родителей тоже было что-то странное: она, в конце концов, была членом Ордена и, насколько Гарри в ней разбирался, предпочла бы находиться в самой гуще событий.

— Римус, — осторожно произнесла Гермиона, — может, у вас что-то не в порядке, у тебя и...

— Всё нормально, спасибо, — с нажимом ответил Люпин.

Гермиона слегка порозовела. Повисла неловкая пауза, и наконец Люпин выдавил, словно заставив себя признать что-то неприятное:

— У Тонкс будет ребёнок.

— О, как здорово! — взвизгнула Гермиона.

— Классно! — с энтузиазмом воскликнул Рон.

— Поздравляю, — улыбнулся Гарри.

На лице Люпина появилась неестественная улыбка, больше похожая на гримасу. Затем он продолжил.

— Вот... Так как, вы принимаете моё предложение? Пусть трио станет квартетом! Я не верю, что Дамблдор этого бы не одобрил, в конце концов, он же назначил меня вашим преподавателем защиты от Тёмных искусств. И я вам должен сказать — я считаю, что нам приходится иметь дело с магией, с которой многие из нас никогда не встречались и даже представить себе не могли.

Рон и Гермиона посмотрели на Гарри.

— Так... так, давай уточним, — сказал он. — Ты собираешься оставить Тонкс с её родителями и уйти с нами?

– Там она будет в полной безопасности, они за ней присмотрят, – ответил Люпин. В голосе его прозвучала окончательность, граничащая с безразличием. – Гарри, я убеждён, что Джеймс хотел бы, чтобы я остался с тобой.

– Ну, – медленно произнёс Гарри, – а я не убеждён. Я чертовски уверен, что на самом деле мой отец хотел бы знать, почему ты не остаёшься с собственным ребёнком.

Кровь отхлынула от лица Люпина. Температура в кухне словно упала градусов на десять. Рон рассматривал стены комнаты, словно изо всех сил старался запомнить их на всю жизнь; Гермиона быстро переводила взгляд с Гарри на Люпина и обратно.

– Ты не понимаешь, – сказал наконец Люпин.

– Так объясни.

Люпин сглотнул.

– Я... я сделал очень серьёзную ошибку, женившись на Тонкс. Я сделал это вопреки собственному разумению, и с того самого момента я постоянно сожалею об этом.

– Понятно, – кивнул Гарри. – И теперь ты хочешь просто-напросто бросить её вместе с ребёнком и сбежать с нами?

Люпин вскочил на ноги, опрокинув назад стул, на котором сидел; он кинул на них столь яростный взгляд, что Гарри впервые в жизни увидел волчье выражение на его человеческом лице.

– Неужели ты не понимаешь, *что* я сделал со своей женой и со своим не родившимся ребёнком?! Я не должен был жениться на ней, я сделал её изгоем!

Люпин яростно пнул стул, который только что опрокинул.

– Ты видел меня только в Ордене или под защитой Дамблдора в Хогвартсе! Ты понятия не имеешь, как большинство людей в магическом мире относится к таким, как я! Когда они узнают о моём увечье, они со мной даже говорить не могут! Неужели ты не видишь, что я наделал?! Даже её семья расстроена нашей женитьбой, какой родитель захочет, чтобы его дочь вышла за оборотня? И ребёнок... ребёнок...

Люпин вцепился себе в волосы; он выглядел совершенно обезумевшим.

– Моя порода обычно не размножается! Он будет таким же, как я, я уверен – как мне себя простить за то, что я сознательно рисковал передать своё состояние невинному ребёнку? А если случится чудо, и он будет не таким, как я, – ему будет лучше, в сто раз лучше, без отца, которого он всю жизнь будет стыдиться!

– Римус! – прошептала Гермиона; на глазах её выступили слёзы. – Не говори так – как может хоть один ребёнок тебя стыдиться?

– О, не знаю, Гермиона, – произнёс Гарри. – Я бы его очень даже стыдился.

Гарри не знал, откуда в нём взялся гнев, но этот гнев поднял его на ноги. У Люпина был такой вид, как будто Гарри его ударил.

– Если новый режим считает, что маглорождённые плохие, – сказал Гарри, – то что они сделают с полуоборотнем, отец которого к тому же в Ордене? Мой отец погиб, пытаясь защитить мою мать и меня, и ты думаешь, он бы предложил тебе бросить своего ребёнка и уйти с нами искать приключений?

– Как – как ты смеешь? – вскричал Люпин. – Это не имеет отношения к желанию... к желанию опасности или славы... Как ты смеешь хотя бы предположить настолько...

– Я думаю, ты становишься немного безрассудным, – вымолвил Гарри. – Ты хотел бы пойти по стопам Сириуса...

– Гарри, нет! – умоляюще воскликнула Гермиона, но он продолжал неотрывно смотреть в разъярённое лицо Люпина.

– Никогда бы в это не поверил, – произнёс Гарри. – Человек, научивший меня бороться с дементорами – оказался трусом.

Люпин выхватил волшебную палочку настолько быстро, что Гарри до своей успел лишь дотронуться; послышался громовой удар, и Гарри отлетел назад, словно его ударили кулаком; впечатавшись в стену кухни и сползая на пол, он успел заметить краешек плаща Люпина, скрывшийся за дверью.

– Римус, Римус, вернись! – прокричала Гермиона, но Люпин не ответил. Мгновением позже они услышали хлопок входной двери.

– Гарри! – простонала Гермиона. – Как ты мог?

– Легко, – ответил Гарри. Он поднялся на ноги; на затылке, там, где его голова врезалась в стену, он уже ощущал набухающую шишку. Его всё ещё шатало от гнева.

– И не смотри на меня так! – огрызнулся он в адрес Гермионы.

– А ты не кричи на неё! – рявкнул Рон.

– Нет – нет – мы не должны драться! – крикнула Гермиона, бросаясь между ними.

– Ты не должен был всё это говорить Люпину, – сказал Рон, глядя на Гарри.

– Он сам напросился, – ответил Гарри. Искажённые образы один за другим мелькали в его мозгу: Сириус, падающий сквозь вуаль; Дамблдор, убитый, зависший в воздухе; зелёная вспышка и голос его матери, умоляющей о пощаде...

– Родители, – тяжело дыша, произнёс Гарри, – не должны оставлять своих детей, если... если только без этого можно обойтись.

– Гарри, – Гермиона протянула руку, стараясь его утешить, но он стряхнул её руку и пошёл прочь, неотрывно глядя на созданный Гермионой огонь. Один раз он говорил с Люпином из этого очага, желая увериться в Джеймсе, и Люпин его успокоил. Теперь белое, искажённое страданием лицо Люпина плавало перед ним в воздухе. Он ощутил болезненный прилив раскаяния. Ни Рон, ни Гермиона не произносили ни слова, но Гарри был уверен, что за его спиной они переглядываются, общаясь безмолвно.

Он обернулся и успел заметить, как они поспешно отворачиваются друг от друга.

– Я знаю, что не должен был называть его трусом.

– Факт, не должен был, – немедленно ответил Рон.

– Но всё он себя как трус.

– И тем не менее... – сказала Гермиона.

– Я знаю, – кивнул Гарри. – Но если это заставит его вернуться к Тонкс, оно будет стоить того, как вы думаете?

Он не смог скрыть нотку мольбы в своём голосе. Гермиона смотрела сочувствующе, Рон – неопределённо. Гарри устался на свои ноги, размышляя об отце. Поддержал бы Джеймс

Гарри, услышав, что он сказал Люпину, или рассердился бы на то, как его сын обращается с его старым другом?

Тихая кухня, казалось, гудела от шока недавней сцены и от невысказанного неодобрения Рона и Гермионы. Номер «Ежедневного пророка», принесённый Люпином, по-прежнему лежал на столе, и Гарри лицо взидало в потолок с первой полосы. Гарри подошёл к столу и уселся, открыв газету наугад и сделав вид, что читает. Он не мог вчитываться в слова, все его мысли были по-прежнему о стычке с Люпином. Он был уверен, что по ту сторону «Пророка» Рон и Гермиона возобновили своё безмолвное общение. Гарри шумно перевернул страницу, и в глаза ему прыгнуло имя Дамблдора. Пара секунд прошла, прежде чем он вник в содержание фотографии, на которой была изображена группа людей. Под фотографией была подпись: *«Семейство Дамблдоров. Слева направо: Альбус, Персиваль с новорождённой Арианой на руках, Кендра и Аберфорт».*

Наконец-то отвлекшись от Люпина, Гарри более внимательно изучил фотографию. Отец Дамблдора, Персиваль, был импозантным мужчиной, в глазах которого, казалось, мерцал озорной огонёк, даже на старой выцветшей фотографии. Маленькая Ариана по форме и размеру напоминала батон хлеба, разве что чуть длиннее. У её матери Кендры были иссиня-чёрные волосы, связанные в тугий пук, и резкие, точёные черты лица. Несмотря на шёлковое платье с высоким воротником, которое было на ней надето, Гарри вспомнил об американских индейцах, когда разглядывал её тёмные глаза, высокие скулы и прямой нос. Альбус и Аберфорт были одеты в одинаковые пиджаки с кружевными воротниками и носили идентичные причёски, с волосами по плечи. Альбус выглядел на несколько лет старше, но в остальном оба мальчика были очень похожи, поскольку фотография была сделана до того, как был сломан нос Альбуса, и до того, как он начал носить очки.

Семейство выглядело счастливым и совершенно нормальным, мягко улыбаясь с газетной страницы. Ариана слабо махала ручкой из своей пеленки. Гарри глянул повыше и прочёл заголовок:

**«ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ОТРЫВОК ИЗ ВЫХОДЯЩЕЙ В
БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ
БИОГРАФИИ АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА Риты Скитер»**

Полагая, что вряд ли он сможет чувствовать себя хуже, чем сейчас, Гарри начал читать.

«Гордая и высокомерная, Кендра Дамблдор не могла оставаться в Моулд-он-зз-Волд после получившего широкую огласку ареста и заключения в Азкабана её мужа Персиваля. Поэтому она приняла решение покинуть свою родину и переехать в Годрикову Лоущину, деревню, которая много позже приобрела известность как место, где Гарри Поттер загадочным образом избежал смерти от Сами-Знаете-Кого.

Как и в Моулд-он-зз-Волд, в Годриковой Лоущине жило большое количество колдовских семей, но, поскольку Кендра никого из них не знала, она избежала расспросов по поводу преступления её мужа, с которыми она сталкивалась ранее. Постоянно отклоняя дружеские попытки знакомства со стороны своих новых соседей-колдунов, она вскоре добилась того, что её семья осталась в одиночестве.

«Захлопнула дверь перед моим носом, когда я пришла поприветствовать её, принеся

несколько самодельных кексов-котелков», вспоминает Батильда Бэгшот. «На протяжении первого года их пребывания там я видела только двух мальчиков. Я бы и не знала, что есть ещё и дочь, если бы следующей зимой после их приезда не пошла собирать Плангентины в лунную ночь. Тогда я и увидела, как Кендра выводит Ариану в задний садик. Один раз прошла с ней вокруг лужайки, крепко держа её за руку, и увела обратно внутрь. Я тогда не знала, что и думать».

Похоже, Кендра считала, что переезд в Годфрикову Лощину даёт ей прекрасную возможность навсегда спрятать Ариану, к чему она, вероятно, стремилась долгие годы. Время, когда это произошло, очень важно. Ариане едва исполнилось семь лет, когда она пропала из виду, а семь лет – это тот возраст, в котором, по мнению большинства экспертов, начинает проявляться магия, если она вообще есть. Никто из ныне живущих не припоминает, чтобы Ариана когда-либо демонстрировала хоть какие-то признаки магии. Отсюда становится очевидным, что Кендра приняла решение скрыть само существование своей дочери, вместо того чтобы выносить позор, признав, что она родила сквиба. Переезд прочь от друзей и соседей, знавших про Ариану, разумеется, должен был существенно облегчить задачу по её заточению. Можно было рассчитывать, что крайне малое число людей, знавших о существовании Арианы, позволит сохранить тайну с этого момента и далее. Среди этих немногих были и два её брата, отклонявшие все неудобные вопросы с помощью ответа, которому их научила мать: «Моя сестра слишком нежная, чтобы ходить в школу».

Читайте на следующей неделе: Альбус Дамблдор в Хогвартсе – призы и притворство.»

Гарри был неправ: от прочитанного ему определённо стало хуже. Он снова взглянул на фотографию, казалось, совершенно счастливой семьи. Было ли это правдой? Как он мог это выяснить? Он хотел направиться в Годфрикову Лощину, даже если Батильда была не в том состоянии, чтобы с ним разговаривать; он хотел посетить то место, где и он, и Дамблдор потеряли тех, кого любили. Он начал было опускать газету на стол, чтобы спросить мнение Рона и Гермионы, когда по всей кухне разнёсся оглушительный хлопок.

Впервые за все эти три дня Гарри совершенно забыл про Кричера. Первой его мыслью было, что в комнату вернулся Люпин, и какое-то мгновение он не мог разобраться в мешанине дёргающихся конечностей, объявившейся из ниоткуда прямо возле его стула. Он вскочил на ноги в тот самый момент, когда Кричер выпутал себя и, низко поклонившись Гарри, прокричал:

– Кричер вернулся с воров Мундунгусом Флетчером, господин.

Мундунгус поспешно поднялся и вытащил волшебную палочку; Гермиона, однако, оказалась слишком быстра для него.

– *Expelliarmus!*

Палочка Мундунгуса взмыла в воздух и опустилась в руку Гермионы. Мундунгус с безумными глазами бросился к лестнице; Рон, словно заправский регбист, принял его на корпус, и Мундунгус с приглушённым треском рухнул на каменный пол.

– Чё надо? – прокричал он, пытаясь вывернуться из захвата Рона. – Чё я сделал? Чё вы напустили на меня вашего, блин, домового эльфа, чё вам надо, чё я сделал, пусти, пусти меня, а не то...

– Ты сейчас не в том положении, чтобы угрожать, – произнёс Гарри. Он отшвырнул газету, в несколько широких шагов пересёк кухню и опустился на колени рядом с Мундунгусом; тот перестал биться и с ужасом смотрел на него. Рон, тяжело дыша, поднялся на ноги и стал смотреть, как Гарри нацеливает свою волшебную палочку Мундунгусу точно в нос. От Мундунгуса несло старым потом и табаком; волосы его были спутаны, мантия вся в пятнах.

– Кричер извиняется за то, что не сразу доставил вора, господин, – прокаркал эльф. – Флетчер знает, как избежать поимки, у него много укрытий и сообщников. Тем не менее в конце концов Кричер поймал вора.

– Ты очень хорошо сработал, Кричер, – сказал Гарри, и эльф низко поклонился.

– Значит, так, у нас к тебе есть вопросы, – сообщил Гарри Мундунгусу. Тот сразу заверещал:

– Я просто испугался, okay? Я ваще не хотел с ними идти, без обид, паря, но я никогда не собирался умирать ради тебя, а там на меня Сам-Блин-Знаешь-Кто летел, всякий оттуда бы свалил, я всегда говорил, что не хочу туда идти...

– К твоему сведению, ни один из остальных не дезаппарировал, – сообщила Гермиона.

– Ну, значит, вы кучка, блин, ероев, во, понятно, ну а я никогда не делал виду, что хочу убить себя...

– Нам неинтересно, почему ты сбежал от Безумного Глаза, – Гарри придвинул кончик своей волшебной палочки чуть ближе к выпученным, налитым кровью глазкам Мундунгуса. – Мы и так знали, что ты ненадёжный кусок дерьма.

– Ну и ладно, и чё тада за мной гоняются ваши домовые эльфы? Или это опять насчёт тех дурацких кубков? Так их у меня нет уже ни одного, а то б я отдал...

– И не насчёт кубков, хотя это уже теплее, – сообщил Гарри. – Заткнись и слушай.

Это было восхитительное чувство – иметь цель, иметь кого-то, у кого можно было потребовать какой-то маленький кусочек правды. Кончик Гарриной волшебной палочки был теперь настолько близко к переносице Мундунгуса, что тот собрал глаза в кучку, пытаясь его разглядеть.

– Когда ты вычищал из этого дома всё ценное, – начал Гарри, но Мундунгус тотчас его перебил.

– Сириус никогда не волновался про этот мусор...

Послышался быстрый топоток, вспышкой сверкнула бронза, раздался гулкий удар и вопль боли: Кричер налетел на Мундунгуса и врезал ему по голове кастрюлей.

– Убери его, убери его, его запереть надо! – заверещал Мундунгус, отшатываясь назад, ибо Кричер снова замахнулся тяжёлой кастрюлей.

– Кричер, нет! – крикнул Гарри.

Тощие руки Кричера задрожали от веса кастрюли, но всё ещё не опустили её.

– Может быть, ещё всего разок, господин Гарри, на удачу?

Рон рассмеялся.

– Он нужен нам в сознании, Кричер, но если его понадобится убеждать, мы поручим тебе эту почётную задачу, – заверил Гарри.

– Спасибо большое, хозяин, – поклонившись, сказал Кричер и отошёл чуть назад; его огромные бледные глаза по-прежнему с ненавистью сверлили Мундунгуса.

– Когда ты избавлял этот дом от всех ценных вещей, какие только мог найти, – снова начал Гарри, – ты забрал кучу всякой всячины из кухонного чулана. Там был медальон, – во рту у Гарри внезапно пересохло; он ощущал напряжение и возбуждение, исходящее от Рона и Гермионы. – Что ты с ним сделал?

– А чё? – спросил Мундунгус. – Он дорогой?

– Он всё ещё у тебя! – вскричала Гермиона.

– Не, не у него, – проницательно заметил Рон. – Он прикидывает, не следовало ли ему запросить за него больше денег.

– Больше? – переспросил Мундунгус. – Это, блин, было бы совсем лехко... Я его просто отдал нафих, понятно? Без выбора.

– Что ты несёшь?

– Я продавал в Косом переулке ⁴⁴, и она тут подошла и спросила, есть ли у меня лицензия на торговлю майическими штуками. Магазин, блин. Она меня хотела птрафануть, но ей понравился медальон, и она сказала мне, щас она его заберёт и на этот раз меня отпустит, и чтоб я знал, как мне повезло.

– Кто была эта женщина? – спросил Гарри.

– Нинаю, какая-то министерская карга.

Мундунгус думал некоторое время, наморщив лоб.

– Маленькая женщина. С бантом на голове, – и потом, нахмурившись, добавил: – Смахивала на жабу.

Гарри выронил волшебную палочку; та стукнула Мундунгуса по носу, и выпустила сноп красных искр, которые подожгли ему брови.

– *Aguamenti!* – крикнула Гермиона, и струя воды брызнула из её палочки, залив шипящего, задыхающегося Мундунгуса.

Гарри поднял взгляд и обнаружил отражение собственного шока в лицах Рона и Гермионы. Шрамы на тыльной стороне его правой ладони снова начало покалывать.

⁴⁴ Diagon Alley – название созвучно с «diagonally», т.е. «по диагонали».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МАГИЯ – СИЛА

По мере того как август подходил к концу, квадратик неухоженной травы посреди площади Гриммода сох на солнце, пока трава не стала жёсткой и коричневой. Обитатели дома двенадцать оставались невидимы для всех находившихся в соседних домах, да и сам дом двенадцать тоже. Магглы, обитающие рядом с площадью Гриммода, давно уже привыкли к забавной ошибке при нумерации домов, из-за которой дом одиннадцать располагался рядом с домом тринадцать.

И в то же время площадь привлекала к себе небольшой, но постоянный поток посетителей, которые явно находили эту аномалию чрезвычайно интригующей. Ни дня не обходилось без того, чтобы на площади не появились один-два человека, единственная цель которых (по крайней мере, так казалось) заключалась в том, чтобы, прислонившись к металлическому ограждению напротив домов одиннадцать и тринадцать, наблюдать за местом стыка между ними. Наблюдатели никогда не были одними и теми же два дня подряд, хотя все они явно разделяли общую нелюбовь к нормальной одежде. Большинство лондонцев, проходящих мимо, привыкли к странно одетым людям и не обращали на них особого внимания, хотя время от времени оглядывались, недоумевая, почему кому-то нравится носить столь длинные плащи по такой жаре.

Наблюдатели, похоже, получали мало удовольствия от своего бдения. Время от времени кто-либо из них в возбуждении дёргался вперёд, словно он наконец-то заметил что-то интересное, но лишь для того, чтобы с разочарованным видом откинуться обратно.

В первый день сентября на площади наблюдателей было больше, чем обычно. Полдюжины мужчин в длинных плащах молча стояли, как всегда, бдительно таращась на дома одиннадцать и тринадцать, но, судя по всему, предмет их ожиданий по-прежнему от них ускользал. Когда надвинулся вечер, принеся с собой первый за несколько недель короткий холодный ливень, произошёл один из тех загадочных эпизодов, когда им показалось, что они видят что-то интересное. Человек с искривлённым лицом показал рукой, и его спутник, бледный и полноватый, дёрнулся вперёд, но мгновение спустя они вновь расслабились и с разочарованным видом вернулись к своему обычному неподвижному состоянию.

Как раз в этот самый момент внутри дома двенадцать Гарри вошёл в прихожую. Он чуть не оступился, аппарировав на верхнюю ступеньку рядом с входной дверью, и ему показалось, что Пожиратели Смерти могли заметить его мелькнувший на мгновение локоть. Тщательно заперев дверь позади себя, он снял плащ-невидимку, перекинул его через руку и поспешил унылым коридором к двери, ведущей в подпол. В руке он сжимал номер «Ежедневного пророка», который ему удалось стащить.

В коридоре его поприветствовал традиционный тихий шёпот «*Северус Снейп?*», обдул холодный поток воздуха, и на мгновение язык его свернулся в трубочку.

– Я не убивал тебя, – произнёс он, как только язык развернулся обратно, и сдержал дыхание, когда взорвалась пылевая фигура, вызванная взглядом. Уже на полпути к кухне, выйдя

за пределы слышимости миссис Блэк и отойдя подальше от облака пыли, он крикнул: «У меня новости, и они вам не понравятся».

Кухня была практически неузнаваема. Каждая поверхность сияла: бронзовые горшки и сковороды были отполированы до зеркального состояния, деревянная столешница блестела, кубки и тарелки, уже расставленные для ужина, отражали блики весело пляшущего огня, на котором стоял кипящий котёл. Больше, чем что бы то ни было в комнате, однако, изменился домовый эльф, торопливо идущий навстречу Гарри: он был облачён в снежно-белое полотенце, волосы в его ушах были чистые и пушистые, словно вата, на тощей груди подпрыгивал медальон Регулуса.

– Снимите туфли, если вас не затруднит, господин Гарри, и помойте руки перед ужином, – проскрипел Кричер, забирая плащ-невидимку, и, сутулясь, пошёл вешать его на крюк на стене рядом с множеством свежевыглаженных старомодных мантий.

– Что случилось? – встревоженно спросил Рон. До прихода Гарри он вместе с Гермионой склонялся над ворохом записей и от руки нарисованных планов, заваливших край длинного кухонного стола, но сейчас они подняли глаза и смотрели, как он подошёл к ним и бросил газету на разбросанные бумаги.

С газеты на них взирал знакомый крючконосый черноволосый человек. Заголовок над фотографией гласил: **«СЕВЕРУС СНЕЙП НАЗНАЧЕН ДИРЕКТОРОМ ХОГВАРТСА»**.

– Нет! – одновременно вскрикнули Рон и Гермиона.

Гермиона оказалась быстрее всех: она схватила газету и начала вслух читать заметку под фотографией.

– *«Северус Снейп, длительное время занимавший должность преподавателя зелий в школе колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс», был сегодня назначен директором. Это наиболее значимое из нескольких изменений в штате старинной школы. После ухода в отставку предыдущего преподавателя изучения магглов эту должность заняла Алекто Кэрроу, в то время как её брат Амикус занял вакансию преподавателя защиты от Тёмных искусств.*

«Я благодарен за предоставленную возможность поддержать лучшие традиции и ценности магического мира...» – такие, как убийства людей и отрезание ушей, я полагаю! Снейп – директор! Снейп в кабинете Дамблдора – мерлиновы штаны! – вскричала она, заставив и Гарри, и Рона подпрыгнуть. Она вскочила из-за стола и умчалась из комнаты, крикнув: – Я на минуту!

– «Мерлиновы штаны»? – ухмыльнувшись, повторил Рон. – Она, похоже, действительно расстроилась. – Он подтянул к себе газету и перечёл статью про Снейпа.

– Другие преподаватели этого не допустят. МакГонаггалл, и Флитвик, и Спраут – они все знают правду, они знают, как погиб Дамблдор. Они не признают Снейпа директором. А кто эти Кэрроу?

– Пожиратели Смерти, – ответил Гарри. – Там внутри их фотографии тоже есть. Они были на вершине башни, когда Снейп убил Дамблдора, так что это сборище старых друзей. И кроме того, – горько произнёс он, придвигая к себе стул, – я не думаю, что у других учителей есть какие-то варианты, кроме как остаться. Если за Снейпом стоят Министерство и Волдеморт, их выбор только между преподаванием и несколькими милыми годами в

Азкабана – и то если им повезёт. Я думаю, они останутся и будут пытаться защищать учеников.

Кричер поспешно притопап к столу с большой супницей в руках и начал, насвистывая, разливать суп по девственно чистым чашам.

– Спасибо, Кричер, – поблагодарил Гарри, переворачивая «Пророк», чтобы не видеть лица Снейпа. – Что ж, по крайней мере, теперь мы точно знаем, где сейчас Снейп.

Он принялся черпать ложкой суп. С того дня, когда Кричер получил медальон, качество его готовки улучшилось невообразимо: французский луковый суп сегодня был хорош как никогда.

– За домом по-прежнему наблюдает куча Пожирателей Смерти, – сообщил он Рону, пока ел, – даже больше, чем обычно. Такое впечатление, что они надеются, что мы выйдем стройными рядами с нашими школьными сундуками и направимся на Хогвартс-экспресс.

Рон глянул на свои часы.

– Я об этом весь день думал. Он где-то часов шесть назад ушёл. Странно, что мы сейчас не там, правда?

Гарри вспомнил алый паровоз, и как они с Роном как-то догоняли его по воздуху – извивающуюся алую гусеницу, сверкающую между полями и холмами. Он не сомневался, что Джинни, Луна и Невилл сидят сейчас вместе и, возможно, обсуждают, где бы сейчас могли быть Рон, Гермиона и он сам, или как лучше втыкать палки в колёса новому режиму Снейпа.

– Они только что чуть не увидели, как я входил, – произнёс Гарри. – Я плохо приземлился на верхнюю ступеньку, и плащ почти свалился.

– У меня всякий раз так получается. О, вот и она, – добавил Рон, разворачиваясь на своём стуле, чтобы взглянуть на Гермиону, вновь появившуюся в кухне. – И в чём, во имя грязнейших Мерлиновых кальсон, дело?

– Я вот про что вспомнила, – пропыхтела Гермиона.

В руках у неё была большая картина в раме, и она положила её на пол, прежде чем взять свою маленькую бисерную сумочку с кухонного стола. Открыв сумочку, Гермиона стала запихивать картину внутрь, и хотя даже слепому было ясно, что она слишком велика, чтобы уместиться в столь крошечную ёмкость, но прошло несколько секунд, и картина полностью исчезла, как и многое другое ранее, в ненасытной сумочкой пасти.

– Финеас Найджеллус, – пояснила Гермиона, кинув сумочку на кухонный стол, где она издала свой обычный звонкий лязг.

– Чего? – переспросил Рон, но Гарри уже понял. Нарисованный образ Финеаса Найджеллуса Блэка был способен перемещаться между своими портретами на площади Гриммолд и в хогвартском кабинете директора – круглой комнате на вершине башни, где, вне всякого сомнения, прямо сейчас сидел Снейп, наслаждаясь обладанием Дамблдоровой коллекцией тонких серебряных магических инструментов, каменным ситодумом⁴⁵, Сортировочной Шляпой и, если только его не перенесли куда-либо ещё, мечом Гриффиндора.

⁴⁵ Pensieve. Слово включает в себя два корня: pensive (задумчивый) и sieve (сито, решето).

– Снейп мог послать Финеаса Найджеллуса пошпионить для него в этом доме, – объяснила Гермиона Рону, возвращаясь на своё место. – Но пусть-ка теперь он это попробует, всё, что Финеас Найджеллус сможет увидеть, – это внутренности моей сумочки.

– Отлично придумано! – воскликнул Рон, явно впечатлённый.

– Спасибо, – улыбнулась Гермиона, придвигая к себе тарелку с супом. – Да, Гарри, что ещё сегодня произошло?

– Ничего, – ответил Гарри. – Семь часов следил за входом в Министерство. Её – никаких следов. Зато видел твоего папу, Рон. Он выглядит нормально.

Рон благодарно кивнул. Они пришли к решению, что пытаться связаться с мистером Уизли, пока он входит и выходит из Министерства, слишком опасно, поскольку он всегда находился в обществе других служащих Министерства. И тем не менее, когда они мельком видели его, это действовало на них успокаивающе и ободряюще, даже если он выглядел крайне напряжённым и озабоченным.

– Папа всегда говорил, что большинство тех, кто работает в Министерстве, добираются на работу через сеть летучего пороха, – сказал Рон. – Поэтому-то мы и не видим Амбридж, она никогда не стала бы ходить пешком, она думает, что она слишком важная.

– А что насчёт той забавной старухи и маленького колдуна в тёмно-синей мантии? – поинтересовалась Гермиона.

– Ага, да, того типа из Магической технички, – сказал Рон.

– Откуда ты знаешь, что он работает в службе Магического техобслуживания? – спросила Гермиона, задержав ложку с супом на полпути ко рту.

– Папа говорил – все, кто работает в Магическом техобслуживании, носят тёмно-синие мантии.

– Ты нам этого раньше не говорил!

Гермиона уронила ложку и притянула к себе кипу записей и планов, которые она и Рон изучали, когда Гарри вошёл в кухню.

– Здесь ничего нет про тёмно-синие мантии, ничего! – проговорила она, лихорадочно листая страницы.

– Ну и ладно, это что, имеет какое-то значение?

– Рон, это *всё* имеет значение! Если мы собираемся пролезть в Министерство и не выдать себя, когда они *наверняка* опасаются незаконного проникновения, значение имеет любая деталь, даже самая маленькая! Мы об этом всё время говорим, я имею в виду, в чём смысл всех этих наблюдательных экскурсий, если ты даже не удосуживаешься сообщить нам...

– Чёрт, Гермиона, я забыл всего одну маленькую вещь...

– Ты осознаёшь, я надеюсь, что для нас сейчас во всём мире, вероятно, нет более опасного места, чем Министерство ма-...

– Я думаю, мы пойдём завтра, – произнёс Гарри.

Гермиона прервалась на полуслове, уронив челюсть; Рон начал глотать воздух.

– Завтра? – повторила Гермиона. – Ты это не серьёзно, Гарри?

– Совершенно серьёзно. Не думаю, что мы подготовимся намного лучше, чем сейчас, даже если мы ещё месяц будем болтаться у входа в Министерство. Чем больше мы это

откладываем, тем дальше от нас может оказаться медальон. Уже есть достаточно большой шанс, что Амбридж от него избавилась – он же не открывается.

– Если только, – произнёс Рон, – она не нашла способа его открыть, и тогда ей сейчас обладает Волдеморт.

– Для неё это никакой разницы, она и сама по себе настоящее зло, – пожал плечами Гарри.

Гермиона покусывала губу, погрузившись в раздумья.

– Нам известно всё, что действительно важно, – продолжил Гарри, обращаясь к Гермионе. – Мы знаем, что они заблокировали аппарирование в Министерство и из него. Мы знаем, что сейчас только старшим работникам Министерства позволено подсоединить свои дома к сети летучего пороха, потому что Рон подслушал, как двое Невыразимцев⁴⁶ жаловались на это при разговоре. И мы примерно знаем, где кабинет Амбридж, благодаря тому, что ты слышала, как тот бородатый тип говорил своему приятелю...

– *«Я поднимусь на первый уровень, Долорес хочет меня видеть»*, – немедленно процитировала Гермиона.

– Точно, – кивнул Гарри. – И мы знаем, что для прохода внутрь сейчас используются эти странные монеты, или жетоны, или что там они такое, потому что я видел, как какая-то ведьма одолжила один у подружки...

– Но у нас их нет ни одного!

– Если план сработает – будут, – спокойным тоном продолжил Гарри.

– Я не знаю, Гарри, я не знаю... Просто *невероятно* много вещей есть, которые могут пойти не так, мы настолько полагаемся на случай...

– Это так и останется, даже если мы ещё три месяца потратим на подготовку, – сказал Гарри. – Пора действовать.

По лицам Рона и Гермионы был видно, что они напуганы; он и сам был не очень-то уверен в себе, но всё же не сомневался, что пришла пора претворить их план в жизнь.

Минувшие четыре недели Гарри, Рон и Гермиона провели, по очереди надевая плащ-невидимку и наблюдая за главным входом в Министерство, который Рон благодаря мистеру Уизли отлично знал с детства. Они следовали за сотрудниками Министерства по пути на работу, подслушивали их разговоры и, наблюдая, пытались выяснить, кто из них каждый день появляется в одном и том же месте и при этом в одиночестве. Время от времени им представлялся шанс стащить из чьего-нибудь портфеля номер «Ежедневного пророка». Постепенно они набросали грубые планы Министерства и многочисленные заметки, которые и лежали сейчас стопкой перед Гермионой.

– Ну хорошо, – медленно произнёс Рон, – допустим, мы пойдём завтра... Я думаю, это должны быть только я и Гарри.

– Ох, только не начинай опять, – вздохнула Гермиона. – Я думала, мы это уже решили.

– Ошиваться вокруг входа под плащом – это ладно, но тут будет совсем другое, Гермиона, – Рон ткнул пальцем в номер «Ежедневного пророка» десятидневной давности. – Ты в списке магглорождённых, не явившихся для допроса!

⁴⁶ Unspeakable, дословный перевод

– А ты предположительно помираешь от брызгнойки у себя в Норе! Если уж кому-то и не следует идти, то это Гарри, за его голову назначены десять тысяч галлеонов награды...

– Отлично, я остаюсь, – сказал Гарри. – Если вы по пути завалите Волдеморта, дайте знать, идёт?

В тот момент, когда Рон и Гермиона рассмеялись, боль рванула шрам у Гарри на лбу. Его рука дёрнулась вверх; он заметил, как сузились глаза Гермионы, и попытался замаскировать движение, откинув назад волосы, падавшие на глаза.

– Ну тогда, если мы все трое пойдём, нам придётся дезаппарировать по одному, – тем временем рассуждал Рон. – Мы все под плащом больше не уместаемся.

Боль в шраме становилась всё сильнее и сильнее. Гарри встал. Тотчас к нему поспешил Кричер.

– Господин не доел суп, не желает ли господин тушёное мясо со специями, или, может быть, пирог с патокой, который господину так нравится?

– Спасибо, Кричер, но я отойду на минуту... э... в туалет.

Осознавая, что Гермиона продолжает смотреть на него подозрительным взглядом, Гарри поспешил вверх по лестнице в прихожую и затем на второй этаж, где он прошмыгнул в ванную и вновь защёлкнул за собой дверь. Рыча от боли, он согнулся над чёрной раковиной с кранами в форме разинувших пасть змей и закрыл глаза...

Он скользил вдоль сумрачной улицы. Бревенчатые дома по обе стороны от него имели высокие двускатные крыши; они походили на пряничные домики.

Он подошёл к одному из таких домиков, затем увидел свою собственную белую руку с длинными пальцами на фоне двери. Постучал. Он ощутил, как в нём начинает разгораться возбуждение...

Дверь открылась, на пороге стояла смеющаяся женщина. Её лицо осунулось, едва она взглянула в лицо Гарри, веселье пропало, сменившись ужасом...

– Грегорович? – произнёс высокий холодный голос.

Она покачала головой, пытаясь закрыть дверь. Белая рука держала дверь твёрдо, не давая ей выпихнуть его вон...

– Мне нужен Грегорович.

– *Er wohnt hier nicht mehr!*⁴⁷ – прокричала она, мотая головой. – Он здесь нет! Он здесь нет! Я его не знаю!

Отказавшись от попыток закрыть дверь, она стала пятиться назад, в тёмную прихожую, и Гарри последовал вслед за ней; его длиннопалая рука извлекла волшебную палочку.

– Где он?

– *Das weiß ich nicht!*⁴⁸ Он уйти! Я не знаю, я не знаю!

Он поднял волшебную палочку. Она закричала. В прихожую выбежали двое детей. Она попыталась закрыть их руками. Затем вспышка зелёного света...

– Гарри! ГАРРИ!

Он открыл глаза; оказалось, он свалился на пол. Гермиона вновь замолотила в дверь.

⁴⁷ Он здесь больше не живёт (нем.)

⁴⁸ Я этого не знаю (нем.)

– Гарри, открой!

Он кричал, он это знал. Он встал и отпер дверь; Гермиона, потеряв равновесие, влетела внутрь, но тотчас затормозила и стала подозрительно оглядываться. Рон стоял сразу за её спиной, с обеспокоенным видом тыкая палочкой в углы холодной ванной комнаты.

– Что ты здесь делал? – строго спросила Гермиона.

– Ну а что, ты думаешь, я здесь делал? – слабо попытался бравировать Гарри.

– Ты орал во всё горло! – сказал Рон.

– Ах да... я, наверно, задремал и...

– Гарри, пожалуйста, не делай из нас идиотов, – глубоко дыша, заявила Гермиона. – Мы знаем, что там внизу у тебя заболел шрам, и ты белый как бумага.

Гарри сел на край ванны.

– Отлично. Я только что увидел, как Волдеморт убил женщину. Сейчас он уже, наверно, перебил всю её семью. Хотя ему это было совсем не нужно. Это опять было, как с Седриком, они там просто *оказались*...

– Гарри, ты не должен позволять этому происходить! – плачущий голос Гермионы гулко разносился по комнате. – Дамблдор хотел, чтобы ты применял окклюменцию! Он думал, что эта связь опасна, – Волдеморт может *использовать* её, Гарри! Что хорошего видеть, как он убивает и мучает людей, как это может нам помочь?

– Это означает, что я знаю, что он делает, – ответил Гарри.

– Так значит, ты не хочешь даже *попытаться* выкинуть его у себя из головы?

– Гермиона, я не могу. Ты же знаешь, что я безнадежен в окклюменции, я никогда не мог ухватить её сути.

– Ты просто никогда по-настоящему не пробовал! – горячо произнесла она. – Я этого не понимаю, Гарри – тебе что, *нравится* иметь эту особенную связь или родство или что там...

Она замолчала под Гарриным взглядом, когда он поднялся на ноги.

– Нравится? – тихо повторил он. – А *тебе* бы понравилось?

– Я – нет – прости, Гарри, я не хотела...

– Я это ненавижу, я ненавижу сам факт, что он может пролезть мне в голову, что я вынужден смотреть на него, когда он наиболее зол. Но я собираюсь использовать это.

– Дамблдор...

– Забудь про Дамблдора. Это мой выбор, ничей больше. Я хочу знать, зачем ему нужен Грегорович.

– Кто?

– Иностраный изготовитель палочек, – пояснил Гарри. – Он сделал палочку Крама, и Крам считает, что он очень хорош.

– Но ты же сам говорил, – заметил Рон, – что у Волдеморта есть Оливандер, которого он где-то держит взаперти. Если у него уже есть изготовитель волшебных палочек, зачем ему нужен ещё один?

– Может, он согласен с Крамом, возможно, он думает, что Грегорович лучше... А может, он думает, что Грегорович сможет объяснить, что сделала моя палочка, когда он за мной гнался, потому что Оливандер этого не знает.

Гарри глянул в грязное треснутое зеркало и увидел, как Рон и Гермиона за его спиной обменялись скептическими взглядами.

– Гарри, ты всё время говоришь о том, что сделала твоя волшебная палочка, – сказала Гермиона, – но это *ты* заставил её это сделать! Почему ты так упорно не хочешь признавать свою собственную силу?

– Потому что я знаю, что это был не я! И Волдеморт это знает, Гермиона! Мы оба знаем, что на самом деле произошло!

Они смотрели друг на друга; Гарри знал, что он не убедил Гермиону и что она готовит контраргументы, как против его теории насчёт его волшебной палочки, так и против того, что он позволяет себе заглядывать в разум Волдеморта. К его облегчению, вмешался Рон.

– Оставь, – посоветовал он ей. – Это его дело. И если мы собираемся завтра идти в Министерство, ты не думаешь, что нам пора снова хорошенько продумать план?

Хоть и с явной неохотой (явной и для Гарри, и для Рона), но всё же Гермиона отложила вопрос. Правда, Гарри не сомневался, что она снова набросится на него при первой возможности. А пока они вернулись в кухню, где Кричер подал им мясо и пирог с патокой.

В этот вечер они не ложились допоздна – многие часы проговаривали план вновь и вновь, пока не смогли процитировать его друг другу слово в слово. Гарри, который спал теперь в комнате Сириуса, лёг в постель, освещая волшебной палочкой старую фотографию своего отца, Сириуса, Люпина и Петтигрю, и ещё десять минут бормотал план себе под нос. Гася свет палочки, однако, он думал не о Многосущном зелье, Блевальных Пастилках или тёмно-синих мантиях отдела Магического техобслуживания; он думал о создателе волшебных палочек по фамилии Грегорович и о том, как долго он сможет ещё скрываться, когда Волдеморт ищет его так настойчиво.

Рассвет пришёл, казалось, через мгновение после полуночи.

– Ну и видок у тебя, – поприветствовал его Рон, зашедший к Гарри в комнату, чтобы его разбудить.

– Это ненадолго, – зевнув, ответил Гарри.

Гермиону они нашли уже в кухне; Кричер как раз подавал ей кофе и горячие булочки. Её лихорадочное выражение лица живо напомнило Гарри о периодах подготовки к экзаменам.

– Мантии, – пробормотала она себе под нос, нервным кивком дав понять Гарри и Рону, что заметила их появление, и продолжая рыться в своей бисерной сумочке, – Многосущное зелье... плащ-невидимка... Подрывные Приманки⁴⁹... вам надо каждому по паре штук взять, на всякий случай... Блевальные Пастилки, Носокровная Нуга⁵⁰, Ушлые Уши⁵¹...

Все трое быстро проглотили завтрак и двинулись наверх, провожаемые Кричером, раскланивающимся и обещающим приготовить к их возвращению пирог с мясом и почками.

⁴⁹ Decoy Detonators. Decoy – приманка.

⁵⁰ Nosebleed Nougat, дословный перевод.

⁵¹ Extendable Ear (по аналогии с “extended spread” – “удлиненная система наблюдений”; extendable – эластичный).

– Чтоб он был здоров, – гордо сказал Рон. – А я-то раньше мечтал отрезать ему голову и прибить на стенку.

На верхнюю ступень у входной двери они выбрались с чрезвычайной осторожностью: они уже разглядели пару сонных Пожирателей Смерти, наблюдающих за домом с противоположной стороны площади. Гермиона дезаппарировала вместе с Роном, затем вернулась за Гарри.

После обычного короткого периода темноты и удушья Гарри очутился в крохотном закоулке, где должна была осуществиться первая часть их плана. До этого момента закоулочек был совершенно пуст, если не считать пары мусорных баков; первые служащие Министерства обычно не появлялись здесь как минимум до восьми утра.

– Значит, так, – сказала Гермиона, глянув на часы. – Она должна появиться примерно через пять минут. Когда я её Оглушу...

– Гермиона, мы знаем, – твёрдо ответил Рон. – И мне казалось, что мы должны открыть дверь, прежде чем она появится?

Гермиона вскрикнула.

– Я чуть не забыла! Отойдите-ка...

Она указала волшебной палочкой на запёртую на висячий замок щедро разрисованную железную дверь у них за спиной, и та с треском распахнулась. Тёмный коридор за этой дверью вёл, как они знали из своих разведывательных вылазок, в пустой театр. Гермиона потянула дверь обратно к себе, чтобы та казалась по-прежнему закрытой.

– А теперь, – заявила она, снова поворачиваясь лицом к стоящим в закоулке Гарри и Рону, – мы снова надеваем плащ...

– ...и ждём, – закончил Рон, воздевая очи горе и набрасывая плащ на голову Гермионы жестом фокусника, накрывающего платком птичку.

Прошло чуть больше минуты, и с негромким хлопком в считанных футах от них аппарировала маленькая министерская ведьма с развевающимися седыми волосами. В этот самый момент солнце выглянуло из-за облаков, и из-за неожиданно яркого света ведьма моргнула. Насладиться неожиданным теплом, впрочем, ей было не суждено, ибо беззвучно произведённое Оглушающее заклятье Гермионы попало ей в грудь, и она опрокинулась наземь.

– Отлично сработала, Гермиона, – произнёс Рон, появившись из-за мусорного контейнера, стоящего около театральной двери; одновременно Гарри снял плащ-невидимку. Все вместе они отволокли маленькую ведьму в ведущий за кулисы тёмный коридор. Гермиона выдрала из ведьминой головы несколько волосков и добавила их во фляжку с грязеподобным Многосущным зельем, которую она только что извлекла из своей бисерной сумочки. Рон в это время рылся в несессере ведьмы.

– Это Мафальда Хопкёрк, – прочёл он по её карточке; если верить этой карточке, их жертва была помощником в отделе Неправомерного применения магии. – Ты это лучше возьми, Гермиона... А вот и жетоны.

Он протянул ей несколько маленьких золотых монеток с буквами М.М., только что извлечённых из сумочки ведьмы.

Гермиона выпила Многосущное зелье, ставшее к тому моменту цвета крови, и через несколько секунд стояла перед ними уже точной копией Мафальды Хопкёрк. Когда она забрала и надела на себя Мафальдины очки, Гарри сверился с часами.

– Мы опаздываем, мистер Магическая Техничка будет здесь в любую минуту.

Они поспешно закрыли дверь за настоящей Мафальдой; Гарри и Рон накинули на себя плащ-невидимку, а Гермиона осталась ждать не скрываясь. Секундами позже раздался второй хлопок, и перед ними объявился маленький напоминающий хоряка колдун.

– О, привет, Мафальда.

– Привет! – дрожащим голосом проговорила Гермиона. – Как дела сегодня?

– Вообще-то не очень, – ответил колдун; действительно, вид у него был весьма унылый.

Гермиона и колдун направились к главной дороге, Гарри и Рон крались позади них.

– Жалко, что тебе сейчас неважно, – твёрдо сказала Гермиона, перебив маленького колдуна, попытавшегося было загрузить её рассказом о своих проблемах; было совершенно необходимо не дать ему добраться до улицы. – Вот, возьми конфетку.

– А? О нет, спасибо...

– Я настаиваю! – агрессивно воскликнула Гермиона, тыкая ему в лицо пакетиком пастилок. Он взял одну, встревоженно глядя на неё.

Результат последовал незамедлительно. В тот момент, когда пастилка коснулась языка маленького колдуна, его одолел приступ рвоты, и такой сильный, что он даже не заметил, как Гермиона выдернула здоровенный пучок волос у него из макушки.

– О боже! – воскликнула она, в то время как он поливал закоулок содержимым своего желудка, – Я думаю, тебе лучше взять на сегодня отгул!

– Нет... нет! – он давился и тужился, но всё же старался продолжить свой путь, хоть и не в состоянии был двигаться прямо. – Я должен... сегодня... должен быть...

– Но это просто глупо! – встревоженно заявила Гермиона. – Ты не можешь идти на работу в таком состоянии – думаю, тебе надо срочно в больницу св. Мунго, чтобы там тебя поправили!

Колдун свалился на четвереньки; его по-прежнему рвало, но он всё ещё пытался ползти в сторону главной улицы.

– Ты просто не можешь идти на работу в таком виде! – воскликнула Гермиона.

Наконец-то он, похоже, смирился с истинностью её слов. С помощью старательно старающейся не запачкаться об него Гермионы он сумел подняться на ноги, после чего повернулся на месте и исчез, оставив позади себя лишь сумку, в последний момент выхваченную Роном из его руки, и несколько капель рвотной массы в воздухе.

– Бее, – произнесла Гермиона, поднимая полы своей мантии, чтобы не искупать их в лужицах рвотной массы. – Если б мы и его просто оглушили, грязи было бы намного меньше.

– Ага, – кивнул Рон, появляясь из-под плаща с трофейной сумкой в руке, – но мне по-прежнему кажется, что здоровенная куча бессознательных тел привлекла бы больше внимания. Однако он любит свою работу, а? Ну ладно, тащи сюда его волосы и зелье.

Две минуты спустя Рон стоял перед ними, такой же маленький и хорькоподобный, как больной колдун, в тёмно-синей мантии, которая лежала в сумке.

– Странно, что на нём не было этой мантии сегодня, с учётом того, как он рвался на работу, а? Ну в любом случае я теперь Редж Каттермоул, если верить нашивке на спине.

– Теперь ты подожди тут, – обратилась Гермиона к Гарри, всё ещё находившемуся под плащом-невидимкой, – а мы добудем тебе каких-нибудь волос.

Гарри пришлось ждать минут десять, но ему это время казалось вечностью, проведённой в одиночестве в загаженном закоулке, перед дверью, скрывающей оглушённую Мафальду. Наконец, Рон и Гермиона вернулись.

– Мы не знаем, кто это, – сказала Гермиона, протягивая Гарри несколько кудрявых чёрных волос, – но он уже ушёл домой с кошмарным кровотечением из носа! Так, он довольно высокий, тебе понадобится бóльшая мантия...

Она извлекала старую мантию, которую Кричер выстирал для них, и Гарри удалился в укрытие, чтобы принять зелье и переодеться.

Когда болезненная трансформация была завершена, он стал довольно высокорослым (более шести футов) и, судя по его мускулистым рукам, крепко сложенным. Кроме того, у него была борода. Запрятав плащ-невидимку и очки внутрь своей новой мантии, он присоединился к своим спутникам.

– Чёрт, ну ты и страшненький, – произнёс Рон, глядя снизу вверх на Гарри, возвышающегося над ним подобно башне.

– Возьми один из жетонов Мафальды, – сказала Гермиона Гарри, – и пошли, уже почти девять.

Из переулка они вышли все вместе. Пятьдесят ярдов забитого людьми тротуара – и перед ними возникли чёрные перила с заострёнными шпичками, ограждающие две лестницы. Над одной лестницей они увидели надпись «Джентльмены», над другой «Леди».

– Ну, скоро встретимся, – нервно сообщила Гермиона и засеменила вниз по ступеням к женскому входу. Гарри и Рон присоединились к толпе странно одетых мужчин, спускающихся к, на первый взгляд, обычному подземному общественному туалету, выложенному мрачно-чёрным и белым кафелем.

– Доброе утро, Редж! – крикнул им другой колдун в тёмно-синей мантии, вставляя золотой жетон в щель в двери кабинки (дверь открылась). – Похоже, у них там шило в заднице, э? Заставлять нас всех таким способом на работу идти! Кто, они думают, к ним пролезет, Гарри Поттер?

Колдун расхохотался собственной шутке. Рон ответил вымученным смешком.

– Ага, – кивнул он, – идиотизм, да?

После чего они с Гарри вошли в соседние кабинки.

Слева и справа от Гарри доносились звуки спускаемой воды. Он нагнулся и глянул в щель в нижней части кабинки, как раз вовремя, чтобы увидеть, как две ноги в ботинках по соседству с ним забираются прямо в унитаз. Он повернулся влево и увидел хлопающего глазами Рона.

– Мы должны спустить самих себя? – прошептал Рон.

– Похоже, – прошептал Гарри в ответ; его голос был глубоким и грубым.

Они оба встали. Чувствуя себя совершенно по-дурачки, Гарри забрался с ногами в унитаз.

Он мгновенно понял, что сделал всё правильно; хотя он стоял, казалось, в воде, но его туфли, ноги и мантия оставались совершенно сухими. Он потянулся вверх, дёрнул за цепочку – и в следующее мгновение соскользнул по короткому крутому пандусу и вывалился из камина в Министерстве магии.

Он неуклюже поднялся на ноги; его тела было слишком много, куда больше, чем он привык. Огромный Атриум казался более мрачным, чем Гарри его помнил. В прошлый раз центр зала занимал золотой фонтан, отбрасывая солнечных зайчиков на отполированные деревянные двери и стены. Теперь надо всем возвышалась огромная статуя из чёрного камня. Что-то пугающее было в этой колоссальной скульптуре ведьмы и колдуна, сидящих на вычурных резных тронах и смотрящих сверху вниз на служащих Министерства, вываливающихся из каминов у них под ногами. У основания статуи буквами в фут высотой были выгравированы слова: **«МАГИЯ – СИЛА»**.

Гарри получил сильный удар сзади по ногам: за его спиной из камина вылетел ещё один колдун.

– С дороги, ты что, не... ох, простите, Ранкорн!

Явно напуганный, лысоватый колдун поспешил прочь. Очевидно, человек, которым притворялся Гарри, этот Ранкорн, был довольно устрашающей фигурой.

– Псс! – послышался голос. Он оглянулся вокруг и увидел маленькую худощавую ведьму и похожего на хорька колдуна из Магического техобслуживания, стоящих рядом со статуей и машущих ему рукой. Гарри поспешно присоединился к ним.

– Ты как, нормально прошёл? – прошептала Гермиона.

– Не, он всё ещё не выбрался из сортира, – съехидничал Рон.

– О, очень смешно... Это ужасно, правда? – сказала она Гарри, по-прежнему смотрящему на статую. – Ты заметил, на чём они сидят?

Гарри присмотрелся получше и понял, что то, что он принял за искусно сделанные резные троны, было на самом деле горами вырезанных из камня людей: сотни и сотни обнажённых тел, мужчин, женщин, детей, все с глупыми, уродливыми лицами, скрученные и стиснутые вместе, чтобы поддерживать одетых в красивые мантии колдунов.

– Маглы, – прошептала Гермиона. – На своём законном месте. Ладно, пора идти.

Они влились в общий поток ведьм и колдунов, текущий к золотым воротам в конце зала, озираясь по сторонам как можно незаметнее, но никаких признаков легкоузнаваемой фигуры Амбридж видно не было. Они прошли сквозь ворота в меньший по размеру зал, где уже выстроились очереди к двадцати золотым дверям, за которыми располагались лифты. Едва они присоединились к ближайшей очереди, как раздался голос: «Каттермуул!»

Они оглянулись; желудок Гарри, казалось, перевернулся. К ним стремительными шагами шёл один из Пожирателей Смерти, видевших смерть Дамблдора. Служащие Министерства, стоящие рядом с ними, внезапно затихли, опустив глаза вниз; Гарри чувствовал, как страх растекается вокруг него волнами. Сердитое, жестокое лицо этого человека совершенно не

вязалось с его роскошной длинной мантией, обильно расшитой золотыми нитями. Кто-то из толпы подобострастно крикнул: «Доброе утро, Ясли!», что Ясли полностью проигнорировал.

– Я затребовал кого-нибудь из Магического техобслуживания для ремонта в моем кабинете, Каттермоул. Там всё ещё идёт дождь.

Рон оглянулся, словно надеясь на чьё-то вмешательство, но все вокруг молчали.

– Дождь... в вашем кабинете? Это... это плохо, верно?

Рон нервно хихикнул. Глаза Ясли расширились.

– Ты считаешь, что это смешно, Каттермоул, вот как?

Пара ведьм выскочила из очереди, ведущей к лифту, и поспешила прочь.

– Нет, – ответил Рон, – нет, разумеется...

– Ты осознаёшь, что я направляюсь вниз, чтобы допросить твою жену, Каттермоул? На самом деле, я удивлён, что ты сейчас не там, внизу, держишь ей ручку, пока она ждёт. Уже распрощался с ней как с неудачной парой, да? Возможно, это мудро. В следующий раз женись уж на чистокровной.

Гермиона не сдержалась и испуганно пискнула. Ясли перевёл взгляд на неё. Она слабо кашлянула и отвернулась.

– Я... я... – бормотал Рон.

– Но если бы мою жену обвинили в том, что она грязнокровка, – продолжил Ясли, – хотя ни одну женщину, на которой я бы женился, невозможно было бы спутать с такой швалью – и если бы глава департамента Поддержания магического правопорядка потребовал от меня какой-либо работы, я бы изо всех сил постарался эту работу выполнить, Каттермоул. Ты меня понял?

– Да, – просипел Рон.

– Тогда займись этим, Каттермоул, и если через час мой кабинет не будет абсолютно сух, Статус Крови твоей жены станет ещё более сомнительным, чем он есть сейчас.

Золотые двери перед ними открылись. Кивнув и неприятно улыбнувшись Гарри, от которого явно ожидалось одобрение по поводу такого обращения с Каттермоулом, Ясли умчался к другому лифту. Гарри, Рон и Гермиона вошли в свой лифт, но никто более за ними не последовал, словно они были прокажёнными. Двери с клацаньем захлопнулись, и лифт поехал вверх.

– Что мне теперь делать? – тут же обратился Рон к Гарри и Гермионе; вид у него был совершенно ошарашенный. – Если я не справлюсь, мою жену – в смысле, жену Каттермоула...

– Мы пойдём с тобой, нам надо держаться вместе... – начал было Гарри, но Рон лихорадочно замотал головой.

– Это идиотизм, у нас мало времени. Вы двое найдите Амбридж, я пойду разбираться с кабинетом Ясли – но как я останавливаю этот дождь?

– Попробуй *Finite Incantatem*, – немедленно посоветовала Гермиона, – это остановит дождь, если только он вызван сглазом или проклятием; если не поможет, значит, что-то не в

порядке с Атмосферными чарами, и тогда это наладить будет труднее, поэтому в качестве промежуточной меры попробуй *Impervius*, чтобы защитить вещи...

– Повтори всё это ещё раз, помедленнее, – попросил Рон, лихорадочно роясь в карманах в поисках пера, и в этот момент лифт, дёрнувшись, остановился. Бестелесный женский голос произнёс: «Уровень четвёртый. Департамент Регулирования и надзора за магическими существами, включая управления Бестий, Человекоподобных и Духов, отдел Связей с гоблинами и Консультативное бюро по паразитам», – и двери вновь открылись, впуская пару колдунов и несколько бледно-лиловых бумажных самолётиков, которые начали порхать вокруг лампы, встроенной в потолок лифта.

– Доброе утро, Альберт, – улыбнулся в сторону Гарри человек с большими усами. Он глянул на Рона с Гермионой, в то время как лифт снова дёрнулся вверх; Гермиона с безумной скоростью шептала Рону какие-то инструкции. Колдун, ухмыляясь, придвинулся поближе к Гарри и прошептал:

– Дёрк Кресуэлл, э? Из Связей с гоблинами? Отличная работа, Альберт. Я чертовски уверен, что теперь это место моё!

Он подмигнул. Гарри улыбнулся в ответ, надеясь, что этого окажется достаточно. Лифт остановился, двери в очередной раз открылись.

«Уровень второй. Департамент Поддержания магического правопорядка, включая отдел Неправомерного применения магии, штаб авроров и службы администрации Визенгамота», – произнёс бестелесный женский голос.

Гарри заметил, как Гермиона слегка подтолкнула Рона, и он поспешно выбрался из лифта вместе с другими колдунами. Гарри и Гермиона остались одни. В тот момент, когда золотые двери закрылись, Гермиона протараторила:

– На самом деле, Гарри, я думаю, мне лучше пойти за ним, я сомневаюсь, что он знает, что ему надо делать, а если его поймают, всё...

«Уровень первый. Министр магии и обслуживающий персонал».

Золотые дверь снова распахнулись, и Гермиона ахнула. Перед ними стояли четыре человека, двое из которых были поглощены беседой: длинноволосый колдун в великолепной чёрно-золотой мантии и квадратная, жабоподобная ведьма с шёлковым бантом в коротких волосах, прижимающая к груди блокнот.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

КОМИССИЯ ПО РЕГИСТРАЦИИ МАГГЛОРОЖДЁННЫХ

– А, Мафальда! – воскликнула Амбридж, глядя на Гермиону. – Тебя Трэверс прислал, верно?

– Да-да, – пискнула Гермиона.

– Отлично, ты прекрасно подойдёшь, – с этими словами Амбридж вновь повернулась к колдуну в чёрном и золотом. – Значит, эта проблема решена, министр, если Мафальду нам выделили для ведения протокола, мы можем начать прямо сейчас, – она сверилась со своим блокнотом. – Сегодня у нас десять человек, и один из них – жена сотрудника Министерства! Тц-тц... даже здесь, в самом сердце Министерства! – она вошла в лифт рядом с Гермионой, так же как и двое других колдунов, слушавших беседу Амбридж с министром. – Мы поедem прямо вниз, Мафальда, всё необходимое ты найдёшь в комнате заседаний. Доброе утро, Альберт, ты разве не выходишь?

– Да, разумеется, – ответил Гарри глубоким басом Ранкорна.

Гарри вышел из лифта. Золотые двери за его спиной с лязгом захлопнулись. Оглянувшись через плечо, Гарри успел увидеть уплывающее вниз встревоженное лицо Гермионы, двух колдунов по обе стороны от неё и бархатный бант Амбридж где-то в районе Гермиониного плеча.

– Что привело тебя сюда, Ранкорн? – поинтересовался новый министр магии. В его длинных чёрных волосах и бороде мелькали серебряные пряди, а огромные надбровные дуги оставляли в тени сверкающие глаза, вызывая у Гарри в воображении картину краба, выглядывающего из-под камня.

– Мне нужно перекинуться парой слов с... – Гарри замешкался на долю секунды, – ...Артуром Уизли. Мне сказали, что он на первом уровне.

– А, – кивнул Пиус Тикнесс. – Его таки поймали на связи с Врагом общества?

– Нет, – ответил Гарри, во рту которого внезапно пересохло. – Нет, такого не было.

– А, ну ладно. Это только дело времени, – заверил его Тикнесс. – Если тебя интересует моё мнение, кровоотступники – такое же зло, как и грязнокровки. Ну, удачи, Ранкорн.

– Удачи, министр.

Гарри проследил за тем, как Тикнесс удаляется по покрытому толстым ковром коридору. В то же мгновение, когда министр исчез из виду, Гарри вытащил из-под своего тяжёлого чёрного плаща другой плащ, невидимку, накинul его на себя и устремился по коридору в противоположном направлении. Ранкорн был столь высок, что Гарри вынужден был скрючиться в три погибели, чтобы быть уверенным, что его ноги не высовываются из-под плаща.

Внизу живота у Гарри всё пульсировало от страха. По мере того как он проходил мимо всё новых и новых сверкающих деревянных дверей с маленькими табличками, указывающими имена и должности обитателей расположенных за ними кабинетов, на него

всё больше начинала давить мощь Министерства, его сложность, его непостижимость. План, который они с Роном и Гермионой столь тщательно вынашивали в течение последних четырёх недель, стал казаться ему совершенно детским и смехотворным. Они сосредоточили все свои усилия на том, чтобы пробраться внутрь, избежав обнаружения; ни на мгновение они не задумались о том, что делать, если они вынуждены будут разделиться. И вот теперь Гермиона застряла на судебном заседании, которое, несомненно, продлится не один час; Рон изо всех сил пытается применить магию, которая, не сомневался Гарри, была ему совершенно недоступна, притом что от его успеха, вероятно, зависит свобода женщины; а он, Гарри, бродит по верхнему этажу, отлично зная при этом, что его добыча только что уехала на лифте вниз.

Он остановился, прислонился к стене и попытался сообразить, что делать дальше. Тишина давила на него: здесь не слышалось ни обрывка разговора, ни звука шагов; покрытые фиолетовым ковром коридоры были беззвучны, словно на всё это место кто-то наложил чары *Маффлиато*.

«Её кабинет должен быть где-то здесь», подумал Гарри. Ему казалось совершенно невероятным, чтобы Амбридж хранила свои украшения в собственном кабинете, но, с другой стороны, надо было быть дураком, чтобы не обыскать его и не удостовериться. Поэтому Гарри вновь направился по коридору. Навстречу ему попался лишь один нахмуренный колдун, который бормотал указания своему перу, порхавшему перед ним в воздухе и писавшему что-то на длинном свитке пергамента.

Внимательно изучая имена на дверях, Гарри свернул за угол. Посередине следующего коридора располагался широкий холл. В холле находилось около дюжины ведьм и колдунов; все они сидели рядами за партами, сильно смахивающими на школьные, только гораздо лучше отполированными и не изрисованными. Гарри приостановился, чтобы понаблюдать за ними — зрелище было завораживающим. Сидящие синхронно совершали сложные движения волшебными палочками, и между ними во все стороны летали квадратiki цветной бумаги, напоминая маленькие розовые воздушные змеи. Несколько секунд спустя Гарри осознал, что в их действиях был определённый ритм, что бумаги летали по одному и тому же маршруту; ещё через несколько секунд до него дошло, что он наблюдает не что иное, как создание брошюры, что бумажные квадратiki были страницами, которые у него на глазах собрались вместе, сложились, магически скрепились между собой и аккуратными стопками приземлились рядом с каждой ведьмой и колдуном.

Гарри осторожно подкрался поближе, хотя работники были столь сосредоточены на своих действиях, что вряд ли они смогли бы расслышать приглушённые ковром шаги, и стащил готовую брошюру из стопки рядом с молодой ведьмой. Забрав брошюру под плащ-невидимку, он начал её рассматривать. На розовой обложке золотом было выдавлено название:

«ГРЯЗНОКРОВКИ

и опасность, которую они представляют для мирного чистокровного общества»

Под названием было изображение алой розы с глупо улыбающимся лицом среди лепестков, которую злобно душил какой-то зелёный сорняк с клыками. Имени автора на

обложке брошюры не было, но, рассматривая её, Гарри вновь ощутил покалывание в шрамах на тыльной стороне правой ладони. Молодая ведьма рядом с ним тотчас подтвердила его подозрения, когда, по-прежнему размахивая палочкой, сказала:

– Кто-нибудь знает, старая жаба весь день будет допрашивать грязнокровок?

– Осторожнее, – нервно оглядываясь, произнёс сидящий рядом с ней колдун; одна из страниц выпала из общего танца и упала на пол.

– А что, у неё уже и магические уши появились в придачу к глазу?

Ведьма глянула в сторону сверкающей двери красного дерева, ведущей в холл, где трудились брошюровщики; Гарри посмотрел туда же, и ярость взметнулась в нём подобно змее. В том месте, где на магловской входной двери находилась бы замочная скважина, в дерево был вставлен большой круглый глаз с ярко-синей радужкой; этот глаз был чертовски знаком всякому, кто знал Аластора Муди.

На долю секунды Гарри забыл, где он находился и зачем; он даже забыл, что невидим. Он подошёл прямо к двери, чтобы рассмотреть глаз. Тот не двигался, слепо уставившись прямо вперёд. На табличке под глазом было написано:

*«Долорес Амбридж
Старший помощник министра».*

Ниже была ещё одна, более яркая табличка:

«Глава комиссии по Регистрации магглорождённых».

Гарри оглянулся на дюжину брошюровщиков: хотя они и были сосредоточены на своей работе, вряд ли они не заметят, если дверь пустого кабинета сама по себе вдруг откроется прямо перед их носом. Поэтому он извлёк из внутреннего кармана странный объект, напоминающий внешне резиновый рог, но с маленькими ножками, которыми он отчаянно махал. Присев на корточки под своим плащом, Гарри поместил Подрывную Приманку на пол.

Она немедленно усеменила прочь, прямо под ногами ведьм и колдунов, сидящих перед Гарри. Через несколько секунд, проведённых Гарри в ожидании, с рукой, уже положенной на ручку двери, послышалось громкое «бабах», и из-за угла выплыло огромное едко пахнущее облако чёрного дыма. Молодая ведьма в первом ряду закричала; она и её коллеги вскочили на ноги, озираясь в поисках источника шума; розовые страницы разлетелись в разные стороны. Гарри повернул ручку, вошёл в кабинет Амбридж и закрыл дверь у себя за спиной.

Ему показалось, что он провалился в прошлое. Комната в точности напоминала кабинет Амбридж в Хогвартсе: расшитые занавески, салфеточки и засохшие цветы были везде, куда только падал глаз. На стенах висели всё те же тарелочки с орнаментом, и на них были всё те же рахитичные котята кислотных расцветок, игриво подпрыгивающие и резвящиеся с тошнотворной грацией. Письменный стол был покрыт расшитой цветочками тканью с оборками. Позади глаза Муди находилось телескопическое сооружение, позволявшее Амбридж следить за работающими по другую сторону двери. Гарри заглянул в телескоп и увидел, что там по-прежнему все сгрудились вокруг Подрывной Приманки. Он выдернул телескоп из двери, извлёк из него магический глаз и убрал его к себе в карман. Затем он снова повернулся лицом в комнату, поднял волшебную палочку и прошептал: *«Accio медальон»*.

Ничего не произошло, но Гарри этого и ожидал; вне всякого сомнения, о защитных чарах и заклятиях Амбридж знала всё. Так что он поспешил к её столу и начал выдвигать ящики. Он находил перья, блокноты и чароленту; заколдованную тесьму, которая, извиваясь по-змеинному, пыталась выползти из ящиков и которую надо было запихивать обратно силой; вычурную резную шкатулку, набитую запасными бантами и клипсами; но никаких следов медальона.

Позади стола располагалась картотека; Гарри начал осматривать её. Подобно картотеке Филча в Хогвартсе, она была набита папками, на каждой из которых было написано имя. Лишь добравшись до самого нижнего ящика, Гарри нашёл что-то, что отвлекло его от обыска – папку мистера Уизли.

Он извлёк папку и открыл её.

«АРТУР УИЗЛИ

Статус Крови: Чистокровный, но с неприемлемыми промаггловскими взглядами.

Известен как член Ордена Феникса

Семья: Жена (чистокровная), семеро детей, двое младших учатся в Хогвартсе

NB: Младший сын в настоящее время дома, серьёзно болен, подтверждено инспекцией Министерства

Статус Наблюдения СЛЕЖКА. Все перемещения отслеживаются. Высокая вероятность связи с Врагом общества №1 (ранее гостил в семье Уизли)»

«Враг общества номер один», пробормотал себе под нос Гарри, возвращая на место папку мистера Уизли и захлопывая ящик. У него зародилось подозрение, что он догадывается, кто имелся в виду – и точно: едва он выпрямился и оглядел кабинет в поисках новых потенциальных укрытий, он заметил на стене фотографию своей персоны с надписью «ВРАГ ОБЩЕСТВА №1» поперёк груди. К портрету была прикреплена маленькая бумажка с котенком, нарисованным в уголке. Гарри подошёл поближе, чтобы прочесть, что на ней написано, и обнаружил пометку Амбридж: «Наказать».

Более рассерженный, чем когда-либо, Гарри приступил к ощупыванию внутренностей ваз и горшков с засохшими цветами, но медальона не было и там, что, впрочем, его не удивило. В последний раз он обшарил взглядом кабинет, и сердце его на мгновение остановилось. Из маленького прямоугольного зеркала, стоявшего на книжном шкафу рядом с письменным столом, на него смотрел Дамблдор.

Гарри бегом пересёк комнату и схватил его, но в тот же самый момент осознал, что это было вовсе не зеркало. Дамблдор тоскливо улыбался с глянцевой книжной обложки. Гарри не сразу заметил надпись, выведенную узкими зелёными буквами поверх его шляпы: «Жизнь и ложь Альбуса Дамблдора», так же как и несколько меньшую надпись поперёк груди: «Рита Скитер, автор бестселлера «Армандо Диппет: мастер или монстр?»».

Гарри раскрыл книгу наугад и обнаружил фотографию на всю страницу: два подростка безудержно хохотали, держа руки друг у друга на плечах. Дамблдор, теперь с волосами по

локоть, отрастил маленькую эспаньолку, весьма похожую на бородку Крама, так раздражавшую Рона. Парень, предававшийся беззвучному веселью рядом с Дамблдором, казался радостным и буйным. Его золотые волосы кудрями падали на плечи. У Гарри мелькнула мысль, не был ли это молодой Доудж, но, прежде чем он успел взглянуть на подпись, дверь кабинета отворилась.

Если бы Тикнесс не смотрел через плечо в тот момент, когда входил, у Гарри не было бы времени на то, чтобы накинуть на себя плащ-невидимку. Собственно, ему показалось, что Тикнесс успел всё же заметить краем глаза какое-то движение, поскольку секунду или две он оставался неподвижным, с любопытством взирая на то место, где только что пропал Гарри. Вероятно, решив, что увидел он лишь Дамблдора, почёсывающего нос на обложке книги (Гарри в последний момент успел вернуть её на место), Тикнесс наконец подошёл к столу и показал волшебной палочкой на перо, стоящее в полной готовности в чернильнице. Оно немедленно выпрыгнуло и начало выводить записку, адресованную Амбридж. Медленно-медленно, едва осмеливаясь дышать, Гарри спиной вперёд выбрался из кабинета в холл пред ним.

Брошюровщики по-прежнему кучковались вокруг останков Подрывной Приманки; те продолжали вяло ухать и испускать дым. Гарри поспешил прочь по коридору, но успел услышать, как молодая ведьма произнесла:

– Держу пари, оно сюда пролезло из Экспериментальных чар, они такие неосторожные, помнишь ту ядовитую утку?

Быстро направляясь к лифтам, Гарри прокручивал в голове возможные варианты своих действий. Ему никогда не казалось вероятным, чтобы медальон был здесь, в Министерстве, и вытащить его местоположение из Амбридж магическим путём, пока она сидела в забитом людьми суде, надежды тоже не было. Следовательно, их первоочередной задачей было покинуть Министерство, прежде чем их обнаружат, и попытаться снова в другой день. Первое, что нужно было сделать, – это найти Рона, а уж затем они смогут изобрести способ вытащить Гермиону из комнаты заседаний суда.

Лифт прибыл пустым. Гарри запрыгнул в него и стянул с себя плащ-невидимку, едва он начал спускаться. К Гарриному колоссальному облегчению, когда лифт со скрежетом остановился на втором уровне, в него вошёл абсолютно мокрый и совершенно безумный на вид Рон.

– Д-доброе утро, – заикаясь, сообщил он Гарри, едва лифт снова тронулся.

– Рон, это я, Гарри!

– Гарри! Чёрт, я уж забыл, на что ты похож, – а почему Гермиона не с тобой?

– Ей пришлось идти вниз на судебное заседание вместе с Амбридж, она не могла отказаться, а...

Но прежде чем Гарри смог закончить фразу, лифт остановился; двери открылись, и внутрь вошёл мистер Уизли, беседуя с пожилой ведьмой, светлые волосы которой были взбиты так высоко, что напоминали муравейник.

– ...конечно же, я понимаю, что ты говоришь, Ваканда, но боюсь, я не смогу участвовать в...

Мистер Уизли оборвал речь на полуслове, едва заметил Гарри. Очень странно было видеть мистера Уизли, глядящего на него с такой неприязнью. Двери лифта закрылись, и все четверо медленно поехали дальше вниз.

— А, привет, Редж, — поздоровался мистер Уизли, оглянувшись на звук капель, стекающих с мантии Рона. — Твою жену ведь сегодня допрашивают, да? Э... что с тобой стряслось? Почему ты такой мокрый?

— Дождь в кабинете Якли, — ответил Рон. Он обращался к плечу мистера Уизли; Гарри был уверен, что Рон боится, что мистер Уизли его узнает, если они посмотрят друг другу прямо в глаза. — Я не смог его остановить, и они меня послали за Берни... Пилсуортом, кажется, они сказали...

— Да, в последнее время дождит во многих кабинетах, — покивал мистер Уизли. — Ты пробовал *meteolojinx recanto*? Блетчли это помогло.

— *Meteolojinx recanto*? — шёпотом повторил Рон. — Нет, не пробовал. Спасибо, п-... в смысле, спасибо, Артур.

Двери лифта открылись; пожилая ведьма с муравейником на голове вышла, и Рон прошмыгнул мимо неё и исчез из виду. Гарри попытался выйти за ним, но его путь оказался закрыт Пёрси Уизли, который как раз вошёл в лифт, уткнувшись носом в бумаги, которые он читал.

Только когда двери снова с лязгом захлопнулись, Пёрси осознал, что едет в одном лифте с отцом. Глянув поверх бумаг и заметив мистера Уизли, он мгновенно стал красным, как редиска, и вылетел из лифта сразу же, как только его дверь снова открылась. Гарри снова попытался выйти, но на сей раз путь ему преградила рука мистера Уизли.

— Одну минуточку, Ранкорн.

Двери лифта закрылись, и они снова поехали вниз. Мистер Уизли сказал:

— Я слышал, ты предоставил информацию о Дёрке Кресуэлле.

У Гарри сложилось впечатление, что столкновение с Пёрси отнюдь не способствовало уменьшению гнева мистера Уизли. Он решил, что лучше всего ему сейчас притворяться тупым.

— Не понял? — переспросил он.

— Не притворяйся, Ранкорн, — яростно выпалил мистер Уизли. — Ты поймал колдуна, который подделал своё генеалогическое древо, так?

— Я... а что если и так?

— А то, что Дёрк Кресуэлл в десять раз больше колдун, чем ты, — тихо произнёс мистер Уизли, в то время как лифт продолжал ехать вниз. — И если он выйдет из Азкабана живым, тебе придётся перед ним ответить, не говоря уже об ответе перед его женой, сыновьями и друзьями...

— Артур, — перебил его Гарри, — ты ведь знаешь, что за тобой следят?

— Это угроза, Ранкорн? — громко поинтересовался мистер Уизли.

— Нет, — ответил Гарри, — это факт! Следят за каждым твоим шагом...

Двери лифта открылись. Они достигли Атриума. Мистер Уизли одарил Гарри уничтожающим взглядом и вылетел из лифта. Гарри, потрясённый, остался на месте. Желал бы он изображать кого-нибудь другого, не Ранкорна... Двери лифта лязгнули.

Гарри вытащил плащ-невидимку и снова натянул его на себя. Он должен попытаться вытащить Гермиону самостоятельно, пока Рон разбирается с дождливым кабинетом. Когда двери открылись, он вышел в освещённый факелами каменный проход, совершенно непохожий на выложенные коврами и обшитые деревом коридоры наверху. Лифт с лязгом уехал вверх. Гарри слегка передёрнуло, едва он глянул на чернеющую вдалеке входную дверь департамента Тайн.

Он снова пошёл вперёд, направляясь не к чёрной двери, но к проходу, находящемуся, насколько он помнил, по левую руку и ведущему к лестнице, по которой можно было спуститься в комнаты для заседаний. Пока он пробирался по ступеням, его мозг буксовал перед огромным количеством возможностей: у него по-прежнему оставалась парочка Подрывных Приманок, но, возможно, было бы лучше просто постучаться в дверь, войти под видом Ранкорна и попросить Мафальду на два слова? Разумеется, он не знал, был ли Ранкорн достаточно влиятелен, чтобы это ему сошло с рук, и даже если это удастся, невозвращение Гермионы может привести к её розыску, прежде чем они выберутся из Министерства...

Задумавшись, Гарри не сразу обратил внимание на неестественный холод, охватывающий его тело, словно он опускался в туман. С каждым шагом становилось всё холоднее и холоднее; мороз хлынул ему в горло и начал разрывать его лёгкие. И тут он ощутил, как чувства отчаяния и безнадёжности наполняют его, заполняют каждый уголок его тела...

«Дементоры», подумал он.

Как только Гарри достиг подножия лестницы и свернул вправо, глазам его открылась жуткая картина. Тёмный проход между комнатами заседаний был забит высокими чёрными фигурами в плащах, лица которых были скрыты под капюшонами, а их хриплое дыхание было единственным звуком, висевшим в воздухе. Насмерть перепуганные магглорождённые, приведённые сюда для допросов, сидели, скрючившись и дрожа, на жёстких деревянных скамьях. Большинство закрывало лица руками, вероятно, инстинктивно пытаясь защитить себя от жадных ртов дементоров. Некоторых сопровождали члены семей, другие были одни. Дементоры скользили перед ними взад-вперёд, и холод, безнадёжность и отчаяние этого места давили на Гарри, словно проклятие...

«Спротивляйся», сказал Гарри самому себе, но он прекрасно знал, что не сможет призвать Патронуса, не выдав себя. Так что он просто двинулся вперёд, так тихо, как только мог, и с каждым Гарриным шагом его мозг всё больше цепенел, но Гарри заставлял себя думать о Роне и Гермионе, которые нуждались в его помощи.

Двигаться сквозь строй высоких чёрных фигур было очень страшно: безглазые лица, скрытые под капюшонами, поворачивались ему вслед, и он был уверен, что они его чувствуют – вероятно, ощущают присутствие человека, в котором всё ещё живёт надежда, живёт сопротивление...

И вдруг, совершенно внезапно, заledenелую тишину расколол звук распахнувшейся двери. Это была одна из дверей с левой стороны коридора, и оттуда донеслись гулкие звуки.

– Нет, нет, я полукровка, полукровка, говорю же вам! Мой отец был колдуном, он *был* колдуном, посмотрите его досье, Арки Алдертон, он известный конструктор метел, посмотрите про него, я вам говорю – уберите от меня руки, уберите руки...

– Это последнее предупреждение, – мягкий голосок Амбридж, магически усиленный, с лёгкостью перекрыл отчаянные вопли мужчины. – Если вы продолжите сопротивляться, вы будете подвергнуты Поцелую дементора.

Мужчина перестал кричать, но сухие всхлипы продолжали разноситься по всему коридору.

– Уведите его, – сказала Амбридж.

Два дементора появились в дверях комнаты заседаний; их гниющие, покрытые струпиями руки сжимали бицепсы колдуна, который, судя по всему, был близок к обмороку. Они ускользнули вместе с ним по коридору, и темнота, которую они словно порождали за своей спиной, скрыла их из виду.

– Следующая – Мэри Каттермоул, – приказала Амбридж.

Маленькая женщина встала со скамьи; она дрожала с ног до головы. Её тёмные волосы были стянуты в пучок на затылке, она была одета в длинную простую мантию. В лице её не было ни кровинки. Когда она проходила мимо дементоров, Гарри заметил, как её передёрнуло.

Он действовал инстинктивно, без какого-либо плана, просто потому что ему невыносимо было видеть это зрелище – как она совершенно одна идёт в подземелье. Когда дверь уже начала закрываться, Гарри скользнул в комнату вслед за миссис Каттермоул.

Это была не та комната, в которой его однажды допрашивали по поводу неправомерного применения магии. Она была гораздо меньше, хотя её потолок был столь же высок; это вызывало клаустрофобное ощущение, словно Гарри находился на дне глубокого колодца.

Здесь были ещё дементоры, они распространяли свою леденящую ауру по всему помещению. Они стояли, словно безликие стражи, в углах, наиболее удалённых от высокого помоста. Здесь за балюстрадой восседала Амбридж; Ясли сидел по одну сторону от неё, Гермiona, столь же белая, как миссис Каттермоул, – по другую. У подножия помоста расхаживал взад-вперёд серебристого цвета мохнатый кот, и Гарри догадался, что он должен был защищать допрашивающих от чувства отчаяния, испускаемого дементорами: это чувство было предназначено обвиняемым, никак не обвинителям.

– Садитесь, – своим нежным, шёлковым голоском произнесла Амбридж.

Миссис Каттермоул рухнула на единственный стул в центре комнаты, прямо перед помостом. Едва она села, из ручек стула выщелкнулись цепи и приковали её.

– Вы Мэри Элизабет Каттермоул? – спросила Амбридж.

Миссис Каттермоул слабо кивнула.

– Замужем за Реджинальдом Каттермоулом из департамента Магического техобслуживания?

Миссис Каттермоул разрыдалась.

– Я не знаю, где он, он должен был встретиться со мной здесь!

Амбридж не обратила на её слова ни малейшего внимания.

– Мать Мейзи, Элли и Альфреда Каттермоулов?

Миссис Каттермоул начала всхлипывать ещё сильнее, чем прежде.

– Они боятся, они думают, что я не вернусь домой...

– Не старайтесь, – выплюнул Ясли. – Отродье грязнокровок не заслуживает нашего сочувствия.

Всхлипы миссис Каттермоул скрыли звук шагов Гарри, когда тот осторожно пробирался к ступеням, ведущим на помост. В тот момент, когда он прошёл то место, где патрулировал кот-Патронус, он ощутил изменение температуры: здесь было тепло и приятно. Гарри не сомневался, что это был Патронус Амбридж, и так ярко он сиял потому, что она была здесь абсолютно счастлива, была полностью в своей стихии, блюдя извращённые законы, в составлении которых сама же и участвовала. Медленно и очень осторожно Гарри проложил свой путь вдоль помоста позади Амбридж, Ясли и Гермiony и наконец уселся за спиной у последней. Он опасался, что застанет Гермiony врасплох. Он подумал было о наложении *Muffliato* на Амбридж и Ясли, но даже произнесённое шёпотом, это заклинание могло заставить Гермiony подпрыгнуть. Тут Амбридж повысила голос, обращаясь к миссис Каттермоул, и Гарри воспользовался шансом.

– Я у тебя за спиной, – прошептал он Гермiony в ухо.

Как он и предполагал, она настолько сильно дёрнулась, что чуть не опрокинула бутылочку с чернилами, которыми должна была вести протокол допроса, но и Амбридж, и Ясли сосредоточились на миссис Каттермоул, и это прошло незамеченным.

– Ваша волшебная палочка была изъята у вас сегодня по прибытии в Министерство, миссис Каттермоул, – говорила в это время Амбридж. – Восемь и три четверти дюйма, вишня, сердцевина из волоса единорога. Знакомо ли вам это описание?

Миссис Каттермоул кивнула, промокая глаза рукавом.

– Не могли бы вы рассказать нам, у какой ведьмы или колдуна вы взяли эту палочку?

– Я... взяла? – всхлипнула миссис Каттермоул. – Я не б-брала её ни у кого, я к-купила её, когда мне было одиннадцать лет. Она... она... она меня *выбрала*.

Она заплакала ещё сильнее.

Амбридж засмеялась мягким, детским смехом, вызвав в Гарри желание напасть на неё. Она наклонилась над барьером, чтобы лучше видеть свою жертву, и что-то золотое качнулось вперёд вместе с ней и закачалось над пустотой: медальон.

Гермiony заметила его и слабо пискнула, но Амбридж и Ясли, по-прежнему поглощённые своей добычей, были глухи к чему-либо другому.

– Нет, – заявила Амбридж, – нет, это вряд ли, миссис Каттермоул. Волшебные палочки выбирают только ведьм и колдунов. Вы не ведьма. У меня есть ваша анкета, которую вам посылали, – Мафальда, передай её мне.

Амбридж протянула вперёд руку: в этот момент она была настолько похожа на жабу, что Гарри удивился, не обнаружив перепонок между её толстыми короткими пальцами. Руки

Гермионы дрожали от ужаса. Она некоторое время рылась в куче документов, выложенных на стул рядом с ней, пока наконец не извлекла свиток пергамента с именем миссис Каттермоул.

– Какой... какой милый, Долорес, – произнесла она, указывая на кулон, сверкающий в складках кофточка Амбридж.

– Что? – вскинулась Амбридж, глянув вниз. – Ах, да – старая семейная реликвия, – она похлопала по медальону, покоящемуся на её внушительном бюсте. – Эта «S» означает «Селвин»... Я в родстве с Селвинами... Вообще-то немного есть чистокровных семей, с которыми я не в родстве... и жаль, – добавила она, повысив голос и пробегая глазами анкету миссис Каттермоул, – что то же самое нельзя сказать про вас. Профессии родителей: зеленщики.

Ясли издевательски рассмеялся. Пушистый серебряный кот у них под ногами продолжал расхаживать взад-вперёд, дементоры ожидали приказа в углах комнаты.

Именно из-за лжи Амбридж кровь ударила Гарри в голову и вычистила оттуда остатки осторожности – именно из-за того, что медальон, который она забрала в качестве взятки у мелкого преступника, использовался ей теперь как дополнительное доказательство её чистокровного происхождения. Он поднял волшебную палочку, даже не озабочась спрятать её под плащом-невидимкой, и прокричал: «*Stupefy!*»

Мелькнула вспышка красного света; Амбридж рухнула и ударилась лбом о край балюстрады; бумаги миссис Каттермоул слетели с её коленей на пол; серебряный кот внизу исчез. Ледяной воздух ударил их, как порыв ветра. Ясли, сбитый с толку, оглянулся в поисках источника неприятностей и увидел висящую в воздухе Гаррину руку и волшебную палочку, нацеленную на него. Он попытался выхватить свою собственную палочку, но было слишком поздно.

– *Stupefy!*

Ясли ничком рухнул на пол.

– Гарри!

– Гермiona, если ты думаешь, что я собирался сидеть тут, пока она делает вид...

– Гарри, миссис Каттермоул!

Гарри крутанулся на месте, скинув плащ-невидимку; дементоры внизу вышли из своих углов, они стремительно скользили к женщине, прикованной к стулу. То ли из-за исчезновения Патронуса, то ли осознав, что их хозяева потеряли контроль над ними – но их, похоже, ничто не сдерживало. Миссис Каттермоул испустила ужасающий вопль, когда склизкая, покрытая струпами рука ухватила её за подбородок и запрокинула её лицо вверх.

– *EXPECTO PATRONUM!*

Серебряный олень взмыл в воздух из кончика волшебной палочки Гарри и понёсся навстречу дементорам, немедленно отступившим и растворившимся в тенях. Исходящий от оленя свет, более яркий и более согревающий, чем от кота, заполнил всё подземелье, когда олень галопом кружил по комнате.

– Забирай Хоркракс, – сказал Гарри Гермione.

Он сбежал по ступеням вниз, засовывая плащ-невидимку обратно к себе в сумку, и подбежал к миссис Каттермоул.

– Вы? – прошептала она, уставившись в его лицо. – Но... но Редж сказал, что это вы подали моё имя для допроса!

– Правда я? – прошептал Гарри, потянув цепи, сковывающие её руки. – Ну, значит, я передумал. *Diffindo!* – ничего не произошло. – Гермiona, как мне избавиться от этих цепей?

– Подожди, я тут пытаюсь кое-что сделать...

– Гермiona, тут вокруг полно дементоров!

– Я знаю, Гарри, но если она очнётся, а медальона не будет... Я хочу сделать дубликат... *Geminio!* Вот... это её обдурит...

Гермiona скатилась вниз.

– Давай посмотрим... *Relashio!*

Цепи клацнули и убрались в ручки стула. Миссис Каттермоул казалась столь же напуганной, как и раньше.

– Я не понимаю, – прошептала она.

– Ты пойдёшь отсюда вместе с нами, – сказал Гарри, поднимая её на ноги. – Иди домой, хватай детей и беги; если придётся – беги из страны. Замаскируйся и беги. Ты видела, каково здесь – ты здесь не получишь справедливого слушания.

– Гарри, – спросила Гермiona, – как мы выберемся отсюда мимо всех этих дементоров за дверь?

– Патронусы, – ответил Гарри, указывая палочкой на своего: олень снизил скорость и, по-прежнему ярко сияя, подошёл к двери. – Столько, сколько мы сможем создать; давай твоего, Гермiona.

– *Expes... expecto patronum*, – проговорила Гермiona. Никакого эффекта.

– Это единственное заклинание, с которым у неё когда-либо были проблемы, – сообщил Гарри полностью ошеломлённой миссис Каттермоул. – К несчастью... Ну давай, Гермiona...

– *Expecto patronum!*

Серебряная выдра вырвалась из кончика палочки Гермiony и грациозно поплыла по воздуху, присоединившись к оленю.

– Вперёд, – командовал Гарри и пошёл впереди Гермiony и миссис Каттермоул в направлении двери.

Когда Патронусы выскользнули из комнаты, снаружи раздались крики шокированных людей, ждавших там своей участи. Гарри огляделся; дементоры отступали по обе стороны от них, исчезая в темноте, расступаясь перед серебряными созданиями.

– Было принято решение, что вы все должны вернуться домой и скрыться вместе со своими семьями, – сообщил Гарри ожидающим магглорождённым, ослеплённым светом Патронусов и всё ещё слегка пошатывающимся. – Уходите за границу, если сможете. Просто убирайтесь как можно дальше от Министерства. Это... э... новая официальная политика. А теперь, если вы просто проследуете за Патронусами, вы сможете покинуть Министерство через Атриум.

Им удалось без помех подняться по каменной лестнице, но когда они подходили к лифтам, Гарри начали охватывать дурные предчувствия. Если они ввалятся в Атриум в

сопровождении серебряного оленя и порхающей вокруг него выдры, да ещё группой в два десятка человек, половина которых обвиняется в магглорождённости — он не мог не подозревать, что они, несомненно, привлекут к себе нежелательное внимание. Едва Гарри успел прийти к этому неприятному выводу, как один из лифтов с лязгом остановился прямо перед ними.

— Редж! — вскрикнула миссис Каттермоул и бросилась в объятия Рона. — Ранкорн меня выпустил, он напал на Амбридж и Якли, и он сказал нам всем уехать из страны, я думаю, нам лучше так и сделать, Редж, правда. Пошли скорей домой, заберём детей и... А почему ты мокрый?

— Вода, — пробормотал Рон, высвобождаясь из объятий. — Гарри, они знают, что в Министерство кто-то проник, что-то говорят про дырку в двери кабинета Амбридж, я думаю, у нас минут пять, если это...

Патронус Гермионы исчез с лёгким хлопком; она повернула своё застывшее от ужаса лицо к Гарри.

— Гарри, если мы тут застрянем...

— Не застрянем, если будем двигаться быстро, — ответил Гарри. Он обратился к группе позади, безмолвно таращащейся на него.

— У кого есть палочки?

Примерно половина людей подняла руки.

— Отлично, каждый из вас, у кого нет палочки, должен держаться кого-то, у кого она есть. Мы должны идти быстро — прежде чем они смогут нас остановить. Пошли.

Они ухитрились втиснуться в два лифта. Гарри Патронус стоял на страже перед золотыми дверями, когда они захлопнулись и лифты поехали вверх.

«Уровень восемь», — произнёс спокойный женский голос. — «Атриум».

Гарри мгновенно понял, что у них проблемы. Атриум был полон людей, переходящих от камина к камину и закрывающих их.

— Гарри! — взвизгнула Гермиона. — Что нам теперь?..

— СТОП! — прогремел Гарри, и мощный бас Ранкорна разнёсся по всему Атриуму; колдуны, закрывающие камин, замерли на месте. — За мной, — прошептал он перепуганным магглорождённым; те всей толпой двинулись вперёд, Рон и Гермиона шли по бокам.

— В чём дело, Альберт? — нервно спросил тот самый лысоватый колдун, который ранее вывалился из камина вслед за Гарри.

— Эта группа должна покинуть Министерство, прежде чем вы закроете выходы, — заявил Гарри, придав голосу всю внушительность, на какую только он был способен.

— Нам сказали закрыть выходы и никого не...

— Ты смеешь мне *возражать*? — проревел Гарри. — Может, ты хочешь, чтобы я и твоё генеалогическое древо отдал на проверку, как Дёрка Кресуэлла?

— Прости! — лысоватый колдун, охнув, попятился. — Я ничего такого не хотел сказать, Альберт, но я думал... я думал, они здесь для допроса и...

— Их кровь чиста, — заявил Гарри, и его глубокий голос внушительно прогремел по всему залу. — Чище, чем у многих из вас, осмелюсь заявить. Уходите отсюда! — прикрикнул он

на магглорождённых; те поспешили к каминам и начали попарно исчезать. Колдуны Министерства отступили назад, некоторые выглядели сконфуженными, другие — напуганными и недовольными. И тут...

— Мэри!

Миссис Каттермоул оглянулась через плечо. Настоящий Редж Каттермоул, бледный и изнурённый, но по крайней мере переставший блевать, выскочил из лифта.

— Р... Редж?

Она перевела взгляд со своего мужа на Рона, тот громко выругался.

Лысоватый колдун таранил глаза, с глупым видом переводя взгляд с одного Реджа Каттермоула на другого.

— Закрыть выходы! ЗАКРЫТЬ!

Ясли вырвался из другого лифта и уже бежал в направлении группы людей у каминов, в которых уже исчезли все магглорождённые, за исключением миссис Каттермоул. Увидев, что лысоватый колдун поднимает свою волшебную палочку, Гарри огрел его своим огромным кулаком, отправив в кратковременный полёт по воздуху.

— Он помогал магглорождённым сбежать, Ясли! — прокричал Гарри.

Коллеги лысоватого колдуна подняли крик; Рон воспользовался моментом, схватил миссис Каттермоул, втокнул её во всё ещё открытый камин, и они исчезли. Сбитый с толку, Ясли переводил взгляд с Гарри на ударенного им колдуна. Настоящий Редж Каттермоул тем временем закричал:

— Моя жена! Кто это был с моей женой? Что вообще происходит?

Гарри увидел, как голова Ясли поворачивается, увидел, как на жестоком лице отражается осознание истины.

— Давай! — проорал Гарри Гермione; он схватил её за руку, и они вдвоем прыгнули в камин, пропустив над головами проклятие, пущенное Ясли.

Несколько секунд они вращались, после чего пробкой вылетели из унитаза в кабинку. Гарри распахнул дверь; Рон стоял рядом с рукомойниками, всё ещё борясь с миссис Каттермоул.

— Редж, я не понимаю...

— Отпусти, я не твой муж, ты должна идти домой!

В кабинке у них за спиной послышался шум. Гарри оглянулся и увидел только что появившегося там Ясли.

— УХОДИМ! — заорал Гарри. Он ухватил Гермione за кисть руки, а Рона за предплечье, и крутанулся на месте.

Тьма обволокла их вместе с ощущением сжимающих тело обручей, но что-то было не так... Рука Гермione, похоже, выскользнула из его руки...

Гарри начал уже думать, задохнётся он или всё-таки нет, он не мог дышать, не мог видеть, единственными реальными предметами в целом мире оставались лишь рука Рона и пальцы Гермione, постепенно выскользывающие из его пальцев...

И тут он увидел дверь дома двенадцать по площади Гриммолд с молоточком в форме змеи, но, прежде чем он смог перевести дыхание, раздался вскрик и мелькнула фиолетовая

вспышка; рука Гермионы внезапно вцепилась в Гаррину, словно тиски, и всё опять провалилось во тьму.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВОР

Открыв глаза, Гарри был мгновенно ослеплён зелёным и золотым светом; у него не было ни малейшего понятия, что произошло; единственное, что он знал, – что лежит он, судя по всему, на листьях и ветках. Пытаясь впустить воздух в по-прежнему словно расплюснутые лёгкие, Гарри мигнул и понял, что ослепительное сияние было солнечным светом, льющим сквозь полог листвы высоко над головой. Затем у самого его лица дёрнулся какой-то предмет. Гарри поднялся на четвереньки, ожидая обнаружить какую-нибудь маленькую энергичную зверушку, и осознал, что предмет был ногой Рона. Оглянувшись, Гарри понял, что они и Гермиона лежат в лесу и, судя по всему, одни.

Первой мыслью Гарри был Запретный Лес, и какое-то мгновение, хотя он и знал, как глупо и опасно для них было бы появляться на территории Хогвартса, его сердце учащённо билось от мысли пробраться сквозь деревья в хижину Хагрида. В следующее мгновение Рон слабо застонал, и Гарри, пока полз к нему, осознал, что это был не Запретный Лес: деревья выглядели моложе и росли реже, да и земля под ними была не так сильно завалена листвой и сучьями.

Возле головы Рона Гарри встретил Гермиону, также ползущую на четвереньках. В тот момент, когда Гарри взглянул на Рона, все прочие заботы вылетели у него из головы – весь левый бок Рона был залит кровью, и обескровленное посеревшее лицо чётко выделялось на усыпанной листвой земле. Многосущное зелье прекращало своё действие, и Рон напоминал нечто среднее между Каттермоулом и самим собой: его волосы на глазах рыжели, в то время как лицо теряло остатки естественного цвета.

– Что с ним случилось?

– Щепление⁵², – проговорила Гермиона, уже взясь с Роновым рукавом, там, где крови было больше всего.

Потрясённый произошедшим, Гарри наблюдал, как она разорвала рубашку Рона. Он всегда воспринимал Щепление как нечто комическое, но это... Его внутренности сжались, когда Гермиона обнажила плечо Рона, где не доставало большого куска плоти, отрезанного словно ножом.

– Гарри, скорее, в моей сумочке, там есть пузырёк с надписью «Настойка ясенца»...

– В сумочке... ага...

Гарри поспешил к месту приземления Гермионы, схватил её маленькую вышитую бисером сумочку и погрузил в неё руку. Тотчас ему начал попадаться один предмет за другим: он нащупывал кожаные корешки книг, мохнатые рукава свитеров, каблучки ботинок...

– *Скорее!*

Он схватил с земли свою волшебную палочку и нацелил её в глубины сумочки.

– *Accio ясенца!*

⁵² Splinching. Слово образовано от глагола to splint – расщепляться.

Маленький коричневый пузырёк выскочил из сумочки; Гарри поймал его и поспешил обратно к Гермионе и Рону, который лежал, полузакрыв глаза, так что лишь белки были видны из-под век.

— Он без сознания, — произнесла Гермиона, также довольно бледная; она уже не была похожа на Мафальду, хотя волосы в некоторых местах по-прежнему оставались седыми. — Открой её, пожалуйста, у меня руки дрожат.

Гарри выкрутил пробку из пузырька, Гермиона забрала его и вылила три капли зелья на кровоточащую рану. Оттуда вырвалось облако зеленоватого дыма; когда оно рассеялось, Гарри увидел, что кровотечение прекратилось. Рана теперь выглядела так, словно ей уже несколько дней; новая кожа нарастала там, где только что была открытая плоть.

— Ух ты, — только и смог выговорить Гарри.

— Это единственное, что я могу сделать наверняка, — дрожащим голосом сказала Гермиона. — Есть заклинания, которые вылечили бы его полностью, но я не рискну их применять, я могу сделать что-то не так, и тогда всё станет ещё хуже... Он уже потерял столько крови...

— Как с ним это произошло? В смысле, — Гарри покачал головой, стараясь прояснить её, понять, что только что случилось, — почему мы здесь? Я думал, мы возвращаемся на площадь Гриммолд?

Гермиона глубоко вдохнула. Казалось, она сейчас расплчется.

— Гарри, я не думаю, что мы теперь сможем туда вернуться.

— В каком?..

— Когда мы дезаппарировали, Ясли успел ухватиться за меня, и я не могла его скинуть, он был слишком силен, и он всё ещё держался, когда мы прибыли на площадь Гриммолд, и тогда... В общем, я думаю, он увидел дверь и решил, что мы там останемся, и ослабил хватку, и я смогла его скинуть и перенести нас сюда!

— Но тогда где сейчас он? Погоди-ка... ты хочешь сказать, что он в доме на Гриммолд? Что он может туда войти?

В глазах её блеснули слёзы, когда она кивнула.

— Гарри, я думаю, он теперь может. Я... я смогла заставить его отпустить меня с помощью Отталкивающего глаза, но я уже внесла его внутрь области чар Фиделиус. После смерти Дамблдора мы теперь Хранители Тайны, значит, я раскрыла ему эту тайну, так?

Вариантов не было; Гарри не сомневался, что она права. Это был серьёзный удар. Если Ясли мог теперь проникнуть в дом, им туда возвращаться было никак нельзя. Уже сейчас он мог проводить туда других Пожирателей Смерти с помощью аппарирования. Каким бы унылым и мрачным ни был этот дом, он оставался их единственным безопасным убежищем; а с гораздо более счастливым и дружелюбным, чем раньше, Кричером он из просто жилища стал для них почти домом. С чувством сожаления, не имеющим никакого отношения к пище, Гарри представил себе домового эльфа, возящегося над пирогом с мясом и почками, которого Гарри, Рону и Гермионе не суждено было отведать.

— Гарри, мне жаль, мне так жаль!

— Не глупи, ты в этом совершенно не виновата! Если уж кто и виноват, так это я...

Гарри сунул руку в карман и извлёк глаз Безумного Глаза. Гермиона в ужасе отдёрнулась.

– Амбридж воткнула его в дверь своего кабинета, чтобы шпионить за другими. Я просто не мог оставить его там... Но именно из-за этого они узнали о посторонних.

Прежде чем Гермиона успела ответить, Рон застонал и открыл глаза. Лицо его по-прежнему оставалось серым и блестело от пота.

– Как ты? – прошептала Гермиона.

– Хреново, – прокаркал Рон и дёрнулся от боли в раненой руке. – Где мы?

– В лесу, там, где проводился Чемпионат мира по квиддичу, – ответила Гермиона. – Я хотела что-нибудь замкнутое, укрытое от глаз, и это место было...

– ...первым, о котором ты подумала, – закончил за неё Гарри, оглядываясь на кажущуюся совершенно покинутой поляну. Он не мог не вспомнить о том, что произошло в предыдущий раз, когда они апарировали в первое место, о котором подумала Гермиона: тогда Пожиратели Смерти нашли их за несколько минут. Может быть, это была легилименция? Неужели Волдеморт и его приспешники уже сейчас знали, куда Гермиона их отправила?

– Думаешь, нам надо отсюда уходить? – спросил Рон у Гарри, и Гарри по выражению лица Рона догадался, что он думает о том же.

– Нинаю...

Рон по-прежнему был бледным и мокрым от пота. Он не пытался сесть, и было видно, что он слишком слаб для этого. Перспектива куда-либо его переправлять просто пугала.

– Пока давайте останемся тут, – решил Гарри.

Гермиона с явным облегчением вскочила на ноги.

– Ты куда? – спросил Рон.

– Если мы остаёмся, нам надо наложить на это место кое-какие защитные заклятья, – ответила она и, подняв палочку, двинулась по большому кругу вокруг Гарри и Рона, бормоча себе под нос заклинания. Гарри заметил некое колыхание воздуха вокруг них: Гермиона словно бы окутала их поляну тёплой дымкой.

– *Salvio hexia... Protego totalum... Repello Muggletum... Muffliato...* Ты пока достань палатку, Гарри...

– Палатку?

– В сумочке!

– В су-... ага, конечно.

На сей раз он не стал тратить время, копаясь внутри сумочки, а снова применил Манящие чары. Палатка вынырнула из сумки бесформенной массой ткани, веревок и шестов. Гарри узнал в ней, отчасти из-за кошачьего запаха, ту самую палатку, в которой они спали в ночь Чемпионат мира по квиддичу.

– Мне казалось, это была палатка того типа из Министерства, Пёркинса? – спросил он, начав высвобождать колышки палатки.

– Видимо, она ему больше не нужна, его остеохондроз совсем замучил, – ответила Гермиона, выписывая волшебной палочкой сложные восьмёрки, – так что папа Рона сказал, что мы можем её взять. *Erecto!* – добавила она, указывая палочкой на бесформенную кучу

брезента, которая легко взмыла в воздух и приземлилась, уже полностью собранная, на землю рядом с застывшим на месте Гарри. Из Гарриной руки вырвался колышек, звучно воткнулся в землю, зафиксировав одну из растяжек, и всё стихло.

– *Cave inimicum*, – закончила Гермиона, изящно взмахнув палочкой вверх. – Всё, больше я ничего сделать не могу. По крайней мере, мы узнаем заранее, если они появятся, я не гарантирую, что они удержат Вол-...

– Не произноси его имени! – хриплым голосом перебил Рон.

Гарри и Гермиона переглянулись.

– Прости, – сказал Рон, приподнимаясь, чтобы посмотреть на них, и слегка застонал при этом, – но это как... как сглаз, или типа того. Может, будем называть его Сами-Знаете-Кем – пожалуйста?

– Дамблдор говорил, что страх перед именем... – начал Гарри.

– На случай если ты не заметил, приятель, произнесение имени Сам-Знаешь-Кого для Дамблдора в конце концов не очень хорошо закончилось, – огрызнулся Рон. – Просто... просто отдай Сам-Знаешь-Кому дань уважения, а?

– *Уважения?* – повторил Гарри, но Гермиона послала ему предупреждающий взгляд; она явно давала понять, что Гарри не должен спорить с Роном, пока последний находится в столь плачевном состоянии.

Гарри и Гермиона то ли перенесли, то ли переволокли Рона внутрь палатки. Внутри всё было точно так же, как Гарри помнил с прошлого раза: это была маленькая квартирка с ванной комнатой и крохотной кухней. Он сдвинул в сторону старое кресло и осторожно положил Рона на нижнюю койку двухъярусной кровати. Даже от этого короткого путешествия Рон снова побелел и, едва они устроили его на матрасе, закрыл глаза и некоторое время молчал.

– Я сделаю чай, – почти беззвучно произнесла Гермиона, вытащив из недр своей сумочки чайник и кружки и направляясь с ними в кухню.

Горячий напиток подействовал на Гарри так же благотворно, как огневиски в ночь гибели Безумного Глаза; он словно выжег часть страха, поселившегося в груди Гарри. Через пару минут молчание прервал Рон.

– Как думаете, что стало с Каттермоулами?

– При минимальном везении, им удалось убраться, – ответила Гермиона, грея руки о горячую кружку. – Если только мистер Каттермоул не потерял всю свою сообразительность, он переправил миссис Каттермоул домой с помощью совместного аппарирования, и сейчас они уже бегут из страны вместе с детьми. Это то, что Гарри им велел сделать.

– Чёрт, надеюсь, они ушли нормально, – сказал Рон, отвалившись обратно в подушки. Чай на него явно хорошо подействовал – бледность его лица несколько спала. – Хотя мне этот Редж Каттермоул не показался таким уж сообразительным, судя по тому, как все со мной разговаривали, когда я был им. Боже, хоть бы им удалось... Если они оба загремят в Азкабан из-за нас...

Гарри глянул на Гермиону, и вопрос, вертевшийся у него на языке, – о том, сможет ли миссис Каттермоул аппарировать совместно с мужем без палочки, – застрял у него в глотке.

Гермиона смотрела на Рона, беспокоившегося о судьбе Каттермоулов, и в её лице было столько нежности, что Гарри почувствовал себя почти так же, как если бы он нечаянно застал их целующимися.

– Так он у тебя? – спросил Гарри, отчасти чтобы напомнить Гермионе, что он тоже здесь.

– У меня... что у меня? – переспросила она, слегка вздрогнув.

– Ну ради чего мы всем этим занимались? Медальон! Где медальон?

– *Вы его взяли?* – завопил Рон, чуть приподнявшись на подушках. – Никто ничего мне не говорит! Чёрт, могли бы и упомянуть!

– Ну вообще-то мы удирали от Пожирателей Смерти, забыл? – сказала Гермиона. – Вот.

Она извлекла медальон из кармана мантии и протянула Рону.

Медальон был размером с куриное яйцо. Вычурная буква «S», выложенная множеством маленьких зелёных камешков, тускло сверкала в рассеянном свете, проходящем сквозь крышу палатки.

– А не может быть такого, что кто-нибудь его уже кокнул с тех пор, как он был у Кричера? – с надеждой спросил Рон. – В смысле, мы уверены, что он до сих пор Хоркракс?

– Думаю, да, – ответила Гермиона, забрав его обратно и рассматривая вблизи. – На нём бы были какие-то повреждения, если бы он был магически уничтожен.

Она передала медальон Гарри, тот повертел его в пальцах. Выглядела эта штука совершенно, идеально чисто. Он вспомнил изувеченные останки дневника, и как треснул камень в кольце-Хоркраксе, когда Дамблдор его уничтожил.

– Мне кажется, Кричер прав, – произнёс Гарри. – Мы должны придумать, как заставить его открыться, и только тогда мы сможем уничтожить его.

Внезапное осознание того, *что* он держит в руках, *что* живёт за этими маленькими золотыми створками, накатило на Гарри, когда он произносил эти слова. Даже после всех их усилий, затраченных на то, чтобы найти медальон, он ощутил отчаянное желание закинуть его как можно дальше. Вернув себе самообладание, он попытался открыть медальон пальцами, затем воспользовался чарами, с помощью которых Гермиона открыла дверь спальни Регулуса. Ни то, ни другое не сработало. Он отдал медальон обратно Рону и Гермионе. Каждый из них тоже попробовал, но их попытки были не более удачными, чем его.

– А чувствовать его ты можешь? – приглушённым голосом спросил Рон, крепко держа его в кулаке.

– Что ты имеешь в виду?

Рон протянул Хоркракс Гарри. Через пару секунд Гарри показалось, что он знает, что Рон имел в виду. Что это было за ощущение – его собственная кровь, пульсирующая в жилах, или что-то вроде биения крохотного сердца внутри медальона?

– И что мы будем с ним делать? – поинтересовалась Гермиона.

– Будем держать при себе, пока не выясним, как его уничтожить, – ответил Гарри и, как ни противился он этому в душе, накинуд цепь себе на шею и спрятал медальон с глаз долой

себе под мантию. Там он и устроился, на груди Гарри рядом с сумочкой, подаренной ему Хагридом.

— Думаю, нам надо по очереди дежурить около палатки, — сказал Гарри Гермионе, вставая и потягиваясь. — И ещё нам надо подумать о еде. Ты остаёшься здесь, — резко добавил он, увидев, как Рон попытался сесть и тут же резко позеленел.

Гарри и Гермиона тщательно установили на столе в палатке хитроскоп, который Гермиона подарила Гарри на день рождения, после чего провели остаток дня, поочерёдно выполняя обязанности часового. Однако хитроскоп весь день оставался безмолвным и неподвижным, и, то ли от защитных заклятий и магглоотталкивающих чар, наложенных Гермионой, то ли просто потому что люди редко заглядывали в это место, но эта часть леса оставалась совершенно пустынной, за исключением разве что одиноких птиц и белок. Вечер не принёс изменений. Заступив на дежурство в десять часов, Гарри зажёл свет на кончике волшебной палочки и уставил взор в пустое пространство, наблюдая летучих мышей, порхавших высоко над ним на фоне клочка звёздного неба над поляной.

Он чувствовал голод и небольшое головокружение. Гермиона не упаковала в свою магическую сумочку никакой еды, поскольку была уверена, что они в тот же вечер вернутся на площадь Гриммолд, поэтому есть им было нечего, кроме нескольких грибов, которые Гермиона собрала под ближайшими деревьями и сварила в котелке. Рон после пары глотков отставил свою порцию, его тошнило; Гарри держался до последней ложки лишь чтобы не обидеть Гермиону.

Окружающую тишину прерывал лишь неясный шелест и ещё какие-то звуки, словно хруст веточек; Гарри думал, что эти звуки производят скорее животные, а не люди, но тем не менее свою палочку сжимал крепко, готовый в случае чего применить. Его желудок, и без того не очень довольный неудачным ужином в виде порции резиноподобных грибов, сжимался от беспокойства.

Раньше Гарри думал, что ощутит прилив сил, как только им удастся вернуть Хоркракс, но почему-то этого не произошло; всё, что он чувствовал, сидя здесь и вглядываясь в темноту, лишь малый кусочек которой был освещён его палочкой, — это беспокойство о том, что будет дальше. Это было так, словно он бежал к одной точке многие недели, месяцы, может быть, даже годы, а сейчас вдруг внезапно остановился, потеряв дорогу.

Где-то там были другие Хоркраксы, но у него не было ни малейшей идеи, где именно они могли бы находиться. Гарри даже не про всё знал, что они из себя представляют. И в то же время у него не было никаких предположений, как уничтожить тот единственный, который у них уже был, тот самый Хоркракс, который в настоящее время прижимался к голой коже Гарриной груди. Как ни странно, он не отбирал тепло у тела, а лежал на коже холодный, словно только что извлечённый из ледяной воды. Время от времени Гарри казалось, — возможно, только казалось, — что он ощущает слабый пульс, неровно бьющийся возле его собственного сердца.

Неясные предчувствия одолевали Гарри, пока он сидел один в темноте; он пытался сопротивляться им, отгонять их прочь, но они набрасывались на него снова и снова. *Ни один из них не может жить, пока жив другой.* Рон и Гермиона, нежно переговаривающиеся сейчас в

палатке у него за спиной, могли уйти, если хотели; он не мог. И когда он сидел, пытаясь одолеть свой собственный страх и опустошённость, ему казалось, что Хоркракс у него на груди тикает, отсчитывая оставшееся время его собственной жизни... *«Дурацкая мысль, сказал он себе, не думай об этом...»*

Шрам снова начал пульсировать. Гарри испугался, что он сам заставил его болеть, думая обо всём этом, и попытался направить свои мысли в другую сторону. Он думал о несчастном Кричере, который ожидал их возвращения домой, а взамен получил Якли. Будет ли эльф хранить молчание или же расскажет Пожирателю Смерти всё, что знает? Гарри хотел верить, что Кричер изменил отношение к нему за прошедший месяц, что теперь он будет лоялен, но кто знает, что может случиться? Что если Пожиратели Смерти пытали несчастного эльфа? Омерзительные картины мелькали в Гаррином мозгу, и он попытался их тоже отогнать, ибо для Кричера он сделать ничего не мог. Он и Гермиона уже приняли решение не пытаться призвать Кричера; что если вместе с ним появится кто-то из Министерства? Они не могли полагаться на то, что аппарирование эльфов лишено того же недостатка, из-за которого Якли попал в дом двенадцать, держась за край рукава Гермионы.

Теперь Гарри шрам горел. Он подумал, что они ещё столь многого не знают: Люпин был прав насчёт магии, с которой они никогда не встречались и даже не представляли себе. Почему Дамблдор не объяснил больше? Возможно, он думал, что у них ещё будет время; что он будет жить ещё долгие годы, а может, и века, подобно своему другу Николасу Фламельу? Если так, то он ошибся... Снейп об этом позаботился... Снейп, спящий змей, нанёсший удар на вершине башни...

И Дамблдор упал... упал...

— Дай мне её, Грегорович.

Голос Гарри был высоким, ясным и холодным; его палочку держала прямо перед ним белая длиннопалая рука. Человек, на которого он указывал, висел в воздухе вверх ногами, хотя никаких верёвок, державших его, видно не было; он раскачивался, связанный невидимыми путами, руки и ноги были переплетены, полное ужаса лицо вровень с Гарриным было багровым от прилившей к голове крови. У него были снежно-белые волосы и широкая густая борода; он походил на связанного деда Мороза.

— У меня её нет, у меня её больше нет! Её у меня украли, давно, много лет назад!

— Не лги Лорду Волдеморту, Грегорович. Он знает... он всегда знает.

Зрачки подвешенного человека были расширены, в них плескался страх; и они казались всё больше, больше, до тех пор, пока их чернота не поглотила Гарри целиком...

Теперь Гарри спешил тёмным коридором по пятам за толстеньким маленьким Грегоровичем, который бежал, держа фонарь высоко над головой. Грегорович ворвался в комнату в конце коридора, и его фонарь осветил нечто вроде мастерской; в раскачивающемся озерке света сверкали опилки и золото, а на подоконнике примостился, словно птица на жёрдочке, молодой парень с золотыми волосами. В то мгновение, когда свет фонаря осветил его, Гарри увидел восторг, отразившийся на его красивом лице; затем припелец пустил из своей волшебной палочки оглушающее заклятье и кувыркнулся назад из окна, резко расхохотавшись.

И Гарри выбирался назад из этого широкого туннеля зрачков, и перед ним снова было искажённое ужасом лицо Грегоровича.

— *Кто был этот вор, Грегорович?* — спросил высокий холодный голос.

— *Я не знаю, и никогда не знал, молодой мужчина... Нет... пожалуйста... ПОЖАЛУЙСТА!*

Крик всё продолжался и продолжался, и затем вспышка зелёного света...

— *Гарри!*

Гарри открыл глаза, тяжело дыша; его лоб пульсировал. Потеряв сознание, он откинулся на стенку палатки, затем соскользнул по брезенту вниз и распростёрся на земле. Он взглянул вверх на Гермиону, густые волосы которой заслонили кусочек неба, видимый в просвете тёмных ветвей высоко над ними.

— Сон, — заверил он, быстро садясь и пытаясь смотреть в глаза Гермионе с совершенно невинным видом. — Похоже, задремал, извини.

— Я знаю, это был твой шрам! Я это вижу по твоему лицу! Ты заглядывал Вол-...

— Не называй его по имени! — послышался сердитый голос Рона из глубины палатки.

— *Отлично*, — отрезала Гермиона. — Значит, *Сам-Знаешь-Кому* в мысли!

— Я не хотел! — воскликнул Гарри. — Это был сон! *Ты* сама можешь контролировать, что тебе снится, Гермиона?

— Если б ты всё-таки выучился окклюменции...

Но Гарри было неинтересно получать выговоры; он хотел обсудить то, что он только что увидел.

— Он нашёл Грегоровича, Гермиона, и я думаю, он его убил, но прежде чем убить его, он прочёл мысли Грегоровича, и я увидел...

— Я думаю, мне лучше подменить тебя на дежурстве, если ты так устал, что засыпаешь, — холодно произнесла Гермиона.

— Я могу достоять своё дежурство!

— Нет, ты явно вымотался. Иди и ложись.

Она с упрямым видом уселась у входа в палатку. Сердитый, но не желающий ссориться, Гарри пролез внутрь.

По-прежнему бледное лицо Рона высывалось с нижней койки; Гарри вскарабкался на верхнюю, улёгся и начал смотреть вверх, на тёмный брезентовый потолок. Несколько секунд спустя Рон заговорил, достаточно тихо, чтобы его голос не донёсся до Гермионы, скорчившейся у входа.

— И что сейчас делает Сам-Знаешь-Кто?

Гарри закатил глаза, стараясь припомнить каждую деталь, затем прошептал в темноту.

— Он нашёл Грегоровича. Он его связал и стал пытать.

— Как Грегорович сможет сделать ему новую палочку, если он связан?

— Не знаю... Странно, да?

Гарри закрыл глаза, думая обо всём, что он видел и слышал. Чем больше он вспоминал, тем меньше смысла во всём этом находил... Волдеморт ни слова не сказал про Гаррину волшебную палочку, ничего о сердцевинках-близнецах, ничего о том, чтобы Грегорович сделал новую, более мощную волшебную палочку, способную справиться с Гарриной...

– Он что-то хотел от Грегоровича, – произнёс Гарри, не открывая глаз. – Он потребовал отдать это ему, но Грегорович сказал, что это у него украли... а потом... потом...

Гарри припомнил, как он, будучи Волдеморт, словно бы провалился сквозь глаза Грегоровича в его воспоминания...

– Он прочёл память Грегоровича, и я увидел этого парня, сидевшего на подоконнике, и он пнул проклятием в Грегоровича и выпрыгнул. Он украл, он украл то, что нужно Сам-Знаешь-Кому. И я... мне кажется, я его уже где-то видел...

Хотел бы Гарри ещё разок взглянуть на смеющееся лицо того парня. Кража состоялась много лет назад, согласно Грегоровичу. Почему юный ворюшка казался знакомым?

Звуки леса в палатку почти не залетали; единственное, что слышал Гарри, – это дыхание Рона. Через некоторое время Рон прошептал:

– А ты не видел, что у вора было в руках?

– Нет... это, наверно, было что-то маленькое.

– Гарри?

Доски, из которых была сделана койка Рона, скрипнули, когда он повернулся в постели.

– Гарри, а ты не думаешь, что Сам-Знаешь-Кто ищет что-то ещё, из чего можно сделать Хоркракс?

– Не знаю, – медленно ответил Гарри. – Может быть. Но не будет ли для него слишком опасно делать ещё один? Гермиона вроде сказала, что его душа уже и так на пределе?

– Ага, но может, он об этом не знает.

– Ага... может, – поддакнул Гарри.

Он был уверен, что Волдеморт искал способ обойти проблему сердцевинок-близнецов, что Волдеморт искал решения у старого изготовителя волшебных палочек... И вот он его убил, не задав, судя по всему, ни одного вопроса, касающегося палочек.

Что пытается найти Волдеморт? Почему, имея у своих ног Министерство магии и весь магический мир, он находится так далеко, гонясь за предметом, который принадлежал когда-то Грегоровичу и был украден неизвестным вором?

В воображении Гарри всё ещё стояло лицо светловолосого юноши, весёлое, буйное; на нём было совершенно фредо-джорджевое выражение лукавства. Он слетел с подоконника, словно птица, и Гарри определённо видел его раньше, но никак не мог вспомнить где...

Теперь, когда Грегорович был мёртв, в опасности оказался вор с весёлым лицом, и именно о нём думал Гарри, в то время как с нижней койки доносился громкий храп Рона. Постепенно и сам он погрузился в сон.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

МЕСТЬ ГОБЛИНА

На следующее утро, прежде чем проснулись Рон и Гермиона, Гарри выбрался из палатки и обошёл её окрестности в поисках самого старого, самого сучковатого и самого крепкого на вид дерева. Найдя такое дерево, Гарри захоронил под ним глаз Безумного Глаза Муди и пометил это место, нанеся на кору дерева маленький крест своей волшебной палочкой. Конечно, это было немного, но Гарри казалось, что Безумному Глазу это понравилось бы больше, чем торчать в двери кабинета Амбридж. Затем он вернулся к палатке и ждал, пока его спутники проснутся, чтобы обсудить с ними, что им делать дальше.

Гарри и Гермиона считали, что лучше всего не оставаться подолгу на одном месте, и Рон согласился, с единственной оговоркой, что следующее их место назначения будет где-нибудь поблизости от сэндвича с беконом. Поэтому Гермиона отправилась снимать заклятья, наложенные ею на поляну, в то время как Гарри и Рон уничтожали все следы на земле, которые могли бы показать, что они здесь останавливались. Потом они дезаппарировали к окраине маленького торгового городка.

Как только они натянули палатку в укрытой от посторонних глаз маленькой рощице и окружили её свеженаложенными защитными заклятьями, Гарри под плащом-невидимкой совершил вылазку в поисках пропитания. Вылазка, однако, прошла совсем не так, как было запланировано. Едва он вошёл в город, как застыл на месте, ощутив неестественный холод и увидев спускающийся туман и внезапно потемневшее небо.

— Но ты же делаешь классного Патронуса! — протестующе воскликнул Рон, когда Гарри вернулся в палатку с пустыми руками, едва дыша, и с трудом выговорил единственное слово: «дементоры».

— Я не мог... его вызвать, — выговорил он, глотая воздух и прижимая руку к боку. — Он... не пришёл.

При виде испуга и разочарования, написанных на их лицах, Гарри ощутил стыд. Это было просто кошмарно: видеть дементоров, выскальзывающих из тумана вдалеке, и осознавать, ощущая парализующий холод в лёгких и слыша далёкие вскрики, что он не в состоянии себя защитить. Вся Гарриина сила воли потребовалась ему, чтобы выйти из столбняка и убежать прочь, оставив безглазых дементоров скользить между магглами, которые не могли их видеть, но, несомненно, ощущали исходящее от них ощущение безнадёжности.

— Стало быть, у нас по-прежнему нет еды.

— Да заткнись ты, Рон, — отрезала Гермиона. — Гарри, но что случилось? Почему ты думаешь, что ты не мог вызвать своего Патронуса? Вчера тебе здорово удалось!

— Я не знаю.

Он плюхнулся в одно из старых кресел Пёркинса, чувствуя ещё большее унижение, чем раньше. Он боялся, что что-то неладное происходит в нём самом. Вчерашний день, казалось,

прошёл вечность назад; а сегодня ему словно опять было тринадцать лет, и он был единственным, кто потерял сознание в Хогвартс-экспрессе.

Рон пнул ножку стула.

– Ну что? – рывкнул он на Гермиону. – Я умираю с голоду! С тех пор, как я истёк кровью до полусмерти, я съел только пару поганок!

– Тогда иди и сам проходи через дементоров, – предложил уязвлённый Гарри.

– Я бы пошёл, да у меня рука на перевязи, на случай если ты не заметил!

– Это очень удобно.

– И что ты этим хочешь?..

– Ну конечно же! – вскричала Гермиона, хлопнув себя ладонью по лбу и мгновенно заткнув их обоих. – Гарри, дай мне медальон! Ну давай же, – нетерпеливо добавила она, щёлкая пальцами, когда увидела, что он не реагирует. – Хоркракс, Гарри, он всё ещё на тебе!

Она вытянула вперёд руки, и Гарри стянул золотую цепочку со своей головы. В тот момент, когда медальон отделился от кожи, Гарри ощутил в теле свободу и странную лёгкость. Он сам не признавал, каким он был заторможенным и какой тяжёлый груз давил ему на живот, пока оба эти ощущения не прекратились.

– Лучше стало? – спросила Гермиона.

– Да, намного!

– Гарри, – произнесла она, склонившись над ним, таким голосом, словно была у постели тяжело больного, – ты не думаешь, что он тобой овладел, нет?

– Что? Нет! – оправдывающимся тоном ответил он. – Я помню всё, что мы делали, пока я его носил. Если бы мной овладели, я бы не знал, что я делал, так? Джинни говорила мне, что в некоторые моменты она вообще ничего не помнила.

– Хм, – сказала Гермиона, глядя сверху вниз на тяжёлый медальон. – Что ж, похоже, нам нельзя его носить. Мы можем просто оставлять его в палатке.

– Мы не будем оставлять Хоркракс где-либо, – твёрдо заявил Гарри. – Если мы его потеряем, если его украдут...

– Ох, ну ладно, ладно, – Гермиона надела медальон себе на шею и спрятала под рубашку. – Но мы будем носить его по очереди, чтобы никто не держал его при себе слишком долго.

– Отлично, – раздражённо произнёс Рон. – А теперь, когда мы решили этот вопрос, нельзя ли нам достать немного еды?

– Конечно, но нам придётся для этого пойти куда-то ещё, – ответила Гермиона, покосившись на Гарри. – Нет смысла оставаться здесь, где мы точно знаем, что вокруг полно дементоров.

В итоге они остановились на ночь в отдалённом поле при одинокой ферме, в которой им удалось достать хлеба и яиц.

– Это ведь не кража, нет? – озабоченным голосом спросила Гермиона, когда они уничтожали омлет с тостами. – Я же оставила немного денег под курятником, верно?

Рон закатил глаза и промычал сквозь набитый рот:

– Эмыона, ‘ы слышном мноа бешпаковыша. ‘Ашшьябша!

Действительно, теперь, когда они насытились, расслабиться стало намного проще. Воспоминания об их спорах касательно дементоров утонули в смехе, и Гарри заступил на первую из трёх ночных вахт в приподнятом настроении и даже с чувством надежды.

Это был первый раз, когда они ощутили на себе, что сытый желудок означает хорошее настроение, а голодный – уныние и стычки по пустякам. Гарри был этому удивлён меньше других, поскольку у Дёрзли ему случалось голодать довольно продолжительные отрезки времени. Гермиона в те ночи, когда им удавалось перехватить лишь ягоды или чёрствы́е бисквиты, держалась более-менее неплохо, разве что была чуть более вспыльчивой, а её молчание – более угрюмым. Рон, однако, привык вкусно питаться три раза в день благодаря кулинарному искусству его матери и хогвартских домовых эльфов, и от голода он становился раздражительным и безрассудным. Всякий раз, когда отсутствие пищи совпадало с очередью Рона носить Хоркракс, он был совершенно невыносим.

«Ну и куда теперь?» стало его постоянным рефреном. У него самого, судя по всему, идей не было, но он требовал, чтобы Гарри и Гермиона обсуждали свои планы, пока он сидел и мрачно размышлял о плохом питании. Соответственно, Гарри и Гермиона проводили многие часы в бесплодных попытках определить, где они могут найти другие Хоркраксы и как уничтожить тот единственный, который у них уже был. Вскоре разговоры их стали всё больше и больше повторяться, ибо новой информации у них не было.

Поскольку Дамблдор поведал Гарри, что, по его мнению, Волдеморт прятал Хоркраксы в местах, значимых для него, они раз за разом проговаривали, словно тоскливую литанию, все те места, о которых они знали, что Волдеморт там жил или бывал. Приют, где он родился и вырос, Хогвартс, где он получил образование, магазин Боргина и Бёркса, где он работал по окончании школы, и, наконец, Албания, где он провёл годы своего изгнания: эти места служили основой для всех их предположений.

– Ага, пошли в Албанию. Обшарить всю страну – мы в полдня уложимся, – саркастически заявил Рон.

– Там ничего не может быть. Он уже создал пять Хоркраксов, прежде чем ушёл в изгнание, а Дамблдор был убеждён, что шестой – змея, – ответила Гермиона. – Мы знаем, что змея не в Албании, она обычно вместе с Вол-...

– *Я же говорил не называть его по имени!*

– Отлично! Змея обычно с *Сам-Знаешь-Кем* – доволен?

– Не особо.

– Не могу представить себе, чтобы он что-либо спрятал у Боргина и Бёркса, – произнёс Гарри; этот аргумент он уже высказывал многократно, но повторил вновь просто чтобы нарушить неприятное молчание. – Боргин и Бёркс были экспертами по Тёмным артефактам, они бы распознали Хоркракс в одно мгновение.

Рон демонстративно зевнул. Подавив сильное желание чем-нибудь в него запустить, Гарри продолжил гнуть свою линию:

– Я по-прежнему думаю, что он мог спрятать что-либо в Хогвартсе.

Гермиона вздохнула.

– Но тогда Дамблдор это уже нашёл бы, Гарри!

Гарри повторил аргумент, который он всё время приводил в защиту своей теории.

– Дамблдор прямо перед моим носом говорил, что он не считает, что ему известны все секреты Хогwartса. Я вам говорю, если и было место, которое Вол-...

– Э!

– САМ-ЗНАЕШЬ-КТО! – выйдя из себя, прокричал Гарри. – Если и было место, действительно значимое для Сам-Знаешь-Кого, то это Хогwartс!

– Ой, ну ладно, – фыркнул Рон. – Его *школа*?

– Да, его школа! Здесь он впервые по-настоящему был дома, это место было символом того, что он особенный, оно значило для него всё, и даже после того, как он ушёл...

– Это мы сейчас о Сам-Знаешь-Ком говорим, да? А не о тебе? – поинтересовался Рон. Он натянул цепочку с Хоркраксом на своей шее; Гарри ощутил мгновенный приступ желания ухватиться за эту цепочку и придушить его.

– Ты рассказывал нам, что Сам-Знаешь-Кто просил Дамблдора дать ему работу в школе уже после того, как он ушёл, – сказала Гермиона.

– Верно, – кивнул Гарри.

– И Дамблдор думал, что он хотел вернуться только для того, чтобы попытаться найти что-то, возможно ещё один предмет, принадлежавший основателям Хогwartса, чтобы превратить в очередной Хоркракс?

– Ага.

– Но он ведь не получил работу, верно? Значит, у него не было возможности найти там реликвию создателей Хогwartса и спрятать его в школе!

– Ну ладно, – признал поражение Гарри. – Забудем о Хогwartсе.

В отсутствие каких-либо других идей они заглянули в Лондон и, скрываясь под плащом-невидимкой, стали разыскивать приют, в котором вырос Волдеморт. Гермиона пробралась в библиотеку и нашла там информацию, что здание приюта было снесено много лет назад. Они посетили это место и обнаружили офисное строение.

– Может, покопаться под фундаментом? – без особого энтузиазма предложила Гермиона.

– Он не мог спрятать здесь Хоркракс, – сказал Гарри. Он всегда это знал: приют был тем местом, из которого Волдеморт не мог не вырваться; он никогда бы не спрятал частицу своей души здесь. Дамблдор продемонстрировал Гарри, что Волдеморт при выборе мест для укрытия Хоркраксов стремился к величию и мистике. А этот унылый, серый уголок Лондона был самой полной, какую только можно было вообразить, противоположностью Хогwartса, или Министерства, или здания типа Гринготтса, колдовского банка с его золотыми дверями и мраморными полами.

Даже не имея новых идей, они продолжали перемещаться по стране, для безопасности устанавливая палатку всякий раз на новом месте. Каждое утро они старательно уничтожали все следы своего пребывания, после чего отчаливали в поисках нового уединённого и скрытого местечка, переносясь аппарированием в леса, в затенённые расщелины скал, в фиолетовые вересковые пустоши, в заросшие багульником предгорья, а один раз – в каменистую пещеру. Приблизительно через каждые двенадцать часов они передавали друг

другу Хоркракс, словно играя в какой-то извращённый, замедленный вариант игры в «передай свёрток» и при этом боясь, что музыка прекратится, поскольку наградой были двенадцать часов страха и беспокойства.

Гаррин шрам периодически покалывало. Он заметил, что это происходит чаще, когда он носит Хоркракс. Иногда он не мог скрыть боль.

– Что? Что ты видел? – расспрашивал Рон всякий раз, когда замечал, что Гарри вздрагивает.

– Лицо, – бормотал в ответ Гарри. – Всё то же лицо. Вор, обокравший Грегоровича.

И Рон отворачивался, даже не пытаясь скрыть разочарование. Гарри знал, что Рон надеялся услышать новости о своей семье или об остальных членах Ордена Феникса, но, в конце концов, он, Гарри, не был телевизионной антенной; он мог видеть только то, о чём в данный момент думает Волдеморт, он не мог подрегулировать свои видения к той теме, которая ему нравилась. Волдеморт, очевидно, не переставая думал о незнакомом юноше с весёлым лицом, имя и местонахождение которого, Гарри не сомневался, известны Волдеморту не лучше, чем Гарри. Гаррин шрам продолжал гореть, а весёлый светловолосый парень всё время издевательски плавал у него перед глазами; Гарри научился успешно подавлять все признаки боли и дискомфорта, поскольку его спутники при упоминании вора выказывали не более чем раздражение. И он не мог их в этом винить, они-то отчаянно ждали, чтобы он их повёл к Хоркраксам.

Дни складывались в недели, и Гарри начал подозревать, что Рон и Гермиона разговаривают о нём в его отсутствие. Несколько раз они внезапно прекращали беседу, когда он входил в палатку, а дважды он нечаянно натёкался на них, сидящих пригнувшись голова к голове на некотором расстоянии от палатки и о чём-то быстро переговаривающихся; оба раза они замолкали, едва осознав его приближение, и поспешно делали вид, что собирают дрова или идут за водой.

Гарри размышляя, не согласились ли они идти с ним в это, как сейчас казалось, бессмысленное и бесцельное путешествие лишь потому, что они думали, что у него есть какой-то секретный план, о котором они должны будут узнать в процессе его выполнения. Рон даже не пытался скрыть своего плохого настроения, и Гарри начал опасаться, что и Гермиона также была разочарована его плохими лидерскими качествами. В отчаянии он пытался думать о местонахождении других Хоркраксов, но в голову ему по-прежнему приходил лишь Хогвартс, а поскольку оба его спутника не считали этот вариант возможным, Гарри перестал его предлагать.

Пока они скитались по стране, прокатилась осень. Теперь они устанавливали палатку на кучах палой листвы. Туманы естественного происхождения присоединились к тем, что были произведены дементорами; ветер и дождь также добавились к списку проблем. То обстоятельство, что Гермионе всё лучше удавалось отличать съедобные грибы от несъедобных, в целом не могло компенсировать их постоянную изоляцию, недостаток общества других людей и полное отсутствие информации о том, как идёт война против Волдеморты.

– Моя мать, – произнёс Рон однажды вечером, когда они сидели в палатке на берегу реки где-то в Уэльсе, – умеет доставать вкусную еду прямо из ниоткуда.

Он уныло потыкал в серые куски подгоревшей рыбы на своей тарелке. Гарри автоматически глянул на шею Рона и, как и ожидал, увидел на ней блестящую золотую цепочку Хоркракса. Ему удалось подавить приступ желания выругаться в адрес Рона – он знал, что настроение Рона немного улучшится, когда придёт время снимать медальон.

– Твоя мать не может доставать еду из ниоткуда, – заявила Гермиона. – И никто не может. Еда – первое из пяти Главных Исключений Закона Гампа об Элементальной Трансфигура-...

– Ох, а по-английски нельзя? – поинтересовался Рон, вытаскивая рыбью кость, застрявшую у него между зубов.

– Невозможно создать хорошую еду из ничего! Можно её призвать, если ты знаешь, где она, можно её трансформировать, можно увеличить её количество, если у тебя уже немного есть...

– ...только не старайся увеличить *это*, она ужасна, – перебил Рон.

– Гарри поймал рыбу, а я сделала с ней всё, что могла! Я заметила, что именно я в конечном итоге всегда готовлю еду; сдаётся мне, это потому, что я *девушка*!

– Не, это потому, что ты вроде как лучшая по части магии! – отбрил Рон.

Гермиона вскочила, и кусочки жареной щуки соскользнули на пол с её оловянной тарелки.

– Завтра *ты* будешь готовить, Рон, *ты* будешь искать ингредиенты, а потом превращать их во что-то, что можно есть, а я буду сидеть здесь, и корчить рожи, и стонать, и ты увидишь, какой ты...

– Утихни! – выкрикнул Гарри, вскочив на ноги и подняв обе руки вверх. – Замолчи *сейчас же*!

Гермиона была просто в ярости.

– Как ты можешь с ним соглашаться, он хоть раз бы занялся готов-...

– Гермиона, помолчи, я слышу кого-то!

Гарри вслушивался изо всех сил, по-прежнему держа руки поднятыми вверх, предупреждая Рона и Гермиону, чтобы они молчали. Сквозь говор чёрной речной воды голоса донеслись вновь. Он глянул на хитроскоп. Тот стоял неподвижно.

– Ты наложила на нас *Маффлиато*, да? – шёпотом спросил он у Гермионы.

– Я всё наложила, – прошептала она в ответ. – *Маффлиато*, Маглоотталкивающие и Образумные чары, всё. Они не должны нас слышать и видеть, кто бы они ни были.

Тяжёлые скребущие звуки и вдобавок шум потревоженных камней и веток позволили им определить, что несколько человек спускаются по крутому, заросшему деревьями склону к узкой прибрежной полосе, где они натянули палатку. Все трое извлекли волшебные палочки и стали ждать. Заклятий, наложенных ими вокруг себя, должно было хватить для того, чтобы скрыть их от маглов или обычных ведьм и колдунов, тем более в почти полной темноте. Если же это были Пожиратели Смерти, то, вероятнее всего, их защите впервые предстояло пройти проверку Тёмной магией.

Когда группа людей достигла берега, голоса стали громче, но не более разборчивыми. Гарри оценил расстояние до людей менее чем в двадцать футов, но из-за журчания реки он не мог быть уверенным. Гермiona схватила свою бисерную сумочку и стала рыться в ней; мгновение спустя она извлекла три Ушлых Уха и кинула по шутке Гарри и Рону; те поспешно вставили концы телесного цвета струн в уши и вывели противоположные концы за вход палатки.

Несколько секунд спустя Гарри услышал усталый мужской голос.

— Здесь должны водиться лососи, или ты думаешь, для них ещё рановато? *Асйо лосось!*

Раздались несколько отчётливых всплесков и затем шлепки рыбы о ладонь. Кто-то издал одобрительное ворчание. Гарри сильнее воткнул Ушное Ухо в своё собственное: через шёпот реки он мог различить ещё голоса, но они говорили не по-английски и вообще не на каком-либо человеческом языке, который ему доводилось слышать. Это был грубый и немелодичный язык, сплошной поток трещащих и гортанных звуков, и говорящих было, похоже, двое, один говорил чуть тише и медленнее, чем другой.

Снаружи взметнулся огонь; между палаткой и пламенем легли тени. В сторону палатки пополз дразнящий аромат жарящегося лосося. Затем послышался лязг столовых приборов по тарелкам, и первый мужчина вновь заговорил.

— Держите, Грипхук⁵³, Горнук.

Гоблины, одним ртом произнесла Гермiona в сторону Гарри; тот кивнул.

— Спасибо, — в унисон ответили гоблины по-английски.

— Значит, вы трое были в бегах, и сколько времени? — спросил новый голос, приятный и мелодичный; этот голос был смутно знаком Гарри, тот сразу же представил себе пузатого человека с добродушным лицом.

— Шесть недель... или семь... Не помню, — ответил обладатель усталого голоса. — Наткнулся на Грипхука в первые же дни, с Горнуком объединились вскоре после. Всегда приятно иметь компанию, — разговор прервался, некоторое время был слышен лишь скрип ножей о тарелки и звук поднимаемых и опускаемых на землю кружек. — А ты почему сбежал, Теда? — продолжил тот же человек.

— Знал, что они за мной придут, — ответил обладатель мелодичного голоса по имени Теда, и Гарри внезапно понял, кто это: отец Тонкс. — Услышал на прошлой неделе, что Пожиратели Смерти появились в наших местах, и решил, что лучше мне уйти. Я, понимаешь, из принципа отказался регистрироваться как магглорождённый, так что я знал, что это дело времени, знал, что в конце концов мне придётся уйти. А с моей женой всё будет нормально, она чистокровная. А потом я повстречал Дина, когда, несколько дней назад, да, сынок?

— Ага, — ответил ещё один голос, и Гарри, Рон и Гермiona переглянулись. Они не произнесли ни слова, но все трое были вне себя от возбуждения, ибо безошибочно распознали голос Дина Томаса, их однокурсника-гриффиндорца.

— Маглорождённый, э? — спросил первый мужчина.

⁵³ Griphook. Grip – захватить, hook – крюк. Имя гоблина переводится примерно как «Держащий крюк».

– Я не уверен, – ответил Дин. – Мой папа бросил маму, когда я был ребёнком. Но у меня всё равно нет доказательств, что он колдун.

На некоторое время вновь воцарилось молчание, прерываемое лишь жующими звуками; затем Тед снова заговорил.

– Должен сказать, Дёрк, я удивился, когда на тебя наткнулся. Рад был, но удивился. Ходили слухи, что тебя поймали.

– Меня поймали, – подтвердил Дёрк. – Я был уже на полпути к Азкабану, когда мне удалось сбежать – я оглушил Долиша и забрал его метлу. Это было проще, чем кажется – сдаётся мне, он в тот момент был слегка не в себе. Возможно, был Запутан. Если так, хотел бы я пожать руку ведьме или колдуну, который это сделал, вероятно, он спас мне жизнь.

Снова повисла пауза, заполняемая треском костра и журчанием реки. Затем Тед сказал:

– А вы двое как оказались в нашем положении? У меня, эээ, сложилось впечатление, что гоблины в целом были за Сами-Знаете-Кого.

– У вас сложилось ложное впечатление, – ответил гоблин с более высоким голосом. – Мы ни на чьей стороне. Это война колдунов.

– А как тогда получилось, что вы в бегах?

– Я счёл это разумным, – произнёс гоблин с более глубоким голосом. – Будучи вынужден отклонить то, что я расценил как в высшей степени неуместное требование, я пришёл к выводу, что моя персональная безопасность находится под угрозой.

– А что они потребовали от тебя? – спросил Тед.

– Выполнения обязанностей, несовместимых с достоинством моего народа, – ответил гоблин более грубым и менее человеческим голосом, чем раньше. – Я не домовый эльф.

– А ты, Грипхук?

– Примерно то же самое, – ответил гоблин с высоким голосом. – Гринготтс более не контролируется полностью моим народом. Я не признаю хозяина-колдуна, – он добавил вполголоса несколько слов на гоббледикуе, и Горнук рассмеялся.

– А в чём шутка? – поинтересовался Дин.

– Он сказал, – ответил Дёрк, – что есть вещи, которых колдуны тоже не могут распознать.

Повисла короткая пауза.

– Не понял, – произнёс Дин.

– Прежде чем уйти, я устроил маленькую месть, – по-английски пояснил Грипхук.

– Человече – то есть гоблин, мне следовало сказать, – поспешно поправился Тед. – Уже не запер ли ты случайно Пожирателя Смерти в одном из ваших древних сверхнадёжных хранилищ, а?

– Если бы и запер, меч бы не помог ему вырваться оттуда, – ответил Грипхук. Горнук снова рассмеялся, и даже Дёрк издал сухой смешок.

– Мы с Дином всё ещё не очень понимаем, – сказал Тед.

– Так же как и Северус Снейп, хотя он и не знает об этом, – издевательски произнёс Грипхук, и оба гоблина залились злорадным смехом.

Внутри палатки Гарри едва дышал от возбуждения; он и Гермиона смотрели друг на друга, вслушиваясь так усердно, как только могли.

– Ты разве не слышал об этом, Тед? – спросил Дёрк. – О детишках, которые пытались выкрасть меч Гриффиндора из кабинета Снейпа в Хогвартсе?

Через тело Гарри словно прошёл разряд тока, пронзив каждый его нерв; он стоял на месте, не в силах пошевелиться.

– Ни слова не слышал, – ответил Тед. – В «Пророке» не было, не так ли?

– Да уж наверно, – хмыкнул Дёрк. – Мне рассказал Грипхук, а он услышал об этом от Билла Уизли, который работает в банке. Одним из детей, пытавшихся забрать меч, была младшая сестра Билла.

Гарри кинул взгляд на Рона и Гермиону; они оба цеплялись за Ушлые Уши, как утопающий за соломинку.

– Она и с ней ещё пара дружков забрались в кабинет Снейпа и разбили стеклянный шкафчик, в котором он, видимо, хранил меч. Снейп поймал их, когда они пытались унести его по лестнице.

– А, дай бог им здоровья, – произнёс Тед. – О чём они думали – что смогут проткнуть этим мечом Сами-Знаете-Кого? Или самого Снейпа?

– Ну, в общем, что бы они там ни думали с ним сделать, Снейп решил, что этот меч находится не в самом безопасном месте. Через пару дней, видимо, как только он получил отмашку Сами-Знаете-Кого, он отослал его в Лондон, чтобы поместить в Гринготтс.

Гоблины снова начали хохотать.

– Я всё равно не понимаю шутки, – сказал Тед.

– Это подделка, – проскрипел Грипхук.

– Меч Гриффиндора!

– О да. Это копия – отличная копия, на самом деле, – но его сделали колдуны. Оригинал был выкован века назад гоблинами, и он имеет определённые свойства, которыми обладают только доспехи гоблинской работы. Уж не знаю, где сейчас настоящий меч Гриффиндора, но определённо не в хранилище Гринготтса.

– Понятно, – произнёс Тед. – И я так понимаю, что ты не счёл нужным сообщать это Пожирателям Смерти?

– Я не видел причин беспокоить их этой информацией, – самодовольно сказал Грипхук, и на этот раз Тед и Дин присоединились к смеху Горнука и Дёрка.

Внутри палатки Гарри закрыл глаза, заклиная кого-нибудь задать вопрос, на который он должен был получить ответ, и спустя минуту, которая показалась ему десятью, Дин подчинился; в конце концов, он тоже (Гарри вспомнил это со вспышкой ревности) ухаживал за Джинни.

– А что случилось с Джинни и остальными? С теми, кто пытался его украсть?

– О, их жестоко наказали, – индифферентно произнёс Грипхук.

– Но с ними всё нормально? – быстро спросил Тед. – Я имею в виду, в семье Уизли и без того достаточно покалеченных детей?

– Они не были серьёзно травмированы, насколько мне известно, – сказал Грипхук.

– Повезло им, – заметил Тед. – С послужным списком Снейпа, думается мне, нам следует радоваться уже тому, что они живы.

– Ты, стало быть, веришь этой истории, Тед? – поинтересовался Дёрк. – Ты веришь, что Снейп убил Дамблдора?

– Конечно, верю, – ответил Тед. – Надеюсь, ты не собираешься мне тут говорить, что считаешь, что Поттер к этому приложил руку?

– Никогда не знаешь, чему верить в эти дни, – пробормотал Дёрк.

– Я знаю Гарри Поттера, – вмешался Дин. – И я думаю, он на самом деле этот самый – Избранный, или как там это ещё называют.

– Да, куча народу хотела бы поверить в это, сынок, – произнёс Дёрк, – и я в том числе. Но где он? Сбежал, судя по всему. Можно было бы предположить, что если б он знал что-нибудь, чего мы не знаем, или в нём было бы что-то такое особенное, он бы сейчас дрался, собирал вокруг себя сопротивление, вместо того чтобы прятаться. И, знаешь ли, «Пророк» писал про него чертовски убедительные статьи...

– «Пророк»? – фыркнул Тед. – Ты заслуживаешь того, чтоб тебе врал, если до сих пор читаешь это дерьмо, Дёрк. Тебе нужны факты – попробуй «Придиру».

Раздался взрыв кашля и хриплых звуков, сопровождаемых многочисленными хлопками: судя по всему, Дёрк подавился рыбьей костью. Наконец он с трудом проговорил:

– «Придиру»? Эту безумную салфетку Ксено Лавгуда?

– Сейчас он уже не безумный, – возразил Тед. – Тебе надо бы на него взглянуть. Ксено печатает всё, что игнорирует «Пророк», и в прошлом номере не было ни единого упоминания морщерогого храпстера. Правда, сколько ещё они позволят ему выходить сухим из воды, я не знаю. Но Ксено пишет на первой странице каждого номера, что каждый, кто против Сам-Знаешь-Кого, должен сделать помощь Гарри Поттеру своим главным приоритетом.

– Трудно помогать парню, который пропал с лица земли, – проворчал Дёрк.

– Слушай, само то, что они его до сих пор не поймали, – уже чертовски большое достижение, – сказал Тед. – Я лично с удовольствием взял бы у него пару уроков. Мы же именно это и стараемся сделать, остаться на свободе, э?

– Ну... да, в этом ты прав, – неохотно признал Дёрк. – При том, что его ищет всё Министерство и все их информаторы, можно было бы ожидать, что его бы уже давно поймали. Кстати, не может ли быть так, что его уже поймали и убили, просто не стали публиковать?

– Э, не говори так, Дёрк, – пробормотал Тед.

Вновь потянулось молчание, прерываемое лишь клацаньем ножей и вилок. Когда разговор возобновился, началось обсуждение, стоит ли остаться на ночлег на берегу или же лучше подняться обратно вверх по лесистому откосу. Решив, что деревья дадут лучшее укрытие, они погасили огонь и стали карабкаться вверх. Их голоса быстро угасли.

Гарри, Рон и Гермиона смотали Ушлые Уши. Гарри, которому тем труднее удавалось молчать, чем дольше они подслушивали, теперь не мог найти иных слов, кроме «Джинни... меч...»

– Я знаю! – воскликнула Гермиона.

Она бросилась к маленькой бисерной сумочке и погрузила туда руку до самой подмышки.

– Вот... он... где... – сквозь зубы процедила она и потянула за что-то, находящееся, видимо, в самой глубине сумочки. Медленно в поле зрения появился край разукрашенной картинной рамы. Гарри поспешил ей помочь. Пока они высвобождали пустой портрет Финеаса Найджеллуса из сумочки Гермионы, она держала свою волшебную палочку нацеленной на него, готовая в любой момент произвести заклинание.

– Если кто-то подменил настоящий меч на подделку, пока он находился в кабинете Дамблдора, – пропыхтела она, когда они прислонили картину к стенке палатки, – Финеас Найджеллус должен был это увидеть, он висит совсем рядом со шкафчиком!

– Если только он не спал, – пробормотал Гарри, но всё же затаил дыхание, когда Гермиона опустилась на колени перед пустым холстом, нацелив волшебную палочку на его середину, прокашлялась и произнесла:

– Э... Финеас? Финеас Найджеллус?

Ничего не произошло.

– Финеас Найджеллус? – повторила Гермиона. – Профессор Блэк? Не могли бы вы с нами поговорить? Пожалуйста?

– «Пожалуйста» всегда помогает, – ответил холодный ехидный голос, и Финеас Найджеллус прошмыгнул в свой портрет. В то же мгновение Гермиона прокричала: «*Obscuro!*»

Чёрная повязка возникла прямо поверх хитрых тёмных глаз Финеаса Найджеллуса, заставив его врезаться в раму и вскрикнуть от боли.

– Что... как вы смеете... что вы?..

– Извините меня, пожалуйста, профессор Блэк, – произнесла Гермиона, – но эта мера была необходимой!

– Немедленно уберите это гнусное нововведение! Уберите, кому говорят! Вы портите великое произведение искусства! Где я? И что происходит?

– Неважно, где мы, – сказал Гарри, и Финеас Найджеллус замер на месте, оставив попытки освободиться от нарисованной повязки.

– Уж не слышу ли я случайно голос неуловимого мистера Поттера?

– Возможно, – ответил Гарри, зная, что это поддержит интерес Финеаса Найджеллуса. – У нас есть пара вопросов, которые мы бы хотели вам задать – насчёт меча Гриффиндора.

– А, – протянул Финеас Найджеллус, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону в надежде краем глаза увидеть Гарри из-под повязки, – да. Эта глупая девчонка действовала совершенно неразумно...

– Заткнитесь насчёт моей сестры, – грубо перебил Рон. Финеас Найджеллус поднял свои надменные брови.

– Кто ещё здесь? – спросил он, поворачивая голову из стороны в сторону. – Ваш тон мне не нравится! Девчонка и её дружки были в высшей степени глупы. Красть у директора!

– Они не крали, – заявил Гарри. – Этот меч не принадлежит Снейпу.

– Он принадлежит школе профессора Снейпа, – возразил Финеас Найджеллус. – Какое право на него имела девчонка Уизли? Она заслужила своё наказание, так же как и этот идиот Лонгботтом и чокнутая Лавгуд!

– Невилл не идиот, и Луна не чокнутая! – воскликнула Гермиона.

– Где я? – повторил Финеас Найджеллус, снова начав бороться с повязкой. – Куда вы меня притащили? Почему вы забрали меня из дома моих предков?

– Не имеет значения! Как Снейп наказал Джинни, Невилла и Луну? – настойчиво спросил Гарри.

– *Профессор* Снейп послал их в Запретный Лес, делать какую-то работу для этого дуба Хагрида.

– Хагрид не дуб! – взвизгнула Гермиона.

– А Снейп, может, и думал, что это наказание, – сказал Гарри, – но Джинни, Невилл и Луна, вероятно, здорово посмеялись вместе с Хагридом. Запретный Лес... Они встречались с кучей вещей похуже, чем Запретный Лес, тоже мне!

Он чувствовал облегчение; он-то воображал всякие ужасы, в лучшем случае проклятие Крусиатус.

– Что мы на самом деле хотели узнать, профессор Блэк, это не случилось ли кому-нибудь ещё... э... забирать меч? Может быть, его забирали для чистки или... или ещё для чего-нибудь?

Финеас Найджеллус вновь прекратил на время сражаться с повязкой и усмехнулся.

– *Маглорождённые*, – проговорил он. – Доспехи гоблинской работы не нуждаются в чистке, глупая девчонка. Гоблинское серебро отталкивает земную грязь, принимая лишь то, что усиливает его.

– Не называйте Гермиону глупой, – потребовал Гарри.

– Я устал от перебранки, – произнёс Финеас Найджеллус. – Может быть, мне пора вернуться в кабинет директора?

Всё ещё ослеплённый повязкой, он принялся ощупывать край рамы, пытаясь найти выход из картины и перебраться в хогвартский портрет. Гарри внезапно посетило вдохновение.

– Дамблдор! Вы можете привести к нам Дамблдора?

– Не понял? – переспросил Финеас Найджеллус.

– Портрет профессора Дамблдора – не могли бы вы привести его сюда, в ваш портрет?

Финеас Найджеллус повернул голову в сторону, откуда исходил Гарриин голос.

– Очевидно, не одни только маглорождённые – невежды, Поттер. Портреты Хогвартса могут общаться между собой, но они не могут путешествовать вне замка, за исключением визитов в их же портреты, висящие в других местах. Дамблдор не может прийти сюда вместе со мной, а после того, как вы здесь со мной обращаетесь, я могу вас заверить, что тоже не буду спешить с повторным визитом!

Слегка разочарованный, Гарри смотрел, как Финеас с удвоенной силой пытается уйти из портрета.

– Профессор Блэк, – сказала Гермиона, – не могли бы вы сказать нам только одну вещь, *пожалуйста*, когда в последний раз меч вынимали из его шкафчика? Прежде чем его вынула Джинни, я имею в виду?

Финеас раздражённо хрюкнул.

– Думаю, последний раз, когда я видел этот меч вне своего шкафчика, – это было, когда профессор Дамблдор использовал его, чтобы разрубить кольцо.

Гермиона резко развернулась на месте и посмотрела на Гарри. Оба они не осмелились произнести в присутствии Финеаса Найджеллуса ещё хоть слово. А тому наконец-то удалось нащупать выход.

– Ну, спокойной всем ночи, – слегка ядовито попрощался он и начал исчезать за краем рамы. Лишь край его шляпы оставался виден, когда Гарри внезапно крикнул.

– Погодите! А Снейпу вы рассказали, что видели это?

Финеас Найджеллус просунул свою голову в повязке обратно в картину.

– У профессора Снейпа есть более важные вещи для размышления, чем многочисленные странности Альбуса Дамблдора. *До свидания*, Поттер!

И с этими словами он исчез окончательно, оставив позади себя лишь тёмный задник.

– Гарри! – закричала Гермиона.

– Я знаю! – закричал Гарри в ответ. Не в силах контролировать себя, он ударил кулаком по воздуху: это было больше, чем он осмеливался надеяться. Он расхаживал взад и вперёд по палатке, чувствуя, что сейчас мог бы пробежать милью; даже голода он больше не ощущал. Гермиона запиховала портрет Финеаса Найджеллуса обратно в бисерную сумочку; защёлкнув застёжку, она отшвырнула сумочку в сторону и подняла сияющее лицо к Гарри.

– Меч может уничтожать Хоркраксы! Гоблинские клинки принимают лишь то, что их усиливает, – Гарри, этот меч пропитан ядом василиска!

– И Дамблдор не отдал его мне, потому что он всё ещё был ему нужен, он хотел испытать его на медальоне...

– ...и он наверняка понял, что они не отдадут его тебе, если он включит его в своё завещание...

– ...и поэтому он сделал копию...

– ...и поместил подделку в стеклянный шкафчик...

– ...а настоящий он оставил... где?

Они уставились друг на друга; Гарри чувствовал, что невидимый ответ висит где-то над ними, издевательски близко. Почему Дамблдор ему не рассказал? Или же он на самом деле рассказал, просто Гарри не осознал этого в тот момент?

– Думай! – прошептала Гермиона. – Думай! Где он мог его оставить?

– Не в Хогвартсе, – произнёс Гарри, снова начав нарезать круги по палатке.

– Может, где-то в Хогсмиде? – предположила Гермиона.

– Визжащая Хижина? – сказал Гарри. – Туда никто не ходит.

– Но Снейп знает, как туда попасть, не было ли это немного рискованно?

– Дамблдор доверял Снейпу, – напомнил ей Гарри.

– Не настолько, чтоб сказать ему, что он поменял мечи, – возразила Гермиона.

– Точно, ты права! – воскликнул Гарри; его настроение ещё больше улучшилось при мысли, что Дамблдор всё-таки имел некоторые сомнения, хотя и слабые, в отношении того, насколько можно доверять Снейпу. – Тогда, значит, он спрятал меч где-то за пределами Хогсмйда? Как ты считаешь, Рон? Рон?

Гарри огляделся. В какой-то момент ему показалось, что Рон вышел из палатки, затем он понял, что Рон с каменным лицом лежит в тени нижней койки.

– О, вспомнили обо мне, да? – произнёс он.

– Что?

Рон фыркнул, глядя снизу на верхнюю койку.

– Вы продолжайте. Не хочу портить вам веселье.

Ошеломлённый, Гарри взглянул на Гермиону, ожидая поддержки, но она качала головой, явно столь же поражённая, как и он.

– В чём проблема? – поинтересовался Гарри.

– Проблема? Нет никакой проблемы, – ответил Рон, по-прежнему отказываясь смотреть на Гарри. – По крайней мере, с твоей точки зрения.

С брезента над их головами послышалось несколько «*кап*». Начался дождь.

– Ну, у тебя определённо проблема, – сказал Гарри. – Давай выкладывай.

Рон перекинул свои длинные ноги через край кровати и уселся. Лицо его было злобным, непохожим на обычное.

– Отлично, я её выложу. Не рассчитывай, что я тут буду скакать по всей палатке из-за того, что нам теперь нужно найти ещё одну чёртову штуковину. Просто добавь её к общему списку того, что ты не знаешь.

– Я не знаю? – повторил Гарри. – Я не знаю?

Кап, кап, кап: дождь всё усиливался; он застучал по устланному листвой берегу вокруг них; из темноты до них донеслась дробь капель по воде реки. Ужас притушил Гарриную радость: Гарри подозревал и боялся, что Рон думает в точности то, что он сейчас говорил.

– Не то чтобы я ненавидел такую жизнь, – сказал Рон, – ну ты знаешь, с раненой рукой, и когда нечего жрать, и задница каждую ночь отмерзает. Я только надеялся, понимаешь, после того, как мы отбегали так несколько недель, что мы чего-то достигнем.

– Рон, – сказала Гермиона, но настолько тихо, что Рон легко смог притвориться, что не расслышал её голоса сквозь барабанную дробь, отбиваемую дождём на стенках палатки.

– Я думал, ты знал, на что подписывался, – проговорил Гарри.

– Ага, я тоже так думал.

– Так какая же часть всего этого не вписалась в твои ожидания? – поинтересовался Гарри. Злость пришла теперь ему на подмогу. – Ты предполагал, что мы будем жить в пятизвёздочных отелях? Будем находить по Хоркраксу раз в два дня? Ты думал, что вернёшься к мамочке на Рождество?

– Мы думали, что ты знаешь, что делаешь! – проорал Рон, вставая на ноги, и его слова пронзили Гарри подобно раскалённым ножам. – Мы думали, что Дамблдор рассказал тебе, что делать, мы думали, что у тебя есть настоящий план!

– Рон! – снова воскликнула Гермиона, и на сей раз её голос был отчётливо слышен сквозь грохот дождя по крыше палатки, но он вновь её проигнорировал.

– Что ж, жаль тебя разочаровывать, – сказал Гарри; голос его был абсолютно спокоен, несмотря на то, что сам себе он казался никчёмным, недостойным. – Я был откровенен с тобой с самого начала, я рассказывал тебе всё, что Дамблдор рассказывал мне. И, на случай если ты не заметил, мы нашли один Хоркракс...

– Ага, и к тому, чтобы от него избавиться, мы не ближе, чем к нахождению остальных – отовсюду охрененно далеко, другими словами!

– Сними медальон, Рон, – произнесла Гермиона неестественно высоким голосом. – Пожалуйста, сними. Ты бы не говорил так, если бы ты не носил его весь день.

– Ещё как говорил бы, – возразил Гарри, не желавший слушать оправданий в адрес Рона. – Думаешь, я не замечал, как вы двое шептались у меня за спиной? Думаешь, я не догадался, что вы об этом и думаете?

– Гарри, мы не...

– Не ври! – рявкнул на неё Рон. – Ты тоже это говорила, ты говорила, что разочарована, ты говорила, что думала, что у него было немного больше идей, чем...

– Я не говорила это *так* – Гарри, я не говорила! – заплакала она.

Дождь стучал по палатке, слёзы стекали по лицу Гермионы, и возбуждение предыдущих минут испарилось, словно его никогда и не было, как краткий фейерверк, который вспыхнул и погас, оставив лишь темноту, холод и сырость. Меч Гриффиндора был спрятан неизвестно где, и они были всего лишь тремя подростками в палатке, и единственным их достижением было то, что они до сих пор оставались живы.

– Так почему ты до сих пор здесь? – спросил Гарри у Рона.

– А чёрт его знает.

– Ну тогда иди домой, – предложил Гарри.

– А может, и пойду! – крикнул Рон и сделал несколько шагов в сторону Гарри; тот не попятился. – Ты что, не слышал, что они говорили о моей сестре? Но ты, блин, даже не пёрнул, это всего лишь Запретный Лес, Гарри *«Я-Встречался-с-Вещами-Похуже»* Поттер не волнуется, что с ней там случилось, ну а я волнуюсь, понял, здоровенные пауки и всякая психованная фигня...

– Я только сказал – она была вместе с другими, они были с Хагридом...

– ...ну да, я просёк, тебя не волнует! А что насчёт остальной моей семьи, «в семье Уизли и без того достаточно покалеченных детей», это ты слышал?

– Да, я...

– Не соизволил задуматься, что это значит, да?

– Рон! – вскричала Гермиона, вклиниваясь между ними. – Я не думаю, что это означает, что произошло что-то ещё, о чём мы не знаем; подумай, Рон, Билл уже со шрамами, куча народу наверняка видела, что Джордж остался без уха, а ты предположительно при смерти с брызгнойкой, я уверена, это всё, что он имел в виду...

– Ах, ты уверена, да? Ну, прекрасно, я не буду грузить себя беспокойством о них. Для вас двоих всё нормально, ваши родители в безопасном месте...

– Мои родители *мёртвы*! – взревел Гарри.

– И мои могут отправиться туда же! – проревел в ответ Рон.

– Тогда ИДИ! – заорал Гарри. – Иди к ним обратно, сделай вид, что ты выздоровел от брызгнойки, и мамочка сможет тебя подкормить, и...

Рон сделал внезапное движение; Гарри среагировал, но, прежде чем обе их палочки покинули карманы своих владельцев, Гермиона подняла свою.

– *Protego!* – воскликнула она, и невидимый щит распростёрся между ней и Гарри с одной стороны и Роном с другой; сила заклинания заставила всех сделать несколько шагов назад. Гарри и Рон неотрывно глядели друг на друга с разных краёв невидимого барьера, словно каждый впервые видел другого отчётливо. Гарри ощущал к Рону разъедающую душу ненависть: что-то между ними сломалось.

– Оставь Хоркракс, – потребовал Гарри.

Рон стянул цепочку и запустил медальоном в ближайший стул. Затем он повернулся к Гермионе.

– Ты что делаешь?

– В каком смысле?

– Ты остаёшься или что?

– Я... – с мукой в голосе сказала Гермиона. – Да... да, я остаюсь. Рон, мы обещали, что мы пойдём с Гарри, мы сказали, что будем помогать...

– Я понял. Ты выбрала его.

– Рон, нет – пожалуйста – вернись, вернись!

Гермиону отбросило её собственными Щитовыми чарами; к тому моменту, когда она их сняла, Рон уже умчался в ночь. Гарри стоял тихо и неподвижно, вслушиваясь в то, как она всхлипывает и зовёт Рона, бегая среди деревьев.

Несколько минут спустя Гермиона вернулась; мокрые волосы залепили ей всё лицо.

– Он уш-уш-ушёл! Дезаппарировал!

Она бросилась в кресло, свернулась в нём и заплакала.

Гарри был ошеломлён. Он уныло подошёл к Хоркраксу, поднял его и повесил себе на шею. Стянул одеяло с койки Рона и накинул его на Гермиону. Затем он вскарабкался в свою собственную постель и устался в тёмную брезентовую крышу, слушая шум дождя.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ГОДРИКОВА ЛОЩИНА

Когда Гарри проснулся на следующее утро, ему потребовалось несколько секунд на то, чтобы вспомнить, что произошло. Его охватила совершенно детская надежда, что это всё был сон, что Рон по-прежнему здесь и никогда не уходил. Однако, повернув голову на подушке, он увидел пустую койку Рона. Она притягивала его взгляд, как будто это было мёртвое тело. Гарри спрыгнул со своей койки, изо всех сил стараясь не смотреть на Ронову. Гермиона уже возилась на кухне; она не пожелала Гарри доброго утра, но поспешно отвернула от него лицо, когда он проходил мимо.

Он ушёл, сказал самому себе Гарри. *Он ушёл*. Он всё продолжал думать об этом, пока умывался и одевался, словно повторение могло приглушить шок. *Он ушёл и больше не вернётся*. И это, Гарри знал, была чистая правда, поскольку из-за их защитных заклятий Рон просто не сможет найти их, как только они покинут это место.

Завтрак прошёл в полном молчании. Глаза Гермионы были красные и заплавленные; судя по её виду, она вообще не спала. Они собрали вещи, причём Гермиона всё время копалась. Гарри знал, почему она хотела протянуть подольше их время здесь, на берегу реки; несколько раз он заметил, как она вскидывается, и он не сомневался, что она обманывала себя, думая, что сквозь ливень слышит шаги, – но рыжеволосая фигура так и не мелькнула среди деревьев. Всякий раз Гарри повторял её движения, оглядываясь (поскольку и сам всё время чуточку надеялся), но не находил ничего, кроме залитых дождём деревьев, и всякий раз в нём взрывалось очередное облачко ярости. В ушах его стояла фраза Рона *«Мы думали, что ты знаешь, что делаешь»*, и он снова приступал к сборам, стараясь не замечать узла, образовавшегося у него в животе.

Уровень грязной воды в речке стремительно повышался, и вскоре она должна была залить их берег. Они протянули на целый час дольше, чем им понадобилось бы в обычное время на то, чтобы покинуть бивак. В конце концов, в третий раз полностью перепаковав свою бисерную сумочку, Гермиона явно не смогла найти ещё повода для задержки: взявшись за руки, они с Гарри дезаппарировали, вновь возникнув на открытом всем ветрам, заросшем вереском склоне холма.

Едва они прибыли, Гермиона выпустила Гаррину руку и отошла в сторону. Она уселась на большой валун и уронила лицо в колени, сотрясаясь в рыданиях. Гарри смотрел на неё, предполагая, что ему следует подойти и попытаться её успокоить, но что-то удерживало его на месте. Внутренности его вновь заледенели и завязались узлом: перед глазами в который раз встало презрительное лицо Рона. Гарри отошёл от Гермионы, продираясь через вересковые заросли, и двинулся по большому кругу с поглощённой горем Гермионой в центре, производя защитные заклинания, которые обычно накладывала она.

На протяжении следующих нескольких дней они вообще не обсуждали Рона. Гарри был твёрдо нацелен никогда более не упоминать его имени, и Гермиона, похоже, знала, что давить по этому поводу бесполезно, хотя иногда, по ночам, когда она думала, что Гарри спит,

он слышал, как она плачет. В то же время Гарри начал иногда извлекать Карту Мародёра и изучать её, освещая волшебной палочкой. Он ждал, когда точка, помеченная именем Рона, вновь появится в коридорах Хогвартса; это означало бы, что он, защищённый своим статусом чистокровного колдуна, вернулся в уютный замок. Однако Рон на карте не появлялся, и через некоторое время Гарри понял, что достаёт её просто чтобы смотреть на имя Джинни в женской спальне и размышлять, не проникнет ли его упорный взор в её сон – может быть, она каким-то образом будет знать, что он думает о ней, что он надеется, что с ней всё в порядке.

В дневное время они занимались тем, что пытались определить возможное местонахождение меча Гриффиндора; но чем больше они рассуждали о местах, где Дамблдор мог бы его спрятать, тем более буйными и неправдоподобными становились их предположения. Сколько ни напрягал Гарри свой мозг, ему не удавалось припомнить, чтобы Дамблдор вообще упоминал когда-либо место, где он мог что-либо спрятать. В некоторые моменты он сам не мог понять, на кого он сердит больше – на Рона или на Дамблдора. *Мы думали, что ты знаешь, что делаешь... Мы думали, что Дамблдор рассказал тебе, что делать... Мы думали, что у тебя есть настоящий план!*

Гарри не мог лгать самому себе: Рон был прав. Дамблдор оставил его практически ни с чем. Они обнаружили один Хоркракс, но у них не было никаких средств уничтожить его; прочие оставались такими же недостижимыми, как и прежде. Ощущение безнадежности всё чаще окутывало его. Время от времени он думал о том, что не имел права принимать предложение своих друзей сопровождать его на этом извилистом, бесцельном пути. Он ничего не знал, у него не было идей, и он всё время мучил себя, выискивая признаки того, что Гермiona тоже собирается сказать, что с ней хватит и она уходит.

Многие вечера они проводили практически в полном молчании, и Гермiona завела привычку вытаскивать портрет Финеаса Найджеллуса и устанавливать его в кресле, словно он мог отчасти закрыть зияющую дыру, оставленную ушедшим Роном. Несмотря на предыдущее заверение, что он никогда больше к ним не придёт, Финеас Найджеллус явно не мог удержаться от искушения попытаться выяснить побольше о том, что собирается делать Гарри, и появлялся со своей повязкой через каждые несколько дней. Гарри был даже рад его видеть, потому что это был собеседник, хоть и ехидный и любящий поиздеваться. Он и Гермiona с наслаждением впитывали любые новости о происходящем в Хогвартсе, хотя Финеас Найджеллус оказался не самым идеальным источником информации. Он очень высоко ценил Снейпа, первого директора-слизеринца после него самого, и им приходилось воздерживаться от критики и нетактичных вопросов в адрес Снейпа – в противном случае Финеас Найджеллус немедленно покидал картину.

Однако отдельные кусочки информации он всё-таки выдавал. Снейп, похоже, встретился с постоянным, хотя и не переходящим в открытый конфликт сопротивлением со стороны некоего школьного ядра. Джинни запретили посещать Хогсמיד. Снейп восстановил старый декрет Амбридж, запрещающий собрания трёх и более учеников и все неофициальные школьные общества.

Из всего этого Гарри сделал вывод, что Джинни, а с ней, вероятно, и Невилл с Луной, делали что могли для продолжения работы Дамблдоровой Армии. От этих обрывочных новостей Гарри испытывал настолько сильное желание увидеться с Джинни, что оно жгло его, как боль в животе; но в то же время эти новости заставляли его снова думать о Роне и о Дамблдоре, и о самом Хогвартсе, по которому он скучал почти так же сильно, как и по своей бывшей девушке. Когда Финеас Найджеллус рассказывал о жестоких мерах, принимаемых Снейпом, Гарри на какое-то мгновение словно обезумел, просто представив себе, как он возвращается в школу и участвует в расшатывании режима Снейпа. Быть накормленным, спать в мягкой постели, и чтобы другие принимали все решения – в то мгновение такая перспектива казалась ему самой замечательной на свете. Но тут же Гарри вспомнил, что он – Враг общества номер один, что за его голову назначена награда в десять тысяч галлеонов и что в эти дни зайти в Хогвартс было для него так же опасно, как зайти в Министерство магии. На самом деле, Финеас Найджеллус, сам того не желая, подчёркивал это обстоятельство, задавая время от времени как бы невзначай наводящие вопросы о местонахождении Гарри и Гермионы. Всякий раз, когда он это делал, Гермиона сразу же запикивала его обратно в бисерную сумочку, и в течение нескольких дней после таких бесцеремонных прощаний Финеас Найджеллус упорно отказывался появляться заново.

Погода становилась всё холоднее и холоднее. Гарри и Гермиона не осмеливались оставаться в одном регионе слишком долго, поэтому, вместо того, чтобы всё время бродить по югу Англии, где худшей из их проблем были заморозки на почве, они продолжали мотаться по всей стране, отваживаясь на остановки в горах, где по их палатке молотил град, в бескрайних болотах, где палатку заливало холодной водой, а один раз – на крошечном острове посреди шотландского озера, где снег за одну ночь засыпал палатку до половины.

Они уже видели нарядные новогодние ёлки в окнах некоторых гостиных, когда Гарри, наконец, набрался решимости вновь предложить единственный, как ему казалось, путь, который они ещё не исследовали. Они только что необычайно хорошо поужинали: Гермиона наведлась в супермаркет под плащом-невидимкой (перед уходом педантично оставив деньги в открытой кассе) – и Гарри подумал, что её легче будет уговорить, когда их животы полны болоньезского спагетти и консервированных груш. Кроме того, у него было предчувствие, что сейчас подходящий момент, чтобы предложить ей хоть на несколько часов сделать перерыв в ношении Хоркракса, который в данный момент свисал с койки рядом с ним.

– Гермиона?

– Хм? – она свернулась калачиком в одном из продавленных кресел со «Сказками барда Бидла» в руках. Гарри совершенно не представлял себе, что ещё Гермиона могла извлечь из этой книги, которая, в конце концов, была не такой уж толстой; но, очевидно, она всё ещё что-то в ней расшифровывала, поскольку на ручке кресла рядом с ней лежало открытое «Руководство Руноведа».

Гарри прокашлялся. Он чувствовал себя в точности как однажды несколько лет назад, когда он спросил у профессора МакГонагалл, нельзя ли ему пойти в Хогсמיד, несмотря на то, что он не смог убедить Дёрзли подписать ему листок с разрешением.

– Гермiona, я тут подумал, и...

– Гарри, ты не мог бы мне помочь кое с чем?

Очевидно, она его не слушала. Она наклонилась поближе к нему и протянула «Сказки барда Бидла».

– Глянь на этот символ, – сказала она, показывая на самый верх страницы. Там, над названием сказки (по крайней мере, Гарри так предположил; не разбираясь в рунах, он не мог быть уверенным), было изображение, похожее на треугольный глаз, зрачок которого пересекала вертикальная линия.

– Я никогда не учил древние руны, Гермiona.

– Я знаю, но это не руна, и в «Руководстве» её тоже нет. До сих пор я думала, что это изображение глаза, но теперь не думаю! Это чернила, видишь, кто-то нарисовал его здесь, этого на самом деле не было в книге. Подумай, тебе не случалось видеть его раньше?

– Нет... нет, погоди минуту, – Гарри присмотрелся получше. – Это не тот ли самый символ, который отец Луны носил у себя на шее?

– Вообще-то и мне тоже так показалось!

– Тогда это знак Гринделвальда.

– *Что?*

– Крам мне рассказал...

Гарри пересказал историю, которую Крам поведал ему во время свадьбы. Гермiona была в ошолоблении.

– Знак *Гринделвальда*?

Она переводила взгляд с Гарри на странный символ и обратно.

– Я никогда не слышала, чтобы у Гринделвальда был свой знак. Это нигде не упоминается, ни в одном месте, где я про него читала.

– Ну, как я уже сказал, Крам думает, что этот символ выбит на стене в Дурмстранге и что туда его нанёс Гринделвальд.

Она вновь откинулась в старое кресло и нахмурилась.

– Это очень странно. Если это символ Тёмной магии, то что он делает в книге детских сказок?

– Угу, странно, – согласился Гарри. – И, пожалуй, тогда Скримджер его бы узнал. Он был министром, он должен был быть экспертом по Тёмным делам.

– Я знаю... Наверное, он решил, что это глаз, так же как и я. У всех других сказок есть маленькие картинки над названиями.

Она замолчала, лишь продолжала упорно смотреть на странный знак. Гарри предпринял новую попытку.

– Гермiona?

– Хм?

– Я тут подумал. Я... я хочу пойти в Годрикову Лощину.

Она подняла глаза, но смотрела куда-то в пространство, и он был уверен, что она по-прежнему думает о таинственном знаке в книге.

– Да, – наконец произнесла она. – Да, я тоже об этом думала. Я тоже считаю, что нам нужно туда пойти.

– Ты меня хорошо расслышала? – переспросил он.

– Разумеется, хорошо. Ты хочешь отправиться в Годрикову Лощину. Я согласна, я считаю, что нам следует это сделать. Я имею в виду – я тоже не могу придумать, где ещё он может быть. Это, конечно, будет опасно, но чем больше я думаю, тем более вероятным мне кажется, что он там.

– Э... *кто* там? – спросил Гарри.

При этих словах она посмотрела на него так же изумлённо, как он себя чувствовал.

– Да меч же, Гарри! Дамблдор наверняка знал, что ты захочешь туда вернуться, и, при этом ещё, Годрикова Лощина была родиной Годрика Гриффиндора...

– Правда? Гриффиндор родился в Годриковой Лощине?

– Гарри, ты хоть раз вообще открывал «Историю магии»?

– Э... – протянул он и улыбнулся, казалось, впервые за последние несколько месяцев; мышцы его лица задеревенели и плохо слушались. – Может, и открывал... Знаешь – когда покупал её... Один раз...

– Вообще-то, поскольку деревня названа в его честь, можно было бы предположить, что ты заметишь связь, – съехидничала Гермиона. Она вела себя совсем как та, прежняя Гермиона, не как нынешняя; Гарри даже показалось на секунду, что сейчас она объявит, что идёт в библиотеку. – Об этой деревне есть кусочек в «Истории магии», подожди-ка...

Она открыла бисерную сумочку и, порывшись в ней некоторое время, извлекла наконец свой экземпляр старого учебника по Истории магии Батильды Бэгшот и быстро пролистала его, пока не нашла нужной страницы.

– *«После подписания Международного статута секретности в 1689 году колдуны навсегда укрылись от мира магглов. Вероятно, было лишь естественным, что они образовывали свои собственные маленькие сообщества в обществе. Многие маленькие деревни и хутора привлекли сразу несколько семей колдунов, объединившихся для взаимной защиты и поддержки. Такие деревни, как Тинурот в Корнуолле, Верхний Флагли в Йоркшире и Оттери Сент-Кэтчпол на южном берегу Англии, стали известными обиталищами целых общин семей колдунов, живших рядом с либерально настроенными магглами и иногда Запутывавших их. Наиболее известным из таких полумагических поселений, вероятно, является Годрикова Лощина, деревня на западе страны, где родился великий колдун Годрик Гриффиндор и где колдовских дел мастер Боумэн Райт создал первый Золотой снитч. На кладбище можно найти множество имён древних семейств магов, и это, несомненно, объясняет истории о привидениях, столетиями появлявшихся в местной церквушке».* Тебя и твоих родителей здесь нет, – сказала Гермиона, захлопнув книгу, – потому что профессор Бэгшот описывала события только до конца девятнадцатого века. Но теперь ты видишь? Годрикова Лощина, Годрик Гриффиндор, меч Гриффиндора; тебе не кажется, что Дамблдор ожидал, что ты найдёшь связь?

– О, да...

Гарри не желал признавать, что совершенно не думал о мече, когда предложил направиться в Годрикову Лощину. Его в эту деревню тянули могилы родителей, дом, в котором он едва избежал смерти, и личность Батильды Бэгшот.

– Помнишь, что сказала Мюриэл? – с показным равнодушием спросил он.

– Кто?

– Ну ты знаешь, – он заколебался, не желая произносить имени Рона. – Двоюродная бабушка Джинни. На свадьбе. Ну та, которая сказала, что у тебя толстые лодыжки.

– О, – произнесла Гермиона.

Это был важный момент; Гарри знал, что она чувствует впереди упоминание имени Рона. Он торопливо продолжил:

– Она говорила, что Батильда Бэгшот до сих пор живёт в Годриковой Лощине.

– Батильда Бэгшот, – пробормотала Гермиона, водя указательным пальцем по имени Батильды на обложке «Истории магии». – Ну, я думаю...

Она ахнула настолько драматично, что внутри Гарри всё перевернулось; он выхватил волшебную палочку и обернулся в сторону входа, почти ожидая увидеть руку, отдёргивающую полог, – но там было пусто.

– Что? – со смешанным чувством облегчения и раздражения спросил он. – Зачем ты это сделала? Я подумал, ты увидела как минимум Пожирателя Смерти, вламывающегося в палатку...

– Гарри, а что если меч у Батильды? Что если Дамблдор доверил его ей?

Гарри обдумал эту возможность. Батильда к этому моменту должна была быть чрезвычайно старой женщиной, и, согласно Мюриэл, она была «сдвинутая». Насколько вероятным могло быть то, что Дамблдор спрятал меч Гриффиндора у неё? Если это было так, Гарри чувствовал, что Дамблдор слишком уж положился на случай: Дамблдор никогда не говорил, что он заменил меч на подделку, и также он ни разу не упомянул о своей дружбе с Батильдой. Сейчас, однако, был не самый удачный момент подвергать сомнению теорию Гермионы – только не теперь, когда эта теория столь удивительным образом вписалась в самое сокровенное желание Гарри.

– Точно, запросто мог! Значит, собираемся в Годрикову Лощину?

– Да, только нам надо хорошенько всё продумать, Гарри, – теперь она сидела прямо, и Гарри видел, что перспектива снова действовать по составленному плану подняла ей настроение так же, как и ему. – Нам нужно отработать деаппарирование вдвоём под плащом-невидимкой, это для начала, и Образуемые чары, наверно, тоже будут нелишними, если только ты не считаешь, что нам надо подойти к этому основательно и использовать Многосущное зелье. В таком случае нам потребуется достать чьи-то волосы. Я лично думаю, именно так нам и надо сделать, Гарри, чем надёжнее наша маскировка, тем лучше...

Гарри позволил ей говорить в своё удовольствие, кивая и поддакивая всякий раз, когда она делала паузу, но мысли его были далеки от темы разговора. Впервые с того времени, как он узнал, что меч в Гринготтсе поддельный, он был взбудоражен.

Он пойдёт домой, он вернётся туда, где жила его семья. Если бы не Волдеморт, именно в Годриковой Лощине он бы вырос и проводил все каникулы. Он мог бы приглашать к себе друзей... У него даже могли бы быть братья и сёстры... И торт к его семнадцатилетию испекла бы его родная мать. Никогда раньше жизнь, которой Гарри лишился, не представлялась ему столь явственно, как в эти минуты, когда он знал, что в ближайшее время

навестит то место, где эту жизнь у него отобрали. Когда Гермиона ушла спать, он тихо вытащил свой рюкзак из её бисерной сумочки, а из рюкзака достал фотоальбом, который когда-то, столько лет назад, подарил ему Хагрид. Впервые за многие месяцы он листал старые фотографии своих родителей, улыбающихся и машущих ему со снимков, – всё, что у него от них теперь осталось.

Гарри с радостью отправился бы в Годрикову Лощину уже на следующий день, но у Гермионы было иное мнение. Столь же убеждённая, как и раньше, что Волдеморт ожидает возвращения Гарри к месту гибели его родителей, она решительно настаивала, что они отправятся, лишь обеспечив себя наилучшей возможной маскировкой. Так что прошла целая неделя – в течение которой они незаметно добыли волосы ничего не подозревавших магглов, делавших рождественские покупки, и отточили свои навыки аппарирования и дезаппарирования вдвоём под плащом-невидимкой – до того момента, когда Гермиона наконец согласилась отправиться в путь.

Аппарировать в деревню Гарри с Гермионой должны были под покровом темноты, так что они дождались сумерек, чтобы наконец принять Многосущное зелье и превратиться (Гарри – в плешивого маггла средних лет, Гермиона – в его маленькую незаметную жену). Бисерную сумочку со всеми их вещами (за исключением Хоркракса, который был у Гарри на шее) Гермиона засунула во внутренний карман своего пальто и застегнулась на все пуговицы. Гарри накинул на них обоих плащ-невидимку, после чего они в который раз ввинтились в удушающую темноту.

С сердцем, колотящимся где-то в районе глотки, Гарри открыл глаза. Они стояли, рука в руке, на заснеженной улочке под тёмно-синим небом, в котором уже слабо мерцали первые звёзды. По обе стороны от узкой дороги стояли коттеджи, из их окон подмигивали рождественские украшения. Немного впереди располагалась освещённая уличными фонарями центральная площадь деревни.

– Проклятый снег! – прошептала под плащом Гермиона. – Почему мы не подумали о снеге? После всех наших мер предосторожности – мы будем оставлять следы! Нам придётся от них избавляться – ты иди первым, я займусь...

Гарри не хотелось входить в деревню, изображая комическую лошадь, в попытках одновременно оставаться невидимыми и магически уничтожать свои следы.

– Давай снимем плащ, – предложил Гарри и, когда она испуганно взглянула на него, добавил. – Ох, да ладно тебе, мы совершенно непохожи на нас, а вокруг никого нет.

Он засунул плащ себе под куртку, и они смогли без каких-либо помех двигаться вперёд. Ледяной ветер впивался им в лицо, пока они проходили мимо коттеджей; любой из них мог быть тем самым, где когда-то жили Джеймс и Лили, или где в настоящее время жила Батильда. Гарри глазел на парадные двери, на заваленные снегом крыши и крыльца, размышляя, не мог ли он помнить какой-либо из этих домов, сознавая в глубине души, что это невозможно, что ему был всего лишь год, когда он покинул это место навсегда. Он даже не был уверен, что вообще сможет увидеть этот дом, – он не знал, что происходит, когда умирают те, кто защищён чарами Фиделнус. Тут улочка, по которой они шли, слегка изогнулась влево, и перед ними открылась маленькая площадь – сердце деревни.

В центре, освещённый со всех сторон разноцветными огнями, стоял, как им показалось, военный памятник, частично заслонённый качающимися под ветром ветвями ёлки. Вокруг располагались несколько магазинов, почтовое отделение, бар и маленькая церковь, витражи в окнах которой сверкали подобно драгоценным камням.

Снег здесь был хорошо утоптан: люди ходили по нему весь день, и он стал твёрдым и скользким. Жители деревни сновали туда-сюда, на короткое время оказываясь под светом уличных фонарей и снова пропадая в темноте. До них донёсся обрывок смеха и поп-музыки, когда открылась и вновь закрылась дверь бара. Затем они услышали, как в церквушке завели рождественский гимн.

– Гарри, я думаю, сегодня Сочельник! – воскликнула Гермиона.

– Думаешь?

Он потерял счёт времени; газеты им не попадались уже несколько недель.

– Наверняка Сочельник, – кивнула Гермиона, не отрывая взгляда от церкви. – Они... они должны быть там, да? Твои мама и папа? Я вижу кладбище за церковью.

Гарри ощутил приступ чего-то большего, чем просто возбуждение, чего-то более близкого к страху. Теперь, когда он был так близко, он не был уверен, хочет ли он вообще это видеть. Вероятно, Гермиона знала, что чувствует Гарри, поскольку она взяла его за руку и впервые за всё время взяла на себя лидерство, потащив его за собой. Однако, дойдя до середины площади, она остановилась как вкопанная.

– Гарри, смотри!

Она показывала на военный памятник. Когда они проходили мимо него, он преобразился. Вместо обелиска с выбитыми на нём именами там была скульптура трёх человек: мужчины со встрёпанными волосами и в очках, длинноволосой женщины с красивым и добрым лицом и младенца, лежащего на руках у матери. Снег лежал на их головах наподобие пушистых белых шапок.

Гарри подошёл поближе, вглядываясь в лица своих родителей. Он никогда не думал, что им поставили памятник... Как странно было видеть самого себя увековеченным в камне, счастливого ребёнка без шрама на лбу...

– Пошли, – сказал Гарри, насмотревшись вдоволь, и он с Гермионой снова направились в сторону церкви. Когда они пересекли улицу, он оглянулся; статуя снова превратилась в военный памятник.

Звуки пения усиливались по мере того, как они приближались к церкви. Гаррино горло сжалось, эти звуки так сильно напомнили ему о Хогвартсе, о Пивзе, распевавшем неприличные версии гимнов внутри доспехов, о двенадцати новогодних ёлках в Большом Зале, о Дамблдоре в чепчике, который ему достался из хлопушки, о Роне в свитере домашней вязки...

Вход на кладбище был через маленькую калитку. Гермиона приоткрыла её так тихо, как только смогла, и они просочились внутрь. По обе стороны от скользкой тропинки, ведущей к дверям церкви, снег лежал толстым нетронутым слоем. Гарри и Гермиона двинулись сквозь снег, оставляя позади себя глубокие траншеи; они шли в обход здания, держась в тених под сверкающими окнами.

Позади церкви они увидели ряды и ряды заснеженных надгробий, торчащих из-под бледно-голубого одеяла, испещрённого яркими пятнами красного, жёлтого и зелёного в тех местах, где на снег падал свет, прошедший через витражи. Крепко сжимая рукой свою волшебную палочку в кармане куртки, Гарри направился к ближайшей могиле.

– Глянь сюда, это Эббот, возможно, какой-то дальний родственник Ханны!

– Потихше говори! – умоляюще прошептала Гермиона.

Они всё больше уходили в глубь кладбища, оставляя дырочки следов в снегу, наклоняясь, чтобы разобрать слова на древних надгробиях, и поминутно бросая взгляды в окружающую тьму, чтобы быть абсолютно уверенными, что их никто не сопровождает.

– Гарри, смотри!

Гермиона была от него в двух рядах надгробий; Гарри пришлось пробираться к ней, в то время как его сердце, казалось, было готово выскочить из груди.

– Это?..

– Нет, но смотри!

Она указала на тёмный камень. Гарри наклонился и увидел на замёрзшем, усыпанном липайниками граните, слова «*Кендра Дамблдор*» и, чуть ниже дат её рождения и смерти, «*и её дочь Ариана*». Там же была выбита цитата:

«Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»⁵⁴.»

Стало быть, Рита Скитер и Мюриэл кое-что говорили верно. Семья Дамблдора действительно жила здесь, и некоторые из них здесь умерли.

Видеть эту могилу было хуже, чем слышать о ней. Гарри не мог удержаться от мыслей, что и он, и Дамблдор имели свои корни на этом кладбище, и что Дамблдор должен был ему это рассказать; и в то же время Дамблдор никогда не думал о том, чтобы разделить с Гарри эту связь. Они могли бы навещать это место вдвоём; Гарри представил себе, как он приходит сюда вместе с Дамблдором, какие узы между ними это могло бы создать, как много это бы для него значило. Но, судя по всему, для Дамблдора тот факт, что их семьи были рядом друг с другом на одном кладбище, являлся несущественным совпадением, не имеющим, вероятно, никакого отношения к работе, которую он поручил Гарри выполнить.

Гермиона не отрываясь смотрела на Гарри, и он был рад, что его лицо было скрыто в тени. Он снова прочёл слова на надгробии. «*Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше*». Он не понимал, что означают эти слова. Несомненно, их выбрал Дамблдор, как старший в семье после смерти матери.

– Ты уверен, что он никогда не упоминал?.. – начала Гермиона.

– Нет, – коротко ответил Гарри. – Давай продолжим, – и он двинулся прочь, жалея, что увидел этот камень: он не хотел, чтобы его возбуждённое, тревожное ожидание смешивалось с возмущением.

– Здесь! – снова крикнула из темноты Гермиона несколькими мгновениями позже. – О нет, прости! Мне показалось, тут написано «Поттер».

Она тёрла искрошенный, заросший мхом камень, глядя на него с чуть нахмуренным лицом.

⁵⁴ Цитата из Евангелия от Матфея, 6:21

– Гарри, вернись на минуточку.

Гарри не хотелось опять отвлекаться, и он с большой неохотой пошёл к ней назад через слой снега.

– Что?

– Посмотри сюда!

Надгробие было невероятно старым и выветренным, так что Гарри едва мог различить имя. Гермиона показала ему на символ под именем.

– Гарри, это тот знак, из книги!

Он уставился на то место, куда она показала: камень был настолько истёрт, что было чрезвычайно трудно разобрать, что же там было выбито, но тем не менее – похоже, там действительно был треугольный знак под практически неразличимым именем.

– Ага... Возможно, он...

Гермиона зажгла свет на своей волшебной палочке и поднесла её к имени на камне.

– Здесь написано «Иг...» «Игнотус», кажется...

– Я продолжу искать родителей, хорошо? – сообщил ей Гарри, добавив чуть-чуть раздражения в голос, и снова пошёл вперёд, оставив её согнувшейся над древней могилой.

То тут, то там он натёкался на фамилии, которые, как и Эббот, он встречал в Хогвартсе. Иногда на этом кладбище были представлены сразу несколько поколений семей колдунов; по датам Гарри мог сделать вывод, что то или иное семейство либо полностью вымерло, либо ныне живущие члены семей покинули Годрикову Лоцину. Всё глубже и глубже он уходил мимо могил, и всякий раз, подходя к очередному надгробию, он ощущал маленький укол беспокойства пополам с предвкушением.

Внезапно тьма и тишина, казалось, стали ещё глубже. Гарри встревоженно огляделся, думая о дементорах, затем понял, что песнопения закончились, что звуки беседы прихожан удалялись по мере того, как они возвращались на площадь. А только что кто-то в церкви выключил свет.

Затем из темноты в третий раз послышался голос Гермионы, отчётливо донёсшийся с расстояния в несколько ярдов.

– Гарри, они здесь... Вот они.

И по её голосу он понял, что на сей раз это были его мать и отец; он двинулся к ней, чувствуя что-то тяжёлое у себя на груди – то же чувство, которое он испытал сразу после гибели Дамблдора: горе, физически давившее на его сердце и лёгкие.

Надгробие было всего в двух рядах позади могилы Кендры и Арианы. Оно было из белого мрамора, совсем как гробница Дамблдора, и это облегчало чтение, поскольку камень словно сиял в темноте. Гарри не пришлось вставать на колени и даже приближаться вплотную, чтобы разобрать выбитые на нём слова.

«Джеймс Поттер, родился 27 марта 1960, умер 31 октября 1981

Лили Поттер, родилась 30 января 1960, умерла 31 октября 1981

Последний же враг истребится – смерть⁵⁵.»

⁵⁵ Снова библейская цитата. 1 послание к Коринфянам, 15:26

Гарри медленно прочёл эти слова, словно у него был лишь один шанс впитать их значение, и последнюю фразу он прочёл вслух.

— *«Последний же враг истребится — смерть»*... — ужасная мысль мелькнула у него в голове, и он испытал что-то вроде паники. — Разве это не идея Пожирателей Смерти? Почему это здесь?

— Это не означает победу над смертью в том смысле, в каком это понимают Пожиратели Смерти, Гарри, — мягко ответила Гермиона. — Это означает... ну ты понимаешь... жить, невзирая на смерть. Жить после смерти.

Но они не жили, подумал Гарри, они были мертвы. Эти пустые слова не могли заслонить того, что разлагающиеся останки его родителей лежат под снегом и камнем, безразличные, ни о чём не знающие. И слёзы набежали, прежде чем он смог остановить их, кипящие и затем мгновенно замерзающие на его лице, и какой смысл был их стирать или пытаться скрыть? Он дал им течь, крепко сжав губы, глядя вниз на толстый слой снега, скрывающий от его глаз то место, где лежали останки Лили и Джеймса, ставшие наверняка просто костями или пылью, не знающие и не волнующиеся о том, что их живой сын стоит так близко, что его сердце по-прежнему бьётся, что он жив благодаря их жертве, и что в этот момент он почти желает лежать под снегом вместе с ними.

Гермиона снова взяла его за руку и крепко сжала. Он был не в силах взглянуть на неё, но сжал её руку в ответ. Он начал делать сильные, глубокие вдохи, пытаясь привести себя в чувство, вернуть контроль над собой. Он должен был что-то принести с собой, чтобы подарить им, и он не подумал об этом раньше, а все растения на кладбище были замёрзшими и безжизненными. Но тут Гермиона подняла волшебную палочку, описала в воздухе круг, и перед ними расцвёл венок из рождественских роз. Гарри поймал его и положил на могилу своих родителей.

Как только Гарри встал, он захотел уйти: ему казалось, что ни секунды больше здесь он не выдержит. Он положил руку на плечо Гермионы, а она своей рукой обняла его за пояс, и они молча развернулись и пошли сквозь снег, мимо матери и сестры Дамблдора, прямо к тёмной церкви и невидимой сейчас калитке.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

СЕКРЕТ БАТИЛЬДЫ

– Гарри, подожди.

– Что случилось?

Гарри с Гермионой едва добрались до могилы неизвестного Эббота.

– Там кто-то есть. Кто-то за нами наблюдает. Я уверена. Там, за кустами.

Они стояли совершенно неподвижно, держась друг за друга и глядя на густое чёрное ограждение кладбища. Гарри не мог разглядеть ничего.

– Ты уверена?

– Я видела, как что-то двигалось, могу поклясться, что видела...

Гермиона отпустила Гарри, чтобы освободить свою рабочую руку для волшебной палочки.

– Мы похожи на магглов, – напомнил ей Гарри.

– На магглов, которые только что клали цветы на могилу твоих родителей! Гарри, я уверена, что там кто-то есть!

Гарри подумал об «Истории магии»; на кладбище, предположительно, водились приведения – что если?.. Но тут он услышал шорох и увидел облачко снега, сбитого с того самого куста, на который указывала Гермиона. Призраки не могут сдвигать снег.

– Это кошка, – через одну или две секунды произнёс Гарри, – или птица. Если бы это был Пожиратель Смерти, мы уже были бы мертвы. Но давай отсюда выберемся, и тогда снова сможем надеть плащ.

Выбираясь с кладбища, они постоянно оглядывались. Гарри, совсем не такой уверенный, каким он притворялся, когда успокаивал Гермиону, был рад добраться до ворот и скользкого тротуара. Они вновь накинули на себя плащ-невидимку. В баре было больше народу, чем раньше: множество голосов внутри него исполняли рождественский гимн, который они слышали, приближаясь к церкви. Какое-то мгновение Гарри рассматривал возможность предложить укрыться там, но, прежде чем он успел что-либо сказать, Гермиона прошептала: «пойдём туда», – и потянула его вглубь тёмной улицы, ведущей прочь из деревни в направлении, противоположном тому, откуда они пришли. Гарри различал то место, где кончались коттеджи и улочка уходила в открытое поле. Они шли так быстро, как только осмеливались, проходя мимо сверкающих разноцветными огнями окон, различая за занавесками тёмные силуэты новогодних ёлок.

– Как мы найдём дом Батильды? – спросила Гермиона, чуть дрожа и продолжая всё время оглядываться через плечо. – Гарри? Как ты думаешь? Гарри?

Она потянула его за руку, но Гарри не обращал на это внимания. Он смотрел вперёд, на тёмную массу, находящуюся в самом конце ряда домов. В следующее мгновение он прибавил ходу, таща за собой Гермиону; та слегка поскользнулась.

– Гарри...

– Смотри... смотри сюда, Гермиона...

– Я не... ох!

Гарри мог его видеть; чары Фиделнус, должно быть, умерли вместе с Джеймсом и Лили. Живая изгородь сильно разрослась за шестнадцать лет, прошедшие с того времени, когда Хагрид забрал Гарри из обломков, разбросанных в высокой, по пояс, траве. Большая часть коттеджа по-прежнему стояла, хотя и была полностью покрыта плющом и снегом, но правая часть верхнего этажа разлетелась вдребезги; именно там, не сомневался Гарри, проклятие ударило своего автора. Они с Гермионой стояли у ворот, глядя на руину, когда-то бывшую коттеджем, точно таким же, как тот, что стоял по соседству.

– Интересно, почему никто его за всё это время не восстановил? – прошептала Гермиона.

– Может, его нельзя восстановить? – ответил Гарри. – Может, это как раны, нанесённые Тёмной магией, и отремонтировать разрушения невозможно?

Он извлёк руку из-под плаща и ухватился за заснеженную, покрытую толстым слоем ржавчины створку ворот, не стремясь открыть её, но просто желая прикоснуться к какой-нибудь части дома.

– Ты не собираешься идти внутрь? Он на вид ненадёжный, он может – ой, Гарри, смотри!

Его касание ворот, похоже, произвело эффект. Перед ними из земли вырос знак, прямо сквозь переплетение крапивы и прочих сорняков, словно какой-то чудной быстрорастущий цветок. Золотыми буквами по дереву были выведены слова:

*«В этом месте в ночь 31 октября 1981 года
Лили и Джеймс Поттеры отдали свои жизни.
Их сын, Гарри, остаётся единственным колдуном,
сумевшим пережить Убивающее проклятие.
Этот дом, невидимый для магглов, оставлен
в разрушенном состоянии в качестве памятника Поттерам
и напоминания о жестокости,
которая разрушила их семью.»*

И повсюду вокруг этих аккуратно выведенных слов были надписи, добавленные другими ведьмами и колдунами, приходившими сюда, чтобы увидеть то место, где избежал смерти Мальчик, Который Выжил. Одни просто подписались Вечнодействующими чернилами; другие вырезали свои инициалы в дереве; но некоторые оставили послания. Самые свежие из них, ярко сияющие поверх шестнадцатилетнего слоя граффити, были все похожи.

«Удачи тебе, Гарри, где бы ты ни находился». «Если ты читаешь это, Гарри, мы все с тобой!» «Да здравствует Гарри Поттер!»

– Они не должны были писать на знаке! – недовольно воскликнула Гермиона.

Гарри, сияя, посмотрел на неё.

– Это здорово. Я рад, что они это сделали. Я...

Он оборвал фразу. Полностью закутанная фигура ковыляла по улочке в их направлении, отчётливо видимая в ярком свете отдалённой площади. Хотя это трудно было определить, но Гарри показалось, что это была женщина. Она двигалась очень медленно,

возможно, опасаясь поскользнуться на снежном насте. Её сторбленность, её полнота, её шарканье создавали впечатление чрезвычайной дряхлости. Они молча следили за её приближением. Гарри ждал, не свернёт ли она в один из коттеджей, мимо которых проходила, но инстинкт подсказывал ему, что нет, не свернёт. Наконец фигура остановилась в нескольких ярдах от них, но ничего не делала – просто стояла к ним лицом прямо посреди заледенелой дороги.

Гермиона уцепилась за руку, но это было лишним. Шансов на то, что эта женщина была маглом, практически не было: она стояла, взирая на дом, который оставался бы для неё невидимым, если бы она не была ведьмой. Однако, даже допуская, что она *действительно* была ведьмой, поведение её было странным – выйти из дома в такую холодную ночь, просто чтобы посмотреть на старые руины. В то же время, по всем законам нормальной магии их с Гермионой она вообще не должна была видеть. И тем не менее Гарри испытывал странное чувство, что она знает – и что они здесь, и кто они такие. И как только он пришёл к этому непростому выводу, женщина подняла руку в перчатке и поманила их к себе.

Гермиона придвинулась к нему под плащом, прижав свою руку к его.

– Откуда она знает?

Он покачал головой. Женщина вновь поманила их, на этот раз более энергично. Гарри приходило в голову много резонов не последовать призыву, но подозрения о личности этой женщины росли в нём с каждой секундой, что они стояли лицом друг к другу посреди пустой улицы.

Возможно ли, что она ждала их все эти долгие месяцы? Что Дамблдор велел ей ждать и сказал, что Гарри в конце концов придёт? Могло ли так быть, что это она двигалась в тени кладбища, а потом проследовала за ними в это место? Даже то, что она чувствовала их, предполагало некоторые дамблдороподобные способности, с которыми он никогда раньше не встречался.

Наконец Гарри заговорил, заставив Гермиону ахнуть и подскочить на месте.

– Вы Батильда?

Закутанная фигура кивнула и снова поманила их рукой.

Под плащом Гарри и Гермиона посмотрели друг на друга. Гарри поднял брови; Гермиона ответила слабым нервным кивком.

Они двинулись навстречу женщине, и она тотчас отвернулась и заковыляла обратно по дороге, по которой они сюда пришли. Проведя их мимо нескольких домов, она наконец свернула в ворота. Они прошли за ней по тропе сквозь сад, почти такой же заросший, как тот, из которого они только что вышли. Поковыляв немного с ключами у входной двери, женщина открыла её и сделала шаг назад, чтобы дать им пройти.

От неё плохо пахло, а может, от дома: Гарри сморщил нос, когда они осторожно прошли мимо неё и стянули с себя плащ. Теперь, когда Гарри был рядом с этой женщиной, он осознал, какая она маленькая; согнутая возрастом, она едва доставала ему до груди. Она затворила за ними дверь; голубоватые с пигментными пятнами костяшки пальцев были видны на фоне облупившейся краски. Затем она повернулась и впиалась взглядом в Гаррино лицо. Её глаза были набухшими от катаракт и утопали в складках полупрозрачной кожи, и всё её

лицо было покрыто пятнышками от лопнувших кровеносных сосудов и родинками. Гарри подивился, может ли она вообще его разглядеть; впрочем, если и могла, то перед ней стоял всего лишь плешивый маггл, чью внешность он украл.

Отчётливый запах старости, пыли, грязной одежды и несвежей еды усилился, когда женщина размотала поеденную молью чёрную шаль, обнажив голову, покрытую редкими белыми волосами, через которые просвечивала кожа.

– Батильда? – повторил Гарри.

Она вновь кивнула. Гарри вдруг ощутил медальон, прижавшийся к его коже; тварь внутри него, тикавшая или пульсировавшая время от времени, пробудилась; он ощущал её пульс через холодное золото. Возможно, она знала или чувствовала, что оружие, которое может её уничтожить, близко?

Батильда прошаркала мимо них, оттолкнув Гермиону, словно не видела её, и удалилось в, судя по всему, гостиную.

– Гарри, я сомневаюсь, – выдохнула Гермиона.

– Ты посмотри на её рост, я думаю, мы её одолеем, если понадобится, – ответил Гарри. – Слушай, я должен был тебе сказать, я знал, что у неё не все дома. Мюриэл говорила, что она «сдвинутая».

– Сюда! – позвала Батильда из соседней комнаты.

Гермиона вздрогнула и вцепилась в Гаррину руку.

– Всё нормально, – успокаивающе произнёс Гарри и первым направился в гостиную.

Батильда семенила вокруг комнаты, зажигая свечи, но в комнате по-прежнему было очень темно, не говоря уже о том, что там было чрезвычайно грязно. Толстый слой пыли хрустел у них под ногами, и Гарринос сквозил запах сырости и плесени уловил нечто худшее – что-то вроде протухшего мяса. Он подумал про себя, когда же последний раз хоть кто-то появлялся в доме Батильды, чтобы проведать, как у неё дела. Она явно забыла, что тоже может использовать магию, ибо свечи она неуклюже зажигала вручную, и тянущиеся за её руками кружевные манжеты постоянно рисковали загореться.

– Позвольте я, – предложил Гарри и взял спички у неё из рук. Она стояла, наблюдая, как он заканчивает зажигать свечные огарки, стоящие на блюдах повсюду в комнате, неустойчиво примостившиеся на стопках книг и на столиках, заставленных треснутыми и покрытыми плесенью чашками.

Последней поверхностью, на которой Гарри заметил свечу, был комод с изогнутой передней стенкой, на котором стояло множество фотографий. Когда свеча разгорелась, отражение огня закачалось на пыльном стекле и серебре. Пока Батильда возилась с дровами для камина, Гарри пробормотал: «*Tergeo*». Пыль исчезла с фотографий, и он тотчас заметил, что полудюжины их не хватает – самые большие и красивые рамки были пусты. Он подумал, Батильда ли их убрала или кто-то другой. Затем его взор упал на фотографию в заднем ряду, и Гарри немедленно в неё вцепился.

Это был золотоволосый вор с весёлым лицом, тот самый юноша, который примостился на подоконнике Грегоровича; он лениво улыбался, глядя на Гарри из своей серебряной рамки. И до Гарри внезапно дошло, где он видел этого парня раньше: в «Жизни и лжи

Альбуса Дамблдора», рука об руку с подростком-Дамблдором, и, судя по всему, именно туда и делись все отсутствующие фотографии – в книгу Риты.

– Миссис... мисс... Бэгшот? – спросил он, и его голос слегка вздрогнул. – Кто это?

Батильда стояла посреди комнаты, наблюдая, как Гермiona разводит для неё огонь.

– Мисс Бэгшот? – повторил Гарри и сделал шаг вперёд, держа фотографию в руках; в этот момент в камине весело затрещал огонь. Батильда при звуках его голоса подняла голову, и Хоркракс у него на груди запульсировал чаще.

– Кто этот человек? – спросил её Гарри, протягивая фотографию вперёд.

Она важно посмотрела на фото, затем вверх на Гарри.

– Вы знаете, кто он? – повторил он, гораздо медленнее и громче, чем он говорил обычно. – Этот человек? Вы его знаете? Как его зовут?

Батильда просто смотрела с отсутствующим видом. Гарри ощутил раздражение. Как Рита Скитер умудрилась вытащить из Батильды её воспоминания?

– Кто это человек? – громко повторил он.

– Гарри, что ты делаешь? – спросила Гермiona.

– Эта фотография, Гермiona, это вор, то самый вор, который обокрал Грегоровича! Пожалуйста! – снова повернулся он к Батильде. – Кто он?

Но та лишь смотрела на него.

– Почему вы просили нас пойти с вами, миссис... мисс... Бэгшот? – спросила Гермiona, тоже повысив голос. – Вы хотели нам что-то сообщить?

Не подав виду, что она слышала Гермionу, Батильда, шаркая ногами, сделала несколько шагов навстречу Гарри. Едва заметно дёрнув головой, она посмотрела обратно в прихожую.

– Вы хотите, чтобы мы ушли? – спросил он.

Она повторила жест, на сей раз показав сперва на него, потом на себя и потом на потолок.

– Ох, ладно... Гермiona, я думаю, она хочет, чтобы я вместе с ней пошёл наверх.

– Отлично, – ответила Гермiona, – пошли.

Но когда Гермiona сдвинулась с места, Батильда на удивление энергично помотала головой, снова показав сперва на Гарри, затем на себя.

– Она хочет, чтобы я пошёл с ней один.

– Но почему? – спросила Гермiona, и её голос прозвенел в освещённой свечами комнате резко и отчётливо; старая леди при этом возгласе покачала головой.

– Может, Дамблдор велел ей отдать меч мне и только мне?

– Ты на самом деле думаешь, что она знает, кто ты?

– Да, – ответил Гарри, глядя сверху вниз в её бледные глаза, впившиеся в его. – Думаю, она знает.

– Ну тогда ладно, только побыстрее, Гарри.

– Ведите, – обратился Гарри к Батильде. Она, видимо, поняла, поскольку прошаркала мимо него к двери. Гарри с успокаивающей улыбкой оглянулся на Гермionу, но не был уверен, что она эту улыбку видела; она стояла, обвив себя руками, посреди освещённой запущенной комнаты, и глядела на книжный шкаф. Когда Гарри выходил из комнаты, не

видимый как Гермионой, так и Батильдой, он засунул фотографию незнакомого вора вместе с серебряной рамкой к себе в карман куртки.

Лестница была крутой и узкой; Гарри испытал некоторый соблазн поместить руки на полное сиденье Батильды, чтобы гарантировать, что она не свалится сверху прямо на него (это казалось ему весьма вероятным). Медленно, тяжело дыша, она взобралась на верхнюю лестничную площадку, сразу свернула направо и ввела его в низенькую спальню.

В комнате было черным-черно и отвратительно пахло; Гарри успел разглядеть торчащий из-под кровати ночной горшок, после чего Батильда закрыла дверь, и даже он растворился в темноте.

– *Lumos*, – произнёс Гарри, и на кончике его волшебной палочки зажёгся свет. Он вздрогнул: за эти несколько секунд темноты Батильда подошла вплотную к нему, и он не услышал её приближения.

– Вы Поттер? – прошептала она.

– Да.

Она медленно и торжественно кивнула. Гарри ощутил, как быстро пульсирует Хоркракс – чаще, чем его собственное сердце; это было неприятное, тревожное ощущение.

– У вас есть что-то для меня? – спросил Гарри, но её, похоже, отвлёк свет его волшебной палочки.

– У вас есть что-то для меня? – повторил он.

Затем она закрыла глаза, и в этот момент произошло сразу несколько вещей: шрам Гарри резко кольнуло; Хоркракс дёрнулся так, что сдвинулся перед его свитера; тёмная вонючая комната на мгновение растворилась. Он ощутил всплеск радости и произнёс высоким холодным голосом: «*Держи его!*»

Гарри покачнулся; тёмная, дурнопахнущая комната вновь словно навалилась на него; он не понимал, что только что произошло.

– У вас есть что-то для меня? – спросил он в третий раз, гораздо громче.

– Вон там, – прошептала она, указывая в угол. Гарри поднял палочку и увидел очертания заваленного чем-то туалетного столика под занавешенным окном.

На сей раз Батильда его не повела. Гарри осторожно двинулся между ней и незастеленной кроватью, держа волшебную палочку наготове. Он не хотел поворачиваться к Батильде спиной.

– Что это? – спросил он, добравшись до туалетного столика; на нём лежала куча, судя по виду и запаху, грязного белья.

– Там, – произнесла она, показывая на бесформенную массу.

И в тот момент, когда он отвернулся, обшаривая глазами спутанную груду мусора в поисках рукояти меча, рубина, Батильда сделала какое-то странное движение – Гарри заметил это уголком глаза; паника заставила его развернуться, и ужас приковал его к полу, когда он увидел, как старое тело рухнуло вниз, и огромная змея вытекла из того места, где была шея.

Змея нанесла удар, едва Гарри поднял волшебную палочку; укус в предплечье выбил палочку у него из руки и подбросил к потолку. Свет палочки беспорядочно заметался по

комнате и погас. Затем мощнейший удар хвостом в живот выбил из Гарри весь воздух; он отлетел спиной на туалетный столик, в груды грязной одежды...

Он откатился в сторону, едва избежав хвоста, обрушившегося на столик, где Гарри был секундой раньше; осколки стеклянной поверхности ливнем хлынули на него, едва он приземлился на пол. Он услышал, как Гермиона позвала снизу: «Гарри?»

Гарри не мог набрать достаточно воздуха в лёгкие, чтобы отозваться; затем тяжёлая гладкая масса сбросила его на пол, и он ощутил, как она наползает на него, сильная, мускулистая...

– Нет! – пригвождённый к полу, выдавил он, глотая воздух.

– Да, – прошептал голос. – *Да... держу тебя... держу тебя...*

– *Аccio... Аccio палочка...*

Но палочка не прилетела, и ему понадобились обе руки, чтобы попытаться оторвать от себя змею, обвившуюся вокруг его туловища, выдавливающую из него воздух, вдавливающую ему в грудь Хоркракс, ледяной кружок, пульсирующий жизнью в считанных дюймах от его собственного отчаянно колотящегося сердца, и его мозг заливало холодным белым светом, все мысли погасли, дыхание захлебнулось, отдалённые шаги, всё стало...

Металлическое сердце билось вне его груди, и теперь он летел, летел с триумфом в сердце, не нуждаясь в помеле или тестрале...

Внезапно Гарри очнулся в дурнопахнущей темноте; Нагини выпустила его. Он вскарабкался на ноги и увидел силуэт змеи на фоне освещённой лестничной площадки. Она нанесла удар, и Гермиона с криком нырнула в сторону; её проклятие, отражённое, ударило в занавешенное окно и разбило его. Морозный воздух наполнил комнату, когда Гарри пригнулся, чтобы избежать второго душа разбитого стекла, и его нога скользнула на чём-то похожем на карандаш – на его палочке...

Он нагнулся и схватил её, но теперь вся комната была полна змеей, беспорядочно бьющей своим хвостом; Гермионы нигде не было видно, и какое-то мгновение Гарри думал о худшем, но затем раздался громкий звук удара и вспышка красного света, и змея взмыла в воздух, попутно крепко двинув Гарри в лицо, поднимая одно тяжёлое кольцо за другим к самому потолку. Гарри поднял волшебную палочку, но как только он это сделал, его шрам загорелся сильнее и больнее, чем за многие годы.

– Он идёт! *Гермиона, он идёт!*

Когда он проорал эти слова, змея с безумным шипением обрушилась вниз. Всё погрузилось в хаос: она сбивала полки со стен, и осколки фарфора летали повсюду, когда Гарри перепрыгнул через кровать и схватил тёмную фигуру, которая, он знал, была Гермионой...

Она закричала от боли, когда Гарри потянул её обратно через кровать; змея снова поднялась, но Гарри знал, что приближалось нечто худшее, чем змея, что это, возможно, было уже у ворот, его голова, казалось, вот-вот расколется надвое от боли в шраме...

Змея бросилась, когда он рванулся вперёд, таща Гермиону за собой; когда она ударила, Гермиона прокричала: «*Confringo!*», и её заклинание пролетело через комнату, разнеся зеркало гардероба, отразилось обратно в них, начало молотить от пола до потолка и обратно; Гарри

ощутил, как оно обожгло тыльную сторону его ладони. Стекло разрезало ему щёку, когда, таща за собой Гермionу, он спрыгнул с кровати на разломанный туалетный столик и затем через разбитое окно в ничто, и её крик разнёсся в ночи, когда они крутанулись прямо в воздухе...

И затем его шрам взорвался, и он был Волдемортом, и он мчался через вонючую комнату, и его длинные белые руки вцепились в подоконник, когда он мельком увидел, как плешивый мужчина и маленькая женщина крутанулись и исчезли, и он завопил от ярости, и его крик, смешавшись с криком девчонки, эхом разнёсся через тёмные садики, перекрывая церковные колокола, отбивающие наступление Рождества...

И его крик был Гарриным криком, его боль была Гарриной болью... Это могло случиться здесь, где это случилось раньше... здесь, откуда виден был дом, в котором он так близко подошёл к знанию того, каково умирать... умирать... Боль была столь ужасна... Вырван из собственного тела... Но если у него не было тела, почему его голова так страшно болела, если он был мёртв, почему он чувствовал себя так непереносимо, разве боль не прекращается со смертью, разве она не уходит...

Ночь сыра и ветренна, двое детей, наяранных тыквами, переваливаясь, идут через площадь, и окна магазинов усеяны бумажными пауками, дешёвыми маггловскими атрибутами мира, в который они не верят... И он скользил мимо них, и это его чувство цели, и мощи, и правильности, он всегда испытывал его в таких случаях... Не гнев... это для более слабых душ, чем он... но триумф, да... Он ждал этого, он надеялся на это...

— Отличный костюм, мистер!

Он увидел, как улыбка мальчугана увяла, едва он подбежал поближе и смог заглянуть под капюшон плаща, увидел, как страх затуманил раскрашенное лицо; затем ребёнок развернулся и побежал прочь... Под мантией он коснулся пальцами рукоятки волшебной палочки... Одно простое движение, и ребёнок никогда не вернётся к матери... Но ненужно, совершенно ненужно...

Теперь он двигался по новой, более тёмной улице, и его цель наконец-то была перед его глазами, Фиделиус рухнул, хотя они этого ещё не знали... И он издавал меньше звуков, чем мёртвые листья, скользящие вдоль тротуара, когда он поравнялся с тёмной изгородью и глянул через неё...

Они не задёрнули занавесок, он совершенно отчётливо видел их в их маленькой гостиной — высокого черноволосого мужчину в очках, выпускающего клубы разноцветного дыма из своей волшебной палочки для развлечения маленького черноволосого мальчика в синей пижаме. Ребёнок смеялся и пытался поймать дым, схватить его в свой маленький кулачок...

Дверь открылась, и вошла мать, говоря слова, которых он не слышал, её длинные тёмно-рыжие волосы закрывали лицо. Теперь отец двумя руками поднял сына и протянул его матери. Он отбросил волшебную палочку на диван и потянулся, зевая...

Ворота чуть скрипнули, когда он их открыл, но Джеймс Поттер этого не услышал. Белая рука извлекла волшебную палочку из-под плаща и указала ей на дверь; та распахнулась.

Он уже был на пороге, когда Джеймс вбежал в прихожую. Это было легко, слишком легко, он даже не подобрал свою палочку...

— Лили, бери Гарри и уходи! Это он! Уходи! Беги! Я его задержу...

«Задержу», без волшебной палочки в руке!.. Он рассмеялся, прежде чем выпустить проклятие...

– *Avada Kedavra!*

Зелёный свет залил тесную прихожую, он осветил коляску, прислонённую к стене, заставил перила засиять, словно молнии, и Джеймс Поттер упал, словно кукла, у которой обрубил нитки...

Он слышал её крики с верхнего этажа; она была в ловушке, но если она останется разумной, ей, по крайней мере, нечего бояться... Он поднялся по ступеням, с удовольствием прислушиваясь к её попыткам забаррикадироваться... У неё при себе тоже нет палочки... Какие же они были глупцы, и какие доверчивые, считая, что их безопасность в их друзьях, что оружие можно отложить в сторону хотя бы на мгновение...

Он силой открыл дверь, одним ленивым движением волшебной палочки отшвырнул в сторону стул и ящики, поспешно придвинутые к ней... И вот она стоит, и ребёнок у неё в руках. При виде его она уронила сына в кроватку за её спиной и раскинула руки в стороны, как будто это могло помочь, как будто, закрывая ребёнка от его взгляда, она надеялась, что он выберет её...

– Только не Гарри, только не Гарри, пожалуйста, не Гарри!

– С дороги, глупая девчонка... С дороги, сейчас же...

– Не Гарри, пожалуйста, нет, возьмите меня, убейте меня лучше...

– Я предупреждаю в последний раз...

– Только не Гарри! Пожалуйста... будьте милосердны... милосердны... Только не Гарри! Не Гарри! Пожалуйста – я всё сделаю...

– С дороги – с дороги, девчонка...

Он мог просто отпихнуть её от кроватки, но более разумным представлялось покончить с ними всеми...

Зелёный свет блеснул в комнате, и она свалилась, как и её муж. Ребёнок всё это время не плакал; ему удалось встать, держась за ограждение кроватки, и он с радостным интересом посмотрел снизу вверх в лицо пришельца, возможно, думая, что это его отец спрятался под плащом и сделает ещё красивые огоньки, и его мать вот-вот вскочит на ноги и рассмеётся...

Он очень тщательно нацелил волшебную палочку мальчику в лицо: он хотел увидеть, как это случится, как будет уничтожена эта необъяснимая угроза. Ребёнок начал плакать: он увидел, что это был не Джеймс. Ему не понравилось, что ребёнок заплакал, он всегда не выносил нюни мелкоты в приюте...

– *Avada Kedavra!*

И тут он распался: он был ничем, ничем, кроме боли и ужаса, и он должен был спрятаться, не здесь, в обломках разрушенного дома, где кричал оставшийся в ловушке ребёнок, но далеко отсюда... далеко...

– Нет, – простонал он.

Змея шуришала по грязному, заваленному обломками полу, и он убил мальчишку, и в то же время он был мальчишкой...

– Нет...

И теперь он стоял возле разбитого окна дома Батильды, поглощённый воспоминаниями о его величайшем поражении, и огромная змея у его ног скользила среди осколков стекла и фарфора... Он глянул вниз и увидел что-то... что-то невероятное...

– Нет...

– Гарри, всё в порядке, ты в порядке!

Он наклонился и поднял разбитую фотографию. Вот он, неизвестный вор, тот, кого он искал...

– Нет... я её потерял... я её потерял...

– Гарри, всё нормально, проснись, проснись!

Он был Гарри... Гарри, не Волдеморт... и шуршала не змея...

Он открыл глаза.

– Гарри, – прошептала Гермиона. – Ты как себя чувствуешь – нор... нормально?

– Да, – солгал он.

Гарри был в палатке, лежал на нижней койке под кучей одеял. Он мог определить, что уже почти рассвет, по неподвижности и характерной чистоте холодного света над брезентовым потолком. Он был весь в поту; он чувствовал, что потом залиты простыни и одеяла.

– Мы выбрались.

– Да, – сказала Гермиона. – Мне пришлось применить чары Парения, чтобы уложить тебя на койку, я не могла тебя поднять. Ты был... ну, ты был немного...

Под её карими глазами пролегли фиолетовые тени, и Гарри заметил в её руке маленькую губку: она вытирала ему лицо.

– Ты был болен, – закончила она. – Сильно болен.

– Как давно мы оттуда ушли?

– Несколько часов назад. Сейчас почти утро.

– И я был... что, без сознания?

– Не совсем, – неловко произнесла Гермиона. – Ты кричал и стонал, и... всякое, – добавила она таким тоном, от которого Гарри стало неудобно. Что он делал? Выкрикивал проклятия, как Волдеморт? Плакал, как ребёнок в кровати?

– Я не могла снять с тебя Хоркракс, – продолжила Гермиона, и он понял, что она решила сменить тему. – Он прилип, прилип к твоей груди. У тебя осталась отметина; прости, мне пришлось применить Рассекающие чары, чтобы убрать его. Змея тебя тоже укусила, но я промыла рану и капнула туда немного ясенца...

Он снял и отшвырнул мокрую от пота футболку, которая на нём была, и посмотрел вниз. Над его сердцем был алый овал – там, где его обжёт медальон. Также он мог разглядеть полузатянувшиеся проколы на предплечье.

– Куда ты дела Хоркракс?

– В мою сумочку. Думаю, нам надо держать его подальше некоторое время.

Он откинулся назад в подушки и взглянул в её похудевшее, посеревшее лицо.

– Нам не следовало идти в Годрикову Лошину. Это моя вина, я во всём виноват, Гермиона. Прости меня.

– Это не твоя вина. Я тоже хотела пойти; я действительно думала, что Дамблдор мог оставить там для тебя меч.

– Да, ну что ж... Мы с этим ошиблись, так?

– Что произошло, Гарри? Что произошло, когда она взяла тебя наверх? Змея где-то там пряталась? И она вдруг выскочила, и убила её, и напала на тебя?

– Нет, – ответил он. – Она *и была* змеей... или змея была ей... всё это время.

– Ч-что?

Гарри закрыл глаза. Он всё ещё ощущал исходящий от него самый запах дома Батильды; это делало всё произошедшее ужасающе отчётливым.

– Батильда, наверно, уже давно мертва. Змея была... была внутри неё. Сама-Знаешь-Кто поместил её в Годрикову Лощину, чтобы ждать. Ты была права. Он знал, что я вернусь.

– Змея была *внутри* неё?

Он вновь открыл глаза; на лице Гермионы было написано отвращение, её словно тошнило.

– Люпин говорил, что мы встретимся с магией, которую мы и представить себе не можем, – произнёс Гарри. – Она не хотела говорить в твоём присутствии, потому что это был Рассеяз, всё на Рассеязе, а я не догадывался, но, конечно, я мог её понимать. Как только мы поднялись в комнату, змея послала сообщение Сама-Знаешь-Кому, я слышал это у себя в голове, я ощутил его возбуждение, он сказал держать меня там... и тогда...

Гарри вспомнил, как змея выползала из шеи Батильды; Гермионе необязательно было знать все детали.

– Она превратилась, превратилась в змею и напала.

Он глянул вниз, на следы укусов.

– Она не должна была меня убить, просто продержать там до прихода Сама-Знаешь-Кого.

Если бы только ему удалось убить змею, это стоило бы того, весь их вояж... С тяжестью на сердце он сел и отбросил одеяла.

– Гарри, нет, я знаю, ты должен отдохнуть!

– Это тебе нужно поспать. Без обид, но ты выглядишь ужасно. Я в норме. Я подежурю немного. Где моя палочка?

Она не ответила, просто смотрела на него.

– Где моя волшебная палочка, Гермиона?

Она прикусила губу, и слёзы выступили у неё на глазах.

– Гарри...

– *Где моя палочка?*

Гермиона потянулась куда-то рядом с кроватью и подала ему палочку.

Волшебная палочка из остролиста и пера феникса разломилась практически надвое. Одна лишь тонкая жилка пера феникса удерживала обе половинки вместе. Дерево раскололось полностью. Гарри взял её в руки, словно живое существо, которому была нанесена страшная рана. Он не мог нормально мыслить: всё было в тумане паники и страха. Затем он протянул палочку Гермионе.

– Почини её. Пожалуйста.

– Гарри, я не думаю, когда она *так* сломана...

– Пожалуйста, Гермиона, хоть попытайся!

– *R-reparo.*

Свисающая половинка палочки вновь собралась. Гарри поднял её.

– *Lumos!*

Палочка испустила несколько слабых искр и погасла. Гарри навёл её на Гермиону.

– *Expelliarmus!*

Волшебная палочка Гермионы слегка дёрнулась, но не покинула её руки. Эта бледная попытка магии оказалась непосильной для Гарриной палочки, которая опять развалилась надвое. Гарри уставился на неё, потрясённый, не в состоянии осознать, что он видит... Волшебная палочка, которая столько перенесла...

– Гарри, – прошептала Гермиона, настолько тихо, что он едва мог её расслышать. – Пожалуйста... пожалуйста, прости меня. Я думаю, что это была я. Когда мы уходили, помнишь, змея на нас набросилась, и я произвела Разрывное проклятие, и оно отражалось повсюду, и оно, наверное... наверное, попало...

– Это было случайно, – механически ответил Гарри. Он чувствовал себя опустошённым, парализованным. – Мы... мы найдём способ её починить.

– Гарри, я не думаю, что нам это удастся, – покачала головой Гермиона, по лицу которой стекали слёзы. – Помнишь... помнишь Рона? Когда он сломал свою палочку, разбив машину? Она никогда после этого не восстановилась, ему пришлось купить новую.

Гарри подумал об Олливандере, похищенном и удерживаемом в плену Волдемортом, о Грегоровиче, который был мёртв. Как он мог теперь достать себе новую волшебную палочку?

– Что ж, – фальшиво-непринуждённым голосом сказал он, – тогда мне просто придётся одолжить твою палочку ненадолго. Пока я дежурю.

Гермиона, лицо которой было залито слезами, протянула ему свою волшебную палочку. Гарри оставил Гермиону сидеть у кровати, не желая ничего, кроме как уйти от неё подальше.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ЖИЗНЬ И ЛОЖЬ АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА

Всходило солнце; чистое, бесцветное, огромное небо простиралось над Гарри, равнодушное к нему и к его страданиям. Гарри уселся у входа в палатку и глубоко вдохнул чистый воздух. Просто быть живым, иметь возможность наблюдать, как солнце поднимается над искрящимся снежным холмом, – это само по себе должно было бы быть величайшим сокровищем на земле, однако Гарри не мог его оценить: его чувства были словно пронзены катастрофой потери волшебной палочки. Он выглянул наружу, посмотрел вдаль, через лежащую под снежным одеялом долину. Сквозь сверкающую тишину до него доносились отдалённые звуки церковных колоколов.

Сам того не сознавая, он впился пальцами себе в руки, словно собираясь противостоять физической боли. Он проливал собственную кровь больше раз, чем мог сосчитать; однажды он лишился всех костей в правой руке; это путешествие уже принесло ему шрамы на груди и предплечье в дополнение к тем, что уже были на кисти руки и на лбу; но никогда до этого момента он не чувствовал себя столь фатально ослабленным, уязвимым и голым, словно у него отобрали лучшую часть его магической силы. Он точно знал, что сказала бы Гермиона, если бы он поделился с ней этими ощущениями: волшебная палочка настолько хороша, насколько хорош колдун. Но она ошибалась, его случай был особым. Ей никогда не приходилось чувствовать, как палочка вращается, словно стрелка компаса, и посылает золотое пламя во врага. Он лишился защиты сердцевинки-близнецов, и лишь теперь, когда это произошло, он осознал, как сильно на неё рассчитывал.

Гарри вытащил части сломанной палочки из кармана и, не глядя на них, убрал в Хагридову сумочку, висевшую у него на шее. Теперь сумочка была полностью набита сломанными и бесполезными предметами, так что больше туда уже ничего бы не влезло. Гарриная рука коснулась через стенку Сумкасины старого снитча, и какое-то мгновение ему пришлось подавить желание вытащить его и зашвырнуть куда подальше. Непонятный, бессмысленный, бесполезный, как и всё остальное, что оставил после себя Дамблдор...

И злость на Дамблдора обрушилась на него подобно лаве, сжигая его изнутри, выжигая все прочие чувства. Чистое отчаяние заставило их поверить, что в Годриковой Лощине их ждут ответы, и они убедили сами себя, что должны были туда вернуться, что это была часть некоего секретного пути, проложенного для них Дамблдором; но там не оказалось карты, никакого плана. Дамблдор оставил их шарить в темноте, бороться с ужасами, о которых они не знали и которые им даже во сне бы не привиделись, бороться одним, без помощи: ничто не было объяснено, ничто не было просто дано, у них не было меча, а теперь у Гарри не было ещё и волшебной палочки. И он уронил фотографию вора, и теперь, несомненно, Волдеморту будет легко выяснить, кто он... Теперь у Волдеморта была вся информация...

– Гарри?

Гермиона явно опасалась, что Гарри наложит на неё проклятие её собственной волшебной палочкой. Всё ещё с отёками от слёз на лице, она присела на корточки рядом с ним. В руках у неё дрожали две чашки чая, а под мышкой было зажато что-то громоздкое.

– Спасибо, – произнёс Гарри, беря одну из чашек.

– Ты не хочешь, чтобы я говорила с тобой?

– Нет, почему же, – ответил он, поскольку не хотел ранить её чувства.

– Гарри, ты хотел знать, кто был тот человек на фотографии. Ну вот... я достала книгу.

Она с застенчивым видом положила ему на колени новенький экземпляр «Жизни и лжи Альбуса Дамблдора».

– Где... как?..

– Она была в гостиной Батильды, просто лежала... Вот эта записка торчала сверху.

Гермиона вслух прочла несколько строк остренького почерка, написанных зелёными чернилами.

– «Дорогая Батти, благодарю тебя за помощь. Вот экземпляр книги, надеюсь, она тебе понравится. Ты рассказала всё, даже если ты этого и не помнишь. Рита» Я думаю, её доставили, когда настоящая Батильда была ещё жива, но может, она была уже неспособна её прочесть?

– Да, наверно, уже была неспособна...

Гарри глянул сверху вниз на лицо Дамблдора и испытал приступ злобной радости: сейчас он узнает всё то, что Дамблдор не счёл нужным ему рассказать, – хотел того Дамблдор или нет.

– Ты всё ещё залишься на меня, да? – спросила Гермиона; подняв взгляд, он увидел новые слёзы, вытекающие из её глаз, и понял, что его гнев был написан у него на лице.

– Нет, – тихо ответил Гарри. – Нет, Гермиона. Я знаю, что это был несчастный случай. Ты пыталась вытащить нас оттуда живыми, и ты была просто потрясающа. Я был бы уже мёртв, если б ты не оказалась там и не помогла мне.

Он попытался улыбнуться в ответ на её мокрую улыбку, после чего вновь вернул своё внимание книге. Её корешок был очень твёрдым; несомненно, книгу раньше не открывали. Гарри пробежался по страницам в поисках фотографий. На ту, которую искал, он наткнулся сразу же – на фотографию юного Дамблдора и его красивого спутника, хохочущих во всё горло над какой-то давно забытой шуткой. Гарри кинул взгляд на подпись.

«Альбус Дамблдор, вскоре после смерти матери, со своим другом Геллертом Гринделвальдом.»

Гарри таращился на последнее слово несколько долгих секунд. Гринделвальд. Его друг Гринделвальд. Он искоса глянул на Гермиону; та всё ещё неотрывно смотрела на имя, словно не могла поверить собственным глазам. Потом она медленно подняла взгляд на Гарри.

– Гринделвальд?

Не обращая внимания на оставшиеся фотографии, Гарри начал изучать ближайшие страницы в поисках упоминания этого рокового имени. Он обнаружил его очень скоро и жадно впился в текст, но мгновенно запутался: чтобы понимать, что происходит, нужно было вернуться к более раннему куску текста, и в конце концов он оказался в начале главы, называемой «Большее Благо». Вместе с Гермионой он начал читать.

«Итак, незадолго до своего восемнадцатого дня рождения Дамблдор покинул Хогвартс в

ореоле славы — староста школы ⁵⁶, префект, лауреат премии Барнабуса Финкли «за выдающиеся заклинания», представитель британской молодёжи в Визенгамоте, лауреат золотой медали «за выдающийся вклад в международную конференцию алхимиков в Каифе». Далее Дамблдор намеревался предпринять большое путешествие с Элфиасом Доджем по прозвищу «Долдон» ⁵⁷, туповатым, но преданным спутником, которым он обзавёлся в школе.

Двое молодых людей остановились в «Дырявом котле» в Лондоне, готовясь на следующее утро отправиться в Грецию, когда прибыла сова с сообщением о смерти матери Дамблдора. «Долдон» Додж, отказавшийся дать интервью для этой книги, уже предоставил общественности свою сентиментальную версию того, что произошло далее. Он представляет смерть Кендры как трагический удар, а решение Дамблдора отказаться от путешествия — как благородную жертву.

Несомненно то, что Дамблдор сразу же вернулся в Годрикову Лощину, предположительно чтобы «заботиться» о младших брате и сестре. Но насколько большой заботой он их окружил на самом деле?

— У этого Аберфорта были с головой проблемы, — сообщает Инид Смик, семья которого проживала в то время на окраине Годриковой Лощины. — Совсем слетел с катушек. Конечно, после смерти его папы и мамы его можно было бы пожалеть, только он всё время кидался мне в голову козым навозом. Я не думаю, что Альбус им много занимался, во всяком случае, я никогда не видел их вместе.

Так чем же занимался Альбус, если не утешал своего буйного младшего брата? Ответ, судя по всему — обеспечивал продолжающееся заключение своей сестры. Ибо, хотя её первый тюремщик был мёртв, это не внесло изменений в печальное положение Арианы Дамблдор. Само её существование оставалось известно лишь тем немногим посторонним, в отношении которых, как в случае «Долдона» Доджа, можно было не сомневаться, что они поверят в версию «слабого здоровья».

Ещё одним столь доверчивым другом семьи была Батильда Бэгшот, знаменитый магический историк, проживавшая в Годриковой Лощине много лет. Кендра, конечно же, оттолкнула Батильду, когда та в первый раз попыталась поприветствовать новую семью в деревне. Несколько лет спустя, однако, автор послала Альбусу в Хогвартс сову, с которой сообщила, что весьма впечатлена его статьёй на тему межвидовой трансформации в «Тематической трансфигурации». Этот первоначальный контакт привёл в дальнейшем к её знакомству со всей семьёй Дамблдоров. К моменту смерти Кендры Батильда была единственным человеком в Годриковой Лощине, кто нормально общался с матерью Дамблдора.

К сожалению, острый интеллект, которым Батильда блистала в своей жизни ранее, к этому времени несколько затупился. «Огонь горит, но котёл пуст», как это сформулировал в беседе со мной Айвор Диллонсби, или, как несколько раньше сказал Инид Смик, «у неё в голове беличьи какашки». Тем не менее, сочетание старых испытанных методов репортёра позволило

⁵⁶ В оригинале для обозначения «главных школьников» используются два термина: Prefect (префект) и Head boy/girl (староста). Первые назначаются на пятом курсе, два человека на Дом; вторые — на седьмом курсе, два человека на всю школу.

⁵⁷ В оригинале от фамилии Doge Рита Скитер образовала прозвище Dogbreath (собачье дыхание). Я изменил смысл прозвища, чтобы сохранить созвучие с фамилией.

мне извлечь достаточное количество зёрен фактов, чтобы связать воедино всю скандальную историю.

Как и весь остальной магический мир, Батильда относит преждевременную смерть Кендры на счёт «неправильно сработавшего заклятья», истории, повторяемой Альбусом и Аберфортам все последующие годы. Батильда также повторяет семейную версию касательно Арианы, называя её «нежной» и «хрупкой». Но в одном Батильда оказалась достойна тех усилий, которые мне пришлось приложить, чтобы раздобыть Веритасерум⁵⁸, ибо она и только она знает всю историю самой охраняемой тайны в жизни Альбуса Дамблдора. Теперь, будучи впервые преданной огласке, эта тайна ставит под сомнение всё то, во что верили почитатели Дамблдора: его предполагаемую ненависть к Тёмным искусствам, его неприятие подавления магглов, даже его преданность собственной семье.

В то самое лето, когда Дамблдор вернулся домой в Годрикову Лощину, став сиротой и главой семьи, Батильда Бэгшот согласилась взять к себе в дом своего внучатого племянника Геллерта Гринделвальда.

Имя Гринделвальда сегодня общеизвестно, и это вполне заслуженная известность: в списке Самых Опасных Тёмных Колдунов Всех Времён он промахнулся мимо первой строчки исключительно благодаря тому, что поколением позже появился Сами-Знаете-Кто и украл у него корону. Однако, поскольку Гринделвальд никогда не распространял свою кампанию террора на Британию, детали его восхождения к власти не приобрели здесь широкой известности.

Проходя обучение в Дурмстранге, в школе, уже тогда известной своим достойным сожаления тяготением к Тёмным искусствам, Гринделвальд показал себя таким же не по годам выдающимся, как Дамблдор. Однако вместо того, чтобы пустить свои таланты на получение призов и наград, Геллерт Гринделвальд посвятил себя иным целям. Когда ему было шестнадцать, даже в Дурмстранге поняли, что они больше не могут смотреть сквозь пальцы на извращённые эксперименты Геллерта Гринделвальда, и он был исключён.

До настоящего времени всё, что было известно о последовавших за этим действиях Гринделвальда – это то, что он «несколько месяцев был за границей». Теперь мы знаем, что Гринделвальд принял решение навестить свою двоюродную бабушку в Годриковой Лощине и что там, сколь бы шокирующим это ни показалось многим, он завёл близкую дружбу не с кем иным, как с Альбусом Дамблдором.

– Мне он казался очаровательным мальчуганом, – бормочет Батильда, – кем бы он ни стал позже. Естественно, я познакомила его с несчастным Альбусом, которому так недоставало компании ребят его возраста. Мальчики прикипели друг к другу с первого взгляда.

Что верно, то верно. Батильда показала мне хранившееся у неё письмо, которое Альбус Дамблдор прислал Геллерту Гринделвальду однажды поздно ночью.

– Да, даже после того, как они проводили весь день в обсуждениях – оба столь блестящие молодые люди, они были дружны, как котёл с огнём – я иногда слышала, как сова стучится в окно спальни Геллерта, принося письмо от Альбуса! Ему в голову пришла идея, и он должен был поделиться с Геллертом немедленно!

И что это были за идеи! Сколь бы невероятно шокирующими ни нашли их фанаты

⁵⁸ Veritaserum – в переводе с латыни «сыворотка правды»

Альбуса Дамблдора, вот они, мысли их семнадцатилетнего героя, поведанные им своему новому лучшему другу (копию оригинального письма можно увидеть на странице 463):

«Геллерт,

Твой аргумент о том, что колдуны должны доминировать над магглами ДЛЯ ИХ ЖЕ БЛАГА, — это, я думаю, ключевой момент. Да, нам была дана сила, и да, эта сила даёт нам право на власть, но она также даёт нам ответственность за тех, над кем мы властны. Мы должны подчеркнуть этот момент, это будет фундамент, на котором мы будем строить. Там, где нам будут возражать, а это наверняка случится — это должно лечь в основу наших контраргументов. Мы берём управление ВО ИМЯ БОЛЬШЕГО БЛАГА. И из этого следует, что там, где мы встретим сопротивление, мы должны применить лишь ту силу, которая необходима, не более того. (Это была твоя ошибка в Дурмстранге! Но я не жалею, потому что, если бы тебя не исключили, мы бы никогда не познакомились.)

Альбус».

Как бы ни были потрясены и возмущены многочисленные поклонники Альбуса Дамблдора, это письмо содержит доказательство того, что он когда-то мечтал снять статут секретности и установить власть колдунов над магглами. Какой удар для тех, кто представляет Дамблдора величайшим защитником магглождённых! Какими пустыми кажутся теперь его речи в защиту прав магглов в свете этого нового убийственного свидетельства! Каким презренным предстаёт перед нами Альбус Дамблдор, занятый планированием своего восхождения к власти, когда он должен был оплакивать свою мать и заботиться о своей сестре!

Несомненно, те, кто стремится удержать Дамблдора на его шатком пьедестале, будут блять, что он, в конечном итоге, не привёл этот план в действие, что он наверняка поменял точку зрения, что здравый смысл в нём возобладал. Однако правда представляется ещё более шокирующей.

Едва минуло два месяца с начала их новой большой дружбы, как Дамблдор и Гринделвальд расстались, чтобы никогда больше не увидеться вплоть до их легендарной дуэли (подробности вы найдёте в главе 22). Что вызвало этот внезапный разрыв? Может быть, Дамблдор пришёл в себя? Может быть, он сообщил Гринделвальду, что он более не желает участвовать в осуществлении этого плана? Увы, нет.

— Думаю, это произошло из-за смерти бедной маленькой Арианы, — говорит Батильда. — Это стало ужасающим шоком. Геллерт был у них дома, когда это случилось, и он вернулся ко мне весь дрожа от возбуждения и сказал, что хочет на следующий день уйти домой. Очень был взволнован, знаешь ли. Поэтому я договорилась насчёт портключа, и это был последний раз, когда я его видела. Альбус же был просто вне себя от смерти Арианы. Для обоих братьев это было так ужасно. Они потеряли всех близких, кроме друг друга. Неудивительно, что они стали немного агрессивными. Аберфорт обвинил Альбуса, знаешь ли, как многие бы сделали в таких ужасных обстоятельствах. Но Аберфорт всегда говорил немного по-сумасшедшему, бедный мальчик. Хотя, конечно, ломать нос Альбусу на похоронах было неприличным поступком.

Кендре бы очень не понравилось видеть, как её сыновья так дерутся над телом её дочери. Какая жалость, что Геллерт не смог остаться на время похорон... Он мог бы по меньшей мере утешить Альбуса...

Это ужасная драка над гробом, известная лишь тем немногим, кто был на похоронах Арианы Дамблдор, поднимает ряд вопросов. По какой именно причине Аберфорт Дамблдор обвинил своего брата в смерти сестры? Был ли это, как делает вид старая «Батти», просто взрыв горя? Или для его ярости могли быть более конкретные причины? Гринделвальд, исключённый из Дурмстранга за нападения на других учеников, едва не повлёкшие за собой их смерть, покинул страну через считанные часы после кончины девушки, и Альбус (от стыда или, возможно, от страха?) никогда с ним больше не встречался, пока его к этому не принудили мольбы всего магического мира.

Ни Дамблдор, ни Гринделвальд, похоже, никогда в своей дальнейшей жизни не упоминали об этой краткой дружбе детства. Однако не вызывает сомнений то, что Дамблдор задерживал свою атаку на Геллерта Гринделвальда примерно пять лет — пять лет беспорядка, смертей и исчезновений. Были ли причиной такой нерешительности Дамблдора остатки приязни к этому человеку, или же это был страх того, что их близкая дружба будет раскрыта? Возможно ли, что Дамблдор лишь с огромной неохотой направился захватывать человека, знакомству с которым он когда-то был так рад?

II как умерла таинственная Ариана? Стала ли она нечаянной жертвой какого-нибудь Тёмного ритуала? Не наткнулась ли она случайно на что-то, чего не должна была видеть, когда двое молодых людей практиковались в своих попытках устремиться к славе и власти? Возможно ли, что Ариана Дамблдор была первым человеком, погибшим «во имя большего блага»?»

На этом месте глава закончилась, и Гарри поднял взгляд. Гермiona дочитала до конца страницы раньше него. Она вырвала книгу у Гарри из рук (выражение Гарриного лица её явно несколько встревожило) и захлопнула не глядя, словно прятала нечто неприличное.

— Гарри...

Но он покачал головой. Какая-то внутренняя убеждённость внутри него сломалась; точно так же он чувствовал себя, когда ушёл Рон. Он доверял Дамблдору, верил, что он был воплощением доброты и мудрости. Всё пошло прахом. Сколько ещё он мог потерять? Рон, Дамблдор, фениксова волшебная палочка...

— Гарри, — она словно прочла его мысли. — Послушай меня. Это... это было не очень приятным чтением...

— ...ага, тебе легко говорить...

— ...но не забывай, Гарри, что это написала Рита Скитер.

— Ты же прочла это письмо к Гринделвальду, нет?

— Да, я... я прочла, — она расстроено помолчала, покачивая чашку с чаем своими замёрзшими руками. — Я думаю, что это самое худшее, что там есть. Я знаю, Батильда думала, что это всего лишь разговоры, но «Во имя Большого Блага» стало лозунгом Гринделвальда, его оправданием всех жестокостей, которые он совершил позже. И... отсюда... похоже, что

Дамблдор подал ему эту идею. Говорят, что лозунг «Во имя Большого Блага» был даже выбит над входом Нурменгарда.

– Что такое Нурменгард?

– Это тюрьма, которую Гринделвальд построил, чтобы держать в ней своих противников. Он сам там в конце концов оказался, когда Дамблдор его поймал. Во всяком случае, это... это ужасно, что идеи Дамблдора могли помочь Гринделвальду набрать силу. Но, с другой стороны, даже Рита не может делать вид, что они знали друг друга дольше, чем несколько месяцев одного лета, когда они оба были очень молоды, и...

– Я знал, что ты это скажешь, – сказал Гарри. Он не хотел выплёскивать на неё свой гнев, но сохранить спокойствие в голосе было очень трудно. – Я знал, что ты скажешь, что «они были молоды». Им было столько же лет, сколько нам сейчас. И вот они мы, рискуем жизнью, борясь с Тёмными искусствами, и вот он он, обнимается со своим новым лучшим другом и планирует свой приход к власти над магглами.

Он не мог больше сохранять самообладание; он встал и зашагал кругами, стараясь физическими усилиями подавить гнев.

– Я не пытаюсь защитить то, что Дамблдор написал, – произнесла Гермиона. – Вся эта ерунда насчёт «права на власть», это опять то самое, «Магия – сила». Но Гарри, его мать только что умерла, он один застрял в своём доме...

– Один? Он не был один! У него была компания, брат и сестра, его сестра-сквиб, которую он всё время держал под замком...

– Я в это не верю, – заявила Гермиона. Она тоже поднялась на ноги. – Что бы ни было не так с этой девочкой, я не думаю, что она была сквибом. Дамблдор, которого мы знали, никогда, никогда в жизни не позволил бы...

– Дамблдор, которого мы думали, что знаем, не собирался покорять маглов силой! – заорал Гарри, и его голос эхом разнёсся по пустой вершине холма; несколько дроздов взмыли в воздух, крича и летая кругами в жемчужно-белом небе.

– Он изменился, Гарри, он изменился! Всё очень просто! Может, он действительно верил в эти вещи, когда ему было семнадцать, но всю остальную свою жизнь он посвятил борьбе с Тёмными искусствами! Именно Дамблдор остановил Гринделвальда, именно он всегда голосовал за законы о защите прав маглов и маглорождённых, именно он с самого начала сражался с Сам-Знаешь-Кем, и именно он умер для того, чтобы Сам-Знаешь-Кто мог быть побеждён!

Книга Риты лежала на земле между ними, так что лицо Дамблдора уныло улыбалось им обоим.

– Гарри, прости меня, но я думаю, что настоящая причина твоей злости в том, что Дамблдор сам никогда не рассказывал тебе об этом.

– Может, и так! – прокричал Гарри и обхватил руками голову, с трудом понимая зачем – то ли пытаюсь удержать внутри свою ярость, то ли чтобы защититься от полной потери иллюзий. – Посмотри, что он от меня требовал, Гермиона! Рискни жизнью, Гарри! И ещё разок! И ещё! И не рассчитывай, что я что-нибудь тебе объясню, просто верь мне, слепо верь,

верь, что я знаю что делаю, доверяй мне, даже если я тебе не доверяю! Никогда – всю правду! Никогда!

Его голос треснул от напряжения, и они стояли, глядя друг на друга посреди белизны и пустоты, и Гарри чувствовал, что под этим огромным небом они оба мелки и незначительны, как насекомые.

– Он любил тебя, – прошептала Гермиона. – Я знаю, что он тебя любил.

Гарри уронил руки.

– Не знаю, кого он любил, Гермиона, но это никогда не был я. Это не любовь – то, в каком дерьме он меня оставил. Он, чёрт подери, говорил намного бóльшую часть того, что на самом деле думал, Геллерту Гринделвальду, чем когда-либо рассказывал мне.

Гарри подобрал волшебную палочку Гермионы, которую ранее уронил в снег, и уселся спиной к входу в палатку.

– Спасибо за чай. Я закончу дежурство. Возвращайся в тепло.

Гермиона помедлила, но смирилась с тем, что разговор окончен. Она подобрала книгу и пошла к палатке. Проходя мимо Гарри, она слегка провела ладонью по его волосам. При её прикосновении он закрыл глаза, ненавидя себя за своё желание, чтобы сказанное ей оказалось правдой: что Дамблдору действительно было не всё равно.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

СЕРЕБРЯНАЯ ОЛЕНУХА⁵⁹

К полуночи, когда Гермиона заступила на дежурство, пошёл снег. Сны Гарри были беспокойными и непонятными: в них то и дело волнами вползала Нагини, сперва через огромное треснутое кольцо, затем сквозь венок из рождественских роз. Гарри то и дело просыпался в панике, убеждённый, что кто-то звал его где-то вдалеке, воображая, что вой ветра за пределами палатки был на самом деле звуками шагов или голосов.

В конце концов он поднялся в темноте и присоединился к Гермионе, скорчившейся у входа в палатку и читающей «Историю магии» в свете волшебной палочки. Снег по-прежнему шёл очень густо, и она с облегчением восприняла его предложение упаковаться пораньше и двигаться вперёд.

– Пойдём куда-нибудь, где сможем укрыться получше, – согласилась она, дрожа от холода, пока натягивала футболку с длинным рукавом поверх пижамы. – Мне всё время кажется, что я слышу движение людей снаружи. Пару раз мне даже показалось, что я кого-то вижу.

Гарри, натягивавший джемпер, застыл на месте и кинул взгляд на безмолвный, неподвижный хитроскоп, стоящий на столе.

– Я уверена, что мне показалось, – нервно произнесла Гермиона, – снегопад в темноте часто играет шутки с глазами... но, может, нам стоит деаппарировать под плащом-невидимкой, просто на всякий случай?

Полчаса спустя, упаковав палатку и держа, Гарри – Хоркракс, Гермиона – бисерную сумочку, они деаппарировали. Как обычно, их обволокла тутая тьма; Гаррины ноги оторвались от заснеженной земли и затем ударились обо что-то похожее на замёрзшую почву, покрытую слоем листьев.

– Где мы? – спросил он, оглядывая новую массу деревьев, пока Гермиона, открыв бисерную сумочку, вытягивала оттуда шесты от палатки.

– Лес Дина, – ответила она. – Я один раз тут останавливалась лагерем вместе с мамой и папой.

Здесь тоже на деревьях лежал снег и было очень холодно, но, по крайней мере, Гарри и Гермиона были защищены от ветра. Большую часть дня они провели в палатке, свернувшись поплотнее для сохранения тепла, рядом с замечательным и полезным ярко-синим огнём, в создании которого Гермиона была такой мастерицей и который можно было собрать и взять с собой в баночке. Гарри чувствовал себя так, словно он восстанавливался после какой-то краткой, но тяжёлой болезни, и это впечатление ещё усиливалось заботливостью Гермионы. Во второй половине дня сверху начали падать хлопья снега, так что даже их закрытая поляна покрылась свежим слоем пушистого снега.

⁵⁹ Ввиду большого количества вопросов от читателей поясню. Во-первых, употреблённое в оригинале слово «дое» означает в данном случае самку оленя, а не лань (которая является совершенно другим животным). Во-вторых, согласно словарю Ожегова самка оленя – именно оленуха, а не «олениха».

После двух ночей, когда Гарри почти не спал, его чувства обострились. Их бегство из Годриковой Лощины было столь невероятным, что Волдеморт каким-то образом казался ему более близким, чем раньше, и более угрожающим. Когда вновь надвинулась темнота, Гарри отклонил предложение Гермионы дежурить первой и сказал ей идти спать.

Гарри перенёс ко входу в палатку старую подушку и уселся. Он надел на себя все свои свитера, но даже при этом его слегка знобило. По мере того, как шли часы, тьма сгущалась всё сильнее, пока не стала наконец абсолютно непроницаемой. Он уже совсем было собрался извлечь Карту Мародёра, чтобы понаблюдать немного за точкой Джинни, но вспомнил, что сейчас рождественские каникулы и она наверняка дома, в Норе.

Даже самое крохотное движение казалось увеличенным в огромности леса. Гарри знал, что лес наверняка полон живых существ, но ему хотелось бы, чтобы они все оставались на месте и молчали, — так он мог бы легко отличить их невинный топоток или крадущуюся поступь от звуков, могущих сигнализировать о других, более зловещих движениях. Гарри вспомнил звук плаща, скользившего по палой листве много лет назад, и в этот момент ему показалось, что он слышит этот шорох снова, но тут он мысленно встряхнул сам себя. Их защитные заклятья работали многие недели; почему они должны разбиться сейчас? И тем не менее он не мог избавиться от ощущения, что в эту ночь что-то было по-другому.

Несколько раз он вздрагивал; его шея болела от того, что он, заснув, прислонился к палатке в неудобной позе. Ночь стала такой бархатно-чёрной, что он словно был подвешен в лимбо между аппарированием и дезаппарированием. Гарри как раз поднял кисть руки на уровень лица, чтобы понять, может ли он различить собственные пальцы, когда это случилось.

Прямо перед ним возник яркий серебряный свет, движущийся между деревьями. Что бы ни было его источником, двигалось оно совершенно беззвучно. Свет, казалось, просто плыл ему навстречу.

Гарри вскочил на ноги, слова застряли у него в глотке. Он поднял волшебную палочку Гермионы. Он прищурил глаза, поскольку свет стал ослепляющим, деревья перед ним выделялись угольно-чёрными силуэтами, а это всё приближалось...

И вот источник света вышел вперёд из-за дуба. Это была серебристо-белая оленуха, яркая, как луна, ослепительная, выбирающая себе путь над землёй, по-прежнему безмолвная, не оставляющая отпечатков копыт на тонком снежном покрывале. Она вышагивала прямо к нему, высоко держа свою красивую голову с большими глазами и длинными ресницами.

Гарри уставился на это создание, наполненный радостным удивлением, не от её странности, но от того, что она была ему чем-то необъяснимо знакома. Он чувствовал, что ждал, что она появится, но просто забыл и не помнил до этого самого момента, что у них назначена встреча. Его мгновенное желание позвать Гермиону, столь сильное секундой раньше, угасло. Он знал, он готов был поставить свою жизнь, что она пришла к нему и только к нему.

Несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга, затем она повернулась и пошла обратно.

– Нет, – произнёс он, и его голос оказался хриплым от редкого использования. – Вернись!

Она продолжила неторопливо ступать мимо деревьев, и вскоре её яркость была приглушена их толстыми чёрными стволами. Одну полную дрожи секунду Гарри оставался в нерешительности. Осторожность шептала: это может быть трюк, приманка, западня. Но инстинкт, всепоглощающий инстинкт убеждал его, что это не была Тёмная магия. Он побежал за оленухой.

Снег хрустел у него под ногами, но оленуха не произвела ни звука, проходя через деревья, ибо она была лишь чистым светом. Всё глубже и глубже в лес она его вела, и Гарри шёл быстро, уверенный, что когда она остановится, то позволит ему подойти к ней. И тогда она заговорит, и её голос расскажет ему всё, что он должен знать.

Наконец она остановилась. Она вновь повернула к нему свою красивую голову, и он помчался вперёд; вопрос опалял ему рот; но едва Гарри разомкнул губы, чтобы задать его, оленуха исчезла.

Хотя тьма поглотила её целиком, её горящий силуэт всё ещё отпечатывался на его сетчатке; он заслонял обзор, становясь ещё более ярким, когда Гарри опустил веки, дезориентируя его. Потом пришёл страх: присутствие оленухи значило безопасность.

– *Lumos*, – прошептал он, и на кончике палочки зажёгся огонёк.

Силуэт оленухи тускнел с каждым миганием Гарриных глаз, пока он стоял, прислушиваясь к звукам леса, к отдалённому хрусту веток, к мягкому шелесту снега. Должен ли кто-то сейчас на него напасть? Заманила ли она его в ловушку? Было ли это лишь его воображением, что за пределами светового пятна от волшебной палочки кто-то стоял и следил за ним?

Он поднял волшебную палочку повыше. Никто на него не набрасывался, вспышки зелёного света не вылетали из-за деревьев. В таком случае, почему она привела его в это место?

Что-то блеснуло в свете волшебной палочки, и Гарри развернулся на месте, но всё, что он обнаружил, – это маленькое замёрзшее озерцо; его потрескавшаяся чёрная поверхность сверкнула, когда Гарри поднял палочку ещё выше, чтобы его осмотреть.

Он осторожно подошёл и глянул вниз. На льду отобразилась его искажённая тень и луч света от палочки, но в глубине под толстой, туманистой серой коркой сверкнуло что-то ещё. Большой серебряный крест...

Его сердце подпрыгнуло до самой глотки; он бухнулся на колени на краю озерца и повернул волшебную палочку таким образом, чтобы направить как можно больше света на самое дно. Отблеск глубокого красного света... Это был меч с рубинами, сверкающими на рукоятке... Меч Гриффиндора лежал на дне лесного озерца.

Едва дыша, Гарри смотрел на него. Как такое могло быть? Как такое могло получиться, что он лежал в лесном озерце, так близко от места, где был их бивак? Может быть, какая-то неизвестная им магия притянула Гермиону к этому месту? А оленуха, которая, насколько он мог судить, была Патронусом, – что-то типа стража озерца? Или же меч был помещён в озерцо после того, как они сюда прибыли, именно потому, что они были здесь? В таком

случае – где был тот человек, который хотел передать его Гарри? Вновь он направил свет волшебной палочки на окружающие деревья и кусты в поисках человеческого силуэта или блеснувших глаз, но и на этот раз никого не увидел. Тем не менее, Гаррино радостное возбуждение было чуть разбавлено страхом, когда он снова вернул своё внимание мечу, покоящемуся на дне замёрзшего озера.

Он указал палочкой на серебристый контур и прошептал: *«Accio меч»*.

Меч не пошевелился. Да Гарри и не ожидал иного. Если бы всё было так просто, меч просто лежал бы на земле, – подходи и бери, – а не покоился в глубине замёрзшего озера. Гарри направился вдоль края ледяного круга, лихорадочно вспоминая о предыдущем разе, когда меч явился к нему. Он был тогда в смертельной опасности и позвал на помощь.

– Помоги, – прошептал он, но меч остался равнодушно и неподвижно лежать на дне озера.

Что же, спросил себя Гарри (снова идя вокруг озера), говорил ему Дамблдор в последний раз, когда он доставал меч? *Только истинный гриффиндор смог бы вытащить его из шкатулки*. А какие качества свойственны гриффиндорцам? Тихий голос внутри Гарри ответил ему: *смелость, хладнокровие, благородство отличают гриффиндорцев*.

Гарри остановился и испустил глубокий вздох, выпустив изо рта струю пара в морозный воздух. Он знал, что должен был сделать. Если бы он был до конца честен перед самим собой, он бы подумал, что мог бы догадаться в тот самый момент, когда только заметил меч подо льдом.

Он снова глянул на окружающие деревья, хотя и был теперь убеждён, что никто не собирается на него нападать. У них были все шансы, пока он шёл в одиночестве через лес, у них было множество возможностей, пока он осматривал озеро. Единственной причиной, по которой он задержался, было то, что ближайшая перспектива была исключительно неприятной.

Дрожащими пальцами Гарри начал снимать многочисленные слои своей одежды. Где тут было задействовано «благородство», печально думал он, не совсем понятно; разве что ему будет зачтено как благородный поступок то, что он не попросил Гермиону сделать это вместо него.

Пока Гарри раздевался, где-то заухала сова, и он ощутил укол печали, подумав о Хэдвиг. Теперь он весь дрожал, его зубы выбивали чечётку, но несмотря на это, он продолжал стягивать всё с себя, пока не остался в одном белье, стоя на снегу босыми ногами. Он поместил поверх своей одежды сумочку, в которой лежали его палочка, письмо матери, осколок зеркала Сириуса и старый снитч, после чего навёл волшебную палочку Гермионы на лёд.

– *Diffindo*.

Лёд треснул со звуком, прогремевшим в тишине, словно выстрел. Поверхность озера раскололась, и куски тёмного льда застучали по взволновавшейся воде. Насколько Гарри мог судить, здесь было неглубоко, но чтобы достать меч, ему придётся погрузиться полностью.

От дальнейших размышлений над задачей она явно не стала бы легче, а вода – теплее. Он подошёл к краю озера и положил волшебную палочку Гермионы на землю, по-

прежнему зажжённую. Затем, стараясь не представлять себе, насколько холоднее ему будет в ближайшее время и насколько сильнее он будет дрожать, он прыгнул.

Каждая пора его кожи протестующе закричала; даже воздух в лёгких, казалось, замёрз, когда он погрузился по плечи в ледяную воду. Гарри едва мог дышать; трясаясь так сильно, что вода выплёскивалась через край озерца, он нащупал меч онемевшей ногой. Он хотел нырять не более раза.

Гарри откладывал момент полного погружения, секунда за секундой, трясаясь и глотая воздух, пока не сказал себе, что это нужно сделать. Собрав всю свою храбрость, Гарри нырнул.

Холод был пыткой: его обожгло, как огнём. Казалось, заledenел даже мозг, когда Гарри рванулся сквозь толщу чёрной воды ко дну и вытянул руки, пытаясь нащупать меч. Его пальцы сомкнулись вокруг рукояти, и он потянул её вверх.

В этот момент что-то плотно прижалось к его шее. Он подумал о водорослях, хотя ничто не касалось его, когда он нырял, и поднял свободную руку, чтобы освободиться. Это были не водоросли: цепочка Хоркракса натянулась и медленно пережимала ему трахею.

Гарри дико толкнулся ногами, пытаясь выбросить себя на поверхность, но лишь продвинулся в каменистую часть озерца. Молотя по воде рукой и ногами, задыхаясь, он цеплялся за удушающую цепочку, не в силах ослабить её замёрзшими пальцами, и маленькие огоньки вспыхивали в его голове, и он должен был неминуемо утонуть, ничего другого не оставалось, он ничего больше не мог поделать, и руки, сомкнувшиеся у него на груди, несомненно принадлежали самой Смерти...

Капля и отплёвываясь, мокрый, ощущая более жуткий холод, чем когда-либо в жизни, Гарри очнулся. Он лежал на снегу лицом вниз. Где-то поблизости кашлял, тяжело дышал и ходил пошатываясь ещё один человек. Гермiona снова пришла на помощь, как она пришла тогда, когда напала змея... Но в то же время этот человек звучал не как она, и этот глубокий кашель, и тяжесть его шагов...

У Гарри не было сил, чтобы поднять голову и рассмотреть личность своего спасителя. Всё, что он мог, — это поднести трясущуюся руку к горлу и нащупать то место, где в кожу глубоко впился медальон. Его не было: кто-то разорвал цепочку и освободил Гарри. Затем прямо над его головой раздался задыхающийся голос.

— Ты... что... *свихнулся?*

Шок, который испытал Гарри при звуках этого голоса, был единственным, что способно было придать ему сил подняться. По-прежнему дрожа с ног до головы, он с трудом встал на ноги. Прямо перед ним стоял Рон, полностью одетый, но вымокший насквозь; волосы залепили ему лицо; в одной руке он держал меч Гриффиндора, с другой свисал Хоркракс на разорванной цепочке.

— Какого *чёрта*, — по-прежнему тяжело дыша, произнёс Рон, поднимая повыше Хоркракс (тот качался взад-вперёд на своей укоротившейся цепочке в какой-то пародии на гипноз), — ты не снял эту штуку, прежде чем нырять?

Гарри не в силах был ответить. Серебряная оленуха была ничем, просто ничем по сравнению с появлением Рона, он не мог в это поверить. Дрожа от холода, он подобрал кучу

одежды, по-прежнему лежавшую у края воды, и начал одеваться. Натягивая на себя через голову один свитер за другим, Гарри таращился на Рона, почти ожидая, что тот исчезнет, всякий раз, как он терял его из виду, но Рон должен был быть настоящим: он только что нырнул в озеро, он спас Гарри жизнь.

— Это был т-ты? — наконец спросил Гарри, стуча зубами; из-за того, что Гарри только что едва не был задушен, его голос звучал слабее обычного.

— Ну... да, — чуть сконфуженно ответил Рон.

— Т-ты сделал ту оленуху?

— Чего? Нет, конечно нет! Я думал, это ты её сделал!

— Мой Патронус — олень.

— А, да. Мне так и показалось, что он как-то по-другому выглядел. Без рогов.

Гарри повесил на шею Хагридову сумочку, натянул последний свитер, нагнулся, чтобы подобрать волшебную палочку Гермионы, и вновь встал лицом к лицу с Роном.

— Как ты здесь оказался?

Рон, судя по всему, надеялся, что этот момент наступит позже, а может, и вообще не наступит.

— Ну, я... это... я вернулся. Если... — он прокашлялся. — Ну... если я вам всё ещё нужен.

Повисло молчание, тема ухода Рона выросла между ними, как стена. И тем не менее он был здесь. Он вернулся. Он только что спас Гарри жизнь.

Рон посмотрел на свои руки. Казалось, он на мгновение удивился, увидев то, что он держал.

— Ах, да; я вот это вытащил, — произнёс он (хотя это было совершенно излишне), протягивая меч ближе к Гарри. — Ты из-за этого прыгал, да?

— Ага, — кивнул Гарри. — Но я не понимаю. Как ты сюда добрался? Как ты нас нашёл?

— Долгая история, — ответил Рон. — Я вас несколько часов искал, это большой лес, правда? И я как раз думал, что мне придётся соснуть под каким-нибудь деревом и дожждаться утра, когда я увижу, как идёт этот олень и ты за ним.

— А ещё кого-нибудь ты видел?

— Нет, — покачал головой Рон. — Мне...

Он поколебался, глянув на два дерева, растущие рядом в нескольких ярдах от них.

— ...мне действительно показалось, что я видел, как что-то двигалось вон там, но я в тот момент бежал к озеру, потому что ты туда нырнул, а оттуда не вынырнул, и я не собирался делать крюк, чтобы — эй!

Гарри уже бежал к тому месту, которое указал Рон. Два дуба росли совсем рядом; на уровне глаз между стволами был промежуток шириной лишь в несколько дюймов — идеальное место для кого-то, кто хотел видеть, но остаться невидимым. Земля вокруг корней, однако, была свободна от снега, и Гарри не мог разглядеть ни намёка на следы. Он двинулся обратно, туда, где по-прежнему стоял Рон, держа в руках меч и Хоркракс.

— Что-нибудь нашёл? — спросил Рон.

— Нет.

— Так как этот меч оказался в озере?

– Тот, кто призвал Патронуса, наверняка его туда и поместил.

Они оба посмотрели на серебряный меч, украшенная рубинами рукоять которого чуть сверкала в свете волшебной палочки Гермiony.

– Ты думаешь, это настоящий? – спросил Рон.

– Есть только один способ узнать наверняка, так? – ответил Гарри.

Хоркракс по-прежнему свисал с руки Рона. Медальон чуть подёргивался. Гарри знал, что тварь внутри него снова пришла в возбуждение. Она почувствовала близость меча и попыталась убить Гарри, но не дать ему завладеть им. Сейчас было не время для долгих обсуждений; сейчас настал момент, когда надо было уничтожить медальон раз и навсегда.

Гарри огляделся, высоко держа палочку Гермiony, и увидел подходящее место: плоский камень в тени клёна.

– Пошли, – сказал он и первым направился к камню. Сметая снег с поверхности камня, он протянул руку за Хоркраксом. Когда Рон предложил ему меч, однако, Гарри покачал головой.

– Нет, это должен сделать ты.

– Я? – переспросил Рон, явно поражённый. – Почему?

– Потому что это ты достал меч из озера. Я думаю, это должен быть ты.

Гарри не старался проявить доброту или щедрость. Так же определённо, как он знал, что оленуха не причинит вреда, он знал теперь, что именно Рон должен носить этот меч. Дамблдор по крайней мере научил Гарри кое-чему о некоторых типах магии, о непредсказуемой силе определённых действий.

– Я собираюсь открыть его, – произнёс Гарри, – а ты его расколешь. Только сразу, понял? Потому что, что бы там ни было, оно будет драться. Тот кусок Риддла из дневника пытался меня убить.

– Как ты собираешься его открыть? – поинтересовался Рон. Он казался напуганным.

– Я попрошу его открыться на Рассеязе, – ответил Гарри. Готовый ответ оказался на его губах с такой лёгкостью, что он подумал, что всегда его знал, глубоко в душе; вероятно, его недавнее столкновение с Нагини заставило его осознать этот ответ. Он посмотрел на змееобразную «S», выложенную сверкающим зелёными камушками: было очень легко представить, что это миниатюрная змея, свернувшаяся на холодном камне.

– Нет! – воскликнул Рон. – Нет, не открывай! Я серьёзно!

– Почему нет? Давай избавимся от этой чёртовой штуковины, она уж сколько месяцев...

– Я не могу, Гарри, я серьёзно – сделай ты...

– Но почему?

– Потому что эта штука на меня плохо действует! – Рон попятился от лежащего на камне медальона. – Я не могу с ним справиться! Я не ищу оправданий, Гарри, за то, на что я был похож, но он действует на меня хуже, чем действовал на тебя и Гермionу, он заставлял меня думать всякие вещи, эти вещи я всё равно думал, но из-за него всё было хуже, я не могу это объяснить, и вот я его снимал, и моя голова снова нормально работала, и затем мне снова приходилось надевать эту хреновину обратно – я не могу, Гарри!

Он пятился назад, качая головой, меч волочился сбоку от него.

– Ты можешь это сделать, – сказал Гарри, – можешь! Ты только что достал меч, я знаю, именно ты и должен его применить. Пожалуйста, просто давай от этого избавимся, Рон.

Звук собственного имени, казалось, подействовал на Рона как стимулятор. Рон сглотнул, затем, по-прежнему тяжело вдыхая воздух своим длинным носом, снова придвинулся к камню.

– Скажешь мне когда, – проскрипел он.

– На счёт три, – произнёс Гарри, снова глядя сверху вниз на медальон и прищуриваясь, сосредотачиваясь на букве «S», представляя себе змею, в то время как содержимое медальона скреблось, словно пойманный таракан. Его можно было бы даже пожалеть, если бы не то, что порез на шее Гарри всё ещё горел.

– Раз... два... три... *откройся.*

Последнее слово вышло из его рта шипением и ворчанием, и золотые створки медальона, слабо щёлкнув, распахнулись во всю ширину.

За каждым стеклянным окошком находился и мигал живой глаз, тёмный и красивый, какими были глаза Тома Риддла, пока он не превратил их в красные зенки с вертикальными зрачками.

– Бей, – проговорил Гарри, твёрдо удерживая медальон на камне.

Рон поднял меч дрожащими руками; острие нависло над отчаянно вращающимися глазами, и Гарри сильнее сжал медальон, уже представляя себе кровь, вытекающую из пустых окошек.

Затем из Хоркракса донёсся шипящий голос.

– *Я заглянул в твоё сердце, и оно моё.*

– Не слушай его! – прохрипел Гарри. – Бей!

– *Я видел твои мечты, Рональд Уизли, и я видел твои страхи. Всё, чего ты желаешь, возможно, но всё, чего ты боишься, тоже возможно...*

– Бей!!! – закричал Гарри; его голос эхом отразился от окружающих деревьев, острие меча задрожало, и Рон уставился в глаза Риддла.

– *Всегда любим меньше других матью, которая жаждала родить дочь... Сейчас любим девушкой, которая предпочла тебе твоего друга... Всегда второй, вечно в тени...*

– Рон, бей сейчас же! – проорал Гарри; он чувствовал, как медальон дрожит в его руках, и боялся того, что надвигалось. Рон поднял меч ещё выше, и когда он это сделал, глаза Риддла засверкали алым.

Из окошек медальона, прямо из глаз выплыли, словно два гротескных пузыря, странно искажённые головы Гарри и Гермионы.

Рон закричал от потрясения и попятился, когда фигуры вырвались из медальона, сперва груди, затем талии, наконец ноги, и вот они стояли в медальоне друг рядом с другом, словно деревья с общим корнем, покачиваясь над Роном и настоящим Гарри, который убрал пальцы от медальона, ибо тот внезапно раскалился добела.

– Рон! – прокричал он, но теперь Риддл-Гарри говорил голосом Волдеморта, и Рон, загибнотизированный, смотрел не отрываясь в его лицо.

– *Зачем ты вернулся? Нам было лучше без тебя, мы были счастливее без тебя, рады твоему отсутствию... Мы смеялись над твоей глупостью, над твоей трусостью, над твоим предательством...*

– *Предательством!* – повторил Риддл-Гермиона; она была более красивой и вместе с тем более страшной, чем настоящая Гермиона; она покачивалась, злорадно хихикая, перед Роном, который был в ужасе, но не мог отвести глаз; меч бесцельно болтался где-то сбоку. – *Кто мог посмотреть на тебя, кто вообще когда-либо смотрел на тебя рядом с Гарри Поттером? Что ты когда-либо сделал, по сравнению с Избранным? Что ты рядом с Мальчиком, Который Выжил?*

– Рон, бей его! БЕЙ!!! – орал Гарри, но Рон не шевелился: его глаза были широко распахнуты, и Риддл-Гарри и Риддл-Гермиона отражались в них, их волосы извивались, как языки пламени, их глаза сияли красным, их голоса поднялись и звучали злобным дуэтом.

– *Твоя мать признала,* – глумливо произнёс Риддл-Гарри, в то время как Риддл-Гермиона издевательски усмехнулась, – *что она предпочла бы меня в качестве сына, с удовольствием бы поменялась...*

– *И кто бы не предпочёл его, какая женщина взяла бы тебя? Ты ничто, ничто, ничто для него,* – тихо пропел Риддл-Гермиона и вытянулся, словно змея, и обвился вокруг Риддла-Гарри, заключив его в объятие; их губы встретились.

На земле перед ними лицо Рона наполнилось болью; он вновь поднял меч дрожащими руками.

– Давай, Рон! – закричал Гарри.

Рон глянул на него, и Гарри показалось, что он увидел алый взблеск в его глазах.

– Рон?..

Меч сверкнул и рухнул; Гарри бросился в сторону; раздался лязг металла и долгий, протяжный стон. Гарри крутанулся на месте и поскользнулся на снегу, держа волшебную палочку наготове, чтобы защищаться, – но сражаться было не с чем.

Монструозные версии его самого и Гермионы исчезли; остался один только Рон, он стоял на месте, слабо сжимая в руке меч и глядя на разбитые останки медальона на плоском камне.

Гарри медленно направился обратно к нему, с трудом представляя себе, что ему говорить и что делать. Рон тяжело дышал. Ни следа красного не осталось в его глазах, лишь нормальная голубизна; а ещё в них стояли слёзы.

Гарри нагнулся, сделав вид, что он этого не видел, и подобрал разбитый Хоркракс. Рон расколол стекло в обоих окошках. Глаза Риддла пропали, и покрытая пятнами шёлковая выстилка медальона слабо дымилась. Тварь, которая жила в Хоркраксе, исчезла; истязание Рона было последним, что она успела сделать.

Меч звякнул, когда Рон выронил его. Он опустился на колени, сжав голову руками. Его трясло, но, как Гарри осознал, не от холода. Гарри засунул разбитый медальон себе в карман, опустился на колени рядом с Роном и осторожно положил руку ему на плечо. Рон не сбросил её, и Гарри решил, что это хороший признак.

– Когда ты ушёл, – тихим голосом проговорил он, благодарный за то, что не видит лица Рона, – она плакала неделю. Может, и дольше, просто она не хотела, чтобы я видел. Было много ночей, когда мы даже не разговаривали друг с другом. Когда ты ушёл...

Он не смог договорить. Лишь теперь, когда Рон снова был здесь, Гарри полностью осознал, чего им стоило его отсутствие.

– Она мне как сестра, – продолжил он. – Я люблю её как сестру, и я думаю, она то же самое чувствует ко мне. Это всегда так было. Я думал, ты знаешь.

Рон не ответил, но отвернул лицо от Гарри и громко вытер нос рукавом. Гарри поднялся на ноги и прошёл туда, где в нескольких ярдах от камня лежал огромный рюкзак Рона, брошенный наземь, когда Рон побежал к озерцу, чтобы вытащить Гарри из воды. Гарри закинул его себе за спину и пошёл обратно к Рону; тот при виде приближающегося Гарри поднялся на ноги, с покрасневшими глазами, но в остальном вполне успокоившийся.

– Прости меня, – невнятно сказал он. – Прости меня, что я ушёл. Я знаю, что я был... был...

Он посмотрел в темноту, словно надеясь, что какое-нибудь достаточно плохое слово свалится на него и заявит, что это он и есть.

– Ну сегодня ты это типа как искупил, – ответил Гарри. – Достал меч. Прикончил Хоркракс. Спас мне жизнь.

– Ты говоришь так, что можно подумать, я был намного круче, чем на самом деле, – промямлил Рон.

– Такие вещи всегда звучат круче, чем они есть на самом деле, – произнёс Гарри. – Я уж сколько лет пытаюсь тебе это объяснить.

Затем они одновременно шагнули вперёд и обнялись; Гарри прижал руками по-прежнему влажную спину куртки Рона.

– А теперь, – заявил Гарри, когда они отпустили друг друга, – всё, что нам осталось сделать, – это снова найти палатку.

Но это оказалось совсем нетрудно. Хотя прогулка с оленухой через тёмный лес казалась долгой, с Роном поблизости обратный путь занял удивительно мало времени. Гарри с нетерпением ждал того момента, когда он разбудит Гермиону, и в палатку он вошёл в невероятном возбуждении; Рон чуть помешкал позади него.

После озера и леса здесь было потрясающе тепло; голубое пламя по-прежнему плясало в чаше на полу, оставаясь единственным источником света. Гермиона спала, свернувшись калачиком под одеялом, и не пошевелилась, пока Гарри не произнёс её имя несколько раз.

– *Гермиона!*

Она шевельнулась, затем быстро села, откинув волосы с лица.

– Что-то случилось? Гарри? Ты в порядке?

– В порядке, всё отлично. Более чем отлично. Я в норме. Здесь с нами ещё кое-кто.

– Что ты имеешь в виду? Кто?..

Она увидела Рона, который стоял рядом с Гарри, держа меч и капая на потёртый ковёр. Гарри попятился в самый тёмный угол, скинул рюкзак Рона и попытался слиться с брезентовой стенкой.

Гермиона сползла со своей койки и медленно, точно сомнамбула, пошла к Рону, не отводя глаз от его бледного лица. Она остановилась прямо перед ним, её рот был слегка

приоткрыт, глаза широко распахнуты. Рон кинул слабую, полную надежды улыбку и приподнял руки.

Гермиона метнулась вперёд и начала колотить каждый дюйм его тела, до которого только могла дотянуться.

– Ай – ой – ацтань! Какого?.. Гермиона – Ай!

– Ты – редкая – *жоп* – Рональд – Уизли!

Каждое слово она сопровождала ударом; Рон попятился, закрывая голову от нападающей Гермионы.

– Ты – приполз – сюда – обратно – через – столько – недель – ох, *где моя палочка?*

Судя по её виду, она была готова вырвать палочку у Гарри из рук, и он среагировал инстинктивно.

– *Protego!*

Невидимый барьер раскрылся между Роном и Гермионой: сила его отбросила её назад, на пол. Выплюнув попавшие в рот волосы, она снова вскочила на ноги.

– Гермиона! – воскликнул Гарри. – Успоко-...

– Я не успокоюсь! – вскричала она. Никогда раньше он не видел, чтобы Гермиона настолько теряла контроль над собой; она казалась совершенно обезумевшей.

– Отдай мне обратно мою палочку! *Отдай обратно!*

– Гермиона, прошу тебя...

– Не указывай мне, что мне делать, Гарри Поттер! – проклекотала она. – Не смей! Отдавай её сейчас же! А ТЫ!!!

Она показала пальцем на Рона с устрашающе-обвиняющим видом; это выглядело как проклятие, и Гарри не мог винить Рона, когда тот сделал несколько шагов назад.

– Я бежала за тобой! Я звала тебя! Я умоляла тебя вернуться обратно!

– Я знаю, – сумел вставить Рон. – Гермиона, мне жаль, мне правда...

– Ах, тебе *жаль*!

Она испустила высокий смешок, явно не контролируя собственный голос. Рон оглянулся на Гарри в поисках защиты, но Гарри лишь скорчил гримасу, обозначив, что ничем помочь не может.

– Ты вернулся через столько недель – *недель* – и ты думаешь, что всё станет нормально, если ты просто заявишь, что тебе *жаль*?

– Ну а что ещё я могу сказать? – прокричал Рон, и Гарри был рад, что Рон продолжает сражаться.

– О, ну я не знаю! – с ужасающим сарказмом в голосе крикнула Гермиона. – Покопайся у себя в мозгах, Рон, это займёт всего пару секунд...

– Гермиона, – вмешался Гарри, расценив это как удар ниже пояса, – он только что спас мне...

– Мне плевать! – заорала она. – Мне плевать, что он сделал! Недели и недели, мы уже могли быть *мертвы*, а он и не знал бы об этом...

– Я знал, что вы живы! – заорал в ответ Рон, впервые за это время перекрыв её голос, и подошёл настолько близко, насколько ему позволили Щитовые чары между ними. – Гарри во

всех «Пророках», везде на радио, они вас повсюду ищут, все эти слухи и идиотские истории, я знал, что услышу сразу же, если вы погибнете, вы не знаете, на что это было похоже...

– На что это было похоже для *тебя*?

Её голос стал таким пронзительным, что ещё немного – и его смогут слышать только летучие мыши; но тут она достигла такого уровня возмущения, что у неё временно кончились слова, и Рон воспользовался этой возможностью.

– Я хотел вернуться в ту же минуту, что дезаппарировал, но я влетел прямо в банду Хватчиков⁶⁰, Гермиона, и я не мог никуда уйти!

– В банду кого? – переспросил Гарри, в то время как Гермиона швырнула себя в кресло, скрестив руки и ноги настолько плотно, что казалось невозможным, чтобы она смогла их распутать в течение нескольких лет.

– Хватчиков. Они повсюду, это банды, которые пытаются заработать денег, хватая маглорождённых и кровоотступников, Министерство назначило награду за каждого, кого они захватят. Я был один, и я был школьного возраста на вид, они все так возбудились, думали, что я скрывающийся маглорождённый. Мне пришлось их убалтывать, чтобы они не уволокли меня в Министерство.

– И что ты им сказал?

– Что я Стэн Шанпайк. Первый человек, о котором я подумал.

– И они поверили?

– Ну, они не были гениями. Один из них определённо был наполовину троллем, судя по запаху...

Рон покосился на Гермиону, явно надеясь, что она смягчится от этой маленькой шутки, но её конечности оставались туго сплетёнными, а выражение лица – каменным.

– Ну, в любом случае, они начали ссориться по поводу того, Стэн я или нет. Честно говоря, это было жалкое зрелище, но тем не менее там было пятеро их и только один я, и они забрали мою палочку. Затем двое из них подрались, и, пока остальные отвлеклись, мне удалось двинуть тому, кто меня держал, в живот, схватить его палочку, обезоружить того типа, который держал мою, и дезаппарировать. Получилось не так уж хорошо, снова вышло Щепление... – Рон протянул правую руку, чтобы продемонстрировать отсутствие двух ногтей; Гермиона холодно приподняла брови. – ...и я выскочил в нескольких милях от того места, где вы были. К тому моменту, как я вернулся на тот кусочек берега, где был наш лагерь... вы ушли.

– Надо же, какая трогательная история, – произнесла Гермиона высокомерным голосом, который она всегда использовала, когда хотела кого-то уколоть побольнее. – Ты, наверное, был просто безумно напуган. Ну а мы тем временем сходили в Годрикову Лошину, и, дай-ка подумать, что там было, Гарри? Ах да, появилась змея Сам-Знаешь-Кого, она чуть не убила нас обоих, а затем прилетел сам Сам-Знаешь-Кто и разминуся с нами буквально на секунду.

– Что? – выдавил Рон, переводя взгляд с неё на Гарри, но Гермиона его проигнорировала.

⁶⁰ Snatchers. Слово произошло от глагола to snatch – хватать (в смысле захватывать).

– Представляешь, потерял ногти, Гарри! Это действительно ставит наши страдания на их законное место, как ты считаешь?

– Гермiona, – тихо сказал Гарри. – Рон только что спас мне жизнь.

Она, казалось, его не слышала.

– Хотя одну вещь я хотела бы узнать, – произнесла она, зафиксировав взгляд в точке, расположенной примерно в футе над головой Рона. – Как именно ты нашёл нас сегодня ночью? Это важно. Когда мы выясним, мы сможем быть уверены, что к нам не придёт больше никто, кого мы не хотим видеть.

Рон посмотрел на неё, затем извлёк из кармана джинсов маленький серебряный предмет.

– Вот.

Гермione пришлось взглянуть на Рона, чтобы увидеть, что он показывает.

– Делюминатор? – она была так удивлена, что забыла остаться холодной и яростной.

– Он не только включает и выключает свет. Я не знаю, как эта штука работает и почему это случилось тогда и не случилось в какое-нибудь другое время, потому что я хотел вернуться с того момента, как ушёл. Но я слушал радио, очень рано рождественским утром, и я услышал... я услышал тебя.

Он смотрел на Гермionу.

– Ты слышал меня по радио? – неверящим голосом переспросила она.

– Нет, я слышал тебя в своём кармане. Твой голос, – он поднял Делюминатор повыше, – шёл отсюда.

– И что именно я говорила? – спросила Гермiona, голос которой выражал нечто среднее между скепсисом и любопытством.

– Моё имя. «Рон». И ещё сказала... что-то про волшебную палочку...

Гермiona густо покраснела. Гарри вспомнил: это был первый раз, когда кто-либо из них вслух произнёс имя Рона с того самого дня, как он ушёл; Гермiona упомянула его, когда говорила о починке Гарриной палочки.

– Тогда я вытащил его, – продолжил Рон, глядя на Делюминатор, – и он совсем не казался другим или что-то ещё, но я был уверен, что я тебя слышал. И тогда я им щёлкнул. И свет в моей комнате выключился, но другой свет появился прямо за окном.

Рон поднял свою свободную руку и показал прямо перед собой, глядя на что-то, чего ни Гарри, ни Гермiona не могли видеть.

– Это был шар света, он типа как пульсировал, и он был голубоватый, вроде того света, который вокруг портключа, знаете?

– Ага, – вместе кивнули Гарри и Гермiona, чисто автоматически.

– Я понял, что это оно. Я схватил свои вещи и упаковался, затем надел рюкзак и вышел в сад. Шарик висел там, он меня ждал, и когда я вышел, он немного попрыгал вперёд, и я пошёл за ним за сарай, и тогда он... в общем, он вошёл в меня.

– Чего? – переспросил Гарри, уверенный, что не расслышал.

– Он типа полетел ко мне, – начал объяснять Рон, иллюстрируя движение свободным указательным пальцем, – прямо к моей груди, а потом... он взял и прошёл прямо внутрь. Он был тут, – он дотронулся до участка рядом с сердцем, – я его чувствовал, он был горячий. И

как только он оказался внутри меня, я понял, что я должен сделать, я знал, что он отнесёт меня туда, куда мне нужно. Так что я дезаппарировал и вышел где-то на склоне холма. Там всюду был снег...

— Мы там были, — произнёс Гарри. — Мы провели там две ночи, и во время второй ночи мне всё время казалось, что я слышу, как кто-то ходит вокруг нас в темноте и зовёт!

— Ага, ну это, может, был и я, — кивнул Рон. — Ваши защитные заклятья, кстати, работают, потому что я вас не видел и не слышал. Хотя я всё-таки был уверен, что вы рядом, так что в конце концов я залез в спальник и ждал, пока кто-нибудь из вас появится. Я думал, что вам придётся показаться, когда вы сложите палатку.

— На самом деле нет, — сказала Гермиона. — Мы дезаппарировали под плащом-невидимкой в качестве дополнительной меры предосторожности. И тогда мы ушли относительно рано, потому что, как сказал Гарри, мы услышали, как кто-то бродит вокруг.

— Вот, я оставался на том холме весь день, — продолжил Рон. — Я всё надеялся, что вы появитесь. Но когда начало темнеть, я понял, что пропустил вас, поэтому я снова щёлкнул Делюминатором, голубой огонь вышел оттуда и вошёл в меня, и я дезаппарировал и пришёл сюда, в этот лес. Я по-прежнему вас не видел, так что я просто надеялся, что кто-нибудь из вас покажется в конце концов — и Гарри показался. Ну, конечно, сперва я увидел оленуху.

— Увидел что? — резко переспросила Гермиона.

Они объяснили, что произошло, и, по мере того как перед Гермионой раскрывалась история серебряной оленухи и меча в озере, она, нахмуясь, переводила взгляд с одного на другого, настолько сильно сосредоточившись, что забыла держать руки и ноги плотно сплетёнными.

— Но это наверняка был Патронус! — заявила она. — Вам не удалось увидеть, кто его вызвал? Неужели вы никого не видели? И он привёл вас к мечу! Просто не могу поверить! И что было потом?

Рон рассказал, как он наблюдал за прыжком Гарри в озеро и как ждал, когда Гарри появится на поверхности; как он понял, что что-то пошло не так, нырнул и спас Гарри, после чего вернулся за мечом. Он дошёл до открытия медальона, после чего заколебался, и Гарри подхватил эстафету.

— ...и Рон рубанул его мечом.

— И... и он умер? Так вот сразу? — прошептала она.

— Ну, он... он закричал, — сказал Гарри, искоса глянув на Рона. — Вот.

Он кинул медальон ей на колени; она осторожно подобрала его и осмотрела пробитые окошки.

Решив, что теперь наконец ситуация стала безопасной, Гарри удалил Щитовые чары взмахом Гермиониной волшебной палочки и повернулся к Рону.

— Кажется, ты только что сказал, что ушёл от Хватчиков с лишней волшебной палочкой?

— Что? — переспросил Рон, наблюдавший за Гермионой, которая по-прежнему изучала медальон. — Ох... о да.

Рон отстегнул рюкзак и вытащил из кармана короткую, тёмную волшебную палочку.

– Вот. Я решил, что всегда полезно иметь запаску.

– Ты был прав, – произнёс Гарри, протягивая руку. – Моя сломалась.

– Шутишь? – недоверчиво сказал Рон, но в этот момент Гермиона поднялась на ноги, и он вновь опасливо посмотрел на неё.

Гермиона поместила уничтоженный Хоркракс в бисерную сумочку, после чего забралась в свою постель и устроилась там, не произнеся ни слова.

Рон протянул Гарри новую волшебную палочку.

– Практически лучшее, на что ты мог надеяться, я думаю, – прошептал Гарри.

– Точно, – кивнул Рон. – Могло быть хуже. Помнишь тех птиц, которых она на меня натравила?

– Это ещё не поздно устроить, – донёсся из-под одеяла приглушённый голос Гермионы, но Гарри увидел, как Рон слегка улыбнулся, доставая из рюкзака свою бордовую пижаму.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

КСЕНОФИЛИУС ЛАВГУД

Гарри не рассчитывал, что гнев Гермионы утихнет за ночь, и потому не был удивлён тем, что на следующее утро она общалась, главным образом, посредством уничтожающих взглядов и ядовитого молчания. Рон в ответ держался неестественно серьёзно, выказывая тем самым своё непрекращающееся раскаяние. Фактически, когда все трое оказывались вместе, Гарри испытывал такое чувство, словно он единственный нескорбящий посетитель каких-то похорон. Однако в те редкие минуты, когда Гарри был наедине с Роном (когда они шли за водой или искали грибы в подлеске), тот становился бессовестно весёлым.

– Кто-то нам помог, – всё время повторял он. – Кто-то послал эту оленуху. Кто-то на нашей стороне. Одним Хоркраксом меньше, приятель!

Подстёгнутые уничтожением медальона, они принялись обсуждать возможное местонахождение других Хоркраксов, и даже несмотря на то, что они так часто обсуждали эту тему раньше, Гарри чувствовал оптимизм, он не сомневался, что за первым прорывом последуют другие. Надутый вид Гермионы не мог омрачить его радостного настроения: внезапная полоса удачи – появление таинственной оленухи, обретение меча Гриффиндора и, главное, возвращение Рона – сделала Гарри таким счастливым, что он с трудом сохранял серьёзное лицо.

Позже, во второй половине дня, они с Роном вновь сбежали от ядовитого присутствия Гермионы и, делая вид, что обшаривают голый ежевичник в поисках несуществующих ягод, продолжили свой непрерывный обмен новостями. Гарри наконец-то сумел поведать Рону полную историю своих и Гермиониных походов, вплоть до детального рассказа о том, что произошло в Годриковой Лощине; теперь Рон вываливал на Гарри всё, что узнал о большом магическом мире за недели своего отсутствия.

– ...а как вы узнали про Табу? – спросил он у Гарри после рассказа о многочисленных отчаянных попытках магглорождённых избежать Министерства.

– Про что?

– Вы с Гермионой перестали называть Сами-Знаете-Кого по имени!

– А, да. Ну, это просто стало привычкой, – пожал плечами Гарри. – Но у меня нет проблем с тем, чтобы называть его В-...

– НЕТ! – проревел Рон, отчего Гарри отпрыгнул в сторону, прямо в колючий куст, а Гермиона (уткнувшись носом в книгу у входа в палатку) сердито покосилась на них. – Прости, – сказал Рон, вытаскивая Гарри из ежевичника, – но на этом имени сглаз, Гарри, так они и выслеживают людей! Использование имени снимает защитные заклятья, оно вызывает что-то типа магического возмущения – так они и нашли нас на Тотенхем Корт Роуд!

– Потому что мы произнесли его *имя*?

– Точно! Надо отдать им должное, это выглядит разумным. Только те, кто серьёзно хотели встать против него, как Дамблдор, смели его произносить. А теперь они наложили на

него Табу, всякого, кто его произносит, можно выследить – быстрый и простой способ ловить членов Ордена! Они чуть не поймали Кингсли...

– Серьёзно?

– Ага, его окружила куча Пожирателей Смерти, так мне Билл рассказал, но он пробился. Теперь он в бегах, совсем как мы. – Рон задумчиво почесал подбородок кончиком волшебной палочки. – Ты не думаешь, что Кингсли мог нам послать ту оленуху?

– Его Патронус – рысь, мы его видели на свадьбе, помнишь?

– Ах да...

Они немного прошли вдоль кустарника, подальше от палатки и Гермионы.

– Гарри... ты не думаешь, что это мог быть Дамблдор?

– Что Дамблдор?

Рон казался несколько смущённым, но тихо произнёс:

– Дамблдор... оленуха? То есть, – Рон искоса смотрел на Гарри, – у него ведь был настоящий меч, так?

Гарри не стал смеяться над Роном, он слишком хорошо понимал тоску, стоящую за этим вопросом. Мысль, что Дамблдору удалось вернуться к ним, что он наблюдал за ними, невыразимо согрела бы их всех. Гарри покачал головой.

– Дамблдор мёртв. Я видел, как это случилось, я видел тело. Его точно нет больше. И в любом случае, его Патронусом был феникс, не оленуха.

– Но Патронусы могут меняться, разве нет? – возразил Рон. – У Тонкс поменялся, помнишь?

– Да, но если бы Дамблдор был жив, почему он не появился? Почему он просто не дал мне меч?

– Фиг его знает, – ответил Рон. – По той же причине, почему он не дал его тебе, пока был жив? По той же причине, почему он оставил тебе старый снитч, а Гермионе – книжку детских сказок?

– И что же это за причина? – Гарри повернулся и взглянул Рону в лицо, изо всех сил надеясь на ответ.

– Нинаю, – сказал Рон. – Иногда я думал, когда я был малость не в себе, что он просто прикалывался или... или просто хотел сделать это потруднее. Но теперь я так не думаю, больше нет. Он знал, что делал, когда отдал мне Делюминатор, верно? Он... ну, – уши Рона покраснели, и он начал внимательно изучать пучок травы у себя под ногами, ковыряя его большим пальцем, – он наверняка знал, что я от вас сбегу.

– Нет, – поправил его Гарри. – Он наверняка знал, что ты будешь хотеть вернуться.

Эти слова явно принесли Рону облегчение, но не избавили его полностью от неловкости. Отчасти чтобы сменить тему, Гарри произнёс.

– Кстати о Дамблдоре, ты слышал, что Скитер про него написала?

– О да, – тотчас ответил Рон. – Люди об этом очень много говорят. Конечно, если бы всё было по-другому, это стало бы первой новостью, Дамблдор приятель Гринделвальда, ну а сейчас это просто повод поржать для тех, кто не любил Дамблдора, и пощёчина для всех, кто

считал, что он такой хороший парень. Я лично не думаю, что это так уж много значит. Он был очень молод, когда они...

– Нашего возраста, – перебил Гарри, точно так же как он возразил Гермионе, и что-то в его лице, похоже, намекнуло Рону, что продолжать эту тему не стоит.

Большой паук сидел в центре замёрзшей паутины в ежевичном кусте. Гарри нацелил на него волшебную палочку, которую Рон дал ему минувшей ночью; Гермиона снизошла до того, чтобы осмотреть её, и пришла к выводу, что она из тёрна.

– *Engorgio*.

Паук слегка задрожал и покачнулся в своей паутине. Гарри попытался снова. На этот раз паук чуть подрос.

– Прекрати, – резко произнёс Рон. – Извини, что я сказал, что Дамблдор был молод, окей?

Гарри совсем забыл о ненависти Рона к паукам.

– Прости – *reducio*.

Паук не уменьшился. Гарри посмотрел на терновую палочку. Каждое простейшее заклинание, которое он производил этой палочкой в течение сегодняшнего дня, казалось менее мощным, чем те, которые он делал своей фениксовой палочкой. Новая волшебная палочка казалась назойливо незнакомой, словно чья-то чужая кисть, пришитая к его запястью.

– Тебе просто надо тренироваться, – сказала Гермиона, бесшумно приблизившаяся к ним сзади и обеспокоенно наблюдавшая, как Гарри пытается увеличить и уменьшить паука. – Всё дело в уверенности, Гарри.

Гарри знал, почему Гермиона хочет, чтобы всё было в порядке: она всё ещё чувствовала свою вину в том, что его палочка сломалась. Он проглотил ответ, вертевшийся у него на языке, – что если она думает, что это не играет роли, то пусть возьмёт себе терновую волшебную палочку, а Гарри отдаст свою. Однако, стараясь снова сделать всех троих друзьями, он согласился; но когда Рон осторожно улыбнулся Гермионе, она сердито удалилась прочь и снова исчезла за книгой.

Когда стемнело, они вернулись обратно в палатку, и Гарри заступил на дежурство первым. Сидя у входа, он пытался заставить терновую палочку поднимать в воздух маленькие камешки у своих ног; но его магия по-прежнему казалась более неуклюжей и слабой, чем раньше. Гермиона лежала на своей койке и читала, а Рон, время от времени нервно поглядывавший на неё, наконец вытащил из рюкзака маленький деревянный радиоприёмник и начал его настраивать.

– Есть одна программа, – тихо сказал он Гарри, – которая рассказывает новости, как они есть на самом деле. Все остальные на стороне Сам-Знаешь-Кого и повторяют линию Министерства, но эта... Погоди, ещё послушаешь её, это просто круто. Только они не могут это делать каждую ночь, им приходится всё время менять местонахождение на случай рейда, и ещё, чтобы на них настроиться, нужен пароль... Проблема в том, что в последний раз я его пропустил...

Рон принялся легонько барабанить по крышке приёмника своей волшебной палочкой, бормоча себе под нос наугад какие-то слова. Время от времени он незаметно кидал в сторону Гермионы осторожные взгляды, явно опасаясь нового взрыва ярости, но она обращала на него столько же внимания, сколько обращала бы на пустое место. На протяжении примерно десяти минут Рон тюкал и бубнил, Гермиона перелистывала страницы книги, а Гарри продолжал тренироваться со своей терновой палочкой.

Наконец Гермиона сползла со своей койки. Рон немедленно прекратил стучать.

– Если тебя раздражает, я перестану, – нервно сказал он Гермионе.

Гермиона, не снизойдя до ответа, подошла к Гарри.

– Нам надо поговорить.

Гарри взглянул на книгу, всё ещё зажатую в её руке. Это была «Жизнь и ложь Альбуса Дамблдора».

– Чего? – опасливо спросил он. В мозгу его мелькнула мысль, что там есть глава, посвящённая ему; он не был уверен, что чувствует в себе достаточно сил, чтобы услышать Ритину версию его взаимоотношений с Дамблдором. Ответ Гермионы, однако, стал для него полной неожиданностью.

– Я хочу пойти поговорить с Ксенофилиусом Лавгудом.

Он уставился на неё.

– Не понял?

– Ксенофилиус Лавгуд. Отец Луны. Я хочу пойти поговорить с ним!

– Э... почему?

Она сделала глубокий вдох, словно собираясь с силами, и произнесла:

– Это из-за знака, того знака в «барде Бидле». Смотри сюда!

Она сунула «Жизнь и ложь Альбуса Дамблдора» прямо под Гаррины протестующие глаза, и он увидел фотографию оригинального письма, которое Дамблдор написал Гринделвальду своим знакомым, тонким, косым почерком. Он ненавидел это изображение, абсолютное доказательство того, что Дамблдор действительно написал эти слова, что это не была выдумка Риты.

– Подпись, – пояснила Гермиона. – Посмотри на подпись, Гарри!

Он послушался. В первый момент он совершенно не понимал, о чём она говорит, но, присмотревшись повнимательнее с помощью своей зажжённой палочки, он заметил, что Дамблдор заменил букву «А» в слове «Альбус» на миниатюрную версию того же треугольного знака, нарисованного в «Сказках барда Бидла».

– Э... что ты?.. – осторожно попытался вмешаться Рон, но Гермиона заткнула его одним взглядом и снова повернулась к Гарри.

– Он всё время возникает, тебе не кажется? Я знаю, Виктор говорил, что это знак Гринделвальда, но он точно был над той древней могилой в Годриковой Лощине, а даты на надгробии были намного более старые, чем когда Гринделвальд вообще появился! А теперь ещё это! Ну, Дамблдора или Гринделвальда мы не можем спросить, что он означает, – я даже не знаю, жив Гринделвальд или уже нет, – но мы можем спросить мистера Лавгуда. Он носил этот знак во время свадьбы. Я уверена, что это важно, Гарри!

Гарри ответил не сразу. Он посмотрел в её сосредоточенное, полное энтузиазма лицо и отвернулся в окружающую темноту, размышляя. После паузы он произнёс:

– Гермiona, нам не нужна ещё одна Годрикова Лощина. Мы сами себя уговорили на то, чтобы пойти туда, и...

– Но он же всё время возникает, Гарри! Дамблдор оставил мне «Сказки барда Бидла», неужели ты думаешь, от нас не ожидалось, что мы выясним про этот знак?

– Ну вот, опять! – Гарри ощутил лёгкое раздражение. – Мы всё пытаемся убедить себя, что Дамблдор оставил нам секретные знаки и намёки...

– Делюминатор оказался чертовски полезным, – вмешался Рон. – Я думаю, Гермiona права, думаю, нам надо пойти найти Лавгуда.

Гарри метнул в него мрачный взгляд. Он был абсолютно уверен, что Ронова поддержка Гермiony имела очень мало общего с желанием узнать значение треугольной руны.

– Это не будет как в Годриковой Лощине, – добавил Рон. – Лавгуд на твоей стороне, Гарри, «Придира» всё время был за тебя, он постоянно говорит всем, что они должны тебе помогать!

– Я уверена, что это важно! – искренне повторила Гермiona.

– Но не кажется ли тебе, если это действительно важно, что Дамблдор рассказал бы мне об этом до своей смерти?

– Ну, может... может, это что-то, что тебе обязательно надо узнать самому, – Гермiona явно хваталась за соломинку.

– Ага, – лстиво поддакнул Рон, – это не лишено смысла.

– Совершенно лишено, – отрезала Гермiona, – но я всё равно думаю, что нам надо поговорить с мистером Лавгудом. Символ, который связывает Дамблдора, Гринделвальда и Годрикову Лощину? Гарри, я уверена, мы должны об этом знать!

– Я думаю, нам надо за это проголосовать, – предложил Рон. – Кто за то, чтобы навестить Лавгуда...

Его рука взлетела в воздух, опередив Гермionину. Когда она поднимала руку, её губы подозрительно задрожали.

– Большинство голосов, Гарри, прости, – заявил Рон, хлопнув его по спине.

– Отлично, – сказал Гарри, чувствуя веселье пополам с раздражением. – Только когда мы повидаемся с Лавгудом, давайте попробуем поискать ещё Хоркраксы, ага? Кстати, а где живут Лавгуды? Кто-нибудь из вас знает?

– Ага, это недалеко от моего дома, – ответил Рон. – Не знаю, где конкретно, но мама с папой всегда показывают в сторону холмов всякий раз, как упоминают их. Вряд ли будет трудно найти.

Когда Гермiona вернулась на свою койку, Гарри понизил голос.

– Ты согласился, только чтобы попытаться снова оказаться в её списке хороших мальчиков.

– В любви и на войне все средства хороши, – весело произнёс Рон, – а это немножко и то, и другое. Не кисни, сейчас рождественские каникулы, Луна будет дома!

На следующее утро они дезаппарировали на продуваемый ветрами склон холма близ Оттери Сент-Кэтчпол, откуда они смогли насладиться отличным видом на деревню. С их высокой наблюдательной точки она выглядела набором игрушечных домиков в огромных косых столбах солнечного света, протянувшихся к земле через бреши в облаках. Минуту или две они, прикрыв глаза от солнца руками, стояли и смотрели в сторону Нори, но различить им удалось лишь высокие изгороди и деревья во фруктовом саду, предоставляющем маленькому кривому домику защиту от магловских глаз.

– Так странно – быть поблизости, но не зайти, – произнёс Рон.

– Ну, не то чтобы ты так уж давно их не видел. Ты был там на Рождество, – холодно заметила Гермиона.

– Я не был в Норе! – воскликнул Рон, издав смешок и всячески показывая, что не верит своим ушам. – Ты правда думаешь, что я собирался вернуться туда и рассказать им всем, что я от вас ушёл? Ага, Фред и Джордж много хорошего об этом бы сказали. И Джинни, она бы мне так сочувствовала.

– Но тогда где ты был? – удивлённо спросила Гермиона.

– В новом доме Билла и Флер. Ракушечный Коттедж называется. Билл всегда ко мне прилично относился. Он... он был не в восторге, когда услышал, что я натворил, но он не прохаживался на эту тему. Он знал, что я очень сожалел. А больше никто из семьи не в курсе, что я был там. Билл сказал маме, что они с Флер не придут домой на Рождество, потому что хотят провести его вдвоём. Ну знаете, первые каникулы после свадьбы. Не думаю, что Флер возражала. Вы же знаете, как она ненавидит Селестину Уорбек.

Рон повернулся спиной к Норе.

– Давайте попробуем подняться здесь, – предложил он, первым направляясь к вершине холма.

Они шли несколько часов, причем Гарри, по настоянию Гермионы – под плащом-невидимкой. Скопление невысоких холмов казалось необитаемым, за исключением одного маленького коттеджа, да и тот выглядел пустым.

– Как вы думаете, может, это их дом, и они ушли куда-то на Рождество? – спросила Гермиона, заглядывая сквозь окно в маленькую опрятную кухню с геранью на подоконнике. Рон хрюкнул.

– Послушай, у меня такое подозрение, что ты сразу сможешь определить, кто живёт в доме, как только ты заглянешь в окно Лавгутов. Давайте попробуем следующую кучку холмов.

Они дезаппарировали на несколько миль к северу.

– Ага! – прокричал Рон, в то время как ветер дёргал их за волосы и одежду. Рон показывал наверх, в сторону вершины холма, на который они прибыли. Там на фоне полуденного неба возвышался исключительно странного вида дом, большущий чёрный цилиндр, а прямо за ним висела призрачная луна. – Это наверняка дом Луны, кто ещё будет жить в таком месте? Он смахивает на огромную ладью!

– Ничего общего с лодкой⁶¹ не вижу, – возразила Гермiona, хмуро глядя на башню.

– Я имел в виду шахматную ладью, – пояснил Рон. – Для тебя это тура.

Рон, как самый длинноногий, достиг вершины холма первым. Когда Гарри и Гермiona поравнялись с ним, глотая ртом воздух и держась руками за бока, они увидели на его лице широкую ухмылку.

– Это их дом, – сказал Рон. – Смотрите.

Три написанных от руки таблички были прибиты гвоздиками к покосившимся воротам. На первой было написано: «*Придира. Редактор: К.Лавгуд*», на втором – «*Приходить со своей омелью*», на третьем – «*Избегайте Дирижабльных Сливи*⁶²».

Ворота скрипнули, когда они их открыли. Извилистая дорожка, ведущая к парадному входу, заросла множеством странных растений, в том числе кустиками, усыпанными оранжевыми редископодобными плодами, которые Луна носила иногда в качестве серёжек. Гарри показалось, что он узнал плетегруб⁶³, и он обошёл морщинистый пенёк по широкой дуге. По обе стороны входной двери стояли подобно стражам согнутые ветром старые дикие яблони, лишённые листвы, но обременённые множеством красных фруктов размером с ягоду и густыми коронами белых бусинок омелы. Маленькая сова с чуть приплюснутой, похожей на ястребиную головой смотрела на них сверху вниз с одной из веток.

– Ты лучше сними плащ-невидимку, Гарри, – произнесла Гермiona. – Это тебе мистер Лавгуд хочет помогать, не нам.

Гарри сделал, как она посоветовала, и передал Гермione плащ, чтобы она его спрятала в бисерную сумочку. Затем она взялась за дверной молоточек в форме орла и трижды резко стукнула в толстую чёрную дверь, усеянную железными шляпками гвоздей.

Прошло не более десяти секунд, когда дверь распахнулась и на пороге появился Ксенофилиус Лавгуд, одетый, судя по всему, в покрытую пятнами ночную рубашку и босой. Его длинные белые волосы, похожие на сахарную вату, были немывты и непричёсанны. Определённо на свадьбе Билла и Флер Ксенофилиус был куда более опрятен, чем сейчас.

– Что? Что такое? Кто вы? Что вам надо? – прокричал он высоким жалобным голосом, посмотрев на Гермionу, затем на Рона и, наконец, на Гарри, после чего его рот открылся в идеальном комическом «О».

– Здравствуйте, мистер Лавгуд, – произнёс Гарри, протянув руку. – Я Гарри, Гарри Поттер.

Ксенофилиус не взял Гаррину руку, хотя тот его глаз, который не был завёрнут к носу, скользнул напрямик к шраму на Гаррином лбу.

– Ничего, если мы войдём? – поинтересовался Гарри. – Мы кое-что хотели бы у вас спросить.

⁶¹ Игра слов. Слово gook, использованное Роном, обозначает одновременно шахматную ладью и грача. В оригинале Гермiona сказала «он не похож на птицу».

⁶² Dirigible Plums, дословно «сливы-дирижабли».

⁶³ Snargaluff. Snarl – спутанные нити, gruff – грубый, сердитый.

– Я... я не уверен, что это разумно, – прошептал Ксенофилиус. Он соглотнул и быстрым взглядом окинул сад. – Немного удивлён... Моё слово... Боюсь... боюсь, я не думаю, что должен...

– Это не займёт много времени, – заверил Гарри, несколько разочарованный таким не очень-то радушным приёмом.

– Я... ох, ну ладно. Заходите, быстро. *Быстро!*

Едва Гарри, Рон и Гермиона успели шагнуть за порог, как Ксенофилиус захлопнул дверь. Они стояли в самой необычной кухне из всех, какие только видел Гарри. Комната была идеально круглой, так что они чувствовали себя словно внутри гигантской перечницы. Всё вокруг было искривлено, чтобы вплотную прижиматься к стенам: плита, раковина, буфеты – и всё это было ярко разукрашено цветами, насекомыми и птицами. Гарри показалось, что он узнаёт стиль Луны: эффект в столь замкнутом пространстве был несколько ошеломляющим.

В центре комнаты располагалась витая лестница из кованого железа, ведущая на верхние этажи. С потолка доносилось непрерывное громкое клацанье и стук; Гарри подивился, что бы там такое могла делать Луна.

– Пойдёмте лучше навверх, – предложил Ксенофилиус, по-прежнему с чрезвычайно сконфуженным видом, и первым пошёл к лестнице.

Комната этажом выше казалась сочетанием гостиной и рабочего места и потому была ещё более загромождена, чем кухня. Хотя и гораздо меньшая и идеально круглая, она чем-то напомнила Гарри Насущную Комнату⁶⁴ в тот незабываемый момент, когда она трансформировалась в колоссальный лабиринт, веками складывавшийся из скрываемых там предметов. Высоченные стопки книг и бумаг возвышались на каждой поверхности. Тщательно сделанные модели животных, которых Гарри не мог распознать, свисали с потолка, хлопая крыльями и щелкая челюстями.

Луны здесь не было: штукой, производившей весь этот грохот, оказался некий деревянный предмет, весь утыканный магически вращающимися шестернями и колесиками. Он выглядел, словно чудной гибрид верстака и старой этажерки, но мгновение спустя Гарри пришёл к выводу, что перед ними был древний печатный станок; Гарри мог судить об этом по тому, что он со страшной скоростью выплёвывал «Придир».

– Извините, – сказал Ксенофилиус, подходя к машине. Он выдернул грязную скатерть из-под огромного количества книг и бумаг (которые сразу же все посыпались на пол) и накинул её на станок, немного приглушив громкий стук и клацанье. Затем он повернулся к Гарри.

– Зачем вы сюда пришли?

Однако, прежде чем Гарри успел сказать хоть слово, Гермиона испустила негромкий вопль ужаса.

– Мистер Лавгуд – что это?

⁶⁴ Room of Requirement – дословно «Комната Необходимости»

Она показывала на огромный серый спиралевидный рог, немного напоминающий единорожий. Рог был прикреплён к стене, протянувшись на несколько футов внутрь комнаты.

– Это рог морщерогого храпстера, – заявил Ксенофилиус.

– Нет, это не он! – воскликнула Гермиона.

– Гермиона, – ощущая неловкость, пробормотал Гарри, – сейчас не самый удачный момент...

– Но Гарри, это же рог извержента⁶⁵! Это Торговый Объект Класса Б, и его просто невообразимо опасно держать в доме!

– Откуда ты знаешь, что это рог извержента? – спросил Рон, отодвигаясь подальше от рога с максимальной скоростью, которую ему позволяла развить невероятная загромождённость комнаты.

– Я видела описание в «Фантастических зверях и где их найти»! Мистер Лавгуд, вы должны избавиться от него немедленно, неужели вы не знаете, что он может взорваться от малейшего касания?

– Морщерогий храпстер, – отчётливо проговорил Ксенофилиус с упрямым выражением лица, – пугливое и в высшей степени магическое создание, и его рог...

– Мистер Лавгуд, я узнала бороздки у его основания, это рог извержента, и он очень опасен – не знаю, где вы его достали...

– Я купил его, – так же упрямо продолжил он, – две недели назад у одного замечательного молодого колдуна, который знал о моей заинтересованности великолепным храпстером. Рождественский сюрприз для моей Луны. А теперь, – добавил он, поворачиваясь к Гарри, – зачем конкретно вы пришли сюда, мистер Поттер?

– Нам нужна ваша помощь, – ответил Гарри, прежде чем Гермиона успела начать по новой.

– А, – произнёс Ксенофилиус. – Помощь. Хм, – его здоровый глаз снова метнулся к Гарриному шраму. Ксенофилиус казался одновременно напуганным и заипнотизированным. – Да. Только вот... помогать Гарри Поттеру... это довольно-таки опасно...

– Разве не вы тот, кто постоянно всем говорит, что их первая обязанность помогать Гарри? – сказал Рон. – В этом вашем журнале?

Ксенофилиус оглянулся назад, на укрытый печатный станок, по-прежнему стучащий и клацающий под своей скатертью.

– Э... да, я выражал такую точку зрения. Однако...

– ...это для всех остальных указание, не для вас лично? – перебил Рон.

Ксенофилиус не ответил. Он всё время сглатывал, его взгляд метался между ними троими. У Гарри сложилось впечатление, что внутри него шла какая-то незаметная, но болезненная борьба.

– А где Луна? – спросила Гермиона. – Давайте посмотрим, что она думает.

Ксенофилиус сглотнул. Похоже, что он пытался вернуть себе самообладание. Наконец, он произнёс дрожащим, едва различимым сквозь шум печатного станка голосом:

⁶⁵ Erumpent. В названии можно усмотреть слово erupt (извергаться).

– Луна внизу у ручья, ловит пресноводных плимпов. Она... она будет рада вас видеть. Я схожу позову её, и потом – да, хорошо. Я попытаюсь вам помочь.

Ксенофилиус скрылся вниз по витой лестнице, и они услышали, как открылась и захлопнулась входная дверь. Они посмотрели друг на друга.

– Старый трусливый прыщ, – заявил Рон. – У Луны характера вдесятеро больше, чем у него.

– Он, наверно, беспокоится о том, что с ними случится, если Пожиратели Смерти узнают, что я был здесь, – сказал Гарри.

– Что ж, я согласна с Роном, – произнесла Гермиона. – Старый мерзкий лицемер, который всем говорит, что тебе надо помогать, а сам пытается увильнуть. И ради бога, держитесь подальше от этого рога.

Гарри подошёл к окну на противоположной стороне комнаты. Он мог разглядеть ручей – тонкую, сверкающую ленту, лежащую у подножия холма далеко под ними. Они были очень высоко; птица пролетела мимо окна, пока он смотрел в сторону Норы, совершенно не видимой за цепью холмов. Где-то там была Джинни. Сейчас они были ближе друг к другу, чем когда-либо после свадьбы Билла и Флер, но она и подумать не могла, что он сейчас смотрит в её сторону, думает о ней. Гарри предположил, что ему следует радоваться этому; каждый, с кем он приходил в контакт, был в опасности, поведение Ксенофилиуса это хорошо доказывало.

Гарри отвернулся от окна, и его взгляд упал на ещё один странный предмет, стоящий на захламлённом изогнутом стенном шкафчике: каменный бюст красивой, но строгой на вид ведьмы в совершенно фантастическом головном уборе. Два искривлённых объекта, напоминающих золотые слуховые рожки, торчали по бокам. Крошечная пара сверкающих синих крылышек была прикреплена к кожаной ленте, проходящей вокруг верхней части головы, в то время как одна из оранжевых редисок была прицеплена ко второй ленте, идущей вокруг лба.

– Гляньте на это, – сказал Гарри.

– Просто неотразимо, – прокомментировал Рон. – Удивительно, что он не надел это на свадьбу.

Они услышали, как хлопнула входная дверь, и мгновением позже Ксенофилиус взобрался в комнату по витой лестнице, обутый на этот раз в сапоги. В руках у него был поднос с разнокалиберными чашками и чайником, исходящим паром.

– А, вы нашли моё любимое изобретение, – сказал он, впихнув поднос в руки Гермионе и присоединяясь к Гарри возле статуи. – Смоделировано, и вполне неплохо, на голове красивейшей Ровены Рэйвенкло. *Ум без меры – ценность кавалера!*⁶⁶

Он указал на объекты, похожие на слуховые рожки.

– Это Долбоструйные Сифоны – чтобы удалять все источники отвлечения поблизости от думающего. Это, – показал он на крылышки, – Пропеллер Билливига, чтобы вызывать

⁶⁶ Лозунг Рэйвенкло: Wit beyond measure is man's greatest treasure. Дословно: ум без меры – величайшее сокровище мужчины (или человека вообще, слово Man можно перевести и так, и так).

повышенный размах мысли. И наконец, – он указал на оранжевую редиску, – Дирижаблая Слива, чтобы усиливать способность воспринимать экстраординарное.

Ксенофилиус отошёл обратно к подносу, который Гермионе удалось примостить (хотя и неустойчиво) на один из заставленных столиков.

– Позвольте предложить вам настойку стражекормя, – произнёс Ксенофилиус. – Мы её сами делаем, – Начав разливать напиток, оказавшийся глубокого фиолетового цвета, словно свежловичный сок, он добавил: – Луна спустилась за Нижний мост, она просто в восторге от того, что вы пришли. Она не задержится надолго, она поймала почти достаточное количество плимпов, чтобы сварить суп на нас всех. Так что присаживайтесь и берите сахар.

– Ну а теперь, – он убрал рыхлую стопку бумаг с кресла и уселся, скрестив свои обутые в сапоги ноги, – чем я могу вам помочь, мистер Поттер?

– Ну, – сказал Гарри и глянул на Гермиону; та ободряюще кивнула, – это касается того символа, который вы носили на шее во время свадьбы Билла и Флер, мистер Лавгуд. Мы хотели бы узнать, что он значит.

Ксенофилиус поднял брови.

– Вы имеете в виду знак Реликвий Смерти?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

СКАЗКА О ТРЁХ БРАТЬЯХ

Гарри обернулся в сторону Рона с Гермионой. Похоже, они, так же как и он, не поняли, что сказал Ксенофилиус.

– Реликвии Смерти?

– Именно так. Вы про них не слышали? Я не удивлён. Очень, очень мало колдунов в них верят. Свидетельством тому этот молодой человек с костью вместо мозгов, на свадьбе вашего брата, – он кивнул Рону, – напавший на меня за ношение символа широко известного Тёмного колдуна! Какое невежество. Ничего Тёмного нет в Реликвиях – по крайней мере, в этом примитивном смысле. Носящий символ просто использует его для того, чтобы открыться другим верящим, в надежде, что они помогут ему в Поиске.

Он положил несколько кусков сахара в свою настойку стражекорня, помешал немного и отпил.

– Простите, – сказал Гарри. – Я всё равно не очень понимаю.

Чтобы не показаться невежливым, он также сделал глоток из своей чашки и едва не выплюнул его обратно: пойло было омерзительным, словно кто-то перевёл в жидкое состояние всевкусные бобы со вкусом соплей.

– Ну, понимаете ли, те, кто верит, ищут Реликвии Смерти, – пояснил Ксенофилиус и причмокнул губами, явно наслаждаясь настойкой стражекорня.

– Но что *такое* эти Реликвии Смерти? – спросила Гермиона.

Ксенофилиус отставил в сторону опустевшую чашку.

– Я полагаю, вы все знакомы со «Сказкой о трёх братьях»?

Гарри ответил «нет», зато Рон и Гермиона хором сказали «да».

Ксенофилиус кивнул с серьёзным видом.

– Ну, мистер Поттер, вся история начинается со «Сказки о трёх братьях»... У меня где-то есть экземпляр...

Он неуверенно оглядел комнату, заставленную стопками книг и кусков пергамента, но Гермиона сказала:

– У меня есть экземпляр, мистер Лавгуд, прямо здесь.

И она извлекла «Сказки барда Бидла» из своей маленькой бисерной сумочки.

– Оригинал? – быстро спросил Ксенофилиус, и когда она кивнула, предложил: – Отлично, тогда почему бы вам не прочесть её вслух? Лучший способ добиться всеобщего понимания.

– Э... ладно, – нервно произнесла Гермиона. Она раскрыла книгу, и Гарри заметил, что символ, который они исследовали, был наверху открытой ею страницы. Гермиона слегка откашлялась и начала читать.

– *«Давным-давно жили три брата, и шли они однажды в сумерках...»*

– В полночь, мама нам всегда говорила, – перебил Рон, который слушал, вытянувшись в струнку и заложив руки за голову. Гермиона одарила его раздражённым взглядом.

– Прости, я просто думал, это немного страшнее, если в полночь, – пояснил Рон.

– Ага, потому что нам в жизни так не хватает страха, – не удержался Гарри. Ксенофилус, похоже, не обращал на них ни малейшего внимания – он неотрывно смотрел в законное небо. – Давай дальше, Гермiona.

– «...по пустынной извилистой дороге. Как-то раз дошли они до реки, слишком глубокой, чтобы перейти вброд, и слишком опасной, чтобы переплыть. Однако братья были искушены в магии, поэтому они просто взмахнули волшебными палочками и сотворили мост через предательские воды. Они были на полдороги через мост, когда на их пути появилась фигура с лицом, спрятанным под капюшоном.

И Смерть заговорила с ними...»

– Не понял, – перебил Гарри, – Смерть заговорила с ними?

– Это же сказка, Гарри!

– А, да, извини. Давай дальше.

– «И Смерть заговорила с ними. Она была рассержена тем, что её обманом лишили трёх новых жертв, ибо путешественники обычно тонут в реке. Но Смерть была коварна. Она сделала вид, что хочет поздравить трёх братьев с их великолепной магией, и сказала, что каждый из них заслужил приз за то, что оказался умён и избежал её.

И старший брат, воинственный человек, попросил волшебную палочку, более сильную, чем любая из существовавших в природе: палочку, которая всегда будет побеждать в дуэлях для своего владельца, палочку, достойную колдуна, который покорила Смерть! И Смерть подошла к бузине⁶⁷, растущей на берегу реки, создала волшебную палочку из её ветви и протянула её старшему брату.

Затем средний брат, самонадеянный человек, решил, что он хочет ещё больше унижить Смерть, и попросил дать ему силу отнимать других у Смерти. И Смерть подняла камень с берега реки и сказала, что этот камень сможет возвращать людей из мёртвых.

И тогда Смерть спросила третьего, младшего брата, чего ему бы хотелось. Младший брат был самым скромным и самым мудрым из братьев, и он не доверял Смерти. И он попросил что-нибудь, что позволило бы ему пойти дальше и не быть преследуемым Смертью. И Смерть с большой неохотой подала ему свой собственный плащ-невидимку».

– У Смерти есть плащ-невидимка? – вновь перебил Гарри.

– Чтобы она могла подкрадываться к людям, – ответил Рон. – Иногда ей надоедает насканивать на них, размахивать руками и вопить... Прости, Гермiona.

– «Тогда Смерть отошла в сторону и позволила трём братьям продолжить свой путь, и они пошли дальше, с изумлением беседуя о приключении, которое пережили, и восхищаясь давами Смерти.

Вскоре дороги братьев разошлись, и каждый из них пошёл своим путём.

Первый брат путешествовал неделю или больше и, достигнув отдалённой деревни, отыскал там другого колдуна, с которым он был в ссоре. Естественно, обладая бузиной волшебной палочкой, он не мог проиграть последовавшую за этим дуэль. Оставив своего врага мёртвым на полу, старший брат направился в таверну, где громко хвастался сильной волшебной палочкой, отобранной им у самой Смерти, и о том, как эта палочка сделала его непобедимым.

⁶⁷ Игра слов. the Elder Wand – одновременно переводится как «волшебная палочка из бузины» и «Старшая волшебная палочка».

В ту же самую ночь ещё один колдун подкрался к старшему брату, когда он лежал, пьяный от вина, в своей постели. Вор забрал палочку и на всякий случай перерезал старшему брату горло.

Так Смерть забрала к себе первого из братьев.

В то же время второй брат вернулся в свой дом, где он жил в одиночестве. Там он достал камень, обладавший силой возвращать мёртвых, и трижды повернул его в руке. К его удивлению и восторгу, прямо перед ним немедленно появилась фигура девушки, на которой он надеялся жениться до её преждевременной смерти.

Однако она была печальна и холодна, и отделена от него словно вуалью. Несмотря на то, что она вернулась в мир смертных, она не принадлежала ему и страдала. В конце концов второй брат, обезумевший от своей безнадежной тоски по любимой, убил сам себя, чтобы истинно воссоединиться с нею.

Так Смерть забрала к себе второго из братьев.

Но, хотя Смерть искала третьего брата на протяжении многих лет, ей так и не удалось его найти. И лишь достигнув почтенного возраста, младший брат снял наконец плащ-невидимку и передал его своему сыну. И тогда он поприветствовал Смерть как старого друга, и пошёл с нею по своей воле, и, равные, они оставили эту жизнь».

Гермиона закрыла книгу. Прошло ещё секунды две, прежде чем Ксенофилиус осознал, что она прекратила чтение. Тогда он отвернулся от окна и сказал:

– Ну вот.

– Простите? – озадаченно переспросила Гермиона.

– Это и есть Реликвии Смерти, – пояснил Ксенофилиус.

Он подобрал перо с заваленного стола, стоящего возле его локтя, и вытянул обрывок пергамента, торчавший между книгами.

– Бузиная палочка, – произнёс он, проведя на пергаменте прямую вертикальную линию.

– Воскрешающий камень, – добавил он, изобразив круг поверх линии. – Плащ-невидимка, – он заключил линию и круг в треугольник и получил символ, так интриговавший Гермиону. – Вместе – Реликвии Смерти.

– Но в сказке не упоминаются слова «Реликвии Смерти», – заметила Гермиона.

– Ну разумеется, нет, – кивнул Ксенофилиус с раздражающе самодовольным видом. – Это детская сказка, её рассказывают, чтобы развлекать, не чтобы обучать. Однако те из нас, кто понимает в таких вещах, знают, что древняя сказка относится к трём объектам, или Реликвиям, которые, будучи объединены, сделают их обладателя повелителем Смерти.

Повисла краткая пауза, в течение которой Ксенофилиус периодически поглядывал в окно. Солнце уже начало садиться.

– Луна должна наловить достаточно плимпов уже скоро, – тихо произнёс он.

– Когда вы сказали «повелитель Смерти»... – начал Рон.

– Повелитель, – Ксенофилиус небрежно взмахнул рукой. – Покоритель. Искоренитель. Любой термин, какой предпочитаете.

– Но значит... вы имеете в виду... – медленно проговорила Гермиона, и Гарри был уверен, что она старается убрать из своего голоса малейший след скептицизма, – что вы верите в то, что эти объекты – эти Реликвии – на самом деле существуют?

Ксенофилиус вновь поднял брови.

– Ну конечно.

– Но, – Гарри заметил, что сдержанность Гермионы начинает рушиться, – мистер Лавгуд, как вы *можете* верить?..

– Луна всё мне о вас рассказала, юная леди, – произнёс Ксенофилиус. – Вы, насколько я понимаю, не лишены интеллекта, но удручающе ограничены. Консервативны. Узкомыслящи.

– Может, тебе стоит попробовать шляпку, Гермиона, – сказал Рон, кивнув в сторону фантастического головного убора. Его голос дрожал от прилагаемого усилия не рассмеяться.

– Мистер Лавгуд, – снова пошла в атаку Гермиона, – мы все знаем, что есть такие вещи, как плащи-невидимки. Они редки, но существуют. Но...

– А, но Третья Реликвия – это *истинный* плащ-невидимка, мисс Грейнджер! Я имею в виду, это не дорожный плащ с наложенными на него Образумными чарами или Ослепляющим взглядом, или сотканный из шерсти полумаскера⁶⁸, – они все скрывают первоначально, но с годами слабеют, пока не становятся наконец полностью непрозрачными. Мы говорим о плаще, который действительно делает его обладателя абсолютно невидимым и работает вечно, давая постоянную и непроницаемую маскировку, независимо от того, какие заклинания на него накладываются. Много ли *таких* плащей вам когда-либо встречалось, мисс Грейнджер?

Гермиона открыла рот, чтобы ответить, затем закрыла его обратно, выглядя более озадаченной, чем когда-либо. Они с Гарри и Роном переглянулись, и Гарри знал, что все трое думают об одном и том же. Так получилось, что плащ, в точности соответствующий описанию Ксенофилиуса, в этот самый момент находился с ними в одной комнате.

– Вот именно, – удовлетворённо кивнул Ксенофилиус, словно он победил их в аргументированной дискуссии. – Никто из вас никогда не видел такой вещи. Её обладатель был бы невероятно богат, не так ли?

Он снова кинул взгляд в окно. Небо уже окрасилось легчайшим оттенком розового.

– Ну ладно, – произнесла сбитая с толку Гермиона. – Допустим, плащ существует... Ну а что насчёт камня, мистер Лавгуд? Этой штуки, которую вы назвали Воскрешающим камнем?

– Что насчёт него?

– Ну, как такое может быть реальным?

– Докажите, что это не так, – заявил Ксенофилиус.

Гермиона явно была вне себя.

– Но это... простите, но это полная ерунда! Как *вообще* можно доказать, что он не существует? Вы ожидаете, что я пойду хватать... хватать все камешки в мире и проверять их? Я имею в виду, можно заявить, что *всё, что угодно*, существует, если единственная основа для веры в это – то, что никто не *доказал*, что этого не существует!

– Да, можно, – подтвердил Ксенофилиус. – Я рад видеть, что ваш разум слегка приоткрылся.

– Так что насчёт бузиной палочки, – быстро вмешался Гарри, прежде чем Гермиона нашла ответ, – вы считаете, что она тоже существует?

⁶⁸ Demiguise. Demi – «полу-», Guise – «маска», «личина».

– О, в этом случае имеется огромное количество свидетельств, – ответил Ксенофилиус. – Бузиная палочка – это Реликвия, которую проще других отследить, благодаря тому, *как* она переходит из рук в руки.

– И как же? – спросил Гарри.

– Так, что владелец этой волшебной палочки должен захватить её у предыдущего обладателя, если он собирается стать её истинным хозяином, – сказал Ксенофилиус. – Наверняка ведь вы слышали, каким образом палочка досталась Эгберту Отъявленному, после того как он жестоко расправился с Эмериком Злобным? О том, как Годелот умер в своём собственном погребке после того, как его сын Херевард забрал у него волшебную палочку? Об ужаснаводящем Локсиасе, забравшем её у Барнабаса Девирилла, которого он убил? Кровавый след бузиной палочки тянется через многие страницы колдовской истории.

Гарри кинул взгляд на Гермину. Та хмуро смотрела на Ксенофилиуса, но в спор не вступала.

– И где же, по вашему мнению, сейчас бузиная палочка? – поинтересовался Рон.

– Увы, кто знает? – ответил Ксенофилиус, не отрывая взора от окна. – Кто знает, где сокрыта бузиная палочка? След обрывается на Аркусе и Ливиусе. Кто может сказать, который из них на самом деле победил Локсиаса, и который забрал палочку? И кто потом одолел их? История, увы, не даёт ответа.

Снова повисла пауза. Наконец Гермину неловким голосом спросила:

– Мистер Лавгуд, имеет ли семейство Певерелл какое-либо отношение к Реликвиям Смерти?

Ксенофилиуса этот вопрос явно застал врасплох. В то же время в памяти Гарри что-то шевельнулось, но он не мог понять, что конкретно. Певерелл... он уже слышал когда-то это имя...

– Но вы меня обманывали, юная леди! – воскликнул Ксенофилиус, усаживаясь прямо и не сводя глаз с Гермионы. – Я думал, вы новичок в Поиске Реликвий! Многие из нас, Ищущих, верят, что Певереллы имеют огромное – *огромное!* – отношение к Реликвиям!

– А кто такие эти Певереллы? – спросил Рон.

– Это имя было на могиле со знаком, там, в Годриковой Лощине, – ответила Гермину, по-прежнему глядя на Ксенофилиуса. – Игнотус Певерелл.

– Точно! – воскликнул Ксенофилиус, с педантичным видом подняв указательный палец. – Знак Реликвий Смерти на могиле Игнотуса даёт нам окончательное доказательство!

– Доказательство чего? – спросил Рон.

– Того, что три брата из рассказа – это на самом деле были три брата Певерелла, Антиох, Камус и Игнотус! Что они были изначальными владельцами Реликвий!

Кинув очередной взгляд в окно, Ксенофилиус поднялся на ноги, подобрал поднос и направился к винтовой лестнице.

– Вы останетесь ужинать? – крикнул он, спускаясь вниз. – Все обязательно просят наш рецепт супа из пресноводных плимпов.

– Не иначе как для того, чтобы показать в отделении отравлений в больнице св. Мунго, – пробурчал Рон себе под нос.

Гарри подождал, пока они не услышали, как Ксенофилиус ходит внизу по кухне, прежде чем заговорить.

– Что ты думаешь? – спросил он у Гермионы.

– Ох, Гарри, – устало ответила она, – это куча полнейшей ерунды. Не может быть, чтобы знак обозначал именно это. Это наверняка просто свихнувшееся прочтение. Какая потеря времени.

– Ну, это же *тот самый* тип, который подарил нам морщерогих храпстеров, – хмыкнул Рон.

– Значит, ты тоже в это не веришь? – спросил у него Гарри.

– Не-а. Эта байка – просто одна из тех, которые рассказывают детишкам, чтобы учить их, скажешь нет? «Не ищи себе неприятностей, не ввязывайся в драки, не связывайся с вещами, от которых лучше держаться подальше! Просто не высовывайся, делай своё дело, и всё будет в порядке». Кстати сказать, – добавил Рон, – возможно, именно из-за этой истории бузиные палочки считаются несчастливыми.

– Это ты о чём?

– Одно из суеверий. «Ведьмы, рождённые в мае, выйдут за маглов». «Сглаз, наложенный в сумерках, сойдёт в полночь». «С палочкой из бузины не жди удачи от судьбы». Ты наверняка их слышал. Они из моей мамы так и сыплются.

– Мы с Гарри выросли среди маглов, – напомнила ему Гермиона, – нас учили другим суевериям. – Она глубоко вздохнула, в то время как из кухни к ним поднялся какой-то довольно резкий аромат. Единственной положительной стороной её раздражения Ксенофилиусом было то, что она явно забыла, что сердится на Рона. – Думаю, ты прав, это просто морализаторская байка, очевидно же, какой дар лучший, какой нужно выбрать...

Все трое произнесли одновременно: Гермиона – «плащ», Рон – «палочка», Гарри – «камень».

Они посмотрели друг на друга, одновременно весело и удивлённо.

– *Предполагается*, что надо сказать «плащ», – заявил Рон Гермионе, – но тебе нет нужды быть невидимой, если у тебя палочка. *Непобедимая волшебная палочка*, Гермиона, ну же!

– У нас уже есть плащ-невидимка, – заметил Гарри.

– И он нам очень даже сильно помогал, на случай если ты не заметил! – воскликнула Гермиона. – В то время как палочка просто наверняка привлекала бы неприятности...

– ...только если кричать о ней на каждом углу, – возразил Рон. – Только если её обладатель настолько дебилен, что скачет повсюду, размахивает ей над головой и распевает: «У меня непобедимая палочка, давайте подходите, если думаете, что достаточно круты». А пока ты держишь хлебальник на замке...

– Да, но *сможешь* ли ты держать хлебальник на замке? – скептически произнесла Гермиона. – Знаешь, единственная правдивая вещь, которую он нам рассказал, – это что уже сотни лет ходит множество легенд о сверхмощных волшебных палочках.

– Правда ходит? – спросил Гарри.

Гермиона раздражённо посмотрела на него; выражение её лица было столь хорошо им знакомо, что Гарри и Рон ухмыльнулись друг другу.

– Палочка Смерти, Роковая палочка, они постоянно всплывают в истории под разными именами, как правило, ими владеют всякие Тёмные колдуны и жутко этим хвастаются. Профессор Биннс упоминал некоторые из них, но – ох, всё это бред. Волшебные палочки сильны настолько, насколько сильны колдуны, которые их используют. Просто некоторые колдуны любят хвастаться, что их палочки больше и круче, чем у других людей.

– Но откуда ты знаешь, – не отставал Гарри, – что эти волшебные палочки – палочка Смерти и Роковая палочка – это не одна и та же волшебная палочка, время от времени всплывающая на поверхность под разными названиями?

– Что, и все они на самом деле бузиная палочка, созданная Смертью? – сказал Рон.

Гарри рассмеялся: странная идея, пришедшая ему в голову, была, в конце концов, просто нелепой. Его волшебная палочка, напомнил он себе, была из остролиста, не из бузины, и сделана она была Олливандером, что бы там она ни сотворила в ту ночь, когда Волдеморт гнался за ним по небу. И если бы она была непобедимой, как бы она могла сломаться?

– Кстати, а почему ты выбрал бы камень? – поинтересовался Рон.

– Ну, если бы можно было возвращать людей из мёртвых, мы могли бы сохранить Сириуса... Безумного Глаза... Дамблдора... моих родителей...

Ни Рон, ни Гермиона не улыбнулись.

– Но, согласно барду Бидлу, они бы не захотели вернуться, так ведь? – продолжил Гарри, размышляя о сказке, которую они только что слышали. – Не думаю, что существует куча других историй о камне, способном воскрешать мёртвых, правда? – спросил он у Гермионы.

– Именно, – печально ответила она. – Вряд ли кто-нибудь, кроме мистера Лавгуда, способен убедить себя, что такое возможно. Бидл, вероятно, взял идею Философского Камня; ну ты понял – вместо камня, делающего человека бессмертным, камень, возвращающий человеку жизнь.

Запах из кухни усиливался; чем-то он напоминал горящие подштанники. Гарри подивился, сможет ли он съесть хоть немного того, что готовил Ксенофилиус, чтобы не ранить его чувства.

– Хотя, что насчёт плаща? – медленно проговорил Рон. – Ты не думаешь, что он прав? Я так привык к Гарриному плащу и к тому, насколько он хорош, что никогда не задумывался. Я никогда не слышал о таких, как Гарри. Он никогда не отказывает. Нас ни разу под ним не заметили...

– Ну конечно нет – мы невидимы, когда мы под ним, Рон!

– Но всё то, что он говорил о других плащах – а они стоят не сказать чтобы по нату за десяток, – знаешь, это правда! Я раньше не обращал внимания, но я слышал всякое о чарах, выдыхающихся, когда плащ стареет, или о том, что в них образуются дырки от заклинаний. Плащ Гарри принадлежал ещё его папе, так что он не сказать чтоб совсем новенький, верно, но тем не менее, он просто... отличный!

– Да, конечно, но Рон, *камень*...

Пока они спорили шёпотом, Гарри бродил по комнате, лишь вполуха прислушиваясь. Добравшись до винтовой лестницы, он рассеянно поднял взгляд наверх, после чего

немедленно отвлёкся. Его собственная физиономия смотрела на него с потолка комнаты этажом выше.

После мгновения полного столбняка он осознал, что это было не зеркало, а рисунок. Преисполненный любопытства, он полез наверх.

– Гарри, что ты делаешь? Я не думаю, что тебе следует осматривать тут всё, пока его нет!

Но Гарри уже добрался до следующего этажа.

Луна украсила потолок своей спальни пятью красиво нарисованными лицами: Гарри, Рона, Гермионы, Джинни и Невилла. Они не двигались наподобие хогвартских портретов, но какая-то магия в них тем не менее была: Гарри показалось, что они дышат. Вокруг картин, связывая их вместе, вились, как показалось в первый момент, тонкие золотые цепочки, но приглядываясь к ним в течение примерно минуты, Гарри понял, что цепочки на самом деле были одним словом, тысячекратно выписанным золотой краской: *друзья... друзья... друзья...*

Гарри ощутил, как внутри него поднялась громадная волна приязни и нежности к Луне. Он оглядел комнату. Рядом с кроватью висела большая фотография маленькой Луны и женщины, очень похожей на неё. Они обнимались. Луна на этой фотографии выглядела несколько более ухоженной, чем Гарри видел её в жизни. Фотография была запылённой. Это бросилось Гарри в глаза, показавшись странным. Он осмотрелся повнимательнее.

Что-то было не так. Светло-синий ковёр также был покрыт толстым слоем пыли. Гардероб стоял открытый, в нём не было одежды. Кровать казалась холодной и неприветливой, словно в ней не спали много недель. Паутинка протянулась поверх ближайшего окна, отлично заметная на фоне кроваво-красного неба.

– Что случилось? – спросила Гермиона, пока Гарри спускался по лестнице, но прежде чем он успел ответить, Ксенофилиус добрался до верхней ступени со стороны кухни, держа поднос, уставленный суповыми чашами.

– Мистер Лавгуд, – сказал Гарри. – Где Луна?

– Простите?

– Где Луна?

Ксенофилиус застыл на верхней ступеньке.

– Я... я уже говорил вам. Она там, у Нижнего моста, ловит плимпов.

– Тогда почему вы сервировали поднос на четверых?

Ксенофилиус попытался заговорить, но звук не шёл у него изо рта. Тишину разрывало лишь продолжающееся клацанье печатного станка да лёгкое дребезжание чаш в дрожащих руках Ксенофилиуса.

– Я думаю, Луны здесь не было много недель, – произнёс Гарри. – Её одежды нет, в её постели не спали. Где она? И почему вы всё время выглядываете из окна?

Ксенофилиус уронил поднос; чаши свалились на ступени и разбились. Гарри, Рон и Гермиона выхватили волшебные палочки, и Ксенофилиус застыл с рукой на полпути к карману. В этот момент печатный станок испустил громовое «бум», и бесчисленные «Придиры» рекой потекли на пол из-под скатерти; станок наконец-то затих.

Гермиона пригнулась и подобрала один из журналов, не отводя палочки от мистера Лавгуда.

– Гарри, посмотри на это.

Он подошёл к ней так быстро, как только мог, с учётом хлама в комнате. Обложку «Придиры» украшала его собственная фотография, сопровождаемая словами «*Враг общества номер один*» и величиной награды.

– Стало быть, политика «Придиры» поменялась? – холодно поинтересовался Гарри, лихорадочно размышляя. – Значит, вот что вы делали, когда выходили в сад, мистер Лавгуд? Посылали сову в Министерство?

Ксенофилиус облизал губы.

– Они забрали мою Луну, – прошептал он. – Из-за того, что я писал. Они забрали мою Луну, и я не знаю, где она и что они с ней сделали. Но они, может, вернут мне её, если я... если я...

– Сдадите им Гарри? – закончила за него Гермиона.

– Не пойдёт, – отрезал Рон. – Прочь с дороги, мы уходим.

Ксенофилиус был мертвенно бледен, он выглядел лет на сто, его губы втянулись, образуя нечто вроде страшной, злобной ухмылки.

– Они будут здесь в любой момент. Я должен спасти Луну. Я не могу потерять Луну. Вы не должны уйти.

Он растопырил руки перед лестницей, и Гарри посетило внезапное воспоминание о его матери, точно так же стоявшей перед его кроватью.

– Не заставляйте нас причинять вам боль, – произнёс Гарри. – Уходите с дороги, мистер Лавгуд.

– ГАРРИ! – закричала Гермиона.

Фигуры на помельках пролетели мимо окон. Как только троица отвернулась от Ксенофилиуса, тот выхватил волшебную палочку. Гарри понял их ошибку в последний момент: он метнулся в сторону, сбив с ног Рона и Гермиону, в тот самый момент, когда оглушающее заклятье, посланное Ксенофилиусом, пролетело через комнату и ударило в рог извержента.

Раздался колоссальный взрыв. Комната, казалось, разлетелась вдребезги: куски дерева, бумаги и обломков стены летали повсюду в густом непроницаемом облаке белой пыли. Гарри взлетел в воздух и шмякнулся об пол, ничего не видя, в то время как обломки сыпались на него дождём; он только успел закрыть голову руками. Он услышал вскрик Гермионы, вопль Рона и серию отвратных металлических шлепков, сказавших ему, что Ксенофилиус был сбит с ног и падал вниз по винтовой лестнице.

Полупогребённый в обломках, Гарри попытался подняться, из-за пыли он едва мог видеть и дышать. Половина потолка обрушилась, и край кровати Луны свисал из образовавшейся дыры. Бюст Ровены Рэйвенкло лежал рядом с ним, лишившись половины лица, кусочки пергамента всё ещё порхали в воздухе, большая часть печатного станка лежала на боку, закрывая путь на кухню. Затем поблизости появилась ещё одна белая фигура, и Гермиона, вся в пыли, словно она тоже была статуей, прижала палец к губам.

Входную дверь выбило.

– Говорил же я тебе, что можно было не спешить, Трэверс? – произнёс грубый голос. – Говорил, что этот псих просто каркает, как всегда?

Послышался звук удара и крик боли, исходящий от Ксенофилиуса.

– Нет... нет... наверху... Поттер!

– Я сказал тебе на той неделе, Лавгуд, мы не собираемся возвращаться к тебе ради чего-то меньшего, чем надёжная информация! Помнишь ту неделю? Когда ты хотел обменять дочь на эту идиотскую, блин, панамку? А ещё неделей раньше... – ещё один удар, снова вскрик, – когда ты решил, что мы вернем её, если ты предоставишь нам доказательства существования морще-... – *бам* – ...-рожих⁶⁹... – *бам* – ...храпстеров?

– Нет... нет... умоляю! – всхлипывал Ксенофилиус. – Там правда Поттер! Правда!

– А теперь выяснилось, что ты вызвал нас сюда только для того, чтобы попытаться нас тут взорвать! – проревел Пожиратель Смерти, и послышался град ударов, перемежающихся агонизирующими воплями Ксенофилиуса.

– Дом, судя по всему, вот-вот обвалится, Селвин, – произнёс другой, спокойный голос, эхом разнесясь по искалеченным ступеням. – Лестница полностью завалена. Стоит ли пробовать расчистить? Тут может вообще всё рухнуть.

– Ты, лживый кусок дерьма, – прокричал колдун по имени Селвин. – Ты в жизни своей ни разу Поттера не видел, э? И ты думаешь, ты получишь назад свою девчонку просто так?

– Я клянусь... я клянусь... Поттер наверху!

– *Non enim Revelio*, – произнёс голос у подножия лестницы.

Гарри услышал, как Гермиона ахнула, да и сам он испытал странное чувство, словно над ним что-то очень низко пролетело, накрыв своей тенью всё его тело.

– Там наверху точно кто-то есть, Селвин, – резко проговорил второй человек.

– Это Поттер, говорю вам, это Поттер! – вскрикнул Ксенофилиус. – Пожалуйста, пожалуйста... Отдайте мне Луну, просто верните мне обратно Луну...

– Ты получишь свою девчонку, Лавгуд, – заявил Селвин, – если ты лично заберёшься по этой лестнице и принесёшь мне сюда Гарри Поттера. Но если это ловушка, если это трюк, если у тебя там наверху сообщник, который ждёт, чтобы напасть на нас, мы ещё посмотрим, останется ли тебе хоть кусочек твоей дочери для похорон.

Ксенофилиус испустил вопль страха и отчаяния. Послышались торопливые шаги и царапанье: Ксенофилиус пытался пробиться сквозь обломки, завалившие лестницу.

– Давайте, – прошептал Гарри, – нам надо отсюда выбираться.

Он начал выкапываться под прикрытием всего того шума, который производил на лестнице Ксенофилиус. Рон был погребён глубже всех: Гарри и Гермиона как можно тише пробрались по обломкам к тому месту, где он лежал, пытаясь сдвинуть со своих ног тяжёлый комод. В то время как стук и царапанье Ксенофилиуса постепенно приближались, Гермионе удалось освободить Рона с помощью чар Парения.

⁶⁹ Селвин оговорился: вместо Crumple-Horned (морщерогих) он сказал Crumple-Headed (дословно – морщеголовых; я перевёл с сохранением созвучия).

– Порядок, – выдохнула Гермиона, когда сломанный печатный станок, блокировавший верхнюю часть лестницы, начал дрожать; Ксенофилиус был от них в считанных футах. Она всё ещё была вся белая от пыли. – Ты мне доверяешь, Гарри?

Гарри кивнул.

– Отлично, – прошептала Гермиона, – тогда давай сюда плащ-невидимку. Рон, ты должен его надеть.

– Я? Но Гарри...

– Рон, *пожалуйста!* Гарри, держись крепче за мою руку, Рон, хватайся за плечо.

Гарри протянул левую руку. Рон исчез под плащом. Печатный станок, перегородивший лестницу, вибрировал: Ксенофилиус пытался сдвинуть его, применяя чары Парения. Гарри не знал, чего ждёт Гермиона.

– Держитесь крепче, – шептала она. – Крепче... Уже совсем скоро...

Белое, словно бумага, лицо Ксенофилиуса появилось над краем лежащего на боку серванта.

– *Obliviate!* – крикнула Гермиона, нацелив волшебную палочку ему в лицо, и тут же, указав на пол под их ногами: – *Deprimo!*

Она пробила дыру в полу гостиной. Все трое свалились вниз, как булыжники, Гарри по-прежнему цеплялся за руку Гермионы, как за собственную жизнь; снизу раздался вскрик, и он мельком увидел двух человек, пытающихся выбраться из-под ливня обломков стены и разбитой мебели, падающего на них с потолка. Гермиона крутанулась в воздухе, и грохот рушащегося здания прогремел в Гарриных ушах, когда Гермиона в который уже раз утащила Гарри в темноту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

РЕЛИКВИИ СМЕРТИ

Глотая ртом воздух, Гарри упал на траву и тотчас вскочил на ноги. Похоже, они приземлились на углу поля. Стояли сумерки. Гермиона уже мчалась вокруг места приземления по кругу, взмахивая волшебной палочкой.

– *Protego totalum... Salvio hexia...*

– Этот старый мерзкий предатель! – пропыхтел Рон, появившись из-под плаща-невидимки и кидая его Гарри. – Гермиона, ты гений, просто гений, я не верю, что мы из этого выбрались!

– *Cave inimicum...* Разве я не *предупреждала*, что это был рог извержента? Разве я ему не говорила? А теперь его дом разлетелся вдребезги!

– Так ему и надо, – заявил Рон, исследуя свои порванные джинсы и порезы на ногах. – Как думаешь, что они с ним сделают?

– Ох, надеюсь, они его не убьют! – простонала Гермиона. – Потому-то я и хотела, чтобы Пожиратели Смерти успели мельком увидеть Гарри, прежде чем мы ушли, чтобы они знали, что Ксенофилус им не лгал!

– Ну а меня зачем спрятала? – любопытствовал Рон.

– Ты сейчас предположительно в постели с брызгнойкой, Рон! Они похитили Луну из-за того, что её отец поддерживал Гарри! Что бы стало с твоей семьёй, если бы они узнали, что ты был с нами?

– Но что насчёт *твоих* мамы с папой?

– Они в Австралии, – ответила Гермиона. – С ними всё будет хорошо. Они ничего не знают.

– Ты гений, – восхищённо повторил Рон.

– Точно, ты гений, Гермиона, – горячо согласился Гарри. – Даже не знаю, что б мы без тебя делали.

Она просияла, но тотчас вновь стала серьёзной.

– Что с Луной?

– Ну, если они говорят правду и она ещё жива... – начал Рон.

– Не смей так говорить, не смей! – взвизгнула Гермиона. – Она должна быть жива, должна!

– Тогда она в Азкабанае, полагаю, – сказал Рон. – Только вот выживет ли она там... Многие не могут...

– Она выживет, – произнёс Гарри. Даже думать о другой возможности он был не в состоянии. – Луна, она крепкая, куда крепче, чем можно подумать. Она небось сейчас обучает своих сокамерников обращаться с долбоструями и нарглами.

– Надеюсь, что ты прав, – сказала Гермиона, проведя рукой по глазам. – Мне было бы так жалко Ксенофилуса, если бы...

– ...если бы он только что не попытался продать нас Пожирателям Смерти, ага, – закончил фразу Рон.

Они натянули палатку и укрылись в ней, после чего Рон приготовил чай. После чудесного спасения их холодное сырое обиталище казалось им почти домом – безопасным, знакомым и дружелюбным.

– Ох, и зачем мы только туда ходили? – простионала Гермиона спустя несколько безмолвных минут. – Гарри, ты был прав, это опять была Годрикова Лощина, полнейшая потеря времени! Реликвии Смерти... Какая ерунда... Хотя на самом деле, – похоже, ей внезапно пришла в голову какая-то мысль, – он, вполне возможно, состряпал это всё на ходу, верно? Может, он вовсе не верит в эти Реликвии Смерти, он просто хотел удержать нас разговором, пока не придут Пожиратели Смерти!

– Не думаю, – возразил Рон. – Высасывать из пальца всякую фигню, когда у тебя проблемы, чертовски трудно – труднее, чем можно предположить. Я это точно выяснил, когда меня поймали Хватчики. Мне было гораздо проще прикинуться Стэном, о котором я немножко знаю, чем выдумывать совершенно нового человека. Старина Лавгуд был в огромном напряжении, когда пытался добиться, чтобы мы остались. Я думаю, он сказал нам правду или, по крайней мере, то, что считает правдой, чисто чтоб заставить нас продолжать разговор.

– Ну, не думаю, что это имеет значение, – вздохнула Гермиона. – Даже если он был честен, я в жизни никогда не слышала столько бреда.

– Хотя погоди-ка, – произнёс Рон. – Камера Секретов, предположительно, тоже была мифом, не так ли?

– Но Реликвии Смерти просто *не могут* существовать в природе, Рон!

– Ты это всё время повторяешь, но одна-то из них существует, – возразил Рон. – Гаррин плащ-невидимка...

– «Сказка о трёх братьях» – это сказка, – твёрдо заявила Гермиона. – Сказка о том, как люди боятся смерти. Если бы выжить было так же просто, как спрятаться под плащом-невидимкой, у нас уже было бы всё, что нам нужно!

– Ну не знаю. Нам бы не помешала непобедимая волшебная палочка, – заметил Гарри, крутя в пальцах терновую палочку, которую он так не любил.

– Такой палочки нет, Гарри!

– Ты говорила, что была куча волшебных палочек – палочка Смерти и как там они ещё назывались...

– Ну хорошо, даже если ты хочешь уговорить сам себя, что бузиная палочка реальна, что насчёт Воскрешающего камня? – её пальцы изобразили в воздухе кавычки вокруг названия, голос излучал сарказм. – Никакая магия не может воскресить умершего, и это факт!

– Когда моя палочка соединилась с палочкой Сам-Знаешь-Кого, это заставило появиться маму с папой... и Седрика...

– Но ведь на самом-то деле они не ожили, верно? Эти... эти... бледные имитации – это совсем не то, что на самом деле вернуть кого-то к жизни.

– Но она, та девушка из сказки, она же тоже не вернулась к жизни на самом деле, так? Сказка говорит, что когда человек мёртв, он принадлежит к миру мёртвых. Но второй брат всё-таки видел её и говорил с ней, так? Он даже жил с ней какое-то время...

В лице Гермионы он увидел обеспокоенность и что-то ещё, трудно определимое. Затем, когда она кинула взгляд на Рона, Гарри осознал, что это был страх: он напугал её своими словами о жизни вместе с мёртвыми людьми.

– Кстати об этом типе, Певерелле, похороненном в Годриковой Лощине, – поспешно спросил Гарри, стараясь, чтобы его голос звучал абсолютно нормально. – Ты о нём что-нибудь знаешь?

– Ничего, – ответила Гермиона, явно почувствовав облегчение от смены темы. – Я пыталась о нём что-нибудь найти после того, как увидела отметку на могиле; если бы это был кто-то знаменитый или если бы он что-то важное сделал, я уверена, он был бы в какой-нибудь из наших книг. Единственное место, где мне удалось найти имя «Певерелл», – это «Природное благородство: генеалогия колдунов». Я одолжила её у Кричера, – пояснила она в ответ на недоуменное поднятие бровей Рона. – Там есть список чистокровных семейств, прервавшихся по мужской линии. Похоже, что Певереллы были одними из первых, кто исчез.

– «Прервавшихся по мужской линии»? – переспросил Рон.

– Это означает, что фамилия исчезла, – пояснила Гермиона, – много столетий назад, в случае Певереллов. Хотя потомки могли и остаться, их просто зовут как-то по-другому.

И тут Гарри мгновенно озарило, он понял, какое воспоминание шевелилось в нём при звуке имени Певерелл: грязный старик, тычущий уродливым перстнем в лицо сотруднику Министерства – и он выкрикнул: «Марволо Гонт!»

– Чего? – хором спросили Рон и Гермиона.

– *Марволо Гонт!* Дед Сами-Знаете-Кого! В ситодуме! С Дамблдором! Марволо Гонт говорил, что он происходит от Певереллов!

Рон и Гермиона явно были ошеломлены.

– Кольцо, то самое кольцо, которое стало Хоркрасом, Марволо Гонт говорил, что на нём семейный герб Певереллов! Я видел, как он махал им перед физиономией того типа из Министерства, он ему чуть нос этим кольцом не расквасил!

– Герб Певереллов? – резко спросила Гермиона. – Тебе удалось разглядеть, как он выглядел?

– Не очень, – ответил Гарри, пытаясь припомнить. – Ничего такого особенного там не было, насколько я мог разглядеть; возможно, несколько царапин. По-настоящему близко я только один раз его видел, уже после того, как оно было разбито.

Гарри увидел, как до Гермионы что-то дошло, по её внезапно расширившимся глазам. Рон, поражённый, переводил взгляд с Гарри на Гермиону и обратно.

– Чёрт... ты думаешь, это тоже был тот знак? Знак Реликвий?

– Почему бы и нет? – возбуждённо ответил Гарри. – Марволо Гонт был старым мерзавцем, который ни черта не знал и жил как свинья, и всё, что его волновало, – это его происхождение. Если это кольцо веками переходило из поколения в поколение, он мог не

знать, чем оно было на самом деле. Никаких книг в доме не было, и, поверь мне, он был не из тех, кто читает своим детям сказочки. Он наверняка обожал бы думать, что царапины на камне были гербом, потому что, насколько он себе представлял, чистая кровь – это почти что королевская.

– Да... и это всё, конечно, очень интересно, – осторожно произнесла Гермиона, – но Гарри, если ты думаешь то, что я думаю, что ты думаешь...

– Ну а почему нет? *Почему нет?* – отбросил осторожность Гарри. – Это ведь был камень, так? – Он взглядом запросил поддержки у Рона. – Что если это и был Воскрешающий камень?

У Рона отвалилась челюсть.

– Чёрт... но будет ли он работать, после того как Дамблдор его...

– Работать? *Работать?* Рон, он никогда не работал! *На свете нет такой вещи, как Воскрешающий камень!* – Гермиона с рассерженным и раздражённым видом вскочила на ноги. – Гарри, ты пытаешься всё подряд подогнать под эту историю с Реликвиями...

– *Всё подряд подогнать?* – повторил он. – Гермиона, да оно всё подходит само по себе! Я знаю, что знак Реликвий Смерти был на том камне! Гонт сказал, что происходит от Певереллов!

– Минуту назад ты говорил нам, что никогда не видел нормально знак на том камне!

– И где, ты думаешь, сейчас кольцо? – спросил Рон у Гарри. – Что Дамблдор сделал с ним после того, как открыл его?

Но воображение уже унесло Гарри вперёд, далеко-далеко от Рона и Гермионы...

Три объекта, или Реликвии, которые, будучи объединены, сделают их обладателя повелителем Смерти... повелителем... покорителем... искоренителем... Последний же враг истребится – смерть...

И он увидел себя, обладателя Реликвий, лицом к лицу с Волдемортом, Хоркраксы которого не шли ни в какое сравнение... *Ни один из них не может жить, пока жив другой...* Может, это и есть ответ? Реликвии против Хоркраксов? Был ли, в конечном итоге, способ наверняка обеспечить себе триумф? Если бы он стал повелителем Реликвий Смерти, был бы он в безопасности?

– Гарри?

Но он едва слышал Гермиону: он вытащил свой плащ-невидимку и протягивал его через пальцы, податливый как вода, лёгкий как воздух. За все свои почти семь лет в магическом мире Гарри ни разу не видел чего-то, что могло бы с этим плащом сравниться. Плащ был в точности таким, как его описал Ксенофилиус: *плащ, который действительно делает его обладателя абсолютно невидимым и работает вечно, давая постоянную и непроницаемую маскировку, независимо от того, какие заклинания на него накладываются...*

И вдруг, ахнув от неожиданности, он вспомнил...

– У Дамблдора был мой плащ, в ту ночь, когда мои родители погибли!

Его голос задрожал, и он почувствовал, как кровь приливает к его лицу, но ему было всё равно. – Моя мама написала Сириусу, что Дамблдор одолжил плащ! Так вот почему! Он хотел его проверить, потому что считал, что это была Третья Реликвия! Игнотус Певерелл был похоронен в Годриковой Лощине... – Гарри слепо бродил по палатке, ощущая, как

новые горизонты правды открываются вокруг него. – Он мой предок! Я происхожу от третьего брата! Всё сходится!

Он чувствовал себя вооружённым этой ясностью, своей верой в Реликвии, словно одна лишь идея владения ими давала ему защиту, и он ощущал радость, когда повернулся к своим спутникам.

– Гарри, – снова начала Гермиона, но он был занят развязыванием сумочки у себя на шее; его пальцы тряслись.

– На, читай, – сказал он ей, втискивая письмо его матери ей в руки. – Читай! Плащ был у Дамблдора, Гермиона! Зачем ещё он мог быть ему нужен? Ему не требовался плащ, он мог произвести настолько сильные Образумные чары, что становился невидимым безо всякого плаща!

Что-то упало на пол и, сверкая, укатилось под стул: он уронил снитч, вытаскивая письмо. Он нагнулся, чтобы его подобрать, и тут свежая струя чудесных открытий принесла ему новый дар, и шок пополам с восхищением взорвались внутри него, так что он закричал.

– ОНО ЗДЕСЬ! Он оставил мне кольцо – оно в снитче!

– Ты... ты думаешь?

Гарри не понимал, почему Рон в замешательстве. Это было так очевидно, так ясно для Гарри: всё подходило, всё... Его плащ был третьей Реликвией, а когда он найдёт способ открыть снитч, у него будет вторая, и тогда всё, что ему останется сделать – это найти первую Реликвию, бузину палочку, и тогда...

Но в этот момент словно занавес упал на залитую светом сцену: всё его возбуждение, всё его счастье и надежда выключились в один миг, и он стоял один в темноте; чудесные чары рухнули.

– Вот что он ищет.

Изменение в его голосе заставило Рона и Гермиону посмотреть ещё более испуганно.

– Сами-Знаете-Кто ищет бузину палочку.

Он повернулся спиной к их напряжённым, скептическим лицам. Он знал, что это правда. Всё сходилось. Волдеморт не искал новую волшебную палочку; он искал старую палочку, очень старую палочку. Гарри прошёл к выходу из палатки, забыв про Рона с Гермионой, смотря в ночь, думая...

Волдеморт вырос в магловском приюте. Никто не мог читать ему «Сказки барда Бидла», когда он был ребёнком, в этом он совпадал с Гарри. Мало кто из колдунов верит в Реликвии Смерти. Возможно ли, что Волдеморт знает о них?

Гарри уставился в темноту... Если бы Волдеморт знал о Реликвиях Смерти, наверняка он разыскивал бы их, он бы сделал всё, чтобы завладеть ими: три объекта, которые делают своего хозяина повелителем Смерти? Если бы он знал про Реликвии Смерти, ему бы изначально не понадобились Хоркраксы. Да и тот простой факт, что он взял Реликвию и превратил её в Хоркракс – разве он не демонстрировал, что Волдеморт не знал об этом последнем великом колдовском секрете?

Это значило, что Волдеморт разыскивает бузину палочку, не сознавая её полной мощи, не понимая, что это одна из трёх... ибо волшебная палочка была Реликвией, которую

невозможно было спрятать, о существовании которой было известно лучше всех... *Кровавый след бузиной палочки тянется через многие страницы волшебной истории...*

Гарри смотрел на облачное небо, на завитки дымчато-серого и серебристого цветов, скользящие на фоне белой луны. Он был слегка пьян от восхищения своими открытиями.

Он повернулся обратно внутрь палатки. Он был удивлён, увидев, что Рон и Гермиона стоят в точности там, где он их оставил; Гермиона по-прежнему держала в руках письмо Лили, Рон с несколько обеспокоенным видом рядом с ней. Неужели они не осознали, как далеко они прошли за последние несколько минут?

– Значит, так, – произнёс Гарри, стараясь приобщить их к сиянию своей собственной поразительной уверенности. – Это объясняет всё. Реликвии Смерти реальны, и у меня есть одна... Возможно, две... – он поднял руку со снятчем, – а Сами-Знаете-Кто гонится за третьей, но он не понимает... Он думает, что это всего лишь сильная волшебная палочка...

– Гарри, – сказала Гермиона, подойдя к нему и протягивая ему обратно письмо Лили. – Прости меня, но я думаю, что ты это понял неправильно, всё неправильно понял.

– Но неужели ты не видишь? Всё же сходится...

– Нет, не сходится, – ответила она. – *Не сходится*, Гарри, ты просто замечтался. Пожалуйста, – добавила она, увидев, что он начал отвечать, – пожалуйста, просто ответь на один вопрос. Если Реликвии Смерти действительно существуют и Дамблдор знал о них, если он знал, что человек, владеющий всеми тремя, стал бы повелителем Смерти – Гарри, почему он не рассказал тебе это? Почему?

У него уже был готовый ответ.

– Но ты же сама сказала, Гермиона! Это всё необходимо узнать самостоятельно! Это Поиск!

– Но я это сказала, только чтобы попытаться убедить тебя пойти к Лавгудам! – сердито закричала Гермиона. – На самом деле я в это не верю!

Гарри не обратил на её слова никакого внимания.

– Дамблдор всегда давал мне всё узнавать самому. Он разрешал мне испытывать мою силу, рисковать. Похоже, что он вполне мог бы это сделать.

– Гарри, это не игра, это не тренировка! Это настоящее, и Дамблдор оставил тебе очень ясные указания: найти и уничтожить Хоркраксы! Этот символ ничего не значит, забудь про Реликвии Смерти, мы не можем позволить себе уходить в сторону...

Гарри её едва слушал. Он снова и снова вертел в руке снятч, почти надеясь, что он вдруг откроется, и там окажется Воскрешающий камень, и тогда Гермиона поймёт, что был прав, что Реликвии Смерти действительно существуют.

Она воззвала к Рону.

– Ты же не веришь в это, правда?

Гарри взглянул на него. Рон заколебался.

– Нинаю... в смысле... Кое-что из этого типа как сходится, – неуклюже забормотал он. – Но если посмотреть на всё вместе... – он сделал глубокий вдох. – Я думаю, нам нужно избавляться от Хоркраксов, Гарри. Это то, что Дамблдор велел нам сделать. Возможно... возможно нам надо забыть об этих делах с Реликвиями.

– Спасибо, Рон, – сказала Гермиона. – Я подежурю первой.

И она широким шагом прошла мимо Гарри и уселась у входа в палатку, жёстко прекратив обсуждение.

Но Гарри этой ночью почти не спал. Идея Реликвий Смерти захватила его, и он не мог дать себе отдыха, пока беспокойные мысли бурлили у него в голове: волшебная палочка, камень и плащ, если бы он только мог обладать ими всеми...

Я открываюсь при закрытии... Но что это за закрытие? Почему он не мог получить камень немедленно? Если бы только у него был камень, он смог бы задать все вопросы Дамблдору лично... И Гарри в темноте шептал снитчу различные слова, пробуя всё, даже Рассеяз, но золотой мячик упорно не желал открываться...

И палочка, бузиная палочка, где она была спрятана? Где её сейчас искал Волдеморт? Гарри даже желал, чтобы его шрам вновь загорелся и показал ему мысли Волдеморта, потому что впервые за всё время он и Волдеморт объединились в своём желании заполучить одну и ту же вещь... Гермионе, конечно, это бы не понравилось... но с другой стороны, она не верила... Ксенофилиус был прав, в некотором смысле... *Ограниченная. Консервативная. Узкомыслящая.* Правда заключалась в том, что её пугала идея Реликвий Смерти, особенно Воскрешающего камня... И Гарри вновь прижимался губами к снитчу, целовал его, чуть не проглатывал его, но холодный металл всё не поддавался...

Уже почти утром он вспомнил о Луне, одиноко сидящей в камере в Азкабане, окружённой дементорами, и внезапно ему стало стыдно за самого себя. В своих лихорадочных размышлениях о Реликвиях он совсем про неё забыл. Если бы только они смогли её выручить... Но дементоры в таких количествах были абсолютно непобедимы. Кстати, подумав про это, он вспомнил, что ещё не пробовал вызвать Патронуса с помощью терновой палочки... Утром надо будет попробовать...

Если бы только он мог заполучить волшебную палочку получше...

И желание обрести бузину палочку, Гробовую палочку, непобедимую, необоримую, вновь поглотило его...

На следующее утро они собрали палатку и двинулись дальше под унылым дождём. Ливень преследовал их до самого побережья, где они натянули палатку на эту ночь, и продолжался всю неделю, орошая мокрые ландшафты, казавшиеся Гарри холодными и унылыми. Он был в состоянии думать исключительно о Реликвиях Смерти. Это было словно пламя, горящее внутри него, и ничто, ни упрямое неверие Гермионы, ни постоянные сомнения Рона – ничто не могло это пламя затушить. И всё же, чем сильнее стремление к Реликвиям горело в нём, тем менее радостным он становился. Он винил в этом Рона и Гермиону: их упорное безразличие действовало угнетающе на его настроение в не меньшей степени, чем беспощадный дождь; но ничто не могло поколебать его решительности, остававшейся абсолютной. Вера Гарри и его стремление к Реликвиям поглотили его настолько, что он чувствовал себя изолированным от Рона с Гермионой и от их одержимости Хоркраксами.

– Одержимость? – переспросила Гермиона тихо, но с яростью в голосе как-то вечером, когда Гарри был слишком неосторожен и употребил это слово, после того как Гермиона

отчитала его за отсутствие интереса к поиску новых Хоркраксов. – Не мы здесь одержимы, Гарри! *Мы* пытаемся сделать то, чего Дамблдор хотел от нас!

Но Гарри оставался непрошибаем для завуалированной критики. Дамблдор оставил знак Реликвий для того, чтобы Гермиона его расшифровала, и ещё, Гарри по-прежнему был в этом убеждён, он оставил Воскрешающий камень, спрятав его в золотом снитче. *Ни один из них не может жить, пока жив другой... Повелитель Смерти...* Почему Рон и Гермиона не понимают?

– «*Последний же враг истребится – смерть*», – спокойно процитировал Гарри.

– Мне казалось, мы предположительно сражаемся против Сам-Знаешь-Кого? – отбрила Гермиона, и Гарри от неё отстал.

Даже загадка серебряной оленухи, на обсуждении которой настаивали Рон с Гермионой, теперь казалась Гарри не столь важной – так, слабоинтересное побочное событие. Единственное, что, помимо Реликвий, имело для него значение, – то, что его шрам вновь начал болеть; но он изо всех сил старался скрыть это от своих спутников. Гарри искал одиночества всякий раз, когда это происходило, но то, что он видел, его разочаровывало. Видения, которые он делил с Волдемортом, изменились качественно; они стали размытыми, дёрганymi, словно то входили в фокус, то выходили из него. Гарри удавалось лишь разобрать неопределённые очертания предмета, похожего на череп, и что-то вроде горы, казавшейся больше тенью, чем материей. Привыкший к образам, чётким, как реальность, Гарри был сбит с толку этим изменением. Он опасался, что связь между ним и Волдемортом была повреждена, та самая связь, которую он одновременно боялся и, что бы он ни говорил Гермионе, ценил. Каким-то образом Гарри связал эти неудачные, расплывчатые образы с уничтожением его волшебной палочки, словно это терновая палочка была виновата в том, что он не мог видеть мыслей Волдеморта так же чётко, как раньше.

По мере того, как неделя сменяла неделю, Гарри не мог не замечать, даже сквозь своё искусственное уединение, что Рон постепенно брал бразды правления. Возможно, он упорно старался искупить свой уход от них, а может быть, Гаррина вялость подстегнула его дремавшие лидерские качества – но именно Рон теперь подбадривал своих спутников и подстёгивал их к действиям.

– Осталось три Хоркракса, – постоянно повторял он. – Нам нужен план действий, давайте же! Где мы ещё не смотрели? Давайте ещё разок пройдемся. Приют...

Косой переулок, Хогвартс, дом Риддлов, Боргин и Бёркс, Албания, все места, где, как им было известно, Том Риддл когда-либо жил или работал, навещал или убивал в них, Рон и Гермиона перебирали вновь и вновь; Гарри присоединялся к ним, только чтобы Гермиона переставала его допытывать. Он был бы счастлив посидеть в одиночестве и в тишине, пытаясь читать мысли Волдеморта, пытаясь узнать что-нибудь о бузиной палочке, но Рон настаивал на посещении всё более невероятных мест, просто для того, не сомневался Гарри, чтобы продолжить двигаться.

– Никогда не знаешь, – было теперь постоянным рефреном Рона. – Верхний Флагли – это колдовская деревня, вдруг он хотел там жить. Давайте пойдём туда, пошаримся вокруг.

В этих частых вылазках на колдовскую территорию они время от времени обнаруживали Хватчиков.

– Некоторые из них, сдаётся мне, не лучше Пожирателей Смерти, – сказал Рон. – Та компания, которая поймала меня – это были слабаки, но Билл считает, что некоторые из них реально опасны. На «Поттервахте»⁷⁰ сказали...

– На чём? – переспросил Гарри.

– «Поттервахта», я разве не говорил тебе, что так она называется? Программа, которую я всё пытаюсь поймать по радио, единственная, которая рассказывает правду о том, что происходит! Почти все программы повторяют линию Сам-Знаешь-Кого – все, кроме «Поттервахты». Я очень хочу, чтобы ты её послушал, только настроиться на неё трудно...

Вечер за вечером Рон проводил, выбивая своей волшебной палочкой различные ритмы по крышке деревянного приёмника и одновременно вращая ручки настройки. Иногда им удавалось поймать обрывки советов, как лечить драконку, а однажды – несколько куплетов «Котла, полного горячей, страстной любви». Стуча палочкой, Рон всё время пытался угадать правильный пароль, бормоча себе под нос фразы из наугад подобранных слов.

– Они обычно имеют какое-то отношение к Ордену, – говорил он им. – У Билла просто потрясающее чутьё на их угадывание. Я наверняка наткнулся на нужный рано или поздно...

Но лишь в марте удача наконец улыбнулась Рону. Гарри дежурил у входа в палатку, лениво глядя на пучок синих гиацинтов, пробившихся сквозь холодную землю, когда Рон внутри палатки возбуждённо закричал:

– Я её поймал, я поймал! Пароль был «Альбус»! Гарри, иди сюда!

Впервые за много дней пробуждённый от своих размышлений о Реликвиях Смерти, Гарри поспешил назад в палатку, где обнаружил Рона и Гермиону, стоящих на коленях на полу рядом с маленьким приёмником. Гермиона, занимавшаяся полировкой меча Гриффиндора, просто чтобы чем-то занять руки, сидела с открытым ртом и неотрывно смотрела на крохотный динамик, из которого исходил чрезвычайно знакомый голос.

– ...извинения за наше временное отсутствие в эфире, вызванное некоторым количеством визитов, нанесённых в наши места этими очаровательными Пожирателями Смерти.

– Но это же Ли Джордан! – воскликнула Гермиона.

– Я знаю! – просиял Рон. – Круто, а?

– ...подобрали себе другое безопасное расположение, – продолжал говорить Ли, – и я рад сообщить вам, что двое наших постоянных участников присоединились ко мне сегодня вечером. Привет, парни!

– Здорово.

– Привет, Речник.

– «Речник» – это Ли, – объяснил Рон. – У них у всех кодовые имена, но всегда можно определить...

– Шшш! – сказала Гермиона.

⁷⁰ Potterwatch. Watch – дозор, вахта.

– Но прежде чем мы послушаем Роя и Ромулуса, – продолжал Ли, – давайте уделим один момент сообщению о смертях, которые «Новости колдовской радиосети» и «Ежедневный пророк» считают слишком мелкими и не заслуживающими упоминания. С огромной скорбью мы информируем наших слушателей об убийстве Теда Тонкса и Дёрка Кресуэлла.

Гарри ощутил тошноту, подступившую к горлу. Он, Рон и Гермиона в ужасе смотрели друг на друга.

– Также был убит гоблин по имени Горнук. Предположительно, маглорождённый Дин Томас и ещё один гоблин, которые, как считают, находились с Тонксом, Кресуэлом и Горнуком, сбежали. Если Дин нас слушает или если кто-либо имеет информацию о его местонахождении, то его родители и сёстры будут рады услышать какие-либо новости.

В то же самое время в городе Гэддли семья маглов из пяти человек была найдена мёртвой в своём доме. Магловские власти приписывают их смерти утечке газа, но члены Ордена Феникса проинформировали меня, что это было Убивающее проклятие – ещё одно свидетельство, если бы оно кому-то требовалось, что убийства маглов при новой власти стали чем-то немного большим, чем спортивное хобби.

И наконец, мы с сожалением информируем наших слушателей, что в Годриковой Лощине были обнаружены останки Батильды Бэгшот. Всё свидетельствует в пользу того, что она погибла несколько месяцев назад. Орден Феникса информирует нас, что её тело несёт на себе несомненные признаки ранений, нанесённых Тёмной магией.

Слушатели, я предлагаю вам присоединиться к нашей минуте молчания в память о Теде Тонксе, Дёрке Кресуэлле, Батильде Бэгшот, Горнуке и безымянных, но оттого не менее заслуживающих скорби, маглах, убитых Пожирателями Смерти.

Пало молчание, и Гарри, Рон и Гермиона не произносили ни слова. Половина Гарри отчаянно стремилась услышать больше, вторая половина боялась того, что могут сообщить дальше. Впервые за долгое время он ощутил себя частицей внешнего мира.

– Спасибо, – произнёс голос Ли. – А теперь мы обращаемся к нашему постоянному участнику, Рою, который сообщит нам новые сведения о том, как новая колдовская власть влияет на мир маглов.

– Спасибо, Речник, – произнёс глубокий, размеренный, убедительный голос, который нельзя было спутать ни с чьим другим.

– Кингсли! – выкрикнул Рон.

– Мы знаем! – ответила Гермиона, утихомиривая его жестом.

– Маглы продолжают нести серьёзный урон, но по-прежнему не имеют понятия об источнике своих страданий, – произнёс Кингсли. – Однако мы постоянно слышим чрезвычайно воодушевляющие рассказы о колдунах и ведьмах, которые рискуют собственной безопасностью для защиты своих друзей и соседей из числа маглов, часто без ведома самих маглов. Я хотел бы обратиться ко всем нашим слушателям с просьбой следовать этим примерам, возможно, накладывая защитные чары на все магловские строения на вашей улице. Такие простые меры могут сохранить многие жизни.

– А что бы ты сказал, Рой, тем из наших слушателей, кто ответит, что в наше опасное время следует жить по принципу «колдуны превыше»? – спросил Ли.

– Я сказал бы, что от «колдуны превыше» всего один шаг до «чистокровные превыше», и ещё один шаг до «Пожирателей Смерти», – ответил Кингсли. – Все мы люди, не правда ли? Каждая человеческая жизнь стоит одинаково, и каждая стоит того, чтобы её спасли.

– Отлично сказано, Рой, и я отдам за тебя свой голос на выборах министра магии, если мы когда-либо выберемся из всего этого, – сказал Ли. – А теперь перейдём к Ромулусу и к нашей популярной рубрике «Друзья Поттера».

– Спасибо, Речник, – произнёс ещё один очень знакомый голос; Рон начал было говорить, но Гермиона остановила его, прошептав:

– *Мы знаем, что это Люпин!*⁷¹

– Ромулус, ты по-прежнему утверждаешь, как ты это делал всякий раз, когда появлялся в нашей программе, что Гарри Поттер всё ещё жив?

– Утверждаю, – твёрдо ответил Люпин. – У меня нет ни малейшего сомнения, что о его гибели, если бы она имела место, Пожиратели Смерти объявляли бы настолько широко, насколько это вообще возможно, поскольку она нанесла бы смертельный удар по присутствию духа тех, кто продолжает сопротивляться новому режиму. Мальчик, Который Выжил, остаётся символом всего, за что мы боремся: триумфа добра, силы невинности, необходимости продолжать сопротивление.

Чувства признательности и стыда одновременно поднялись в Гарри. Неужели Люпин простил его за те ужасные вещи, которые Гарри наговорил при их последней встрече?

– А что бы ты сказал Гарри, если бы знал, что он тебя слушает, Ромулус?

– Я бы сказал ему, что мы все душой с ним, – ответил Люпин, после чего, чуть помедлив, добавил: – И я бы посоветовал ему следовать инстинктам – они у него хороши и почти всегда правильны.

Гарри взглянул на Гермиону, в глазах которой стояли слёзы.

– Почти всегда правильны, – прошептала она.

– О, разве я вам не рассказывал? – удивлённо сказал Рон. – Билл мне говорил, что Люпин снова живёт с Тонкс! И она явно тоже становится чертовски круглой.

– ...и наше обычное обновление информации о тех друзьях Гарри Поттера, которые сейчас страдают за свою преданность? – продолжал в это время говорить Ли.

– Что ж, наши регулярные слушатели узнают, что некоторые из наиболее известных сторонников Гарри Поттера находятся в заключении, в том числе Ксенофилиус Лавгуд, бывший редактор «Придиры»... – произнёс Люпин.

– По крайней мере, он ещё жив! – пробормотал Рон.

– Кроме того, буквально несколько часов назад нам стало известно, что Рубеус Хагрид... – все трое одновременно ахнули, из-за чего едва не прослушали окончание фразы, – всем известный как егерь школы Хогвартс, едва избежал ареста на территории Хогвартса, где, по слухам, организовал вечеринку в поддержку Гарри Поттера в собственном доме. Однако Хагрид не был взят под стражу и в настоящее время, по-видимому, находится в бегах.

⁷¹ Настоящее имя Люпина Remus – как у одного из братьев, основавших Рим. Псевдонимом он взял имя второго брата, Romulus (на русский оно обычно переводится как «Ромул»).

– Полагаю, если ты спасаешься от Пожирателей Смерти, очень невредно, когда у тебя есть единоутробный брат шестнадцати футов ростом? – спросил Ли.

– Это даст вам некоторое преимущество, – серьёзным голосом согласился Люпин. – Позволю себе добавить, что, хотя мы здесь на «Поттервахте» аплодируем решительности Хагрида, но, тем не менее, призываем даже наиболее преданных сторонников Гарри не следовать его примеру. Проведение вечеринок под девизом «поддержки Гарри Поттера» в нынешнем климате неблагоприятно.

– Это верно, Ромулус, – подтвердил Ли, – так что мы предлагаем вам продолжать демонстрировать вашу преданность человеку с подобным молнии шрамом, продолжая слушать «Поттервахту»! А теперь мы перейдём к новостям касательно колдуна, подтверждающего репутацию столь же неуловимого человека, как Гарри Поттер. Мы предпочитаем называть его «Главный Пожиратель Смерти», и сейчас своё видение некоторых наиболее безумных слухов об этой персоне изложит наш новый корреспондент. Разрешите представить: Рак.

– «Рак»? – повторил ещё один знакомый голос, и Гарри, Рон и Гермиона вместе выкрикнули: «Фред!»

– Нет – это Джордж?

– Фред, я думаю, – сказал Рон, придвигаясь поближе, в то время как тот из близнецов, который там был, заявил:

– Я не хочу быть «Раком», ни за что, я же говорил тебе, что хочу быть «Рапирой»!

– О, ну ладно. «Рапира», изложи, пожалуйста, свою точку зрения по поводу разнообразных историй о Главном Пожирателе Смерти, которые мы слышали.

– Конечно, Речник, – ответил Фред. – Как хорошо известно нашим слушателям, если только они не нашли себе убежище на дне садового пруда или в другом подобном месте, Сами-Знаете-Кто желает оставаться в тени, и его стратегия заключается в создании очаровательной ситуации всеобщей паники. В результате, если все сообщаемые случаи обнаружения его подлинны, то у нас тут бегают по меньшей мере девятнадцать штук Сами-Знаете-Кого.

– Что, разумеется, его устраивает, – произнёс Кингсли. – Аура таинственности производит больше страха, чем настоящая демонстрация себя.

– Согласен, – сказал Фред. – Так что, ребят, давайте постараемся и немного успокоимся. Всё и так достаточно плохо, без того, чтобы что-то ещё придумывать. Например, вот эта идея, что Сами-Знаете-Кто умеет убивать одним взглядом из глаз. Это *василиск*, уважаемые слушатели. Один простой тест: проверьте, есть ли у твари, что глазеет на вас, ноги. Если они есть, то смотреть ей в глаза безопасно, хотя, если это действительно Сами-Знаете-Кто, то, вероятнее всего, это в любом случае будет последнее, что вы когда-либо сделаете.

Впервые за многие недели Гарри рассмеялся: он ощутил, как его напряжение постепенно спадает.

– А слухи, что его периодически видят за границей? – спросил Ли.

– Ну, кто ж не хочет маленький миленький выходной после такой тяжёлой работы, в которую он погружён? – ответил Фред. – Однако, народ, не стоит тешить себя иллюзиями

безопасности, думая, что его нет в стране. Может, он здесь, может, нет, но факт тот, что, если ему нужно, он может передвигаться быстрее, чем Северус Снейп, увидевший шампунь. Так что если вы планируете что-нибудь рискованное, не рассчитывайте на то, что он далеко от вас. Никогда бы не подумал, что сам от себя такое услышу, но безопасность превыше всего!

– Большое тебе спасибо за эти мудрые слова, Рапира, – произнёс Ли. – Уважаемые слушатели, на этом очередная «Поттервахта» подошла к концу. Мы не знаем, когда снова сможем выйти в эфир, но вы можете не сомневаться, что мы вернёмся. Продолжайте вертеть ручки приёмников: следующий пароль будет «Безумный Глаз». Берегите друг друга и сохраняйте веру. Спокойной ночи.

Ручка приёмника повернулась, и свет позади панели настройки погас. Гарри, Рон и Гермиона по-прежнему улыбались до ушей. Знакомые, дружеские голоса, услышанные ими, оказали потрясающе тонизирующий эффект. Гарри настолько привык к их изоляции, что едва не забыл, что оставались и другие люди, сопротивляющиеся Волдеморту. Это было словно пробуждение от долгого сна.

– Здорово, а? – радостно сказал Рон.

– Потрясающе, – ответил Гарри.

– Это так смело, – с восхищением в голосе вздохнула Гермиона. – Если бы их нашли...

– Ну, они ж всё время движутся, верно? – произнёс Рон. – Как мы.

– Но ты слышал, что сказал Фред? – возбуждённо спросил Гарри; теперь, когда трансляция кончилась, его мысли вновь вернулись к его всепоглощающей идефикс. – Он за границей! Он всё ещё ищет волшебную палочку, я знал это!

– Гарри...

– Ну же, Гермиона, что ты так упорно не желаешь признать это? Вол-...

– ГАРРИ, НЕТ!!!

– ...-депорт ищет бузину палочку!

– На этом имени Табу! – взвыл Рон и вскочил на ноги, в то время как снаружи палатки раздался громкий хлопок. – Я говорил тебе, Гарри, я говорил, мы не можем его больше говорить – мы должны снова поставить защиту вокруг – быстро – так они находят...

Рон внезапно замолчал, и Гарри понял почему. Хитроскоп на столе зажёгся и начал вращаться; до них донеслись голоса, они всё приближались и приближались – грубые, возбуждённые голоса. Рон вытащил из кармана Делюминатор и щёлкнул: их лампы погасли.

– Выходите оттуда с поднятыми руками! – разнёсся в темноте скрежещущий голос. – Мы знаем, что вы там! На вас нацелено полдюжины волшебных палочек, и нас не волнует, кого мы атакуем!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ОСОБНЯК МАЛФОВ

Гарри глянул на своих спутников, казавшихся сейчас простыми силуэтами в темноте. Он увидел, как Гермиона нацелила свою волшебную палочку, но не на вход в палатку, а ему в лицо; послышался удар, мелькнула белая вспышка, и он согнулся от дикой боли, не в состоянии видеть. Он чувствовал, как лицо стремительно распухает под его руками. Потом он услышал приближение тяжёлых шагов.

– Вставай, червяк.

Незнакомые руки грубо оторвали Гарри от земли. Прежде чем он смог их остановить, кто-то обшарил его карманы и забрал терновую палочку. Гарри держался за безумно болевшее лицо, совершенно неузнаваемое на ощупь, круглое, раздутое, словно он перенёс какую-то жестокую аллергическую реакцию. Его глаза превратились в щёлочки, сквозь которые он почти ничего не видел; очки свалились, пока его выволакивали из палатки; всё, что он мог разобрать, – это расплывчатые фигуры четырёх или пяти человек, боровшихся снаружи палатки с Роном и Гермионой.

– Отвали – от – неё! – прокричал Рон. Послышался звук, который ни с чем нельзя было спутать, – звук удара кулака о плоть; Рон зарычал от боли, и Гермиона вскрикнула: – Нет! Оставьте его, оставьте!

– Твоему дружку достанется ещё похуже, если он есть в моём списке, – раздался кошмарно знакомый скрежещущий голос. – Вкусная девочка... Какой подарочек... Как мне нравится мягкая кожа...

Гаррин желудок перевернулся. Он знал, кто это: Фенрир Грэйбэк, оборотень, получивший разрешение носить мантию Пожирателя Смерти и в обмен предоставивший им всю свою злобу.

– Обищите палатку! – приказал ещё один голос.

Гарри швырнули на землю лицом вниз. Затем по ещё одному глухому удару он понял, что Рона кинули рядом. Они слышали шаги и грохот; захватившие их люди пинали стулья, обыскивая палатку.

– Ну, давайте посмотрим, кого мы тут поймали, – донёсся откуда-то сверху злорадный голос Грэйбэка, и Гарри перекатали на спину. Луч света от волшебной палочки упал на его лицо, и Грэйбэк расхохотался.

– Мне понадобится сливочное пиво, чтобы запить этого типа. Что с тобой случилось, урод?

Гарри не ответил сразу.

– Я *спросил*, – повторил Грэйбэк, и Гарри получил удар под лопатку, заставивший его сложиться вдвое от боли, – что с тобой случилось?

– Ужалили, – просипел Гарри. – Меня ужалили.

– Ага, похоже на то, – произнёс второй голос.

– Твоя фамилия? – спросил Грэйбэк.

– Дадли.

– А имя?

– Я... Вернон. Вернон Дадли.

– Проверь по списку, Скабиор, – приказал Грэйбэк, и Гарри услышал, как он сдвинулся в сторону, чтобы посмотреть на Рона. – А что насчёт тебя, рыжий?

– Стэн Шанпайк, – заявил Рон.

– Угу, прям вылитый, – хмыкнул мужчина по имени Скабиор. – Мы знаем Стэна Шанпайка, он с нами вместе неплохо поработал.

Послышался ещё один удар.

– Я Барди, – сказал Рон, и Гарри догадался, что его рот был наполнен кровью. – Барди Уизли.

– Уизли? – повторил Грэйбэк. – Стало быть, родственник кровоотступников, даже если и не грязнокровка. И наконец, твоя прелестная маленькая подружка... – наслаждение в его голосе заставило Гарри содрогнуться.

– Полегче, Грэйбэк, – раздался голос Скабиора сквозь смехи остальных.

– О, я не собираюсь кусать прямо сейчас. Мы посмотрим, сможет ли она вспомнить своё имя побыстрее, чем Барни. Итак, кто ты, девонька?

– Пенелопа Клируотер, – ответила Гермiona. Голос её звучал испуганно, но убедительно.

– Каков твой Статус Крови?

– Полукровка.

– Достаточно легко проверить, – сказал Скабиор. – Но вся их компаньша, похоже, всё ещё школьного возраста...

– Бы закодчили, – произнёс Рон.

– Закончили, вот как, рыжий? – повторил Скабиор. – И решили пойти в поход? И подумали, чисто ради смеха, назвать имя Тёмного Лорда?

– Де для сбеха. Случайдо.

– Случайно? – снова послышался издевательский смех.

– Ты знаешь, кто любил произносить имя Тёмного Лорда, Уизли? – прорычал Грэйбэк. – Орден Феникса. Это тебе что-нибудь говорит?

– Дет.

– В общем, они не выказывают Тёмному Лорду должного уважения, поэтому на его имя наложено Табу. Несколько членов Ордена были уже найдены таким способом. Ладно, увидим. Свяжите их вместе с теми двумя.

Кто-то ухватил Гарри за волосы, протащил немного, повернул в сидячее положение и начал привязывать спина к спине с другими людьми. Гарри по-прежнему был полуслеп, едва способен хоть что-нибудь увидеть сквозь свои распухшие веки. Когда человек, вязавший их, удалился, Гарри прошептал другим пленникам.

– У кого-нибудь осталась палочка?

– Нет, – ответили Рон и Гермiona по обе стороны от него.

– Это всё я виноват. Я произнёс имя, простите...

– Гарри?

Голос был новый, но знакомый, и он исходил прямо из-за Гарриной спины, от человека, привязанного слева от Гермионы.

– *Дин?*

– Это *правда* ты! Если они узнают, кто к ним попал!.. Это Хватчики, они только ищут прогульщиков, чтобы продать их за деньги...

– Неплохой уловец за одну ночь, – проговорил Грэйбэк, в то время как пара подбитых гвоздями сапог пропала рядом с Гарри, а из палатки донеслась очередная порция треска. – Грязнокровка, беглый гоблин и три прогульщика. Ты ещё не проверил их имена по списку, Скабиор? – прокричал он.

– Проверил. Вернона Дадли тут нет, Грэйбэк.

– Интересно, – сказал Грэйбэк. – Это интересно.

Он сел на корточки перед Гарри, и тот сквозь узенькие щёлочки между своими распухшими веками увидел лицо, скрытое под спутанными сероватыми волосами и усами, с острыми коричневыми зубами и болячками в уголках рта. Грэйбэк пах точно так же, как на вершине Астрономической Башни в ночь гибели Дамблдора: грязью, потом и кровью.

– Стало быть, тебя не разыскивают, Вернон? Или ты в том списке под другим именем, а? В каком Доме ты был в Хогвартсе?

– Слизерин, – автоматически ответил Гарри.

– Забавно, как они все думают, что нам это понравится, – ехидно хохотнул Скабиор откуда-то из темноты. – Но никто из них не может сказать, где общая комната.

– Она в подземелье, – чётко проговорил Гарри. – Вход через стену. Там полно черепов и всякого такого, и она под озером, поэтому свет зелёный.

Повисла короткая пауза.

– Так, так, похоже, мы действительно поймали маленького слизеринца, – произнёс Скабиор. – Это хорошо для тебя, Вернон, поскольку там в Слизерине грязнокровок немного. Кто твой отец?

– Он работает в Министерстве, – солгал Гарри. Он знал, что вся его история рухнет, едва её хоть чуть-чуть копнут, но, с другой стороны, когда его лицо вернёт свой нормальный вид, его игра откроется в любом случае. – В департаменте Магических аварий и катастроф.

– Знаешь, Грэйбэк, – задумчиво сказал Скабиор. – Кажется, там есть один Дадли.

Гарри едва мог дышать: неужели везение, чистое везение сможет вытащить их из этой передраги целыми?

– Ну что ж, – произнёс Грэйбэк, и Гарри уловил едва заметную нотку страха в его безжалостном голосе, и догадался, что Грэйбэк думает, неужели он действительно только что схватил и связал сына сотрудника Министерства. Гаррино сердце колотилось о верёвки, стягивающие его рёбра; он бы совсем не удивился, если бы оказалось, что Грэйбэк это видит. – Если ты не врёшь, урод, тебе нечего бояться прогулки в Министерство. Полагаю, награда твоего папаши за то, что мы тебя подобрали, будет справедливой.

– Но, – возразил Гарри, ощутив, как его небо внезапно пересохло, – если вы просто отпустите нас...

– Эй! – раздался крик изнутри палатки. – Глянь-ка на это, Грэйбэк!

Тёмная фигура бегом приближалась к ним, и в свете их палочек Гарри увидел серебряный взблеск. Они нашли меч Гриффиндора.

– Хоро-ош, – с наслаждением в голосе произнёс Грэйбэк, беря его у своего спутника. – О, на самом деле хорош. Похоже, гоблинской работы. Где ты достал такую штуку?

– Это моего отца, – солгал Гарри, вопреки всему надеясь, что сейчас слишком темно, чтобы Грэйбэк смог разглядеть имя под рукоятью. – Мы его взяли, чтобы рубить хворост...

– Погодь-ка, Грэйбэк! Глянь сюда, в «Пророк»!

Едва Скабиор произнёс эти слова, Гарриин шрам, туго натянувшийся на распухшем лбу, начал отчаянно гореть. Яснее, чем он видел что-либо вокруг себя, Гарри разглядел огромную башню, мрачную твердыню, угольно-чёрную и неприветливую; мысли Волдеморта внезапно вновь стали острыми и ясными; он скользил к огромному зданию с чувством спокойно-эйфорической нацеленности...

Так близко... так близко...

Колоссальным усилием воли Гарри закрыл свой разум от мыслей Волдеморта, вытягивая самого себя обратно, туда, где он сидел в темноте, привязанный к Рону, Гермионе, Дину и Гринхуку, и прислушивался к Грэйбэку и Скабиору.

– «*Эрмиона Грейнджер*», – читал Скабиор, – «*Грязнокровка, известная тем, что сопровождает 'Арри Поттера*».

В повисшей тишине Гарри по-прежнему ощущал дикую боль в шраме; невероятными усилиями он пытался удержаться здесь, не свалиться в разум Волдеморта. Он услышал скрип сапог Грэйбэка, когда тот присел на корточки перед Гермионой.

– А ты знаешь, девонька моя? Эта фотография выглядит просто дьявольски похоже на тебя.

– Нет! Это не я!

Испуганный взвизг Гермионы был всё равно что признанием.

– «...*известная тем, что сопровождает Гарри Поттера*», – тихо повторил Грэйбэк.

Воцарилась полная неподвижность. Гарри испытывал невероятную боль в шраме, но он всеми силами сопротивлялся тяге мыслей Волдеморта: никогда ещё ему не было так важно оставаться в собственном здравом уме.

– Что ж, это многое меняет, не так ли? – прошептал Грэйбэк.

Никто не проронил ни звука; Гарри почувствовал, что вся банда Хватчиков наблюдает, замерев на месте, и ощутил, как рука Гермионы дрожит рядом с его рукой. Грэйбэк встал и сделал несколько шагов в направлении Гарри, после чего вновь присел на корточки, чтобы поближе изучить его искажённое лицо.

– Что это у тебя на лбу, Вернон? – мягко спросил он и нажал своим грязным пальцем на натянувшийся шрам; его смрадное дыхание ударило Гарри в нос.

– Не трогай его! – заорал Гарри. Он не мог сдержаться; ему казалось, что от боли в шраме его сейчас стошнит.

– Я думал, ты носил очки, Поттер? – выдохнул Грэйбэк.

– Я нашёл какие-то очки! – крикнул один из Хватчиков, скрытых на заднем фоне. – Там в палатке были очки, Грэйбэк, погоди...

Несколько секунд спустя кто-то грубо надвинул Гаррины очки ему на нос. Хватчики теперь приближались, глаза на него.

– Точно! – проскрежетал Грэйбэк. – Мы взяли Поттера!

Они все отошли на несколько шагов, ошеломлённые тем, что сделали. Гарри, всё ещё отчаянно сражающийся за то, чтобы его сознание оставалось внутри его собственной раскальвающейся от боли головы, не мог придумать ничего, что он мог бы сказать. Обрывки видений прорывались на поверхность его сознания...

...он скользил вокруг высоких стен чёрной твердыни...

Нет, он был Гарри, связанный и лишённый волшебной палочки, и он был в страшной опасности...

...смотрел вверх, на верхнее окно, на самую высокую башню...

Он был Гарри, и они негромко обсуждали его судьбу...

...попа лететь...

– ...в Министерство?

– К чёрту Министерство, – проворчал Грэйбэк. – Они припишут заслугу себе, нам и ната не покажут. Я за то, чтоб отнести его прямо к Сами-Знаете-Кому.

– Ты его призовёшь? *Сюда?* – спросил Скабиор восхищённым и одновременно напуганным голосом.

– Нет, – огрызнулся Грэйбэк. – У меня нет... Говорят, у него база в доме Малфоев. Мы отнесём парня туда.

Гарри подумал, что он догадывается, почему Грэйбэк не призывал Волдеморта. Может, наоборот и разрешали носить мантию Пожирателя Смерти, когда они хотели его использовать, но лишь ближайшие сторонники Волдеморта были отмечены Тёмной Меткой. Грэйбэку столь высокая честь оказана не была.

Гаррин шрам раскалится вновь...

...и он воспарил в ночь, летя прямо к окну на самой вершине башни...

– ...точно уверен, что это он? Потому как если это не он, Грэйбэк, то мы трупы.

– Кто тут главный? – проревел Грэйбэк, стараясь отыграть за момент своего неполного соответствия мантии. – Я говорю, что это Поттер, а он вместе со своей палочкой – это двести тыщ галлеонов на месте! Но если у вас кишка тонка пойти со мной, у каждого из вас, это всё достанется мне, а если повезёт, то мне ещё и девчонку отдадут!

...окно было всего лишь щелью в чёрном камне, недостаточно большой, чтобы через неё мог пробраться человек... исхудавшая фигура была еле видна сквозь эту щель, она свернулась под одеялом... спящая или мёртвая?..

– Ладно, ладно! – сказал Скабиор. – Хорошо, мы в деле! А что с остальными, Грэйбэк, что мы с ними сделаем?

– Да всех возьмём. У нас тут две грязнокровки, это на десять галлеонов больше. И меч мне тоже дайте. Если это рубины, то у нас тут ещё одно маленькое сокровище.

Пленников силой подняли на ноги. Гарри слышал быстрое испуганное дыхание Гермiony.

– Держите их, и покрепче. Я возьму Поттера! – крикнул Грэйбэк, хватая Гарри за волосы; Гарри ощутил, как его длинные жёлтые ногти скребут по Гарриному скальпу. – На счёт три! Раз – два – три...

Они дезаппарировали, таща за собой пленников. Гарри дёргался, пытаясь стряхнуть руку Грэйбэка, но это было безнадежно: Рон и Гермiona были тесно прижаты к нему с боков, он не мог отделиться от группы, и пока воздух выдавливалось из него, его шрам заболел ещё сильнее...

...в то время как он протолкнулся сквозь оконную щель подобно змее и опустился, легко, словно пар, внутри комнаты, больше похожей на тюремную камеру...

Отряд приземлился на деревенской улочке, и пленники свалились друг на друга. Гарриным глазам, всё ещё распухшим, понадобилась секунда на то, чтобы приспособиться, после чего он увидел кованые железные ворота в конце длинной подъездной дороги. Он ощутил крохотный прилив облегчения: Волдеморта здесь не было. Он был – Гарри знал это, ибо пытался бороться с видениями, – в какой-то странной крепости, на вершине башни. Другой вопрос – сколько времени понадобится Волдеморту, чтобы добраться сюда, после того как он узнает, что Гарри здесь...

Один из Хватчиков подошёл к воротам и подёргал их.

– И как мы туда войдём? Они заперты, Грэйбэк, я не... Чёрт!

Он испуганно отдернул руки. Железо меняло форму, прутья изгибались, превращаясь из своих абстрактных завитков в устрашающее лицо. Лицо проговорило клацающим, разнёсшимся эхом голосом:

– Сообщите вашу цель!

– У нас Поттер! – триумфально проревел Грэйбэк. – Мы поймали Гарри Поттера!

Ворота распахнулись настежь.

– Пошли! – сказал Грэйбэк своим людям, и пленников втокнули в ворота и потащили по дорожке между высокими изгородями, приглушавшими шаги. Гарри заметил над собой призрачно-белую фигуру и понял, что это был павлин-альбинос. Он споткнулся, но Грэйбэк поднял его на ноги; теперь он шёл, шатаясь из стороны в сторону, связанный спина к спине с другими четырьмя пленниками. Закрыв свои распухшие глаза, он на какое-то мгновение позволил боли в шраме овладеть собой, желая знать, что делал Волдеmort, знал ли он уже, что Гарри поймали...

...исхудавшая фигура шевельнулась под своим тонким одеялом и затем перевернулась лицом к нему, глаза раскрылись, лицо было больше похоже на череп... тощий стафик уселся, огромные ввалившиеся глаза неотрывно смотрели на него, на Волдеморта, и затем он улыбнулся. Зубов в его рту практически не осталось.

– Всё-таки ты пришёл. Я думал, что ты придёшь... когда-нибудь. Но ты зря потратил время. У меня её никогда не было.

– Ажёшь!

Гнев Волдеморта пульсировал внутри Гарри, ему казалось, что его шрам сейчас взорвётся от боли, и он с усилием развернул свой разум в своё собственное тело, сражаясь за своё сознание, пока пленников волокли по гравиию.

Внезапно вся их группа была освещена потоком света.

– Что такое? – спросил холодный женский голос.

– Мы хотим видеть Того-Чьё-Имя-Нельзя-Произносить! – проскрежетал Грэйбэк.

– Кто ты?

– Ты меня знаешь! – в голосе оборотня послышалось негодование. – Фенрир Грэйбэк. Мы поймали Гарри Поттера!

Грэйбэк схватил Гарри и развернул его лицом к свету, заставив других пленников также задёрнуться в стороны.

– Я знаю, шо он распух, мэм, но это он! – встрял Скабиор. – Если вы глянете чуток поближе, вы увидите шрам. И вот ещё, видите девчонку? Это грязнокровка, которая опшивается с ним, мэм. Эт точно он, и его палочка тоже у нас! Вот она, мэм...

Гарри увидел, как Нарцисса Малфой внимательно изучает его распухшее лицо. Скабиор сунул ей в руки терновую волшебную палочку. Нарцисса подняла брови.

– Введите их, – приказала она.

Гарри и остальных тычками и пинками прогнали по широким каменным ступеням в длинную прихожую, увешанную многочисленными портретами.

– За мной, – Нарцисса двинулась в глубь прихожей. – Мой сын Дрэйко сейчас дома на пасхальных каникулах. Если это Гарри Поттер, он его узнает.

После темноты снаружи гостиная ослепляла; даже практически полностью закрыв глаза, Гарри мог различить огромные размеры комнаты. Хрустальная люстра свисала с потолка, на тёмных фиолетовых стенах висели ещё портреты. Едва Хватчики втолкнули пленников в комнату, две фигуры поднялись с кресел, стоящих перед разукрашенным мраморным камином.

– В чём дело?

Ужасающе знакомый протяжный голос Люциуса Малфоя проник в Гаррины уши. Теперь Гарри охватила паника, он не мог найти выхода, и теперь, когда его страх усилился, ему стало легче закрываться от мыслей Волдеморта, хотя шрам всё ещё жгло.

– Они сказали, что захватили Поттера, – произнёс холодный голос Нарциссы. – Дрэйко, подойди.

Гарри не осмелился взглянуть прямо на Дрэйко, но видел его искоса: фигуру чуть выше его собственной, поднимающуюся из кресла; бледное остренькое лицо под шапкой белых волос казалось размытым пятном.

Грэйбэк вновь силой развернул пленников, так чтобы Гарри оказался прямо под люстрой.

– Ну, парень? – проскрежетал оборотень.

Гарри стоял лицом к стоящему на камине огромному золотому зеркалу, рама которого была украшена множеством мелких завитков. Через свои глаза-щёлочки Гарри впервые с момента ухода из дома на площади Гриммолд увидел своё отражение.

Его лицо было огромным, розовым и блестящим; каждая чёрточка была искажена сглазом Гермионы. Его чёрные волосы отросли до плеч, подбородок был тёмный, словно в тени. Если бы Гарри не знал, что это он тут стоит, он бы подивился – кто это носит его очки. Он твёрдо решил не произносить ни слова, ибо голос наверняка бы его выдал; но всё-таки он старался уклониться от взгляда Дрэйко, когда тот приближался к нему.

– Ну, Дрэйко? – жадно спросил Люциус Малfoy. – Это он? Это Гарри Поттер?

– Я не... я не уверен, – ответил Дрэйко. Он старался держаться подальше от Грэйбэка и, похоже, так же боялся смотреть на Гарри, как Гарри – смотреть на него.

– Но взгляни повнимательнее, смотри! Подойди ближе!

Гарри никогда не слышал в голосе Люциуса Малfoя столько возбуждения.

– Дрэйко, если именно мы передадим Поттера Тёмному Лорду, он нам всё прос-...

– Так-так, надеюсь, мы не забываем, кто на самом деле его поймал, мистер Малfoy? – злобно перебил Грэйбэк.

– Конечно нет, конечно нет! – нетерпеливо ответил Люциус. Он сам подошёл к Гарри, подошёл настолько близко, что Гарри даже своими распухшими глазами мог детально рассмотреть его обычно бесстрастное бледное лицо. Сейчас, с распухшей маской вместо лица, Гарри казалось, что он выглядывает между прутьев клетки.

– Что вы с ним сделали? – спросил Люциус у Грэйбэка. – Как он оказался в таком виде?

– Это не мы.

– На мой взгляд, это больше похоже на Жалящий сглаз, – произнёс Люциус.

Его серые глаза обшарили Гарри лоб.

– Тут что-то есть, – прошептал он. – Это может быть и шрам, только сильно натянутый... Дрэйко, подойди, посмотри получше! Что ты думаешь?

Гарри увидел лицо Дрэйко совсем близко, рядом с лицом его отца. Они были чрезвычайно похожи, за исключением того, что отец казался вне себя от возбуждения, а на лице Дрэйко было написано нежелание и даже страх.

– Я не знаю, – произнёс он и отошёл к камину, где стояла и смотрела на происходящее его мать.

– Лучше бы нам удостовериться, Люциус, – сказала Нарцисса мужу своим чистым, холодным голосом. – Мы должны быть полностью уверены, что это Поттер, прежде чем мы призовём Тёмного Лорда... Они сказали, что это его, – она смотрела в упор на терновую волшебную палочку, – но она не похожа на описание Оливандера... Если мы ошибаемся, если мы призовём сюда Тёмного Лорда впустую... Помнишь, что он сделал с Роулом и Долоховым?

– А что тогда с грязнокровкой? – прорычал Грэйбэк. Гарри едва не свалился на пол, когда Хватчики вновь заставили пленников развернуться, так что свет упал на Гермиону.

– погоди-ка, – резко произнесла Нарцисса. – Да... да, она была в магазине мадам Малкин вместе с Поттером! Я видела её фотографию в «Пророке»! Посмотри, Дрэйко, это та самая девчонка Грейнджер?

– Я... может быть... ага.

– Но тогда *это* парень Уизли! – прокричал Люциус, шагая вокруг связанных пленников к Рону. – Это они, дружки Поттера – Дрэйко, посмотри на него, не Артура ли Уизли это сын, как там его зовут?..

– Ага, – снова сказал Дрэйко, стоя к пленникам спиной. – Может быть.

Дверь в гостиную за спиной Гарри открылась. Заговорила ещё одна женщина, и звук её голоса взвинтил страх Гарри до ещё более высокого уровня.

– В чём дело? Что случилось, Цисси?

Беллатрикс Лестрэндж медленно обошла вокруг пленников и остановилась справа от Гарри, глядя на Гермиону из-под своих тяжёлых век.

– Но это же, – тихо произнесла она, – девчонка-грязнокровка? Это Грейнджер?

– Да, да, это Грейнджер! – закричал Люциус. – А рядом с ней, мы думаем, что это Поттер! Поттер и его дружки, наконец-то попались!

– Поттер? – вскрикнула Беллатрикс и попятилась назад, чтобы лучше видеть Гарри. – Вы уверены? Ну, в таком случае Тёмному Лорду надо сообщить немедленно!

Она оттянула назад свой левый рукав; Гарри увидел Тёмную Метку, впечатавшийся в плоть её руки, и знал, что она вот-вот его коснётся, чтобы призвать своего любимого повелителя...

– Я собирался его позвать! – заявил Люциус, и его рука сомкнулась на запястье Беллатрикс, не давая ей дотронуться до Метки. – Я призову его, Белла, Поттера привели в мой дом, и потому это моё право...

– Твоё право! – издевательски протянула она, пытаясь вырвать руку из его захвата. – Ты потерял все свои права вместе со своей волшебной палочкой, Люциус! Как ты смеешь! Убери от меня руки!

– Ты к этому не имеешь отношения, ты не поймала мальчишку...

– Прошу прощения, *мистер* Малфой, – вмешался Грэйбэк, – но это мы поймали Поттера, и именно мы потребуем золота...

– Золото! – рассмеялась Беллатрикс, всё ещё пытаясь отшвырнуть своего зятя и шаря в кармане свободной рукой в поисках своей волшебной палочки. – Бери своё золото, паршивый мародёр, на что мне золото? Мне нужна только честь быть той, кто его... его...

Она прекратила сопротивляться, уставив свои тёмные глаза на что-то, чего Гарри не видел. Торжествуя из-за её капитуляции, Люциус отбросил её руку и вздёрнул вверх свой собственный рукав...

– СТОЙ! – завопила Беллатрикс. – Не трогай её, мы все погибнем, если Тёмный Лорд сейчас придёт!

Люциус застыл, держа указательный палец у самой Метки. Беллатрикс вышла из ограниченного поля зрения Гарри.

– Что это? – он услышал её голос.

– Меч, – проворчал невидимый Хватчик.

– Дай мне его.

– Эт не твой, миссус, эт мой, я думаю, я его нашёл.

Раздался удар, мелькнула красная вспышка; Гарри догадался, что Хватчика только что оглушили. Раздался яростный рёв его товарищей; Скабиор выхватил свою волшебную палочку.

– Эт во что ты такое играешь, женщина?

– *Stupefy*, – закричала она, – *Stupefy!*

Они были ей явно не ровня, даже несмотря на то, что их было четверо, а она одна: Гарри знал, что эта ведьма обладала весьма впечатляющей магической силой и при этом была начисто лишена совести. Они все свалились где стояли, все, кроме Грэйбэка; тот был брошен на колени, руки его были разведены в стороны. Уголком глаза Гарри видел, как Беллатрикс угрожающе подходит к оборотню, крепко сжимая в руке меч Гриффиндора; лицо её было словно восковое.

– Где ты достал этот меч? – шёпотом обратилась она к Грэйбэку, одновременно забирая волшебную палочку из его безвольной руки.

– Как ты смеешь? – рявкнул он; его рот был единственной частью тела, которая могла двигаться; глаза его были неотрывно уставлены на неё. Он обнажил свои острые зубы. – Освободи меня, женщина!

– Где ты нашёл этот меч? – повторила она, тыкая мечом ему в лицо. – Снейп отправил его в моё гринготтское хранилище!

– Он был у них в палатке, – проскрежетал Грэйбэк. – Отпусти меня, кому говорят!

Она взмахнула волшебной палочкой, и оборотень вскочил на ноги, но был явно слишком насторожен, чтобы приближаться к ней. Он тихо прошёл за кресло и встал там, сжимая его спинку своими грязными искривлёнными ногтями.

– Дрэйко, убери отсюда этот мусор, – приказала Беллатрикс, указывая на бессознательные тела. – Если у тебя кишка тонка прикончить их, то оставь их во дворе для меня.

– Не смей так разговаривать с моим... – яростно воскликнула Нарцисса, но Беллатрикс крикнула ещё громче:

– Тихо! Ситуация серьезнее, чем ты можешь себе представить, Цисси! У нас очень большая проблема!

Она стояла, тяжело дыша, и глядела на меч, изучая его рукоять. Затем она повернулась лицом к молчащим пленникам.

– Если это действительно Поттер, он не должен пострадать, – пробормотала она, обращаясь скорее к себе самой, чем к другим. – Тёмный Лорд желает лично избавиться от Поттера... Но если он выяснит... Я должна... я должна знать...

Она вновь повернулась к сестре.

– Пленники должны быть помещены в погреб, пока я думаю, что делать!

– Это мой дом, Белла, ты не можешь распоряжаться в мом...

– Быстро! Ты и понятия не имеешь, в какой мы опасности! – завопила Беллатрикс; она выглядела устрашающе, безумно; тонкая струя огня вырвалась из её волшебной палочки и прожгла дыру в ковре.

Нарцисса поколебалась немного, затем обратилась к оборотню.

– Отведи пленников вниз в погреб, Грэйбэк.

– Стой, – резко произнесла Беллатрикс. – Всех, кроме... кроме грязнокровки.

Грэйбэк испустил довольное ворчание.

– Нет! – закричал Рон. – Вы можете взять меня, возьмите меня!

Беллатрикс ударила его по лицу; звук удара эхом разнёсся по комнате.

– Если она умрёт во время допроса, следующим я возьму тебя, – пообещала она. – В моём списке кровоотступник идёт следом за грязнокровкой. Отведи их вниз, Грэйбэк, и убедись, что они надёжно заперты, но больше ничего с ними не делай – пока что.

Она кинула Грэйбэку его волшебную палочку, после чего извлекла из-под своей мантии короткий серебряный нож. Она перерезала верёвку, связывавшую Гермionу с остальными пленниками, затем потащила её за волосы в середину комнаты, пока Грэйбэк, держа перед собой свою палочку и испуская из неё невидимый и непреодолимый барьер, заставлял остальных двигаться через комнату к другой двери, в тёмный коридор.

– Как думаешь, она оставит мне немного девчонки, когда закончит с ней? – почти пропел Грэйбэк, толкая их по коридору. – Я бы сказал, я смогу куснуть пару раз, как думаешь, рыжий?

Гарри чувствовал, как Рона трясёт. Их протолкнули вниз по крутой лестнице; они были по-прежнему связаны спина к спине и постоянно рисковали свалиться и сломать себе шею. Внизу лестницы была тяжёлая дверь. Грэйбэк отпер её касанием волшебной палочки, после чего втолкнул их в сырую холодную комнату и удалился, оставив их в полной темноте. Эхо от звука захлопнувшейся двери ещё не утасло, когда сверху прямо над ними раздался ужасающий протяжный вопль.

– ГЕРМИОНА! – заорал Рон, начавший крутиться и биться в верёвках, связывающих их вместе, так что Гарри запнулся. – ГЕРМИОНА!

– Тихо! – крикнул Гарри. – Заткнись, Рон, мы должны найти вых-...

– ГЕРМИОНА! ГЕРМИОНА!

– Нам нужен план, прекрати орать – нам надо избавиться от верёвок...

– Гарри? – слышался шёпот из темноты. – Рон? Это вы?

Рон замолчал. Рядом с ними слышалось движение, затем Гарри увидел придвигающуюся тень.

– Гарри? Рон?

– Луна?

– Да, это я! О нет, я не хотела, чтобы вас поймали!

– Луна, можешь помочь нам избавиться от верёвок? – спросил Гарри.

– О да, думаю, смогу... Тут есть старый гвоздь, мы его используем, когда нам надо что-то сломать... Минуту...

Гермиона снова закричала наверху, и они слышали, что Беллатрикс тоже кричит, но её слова были неразборчивы, ибо Рон снова завопил: – ГЕРМИОНА! ГЕРМИОНА!

– Мистер Олливандер? – Гарри услышал голос Луны. – Мистер Олливандер, гвоздь у вас? Подвиньтесь, пожалуйста, чуть-чуть... Мне кажется, он был около кувшина с водой...

Через несколько секунд она вернулась.

– Вы должны стоять неподвижно, – предупредила она.

Гарри чувствовал, как она ковыряется в крепких волокнах верёвки, пытаясь ослабить узлы. Сверху донёлся голос Беллатрикс.

– Я спрашиваю снова! Где вы достали этот меч? *Где?*

– Мы его нашли... мы его нашли... Пожалуйста! – Гермиона закричала вновь; Рон задёргался ещё сильнее, чем раньше, и ржавый гвоздь соскользнул по Гарриному запястью.

– Рон, пожалуйста, стой спокойно! – прошептала Луна. – Я не вижу, что я делаю...

– В моём кармане! – выкрикнул Рон. – В моём кармане, там Делюминатор, и в нём полно света!

Несколько секунд спустя раздался щелчок, и светящиеся сферы, которые Делюминатор всосал из ламп в палатке, выплыли в воздух; не в силах присоединиться к своим источникам, они просто повисли, словно крошечные солнца, залив светом подземелье. Гарри увидел Луну, лицо которой, казалось, состояло из одних глаз, и неподвижную фигуру Оллиwandера, мастера волшебных палочек, свернувшуюся на полу в углу. Вывернув шею, он смог разглядеть других товарищей по несчастью, Дина и гоблина Грипхука; последний был едва в сознании, ему удавалось стоять только благодаря верёвкам, привязывавшим его к людям.

– О, так гораздо легче, спасибо, Рон, – сказала Луна и вновь принялась ковырять их узлы. – Привет, Дин!

Сверху донёлся голос Беллатрикс.

– Ты лжёшь, паршивая грязнокровка, я это знаю! Вы были в моём гринготтском хранилище! Говори правду, *говори правду!*

Новый ужасающий вскрик...

– ГЕРМИОНА!

– Что ещё вы забрали? Что ещё вы взяли? Говори правду, или, клянусь, я проткну тебя этим ножом!

– Получилось!

Гарри почувствовал, как верёвки падают на пол, и развернулся, потирая запястья. Он увидел, как Рон бежит кругами по погребу, глядя на низкий потолок, ища какой-нибудь люк. Дин, лицо которого было всё в синяках и в крови, сказал Луне «спасибо» и стоял, дрожа, но Грипхук свалился на пол погреба, словно в состоянии трогти, ничего не соображая; множество шрамов виднелось на его тёмном лице.

Рон пытался дезапшарировать без волшебной палочки.

– Отсюда нет выхода, Рон, – проговорила Луна, наблюдая за его безуспешными попытками. – Этот погреб абсолютно побегоустойчив. Я сперва пыталась. Мистер Оллиwandер здесь уже долго, он перепробовал всё.

Гермиона кричала вновь; звук проходил сквозь Гарри, как физическая боль. Едва замечая яростное колотье в собственном шраме, он тоже начал бегать по погребу и ощупывать стены, не соображая зачем, зная в глубине души, что это бесполезно.

– Что ещё вы взяли, что ещё? ОТВЕЧАЙ! CRUCIO!

Крики Гермионы эхом отражались от стен наверху, Рон почти плакал, молотя кулаками по стенам, а Гарри в полном отчаянии схватил Хагридову сумочку, висящую у него на шее, и

начал шарить внутри: он вытащил Дамблдоров снитч и потряс его, надеясь непонятно на что, – никакого результата; он взмахнул сломанными половинками фениксовой палочки, но они оставались безжизненными; осколок зеркала, сверкая, упал на пол, и Гарри увидел взблеск ярко-синего цвета...

Глаз Дамблдора смотрел на него из зеркала.

– Помогите нам! – в безумстве отчаяния прокричал Гарри. – Мы в погребке особняка Малфоев, помогите нам!

Глаз мигнул и исчез.

Гарри даже не был уверен, что этот глаз на самом деле там был. Он поворачивал осколок зеркала то так, то эдак, но в нём отражались лишь стены и потолок их темницы, а Гермиона наверху кричала громче прежнего, и Рон рядом с ним продолжал вопить: – ГЕРМИОНА! ГЕРМИОНА!

– Как вы пробрались в моё хранилище? – донёсся до них крик Беллатрикс. – Вам помогал этот грязный мелкий гoblin из погреба?

– Мы его только сегодня встретили! – всхлинула Гермиона. – Мы никогда не были в вашем хранилище... Это не настоящий меч! Это копия, просто копия!

– Копия? – прошептала Беллатрикс. – О, очень правдоподобно!

– Но мы это можем легко выяснить! – раздался голос Люциуса. – Дрэйко, приведи гоблина, он легко сможет нам сказать, настоящий меч или нет!

Гарри пробежал через погреб к тому месту, где на полу скрючился Грипхук.

– Грипхук, – прошептал он в заострённое ухо гоблина, – ты должен сказать им, что меч поддельный, они не должны знать, что он настоящий, Грипхук, пожалуйста...

Он расслышал дробь чьих-то шагов на лестнице, ведущей в погреб; в следующий момент из-за двери донёсся дрожащий голос Дрэйко.

– Отойти назад. В линию у задней стены. Не пытайтесь что-то сделать, или я вас убью!

Они сделали, как им было велено; когда лязгнул замок, Рон одновременно щёлкнул Делюминатором, и огни метнулись в его карман, вернув в погреб темноту. Дверь распахнулась; Малфой вошёл внутрь, бледный и решительный, держа волшебную палочку перед собой. Он схватил маленького гоблина за руку и попятился назад, таща Грипхука. Дверь закрылась, и в этот момент по всему погребу эхом разнёсся громкий хлопок.

Рон щёлкнул Делюминатором. Три светящихся шара вылетели из его кармана обратно в воздух, осветив домового эльфа Добби, только что ашпарировавшего в самую середину их компании.

– ДОББИ!..

Гарри стукнул Рона по руке, чтобы он заткнулся, и Рон посмотрел на него, напуганный своей ошибкой. Шаги наверху пересекли потолок погреба: Дрэйко проводил Грипхука к Беллатрикс.

Огромные, размером с теннисные мячи глаза Добби были широко раскрыты; он дрожал с ног до кончиков ушей. Он снова был в доме своих хозяев, и было ясно видно, что он в ужасе.

– Гарри Поттер, – пропищал он чуть дрожащим голосом. – Добби пришёл выручить вас.

– Но как ты?..

Страшный крик потопил остаток Гарриной фразы: Гермиону снова начали истязать. Он сократил расспросы до самого важного.

– Ты можешь дезаппарировать из этого погреба? – спросил он у Добби, и тот кивнул, так что его уши метнулись вверх-вниз.

– И ты можешь брать с собой людей?

Добби снова кивнул.

– Отлично. Добби, я хочу, чтобы ты взял Луну, Дина и мистера Олливандера и доставил их... доставил их...

– К Биллу и Флер, – подсказал Рон. – В Ракушечный Коттедж, это на окраине Тинуорта! Эльф кивнул в третий раз.

– А потом возвращайся, – закончил Гарри. – Ты можешь это сделать, Добби?

– Конечно, Гарри Поттер, – прошептал маленький эльф. Он поспешил к мистеру Олливандеру, который, судя по всему, был практически без сознания. Добби взял в одну из своих рук руку изготовителя палочек, вторую протянул Луне и Дину, но те не двинулись с места.

– Гарри, но мы хотим тебе помочь! – прошептала Луна.

– Мы не можем вас здесь оставить, – кивнул Дин.

– Давайте, оба! Мы встретимся в доме Билла и Флер.

Пока Гарри говорил, его шрам запылал ещё сильнее, чем раньше, и в течение нескольких секунд он смотрел вниз, но не на мастера волшебных палочек, но на другого человека, столь же старого, столь же худого, но презрительно смеющегося.

– *Тогда убей меня, Волдеморт, я давно жду смерти! Но моя смерть не принесёт тебе того, что ты ищешь... Столь многого ты не понимаешь...*

Он чувствовал ярость Волдеморта, но, когда Гермиона закричала вновь, он отсек эту ярость от себя и вернулся в погреб, в страшную реальность происходящего.

– Идите! – поторопил Гарри Луну и Дина. – Быстрее! Мы за вами, а сейчас идите!

Они взялись за протянутые пальцы эльфа. Раздался ещё один громкий хлопок, и Добби вместе с Луной, Дином и Олливандером исчез.

– Что это было? – прокричал Люциус Малfoy наверху. – Вы это слышали? Что за шум в погребе?

Гарри и Рон уставились друг на друга.

– Дрэйко... нет, позови Прихвоста! Скажи ему, чтоб пошёл проверил!

Шаги пересекли комнату над ними, затем пала тишина. Гарри знал, что люди в гостиной прислушиваются, стремясь услышать новые звуки из погреба.

– Мы должны попытаться завалить его, – прошептал он Рону. У них не было выбора: в тот момент, когда кто-либо войдёт в комнату и заметит отсутствие трёх пленников – пиши пропало. – Оставь свет, – добавил Гарри, и, как только они услышали, как кто-то спускается по лестнице, они прижались спинами к стене по обе стороны от двери.

– Отойти назад, – раздался голос Прихвоста. – Держаться подальше от двери. Я вхожу.

Дверь распахнулась. Долю секунды Прихвост смотрел в кажущийся пустым погреб, ярко освещённый тремя миниатюрными солнцами, плавающими в воздухе. Затем Гарри и Рон набросились на него. Рон схватил руку Прихвоста, держащую волшебную палочку, и выкрутил её вверх; Гарри прижал ладонь к Прихвостову рту, чтобы заглушить голос. Они боролись в молчании; палочка Прихвоста испускала искры; его серебряная рука сомкнулась у Гарри на горле.

– Что там, Прихвост? – воззвал сверху Люциус Малfoy.

– Ничего! – ответил Рон, довольно неплохо имитируя сильный голос Прихвоста. – Всё нормально!

Гарри едва мог дышать.

– Хочешь меня убить? – прокашлял Гарри, пытаясь отцепить металлические пальцы. – После того как я спас тебе жизнь? Ты мой должник, Прихвост!

Серебряные пальцы ослабли. Гарри не ожидал этого; он немедленно вывернулся, поражённый, не убирая ладони со рта Прихвоста. Он увидел, как маленькие, водянистые, крысиные глазки Прихвоста расширились от удивления и страха; судя по всему, он был столь же шокирован, как и Гарри, тем, что сделала его рука, тем маленьким импульсом милосердия, который она допустила. Прихвост начал бороться ещё сильнее, словно желая искупить этот момент слабости.

– А это мы заберём, – прошептал Рон, выдёргивая волшебную палочку Прихвоста из его другой руки.

Зрачки беспомощного, лишившегося волшебной палочки Прихвоста расширились от ужаса. Его взгляд соскользнул с Гарриного лица на нечто другое. Его серебряные пальцы неостановимо ползли в направлении его собственной глотки.

– Нет...

Не останавливаясь, чтобы подумать, Гарри попытался оттащить руку назад, но ничто не могло её затормозить. Серебряное оружие, данное Волдемортом его наиболее трусливому слуге, обернулось против своего обезоруженного и бесполезного владельца; Петтигрю пожинал плоды своего колебания, своего момента жалости; его душили прямо на глазах Гарри и Рона.

– Нет!

Рон также выпустил Прихвоста, и они с Гарри вместе попытались оторвать металлические пальцы, сомкнувшиеся на прихвостовом горле, но это было бесполезно. Петтигрю стремительно синел.

– *Relashio!* – сказал Рон, указывая волшебной палочкой на серебряную руку, но ничего не произошло; Петтигрю упал на колени, и в этот самый момент Гермиона наверху испустила отчаянный крик. Глаза Прихвоста на его фиолетово-багровом лице закатились, он в последний раз дёрнулся и остался лежать неподвижно.

Гарри и Рон посмотрели друг на друга, затем, оставив тело Прихвоста лежать на полу позади себя, взбежали по лестнице и снова попали в затенённый коридор, ведущий в гостиную. Они осторожно прошли коридором, пока не добрались до двери гостиной,

которая была чуть приоткрыта. Теперь они отчётливо видели Беллатрикс, смотрящую сверху вниз на Грипхука, который держал в своих длиннопалых руках меч Гриффиндора. Гермиона лежала у ног Беллатрикс. Она едва шевелилась.

– Ну? – сказала Беллатрикс Грипхуку. – Это настоящий меч?

Гарри ждал не дыша, борясь со своим горящим шрамом.

– Нет, – ответил Грипхук. – Это подделка.

– Ты уверен? – выдохнула Беллатрикс. – Точно уверен?

– Да, – кивнул гоблин.

Всё напряжение пропало с её лица, сменившись выражением облегчения.

– Отлично, – произнесла она, и одним небрежным движением волшебной палочки нанесла ещё один глубокий порез на лицо гоблина; тот, вскрикнув, свалился к её ногам. Она пинком отшвырнула его в сторону. – А теперь, – в её голосе звучал триумф, – мы вызовем Тёмного Лорда!

И она вздёрнула свой рукав и коснулась указательным пальцем Тёмной Метки.

Тотчас Гарри почувствовал, что его шрам вот-вот расколется надвое. Его истинное окружение исчезло: он был Волдемортом, и исхудававший колдун перед ним смеялся ему в лицо своим беззубым ртом; он был зол, ощутив призыв – он предупреждал их, он говорил им, чтобы они призывали его, имея как минимум Поттера. Если они ошиблись...

– *Тогда убей меня!* – потребовал старик. – *Ты не победишь, ты не можешь победить! Эта палочка никогда, никогда не будет твоей...*

И ярость Волдеморта прорвалась: вспышка зелёного света наполнила тюремную камеру, и старое хрупкое тело было подброшено со своей жёсткой постели и затем упало обратно, безжизненное, и Волдеmort вернулся к окну, едва контролируя свой гнев... Они жестоко попятятся, если у них не было хороших оснований звать его обратно...

– И я думаю, – произнёс голос Беллатрикс, – что мы можем избавиться от грязнокровки. Грэйбэк, забирай её, если хочешь.

– НЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕТ!

Рон ворвался в гостиную; Беллатрикс оглянулась, поражённая; она повернула палочку в сторону Рона...

– *Expelliarmus!* – проревел он, указывая волшебной палочкой Прихвоста на Беллатрикс, и её палочка взмыла в воздух, где её поймал бегущий вслед за Роном Гарри. Люциус, Нарцисса, Дрэйко и Грэйбэк развернулись на месте; Гарри крикнул: «*Stupefy!*» – и Люциус Малfoy рухнул на пол возле камина. Волшебные палочки Дрэйко, Нарциссы и Грэйбэка испустили потоки света; Гарри бросился на пол и перекатился за диван, чтобы уйти от них.

– СТОЙТЕ, ИЛИ ОНА УМРЁТ!

Тяжело дыша, Гарри выглянул из-за края дивана. Беллатрикс поддерживала Гермиону (та, похоже, была без сознания), приставив свой короткий серебряный нож к горлу Гермионы.

– Бросьте палочки, – прошептала она. – Бросайте, или мы сейчас точно увидим, насколько грязна её кровь!

Рон стоял прямо, держа волшебную палочку Прихвоста. Гарри выпрямился, всё ещё сжимая палочку Беллатрикс.

– Я сказала, бросайте их! – проклекотала она, слегка нажав на нож; Гарри увидел, как на горле Гермионы показались бусинки крови.

– Хорошо! – крикнул он и бросил Беллатриксону палочку себе под ноги. Рон сделал то же самое с Прихвостовой. Оба подняли руки на высоту плеч.

– Отлично! – ухмыльнулась она. – Дрэйко, подбери их! Тёмный Лорд идёт, Гарри Поттер! Твоя смерть приближается!

Гарри знал это; его шрам разламывался от боли, и он чувствовал, как Волдеморт летит в небе откуда-то издалека, летит над тёмным штормовым морем, и вскоре он окажется достаточно близко, чтобы аппарировать к ним, и выхода Гарри не видел.

– А теперь, – мягко произнесла Беллатрикс, когда Дрэйко поспешил обратно с волшебными палочками, – Цисси, я думаю, нам нужно заново связать этих маленьких героев, пока Грэйбэк позаботится о мисс грязнокровке. Я уверена, что Тёмный Лорд не будет огорчён, если ты заберёшь девчонку, Грэйбэк, после всего того, что ты сделал сегодня.

Когда она произнесла последнее слово, откуда-то сверху раздался странный скребущий звук. Все они взглянули вверх как раз вовремя, чтобы увидеть, как хрустальная люстра дрожит; затем она закричала и, зловеще звеня, начала падать. Беллатрикс находилась прямо под ней; уронив Гермиону, она с криком метнулась в сторону. Люстра, достигнув пола и приземлившись прямо на Гермиону и гоблина, всё ещё сжимающего меч Гриффиндора, взорвалась тучей хрустальных осколков и цепей. Сверкающие осколки летали повсюду; Дрэйко согнулся вдвое, прижимая руки к окровавленному лицу.

Пока Рон бежал к Гермионе, чтобы вытащить её из-под обломков, Гарри использовал свой шанс; он перепрыгнул через кресло, вырвал три волшебных палочки из руки Дрэйко, навёл их все на Грэйбэка и проорал: «*Stupefy!*» Оборотня подбросило тройным ударом заклинания, он ударился о потолок, после чего шмякнулся на пол.

Пока Нарцисса оттащиwała Дрэйко подальше от возможных новых травм, Беллатрикс вскочила на ноги; её волосы разметались, она размахивала серебряным ножом; но Нарцисса нацелила свою волшебную палочку на дверь.

– Добби! – крикнула она, так что замерла даже Беллатрикс. – Ты! Это *ты* сбросил люстру?..

Маленький эльф вбежал в комнату, указывая своим дрожащим пальцем на свою бывшую госпожу.

– Вы не должны причинять вред Гарри Поттеру! – пропищал он.

– Убей его, Цисси! – взывала Беллатрикс, но раздался ещё один громкий хлопок, и волшебная палочка Нарциссы тоже взмыла в воздух и приземлилась в противоположном конце комнаты.

– Ты, маленькая грязная обезьяна! – проревела Беллатрикс. – Как ты посмел отобрать палочку у ведьмы, как ты смеешь нападать на своих хозяев?!

– У Добби нет хозяев, – пропищал эльф. – Добби свободный эльф, и Добби пришёл спасти Гарри Поттера и его друзей!

Боль в Гаррином шраме стала ослепляющей. Находясь как в тумане, он понял, что у них оставались мгновения, секунды, пока Волдеморт не присоединился к ним.

– Рон, на – и ИДИ! – крикнул он, бросая Рону одну из волшебных палочек; затем он нагнулся, чтобы вытащить Грипхука из-под люстры. Вскинув на плечо стонущего гоблина, по-прежнему сжимающего меч, Гарри схватил руку Добби и крутанулся на месте, чтобы дезаппарировать.

Вкручиваясь в темноту, он мельком ухватил последнюю картину: бледные, застывшие фигуры Нарциссы и Дрейко, струю оранжевого цвета, которая была волосами Рона, и серебряное марево ножа Беллатрикс, летящего через комнату в то место, откуда исчезал он, Гарри...

Дом Билла и Флер... Ракушечный Коттедж... Дом Билла и Флер...

Гарри канул в неизвестность; всё, что он мог, – это повторять название места назначения и надеяться, что этого окажется достаточно, чтобы доставить его туда. Его пронзала боль в шраме, и его придавливало весом гоблина; он чувствовал, как меч Гриффиндора колотится о его спину; рука Добби дёрнулась в его руке; он подумал, не пытается ли эльф взять на себя управление, потянуть их в правильную сторону, и попытался, сжав пальцы, показать, что он не возражает...

А затем они ударились о твёрдую землю и вдохнули солёный воздух. Гарри упал на колени, выпустил руку Добби и попытался мягко опустить Грипхука.

– Ты в порядке? – спросил он, увидев, что гoblin пошевелился, но тот лишь всхлипнул.

Гарри огляделся, всматриваясь в темноту. Недалеко от них под широким звёздным небом, похоже, стоял коттедж, и ему показалось, что он заметил движение возле него.

– Добби, это Ракушечный Коттедж? – прошептал он, сжимая две волшебных палочки, прихваченных им из дома Малфоев, готовый к драке. – Мы пришли куда нужно? Добби?

Он оглянулся. Маленький эльф стоял в нескольких футах от него.

– ДОББИ!

Эльф слегка пошатнулся, звёзды отразились в его маленьких, сияющих глазах. Он и Гарри одновременно посмотрели на серебряную рукоять ножа, торчащего из тяжело вздымающейся груди эльфа.

– Добби... Нет... НА ПОМОЩЬ! – крикнул Гарри в сторону коттеджа, в сторону людей, которые там двигались. – НА ПОМОЩЬ!

Он не знал и не задумывался, были ли это колдуны или магглы, друзья или враги; всё, что его волновало, – это то, что тёмное пятно расплзлось по груди Добби, и что он с мольбой протянул к Гарри свои худые руки. Гарри подхватил его и положил на бок, на прохладную траву.

– Добби, нет, не умирай, не умирай...

Взгляд эльфа нашёл Гарри, и его губы задрожали от усилия, прикладываемого, чтобы произнести слова.

– Гарри... Поттер...

И после этого, чуть вздрогнув, эльф остался лежать неподвижно, и его глаза стали лишь огромными блестящими шарами, искрящимися светом звёзд, которые они не могли видеть.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

СОЗДАТЕЛЬ ВОЛШЕБНЫХ ПАЛОЧЕК

Гарри будто погрузился в старый кошмар; какое-то мгновение он снова стоял на коленях рядом с телом Дамблдора у подножия самой высокой башни Хогвартса, но в реальности он неотрывно смотрел на крохотное тельце, скорчившееся на траве, пронзённое серебряным ножом Беллатрикс. Гаррин голос всё ещё произносил: «Добби... *Добби...*» – даже несмотря на то, что, Гарри знал, эльф ушёл туда, откуда уже не сможет ему ответить.

Через минуту или около того он осознал, что они в итоге всё-таки достигли нужного места, ибо вокруг него, преклонившего колени над эльфом, стояли Билл и Флер, и Дин, и Луна.

– Гермiona? – резко произнёс он. – Где она?

– Рон отнёс её внутрь, – ответил Билл. – С ней будет всё нормально.

Гарри снова посмотрел вниз на Добби. Он протянул руку и вытащил острый клинок из тела эльфа, затем снял с себя куртку и накрыл ей Добби, как одеялом.

Море билось о скалы где-то поблизости; Гарри вслушивался в него, пока остальные разговаривали, обсуждали проблемы, которые были ему неинтересны, принимали решения. Дин отнёс в дом раненого Грипхука, Флер поспешила за ними; теперь Билл предлагал что-то касательно похорон эльфа. Гарри соглашался, не очень сознавая, что именно он говорит. Кивая, он не отрывал взгляда от крохотного тела, и его шрам колот и горел, и в одном из уголков своего мозга Гарри, словно заглядывая в телескоп не с той стороны, видел, как Волдеморту наказывает тех, кто остался позади, в особняке Малфоев. Его ярость была невероятной, и тем не менее Гаррино горе по Добби как бы уменьшало её, так что она превратилась в отдалённый шторм, доходящий до Гарри через огромный безмолвный океан.

– Я хочу сделать это как надо, – были первые слова, сознательно произнесённые Гарри. – Не магией. У вас есть лопата?

И вскоре он приступил к работе. В одиночестве он начал рыть могилу в том месте, которое показал ему Билл, на краю сада, между кустов. Он копал яростно, наслаждаясь физической работой, её немагичностью, ибо каждая капля пота, каждая мозоль была его даром эльфу, спасшему их жизни.

Шрам горел, но Гарри был хозяином своей боли; он чувствовал её, но был отделён от неё. Наконец-то он научился контролю, научился закрывать свой разум от Волдеморта – то, чему, согласно желанию Дамблдора, он должен был выучиться у Снейпа. Точно так же, как Волдеморту не мог обладать Гарри, когда Гарри был поглощён горем по Сириусу, его мысли не могли проникать в Гарри теперь, когда он оплакивал Добби. Горе, похоже, отбрасывало Волдеморта прочь... Хотя Дамблдор, естественно, сказал бы, что это любовь...

И Гарри продолжал копать, всё глубже вгрызаясь в твёрдую, холодную землю, купая своё горе в поту, не обращая внимания на боль в шраме. В темноте, в компании лишь звуков собственного дыхания и морского прибоя всё, что произошло в доме Малфоев, вернулось к нему, он вспомнил всё, что слышал, и тогда во тьме распустился цветок понимания...

Мысли пульсировали в голове Гарри в такт работе рук. Реликвии... Хоркраксы... Реликвии... Хоркраксы... Но больше он уже не горел тем странным, одержимым влечением. Горе от потери и страх затушили его: он чувствовал себя так, как будто его внезапно привели в чувство пощечиной.

Глубже и глубже погружался Гарри в могилу, и он знал, где был Волдеморт этой ночью, и кого он убил в самой высокой камере Нурменгарда, и зачем...

И он думал о Прихвосте, погибшем из-за одного маленького, бессознательного импульса милосердия... Дамблдор предвидел это... Сколько ещё всего он знал?

Гарри потерял счёт времени. Он знал только, что вокруг слегка посветлело, когда к нему присоединились Рон и Дин.

– Как Гермiona?

– Лучше, – ответил Рон. – Флер за ней ухаживает.

У Гарри был уже готов ответ на вопрос, почему он просто не создал отличную могилу с помощью волшебной палочки, но этот ответ ему не понадобился. Они со своими лопатами прыгнули в яму, которую он вырыл, и стали работать вместе, пока могила не стала достаточно глубокой.

Гарри поуютнее закутал эльфа в свою куртку. Рон, усевшись на краю могилы, снял с себя ботинки и носки и положил носки на босые ноги эльфа. Дин извлёк шерстяную шапочку, которую Гарри осторожно положил Добби на голову, прикрыв его острые, как у летучей мыши, уши.

– Надо закрыть ему глаза.

Гарри не услышал, как в темноте подходят остальные. На Билле был дорожный плащ, на Флер – большой белый передник, из кармана которого торчала бутылка, как показалось Гарри, Скелероста⁷². Гермiona, завернутая в одолженный халат, была бледна и нетвёрдо держалась на ногах; Рон обнял её одной рукой, когда она подошла. Луна, кутавшаяся в одно из пальто Флер, села на корточки и нежно наложила пальцы на веки эльфа, закрывая ими его стеклянный взгляд.

– Вот, – мягко произнесла она. – Теперь он как будто спит.

Гарри положил эльфа в могилу, согнул его крохотные руки и ноги так, как будто он просто отдыхал, затем выбрался и в последний раз посмотрел на маленькое тельце. Он заставлял себя не рассыпаться, он вспоминал похороны Дамблдора, и многие ряды золотых стульев, и министра магии в первом ряду, перечисление достижений Дамблдора, воздвижение белой мраморной гробницы. Он чувствовал, что Добби заслуживал столь же грандиозной церемонии погребения, но эльф лежал здесь, в неровно вырытой яме между кустов.

– Думаю, мы должны что-то сказать, – вмешалась Луна. – Я первая, можно?

И когда все остальные посмотрели на неё, она обратилась к мёртвому эльфу на дне могилы.

– Огромное тебе спасибо, Добби, за то, что ты выручил меня из этого погреба. Так несправедливо, что тебе пришлось умереть, когда ты был таким хорошим и храбрым. Я всегда буду помнить, что ты сделал для нас. Я надеюсь, что ты сейчас счастлив.

⁷² Skele-Gro. Здесь присутствуют первые половины двух слов: skeleton (скелет) и growth (рост).

Она повернулась и ожидающе посмотрела на Рона. Тот прокашлялся и глухим голосом сказал:

– Ага... спасибо, Добби.

– Спасибо, – прошептал Дин.

Гарри сглотнул ком в горле.

– Прощай, Добби, – проговорил он. Это было всё, что он мог выжать из себя, но Луна уже всё сказала за него. Билл поднял волшебную палочку, и куча земли рядом с могилой поднялась в воздух и аккуратно опустилась, образовав над ней маленький красноватый холмик.

– Вы не против, если я тут ещё побуду немного? – спросил Гарри у остальных.

Они пробормотали что-то, чего он не расслышал; он ощутил мягкое похлопывание по спине, и затем все они потянулись обратно к коттеджу, оставив Гарри одного рядом с эльфом.

Гарри осмотрелся: вокруг было множество больших белых камней, обкатанных морем; они обозначали края клумб. Он подобрал один из самых больших и положил его, как подушку, над тем местом, где сейчас покоилась голова Добби. Затем он пошарил в кармане в поисках волшебной палочки.

Там были две. Он совершенно забыл, не мог припомнить произошедшего, не мог вспомнить, чьи это были палочки; кажется, он вырвал их из чьей-то руки. Он выбрал более короткую из двух – она приятнее лежала в руке – и указал ей на камень.

Медленно, подчиняясь его тихо выговариваемым инструкциям, на поверхности камня стали появляться глубокие царапины. Гарри знал, что Гермиона смогла бы сделать это аккуратнее и, вероятно, быстрее, но он хотел сам отметить это место, так же как он хотел сам вырыть могилу. Когда Гарри встал, на камне была надпись:

«Здесь лежит Добби, Свободный Эльф.»

Он смотрел на свою работу ещё несколько секунд, после чего пошёл прочь; шрам по-прежнему слегка покалывало, голова была полна мыслей, которые пришли к нему, пока он копал могилу, идей, оформившихся во тьме, идей пленительных и одновременно страшных.

Когда Гарри вошёл в маленькую прихожую, все остальные сидели в гостиной и смотрели на Билла; тот говорил. Комната была приятна на вид, оформлена в светлых тонах; в камине весело пылал плавник. Гарри не хотелось заляпать грязью ковёр, поэтому он остался стоять в дверях, прислушиваясь.

– ...хорошо, что Джинни на каникулах. Если бы она была в Хогвартсе, они могли бы её взять, прежде чем мы бы до неё добрались. Теперь мы знаем, что она тоже в безопасности.

Он оглянулся и увидел стоящего в дверях Гарри.

– Я их всех эвакуировал из Норы, – объяснил он. – Переправил к Мюриэл. Пожиратели Смерти знают теперь, что Рон с тобой, они наверняка займутся семьёй – не надо извиняться, – добавил он, видя Гаррино выражение лица. – Это всегда было лишь вопросом времени, папа это говорил уже несколько месяцев. Мы же самая большая семья кровоотступников из всех, какие только есть.

– Какая у них защита? – спросил Гарри.

– Чары Фиделиус. Папа – Хранитель Тайны. И на этот дом мы тоже их наложили, здесь Хранитель Тайны я. Конечно, никто из нас не может больше ходить на работу, но это вряд ли сейчас самое важное. Как только Олливандер и Грипхук достаточно поправятся, мы их тоже переведём в дом Мюриэл. Здесь не очень много места, а вот у неё полно. Ноги Грипхука сейчас залечиваются, Флер дала ему Скелерост; мы, вероятно, сможем отправить их через час или...

– Нет, – покачал головой Гарри, и Билл удивлённо посмотрел на него. – Они оба нужны мне здесь. Я должен с ними поговорить. Это очень важно.

Он слышал в своём голосе властность, убедительность, чувство цели, пришедшее к нему, когда он рыл могилу Добби. Все лица теперь были повернуты к нему, все казались в замешательстве.

– Я пойду помоюсь, – сказал Гарри Биллу, взглянув на свои руки, всё ещё покрытые слоем грязи и Доббиной крови. – Затем я должен буду с ними поговорить, немедленно.

Он прошёл в маленькую кухню, к раковине под выходящим на море окном. Рассветные краски разгорались над горизонтом, перламутрово-розовые и бледно-золотые, пока Гарри умывался, вновь прокручивая в голове цепочку мыслей, пришедших к нему в тёмном саду...

Добби так и не смог рассказать им, кто послал его в погреб, но Гарри знал, что он видел. Синий глаз пронзительно посмотрел из осколка зеркала, и затем пришла помощь. *Помощь всегда будет оказана в Хогвартсе тем, кто о ней просит.*

Гарри вытер руки, не обращая внимания ни на красоту сцены за окном, ни на шум голосов остальных в гостиной. Он посмотрел в окно, куда-то поверх океана, и почувствовал, что в это утро он подошёл ближе, чем когда-либо, к разгадке всего.

А шрам его всё ещё покалывало, и Гарри знал, что Волдеморт тоже приближается. Гарри понимал, и в то же время всё ещё не понимал. Инстинкт говорил ему одно, мозг – прямо противоположное. Дамблдор в Гарриной голове улыбнулся, глядя на Гарри поверх своих ладоней, сложенных «домиком», как в молитве.

«Ты дал Рону Делюминатор. Ты понимал его... Ты дал ему способ вернуться назад.

И Прихвоста ты тоже понимал... Ты знал, что где-то там оставался кусочек раскаяния...

И если ты знал их... что ты знал обо мне, Дамблдор?

Ты не хотел, чтобы я знал, не ища? Знал ли ты, как трудно будет мне это найти? Именно потому ты и сделал это таким сложным? Чтобы у меня было время всё понять?»

Гарри стоял совершенно неподвижно, его затуманившиеся глаза наблюдали за тем местом, где над горизонтом поднимался золотой краешек ослепительного солнца. Затем он посмотрел вниз, на свои вымытые руки, и на какое-то мгновение был удивлён, увидев в руках полотенце. Он отложил его в сторону и вернулся в прихожую, и пока он шёл, его шрам сердито запульсировал, и в его мозгу стремительно, словно отражение стрекозы на водной глади, промелькнул контур чрезвычайно знакомого ему здания.

Билл и Флер стояли у подножия лестницы.

– Я должен поговорить с Грипхуком и Олливандером, – произнёс Гарри.

– Нет, – ответила Флер. – Тебе придётся подождать, ‘Арри. Они оба больны, устали...

– Прости, – ровным голосом ответил он, – но это не терпит. Мне нужно поговорить с ними сейчас же. Наедине – и по отдельности. Это срочно.

– Гарри, что, чёрт возьми, происходит? – спросил Билл. – Ты появляешься здесь с мёртвым домовым эльфом и полубессознательным гоблином, у Гермионы такой вид, как будто её пытали, а Рон вообще отказывается что-либо рассказывать...

– Мы не можем сказать тебе, чем мы занимаемся, – решительно произнёс Гарри. – Ты в Ордене, Билл, ты знаешь, что Дамблдор поручил нам миссию. Мы не должны говорить о ней с кем-либо ещё.

Флер издала раздражённый звук, но Билл не взглянул на неё – он смотрел на Гарри. Его изборожденное глубокими шрамами лицо было абсолютно бесстрастным. Наконец, он сказал:

– Хорошо. С кем ты хочешь поговорить сначала?

Гарри поколебался. Он знал, *что* зависело от его решения. Времени практически не оставалось: он должен был решить сейчас – Хоркраксы или Реликвии?

– Грипхук, – произнёс Гарри. – Сначала я поговорю с Грипхуком.

Его сердце колотилось, словно он только что быстро бежал, а потом убрал огромное препятствие.

– Тогда пошли наверх, – и Билл двинулся первым.

Гарри поднялся на несколько ступеней, после чего остановился и оглянулся назад.

– И вы тоже мне нужны! – позвал он Рона и Гермиону, тихонько стоявших в тени за дверью гостиной.

Они оба вышли на свет с выражением странного облегчения на лицах.

– Как ты? – спросил Гарри у Гермионы. – Ты была невероятна – состряпать такую байку, когда она тебя так мучила...

Гермиона слабо улыбнулась; Рон одной рукой покрепче притиснул её к себе.

– Что мы теперь будем делать, Гарри? – спросил он.

– Увидите. Пошли.

Гарри, Рон и Гермиона поднялись вслед за Биллом по крутой лестнице на маленькую площадку. С площадки вели три двери.

– Здесь, – произнёс Билл, открывая дверь в их с Флер комнату. Она тоже выходила на море, теперь сплошь покрытое золотыми веснушками рассвета. Гарри подошёл к окну, повернулся спиной к потрясающему виду и стал ждать, скрестив руки, продолжая ощущать покалывание в шраме. Гермиона села в кресло рядом с туалетным столиком; Рон уселся на ручку кресла.

Билл снова появился, неся на руках маленького гоблина, и осторожно поместил его на кровать. Грипхук проворчал слова благодарности, и Билл вышел, закрыв за собой дверь.

– Прошу прощения, что вытащил вас из постели, – сказал Гарри. – Как ваши ноги?

– Болят, – ответил гоблин, – но заживают.

Он всё ещё сжимал в руках меч Гриффиндора, и вид у него был очень странный: полуагрессивный, полуудивлённый. Гарри подметил изжелта-бледную кожу гоблина, его длинные тонкие пальцы, его чёрные глаза. Флер сняла с него туфли; его длинные ступни

были грязными. Он был крупнее, чем домовый эльф, но ненамного. Его круглая голова была заметно больше человеческой.

– Вы, вероятно, не помните... – начал Гарри.

– ...что я был тем гоблином, который проводил вас к вашему хранилищу, тогда, когда вы в первый раз пришли в Гринготтс? – продолжил за него Грипхук. – Я помню, Гарри Поттер. Даже среди гоблинов вы очень знамениты.

Гарри и гоблин смотрели друг на друга; каждый изучал другого. Гарри шрам по-прежнему покалывало. Он хотел закончить этот разговор с Грипхуком побыстрее, но в то же время боялся сделать неверный ход. Пока он пытался решить, как ему лучше подойти к своей просьбе, молчание прервал сам гоблин.

– Вы похоронили эльфа, – с неожиданной горечью в голосе произнёс он. – Я смотрел на вас из окна соседней спальни.

– Да, – ответил Гарри.

Грипхук смотрел на него уголками своих раскосых чёрных глаз.

– Вы очень необычный колдун, Гарри Поттер.

– В каком смысле? – переспросил Гарри, рассеянно потирая шрам.

– Вы вырыли могилу.

– И что?

Грипхук не ответил. Гарри даже подумал было, что гоблин насмеялся над ним за то, что он действовал как маггл, но для него не имело особого значения, одобрял Грипхук могилу Добби или нет. Гарри приготовился к атаке.

– Грипхук, я хотел бы попросить...

– Кроме того, вы выручили гоблина.

– Что?

– Вы принесли меня сюда. Спасли меня.

– Ну, я так понимаю, вас это не огорчает? – чуть нетерпеливо произнёс Гарри.

– Нет, Гарри Поттер, – сказал Грипхук, накручивая на палец свою тонкую чёрную бородку, – но вы очень странный колдун.

– Точно, – ответил Гарри. – Вообще-то мне нужна кое-какая помощь, Грипхук, и вы можете мне её дать.

Гоблин не изобразил заинтересованности, но продолжал хмуро смотреть на Гарри, словно никогда не видел ничего похожего на него.

– Мне нужно пролезть в хранилище Гринготтса.

Гарри вовсе не собирался говорить это так прямо; слова вылетели из него, когда боль прострелила сквозь его молниеподобный шрам и он вновь увидел очертания Хогвартса. Он твёрдо закрыл свой разум. Сначала он должен был закончить с Грипхуком. Рон и Гермиона устали на Гарри, словно он внезапно сошёл с ума.

– Гарри... – начала было Гермиона, но её перебил Грипхук.

– Вломиться в хранилище Гринготтса? – повторил гоблин, чуть сменив позу на кровати и вздрогнув. – Это невозможно.

– Это возможно, – возразил Рон. – Это уже было сделано.

– Ага, – кивнул Гарри. – В тот самый день, когда я впервые встретил вас, Грипхук. В мой день рождения, семь лет назад.

– Упомянутое хранилище в тот момент было пустым, – отрезал гoblin, и Гарри понял, что, хотя Грипхук и ушёл из Гринготтса, его оскорбила сама идея пробить систему безопасности банка. – Его защита была минимальна.

– Что ж, хранилище, в которое нам нужно пройти, не пустое, и я подозреваю, что его защита будет очень даже сильной, – сказал Гарри. – Это хранилище Лестрэнджей.

Он увидел, как Рон и Гермиона изумлённо переглянулись, но у него ещё будет время объяснить им, после того как Грипхук даст свой ответ.

– У вас нет шансов, – решительно заявил Грипхук. – Ни единого. *«Если пришёл ты сюда за чужим, сокровищем, что в подземельях лежит ...»*

– *«Тогда, вор, учти перед тем, как войти – не только сокровище можешь найти»* – да, я знаю, я помню, – кивнул Гарри. – Но я вовсе не пытаюсь взять себе никаких сокровищ, я не хочу забрать что-либо для личной наживы. Вы можете в это поверить?

Гoblin искоса посмотрел на Гарри, и молниеподобный шрам на Гаррином лбу снова пронзила боль, но он её проигнорировал, отказавшись принять приглашение этой боли.

– Если и есть какой-нибудь колдун, в отношении которого я бы поверил, что он не ищет личной наживы, – произнёс наконец Грипхук, – то это вы, Гарри Поттер. Гoblins и эльфы не привыкли получать защиту и уважение, которые я видел и получил от вас этой ночью. Не от тех, кто носит волшебные палочки.

– Кто носит волшебные палочки, – повторил Гарри; это словосочетание странным образом упало на его уши в то самое время, когда его шрам пылал, когда Волдеморт обращал свои мысли на север, и когда Гарри сгорал от желания перейти к расспросу Олиwandера в соседней комнате.

– Право ношения волшебной палочки, – тихо проговорил гoblin, – долго являлось предметом споров между колдунами и гoblinsами.

– Вообще-то гoblins могут колдовать и без палочек, – заметил Рон.

– Это не имеет отношения к делу! Колдуны отказываются делиться секретами и знаниями о волшебных палочках с другими магическими существами, они лишают нас возможности увеличивать свою силу!

– Ну, гoblins тоже не торопятся делиться своей магией, – ответил Рон. – Вы не рассказываете нам, как делать мечи и доспехи так, как их делаете вы. Гoblins знают способы работы с металлом, которых колдуны никогда...

– Не имеет значения, – перебил Гарри, заметив, как Грипхук наливается краской. – Дело не в спорах колдунов с гoblinsами и разными прочими магическими существами...

Грипхук ядовито усмехнулся.

– Но дело в этом, точно и именно в этом! Сейчас, когда Тёмный Лорд становится более сильным, чем когда-либо, ваша раса ещё прочнее устанавливается над моей! Гринготтс перешёл во власть колдунов, домовых эльфов истребляют, а кто среди обладателей волшебных палочек протестует?

– Мы! – воскликнула Гермиона. Она выпрямилась в своём кресле и широко раскрытыми глазами смотрела на гоблина. – Мы протестуем! И на меня охотятся так же, как на любого гоблина или эльфа, Грипхук! Я грязнокровка!

– Не называй себя... – пробормотал Рон.

– А почему нет? Грязнокровка, и горжусь этим! При этой новой власти моё положение не выше, чем ваше, Грипхук! Именно меня они выбрали для пыток, там у Малфоев!

С последними словами она оттянула воротник халата, обнажив тонкий алый порез на своём горле, нанесённый Беллатрикс.

– Вы знаете, что это Гарри освободил Добби? – спросила она. – Вы знаете, что мы уже много лет хотим, чтобы эльфы были свободны? – (Рон сконфуженно шевельнулся на ручке Гермиониного кресла.) – Вы не можете желать поражения Сами-Знаете-Кого сильнее, чем мы, Грипхук!

Гоблин взирал на Гермиону с таким же любопытством, как до того на Гарри.

– Что вам нужно в хранилище Лестрэнджей? – внезапно спросил он. – Меч, который там лежит, – подделка. Вот настоящий, – он переводил взгляд между ними. – Я думаю, вы это уже знаете. Вы просили меня солгать ради вас, там.

– Но поддельный меч – не единственное, что есть в том хранилище, верно? – спросил Гарри. – Возможно, вы видели там и другие вещи?

Его сердце стучало сильнее, чем когда-либо. Он усилил свои старания не обращать внимания на боль в шраме.

Гоблин вновь намотал бородку на палец.

– Это против наших принципов – рассказывать о секретах Гринготтса. Мы хранители несметных сокровищ. У нас есть обязанности по отношению к вверенным нам предметам, которые столь часто оказываются выкованы нашими пальцами.

Гоблин погладил меч, и его чёрные глаза перешли с Гарри на Гермиону, на Рона и затем обратно.

– Столь молоды, – наконец произнёс он, – чтобы сражаться со столь многими.

– Вы нам поможете? – спросил Гарри. – У нас нет шансов проникнуть туда без помощи гоблинов. Вы наша единственная надежда.

– Я... подумаю об этом, – издевательски медленно проговорил Грипхук.

– Но... – сердито начал Рон; Гермиона ткнула его локтем в рёбра.

– Спасибо, – сказал Гарри.

Гоблин склонил свою огромную круглую голову, принимая благодарность, затем согнул свои короткие ноги.

– Думаю, – произнёс он, демонстративно устраиваясь поудобнее на кровати Билла и Флер, – что Скелерост закончил свою работу. Наконец-то я смогу поспать. Прощу меня извинить...

– Да, конечно, – сказал Гарри, но, прежде чем покинуть комнату, он склонился вперёд и взял меч Гриффиндора, лежащий рядом с гоблином. Грипхук не возражал, но Гарри показалось, что он заметил негодование в глазах гоблина, когда закрывал за собой дверь.

– Маленький паршивец, – прошептал Рон. – Он наслаждается, держа нас в подвешенном состоянии.

– Гарри, – шёпотом сказала Гермиона, отгаскивая их обоих подальше от двери, в середину всё ещё тёмной лестничной площадки, – ты хочешь сказать то, что я думаю? Ты хочешь сказать, Хоркракс в хранилище Лестрэнджей?

– Да. Беллатрикс была страшно напугана, когда решила, что мы там были, она была просто вне себя. Почему? Что, по её мнению, мы там видели, что ещё она могла подумать, что мы взяли? Нечто такое, что при мысли о том, что Сами-Знаете-Кто об этом узнает, она пришла в ужас.

– Но я думал, мы ищем места, где Сами-Знаете-Кто бывал, места, где он делал что-то важное? – сконфуженно спросил Рон. – Разве он когда-нибудь бывал в хранилище Лестрэнджей?

– Не знаю, бывал ли он вообще в Гринготтсе, – ответил Гарри. – У него никогда не было там золота, когда он был молод, потому что никто ничего ему не оставил. Хотя снаружи он мог видеть банк, когда в первый раз пришёл в Косой переулок.

Гаррин шрам пульсировал, но он не обращал внимания; он хотел, чтобы Рон и Гермиона всё поняли насчёт Гринготтса, до того как они поговорят с Олливандером.

– Я думаю, он мог завидовать всем, кто имел ключи от хранилища в Гринготтсе. Думаю, это ему казалось настоящим символом принадлежности к магическому миру. И не забывайте, он доверял Беллатрикс и её мужу. Они были его самыми преданными слугами до его падения, и они искали его, когда он исчез. Он это сказал в ту ночь, когда вернулся, я его слышал.

Гарри потёр свой шрам.

– Хотя не думаю, что он сказал Беллатрикс, что это Хоркракс. Он не рассказал Люциусу Малфою правды о дневнике. Скорее всего, он ей сказал, что это очень ценная собственность, и попросил поместить её в своё хранилище. Самое безопасное место в мире, чтобы что-либо спрятать, мне говорил Хагрид... за исключением Хогвартса.

Когда Гарри закончил говорить, Рон покачал головой.

– Ты действительно его понимаешь.

– Только отдельные частицы его, – ответил Гарри. – Частицы... Хотел бы я Дамблдора так же понимать. Но посмотрим. Пошли – теперь Олливандер.

Рон и Гермиона с ошеломлённым, но впечатлённым видом прошли вслед за ним через лестничную площадку. Гарри постучал в дверь напротив двери Билла и Флер. В ответ раздалось слабое «войдите!»

Создатель волшебных палочек лежал на двуспальной кровати, наиболее удалённой от окна. Его держали в погребке больше года и, как было известно Гарри, пытали по меньшей мере один раз. Он страшно исхудал, кости на его лице отчётливо выделялись под желтоватой кожей. Его большие серебристые глаза казались просто огромными в своих орбитах. Руки, лежащие поверх одеяла, напоминали руки скелета. Гарри уселся на пустую кровать, Рон и Гермиона рядом с ним. Восходящего солнца не было видно – эта комната выходила окном на садик на вершине скалы и на свежевыврытую могилу.

– Мистер Олливандер, простите, что мы вас беспокоим, – произнёс Гарри.

– Мой дорогой, – слабым голосом ответил Олливандер. – Вы спасли нас. Я думал, мы умрём в этом месте. Я никогда не смогу отблагодарить вас... *никогда* не смогу... в должной мере.

– Мы были рады сделать это.

Гаррин шрам пульсировал. Он знал, он был уверен, что времени опередить Волдеморта на пути к его цели либо попытаться отбросить его назад у них практически не оставалось. Он ощутил толчок паники... Однако он принял решение, когда выбрал приоритет разговора с Грипхуком. Изображая спокойствие, которого не чувствовал, он пошарил в сумочке у себя на шее и извлёк оттуда две половинки своей сломанной волшебной палочки.

– Мистер Олливандер, мне нужна помощь.

– Всё, что угодно. Всё, что угодно, – слабо проговорил Олливандер.

– Можете ли вы починить это? Это возможно?

Олливандер протянул дрожащую ладонь, и Гарри положил в неё две едва соединённых половинки.

– Остролист и перо феникса, – дрожащим голосом произнёс Олливандер. – Одиннадцать дюймов. Изящная и гибкая.

– Да. Вы можете?..

– Нет, – прошептал Олливандер. – Мне жаль, очень жаль, но волшебная палочка, повреждённая до такой степени, не может быть восстановлена никакими известными мне способами.

Гарри был готов услышать это, но всё равно это был серьёзный удар. Он забрал половинки палочки и вернул их в сумочку на шее. Олливандер неотрывно смотрел туда, где исчезла из виду сломанная палочка, и не отводил взгляда, пока Гарри не вытащил из кармана две волшебных палочки, которые он принёс из особняка Малфоев.

– Вы можете идентифицировать вот эти? – спросил Гарри.

Создатель палочек взял одну из двух и поднёс её поближе к своим бледным глазам, катая её между своими узловатыми пальцами и чуть сгибая.

– Орех и драконья жила, – сказал он. – Двенадцать и три четверти дюйма. Жёсткая. Это волшебная палочка принадлежала Беллатрикс Лестрэндж.

– А эта?

Олливандер повторил те же изучающие действия.

– Боярышник и волос единорога. Десять дюймов ровно. Достаточно упругая. Это была волшебная палочка Дрэйко Малфоя.

– Была? – переспросил Гарри. – Разве она до сих пор не его?

– Вероятно, нет. Если вы отобрали её...

– ...да...

– ...то она, скорее всего, ваша. Разумеется, способ взятия имеет значение. Также многое зависит от самой палочки. В общем случае, однако, если колдун забирает палочку, победив её владельца, то её лояльность меняется.

В комнате повисло молчание, сквозь которое доносился отдалённый шум прибоя.

– Вы говорите о волшебных палочках так, как будто они могут чувствовать, – сказал Гарри, – словно они могут сами думать.

– Палочка выбирает колдуна, – проговорил Олливандер. – Это всегда было ясно тем из нас, кто изучал искусство создания волшебных палочек.

– Но человек всё-таки может использовать палочку, которая не выбрала его? – спросил Гарри.

– О да, если вы вообще колдун, то вы сможете проводить магию сквозь практически любой инструмент. Наилучшие результаты, однако, всегда достигаются, если имеет место сильная связь между колдуном и его палочкой. Эти связи очень сложны. Изначальное влечение, и затем взаимный поиск знания, палочка учится у колдуна, колдун у палочки.

Море подступало и отступало; звук был очень печальный.

– Я забрал эту палочку у Дрэйко Малфоя силой, – сказал Гарри. – Могу ли я её использовать спокойно?

– Полагаю, что да. Тонкие законы управляют владением палочками, но обычно побеждённая палочка склоняется перед своим новым хозяином.

– Стало быть, я могу использовать эту? – Рон достал из кармана волшебную палочку Прихвоста и протянул её Олливандеру.

– Каптан и драконья жила. Девять с четвертью дюймов. Хрупкая. Меня заставили сделать её вскоре после того, как меня похитили, для Питера Петтигрю. Да, если вы его победили, вероятнее всего, она будет выполнять ваши приказы, и будет делать это хорошо, лучше, чем другая палочка.

– И это справедливо для всех палочек, да? – спросил Гарри.

– Думаю, да, – ответил Олливандер, фиксируя взгляд своих выкаченных глаз на Гаррином лице. – Вы задаёте глубокие вопросы, мистер Поттер. Искусство волшебных палочек – сложная и таинственная ветвь магии.

– Значит, совсем не необходимо убивать предыдущего владельца, чтобы стать настоящим хозяином палочки? – спросил Гарри.

Олливандер сглотнул.

– Необходимо? Нет, я не сказал бы, что убивать необходимо.

– Но есть легенды, – произнёс Гарри; его сердцебиение усилилось, и одновременно усилилась боль в шраме; он был уверен, что Волдеморт решил претворить свой план в действие. – Легенды о волшебной палочке – или палочках – которые переходили из рук в руки путём убийств.

Олливандер побледнел. На фоне снежно-белой подушки он казался светло-серым, и глаза его были огромные, налитые кровью и, казалось, наполненные страхом.

– Лишь одна палочка, я думаю, – прошептал он.

– И Сами-Знаете-Кто интересуется ей, да? – спросил Гарри.

– Я... откуда? – прохрипел Олливандер, и его взгляд обратился к Рону и Гермионе в мольбе о помощи. – Откуда вы это знаете?

– Он хотел, чтобы вы рассказали ему, как обойти связь между нашими волшебными палочками.

Олливандер явно был страшно напутан.

– Он пытал меня, вы должны это понять! Проклятие Крусиатус, у меня... у меня не было выбора, кроме как рассказать ему всё, что знаю, всё, о чём догадываюсь!

– Я понимаю. Вы рассказали ему о сердцевинках-близнецах? Вы сказали, что ему надо всего лишь одолжить волшебную палочку у другого колдуна?

Олливандер был в ужасе, он был явно поражён тем, сколько известно Гарри. Он медленно кивнул.

– Но это не сработало, – продолжал Гарри. – Моя палочка всё равно победила одолженную. Вы знаете, почему так случилось?

Олливандер качнул головой так же медленно, как перед тем кивнул.

– Я... никогда не слышал о таком. Ваша волшебная палочка совершила в ту ночь нечто уникальное. Связь сердцевинок-близнецов невероятно редка, но почему ваша палочка сломала одолженную, я не знаю...

– Мы говорим о другой волшебной палочке, о той, что меняет хозяев путём убийства. Когда Сами-Знаете-Кто осознал, что моя палочка сделала что-то странное, он вернулся и спросил о другой палочке, правильно?

– Откуда вы это знаете?

Гарри не ответил.

– Да, спросил, – прошептал Олливандер. – Он хотел узнать всё, что я знаю о волшебной палочке, известной под именами «Палочка Смерти», «Роковая» или «Бузиная палочка».

Гарри искоса глянул на Гермиону. Та была потрясена.

– Тёмный Лорд, – приглушённым и испуганным тоном произнёс Олливандер, – всегда был доволен той волшебной палочкой, которую я для него сделал, – тис и перо феникса, тринадцать с половиной дюймов, – пока не открыл связь сердцевинок-близнецов. Теперь он ищет другую, более сильную палочку, как единственное средство победить вашу.

– Но он скоро узнает, если уже не узнал, что моя палочка сломана без шансов на восстановление, – тихо сказал Гарри.

– Нет! – испугано воскликнула Гермиона. – Он не может этого знать, Гарри, откуда он?..

– Прайори Инкантиатэм, – ответил Гарри. – Мы оставили твою волшебную палочку и терновую в доме Малфоев, Гермиона. Если они их как следует изучат, заставят их показать заклинания, произведённые в последние дни, то они увидят, что твоя сломала мою, они увидят, что ты попыталась её починить, но тебе это не удалось, и они поймут, что с того момента я использовал терновую.

Лицо её, отчасти вернувшее себе цвет после их прибытия сюда, вновь побледнело. Рон кинул на Гарри неодобрительный взгляд и сказал:

– Давайте сейчас не будем волноваться об этом...

Но мистер Олливандер перебил.

– Тёмный Лорд более не ищет бузину палочку исключительно ради вашего уничтожения, мистер Поттер. Он стремится обладать ей, потому что верит, что она сделает его воистину непобедимым.

– А она это сделает?

– Владелец бузиной палочки всегда должен бояться нападения, – ответил Олливандер, – но сама мысль о Тёмном Лорде, владеющем Гробовой палочкой, я должен отметить... потрясает.

Гарри внезапно вспомнил, как он при их первой встрече был не уверен, насколько ему понравился Олливандер. Даже сейчас, когда Волдеморт его заточил и пытал, мысль о Тёмном колдуне, владеющем этой палочкой, казалось, влекла его не меньше, чем отталкивала.

– Вы... вы, значит, действительно думаете, что эта волшебная палочка существует, мистер Олливандер? – спросила Гермиона.

– О да. Да, и вполне возможно проследить судьбу этой палочки во времени. Есть пробелы, конечно же, и довольно длинные, когда она исчезает из виду, временно потерянная или спрятанная; но она всегда всплывает. У неё есть определённые характеристики, которые может распознать любой, кто владеет знанием волшебных палочек. Есть письменные источники, – некоторые из них закрытые, – изучение которых стало делом моим и других создателей палочек. На этих источниках кольцо аутентичности.

– Значит, вы... не думаете ли вы, что это может быть сказкой или мифом? – с надеждой в голосе спросила Гермиона.

– Нет, – ответил Олливандер. – *Обязательно* ли она должна переходить путём убийства, я не знаю. Её история кровава, но это может быть просто из-за того, что эта палочка – столь многими желаемый предмет, и она возбуждает в колдунах такое стремление. Невероятно мощная, опасная в неверных руках, она является предметом невообразимого восхищения для всех нас, изучающих силу волшебных палочек.

– Мистер Олливандер, – спросил Гарри, – вы сообщили Сами-Знаете-Кому, что бузиная палочка у Грегоровича, верно?

Олливандер стал ещё бледнее, если только это было вообще возможно. Он глотал воздух; он казался привидением.

– Но откуда... откуда вам известно?..

– Не имеет значения, откуда мне это известно, – ответил Гарри и на секунду закрыл глаза, ибо его шрам вновь вспыхнул, и перед ним мелькнуло краткое видение главной улицы Хогсмита, всё ещё тёмной, потому что это место было намного севернее. – Вы сказали Сами-Знаете-Кому, что палочка у Грегоровича?

– Это был слух, – прошептал Олливандер. – Просто слух, многие годы назад, задолго до вашего рождения! Я полагаю, сам Грегорович его и запустил. Вы понимаете, как это было бы хорошо для бизнеса: что он изучает и дублицирует качества бузиной палочки!

– Да, я понимаю, – кивнул Гарри и встал. – Мистер Олливандер, один последний вопрос, и мы дадим вам отдохнуть. Что вы знаете о Реликвиях Смерти?

– О чём? – переспросил явно сбитый с толку Олливандер.

– О Реликвиях Смерти.

– Боюсь, я совершенно не знаю, о чём вы говорите. Это тоже что-то, относящееся к волшебным палочкам?

Гарри поглядел на впалое лицо и поверил, что Олливандер не играет. Он действительно не знал о Реликвиях.

– Спасибо, – сказал Гарри. – Большое вам спасибо. Теперь мы вас оставим, и вы сможете отдохнуть.

Олливандер выглядел как громом поражённый.

– Он меня пытал! – глотая воздух, выдавил он. – Проклятие Крусиатус... Вы понятия не имеете...

– Имею, – произнёс Гарри. – Действительно имею. Пожалуйста, отдохните. Спасибо вам за то, что вы мне всё это рассказали.

Он пошёл вниз по лестнице, Рон и Гермиона за ним. Гарри мельком увидел Билла, Флер, Луну и Дина, сидящих за кухонным столом; перед ними стояли чашки с чаем. Все они подняли взгляды на Гарри, когда он появился в дверях, но он лишь кивнул им и проследовал в сад; Рон и Гермиона по-прежнему шли сзади. Красноватый холмик, укрывший Добби, лежал перед ними, и Гарри снова подошёл к нему, в то время как боль в его голове всё усиливалась. Теперь лишь сверхъестественным усилием ему удавалось закрыться от видений, вторгавшихся в его мозг, но он знал, что терпеть ему придётся недолго. Он перестанет сопротивляться совсем скоро, потому что ему нужно знать, что его теория верна. Он должен был предпринять лишь одно короткое усилие, чтобы успеть объяснить Рону и Гермионе.

– У Грегоровича была бузиная палочка, много лет назад, – сказал он. – Я видел, как Сами-Знаете-Кто пытался найти его. Когда он его выследил, он обнаружил, что у Грегоровича её больше нет: её у него украл Гринделвальд. Откуда Гринделвальду стало известно, что она была у Грегоровича, я не знаю – но если Грегорович был настолько глуп, что распространял эти слухи, вряд ли это было так уж сложно.

Волдеморт был у ворот Хогвартса; Гарри видел, как он стоит там, и ещё он увидел свет лампы, качающейся и приближающейся в предрассветной темноте.

– И Гринделвальд использовал бузину палочку, чтобы обрести силу. И на пике его силы, когда Дамблдор знал, что лишь он может его остановить, Дамблдор дрался с Гринделвальдом на дуэли, и победил его, и забрал бузину палочку.

– Бузиная палочка была у *Дамблдора*? – спросил Рон. – Но тогда... где она сейчас?

– В Хогвартсе, – ответил Гарри, изо всех сил стараясь оставаться здесь, с ними, в саду на вершине скалы.

– Но тогда пошли! – быстро воскликнул Рон. – Гарри, пошли, давай заберём её, прежде чем он это сделает!

– Слишком поздно, – сказал Гарри. Он не мог сдержаться; он вцепился себе в голову, пытаясь сопротивляться. – Он знает, где она. Он уже там.

– Гарри! – яростно выкрикнул Рон. – Как давно ты это знаешь... Почему мы теряли время? Почему ты сперва говорил с Гринпуком? Мы могли пойти... Мы всё ещё можем пойти...

– Нет, – ответил Гарри и опустился на колени на траву. – Гермиона права. Дамблдор не хотел, чтобы она была у меня. Он не хотел, чтобы я забрал её. Он хотел, чтобы я нашёл Хоркраксы.

– Непобедимая палочка, Гарри! – простонал Рон.

– Я не должен... Я должен добраться до Хоркраксов...

И внезапно всё стало тёмным и прохладным; солнце едва показалось над горизонтом, когда он скользил навстречу Снейпу, через парк, в сторону озера.

– Я скоро присоединюсь к тебе в замке, – своим высоким, холодным голосом проговорил он. – А теперь оставь меня.

Снейп поклонился и направился по дороге назад, его чёрный плащ развевался за спиной. Гарри шёл медленно, ожидая, пока фигура Снейпа исчезнет. Совершенно не нужно, чтобы Снейп, да и кто-либо другой тоже, видел, куда он направляется. Но в окнах замка не горело ни огонька, и он мог укрыть себя от взглядов... и через секунду он наложил на самого себя Образумные чары, скрывшие его даже от собственных глаз.

И он пошёл дальше, вдоль края озера, впитывая глазами очертания обожаемого замка, его первого королевства, его законного владения...

И вот она, у самого озера, отражается в тёмной воде. Белая мраморная гробница, ненужная клякса в знакомом пейзаже. Он снова ощутил этот приступ сдерживаемой эйфории, пьянящее чувство своей цели-в-разрушении. Он поднял свою старую тисовую палочку: как символично, что именно это будет её последним великим делом.

Гробница раскололась сверху донизу. Обёрнутая в саван фигура была такой же длинной и худой, как при жизни. Он вновь поднял волшебную палочку.

Саван развернулся и слетел. Лицо было полупрозрачным, бледным, ввалившимся, но в то же время практически полностью сохранившимся. Они оставили очки на его изломанном носу: он ощутил радостную насмешку. Руки Дамблдора были сложены на груди, и там она лежала, прижатая под руками, погребённая вместе с ним.

Неужели старый дурень воображал, что мрамор или смерть защитят его волшебную палочку? Неужели он думал, что Тёмный Лорд испугается осквернить его гробницу? Паукообразная рука опустилась и вырвала волшебную палочку из хватки Дамблдора, и едва он взял её, пучок искр вырвался из её кончика, осыпав её предыдущего владельца. Наконец-то волшебная палочка была готова служить своему новому хозяину.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

РАКУШЕЧНЫЙ КОТТЕДЖ

Коттедж Билла и Флер одиноко стоял на скале, смотрящей на море, его стены были выложены ракушками и покрыты побелкой. Место было уединённое и красивое. Куда бы ни пошёл Гарри внутри крошечного коттеджа или в саду, отовсюду он слышал шум морского прибоя, словно дыхание какого-то огромного спящего животного. Большую часть следующих нескольких дней он провёл, по малейшему поводу уходя из переполненного коттеджа, стремясь насладиться разворачивающимся с вершины скалы видом открытого неба и огромного, пустого моря, а также ощутить холодный солёный ветер на своём лице.

Огромность своего решения не пытаться опередить Волдеморта на пути к волшебной палочке всё ещё пугала Гарри. Он не помнил, чтобы когда-либо раньше он выбирал *бездействие*. Он был полон сомнений, да ещё и Рон не мог удержаться от того, чтобы озвучивать эти сомнения всякий раз, когда они оказывались вместе.

«А что если Дамблдор хотел, чтобы мы разобрались с этим символом на камне вовремя и успели бы забрать палочку?», «А что если выяснение того, что это за символ, означало, что ты стал «достойн» овладеть Реликвиями?», «Гарри, если это действительно бузиная палочка, то как, чёрт побери, мы сможем прикончить Сам-Знаешь-Кого?»

Ответов у Гарри не было; случались моменты, когда он дивился, не было ли чистым безумием не пытаться предотвратить проникновение Волдеморта в гробницу. Он даже не мог убедительно объяснить, почему он принял такое решение: всякий раз, когда он пытался восстановить в памяти внутренние аргументы, приведшие к этому решению, они казались ему всё более и более слабыми.

Как ни странно, поддержка Гермионы заставляла его чувствовать себя не менее обескураженным, чем скепсис Рона. Вынужденная теперь признать, что бузиная палочка существует, она непрестанно повторяла, что эта палочка злая и что способ, которым Волдеморт её заполучил, совершенно отталкивающий, и даже рассматривать его было нельзя.

— Ты никогда бы не смог так сделать, Гарри, — снова и снова говорила она. — Ты не смог бы вломиться в могилу Дамблдора.

Но мысль о мёртвом Дамблдоре пугала Гарри гораздо меньше, чем вероятность того, что он мог неправильно понять намерения живого Дамблдора. Ему казалось, что он по-прежнему шарит наугад в темноте; он выбрал свой путь, но постоянно оглядывался назад, размышляя, не ошибся ли он с прочтением знаков, не следовало ли ему идти другой дорогой. Время от времени на него вновь накатывал гнев в отношении Дамблдора, столь же сильно, как волны, разбивающиеся о скалу под коттеджем, — за то, что Дамблдор не объяснил ему, прежде чем погиб.

— Но мёртв ли он *на самом деле*? — спросил Рон через три дня после их прибытия в коттедж. Гарри стоял у стены, отделявшей сад от скалы, и смотрел наружу, когда Рон с

Гермионой нашли его; хотел бы он, чтобы этого не произошло, — он совершенно не желал присоединяться к их спорам.

— Да, Рон, он мёртв, и *пожалуйста*, не начинай всё снова!

— Посмотри в лицо фактам, Гермиона, — произнёс Рон через голову Гарри, продолжавшего смотреть в горизонт. — Серебряная оленуха. Меч. Глаз, который Гарри увидел в зеркале...

— Гарри сам признаёт, что глаз ему мог показаться! Правда, Гарри?

— Мог, — ответил Гарри, не глядя на неё.

— Но ты так не думаешь, правда? — спросил Рон.

— Нет, не думаю.

— Ну вот! — быстро сказал Рон, прежде чем Гермиона смогла продолжить. — Если это был не Дамблдор, объясни, откуда Добби знал, что мы были в погребе, Гермиона?

— Я не могу... А ты можешь объяснить, как Дамблдор послал его к нам, если он лежит в гробнице в Хогвартсе?

— Не знаю, может, это его призрак!

— Дамблдор бы не вернулся в виде призрака, — произнёс Гарри. Сейчас немного оставалось такого, в чём он был уверен относительно Дамблдора, но уж это-то он знал. — Он бы продолжил идти.

— В каком смысле «продолжил идти»? — переспросил Рон, но, прежде чем Гарри смог ответить, голос за их спинами произнёс: «Арри?»

Флер вышла из коттеджа; её длинные серебряные волосы развевались на ветру.

— ‘Арри, Грип’ук хочет с тобой поговорить. Он в самой маленькой спальне, он говорит, что не хочет, чтобы вас подслушали.

Очевидно было, что ей не нравилось, что гоблин посылает её передавать сообщения: обратно она шла с очень раздражённым видом.

Грипхук ждал их, как и сказала Флер, в самой маленькой из трёх спален коттеджа, где ночью спали Гермиона и Луна. Он закрыл светлое, покрытое облаками небо красными хлопчатобумажными занавесками, что придавало комнате огнистое сияние, странно смотрящееся по сравнению с остальной частью светлого, чистого коттеджа.

— Я принял решение, Гарри Поттер, — заявил гоблин, сидевший, скрестив ноги, в низком кресле и барабанивший своими длинными тонкими пальцами по его ручкам. — Хотя гоблины Гринготтса сочтут это предательством самих основ, я всё-таки решил помочь вам...

— Это здорово! — чувство облегчения омыло всё тело Гарри. — Грипхук, спасибо, мы очень...

— ...но, — твёрдо продолжил гоблин, — за плату.

Несколько захваченный врасплох, Гарри помедлил.

— Сколько вам нужно? У меня есть золото.

— Не золото, — ответил Грипхук. — Золото у меня есть.

Его чёрные глаза сверкнули; глаза были без белков.

— Я хочу меч. Меч Годрика Гриффиндора.

Гаррино сердце рухнуло.

– Вы не можете этого получить, – сказал он. – Мне жаль.
– В таком случае, – мягко проговорил гоблин, – у нас проблема.
– Мы можем дать вам что-нибудь ещё, – с энтузиазмом предложил Рон. – Держу пари, у Лестрэнджей там много всего, вы сможете взять что захотите, как только мы войдём в хранилище.

Это была ошибка. Грипхук залился краской гнева.

– Я не вор, парень! Я не пытаюсь завладеть сокровищами, на которые я не имею права!

– Но этот меч наш...

– Не ваш, – ответил гоблин.

– Мы гриффиндорцы, а он принадлежал Годрику Гриффиндору...

– А прежде чем он принадлежал Гриффиндору, чей он был? – требовательно спросил гоблин, выпрямляясь в кресле.

– Ничей, – ответил Рон. – Он же был сделан для него, разве не так?

– Нет! – крикнул гоблин, показывая длинным пальцем на Рона; он аж оцетинился от гнева. – Снова высокомерие колдунов! Этот меч принадлежал Рагнуку Первому, у которого его отобрал Годрик Гриффиндор! Это утерянное сокровище, шедевр гоблинской работы! Он принадлежит гоблинам! Этот меч – цена моих услуг, либо вы её принимаете, либо уходите!

Грипхук сердито смотрел на них. Гарри глянул на своих спутников, затем сказал:

– Нам надо это обсудить, Грипхук, если вы не возражаете. Вы можете подождать несколько минут?

Гоблин с кислым видом кивнул.

Внизу, в пустой гостиной, Гарри подошёл к камину, нахмутив брови, пытаясь придумать, что делать. За его спиной Рон произнёс:

– Он просто издевается. Мы не можем отдать ему этот меч.

– Это правда? – спросил Гарри у Гермионы. – Меч был украден Гриффиндором?

– Я не знаю, – уныло ответила она. – Колдовская история часто обходит случаи, когда колдуны что-то не то делали другим магическим расам, но ни один источник, о которых я знаю, не говорит, что Гриффиндор украл меч.

– Это просто одна из гоблинских баек, – сказал Рон, – о том, как колдуны всегда пытаются их обидеть. Думаю, мы ещё радоваться должны нашему везению, что он не потребовал одну из наших волшебных палочек.

– У гоблинов есть причины не любить колдунов, Рон, – ответила Гермиона. – В прошлом с ними очень жестоко обращались.

– Ну и гоблины не то чтоб белые пушистые кролики, а? Они кучу наших перебили. Они тоже грязно дрались.

– Но споры с Грипхуком о том, чья раса была более бесчестной и жестокой, вряд ли сделают его более сговорчивым в плане помощи нам, верно?

Повисла пауза, во время которой все трое пытались найти способ обойти проблему. Гарри смотрел в окно на могилу Добби. Луна ставила цветы морской лаванды в банку из-под джема, стоящую рядом с надгробием.

– Ну хорошо, – сказал Рон, и Гарри повернулся в его сторону, – что если так? Мы говорим Грипхуку, что нам нужен будет меч, пока мы не заберёмся в хранилище, и тогда он его получит. Там ведь лежит поддельный, верно? Мы их подменим и дадим ему подделку.

– Рон, ему разница видна лучше, чем нам! – ответила Гермиона. – Он единственный, кто в тот раз заметил подмену!

– Да, но мы могли бы свалить, прежде чем он поймёт...

Он съёжился под взглядом, которым его одарила Гермиона.

– Это, – тихо сказала она, – просто низко. Просить его о помощи, а потом обжулить? И ты удивляешься, почему гоблины не любят колдунов, Рон?

Уши Рона заалели.

– Ну ладно, ладно! Это было единственное, что мне пришло в голову! А у тебя какое решение?

– Нам надо предложить ему что-то ещё, что-то столь же ценное.

– Блестяще. Я тогда пойду возьму какой-нибудь другой из наших древних мечей гоблинской работы, а ты его оберни покрасивее.

Снова повисло молчание. Гарри был убеждён, что гoblin не примет ничего, кроме меча, даже если у них найдётся нечто столь же ценное, что они смогут ему предложить. И тем не менее это был их меч, незаменимое оружие против Хоркраксов.

На пару секунд он закрыл глаза и прислушался к шуму прибоя. Идея, что Гриффиндор мог украсть меч, была ему неприятна; он всегда гордился тем, что он был гриффиндорцем; Гриффиндор был защитником магглорождённых, он всегда спорил с чистокровнолюбивым Слизерином...

– Может, он лжёт, – сказал Гарри, вновь открыв глаза. – Грипхук. Может, Гриффиндор не крал меча. Откуда мы знаем, что гоблинская версия истории верна?

– А это что-то меняет? – спросил Гермиона.

– Меняет мои чувства по этому поводу, – ответил Гарри.

Он сделал глубокий вдох.

– Мы скажем ему, что он получит меч после того, как поможет нам забраться в хранилище, – но мы благоразумно не скажем, когда *именно* он его получит.

Ухмылка медленно расплзлась по лицу Рона. Гермиона, однако, выглядела встревоженной.

– Гарри, мы не можем...

– Он его получит, – продолжил Гарри, – после того, как мы применим его на всех Хоркраксах. Я гарантирую, что тогда он его получит. Я сдержу слово.

– Но это может занять годы! – воскликнула Гермиона.

– Я это знаю, а вот *он* знать не должен. Я не солгу... по большому счёту.

Гарри посмотрел в глаза Гермионе со смесью стыда и вызова. Он вспомнил слова, выбитые над входом в Нурменгард: *Во имя Большого Блага*. Он отбросил мысль в сторону. Какой у них был выбор?

– Мне это не нравится, – заявила Гермиона.

– Да и мне не очень, – признал Гарри.

– Ну а я думаю, что это гениально, – Рон снова встал. – Пошли скажем ему.

Вернувшись в самую маленькую спальню, Гарри выдвинул предложение, аккуратно построив фразы таким образом, чтобы не указать точного времени передачи меча. Гермиона хмуро смотрела в пол в течение всего времени, пока он говорил; он ощутил раздражение, опасаясь, что она может выдать всю их игру. Грипхук, однако, уставил глаза исключительно на Гарри.

– Даёте ли вы мне слово, Гарри Поттер, что вы передадите мне меч Гриффиндора, если я помогу вам?

– Да.

– Тогда договорились, – сказал гоблин, протягивая руку.

Гарри её пожал. Он подивился, не заметили ли эти чёрные глаза следов опасений в его собственных. Затем Грипхук выпустил его руку, хлопнул в ладони и произнёс:

– Значит так. Начинаем!

Это было так, словно они опять планировали проникновение в Министерство. Они приступили к работе в самой маленькой спальне, которую, в соответствии с предпочтениями Грипхука, держали в постоянной полутьме.

– Я был в хранилище Лестрэйнджей только один раз, – сказал им Грипхук, – именно тогда, когда мне сказали поместить туда поддельный меч. Это одно из самых древних помещений. Старейшие семейства колдунов хранят свои сокровища на самых глубоких уровнях, где хранилища самые большие и лучше всего защищены...

Они запирались в маленькой, словно чулан, комнате на протяжении целых часов. Дни постепенно складывались в недели. Перед ними вставала проблема за проблемой, не в последнюю очередь – то, что их запасы Многосущного зелья сильно истощились.

– Здесь реально хватит только на одного из нас, – сообщила Гермиона, покачивая густым грязеподобным зельем и просматривая его на свет лампы.

– Этого достаточно, – ответил Гарри, изучавший нарисованную Грипхуком схему самых глубоких тоннелей.

Разумеется, другие обитатели Ракушечного Коттеджа не могли не заметить, что что-то происходит, поскольку Гарри, Рон и Гермиона появлялись только к трапезам. Вопросов никто не задавал, хотя Гарри, сидя за столом, часто замечал на себе и своих спутниках взгляд Билла, задумчивый и обеспокоенный.

Чем больше времени они проводили вместе, тем больше Гарри понимал, что ему не очень-то нравится гоблин. Грипхук неожиданно оказался очень кровожадным, смеялся при мысли о причинении боли низшим созданиям и явно наслаждался возможностью того, что им придётся ранить других колдунов на пути к хранилищу Лестрэйнджей. Гарри был уверен, что его неудовольствие разделяли и его спутники, но этот вопрос они не обсуждали: Грипхук был им нужен.

Грипхук ел вместе со всеми, но с большой неохотой. Даже после того, как его ноги выздоровели, он продолжал требовать доставлять еду в свою комнату, как всё ещё слабому Оливандеру, пока Билл (после гневного взрыва со стороны Флер) не поднялся вверх и не сказал ему, что такого больше не будет. С этого дня Грипхук присоединился к ним за

переполненным столом, хотя по-прежнему отказывался есть общую пищу, требуя взамен куски сырого мяса, корешки и всяческие грибы.

Гарри чувствовал себя ответственным за это: в конце концов, это он настоял, чтобы гоблин оставался в Ракушечном Коттедже, чтобы он мог его расспросить; и это была его вина, что всё семейство Уизли вынуждено было скрываться, что Билл, Фред, Джордж и мистер Уизли не могли более ходить на работу.

– Прости меня, – сказал он Флер однажды грозным, ветреным апрельским вечером, когда помогал ей готовить ужин. – Я не хотел, чтоб тебе пришлось иметь дело со всем этим.

Она как раз отправила несколько ножей нарезать стейки для Грипхука и Билла, который предпочитал мясо с кровью с того времени, когда на него напал Грэйбэк. Когда ножи за её спиной принялись за работу, её несколько раздражённое лицо смягчилось.

– ‘Арри, ты спас жизнь моей сестри, я это не забываю.

Строго говоря, это было не совсем правдой, но Гарри решил не напоминать ей, что Габриэли не угрожала настоящая опасность.

– В любом случае, – продолжила Флер, указав волшебной палочкой на стоящий на плите горшочек с соусом (тот немедленно начал бурлить), – мистер Олливандер отбудет к Мюриэль сегодня вечером. Это всё упростит. Гоблин, – при упоминании его она скорчила гримаску, – сможет переехать вниз, и тогда вы с Роном и Дином сможете занять его комнату.

– Да мы не против того, чтобы ночевать в гостиной, – сказал Гарри, уверенный, что Грипхуку не понравится идея спать на диване; поддерживать хорошее настроение Грипхука было важной частью их плана. – Не волнуйся о нас, – когда Флер попыталась протестовать, он продолжил: – Мы тоже недолго будем у вас на пее, мы с Роном и Гермией. Скоро нам не нужно будет здесь оставаться.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, слегка нахмурив брови, указывая волшебной палочкой на блюдо с запеканкой, висящее в воздухе. – Разумеется, вы не должны уходить, вы здесь в безопасности!

Когда она это говорила, она была очень похожа на миссис Уизли, и Гарри был рад тому, что в этот самый момент открылась задняя дверь. Луна и Дин вошли в кухню, неся в руках большие охапки плавника; их волосы были мокры от идущего снаружи дождя.

– ...и маленькие такие ушки, – говорила Луна, – немного похожие на бегемоты, папочка говорит, только фиолетовые и волосатые. А если ты хочешь их позвать, тебе нужно напевать мелодии; они предпочитают вальс, что-то не очень быстрое...

Дин с озадаченным видом пожал плечами в сторону Гарри, когда они с Луной проходили в гостиную (служившую одновременно столовой), где Рон и Гермияна накрывали на стол. Воспользовавшись шансом уйти от расспросов Флер, Гарри схватил два кувшина с тыквенным соком и пошёл следом.

– ...а если ты когда-нибудь будешь у нас дома, я смогу показать тебе его рог. Папочка мне о нём немного написал, но я сама его пока не видела, потому что Пожиратели Смерти забрали меня с Хогвартс-экспресса, и я домой на Рождество не попала, – продолжала говорить Луна, пока они с Дином разжигали огонь в камине.

– Луна, мы говорили тебе, – обратилась к ней Гермiona. – Этот рог взорвался. Это рог извержента, не морщерогого хrapстера...

– Нет, это точно рог хrapстера, – мягко ответила Луна. – Папочка мне рассказал. Он сейчас, наверно, уже восстановился, они сами себя залечивают, знаешь.

Гермiona покачала головой и продолжила раскладывать вилки. В этот момент появился Билл, он вёл вниз по лестнице мистера Олливандера. Создатель палочек по-прежнему выглядел очень слабым, он вцепился в руку Билла, так что тот поддерживал его, неся в другой руке большой чемодан.

– Я буду скучать по вас, мистер Олливандер, – произнесла Луна, подходя к старику.

– И я по вас тоже, дорогая, – ответил Олливандер, похлопывая её по плечу. – Вы мне невероятно облегчили существование в том ужасном месте.

– Значит, *au revoir*⁷³, мистер Олливандер, – сказала Флер и поцеловала его в обе щеки. – И я подумалья, не окажете ли вы мне услугу, доставив кое-что тётушке Билльи Мюриэль? Я так и не вернулья её тиару.

– Сочту за честь, – ответил Олливандер, слегка поклонившись, – это самое малое, что я могу сделать в ответ на ваше радушное гостеприимство.

Флер достала потрёпанную бархатную коробочку и открыла её, чтобы показать Олливандеру. Тиара лежала, сверкая и мерца под лучами низко висящей лампы.

– Лунные камни и брильянты, – произнёс Грипхук, проскользнувший в комнату незаметно для Гарри. – Создана гоблинами, я полагаю?

– И оплачена колдунами, – тихо добавил Билл, и гоблин кинул на него взгляд, одновременно хитрый и вызывающий.

Порывы сильного ветра колотились в окна коттеджа, когда Билл и Олливандер исчезли в ночи. Остальные втиснулись за стол, прижавшись друг к другу локтями и почти не имея пространства для движения, и принялись за еду. Рядом с ними в камине прыгал и трещал огонь. Флер, заметил Гарри, лишь ковыряла свою еду; она кидала взгляды в окно каждые несколько минут; однако Билл вернулся раньше, чем они покончили с первым; его волосы были спутаны от ветра.

– Всё отлично, – сказал он Флер. – Олливандера устроили, мама с папой шлют привет. Джинни передаёт вам всем свою любовь. От Фреда с Джорджем Мюриэл на стенку лезет, они по-прежнему ведут свою Совиную Службу Заказов в её задней комнате. Хотя когда она получила назад свою тиару, это её взбодрило. По её словам, она уже решила, что мы её украли.

– Ах, она просто *charmante*⁷⁴, твоя тётя, – раздражённо произнесла Флер, взмахнув палочкой и заставив грязные тарелки взлететь в воздух и собраться в стопку. Затем она подхватила их и вышла из комнаты.

– Папочка тоже сделал тиару, – встряла Луна. – Ну, на самом деле это скорее корона.

Рон поймал взгляд Гарри и ухмыльнулся; Гарри понял, что он припоминает фантастический головной убор, который они видели в доме Ксенофилиуса.

⁷³ *au revoir* – до свидания (фр.)

⁷⁴ *charmante* – очаровательная (фр.)

– Да, он пытается воссоздать утраченную диадему Рэйвенкло. Он считает, что уже идентифицировал большинство основных частей. Добавление крыльев Билливида оказалось очень важным...

Неожиданно раздался громкий стук в парадную дверь. Все головы разом повернулись в её сторону. Флер с испуганным видом выбежала из кухни; Билл вскочил на ноги, наводя на дверь волшебную палочку; Гарри, Рон и Гермиона сделали то же самое. Гривхук безмолвно скользнул под стол, прочь из виду.

– Кто там? – спросил Билл.

– Это я, Римус Джон Люпин! – голос был еле слышен сквозь вой ветра. Гарри ощутил укол страха; что произошло? – Я оборотень, женат на Нимфадоре Тонкс, а ты, Хранитель Тайны Ракушечного Коттеджа, дал мне ваш адрес и сказал, чтобы я обращался при острой необходимости!

– Люпин, – пробормотал Билл, после чего подбежал к двери и распахнул её.

Люпин перевалился через порог. Он был бледен, как мел, закутан в дорожный плащ, его седеющие волосы разметало ветром. Он выпрямился, оглядел комнату, дабы понять, кто в ней находится, после чего громко крикнул:

– Это мальчик! Мы назвали его Тедом, в честь отца Доры!

Гермиона вскрикнула.

– Что?.. Тонкс... У Тонкс родился ребёнок?

– Да, да, у неё родился ребёнок! – прокричал Люпин. Отовсюду доносились крики восторга, вздохи облегчения. Гермиона и Флер хором взвизгнули: «Поздравляю!» – а Рон произнёс: «Чёрт, ребёнок!» – словно он никогда раньше не слышал о таких вещах.

– Да... да... мальчик, – вновь сказал Люпин, бывший, судя по всему, в помутнённом состоянии от собственного счастья. Он обошёл вокруг стола и обнял Гарри; сцены в полуподвале на площади Гримо словно и не было никогда.

– Будешь его крёстным? – спросил он, выпуская Гарри.

– Я... я? – зашнулся Гарри.

– Да, да, разумеется – Дора абсолютно согласна, лучше никого не придумать...

– Я... ага... чёрт...

Гарри был ошеломлён, потрясён, обрадован; Билл торопился принести вино, а Флер уговаривала Люпина присоединиться к ним.

– Я не могу надолго оставаться, я должен вернуться, – ответил Люпин, с широкой улыбкой оглядывая всех; он казался Гарри на много лет моложе, чем когда-либо. – Спасибо, спасибо, Билл.

Вскоре Билл наполнил все их кубки; все встали и подняли их в тосте.

– За Тедди Римуса Люпина, будущего великого колдуна!

– На кого он похож? – полюбопытствовала Флер.

– Я думаю, что на Дору, она думает, что на меня. Волос пока немного. Они были чёрными, когда он родился, но клянусь, через час уже порыжели. Возможно, когда я вернусь, он уже станет блондином. Андромеда говорит, волосы Тонкс начали менять цвет в тот же

день, когда она родилась, – он осушил свой кубок. – Ох, ну ладно, ещё один можно, – сияя, добавил он, когда Билл предложил снова его наполнить.

Ветер покачивал маленький коттедж, пламя металось и трещало, Билл открывал новую бутылку вина. От новости, принесённой Люпином, все были просто вне себя, словно на время вышли из своего осаждённого положения: рождение новой жизни принесло радостное настроение. Лишь гоблина, казалось, не затронула эта внезапно ставшая праздничной атмосфера, и через некоторое время он тихонько удалился в спальню, которую теперь занимал один. Гарри думал, что он единственный обратил на это внимание, пока не заметил взгляд Билла, провожающий гоблина вверх по лестнице.

– Нет... нет... мне правда пора возвращаться, – сказал наконец Люпин, отказываясь от очередного кубка вина. Он поднялся на ноги и вновь натянул свой дорожный плащ. – До свидания, до свидания – я попытаюсь принести фотографии через несколько дней – мои будут так рады узнать, что я вас увидел...

Он застегнул плащ и попрощался, обнимая женщин и пожимая руки мужчинам, после чего, всё ещё сияя, исчез в бурной ночи.

– Крёстный, Гарри! – воскликнул Билл, когда они, помогая убирать со стола, вместе вошли на кухню. – Серьёзная честь! Поздравляю!

Пока Гарри ставил пустые кубки, которые он принёс, Билл закрыл дверь у себя за спиной, отсекая всё ещё громкие голоса остальных, продолжавших празднование даже в отсутствие Люпина.

– Я давно хотел с тобой поговорить наедине, Гарри. Не так-то просто было найти возможность, когда в доме так много народу.

Билл помедлил.

– Гарри, ты что-то планируешь с Грипхуком.

Это было утверждение, не вопрос, и Гарри не стал отрицать. Он просто смотрел на Билла и ждал.

– Я знаю гоблинов, – произнёс Билл. – Я работал в Гринготтсе с того времени, как закончил Хогвартс. Настолько, насколько вообще возможна дружба между колдунами и гоблинами, я дружу с некоторыми из них – или, по крайней мере, есть гоблины, которых я хорошо знаю и которые мне нравятся, – Билл снова помедлил. – Гарри, чего ты хочешь от Грипхука и что ты пообещал ему взамен?

– Я не могу тебе этого сказать. Извини, Билл.

Кухонная дверь за ними приоткрылась; Флер пыталась принести ещё пустые кубки.

– погоди, – сказал ей Билл. – Всего минуту.

Она вышла, и он снова закрыл дверь.

– Тогда я вот что должен сказать, – продолжил Билл. – Если ты заключил с Грипхуком какую-либо сделку, и особенно если эта сделка включает в себя что-то ценное, ты должен быть исключительно осторожен. Понятия гоблинов о собственности, плате и возмещении отличаются от человеческих.

Гарри ощутил импульс дискомфорта, словно внутри него шевельнулась маленькая змейка.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он.

– Мы говорим о совершенно другой породе живых существ, – ответил Билл. – Сделки между колдунами и гоблинами сопровождаются проблемами много веков – но это всё ты знаешь из истории магии. Вина лежит на обеих сторонах, я никогда не утверждал, что колдуны были чисты. Однако среди некоторых гоблинов бытует вера, и гоблины Гринготтса, возможно, наиболее ей подвержены, что колдунам нельзя доверять в вопросах, связанных с золотом и сокровищами, что они не уважают гоблинскую собственность.

– Я уважаю... – начал было Гарри, но Билл покачал головой.

– Ты не понимаешь, Гарри, никто не понимает, если только он не жил с гоблинами. Для гоблина истинный и законный владелец вещи – тот, кто её создал, не тот, кто купил. Все предметы гоблинской работы, в глазах гоблинов, по праву принадлежат им.

– Но если он был куплен...

– ...то они будут считать его взятым в аренду тем, кто заплатил деньги. Однако с пониманием идеи передачи предметов, созданных гоблинами, от колдуна к колдуну у них большие трудности. Ты видел лицо Грипхука, когда тиара была передана у него перед глазами. Ему это не нравится. Я считаю, что он думает, так же как наиболее решительные из ему подобных, что она должна была быть возвращена гоблинам, как только первоначальный покупатель умер. Они считают наше обыкновение хранить предметы гоблинской работы, передавать их от колдуна к колдуну, не платя дополнительно, чем-то ненамного лучшим, чем воровство.

Гарри испытывал зловещее предчувствие; он подивился, не угадал ли Билл больше, чем сейчас говорил.

– Всё, что я хочу сказать, – Билл положил руку на дверь гостиной, – это чтобы вы были очень осторожны с тем, что вы обещаете гоблинам, Гарри. Даже вломиться в Гринготтс не так опасно, как нарушить обещание, данное гоблину.

– Хорошо, – произнёс Гарри, когда Билл открыл дверь, – ага. Спасибо. Я буду иметь в виду.

Когда он шёл следом за Биллом к остальным, в голову его закралась горько-ироничная мысль, несомненно, вызванная выпитым вином. Похоже, он собирался стать таким же безрассудным крёстным для Тедди Люпина, каким Сириус Блэк был для него самого.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ГРИНГОТТС

Все планы были готовы, приготовления завершены; в стеклянном фиале на камине самой маленькой спальни свернулся один-единственный чёрный, длинный, грубый волос, снятый со свитера, который был на Гермионе в особняке Малфоев.

– И у тебя будет её настоящая волшебная палочка, – сказал Гарри, кивнув в сторону ореховой палочки, – так что я думаю, ты будешь чертовски убедительна.

Гермиона взяла палочку, словно боясь, что та её укусит или ужалит.

– Я ненавижу эту штуку, – тихо пожаловалась она. – Правда ненавижу. Она вся неправильная, она не хочет нормально работать... Это словно кусок *её*.

Гарри не мог удержаться от воспоминаний, как Гермиона отметала его жалобы на терновую волшебную палочку, настаивая, что лишь в его воображении она работает хуже, чем его собственная, что он просто должен тренироваться. Однако он предпочёл не возвращать ей её собственный совет; накануне их попытки атаки на Гринготтс время для споров было явно неудачным.

– Зато она, возможно, поможет тебе войти в образ, – сказал Рон. – Подумай, что делала эта палочка!

– Я же об этом и говорю! – воскликнула Гермиона. – Это палочка, которая пыталась маму и папу Невилла, и ещё бог знает скольких людей! Это палочка, которая убила Сириуса!

Об этом Гарри не подумал: он взглянул на волшебную палочку и испытал жестокое стремление сломать её, разрубить надвое мечом Гриффиндора, прислонённым к стене рядом с ним.

– Как мне не хватает *моей* палочки, – уныло проговорила Гермиона. – Хотела бы я, чтобы мистер Олливандер и мне сделал новую.

Этим утром Олливандер прислал Луне новую волшебную палочку. Сейчас Луна как раз проверяла её возможности под послеполуденным солнцем на лужайке за домом. Дин, лишившийся своей волшебной палочки после поимки Хватчиками, наблюдал за ней довольно уныло.

Гарри посмотрел на боярышниковую палочку, принадлежавшую когда-то Дрэйко Малфою. Он был приятно удивлён, обнаружив, что она служит ему как минимум не хуже Гермиониной. Вспомнив, что Олливандер рассказывал им о секретах волшебных палочек, Гарри подумал, что знает, в чём была проблема Гермионы: она не заслужила лояльности ореховой палочки, ибо не отобрала её непосредственно у Беллатрикс.

Дверь спальни открылась, и вошёл Грипхук. Гарри инстинктивно потянулся к рукояти меча и пододвинул его поближе к себе, но пожалел о своём импульсе немедленно: он был уверен, что гоблин заметил. Желая загладить неприятный момент, он сказал:

– Мы просто проводим последнюю проверку, Грипхук. Мы уже сказали Биллу и Флер, что завтра уходим, и чтобы они не вставали с утра, чтобы нас проводить.

Они твёрдо настаивали на этом пункте, потому что Гермiona должна была трансформироваться в Беллатрикс до их отхода, а чем меньше Билл и Флер знали или подозревали, что они хотят сделать, тем лучше. Кроме того, они объяснили, что не собираются возвращаться. Поскольку они лишились старой палатки Пёркинса в ту ночь, когда их поймали Хватчики, Билл одолжил им другую. Теперь она была упакована в бисерную сумочку, которую (Гарри был впечатлён, когда узнал об этом) Гермiona спасла от Хватчиков простейшим способом: запихнув за резинку собственного носка.

Хотя Гарри знал, что будет скучать по Биллу, Флер, Луне и Дину, не говоря уже о домашнем уюте, которым они с Роном и Гермioniой наслаждались последние несколько недель, он с нетерпением ждал, когда они выберутся из заточения Ракушечного Коттеджа. Он устал от постоянных усилий, прикладываемых, чтобы их не подслушали, устал от постоянного нахождения в крошечной тёмной спальне. Больше всего он мечтал избавиться от Грипхука. Однако как и когда именно они должны были расстаться с гоблином, не отдавая ему меча Гриффиндора, оставалось вопросом, ответа на который у Гарри не было. Решить, как они собираются это сделать, было совершенно невозможно, ибо гoblin редко оставлял Гарри, Рона и Гермionу одних более чем на пять минут за раз. «Он мог бы дать моей маме пару уроков», – ворчал Рон всякий раз, когда длинные пальцы гоблина появлялись из-за края двери. Держа в голове предостережение Билла, Гарри не мог не подозревать, что Грипхук настороже и ожидает возможного жульничества. Гермiona настолько энергично возражала против планирующегося надувательства, что Гарри оставил все попытки подключить её мозг к вопросу, как это лучше сделать; Рон в тех редких случаях, когда им удавалось выкроить несколько минут без Грипхука, не находил ничего лучшего, чем повторять «Надо будет просто это проверить побыстрее, приятель».

Спал Гарри в эту ночь плохо. Лёжа в постели в послеполуночные часы, он вспоминал свои чувства в ночь перед проникновением в Министерство магии: тогда это была решительность, почти возбуждение. Теперь он испытывал уколы беспокойности и ноющее сомнение: он не мог вытряхнуть из себя страх, что всё должно пойти не так. Он всё повторял и повторял себе, что их план хорош, что Грипхук знает, что им встретится, что они хорошо готовы к любым трудностям, с которыми они могут столкнуться; и тем не менее на душе у него было беспокойно. Один или два раза он слышал, как шевельнулся Рон, и был уверен, что он тоже не спит, но, кроме них, в гостиной был ещё Дин, и поэтому Гарри молчал.

Он испытал облегчение, когда пробило шесть утра и они смогли выползти из своих спальных мешков, одеться в полутьме и тихонько выбраться в сад, где они должны были встретиться с Гермioniой и Грипхуком. Рассвет был довольно прохладный, но, поскольку наступил уже май, ветра почти не было. Гарри глянул вверх на звёзды, всё ещё бледно мерцающие в тёмном небе, и прислушался к шуму моря, омывающего подножие скалы: этого звука ему будет не хватать.

Маленькие зелёные ростки пробивались сквозь красную землю Доббиной могилы; через год холмик будет весь покрыт цветами. Белый камень, на который было нанесено имя эльфа, уже приобрёл обветрившийся вид. Только теперь Гарри осознал, что едва ли они могли предать Добби земле в более красивом месте; но всё же он испытал печальную боль при

мысли о том, что они оставят его здесь. Глядя на могилу, он в который раз подивился, откуда эльф знал, куда именно прийти к ним на выручку. Его пальцы рассеянно двинулись к маленькой сумочке, по-прежнему висевшей у него на шее, и коснулись сквозь её стенку зазубренного осколка зеркала, в котором, как он был уверен, он видел глаз Дамблдора. Затем звук открывшейся двери заставил его оглянуться.

Беллатрикс Лестрэндж шагала через лужайку в их сторону, Грипхук её сопровождал. На ходу она запихивала маленькую бисерную сумочку во внутренний карман ещё одной старой мантии, которую они взяли из дома на площади Гриммода. Гарри, хоть и знал отлично, что это Гермиона, не смог подавить дрожь ненависти. Она была выше него, её длинные чёрные волосы волнами спадали по спине, глаза с тяжёлыми веками смотрели презрительно; но тут она заговорила, и сквозь низкий голос Беллатрикс он услышал Гермиону.

– Её вкус был *отвратный*, хуже, чем у стражекорня! Ладно, Рон, подойди сюда, чтобы я могла тобой заняться...

– Хорошо, только не забудь, мне не нравится, когда борода слишком длинная...

– О, ради бога, мы вовсе не пытаемся сделать из тебя красавца...

– Да не в этом дело, она просто мешается! Но мне нравился нос немного покороче, попробуй сделать его таким, как в прошлый раз.

Гермиона вздохнула и приступила к работе, бормоча что-то себе под нос в процессе изменения различных аспектов внешности Рона. Он должен был стать абсолютно несуществующей личностью, и они всецело полагались на то, что его защитит аура злобы, исходящая от Беллатрикс. В то же время Гарри и Грипхук должны были быть сокрыты под плащом-невидимкой.

– Готово, – произнесла Гермиона. – Как он выглядит, Гарри?

Вычислить Рона под маскировкой было едва возможно, да и то лишь потому, подумал Гарри, что он так хорошо его знал. Волосы Рона стали длинными и вьющимися, у него были густые каштанового цвета борода и усы, короткий, широкий нос и тяжёлые брови. И не было веснушек.

– Ну, это не мой любимый тип, но сойдёт, – сказал Гарри. – Пошли тогда?

Все трое оглянулись на Ракушечный Коттедж, тёмный и безмолвный под умирающими звёздами, затем развернулись и пошли к той точке, непосредственно за граничной стенкой, где прекратили работать чары Фиделиус и они могли дезапарировать. Едва они прошли за ворота, Грипхук заговорил.

– Мне надо забраться сейчас, Гарри Поттер, я полагаю?

Гарри нагнулся, и гоблин вскарабкался ему на спину, его руки сомкнулись перед Гарриным горлом. Он был не тяжёл, но Гарри не нравилось чувствовать его на себе и не нравилась неожиданная сила, с которой он в Гарри вцепился. Гермиона вытащила из бисерной сумочки плащ-невидимку и накинула его на них обоих.

– Прекрасно, – сказала она, нагнувшись, чтобы проверить Гаррины ноги. – Ни кусочка не вижу. Пойдёмте.

Гарри крутанулся на месте с Грипхуком на плечах, изо всех сил сосредоточившись на «Дырявом котле», трактире, в котором был вход в Косой переулок. Гоблин вцепился в него ещё сильнее, пока они продавливались сквозь темноту. Несколько секунд спустя ноги Гарри наткнулись на тротуар, и он открыл глаза на Чаринг Кросс Роуд. Маглы торопливо проходили мимо с характерными для раннего утра виноватыми лицами, совершенно не замечая существования маленького трактира.

Бар «Дырявого котла» был почти пуст. Том, сгорбленный и беззубый владелец заведения, полировал бокалы за барной стойкой; пара чародеев, разговаривавших шёпотом в дальнем углу, глянули на Гермiona и тотчас укрылись подальше в тень.

— Мадам Лестрэйндж, — пробормотал Том, и когда Гермiona проходила мимо, его голова услужливо склонилась.

— Доброе утро, — произнесла Гермiona, и когда Гарри прокрался за ней, по-прежнему неся Грипхука на закорках, он увидел, что Том смотрит удивлённо.

— Слишком вежливо, — шепнула Гарри в ухо Гермione, когда они вышли из трактира в крошечный внутренний дворик. — Ты должна обращаться с людьми, как с мусором!

— Ладно, ладно!

Гермiona извлекла волшебную палочку Беллатрикс и ткнула по кирпичу в стоящей перед ними неприметной стене. Кирпичи тотчас начали кружиться и вращаться; в центре стены образовалось отверстие, которое всё расширялось и расширялось, пока не превратилось в арку, ведущую на узкую мощёную булыжником улицу, называвшуюся Косым переуком.

Она была тиха. Время открытия магазинов едва наступило, и покупателей вокруг было очень мало. Изгибающаяся, выложенная булыжником улочка сильно изменилась по сравнению с тем кипящим местом, которое посетил Гарри перед своим первым годом в Хогвартсе, так много лет назад. Больше магазинов, чем когда-либо раньше, было заколочено, однако со времени его последнего визита открылось несколько новых заведений, посвящённых Тёмным искусствам. Собственная Гаррина физиономия смотрела на них с плакатов, наклеенных на многие окна; под каждым портретом была подпись «Враг общества номер один».

Множество одетых в рваньё людей сидело, съёжившись, в дверях. Гарри услышал, как они стонут и просят у прохожих золота, утверждая, что они на самом деле колдуны. У одного из людей поверх глаза была окровавленная повязка.

Когда они направились по улице, нищие заметили Гермionу. Их перед ней словно сдувало — они закрывали лица капюшонами и бежали так быстро, как только могли. Гермiona с любопытством смотрела им вслед, пока мужчина с окровавленной повязкой не вышел, шатаясь, к ним навстречу.

— Мои дети! — крикнул он, указывая на неё. Голос у него был резкий и высокий, он казался обезумевшим от горя. — Где мои дети? Что он сделал с ними? Ты знаешь, *ты знаешь!*

— Я... я правда... — пролепетала Гермiona.

Мужчина прыгнул на неё, пытаясь вцепиться в горло; затем раздался удар, мелькнула красная вспышка, и он отлетел назад и упал на землю без сознания. Рон стоял прямо, его

волшебная палочка была всё ещё вытянута вперёд, и, несмотря на бороду, было заметно, что он потрясён. Лица появились в окнах по обе стороны улицы, в то время как группа процветающего вида прохожих подобрала полы своих мантий и перешла на мягкую рысь, стремясь побыстрее очистить место происшествия.

Их появление в Косом переулке не могло привлечь большего внимания; какое-то мгновение Гарри думал, не лучше ли им сейчас уйти и попытаться придумать другой план. Однако, прежде чем они успели сдвинуться с места или посоветоваться между собой, они услышали позади себя возглас.

– Надо же, мадам Лестрэйндж!

Гарри крутанулся на месте, и Грипхук ещё сильнее вцепился в его шею: высокий, худой колдун с короной густых седых волос и длинным острым носом шагал в их сторону.

– Это Трэверс, – прошипел гоблин в ухо Гарри, но в тот момент Гарри совершенно не мог думать, кто такой Трэверс. Гермиона выпрямилась во весь свой рост и произнесла, влив в голос всё презрение, на какое она была способна:

– И чего ты хочешь?

Трэверс застыл на месте, явно оскорблённый.

– *Это тоже Пожиратель Смерти!* – выдохнул Грипхук, и Гарри сдвинулся чуть вбок, чтобы повторить эту информацию Гермионе в ухо.

– Я всего лишь хотел поприветствовать вас, – прохладно произнёс Трэверс, – но если моё присутствие нежелательно...

Теперь Гарри узнал этот голос: Трэверс был одним из Пожирателей Смерти, вызванных к дому Ксенофилиуса.

– Нет, нет, нисколько, Трэверс, – быстро ответила Гермиона, стараясь сгладить свою ошибку. – Как у тебя дела?

– Ну, должен признаться, я удивлён видеть вас на свободе, Беллатрикс.

– Правда? Почему же? – спросила Гермиона.

– Ну, – Трэверс прокашлялся, – я *слышал*, что обитателям особняка Малфоев запрещено покидать дом после... э... *побега*.

Гарри мысленно умолял Гермиону не терять головы. Если это было правдой и Беллатрикс не должна была находиться вне дома на публике...

– Тёмный Лорд прощает тех, кто наиболее верно служил ему ранее, – сказала Гермиона, великолепно имитируя самую презрительную манеру речи Беллатрикс. – Возможно, твои заслуги перед ним не столь велики, как мои, Трэверс.

Хотя Пожиратель Смерти явно был оскорблён, его подозрительность также, похоже, уменьшилась. Он глянул вниз на человека, которого только что оглушил Рон.

– Как *это* вас оскорбило?

– Не имеет значения, оно больше так не сделает, – прохладно ответила Гермиона.

– Некоторые из этих Беспалочных могут доставлять неприятности, – сказал Трэверс. – Когда они ничего не делают, а только просят, я не возражаю, но одна из них неделю назад на полном серьёзе просила меня пересмотреть её дело в Министерстве. *«Я ведьма, сэр, я ведьма, позвольте доказать вам!»* – писклявым голосом изобразил он. – Как будто я собирался дать ей

мою волшебную палочку... А чью палочку, – с любопытством поинтересовался Трэверс, – вы сейчас используете, Беллатрикс? Я слышал, вашу палочку...

– Моя волшебная палочка при мне, – холодно ответила Гермиона, приподняв палочку Беллатрикс. – Не знаю, какие именно сплетни ты слушаешь, Трэверс, но ты, похоже, плохо информирован.

Трэверс, похоже, был в некотором замешательстве, и тогда он повернулся к Рону.

– Кто ваш друг? Я его не узнаю.

– Это Драгомир Деспард, – ответила Гермиона: они решили, что липовый иностранец был самым безопасным прикрытием для Рона. – Он мало говорит по-английски, но он сочувствует целям Тёмного Лорда. Он прибыл сюда из Трансильвании, чтобы познакомиться с нашим новым режимом.

– Правда? Здравствуйте, Драгомир!

– Здравст, – ответил Рон, протягивая руку.

Трэверс протянул два пальца и пожал руку Рона, словно боясь испачкаться.

– Так что привело вас и вашего... э... сочувствующего друга в Косой переулок в такую рань? – поинтересовался Трэверс.

– Мне надо посетить Гринготтс.

– Увы, мне тоже, – произнёс Трэверс. – Золото, грязное золото! Мы не можем жить без него, и в то же время, должен признаться, терпеть не могу болтаться вместе с нашими длиннопалыми друзьями.

Гарри ощутил, как сомкнутые руки Грипхука на мгновение сжались вокруг его шеи.

– Пойдёмте? – Трэверс жестом руки пригласил Гермиону вперёд.

У Гермионы не было выбора, кроме как зашагать рядом с ним по булыжной мостовой изгибающейся улицы туда, где над маленькими магазинчиками возвышался снежно-белый Гринготтс. Рон двинулся сбоку от них, Гарри с Грипхуком следовали сзади.

Наблюдательный Пожиратель Смерти был последним, в чём они нуждались; а самое плохое было то, что, поскольку Трэверс шагал, как он считал, рядом с Беллатрикс, Гарри был лишён возможности общаться с Гермионой или Роном. Быстро, слишком быстро прибыли они к подножию мраморной лестницы, ведущей к огромным бронзовым дверям. Как уже предупредил их Грипхук, гоблины в ливреях, стоявшие обычно по бокам прохода, были заменены двумя колдунами, каждый из которых сжимал в руках длинный, тонкий золотой стержень.

– А, Датчики Честности⁷⁵, – наигранно вздохнул Трэверс, – как грубо – но эффективно!

И он двинулся вверх по ступеням, кивнув в обе стороны колдунам; те подняли золотые стержни и провели ими вверх-вниз вдоль его тела. Датчики, знал Гарри, засекали маскирующие заклинания и скрытые магические объекты. Зная, что у него остались считанные секунды, Гарри навёл волшебную палочку Дрэйко на обоих стражей по очереди и дважды прошептал «*Confundo*». Незаметно для Трэверса, смотрящего сквозь бронзовые двери во внутренний зал, оба стража чуть дёрнулись, когда заклинания настигли их.

⁷⁵ Probity Probes, дословный перевод

Длинные чёрные волосы Гермионы волной взметнулись за её спиной, когда она взошла по ступеням.

– Одну минутку, мадам, – произнёс страж, поднимая Датчик.

– Но вы это только что сделали! – высокомерным, приказывающим голосом Беллатрикс произнесла Гермиона. Трэверс оглянулся, подняв брови. Страж был смущён. Он уставился на тонкий золотой Датчик, затем на своего напарника, который сказал слегка озадаченным тоном:

– Ага, ты их только что проверил, Мариус.

Гермиона решительно прошла вперёд, Рон рядом с ней. Гарри с Грипхуком на шее незримо семенил за ними. Гарри глянул назад, когда они пересекли порог: оба колдуна чесали затылки.

Два гоблина стояли перед внутренними дверями, сделанными из серебра и увенчанными стихотворным предупреждением об ужасном возмездии, ожидающем потенциальных воров. Гарри взглянул на эту надпись, и внезапно его словно ножом прошило воспоминание: он стоит на этом самом месте в тот день, когда ему исполнилось одиннадцать, в самый удивительный день рождения в его жизни, и Хагрид рядом с ним говорит: *«Я ж те говорил, надо психом быть, шоб попытаться его ограбить»*. Гринготтс в тот день казался удивительнейшим местом, заколдованным хранилищем горы золота, об обладании которой он никогда не знал, и никогда, ни на мгновение, даже во сне он не мог бы тогда предположить, что он вернётся сюда, чтобы украсть... Через несколько секунд они уже стояли в огромном мраморном зале банка.

За длинной стойкой на высоких стульях сидели гоблины, обслуживая первых клиентов нового дня. Гермиона, Рон и Трэверс направились к старому гоблину, изучавшему сквозь лупу толстую золотую монету. Гермиона позволила Трэверсу идти впереди под тем предлогом, что ей надо объяснить Рону устройство зала.

Гоблин отложил в сторону монету, сказал, не обращаясь ни к кому конкретно: «лепреконское» – после чего поприветствовал Трэверса. Тот протянул крохотный золотой ключ; ключ был рассмотрен и возвращён обратно.

Гермиона шагнула вперёд.

– Мадам Лестрэйндж! – воскликнул гоблин, явно изумлённый. – Чтоб меня! Чем... чем могу служить сегодня?

– Я желаю попасть в своё хранилище, – ответила Гермиона.

Старый гоблин слегка отёрнулся. Гарри глянул по сторонам. Теперь не только Трэверс, шагнув назад, наблюдал за ними, но также несколько гоблинов оторвались от своей работы и уставились на Гермиону.

– У вас есть... идентификатор? – спросил гоблин.

– Идентификатор? Меня... меня никогда раньше не спрашивали ни о каком идентификаторе!

– Они знают! – прошептал Грипхук в ухо Гарри. – Их наверняка предупредили, что у них может появиться двойник!

– Вашей волшебной палочки будет достаточно, мадам, – произнёс гoblin. Он протянул слегка дрожащую руку, и Гарри охватило ужасное чувство осознания: гoblin в Гринготтсе знают, что волшебную палочку Беллатрикс украла.

– *Действуй, сейчас же!* – прошептал Гринпук в Гаррино ухо, – *проклятие Империи!*

Гарри под плащом поднял боярышниковую палочку, навёл её на старого гoblinа и шепнул, впервые за всю свою жизнь: «*Imperio!*»

Любопытное ощущение прошло Гаррину руку – чувство щекочущей теплоты, исходящей, казалось, из его головы, проходящей через сухожилия и сосуды, соединяющие её с волшебной палочкой и с проклятием, которое она только что произвела. Goblin взял волшебную палочку Беллатрикс, тщательно её осмотрел и сказал:

– А, вам сделали новую волшебную палочку, мадам Лестрэндж!

– Что? – переспросила Гермиона. – Нет, нет, это моя...

– Новая палочка? – повторил Трэверс, вновь подходя к стойке; гoblinы по бокам по-прежнему наблюдали. – Но как такое могло быть, каким изготовителем вы воспользовались?

Гарри действовал не раздумывая: наведя волшебную палочку на Трэверса, он вторично шепнул: «*Imperio!*»

– О да, я вижу, – произнёс Трэверс, глядя на палочку Беллатрикс. – Да, очень красивая. И как она работает, нормально? Я всегда думал, что новые палочки надо слегка разработать, а вы?

Гермиона явно была в полном недоумении, но, к огромному облегчению Гарри, приняла невообразимый поворот событий без комментариев.

Старый гoblin за стойкой хлопнул в ладоши, и к нему подошёл другой, более молодой.

– Мне понадобятся Гремельца⁷⁶, – сказал он молодому; тот умчался прочь и тотчас вернулся, неся кожаную сумку, наполненную, судя по звяканью, какими-то металлическими предметами. Сумку он протянул старшему гoblinу.

– Отлично, отлично! Значит, если вы последуете за мной, мадам Лестрэндж, – заявил старый гoblin, спрыгивая со стула и пропадая из виду, – я доставлю вас к вашему хранилищу.

Он появился вновь, огибая край стойки, радостно направляясь к ним навстречу; содержимое его сумки по-прежнему звякало. Трэверс стоял теперь совершенно неподвижно, раскрыв рот. Рон привлекал всеобщее внимание к странному феномену тем, что сконфуженно рассматривал Трэверса.

– Подожди – Богрод!

Другой гoblin выбежал из-за стойки.

– У нас есть инструкции, – произнёс он, поклонившись Гермионе. – Простите меня, мадам Лестрэндж, но у нас есть специальные приказы касательно хранилища Лестрэнджей.

Он что-то настойчиво зашептал в ухо Богроду, но находящийся под Империем гoblin оборвал его.

– Я знаю инструкции. Мадам Лестрэндж желает посетить своё хранилище... Весьма древнее семейство... Старые клиенты... Сюда, пожалуйста...

⁷⁶ Clankers. To clank – бряцать, греметь.

И, по-прежнему бренча сумкой, он поспешил к одной из многочисленных дверей, ведущих из зала. Гарри оглянулся на Трэверса, по-прежнему стоявшего как истукан с аномально отсутствующим видом, и принял решение: дёрнув палочкой, он заставил Трэверса пойти с ними; тот послушно запагал за ними по пятам. Всей группой они дошли до двери и прошли в каменный проход с неровным полом и стенами, залитый светом горящих факелов.

– У нас проблемы, они подозревают, – произнёс Гарри, едва дверь захлопнулась у них за спиной, и стянул плащ-невидимку. Грипхук спрыгнул с его плеч; ни Трэверс, ни Богрод не выказали ни малейшего удивления внезапному появлению Гарри Поттера совсем рядом с ними. – Они под Имперкусом, – добавил он в ответ на сконфуженные вопросы Рона и Гермионы касательно Трэверса и Богрода (оба стояли рядом с совершенно пустыми лицами). – Не думаю, что он получился достаточно сильным, я не знаю...

И ещё одно воспоминание метнулось в его мозг – воспоминание о настоящей Беллатрикс Лестрэндж, кричащей ему, когда он впервые попытался применить Непростительное проклятие: *«Ты должен хотеть этого, Поттер!»*

– Что нам делать? – спросил Рон. – Может, выберемся сейчас, пока ещё можем?

– *Если* мы можем, – поправила Гермиона, оглядываясь на дверь в главный зал, за которой кто знает, что происходило.

– Сюда мы уже дошли – я за то, чтобы продолжать, – сказал Гарри.

– Отлично! – воскликнул Грипхук. – Значит, нам нужно, чтобы Богрод управлял вагонеткой; у меня более нет этого права. Но для колдуна там места не будет.

Гарри навёл волшебную палочку на Трэверса.

– *Imperio!*

Колдун развернулся и быстренько побежал вдоль тёмных рельсов.

– Что ты заставил его сделать?

– Спрятаться, – Гарри навёл палочку на Богрода; тот свистом подозвал маленькую вагонетку, которая вынырнула из темноты им навстречу, гремя по рельсам. Гарри был уверен, что слышит крики в главном зале у них за спиной, когда они все забрались в вагонетку, Богрод вместе с Грипхуком впереди, Гарри, Рон и Гермиона вместе втиснулись сзади.

Вагонетка дёрнулась и покатила, набирая скорость; они пронеслись мимо Трэверса, пытающегося протиснуться сквозь щель в стене, затем вагонетка принялась выписывать петли и виражи в лабиринтоподобных коридорах, катясь всё время под горку. За лязгом вагонетки о рельсы Гарри не слышал ничего; его волосы отнесло назад; вагонетка катилась зигзагами между сталактитов, неслась всё глубже и глубже под землю. Тем не менее Гарри не переставал иногда оглядываться назад. С таким же успехом они могли оставлять за собой огромные следы; чем больше он об этом думал, тем более дурацким казался план представить Гермиону как Беллатрикс, взять Беллатриксину волшебную палочку, когда Пожиратели Смерти знали, кто её украл...

Они были глубже, чем Гарри когда-либо бывал в Гринготтсе; они на скорости прошли стовосьмидесятиградусный поворот и увидели в нескольких секундах впереди себя водопад, изливающийся прямо на рельсы. Гарри услышал, как Грипхук вопит: «Нет!» – но затормозить было невозможно, они просвистели сквозь водяную стену. Вода наполнила Гаррины глаза и

рот, он не мог ни видеть, ни дышать; затем вагонетка страшно дёрнулась и опрокинулась, катапультировав из себя всех. Гарри услышал, как вагонетка разлетелась вдребезги о стену коридора, как Гермиона что-то кричит, и ощутил, как он скользит обратно к земле, словно он невесом, и совершенно безболезненно приземляется на каменный пол.

– П-подушковые чары, – выдавила Гермиона, пока Рон поднимал её на ноги; но, к Гарриному ужасу, он увидел, что она не была более Беллатрикс; она стояла в не по росту большой мантии, абсолютно мокрая и абсолютно Гермиона; Рон снова стал рыжеволосым и безбородым. Они соображали всё это, глядя друг на друга и ощущая собственные лица.

– Это Воропад⁷⁷! – воскликнул Грипхук, с трудом поднимаясь на ноги и оглядываясь назад, на поток воды, низвергающийся на рельсы. – Он смывает все заклинания, всю магическую маскировку! Они знают, что в Гринготтсе чужие, они включили защиту против нас!

Гарри увидел, как Гермиона проверяет, при ней ли бисерная сумочка, и сам поспешно сунул руку под куртку, дабы удостовериться, что он не потерял плащ-невидимку. Затем, повернувшись, он увидел, как Богрод изумлённо трясёт головой: похоже, Воропад смыл с него проклятие Импернус.

– Он нам нужен, – сказал Грипхук, – мы не можем войти в хранилище без гринготтского гоблина. И нам нужны Гремельца!

– *Imperio!* – вновь произнёс Гарри; его голос разнёсся по каменному туннелю, в то время как он вновь ощутил чувство пьянящего контроля, проплывшее от мозга к палочке. Богрод вновь подчинился его воле, его одурманенное выражение лица сменилось вежливо-безразличным. Рон поспешил подобрать кожаную сумку с металлическими устройствами.

– Гарри, по-моему, я слышу, как сюда идут! – сказала Гермиона. Она навела волшебную палочку Беллатрикс на водопад и воскликнула: «*Protego!*» Они увидели, как Щитовые чары разорвали поток заколдованной воды, и он унёсся вверх по тоннелю.

– Отлично придумано, – похвалил Гарри. – Веди нас, Грипхук!

– Как мы будем выбираться? – спросил Рон, когда они пешком устремились за гоблином; Богрод мчался последним, пытаясь, как старый пёс.

– Давай думать об этом, когда понадобится, – ответил Гарри. Он пытался прислушиваться: ему показалось, что он слышит, как что-то лязгает и движется где-то поблизости. – Грипхук, сколько ещё идти?

– Недалеко, Гарри Поттер, недалеко...

И тут они свернули за угол и увидели то, к чему Гарри был готов, но что всё-таки заставило их резко остановиться.

Гигантский дракон был привязан к земле прямо перед ними, загораживая проход к четырем или пяти самым глубоким хранилищам банка. За время долгого заточения под землёй чешуйки зверя стали бледными и хрупкими; глаза его были молочно-розового цвета. На обеих задних ногах были тяжёлые оковы, цепи от которых вели к огромным крючьям, вбитым глубоко в каменный пол. Огромные шипастые крылья, прижатые сейчас к самому телу, могли бы заполнить всё помещение, если бы он их развернул. Дракон повернул свою

⁷⁷ The Thief's Downfall. Дословно – «падение вора». Игра слов: Downfall похоже на Waterfall – «водопад».

уродливую голову в сторону вошедших и взревел, заставив камень задрожать, после чего открыл пасть и выплюнул струю огня, вынудившую их ретироваться обратно в проход.

– Он отчасти слепой, – пропыхтел Грипхук, – но из-за этого только более злобный. Однако у нас есть способы им управлять. Он знает, чего ожидать, когда появляются Гремельца. Дайте их мне.

Рон передал сумку Грипхуку, и гоблин извлёк оттуда набор маленьких металлических инструментов, который, если его потрясти, издавал громкий звенящий звук, словно миниатюрные молоточки били по наковальням. Грипхук протянул их Богроду, тот послушно принял.

– Вы знаете, что делать, – сказал Грипхук Гарри, Рону и Гермионе. – Он будет ждать боли, когда услышит звук; он отступит, и тогда Богрод должен будет положить ладонь на дверь хранилища.

Они снова вышли из-за угла, тряся Гремельцами, и звон отразился от каменных стен, усилившись при этом, так что у Гарри словно завибрировало под черепом. Дракон испустил ещё один хриплый рык, после чего отошёл. Гарри видел, что он дрожит, а когда они подошли поближе, он заметил на драконьей морде шрамы, оставшиеся от жестоких ударов. Гарри понял, что дракона приучили бояться раскалённых мечей, следующих за звоном Гремелец.

– Заставь его прижать ладонь к двери! – поторопил Грипхук, и Гарри вновь навёл волшебную палочку на Богрода. Старый гоблин подчинился, прижал ладонь к дереву, и дверь хранилища растворилась в воздухе, открыв пещероподобное пространство, забитое от пола до потолка золотыми монетами и кубками, серебряными доспехами, шкурами странных созданий (некоторые с длинными костяными гребнями, другие со свисающими крыльями), зельями в украшенных самоцветами сосудах и одним черепом в короне.

– Ищем, быстро! – воскликнул Гарри, когда они все вбежали внутрь хранилища.

Он детально описал кубок Хаффлапфа Рону и Гермионе, но если в этом хранилище находился другой, неизвестный Хоркракс, то он не знал, на что он может быть похож. Однако едва Гарри успел глянуть по сторонам, как позади них раздалось приглушённое клацанье: дверь появилась вновь, заперев их в хранилище, и они погрузились в кромешную тьму.

– Неважно, Богрод сможет нас выпустить! – произнёс Грипхук в ответ на удивлённый возглас Рона. – Зажечь палочки, надеюсь, можете? И поторопитесь, у нас очень мало времени!

– *Lumos!*

Гарри осветил своей зажжённой палочкой пространство хранилища: свет падал на сверкающие ожерелья, Гарри увидел поддельный меч Гриффиндора, лежащий на высокой полке среди груды цепей. Рон и Гермиона тоже зажгли свои волшебные палочки и теперь рассматривали кучи различных предметов вокруг себя.

– Гарри, это не?.. Ааах!

Гермиона вскрикнула от боли, и Гарри повернул волшебную палочку в её сторону как раз вовремя, чтобы заметить украшенный драгоценными камнями кубок, вываливающийся из

её руки; но едва он упал, как тотчас разделился и превратился в целый поток кубков. Секундой позже раздался страшный звон, и весь пол был завален идентичными кубками, катившимися во все стороны; оригинал среди них найти было невозможно.

– Он меня обжёт! – простонала Гермиона, засовывая в рот покрасневшие пальцы.

– Они добавили проклятия Джемино и Флагрэнтэ! – воскликнул Грипхук. – Всё, до чего вы дотронетесь, будет обжигать и умножаться, но копии бесполезны – и если вы продолжите хватать всё руками, то в конце концов будете раздавлены весом золота!

– Так, ничего не касаемся, – в отчаянии произнёс Гарри, но в этот же самый момент Рон нечаянно пихнул ногой один из упавших кубков, и рядом возникло два десятка новых, в то время как Рон прыгал на одной ноге – часть его ботинка сгорела при контакте с горячим металлом.

– Стой на месте, не шевелись! – Гермиона вцепилась в Рона.

– Просто осматривайтесь! – сказал Гарри. – Помните, кубок маленький и золотой, на нём изображение барсука, две ручки – или смотрите, не видно ли где символа Рэйвенкло, орла...

Осторожно поворачиваясь на месте, они направляли свои волшебные палочки в каждую щель, в каждый укромный уголок. Совсем ничего не касаться оказалось невозможно; Гарри послал на землю кучу фальшивых галлеонов, где они присоединились к кубкам, и теперь на полу едва оставалось место, куда можно было бы поставить ногу, и от сверкающего золота исходил жар, так что вскоре хранилище превратилось в настоящую печь. Луч света Гарриной палочки проходил по щитам и гоблинским шлемам на полках, уходящих вверх до самого потолка. Всё выше и выше он поднимал луч, пока вдруг он не наткнулся на предмет, при виде которого Гаррино сердце дало сбой, а рука задрожала.

– *Он здесь, здесь наверху!*

Рон и Гермиона также навели на него свои волшебные палочки, так что маленький золотой кубок заискрился под тремя лучами – кубок, принадлежавший Хельге Хаффлапф и перешедший позже во владение Эпзибы Смит, у которой его украл Том Риддл.

– Ну и как, чёрт подери, мы туда залезем, ни до чего не дотрагиваясь? – поинтересовался Рон.

– *Accio кубок!* – воскликнула Гермиона, в своём отчаянии, очевидно, забывшая, о чём ей говорил Грипхук во время составления планов.

– Бесполезно, бесполезно, – прорычал гoblin.

– Тогда что нам делать? – спросил Гарри, уставившись на гоблина. – Если ты хочешь получить меч, Грипхук, тебе придётся нам помочь больше, чем... Погоди-ка! Могу я касаться вещей мечом? Гермиона, дай его сюда!

Гермиона пошарила внутри своей мантии, достала бисерную сумочку, покопалась в ней несколько секунд и извлекла сверкающий меч. Гарри ухватил его за украшенную рубинами рукоять и дотронулся кончиком клинка до стоящего поблизости серебряного дракона – тот не размножился.

– Если только я смогу просунуть меч через ручку... Но как мне туда подняться?

Полка, на которой стоял кубок, висела слишком высоко для любого из них, даже для Рона, который был выше всех. Жар от зачарованных сокровищ поднимался волнами, и пот бежал по лицу и спине Гарри, пока он изо всех сил пытался придумать способ добраться до кубка; и вдруг он услышал по ту сторону двери хранилища рёв дракона и всё более и более громкое звяканье.

Теперь они точно были в ловушке: выхода, кроме как через дверь, не было, а с той стороны, похоже, приближалась туча гоблинов. Гарри взглянул на Рона и Гермиону и увидел страх на их лицах.

– Гермиона, – произнёс Гарри сквозь приближающееся звяканье, – я должен туда добраться, мы должны избавиться от него...

Она подняла волшебную палочку, навела её на Гарри и прошептала: «*Levicorpus*».

Подвешенный в воздухе за лодыжку, Гарри ударился о доспех, и копии посыпались вниз, словно добела раскалённые тела. Рон, Гермиона и оба гоблина с криками боли отлетели в сторону и врезались в другие предметы, тоже начавшие размножаться. Полупогребённые в растущей горе красного от жара золота, они дёргались и кричали, в то время как Гарри ткнул мечом в ручку кубка Хаффлпаффа, подвесив его на клинке.

– *Impervius!* – не своим голосом проклекотала Гермиона в попытке защитить себя, Рона и гоблинов от раскалённого металла.

Затем ещё более страшный крик заставил Гарри посмотреть вниз: Рон и Гермиона, стоя по пояс в драгоценностях, всячески пытались не дать Богроду исчезнуть под растущей грудой, но Грипхук исчез из виду, и лишь кончики длинных пальцев оставались на поверхности. Гарри ухватил Грипхука за пальцы и потянул. Обожжённый гоблин, воя, постепенно поднялся на поверхность.

– *Liberacorpus!* – крикнул Гарри, и со страшным грохотом он и Грипхук приземлились на распухающую поверхность сокровищ. Меч вырвался из Гарриной руки.

– Возьмите его! – взревел Гарри, борясь с болью от горячего металла на своей коже; Грипхук вновь вскарабкался ему на плечи, твёрдо намеренный избежать нового контакта с растущей массой докрасна раскалённых предметов. – Где меч? На нём кубок!

Звяканье с той стороны двери становилось оглушающим... Было слишком поздно...

– Здесь!

Первым его увидел Грипхук, и именно Грипхук прыгнул, и в это мгновение Гарри понял, что гоблин с самого начала не рассчитывал, что они сдержат слово. Крепко держась одной рукой за Гаррины волосы, чтобы избежать падения в море обжигающего золота, Грипхук вцепился в рукоять меча и поднял его высоко вверх, так чтобы Гарри не смог дотянуться.

Маленький золотой кубок, ручка которого была пронзена клинком меча Гриффиндора, взмыл в воздух. По-прежнему осёдланный гоблином, Гарри в отчаянном броске поймал его, и хотя он ощущал, как кубок обжигает его плоть, он его не выпустил; бессчётные кубки Хаффлпаффа вырвались из Гарриного кулака, поливая его словно дождём. В этот момент вход в хранилище открылся вновь, и Гарри, Рон и Гермиона вместе с всё усиливающейся лавиной пылающего золота и серебра были вынесены во внешнюю камеру.

Едва ощущая боль от ожогов, покрывающих всё его тело, по-прежнему несомый потоком размножающихся драгоценностей, Гарри засунул кубок себе в карман и потянулся, чтобы забрать меч, но Грипхук исчез. Соскользнув с Гарриных плеч при первой же возможности, он рванул под прикрытие окружающих их гоблинов, размахивая мечом и вопя: «Воры! Воры! На помощь! Воры!» Он исчез в гуще наступающей толпы, вооружённой кинжалами и принявшей его без вопросов.

Оскальзываясь на горячем металле, Гарри с трудом поднялся на ноги и понял, что единственный путь наружу лежал через толпу.

– *Stupefy!* – проревел он, и Рон с Гермионой последовали его примеру; струи красного света устремились в толпу гоблинов, и несколько их упало, но прочие наступали, и Гарри увидел, как из-за угла выскакивают несколько стражей-колдунов.

Привязанный дракон испустил рык, и язык пламени пролетел над головами гоблинов; колдуны ретировались туда, откуда появились. В этот момент то ли озарение, то ли безумие охватило Гарри. Наведя волшебную палочку на громадные оковы, удерживающие зверя на полу, он крикнул: «*Relashio!*»

Оковы раскрылись и с громким звоном упали на пол.

– Сюда! – заорал Гарри и, продолжая посылать оглушающие заклятья в наступающих гоблинов, рванулся к слепому дракону.

– Гарри – Гарри – что ты делаешь? – прокричала Гермиона.

– Сюда, наверх, лезьте быстрее...

Дракон не осознал пока, что он свободен; Гарри ступня нашла изгиб задней ноги зверя, и он вскарабкался ему на спину. Чешуя была тверда, как сталь; дракон его, похоже, и не почувствовал. Гарри протянул руку; Гермиона взобралась наверх; Рон поднялся вслед за ними, и в следующую секунду дракон понял, что он более не связан.

Издав страшный рёв, он поднялся на дыбы; Гарри впился в него коленями, изо всех сил держась за иззубренную чешую. Крылья распахнулись, отшвыривая в сторону вопящих гоблинов, словно кегли, и дракон взмыл в воздух. Гарри, Рон и Гермиона, распластавшиеся у него на спине, задели за потолок, когда дракон нырнул вниз, к входу в тоннель; преследующие его гоблины метали кинжалы, но те отскакивали от драконьих боков.

– Мы не выберемся, он слишком большой! – вскричала Гермиона, но дракон открыл пасть и снова выплюнул пламя в туннель, пол и потолок которого тотчас покрылись трещинами и начали рассыпаться. Дракон грубой силой пробивал себе путь наружу. Гарри плотно зажмурил глаза от пыли и жара; оглушённый грохотом камней и драконьим рёвом, он мог лишь продолжать цепляться за чешуйчатую спину, ожидая, что в любой момент может быть сброшен; затем он услышал, как Гермиона кричит: «*Defodio!*»

Она помогала дракону расширять проход, вырезая камни из потолка, пока зверь, борясь, продвигался вперёд, навстречу свежему воздуху, прочь от вопящих и гремящих гоблинов; Гарри и Рон последовали её примеру, разнося потолок своими рассекающими заклинаниями. Они преодолели подземное озеро, и огромный рычащий зверь словно почуял впереди свободу и простор. Проход позади был полон бьющегося, шипастого драконьего хвоста, и огромных кусков камня, и гигантских треснувших сталактитов; звяканье гоблинов, кажется,

становилось всё более приглушённым, а впереди драконий огонь продолжал расчищать им дорогу...

И вот, наконец, объединив мощь своих заклинаний и грубую силу дракона, они пробились из коридора в мраморный зал. Гоблины и колдуны, вопя, разбежались в поисках укрытий, и наконец-то дракон смог расправить крылья. Повернув рогатую голову в сторону прохладного воздуха, который он чувствовал за входом, он взлетел и вместе с Гарри, Роном и Гермионой, по-прежнему прижимавшимися к его спине, прорвался сквозь металлические двери, оставив их искорёженными, погнутыми, болтающимися на петлях, после чего выбрался в Косой переулок и взмыл в небо.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ТАЙНИК

Управлять не было ни малейшей возможности; дракон не мог видеть, куда он летит, и Гарри знал, что если он резко повернёт или перевернётся в воздухе кверху брюхом, то они не смогут удержаться на его широкой спине. Несмотря на это, пока они взлетали всё выше и выше и Лондон разворачивался под ними серо-зелёной картой, Гарри был переполнен чувством признательности за их бегство, казавшееся невозможным. Пригнувшись к шее зверя, он крепко держался за металлоподобные чешуйки, и прохладный ветер обдувал его обожжённую кожу; крылья дракона молотили воздух, как лопасти водяного колеса. За Гарриной спиной Рон, то ли от восторга, то ли от страха, не переставая ругался во весь голос; Гермиона, кажется, всхлипывала.

Минут через пять Гарриин страх, что дракон вот-вот их скинет, поутих, ибо зверь явно сосредоточился на том, чтобы убраться от своей подземной тюрьмы как можно дальше, но в то же время вопрос, как и когда они собираются слезать, оставался несколько пугающим. У него не было ни малейшего представления ни о том, как долго драконы могут летать не приземляясь, ни о том, как данный конкретный дракон, едва способный видеть, найдёт подходящее место, куда мог бы опуститься. Он постоянно поглядывал по сторонам, ему казалось, что шрам снова начало покалывать...

Сколько времени пройдёт, прежде чем Волдеморт узнает, что они вломились в хранилище Лестрэнджей? Как скоро гоблины Гринготтса известят Беллатрикс? Насколько быстро они поймут, что именно было взято? И что будет потом, когда они обнаружат, что не хватает золотого кубка? Волдеморт наконец-то узнает, что они охотятся за Хоркраксами...

Дракон, похоже, жаждал более прохладного и свежего воздуха: он поднимался вверх, пока они не полетели сквозь пряди холодных облаков; Гарри не мог более различать внизу маленьких разноцветных точек, которые были машинами, сновавшими в столицу и из неё. Всё дальше и дальше они летели над землёй, состоящей из зелёных и коричневых заплаток, над дорогами и реками, выющимися по ландшафту, словно куски матовых и глянцевых лент.

— Как думаете, что он ищет? — прокричал Рон, в то время как дракон нёсся всё дальше на север.

— Без понятия, — крикнул Гарри в ответ. Его руки задубели от холода, но он не решался попытаться перехватиться поудобнее. Некоторое время он раздумывал, что им делать, если они увидят под собой берег, если дракон направится в открытое море. Он весь закоченел, не говоря уж о том, что ему отчаянно хотелось есть и пить. Сам-то зверь, дивился про себя Гарри, когда в последний раз ел? Наверняка очень скоро ему понадобится подкрепиться? И что если в этот момент он осознает, что на спине у него сидят три в высшей степени съедобных человека?

Солнце начало опускаться, небо постепенно приобретало индиговый оттенок; а дракон всё летел, крупные и мелкие города скользили назад у них под ногами, колоссальная тень

дракона плыла по земле подобно огромному тёмному облаку. Всё Гаррино тело отчаянно болело в попытках удержаться на драконьей спине.

– Это мне кажется, – крикнул Рон после весьма продолжительного периода молчания, – или мы на самом деле теряем высоту?

Гарри глянул вниз и увидел горы глубокого зелёного цвета и бронзовые от заката озёра. Ландшафт, казалось, становился более детальным, когда Гарри посмотрел вниз вдоль драконьего бока. Он подивился, не угадал ли дракон наличие свежей воды по вспышкам отражённого солнечного света.

Дракон опускался всё ниже и ниже, описывая огромную спираль, сходящуюся, похоже, к одному из небольших озёр.

– Предлагаю прыгнуть, когда он будет достаточно низко! – крикнул Гарри своим спутникам. – Прямо в воду, прежде чем он поймёт, что мы здесь!

Они согласились, хотя Гермiona – несколько испуганно; и вот уже Гарри мог разглядеть широкое жёлтое драконье брюхо, отражающееся в покрытой рябью водной поверхности.

– ПОШЛИ!

Он скользнул вдоль бока дракона и рухнул ногами вниз в озеро; высота была больше, чем он оценил, и он жёстко врезался в воду, камнем войдя в холодный, зелёный, камышовый мир. Он толкнулся ногами, устремляясь к поверхности, и вырвался, глотая воздух ртом. Огромные волны расходились кругами от тех мест, где упали Рон и Гермiona. Дракон, похоже, ничего не заметил: он был уже в пятидесяти футах, низко летя над озером, чтобы зачерпнуть воды своей покрытой шрамами мордой. Когда Рон и Гермiona вынырнули из глубины, отплёвываясь и глотая воздух, дракон уже летел дальше, молотя крыльями, пока не приземлился наконец на дальнем берегу.

Гарри, Рон и Гермiona устремились к противоположному от дракона берегу. Озеро явно было неглубоким; скоро они уже не столько плыли, сколько пробивались сквозь грязь и заросли камыша; и наконец они плюхнулись, вымокшие, измотанные и тяжело дышащие, на скользкую траву.

Гермiona свалилась, капляя и дрожа. Хотя Гарри с удовольствием бы упал и заснул на месте, всё же он заставил себя встать, извлёк волшебную палочку и принялся накладывать вокруг них обычный набор защитных заклинаний.

Закончив, он присоединился к остальным. Впервые после бегства из сокровищницы он смог как следует их рассмотреть. Лица и руки Рона и Гермiony были сплошь покрыты злыми красными ожогами, одежда во многих местах была прожжена. Они вздрагивали от боли всякий раз, когда наносили настойку ясенца на очередную из своих многочисленных ран. Гермiona подала Гарри пузырёк, после чего вынула из бисерной сумочки три бутылки тыквенного сока, которые она взяла в Ракушечном Коттедже, и чистые сухие мантии для каждого из них. Они переоделись и стали жадно глотать сок.

– Что ж, хорошая новость, – произнёс наконец Рон, сидевший на траве и наблюдавший, как зарастают кожей ожоги на его ладонях, – мы достали Хоркракс. Плохая новость...

– ...мы без меча, – процедил Гарри сквозь стиснутые зубы, капая ясенцем сквозь прожжённую дырку в джинсах на ожог под ней.

– Мы без меча, – повторил Рон. – Этот маленький подлый надувала...

Гарри вытащил Хоркракс из кармана своей мокрой куртки, которую он только что снял, и поставил на траву перед ними. Сверкая под солнцем, кубок притягивал их взгляды, пока они пили свой сок.

– По крайней мере, теперь мы не можем его носить на себе, эта штука смотрелась бы малость странно у нас на шее, – сказал Рон, вытирая рот тыльной стороной ладони.

Гермиона посмотрела на противоположный берег озера, где дракон по-прежнему пил.

– Что с ним дальше будет, как вы думаете? – спросила она. – Будет всё нормально?

– Ты прямо как Хагрид, – ответил Рон. – Это дракон, Гермиона, он может за себя постоять. Нам о себе сейчас надо беспокоиться.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, не знаю, как тебе это покультурнее объяснить, – сказал Рон, – но мне кажется, что они, *возможно*, заметили, что мы вломились в Гринготтс.

Все трое начали хохотать, и, раз начав, уже не могли остановиться. Гаррины рёбра болели, от голода у него кружилась голова, но он откинулся спиной на траву под краснеющим небом и хохотал, пока у него не пересохло в глотке.

– И всё-таки, что мы собираемся делать? – спросила наконец Гермиона, наикавшись и посерьёзнев. – Он наверняка узнает, верно? Сами-Знаете-Кто узнает, что мы знаем о Хоркраксах!

– Может, они слишком боятся, чтобы ему рассказать? – с надеждой в голосе спросил Рон. – Может, они от него скроют...

Небо, запах озёрной воды, звук голоса Рона – всё исчезло: боль расколола Гаррину голову, как удар меча. Он стоял в тускло освещённой комнате, и несколько колдунов стояло полуколячом, глядя на него, и на полу склонилась к его ногам маленькая трясущаяся фигурка.

– Что ты мне сказал? – его голос был высоким и холодным, но ярость и страх кипели в нём. Случилось то, чего он страшился, – но это не могло быть правдой, он не видел, каким образом...

Гоблин дрожал, он не смел встретить устремлённый сверху взгляд красных глаз.

– Повтори, – прошептал Волдеморт. – *Повтори!*

– М-мой лорд, – заикаясь, проговорил гоблин, расширив свои чёрные глаза от ужаса, – м-мой лорд, мы п-пытались ос-становить их... ч-чужаков, мой лорд... Вломились... вломились в хранилище Л-лестрэйнджей...

– Чужаки? Что за чужаки? Я думал, у Гринготтса есть свои способы обнаружения чужаков? Кто это был?

– Это был... это был... м-мальчишка П-поттер и д-два сообщника...

– *И они взяли?* – спросил он, повысив голос, ощущая, как его охватывает ужасающий страх. – Говори! *Что они взяли?*

– М-маленький золотой к-кубок, м-мой лорд...

Вопль ярости и неверия вырвался из его горла, словно из чьего-то чужого; он был в безумии, в бешенстве, это не могло быть правдой, это было невозможно, никто никогда не знал – как такое могло быть, что мальчишке стала известна его тайна?

Бузиная палочка рассекала воздух, и зелёный свет озарил комнату, коленопреклоненный гoblin свалился замертво, стоящие перед ним колдуны в ужасе рассыпались; Беллатрикс и Люциус Малфой, отшвыривая прочих, метнулись к двери, и вновь и вновь его палочка падала, и все оставшиеся были уничтожены, все они, за то, что принесли ему эту новость, за то, что слышали про золотой кубок...

Один среди трупов, он стремительно шагал взад-вперёд, и они проносились перед его мысленным взором – его сокровища, его хранители, якоря, привязывающие его к бессмертию – дневник был уничтожен, а кубок украден; что если, *что если*, мальчишка знает и о других? Мог ли он знать, может быть, он уже действовал, может быть, он уже нашёл другие? Стоял ли Дамблдор за всем этим? Дамблдор, который всегда подозревал его, Дамблдор, убитый по его приказу, Дамблдор, чья волшебная палочка была теперь его, но который всё же дотянулся до него из своего позорного небытия через мальчишку, через *мальчишку*...

Но если бы мальчишка уничтожил какой-нибудь из его Хоркрасов, он, Лорд Волдеморт, наверняка должен был бы это узнать, почувствовать? Он, величайший колдун из всех, он, самый сильный, он, убивший Дамблдора и бессчётное число других бесполезных, безымянных людей – как мог Лорд Волдеморт не знать, если бы он сам, самый важный, самый ценный, был атакован, изувечен?

Верно, он не почувствовал, когда был уничтожен дневник, но он думал, это было из-за того, что у него не было тела, которое могло бы чувствовать, из-за того, что он был меньше чем призраком... Нет, конечно же, остальные были в безопасности... Прочие Хоркраксы наверняка остаются исправны...

Но он должен знать, он должен быть уверен... Он мерил шагами комнату, пиная в сторону труп гоблина, когда проходил мимо него, и смутные картины горели в его мозгу: озеро, и хижина, и Хогвартс...

Спокойные мысли теперь приглушили его ярость: откуда мог мальчишка знать, что он спрятал кольцо в хижине Гонта? Никто не знал даже о том, что он в родстве с Гонтами, он скрыл связь, убийства с ним так никто и не связал: кольцо, конечно же, было в безопасности.

И каким образом мог мальчишка или кто-либо другой узнать о пещере и проникнуть сквозь её защиту? Сама мысль о том, что медальон могли украсть, была абсурдна...

И касательно школы: он один знал, где в Хогвартсе он разместил Хоркрас, ибо он один проник в глубочайшие тайны этого места...

И ещё была Нагини, теперь она должна будет оставаться поблизости, под его защитой, более он не будет посылать её выполнять поручения...

Но чтобы быть уверенным, абсолютно уверенным, он должен вернуться к каждому из своих тайников, он должен удвоить защиту вокруг каждого из своих Хоркрасов... Эту работу, так же как поиск бузиной палочки, он должен выполнить один...

Который он должен посетить первым, который в наибольшей опасности? Старое опасение шевельнулось в нём. Дамблдор знал его среднее имя... Дамблдор мог обнаружить его связь с Гонтами... Их заброшенный дом был, возможно, наименее безопасным из его тайников, именно туда он и пойдёт первым...

Озеро, конечно невозможно... хотя оставалась маленькая вероятность, что Дамблдор через приют узнал о некоторых из его ранних преступлений.

И Хогвартс... Но он знал, что тамошний Хоркракс был в безопасности, Поттер не мог проникнуть даже в Хогсмид, оставшись необнаруженным, а уж тем более в школу. Тем не менее, выглядит разумным предупредить Снейпа, что мальчишка может попытаться проникнуть в замок... Говорить Снейпу, *зачем* мальчишка может вернуться, конечно, было бы глупостью; он совершил серьёзную ошибку, доверившись Беллатрикс и Малфою; не были ли их тупость и легкомыслие доказательством того, как неразумно когда-либо кому-либо доверять?

Значит, он посетит хибару Гонтов в первую очередь, и Нагини он возьмёт с собой: он более не будет расставаться со змеей. Приняв решение, он быстрыми шагами покинул комнату и прошёл через прихожую в сад, где играл фонтан; он позвал Нагини на Рассеязе, и она выползла и присоединилась к нему подобно длинной тени.

Гаррины глаза распахнулись, когда он с усилием вернулся в настоящее: он лежал на берегу озера, освещённый садящимся солнцем, и Рон с Гермионой склонились над ним. Судя по их обеспокоенному виду и по продолжающейся болезненной пульсации в шраме, Гарринова внезапная экскурсия в мозг Волдеморта не прошла незамеченной. Он с трудом поднялся на ноги, дрожа, испытывая слабое удивление от того, что он по-прежнему был мокр, и увидел маленький кубок, невинно лежащий в траве перед ним, и озеро, густо-синее с золотыми отблесками садящегося солнца.

— Он знает, — его собственный голос казался странным и низким после высоких криков Волдеморта. — Он знает, и он собирается проверить, где остальные, и последний из них спрятан, — он уже был на ногах, — в Хогвартсе. Я знал это. Я *знал*.

— Что?

Рон уставился на него; Гермиона с озабоченным видом поднялась на колени.

— Но что ты увидел? Откуда ты знаешь?

— Я видел, как он узнал про кубок, я... я был в его голове, он... — Гарри вспомнил убийства, — он серьёзно зол, и ещё он испуган, он не может понять, как мы узнали, а сейчас он собирается убедиться, что остальные в безопасности, кольцо в первую очередь. Он думает, что хогвартский в наибольшей безопасности, потому что там Снейп, потому что так трудно пролезть туда незамеченным, я думаю, его он проверит последним, но всё равно, он может быть там уже через несколько часов...

— Ты видел, где он в Хогвартсе? — спросил Рон, также поднимаясь на ноги.

— Нет, он был сосредоточен на том, чтобы предупредить Снейпа, он не думал о том, где именно он спрятан...

— Подождите, *подождите!* — закричала Гермиона, когда Рон подхватил Хоркракс, а Гарри вновь извлёк плащ-невидимку. — Мы не можем просто взять и *пойти*, у нас нет плана, нам нужно...

— Нам нужно идти, — твёрдо оборвал её Гарри. Он надеялся поспать, с нетерпением ждал, когда они войдут в новую палатку, но теперь это было невозможно. — Ты можешь себе

представить, что он сделает, как только поймёт, что кольца и медальона нет? Что если он заберёт хогвартский Хоркракс, если решит, что там он в недостаточной безопасности?

— Но как мы туда попадём?

— Мы пойдём в Хогсמיד, — ответил Гарри, — и попытаемся что-нибудь придумать, когда увидим, как защищена школа. Лезь под плащ, Гермиона, на этот раз я хочу держаться вместе.

— Но мы не влезем...

— Будет темно, никто не заметит наших ног.

Хлопанье гигантских крыльев разнеслось над чёрной водой: дракон утолил жажду и взмыл в воздух. Они прервали подготовку, чтобы понаблюдать, как он взмывает всё выше и выше, чёрный на фоне стремительно темнеющего неба, пока он не пропал за ближайшей горой. Затем Гермиона двинулась вперёд и заняла место между Гарри и Роном. Гарри потянул плащ вниз настолько далеко, насколько мог, и вместе они крутанулись, уносясь в давящую темноту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ПРОПАВШЕЕ ЗЕРКАЛО

Ноги Гарри коснулись дороги. Он увидел до боли знакомую Центральную улицу Хогсмид: тёмные фасады магазинов, очертания чёрных гор позади деревни, изгиб дороги, ведущей в сторону Хогвартса, свет, изливающийся из окон «Трёх метел», – и сердце Гарри сжалось, когда он вспомнил с пронзительной ясностью, как приземлился здесь же, почти год назад, поддерживая ужасающе слабого Дамблдора; всё это он вспомнил за секунду, пропешдшую после приземления, – и тут, едва он ослабил хватку рук Рона и Гермионы, это случилось.

Воздух разорвал вопль, похожий на крик Волдеморта, когда тот узнал, что кубок украли: он впился в каждый нерв Гарриного тела, и Гарри мгновенно понял, что это вызвано их появлением. Пока он глядел на своих спутников под плащом, дверь «Трёх метел» распахнулась и на улицу, держа волшебные палочки наготове, высыпало с дюжину закутанных в плащи с капюшонами Пожирателей Смерти.

Гарри схватил за запястье Рона, поднявшего свою палочку. Их было слишком много, чтобы оглушать; сама попытка выдаст их местонахождение. Один из Пожирателей Смерти взмахнул волшебной палочкой, и вопль оборвался, лишь эхо продолжало доходить от отдалённых гор.

– *Accio плащ!* – проревел один из Пожирателей Смерти.

Гарри ухватился за полы плаща, но тот не сделал попытки сбежать: Манящие чары на него не действовали.

– Значит, не прячешься под своей простынкой, э, Поттер? – крикнул Пожиратель Смерти, только что испробовавший чары, после чего обратился к остальным. – Рассеяться. Он здесь.

Шестеро Пожирателей Смерти побежали в их направлении; Гарри, Рон и Гермиона как можно быстрее попятились в глубину ближайшего переулка, и Пожиратели Смерти пронеслись в нескольких дюймах от них. Они ждали в темноте, прислушиваясь к звукам бегущих шагов, глядя на лучи света от волшебных палочек Пожирателей Смерти, осматривающих улицу.

– Давайте уйдём! – прошептала Гермиона. – Дезаппарируем, сейчас же!

– Отличная мысль, – отозвался Рон, но прежде чем Гарри смог ответить, один из Пожирателей Смерти прокричал:

– Мы знаем, что ты здесь, Поттер, и тебе не уйти! Мы тебя найдём!

– Они были к нам готовы, – прошептал Гарри. – Они повесили это заклинание, которое сказало им о нашем приходе. Думаю, они что-то сделали, чтобы удержать нас здесь, в ловушке...

– Что насчёт дементоров? – спросил другой Пожиратель Смерти. – Пускай прогуляются, они его очень быстро найдут!

– Тёмный Лорд хочет, чтобы Гарри Поттер погиб от его руки и ни от чьей больше...

— ...а дементоры его и не убьют! Тёмному Лорду нужна его жизнь, не душа. Его будет легче убить, если сперва его Поцелуют!

Раздались звуки одобрения. Ужас наполнил Гарри: чтобы отбросить дементоров, им придётся вызывать Патронусов, что выдаст их немедленно.

— Мы должны попытаться дезаппарировать, Гарри! — шепнула Гермиона.

Уже когда она это говорила, Гарри ощутил неестественный холод, расплзающийся по улице. Из пространства был высосан весь свет, включая звёздный — они тоже исчезли. В крошечной тьме он ощутил, как Гермиона взяла его за руку, и они вместе крутанулись.

Воздух, сквозь который они должны были двигаться, словно стал твёрдым: они не могли дезаппарировать. Пожиратели Смерти наложили свои чары качественно. Холод всё глубже и глубже впитался в Гаррину плоть. Они с Роном и Гермионой отступили дальше по переулку, напавшая путь вдоль стены, стараясь не издавать звуков. Затем из-за угла бесшумно выскользнули дементоры, десяток или больше, видимые, ибо состояли из более плотной тьмы, чем всё окружающее, со своими чёрными плащами и гниющими, покрытыми струпами руками. Могли ли они чувствовать страх поблизости? Гарри был в этом уверен: теперь, казалось, они двигались быстрее, испуская протяжное, хриплое дыхание, которое он так ненавидел, распространяя в воздухе отчаяние, приближаясь...

Он поднял волшебную палочку: что бы там ни случилось позже, он не хотел, не мог подвергнуться Поцелую дементора. Рон и Гермиона — вот что было у него в мозгу, когда он прошептал: *«Expecto patronum!»*

Серебряный олень вырвался из его волшебной палочки и атаковал; дементоры рассыпались, и откуда-то из темноты раздался вопль триумфа.

— Вон он, там, вон там, я видел его Патронус, это был олень!

Дементоры отступили, звёзды вновь появились на небе, и шаги Пожирателей Смерти звучали всё громче; но прежде чем Гарри смог, преодолев панику, решить, что делать, поблизости раздался скрип задвижки, дверь по левую сторону переулочка отворилась, и грубый голос произнёс: «Поттер, сюда, быстро!»

Он подчинился без промедления: все трое поспешно нырнули в дверной проём.

— Наверх, не снимай плащ, и тихо! — пробормотала высокая фигура, пройдя мимо них к выходу на улицу, и захлопнула дверь.

Сперва Гарри не имел ни малейшего понятия, где он оказался, но теперь он увидел в неверном свете единственной свечи грязный, устланный опилками бар «Кабаньей головы». Они пробежали за стойку и сквозь вторую дверь к шаткой лестнице, по которой и поднялись так быстро, как только могли. Лестница привела их в гостиную с потёртым ковром и маленьким камином, над которым висела единственная картина с изображением светловолосой девочки, смотревшей в комнату с отсутствующе-ласковым выражением лица.

Крики с улицы внизу достигли их ушей. Всё ещё не снимая плаща-невидимки, троица пробралась к грязному окну и выглянула наружу. Их спаситель, в котором Гарри узнал теперь бармена «Кабаньей головы», был единственным, чьё лицо не было закрыто капюшоном.

– И что? – кричал он в одно из закрытых лиц. – И что? Вы послали дементоров по моей улице, я послал на них Патронуса! Я не люблю их возле меня, я это вам уже говорил, я это не люблю!

– Это не был твой Патронус! – ответил Пожиратель Смерти. – Это был олень, это Патронус Поттера!

– Олень! – взревел бармен и извлёк свою волшебную палочку. – Олень! Ты, идиот – *exspecto patronum!*

Что-то огромное и рогатое вырвалось из волшебной палочки; нагнув голову, оно бросилось в сторону Центральной улицы и пропало из виду.

– Я не это видел... – заявил Пожиратель Смерти, хотя и с меньшей уверенностью в голосе.

– Кто-то нарушил комендантский час, ты слышал звук, – сказал один из его спутников, обращаясь к бармену. – Кто-то был на улице вопреки постановлению...

– Если я хочу выпустить свою кошку, я это сделаю, и к чёрту этот твой час!

– Это *ты* запустил Воюющие чары?!

– И что если я? Хочешь отправить меня в Азкабан? Убить меня за то, что я высунул свой нос из своей собственной двери? Ну давай тогда, если хочешь! Но я надеюсь, что ты, для твоей же пользы, не нажал эту свою маленькую Тёмную Меточку и не вызвал *его*. Ему вряд ли понравится быть вызванным сюда ради меня и моей старой кошки, как думаешь, а?

– Ты о нас не волнуйся, – произнёс один из Пожирателей Смерти, – волнуйся о себе! Нарушил комендантский час!

– А где вы, ребята, будете доставать зелья и яды, когда мой бар закроется? Что будет с вашим маленьким побочным бизнесом, э?

– Ты угрожаешь?..

– Я держу рот на замке, потому-то вы ко мне и ходите, разве нет?

– Я по-прежнему говорю, я видел Патронуса-оленья! – закричал первый Пожиратель Смерти.

– Оленья? – проревел бармен. – Это *коза*, идиот!

– Ну ладно, мы ошиблись, – сказал второй Пожиратель Смерти. – Ещё раз нарушишь комендантский час, и мы не будем столь добры!

Пожиратели Смерти удалились обратно в направлении Центральной улицы. Гермиона издала стон облегчения, выскользнула из-под плаща и села в шатающееся кресло. Гарри плотно задёрнул шторы, после чего снял плащ с себя и Рона. Они слышали, как бармен внизу запирает дверь на задвижку и карабкается вверх по лестнице.

Внимание Гарри было привлечено предметом, стоящим на камине: маленьким прямоугольным зеркалом, установленным прямо под портретом девочки.

Бармен вошёл в комнату.

– Вы, чёртовы дураки, – угрюмо произнёс он, глядя на каждого из них по очереди. – О чём вы думали, когда сюда шли?

– Спасибо вам, – сказал Гарри, – мы просто невыразимо вам благодарны. Вы спасли нам жизнь.

Бармен что-то проворчал. Гарри приблизился к нему, глядя прямо в лицо, пытаясь проникнуть взглядом сквозь длинные, жёсткие, седые волосы и бороду. Он носил очки. Глаза за грязными линзами были пронзительными, ярко-синими.

— Это ваш глаз я видел в зеркале.

В комнате повисло молчание. Гарри и бармен смотрели друг на друга.

— Вы послали Добби.

Бармен кивнул и огляделся в поисках эльфа.

— Думал, он с вами. Где вы его оставили?

— Он мёртв, — ответил Гарри. — Беллатрикс Лестрэндж его убила.

Лицо бармена осталось непроницаемым. Несколько секунд спустя он произнёс:

— Жаль это слышать. Мне нравился этот эльф.

Он отвернулся и начал зажигать лампы своей волшебной палочкой, не глядя ни на кого из них.

— Вы Аберфорт, — обратился Гарри к спине бармена.

Тот не подтвердил, но и не возразил — просто нагнулся, чтобы зажечь огонь.

— Как оно к вам попало? — спросил Гарри, подходя к зеркалу Сириуса, близнецу того, которое он разбил почти два года назад.

— Купил его у Дунга с год назад, — ответил Аберфорт. — Альбус рассказал мне, что это. Пытался за вами приглядывать.

Рон ахнул.

— Серебряная оленуха! — возбуждённо воскликнул он. — Это тоже были вы?

— Это ты о чём? — спросил Аберфорт.

— Кто-то послал к нам Патронуса-оленуху!

— С твоими мозгами тебе бы в Пожиратели Смерти, сынок. Или я только что не показал, что мой Патронус — коза?

— О, — произнёс Рон. — Ага... вообще-то я есть хочу! — оправдывающимся тоном добавил он, ибо в желудке у него в этот момент громко заурчало.

— У меня есть еда, — сказал Аберфорт и боком вышел из комнаты. Несколько секунд спустя он появился вновь, неся большой батон хлеба, немного сыра и оловянный кувшин с медовухой, и положил всё это на стол пред камином. Гарри, Рон и Гермиона жадно принялись за еду, и на некоторое время в комнате установилось молчание, если не считать треска огня, звона кубков и жующих звуков.

— Значит, так, — заявил Аберфорт, когда они наелись и Гарри с Роном устало откинулись на своих стульях. — Нам надо придумать лучший способ вывести вас отсюда. Ночью это никак — вы слышали, что бывает, если кто-то ходит снаружи в темноте: сработают Воющие чары, и они на вас налетят, как подветочники на доксы яйца. Не думаю, что мне второй раз удастся оленя выдать за козу. Погодите до утра, когда можно будет выходить, тогда сможете надеть обратно ваш плащ и уйти пешком. Выбирайтесь из Хогсмид, в горы, там сможете дезаппарировать. Может, увидите Хагрида. Он вместе с Гроупом прячется в пещере там наверху с того дня, как его пытались арестовать.

— Мы не уйдём, — покачал головой Гарри. — Нам нужно попасть в Хогвартс.

– Не будь идиотом, парень.

– Мы должны, – повторил Гарри.

– Что вы должны, – наклонился вперёд Аберфорт, – так это убраться отсюда как можно дальше.

– Вы не понимаете. У нас немного времени. Мы должны пробраться в замок. Дамблдор – в смысле, ваш брат – хотел, чтобы мы...

От света камина грязные линзы Аберфортových очков сделались на мгновение непрозрачными, ярко-белыми, и Гарри вспомнил слепые глаза гигантского паука Арагога.

– Мой брат Альбус хотел много вещей, – произнёс Аберфорт, – и людям свойственно было страдать, пока он проводил свои великие планы. Убирайся подальше от этой школы, Поттер, и вообще из страны, если можешь. Забудь о моём брате и о его умных схемах. Он сейчас там, где его ничто уже не заденет, и ты ему ничего не должен.

– Вы не понимаете, – вновь повторил Гарри.

– О, неужели? – тихо ответил Аберфорт. – Ты думаешь, что я не понимаю собственного брата? Ты думаешь, что знал Альбуса лучше, чем я?

– Я не это хотел сказать, – мозг Гарри работал медленно и неохотно от усталости и избытка еды и вина. – Просто... он поручил мне работу.

– Вот как? И хорошую работу, я надеюсь? Приятную? Лёгкую? Что-нибудь такое, на что можно рассчитывать, что это сделает недоучившийся колдун и не перенапряжётся при этом?

Рон испустил мрачноватый смехок. Гермиона была напряжена.

– Я... нет, она не простая, – сказал Гарри. – Но я должен...

– «Должен»? Почему *«должен»*? Он же мёртв, так? – грубо заявил Аберфорт. – Оставь это, парень, пока ты не отправился туда же! Себя спасай!

– Я не могу.

– Почему?

– Я... – Гарри был ошеломлён; он не мог объяснить, поэтому сам решил перейти в атаку. – Но вы тоже сражаетесь, вы в Ордене Феникса...

– Был, – отрезал Аберфорт. – Ордена Феникса больше нет. Сам-Знаешь-Кто победил, всё кончено, и каждый, кто думает, что это не так, обманывает сам себя. Для тебя здесь никогда не будет безопасно, Поттер, слишком уж он хочет тебя достать. Так что уходи за границу, скройся, спасай себя. Этих двух лучше тоже возьми, – он дёрнул большим пальцем в сторону Рона и Гермионы. – Они тоже в опасности, теперь все знают, что они работают с тобой.

– Я не могу уйти. У меня есть работа...

– Поручи её кому-нибудь другому!

– Не могу. Это должен быть я. Дамблдор это всё объяснил...

– О, всё объяснил, правда? Неужели он всё тебе рассказал, был ли он полностью честен с тобой?

Гарри всем сердцем желал ответить «да», но каким-то образом простое слово не желало срываться с губ. Аберфорт, казалось, знал, о чём Гарри думает.

– Я знал своего брата, Поттер. Он выпитал таинственность с молоком матери. Секреты и ложь, вот как мы росли, а Альбус... У него это от рождения.

Взгляд старика перебежал на портрет девочки над камином. Это была, как заметил Гарри, внимательно осмотрев комнату, единственная картина здесь. Ни фотографий Альбуса Дамблдора, ни чьих-либо ещё не было.

– Мистер Дамблдор? – мягким голосом спросила Гермиона. – Это ваша сестра? Ариана?

– Да, – хрипло ответил Аберфорт. – Читали Риту Скитер, правда, мисси?

Даже в розовом свете огня было заметно, что Гермиона покраснела.

– Элфиас Доудж упоминал её в разговоре, – пришёл на выручку Гарри.

– Этот старый баран, – пробормотал Аберфорт, делая очередной глоток медовухи. – Он думал, что у моего брата солнце светило из каждой дырки. Вообще-то так думали многие, вы трое тоже, судя по всему.

Гарри молчал. Он не хотел высказывать все связанные с Дамблдором сомнения и непонятности, которые уже несколько месяцев терзали его. Он сделал свой выбор, когда копал могилу Добби; он решил продолжить тот извилистый, опасный путь, который ему указал Альбус Дамблдор, он решил принять то, что ему было сказано не всё, что он хотел бы знать – но просто верить. У него не было ни малейшего желания начинать сомневаться снова, он не хотел слышать ничего, что отклонило бы его от цели. Он встретился со взглядом Аберфорта, так невероятно похожим на взгляд его брата: ярко-синие глаза создавали то же самое ощущение, что они насквозь просвечивают объект, на который смотрят. Гарри показалось, что Аберфорт знает, о чём он сейчас думает, и презирает его за это.

– Профессор Дамблдор заботился о Гарри, очень сильно, – тихо сказала Гермиона.

– Заботился, вот как? – повторил Аберфорт. – Забавная вещь: очень многие из тех, о ком мой брат заботился очень сильно, оказались в худшем положении, чем если бы он их оставил в покое.

– Что вы имеете в виду? – почти неслышно прошептала Гермиона.

– Не имеет значения.

– Но это очень серьёзное утверждение! – сказала Гермиона. – Вы... вы говорите о вашей сестре?

Аберфорт уставился на неё; его губы двигались, словно он пережёвывал слова, пытаясь их сдержать. Затем он разразился монологом.

– Когда моей сестре было шесть, на неё напали, внезапно напали, три мальчика-маггла. Они видели, как она производит магию, они подсмотрели через ограду заднего сада. Она была ребёнком, она не могла её контролировать, в таком возрасте ни одна ведьма или колдун не может. То, что они увидели, их напугало, я думаю. Они проломились через забор, а когда она не смогла показать им, в чём фокус, они немного перестарались, пытаясь заставить маленькую ненормальную прекратить это делать.

В свете огня глаза Гермионы казались огромными; Рона, казалось, тошнит. Аберфорт встал, высокий, как Альбус, и неожиданно страшный в своём гневе и в своей боли.

– Это уничтожило её, то, что они сделали; она никогда уже не была в норме. Она не могла использовать магию, но и избавиться от магии тоже не могла. Магия включалась внутри неё, и она становилась безумной, магия прорывалась из неё, когда она не могла её удерживать; в некоторые моменты она была не в себе и опасной. Но в основном она была милой, безвредной и напуганной.

И мой отец нашёл тех ублюдков, что сделали это, и напал на них. И за это его упекли в Азкабан. Он никогда не говорил, почему он это сделал, потому что если бы в Министерстве узнали, во что превратилась Ариана, её бы заперли в больницу св. Мунго на всю жизнь. Они бы нашли в ней серьёзную угрозу Международному статуту секретности, поскольку она была нестабильна и магия вырывалась из неё в те моменты, когда она не могла её в себе удерживать.

Мы должны были держать её в безопасности и никому о ней не говорить. Мы переехали, пустили слух, что она больна, и моя мать присматривала за ней, чтобы она всегда была спокойна и счастлива.

– *Меня* она любила больше всех, – произнёс он, и когда он это говорил, неопрятный школьник словно выглянул из-под морщин и спутанной бороды Аберфорта. – Не Альбуса, он, когда был дома, всегда сидел наверху, в своей спальне, читал свои книжки, считал свои призывы и переписывался с «самыми заметными магическими именами дня», – Аберфорт презрительно усмехнулся. – *Он* не хотел, чтобы его беспокоили из-за неё. Меня она больше всех любила. Я мог уговорить её поесть, когда моя мать не могла, я мог её успокоить, когда у неё был очередной приступ, а когда она была нормальна, то часто помогала мне кормить коз.

Затем, когда ей было четырнадцать... Понимаете, меня там тогда не было, – сказал Аберфорт. – Если б я там был, я, может, сумел бы её успокоить. У неё был один из приступов, а моя мать была уже не так молода, и... это вышло случайно. Ариана не могла удерживать себя. Но моя мать была убита.

Гарри ощущал кошмарную смесь жалости и отвращения; он не хотел больше слушать, но Аберфорт продолжал говорить, и Гарри подивился, сколько времени прошло с того момента, когда он в последний раз говорил об этом; да и говорил ли когда-нибудь вообще, на самом-то деле.

– Вот, это убило Альбусу его путешествие вокруг света с маленьким Доуджем. Они оба пришли на похороны моей матери, а затем Доудж отправился один, а Альбус остался как глава семьи. Ха!

Аберфорт плюнул в огонь.

– Я бы за ней присмотрел, я ему сказал, школа меня не волновала, я бы остался дома и всё бы сделал. Он мне ответил, что я должен закончить образование, и что *он* продолжит то, что делала моя мать. Кое-какое понижение для мистера Великолепного, присматривать за полубезумной сестричкой и следить, чтобы она не взрывала весь дом раз в два дня, за это призов не дают. Но он нормально справлялся несколько недель... пока *тот* не появился.

Теперь выражение лица Аберфорта было угрожающим.

– Гринделвальд. И наконец-то мой братец нашёл *равного себе*, чтобы поговорить, кого-то такого же блестящего и гениального, как *он*. И присмотр за Арианой отошёл назад, пока они

рожали всякие свои планы нового магического мира, и искали *Реликвии*, и что там ещё они делали, что им было интересно. Великие планы ради всех колдунов, и если об одной маленькой девочке забывали, какое это имело значение, если Альбус трудился во имя *большого блага*?

Но через несколько недель мне это надоело, да. Мне уже почти пора было возвращаться в Хогвартс, так что я сказал им обоим, лицо в лицо, как вам говорю сейчас, – Аберфорт посмотрел вниз на Гарри, и не требовалось богатого воображения, чтобы представить себе его подростком, худым и сердитым, противостоящим старшему брату. – Я сказал ему, тебе бы лучше это прекратить, сейчас же. Ты не можешь её перевозить, она не в таком состоянии, ты не можешь взять её с собой, куда вы там планируете пойти, когда толкаете ваши умные речи, пытаясь разжечь своих сторонников. Ему это не понравилось, – глаза Аберфорта на краткий миг были заслонены отблеском огня на линзах очков; они вновь засияли слепым белым светом. – Гринделвальду это совсем не понравилось. Он рассердился. Он начал рассказывать мне, каким маленьким глупым ребёнком я был, пытаюсь стоять на пути его и моего блестящего братца... Неужели я не *понимаю*, мою бедную сестру *не нужно* будет прятать, когда они изменят мир, и выведут колдунов из укрытия, и научат магглов знать своё место?

И тогда началась ссора... и я вытащил свою палочку, а он свою, и я получил проклятие Крусиатус от лучшего друга моего брата – и Альбус попытался его остановить, и тогда мы все трое дрались, и вспышки и грохот её включили, она не могла сдержаться...

Лицо Аберфорта стремительно бледнело, словно он получил смертельную рану.

– ...и я думаю, она хотела помочь, но она сама не знала, что она делает, и я не знаю, кто из нас сделал это, это мог быть любой из нас... и она была мертва.

Его голос осёкся на последнем слове, и он рухнул в ближайшее кресло. Лицо Гермионы было мокрым от слёз, Рон был почти так же бледен, как Аберфорт. Гарри не чувствовал ничего, кроме отвращения; он желал, чтобы он никогда этого не слышал, чтобы он мог вымыть это из памяти.

– Мне так... так жаль, – прошептала Гермиона.

– Ушла, – прохрипел Аберфорт. – Ушла навсегда.

Он вытер нос о манжету и прокашлялся.

– Конечно, Гринделвальд свалил. У него уже был список преступлений в его родной стране, и он не хотел, чтобы к нему добавилась ещё и Ариана. А Альбус стал свободен, не так ли? Свободен от обузы, от своей сестры, свободен, чтобы стать величайшим колдуном...

– Он никогда не был свободен, – сказал Гарри.

– Не понял? – переспросил Аберфорт.

– Никогда. В ту ночь, когда ваш брат погиб, он выпил зелье, которое свело его с ума. Он начал кричать, умолять кого-то, кого там не было. «*Не делай им больно, пожалуйста... Делай мне больно*».

Рон и Гермиона уставились на Гарри. Он никогда не углублялся в детали касательно того, что произошло на островке посреди озера: события, произошедшие после их с Дамблдором возвращения в Хогвартс, заслонили это полностью.

– Ему казалось, что он снова был там, вместе с вами и Гринделвальдом, я знаю это, – произнёс Гарри, вспоминая, как Дамблдор хныкал, умолял. – Ему казалось, что он видит, как Гринделвальд причиняет боль вам и Ариане... Это было для него пыткой, если бы вы его тогда видели, вы бы не говорили, что он был свободен.

Аберфорт, казалось, углубился в изучение собственных узловатых, оплетённых венами рук. После долгой паузы он сказал:

– Как ты можешь быть уверен, Поттер, что мой брат не был более заинтересован в большем благе, чем в тебе? Как ты можешь быть уверен, что ты не разменная монета, какой была моя сестра?

Осколок льда словно пронзил Гарри сердце.

– Я не верю в это. Дамблдор любил Гарри, – вмешалась Гермиона.

– Почему тогда он не сказал ему спрятаться? – выплюнул в ответ Аберфорт. – Почему он не сказал ему, позаботиться о себе, вот что нужно, чтобы выжить?

– Потому что, – проговорил Гарри, прежде чем Гермиона успела ответить, – иногда человек *должен* думать не только о собственной безопасности! Иногда *надо* думать о большем благе! Сейчас война!

– Тебе всего семнадцать, парень!

– Я совершеннолетний. И я собираюсь продолжить драться, даже если вы прекратили!

– Кто сказал, что я прекратил?

– «Ордена Феникса больше нет», – повторил Гарри. – «Сам-Знаешь-Кто победил, всё кончено, и каждый, кто думает, что это не так, обманывает сам себя».

– Я не говорю, что мне это нравится, но это правда!

– Это неправда. Ваш брат знал, как прикончить Сами-Знаете-Кого, и он передал это знание мне. Я намерен продолжать, пока не сделаю это – или пока не умру. Не думайте, что я не знаю, чем это может кончиться. Я уже многие годы это знаю.

Он ждал, что Аберфорт начнёт высмеивать его или спорить, но тот не стал. Он просто сердито смотрел на Гарри.

– Мы должны попасть в Хогвартс, – снова произнёс Гарри. – Если вы не можете нам помочь, мы подождём до утра, оставим вас в покое и попытаемся найти способ сами. Если вы *можете* помочь – ну, сейчас чертовски подходящий момент, чтобы это упомянуть.

Аберфорт неподвижно сидел в своём кресле, взирая на Гарри своими глазами, так удивительно похожими на глаза своего брата. Наконец он прокашлялся, поднялся на ноги, обогнул маленький столик и подошёл к портрету Арианы.

– Ты знаешь, что делать, – сказал он.

Она улыбнулась, развернулась и пошла прочь, не так, как обычно уходят люди на портретах, через края своей рамы, а вдоль того, что казалось длинным тоннелем, нарисованным за её спиной. Они смотрели на её удаляющуюся хрупкую фигурку, пока наконец она не была полностью поглощена темнотой.

– Э... что?.. – начал Рон.

– Сейчас туда есть только один вход, – произнёс Аберфорт. – Вы должны знать, что они закрыли с обоих концов все старые секретные проходы, дементоры повсюду на внешних

стенах, всё время патрули внутри самой школы, судя по моим источникам. Школа никогда ещё так строго не охранялась. Как вы собираетесь что-либо делать после того, как проберётесь туда, когда там Снейп директором и Кэрроу заместителями... Впрочем, это ваша забота, верно? Вы сказали, вы готовы умереть.

– Но что?.. – начала было Гермиона, нахмуренно глядя на портрет Арианы.

Маленькая белая точка появилась в конце нарисованного тоннеля, и вот уже Ариана возвращалась к ним, вырастая всё больше и больше. Но теперь с ней был кто-то ещё, кто-то более высокий, чем она; он, прихрамывая, возбужденно шагал рядом с ней. Его волосы были длиннее, чем Гарри на нём когда-либо видел; на лице его, похоже, было несколько порезов, а одежда была во многих местах порвана. Обе фигуры все росли и росли, пока в портрете не оказались лишь их головы и плечи. Затем вся картина откинулась вперёд, словно маленькая дверь, и за ней обнаружился вход в настоящий тоннель. И из этого тоннеля, со своими отросшими волосами, порезанным лицом и в порванной одежде, выбрался совершенно настоящий Невилл Лонгботтом. Он испустил восторженный вопль, спрыгнул с камина и заорал:

– Я знал, что ты придёшь! *Я знал, Гарри!*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

УТРАЧЕННАЯ ДИАДЕМА

– Невилл... какого... как?..

Но Невилл уже заметил Рона и Гермиону и с воплями восторга принялся обнимать и их тоже. Чем больше Гарри всматривался в Невилла, тем хуже тот выглядел: один его глаз был почти полностью закрыт жёлто-фиолетовым синяком, на лице виднелись глубокие порезы, и общее впечатление неухоженности предполагало, что он живёт без особых удобств. И тем не менее его потрепанный облик весь светился счастьем, когда Невилл отпустил Гермиону и вновь сказал:

– Я знал, что вы придёте! Я всё время говорил Шеймасу, что это лишь вопрос времени!

– Невилл, что с тобой случилось?

– Что? Это? – Невилл отмахнулся от своих ран, качнув головой. – Это ерунда. Шеймасу досталось хуже. Сами увидите. Ну мы пойдём, да? О, – он обернулся к Аберфорту. – Аб, сюда ещё пара человек скоро придёт.

– Ещё пара? – зловеще переспросил Аберфорт. – Что ты имеешь в виду, ещё пара, Лонгботтом? Сейчас нельзя выходить на улицу, там Воюющие чары на всей деревне!

– Я знаю, поэтому они будут аппарировать прямо в бар, – ответил Невилл. – Просто посылайте их по тоннелю, когда они сюда будут приходить, хорошо? Огромное спасибо.

Невилл протянул руку Гермионе и помог ей забраться на камин и оттуда в тоннель; Рон последовал за ней, потом сам Невилл. Гарри обратился к Аберфорту.

– Не знаю, как вас благодарить. Вы уже дважды спасли наши жизни.

– Тогда приглашайте за ними, – проворчал Аберфорт. – Я, может, не смогу спасти их в третий раз.

Гарри вскарабкался на камин и пролез в дыру за портретом Арианы. С той стороны были гладкие каменные ступени: проход словно существовал годами. Медные лампы свисали со стен, земляной пол был утоптаный и ровный; когда они шли, их тени на стенах поворачивались, словно лопасти вентилятора.

– Как давно это здесь? – спросил Рон, едва они отправились. – Его нет на Карте Мародёра, да, Гарри? Я думал, в школу и из школы есть только семь путей?

– Эти все они закрыли ещё до начала учебного года, – ответил Невилл. – Через любой из них теперь пройти нет шансов, из-за всех этих проклятий на входах и дементоров с Пожирателями Смерти на выходах, – он прошёл чуть назад, сияя, ушаваясь присутствием друзей. – Да ладно об этом... Скажите, это правда? Вы правда вломились в Гринготтс? И удрали на драконе? Это сейчас везде, об этом все говорят, Терри Бута избил Кэрроу за то, что он кричал об этом в Большом Зале не ужине!

– Ага, это так, – подтвердил Гарри.

Невилл злорадно рассмеялся.

– И что вы сделали с драконом?

– Отпустили его на свободу, – ответил Рон. – Гермиона так хотела оставить его себе как домашнего зверька...

– Не преувеличивай, Рон...

– Но чем вы вообще занимались? Люди говорят, ты просто сбежал, Гарри, но я так не думаю. Я думаю, ты что-то такое делал.

– Ты прав, – ответил Гарри, – но расскажи нам про Хогвартс, Невилл, мы же вообще ничего не слышали.

– Там теперь... Короче, там теперь на Хогвартс уже не похоже, – улыбка сползла с лица Невилла. – Вы знаете про Кэрроу?

– Про двух Пожирателей Смерти, которые там преподают?

– Они не только преподают, – произнёс Невилл. – Они отвечают за порядок. Они любят наказывать, эти Кэрроу.

– Как Амбридж?

– Не-а, она рядом с ними просто зайка. Другие учителя все должны отдавать нас Кэрроу, если мы что-то не так делаем. Они, правда, не отдают, если только могут. Сдаётся мне, они их ненавидят так же, как мы. Амикус, это брат, он преподаёт то, что раньше было защитой от Тёмных искусств, только теперь это просто Тёмные искусства. Мы должны отрабатывать проклятие Крусиатус на тех, кто заработал наказания...

– Что?

Одновременно прозвучавшие голоса Гарри, Рона и Гермионы эхом разнеслись в обе стороны тоннеля.

– Ага, – кивнул Невилл. – Так я и заработал вот это, – он указал на особенно глубокий порез на щеке. – Отказался это делать. Некоторые, правда, это обожают; Крэбб и Гойл просто в восторге. Первый раз, когда они хоть в чём-то впереди всех, подозреваю. Вот, Алекто, сестра Амикуса, преподаёт изучение маглов, и это теперь обязательно для всех. Мы должны все слушать, как она объясняет, какие маглы похожие на животных, какие они тупые и грязные, и как они заставили колдунов скрываться, потому что злобно себя вели, и как теперь возвращается естественный порядок. Вот это, – он показал на другой свой шрам на лице, – я заработал, когда спросил её, сколько в ней и в её брате крови маглов.

– Чёрт, Невилл, – сказал Рон, – здесь у вас самое подходящее место и время, чтоб научиться держать язык за зубами.

– Ты просто её не слышал, – ответил Невилл. – Ты бы тоже этого не вынес. Понимаешь, легче, когда кто-то им сопротивляется, остальные получают надежду. Я это и раньше замечал, когда ты это делал, Гарри.

– Но они ж тебя использовали вместо точилки для ножей, – произнёс Рон, слегка вздрогнув – они как раз прошли мимо лампы, и порезы Невилла под её светом стали видны ещё лучше.

Невилл пожал плечами.

– Не имеет значения. Они не хотят тратить слишком много крови колдунов, так что они издеваются немного, если мы слишком болтливы, но они не станут никого убивать.

Гарри не знал, что хуже – те вещи, которые говорил Невилл, или тот будничныи тон, которым он это говорил.

– По-настоящему в опасности только те, чьи друзья и родственники снаружи доставляют проблемы. Их берут в заложники. Старый Ксено Лавгуд стал немного чересчур откровенным в своём «Придире», так что они уволокли Луну прямо с поезда, когда она возвращалась на Рождество.

– Невилл, с ней всё в порядке, мы её видели...

– Да, я знаю, ей удалось со мной связаться.

Из своего кармана он извлёк золотую монету, и Гарри узнал в ней один из фальшивых галлеонов, с помощью которых члены Дамблдоровой Армии передавали друг другу сообщения.

– Классные штуки, – Невилл широко улыбнулся Гермионе. – Оба Кэрроу так и не допёрли, как мы общаемся, они от этого на стенку лезли. Мы раньше вылезали по ночам и писали на стенах: «*Дамблдорова Армия продолжает набор*» и всё такое. Снейп это ненавидел.

– *Раньше* вылезали? – Гарри заметил употребление прошедшего времени.

– Ну, потом это стало труднее. Мы потеряли Луну перед Рождеством, а Джинни не вернулась после Пасхи, а мы трое были вроде как лидерами. Кэрроу, видимо, знали, что многое из этого – моя работа, и стали меня довольно сильно прессовать. А потом ещё Майкла Корнера поймали, когда он выпускал прикованного ими первокурсника, и довольно сильно его мучили. Это многих отпугнуло.

– Да, это серьёзно, – пробормотал Рон. Тоннель тем временем начал изгибаться вверх.

– Ну вот, я не мог просить ребят пройти через то, что досталось Майклу, так что мы эти приёмчики прекратили. Но мы всё равно сопротивлялись, только втихую, до примерно полумесяца назад. Тогда, я полагаю, они решили, что меня только одним способом можно остановить, и пошли за моей бабушкой.

– *Что?* – одновременно переспросили Гарри, Рон и Гермиона.

– Ага, – теперь Невилл начал тяжело дышать, поскольку подъём стал довольно крутым, – ну вы же понимаете, как они думают. Это всегда отлично работало, похищать детей, чтобы их родственники хорошо себя вели, думаю, рано или поздно они должны были попробовать это повернуть в обратную сторону. Фишка в том, – Невилл повернулся к ним лицом, и Гарри с изумлением увидел, что он ухмыляется, – что с бабушкой они откусили малость больше, чем могли прожевать. Маленькая старая одинокая ведьма, они, наверно, думали, им не нужно посылать кого-то особо крутого. Ну и вот, – Невилл рассмеялся, – Долиш до сих пор в больнице св. Мунго, а бабушка в бегах. Она мне письмо прислала, – он хлопнул рукой по нагрудному карману мантии, – написала, что гордится мной, что я настоящий сын моих родителей, и чтобы я продолжал в том же духе.

– Круто, – сказал Рон.

– Ага, – со счастливым видом согласился Невилл. – Только, правда, после того как они поняли, что им меня не сдержать, они решили, что Хогвартс, в конце концов, и без меня прекрасно обойдётся. Уж не знаю, убить меня они планировали или отправить в Азкабан, в любом случае, я понял, что мне пора исчезнуть.

– Но, – Рон выглядел абсолютно сбитым с толку, – разве... разве мы не прямо в Хогвартс сейчас идём?

– Конечно, в Хогвартс, – кивнул Невилл. – Ты увидишь. Мы уже пришли.

Они свернули за угол и обнаружили прямо перед собой конец тоннеля. Ещё один короткий лестничный пролёт вёл к двери, в точности похожей на дверь, скрытую за портретом Арианы. Невилл толкнул её и выбрался из тоннеля. Когда Гарри пошёл следом, он услышал, как Невилл зовёт невидимых пока людей:

– Гляньте, кто здесь! Я же вам говорил!

Едва Гарри вошёл в комнату, раздалось несколько криков и воплей –

– ГАРРИ!

– Это Поттер, это ПОТТЕР!

– Рон!

– *Гермиона!*

На мгновение перед Гарри открылась смутная картина: что-то разноцветное, свисающее с потолка, лампы, множество лиц. В следующий момент они с Роном и Гермионой попали в объятия: человек, кажется, двадцать или больше их хватали, обнимали, хлопали по спине, трепали по волосам, им пожимали руки; они словно только что выиграли финальный матч по квиддичу.

– Хорошо, хорошо, успокойтесь все! – призвал Невилл, и, после того как толпа подалась назад, Гарри смог разобраться в окружающем.

Комната была ему совершенно незнакома. Она была громадна и напоминала внутренность какого-то грандиозного дома-дерева или, может быть, гигантской корабельной каюты. Разноцветные гамаки свисали с потолка и с балкона, проходящего по всему периметру тёмных деревянных стен. Окон в стенах не было, зато висели многочисленные яркие драпировки: Гарри разглядел золотого гриффиндорского льва, вышитого на алом фоне, чёрного барсука Хаффлапфа на жёлтом и бронзового орла Рэвенкло на синем. Отсутствовали лишь серебро и зелень Слизерина. Вдоль стен возвышались книжные шкафы и были прислонены несколько метел, в углу стоял большой деревянный радиоприёмник.

– Где мы?

– В Насущной Комнате, конечно! – воскликнул Невилл. – Она превзошла саму себя, а? Кэрроу гнались за мной, и я знал, что у меня один шанс укрыться: мне удалось пройти через дверь, и вот что я нашёл! Ну, когда я пришёл, она была не совсем такая – она была намного меньше, гамак был только один и драпировка только гриффиндорская. Но она расширялась, когда стали приходить другие члены ДА.

– А Кэрроу сюда войти не могут? – спросил Гарри, оглядываясь в поисках двери.

– Не-а, – ответил Шеймас Финниган, которого Гарри не узнал, пока он не заговорил: лицо Шеймаса было всё в синяках и сильно распухло. – Это идеальное укрытие, пока кто-то из нас остаётся здесь, они не могут нас достать, дверь не откроется. Это всё благодаря Невиллу. Он реально *делает* эту Комнату. Её же надо просить *в точности* о том, что тебе нужно – типа «я не хочу, чтобы хоть один прихвостень Кэрроу смог сюда войти» – и она так

и сделает! Надо только удостовериться, что дверь за собой плотно закрываешь! Невилл – гигант!

– Ну, на самом деле это было довольно очевидно, – скромно произнёс Невилл. – Я здесь сидел где-то дня полтора и здорово проголодался, и я мечтал, чтобы я смог где-то достать еду, и вот тогда открылся проход в «Кабанью голову». Я прошёл через него и познакомился с Аберфортом. Он нас снабжает едой, потому что по какой-то причине это единственное, чего Комната делать не желает.

– Ага, ну конечно, еда – это ж одно из пяти исключений Закона Гампа об Элементарной Трансфигурации, – важно откомментировал Рон, чем вызвал всеобщее остоленение.

– Так вот мы здесь и прячемся, уже недели две, – продолжил Шеймас, – и она просто добавляет гамаков, когда они нам нужны, и даже отпочковала отличную ванную, когда начали появляться девушки...

– ...которые решили, что им хочется помыться, – вступила Лаванда Браун, которую Гарри до этого момента не замечал. Теперь, когда он как следует огляделся, он заметил много знакомых лиц. Обе сестры Патил были здесь, так же как Терри Бут, Эрни Макмиллан, Энтони Голдштейн и Майкл Корнер.

– Кстати, расскажите, чем вы заняты, – сказал Эрни, – о вас ходит столько слухов, мы стараемся разобраться с помощью «Поттервахты», – он показал на приёмник. – Вы часом не вламывались в Гринготтс?

– Вламились! – воскликнул Невилл. – И дракон тоже правда!

С нескольких сторон послышались аплодисменты и возгласы; Рон поклонился.

– И что вы там искали? – жадно спросил Шеймас.

Прежде чем кто-то из них сумел отбиться от этого вопроса, задав собственный, Гарри ощутил страшную, обжигающую боль в шраме-молнии. Едва он поспешно повернулся спиной к любопытным и восторженным лицам, как Насущная Комната исчезла, и он стоял в руинах каменной хибары, и под его ногами валялись оторванные гнилые доски, и рядом с дырой лежала выкопанная золотая коробочка, открытая и пустая, и яростный вопль Волдеморта вибрацией отдавался в его голове.

Невероятным усилием он вновь вынырнул из головы Волдеморта и вернулся в Насущную Комнату, где он стоял, пошатываясь, поддерживаемый Роном, и пот стекал с его лица.

– Ты в порядке, Гарри? – спрашивал Невилл. – Хочешь присесть? Думаю, ты устал, правда?..

– Нет, – ответил Гарри. Он глянул на Рона и Гермиону, пытаясь без слов сообщить им, что Волдеморту только что обнаружил пропажу одного из Хоркраксов. Время быстро выходило: если Волдеморту решит следующим посетить Хогвартс, шансов у них не будет.

– Нам надо идти, – сказал он и увидел на их лицах, что они поняли.

– Так что мы будем делать, Гарри? – спросил Шеймас. – Каков план?

– План? – повторил Гарри. Он напрягал всю свою волю, чтобы не поддаваться ярости Волдеморта; его шрам всё ещё пылал. – В общем, есть кое-что, что мы – Рон, Гермиона и я – должны сделать, и потом мы отсюда уберёмся.

Никто больше не смеялся и не восклицал. Невилл явно был сконфужен.

– В каком смысле «уберёмся»?

– Мы пришли не для того, чтобы остаться, – Гарри потёр шрам, пытаясь смягчить боль.
– Есть кое-что важное, что нам надо сделать...

– Что важное?

– Я... я не могу сказать.

При этих словах по комнате волной разнеслось бормотание; Невилл сдвинул брови.

– Почему ты не можешь нам сказать? Это же имеет какое-то отношение к борьбе с Сам-Знаешь-Кем, верно?

– Ну да, но...

– Тогда мы тебе поможем.

Другие члены Дамблдоровой Армии кивали, одни с энтузиазмом, другие с важным видом. Некоторые поднялись со своих стульев, демонстрируя свою готовность действовать немедленно.

– Вы не понимаете, – за последние несколько часов Гарри произнёс эту фразу множество раз. – Мы... мы не можем вам рассказать. Мы должны сделать это – сами.

– Почему? – спросил Невилл.

– Потому что... – Гарри с такой силой стремился приступить к поискам недостающего Хоркракса или хотя бы обсудить наедине с Роном и Гермионой, где они могут начать искать, что ему было трудно облечь мысли в слова. Его шрам по-прежнему горел. – Дамблдор поручил нам троим кое-какую работу, – осторожно произнёс он, – и мы не должны были рассказывать – в смысле, он хотел, чтобы мы её сделали, только мы трое.

– Мы его Армия, – заявил Невилл. – Дамблдорова Армия. Мы все были в ней вместе, мы её продолжали, пока вы трое были там снаружи, сами по себе...

– Это был не сказать чтоб пикник, приятель, – заметил Рон.

– Я так не говорил, но я не понимаю, почему вы не можете нам доверять. Все, кто здесь в Комнате, дрался, и их всех сюда загнали, потому что Кэрроу за ними охотятся. Каждый здесь доказал, что он лоялен Дамблдору – лоялен тебе.

– Послушай, – начал было Гарри, не зная ещё, что именно он собирается сказать, но это не имело значения: вход в тоннель за его спиной в этот момент открылся.

– Мы получили твоё сообщение, Невилл! Привет, ребят, я так и думал, что вы здесь!

Это были Дин и Луна. Шеймас издал восторженный рёв и ринулся обнимать своего лучшего друга.

– Привет всем! – радостно сказала Луна. – О, так здорово снова вернуться!

– Луна, – рассеянно сказал Гарри, – что ты тут делаешь? Откуда ты?..

– Я за ней послал, – Невилл держал в руках поддельный галлеон. – Я обещал ей и Джинни, что если ты появишься, я дам им знать. Мы все думали, что если ты вернёшься, это будет означать революцию. Мы думали, тогда мы скинем Снейпа и Кэрроу.

– Конечно, именно это оно и значит, – радостно кивнула Луна. – Разве нет, Гарри? Мы собираемся вычистить их из Хогвартса?

– Послушайте, – Гарри ощутил нарастающее чувство паники. – Мне жаль, но мы сюда пришли не за этим. Мы должны тут кое-что сделать, а потом...

– Ты собираешься оставить нас в этой заднице? – потребовал ответа Майкл Корнер.

– Нет! – воскликнул Рон. – То, что мы делаем, в итоге всем будет на пользу, мы пытаемся избавиться от Сами-Знаете-Кого...

– Тогда дайте нам помочь! – сердито воскликнул Невилл. – Мы хотим в этом участвовать!

Позади них снова слышался шум, и Гарри развернулся. Его сердце словно остановилось: через дыру в стене пробиралась Джинни, а прямо за ней – Фред, Джордж и Ли Джордан. Джинни одарила Гарри сияющей улыбкой; он то ли забыл, то ли никогда полностью не сознавал, какая она красивая, – но никогда ранее он не был до такой степени не рад видеть её.

– Аберфорт становится чуток нелюбезным, – сказал Фред, поднимая руку в ответ на приветственные крики. – Он хочет малость придавить подушку, а его бар превратился в вокзал.

Гаррина челюсть отвисла. Сразу за спиной Ли Джордана появилась бывшая девушка Гарри, Чоу Чанг. Она улыбнулась ему.

– Я получила сообщение, – она подняла вверх свой собственный фальшивый галлеон и, пройдя чуть в сторону, уселась рядом с Майклом Корнером.

– Так какой у нас план, Гарри? – спросил Джордж.

– Нет у нас плана, – ответил Гарри, по-прежнему сбитый с толку неожиданным появлением всех этих людей, не в состоянии полностью осознать происходящее, пока его шрам так сильно болит.

– Собираемся сварганить его на ходу, стало быть? Мой любимый способ, – заявил Фред.

– Ты должен это прекратить! – сказал Гарри Невиллу. – Зачем ты их всех сюда позвал? Это безумие...

– Мы собираемся драться, разве нет? – спросил Дин, вытаскивая свой фальшивый галлеон. – В сообщении было, что Гарри вернулся и что мы будем драться! Мне, правда, надо будет достать себе палочку...

– У тебя нет *палочки*?.. – начал было Шеймас.

Рон внезапно повернулся к Гарри.

– А почему они не могут помочь?

– Что?

– Они могут помочь, – он понизил голос и произнёс так тихо, что его никто не мог услышать, кроме стоящей между ними Гермионы. – Мы не знаем, где он. Нам нужно это узнать, и быстро. Необязательно говорить им, что это Хоркракс.

Гарри перевёл взгляд с Рона на Гермиону. Та прошептала:

– Думаю, Рон прав. Мы даже не знаем, что именно мы ищем, они нам нужны, – и, глядя в неуверенное лицо Гарри, добавила: – Тебе не обязательно всё делать одному, Гарри.

Гарри лихорадочно размышлял, шрам пульсировал, грозя снова расколоть ему голову. Дамблдор предупредил его, чтобы он никому, кроме Рона и Гермионы, не рассказывал о Хоркраксах. *Секреты и ложь, вот как мы росли, а Альбус...* У него это от рождения... Не превращался ли он сам в Дамблдора, прижимая свои тайны к груди, боясь доверять? Но Дамблдор доверял Снейпу, и к чему это привело? К убийству на вершине самой высокой башни...

– Хорошо, – тихо сказал он Рону и Гермионе. – Хорошо! – воззвал он к комнате, и весь шум прервался немедленно: Фред и Джордж, обменивавшиеся шуточками к радости всех, кто сидел к ним ближе, замолчали. Все были сосредоточены и возбуждены.

– Мы должны кое-что найти, – произнёс Гарри. – Кое-что... нечто, что поможет нам сбросить Сами-Знаете-Кого. Это здесь, в Хогвартсе, но мы не знаем, где именно. Возможно, это принадлежало Рэйвенкло. Слышал ли кто-нибудь о таком предмете? Может, скажем, кто-то когда-то наткнулся на что-нибудь с изображением орла?

Он с надеждой посмотрел на маленькую группу учеников Рэйвенкло, состоящую из Падмы, Майкла, Терри и Чоу, но ответила ему Луна, примостившаяся на ручке Джинниного кресла.

– Ну вообще-то есть её утраченная диадема. Я рассказывала тебе о ней, помнишь, Гарри? Об утраченной диадеме Рэйвенкло? Папочка пытается её воспроизвести.

– Да, но утраченная диадема, – закатил глаза Майкл Корнер, – *утрачена*, Луна. Вроде как поэтому она так и называется.

– Когда она была утрачена? – спросил Гарри.

– Говорят, много веков назад, – ответила Чоу, и Гаррино сердце упало. – Профессор Флитвик говорит, что диадема исчезла вместе с самой Рэйвенкло. Её искали, но, – она обратилась к своим товарищам по Дому, – никто никогда и следа её не находил, так?

Они все покачали головами.

– Простите, а что *такое* диадема? – поинтересовался Рон.

– Это нечто вроде короны, – сказал Терри Бут. – Диадема Рэйвенкло вроде как имела всякие магические свойства, она усиливала мудрость того, кто её носил.

– Да, папочкины Долбоструйные Сифоны...

Гарри перебил Луну.

– И никто из вас никогда не видел что-то на неё похожее?

Они вновь покачали головами. Гарри взглянул на Рона и Гермиону и увидел в их лицах отражение его собственного разочарования. Предмет, потерянный так давно и, судя по всему, бесследно, не очень-то подходил на роль Хоркракса, спрятанного в замке... Однако, прежде чем он смог сформулировать новый вопрос, вновь заговорила Чоу.

– Если ты хочешь посмотреть, на что, скорее всего, эта диадема была похожа, я могла бы провести тебя в нашу общую комнату и показать тебе, Гарри. Она надета на Рэйвенкло, на её статую.

Гаррин шрам вновь прожгло: на мгновение Насущная Комната уплыла в сторону, и вместо её он увидел тёмную землю, скользящую под ним, и почувствовал огромную змею,

обернутую вокруг своих плеч. Волдеморт вновь летел, куда именно – к подземному озеру или сюда, в замок – Гарри не знал; в любом случае времени оставалось очень мало.

– Он ещё идёт, – тихо сказал Гарри Рону и Гермионе. Он глянул на Чоу и затем обратно на них. – Слушайте, я знаю, что это не очень большой шанс, но я собираюсь пойти взглянуть на эту статую, хотя бы узнаю, на что эта диадема похожа. Подождите меня здесь и храните, ну вы поняли – другой.

Чоу поднялась на ноги, но тут Джинни сердитым голосом заявила:

– Нет, пусть лучше Луна отведёт Гарри, хорошо, Луна?

– Ооо, да, с удовольствием, – радостно отозвалась Луна, и Чоу с разочарованным видом села обратно.

– Как мы выберемся? – спросил Гарри у Невилла.

– Вот сюда.

Он провёл Гарри и Луну в угол, где позади маленького буфета открылась крутая лесенка.

– Она каждый день выходит в другое место, так что они её не могут найти, – сказал он. – Проблема в том, что мы сами никогда точно не знаем, где мы окажемся, когда выйдем. Будь осторожен, Гарри, они всегда патрулируют коридоры по ночам.

– Нет проблем, – ответил Гарри. – Скоро увидимся.

Они с Луной взбежали вверх по лестнице, оказавшейся длинной, освещённой факелами и поворачивающей в неожиданных местах. Наконец они достигли, как казалось на первый взгляд, глухой стены.

– Залезай сюда, – сказал Гарри Луне, доставая плащ-невидимку и накидывая его на них обоих. Затем он чуть толкнул стену.

При касании стена растворилась, и они выскользнули наружу; оглянувшись, Гарри обнаружил, что стена немедленно восстановилась. Они стояли в тёмном коридоре; Гарри потянул Луну в тень, порылся в сумочке у себя на шее и извлёк Карту Мародёра. Держа её у самого носа, он искал их с Луной точки и наконец нашёл.

– Мы на шестом этаже, – прошептал он, наблюдая, как Филч удаляется от них этажом выше. – Пошли, сюда.

Они тихо двинулись прочь.

Гарри случалось красться по замку ночью множество раз, но никогда его сердце не колотилось так сильно, никогда столь многое не зависело от того, удастся ли ему пройти нормально. Через квадраты лунного света на полу, мимо доспехов, чьи шлемы скрипели при мягких звуках их шагов, мимо углов, за которыми кто знает, что скрывалось, шли Гарри с Луной, сверяясь с Картой Мародёра всякий раз, когда им позволяло освещение. Дважды они останавливались, чтобы дать пройти призраку, не привлекая к себе внимания. Гарри думал, что наткнётся на препятствие в любой момент; больше всего он боялся Пивза, и с каждым шагом он напрягал слух, дабы различить первые признаки приближения полтергейста.

– Сюда, Гарри, – выдохнула Луна, дёрнув его за рукав и потянув в сторону винтовой лестницы.

Они карабкались вверх тугими, головокружительными витками; Гарри никогда раньше здесь не был. Наконец они добрались до двери. Ни ручки, ни замочной скважины на двери

не было: ничего, кроме гладкого участка старого дерева и бронзового молоточка в форме орла.

Луна протянула бледную руку – со стороны, должно быть, эта рука казалась отделённой от тела, сверхъестественным образом плывущей по воздуху – и один раз стукнула. В тишине этот стук показался Гарри пушечным выстрелом. Тотчас орлиный клюв открылся, но вместо птичьего пения раздался музыкальный голос:

– Что появилось раньше, феникс или пламя?

– Хмм... как ты думаешь, Гарри? – с задумчивым видом спросила Луна.

– Что? Разве тут нет просто пароля?

– О нет, ты должен ответить на вопрос.

– А что будет, если ответить неправильно?

– Тогда тебе придётся подождать кого-то, кто ответит правильно, – пожала плечами Луна. – Так ты учишься, понимаешь?

– Ага... проблема только в том, что мы сейчас не можем себе позволить ждать кого-то ещё, Луна.

– Да нет, я понимаю, что ты имеешь в виду, – серьёзно сказала Луна. – Ну тогда я думаю, что ответ – у кольца нет начала.

– Это разумно, – произнёс голос, и дверь распахнулась.

Пустующая сейчас общая комната Рэйвенкло была широким круглым помещением, просторнее и светлее всего, что Гарри видел в Хогвартсе. Изящные стрельчатые окна пронзали увешанные синими и бронзовыми шелками стены; днём ученикам Рэйвенкло должен был открываться потрясающий вид на окрестные горы. Потолок был сферический, разрисованный звёздами, и этот же звёздный рисунок был повторён на ковре цвета полуночного неба. В комнате было множество столов, кресел и книжных шкафов, а в нише напротив двери стояла высокая беломраморная статуя.

Гарри узнал Ровену Рэйвенкло по бюсту, который он видел в доме Луны. Статуя стояла возле двери, ведущей, как он догадался, к спальням наверху. Он стремительно подошёл к мраморной женщине, и та словно смотрела на него в ответ с загадочной полуулыбкой на лице, красивая и одновременно несколько пугающая. Изящное на вид кольцо, вырезанное из мрамора, венчало её голову. Оно не так уж сильно отличалось от тиары, которую Флер надевала на свадьбу. На диадеме были нанесены крохотные слова. Гарри вышел из-под плаща и взобрался на постамент Рэйвенкло, чтобы прочесть их.

– *«Ум без меры – ценность кавалера».*

– Так что ты чертовски нищий, дурень, – произнёс издевательский голос.

Гарри резко развернулся, соскользнул с постамента и упал на пол. Сутуловатая фигура Алекто Кэрроу стояла прямо перед ним, и едва Гарри успел поднять волшебную палочку, как Алекто прижала свой короткий указательный палец к черепу со змеей, нанесённому на её предплечье.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

УВОЛЬНЕНИЕ СЕВЕРУСА СНЕЙПА

В то мгновение, когда палец Алектос коснулся Метки, Гарри шрам безумно запылал, звёздная комната пропала из виду, и он стоял на обломке камня под клифом, и море шевелилось вокруг него, и в его сердце был триумф – *они нашли мальчика*.

Громкое «бум» вернуло Гарри обратно: дезориентированный, он поднял волшебную палочку, но ведьма перед ним уже падала лицом вперёд; она ударилась об пол настолько сильно, что стекла в книжных шкафах звякнули.

– Я никогда никого раньше не оглушала, кроме как на занятиях ДА, – в голосе Луны звучал умеренный интерес. – Это громче, чем я предполагала.

И действительно, потолок начал дрожать. Быстрые шаги всё отчётливее доносились из-за двери, ведущей к спальням: заклинание Луны разбудило учеников Рэйвенкло, спавших наверху.

– Луна, где ты? Мне нужно под плащ!

Ноги Луны появились из ниоткуда; он поспешно подбежал к ней, и она снова накинула плащ на них обоих. В этот момент дверь распахнулась, и поток учеников в ночных одеждах выплеснулся в общую комнату. Как только они увидели лежащую без сознания Алектос, послышались ахи и удивлённые возгласы. Ученики медленно обступили её, злобного зверя, могущего в любой момент проснуться и напасть на них. Затем какой-то храбрый маленький первокурсник подбежал к ней и легонько ткнул большим пальцем ноги в седалище.

– По-моему, она мертва! – восторженно закричал он.

– О, смотри, – радостно прошептала Луна, глядя на сгрудившихся вокруг Алектос учеников. – Они довольны!

– Ага... классно...

Гарри закрыл глаза и, поскольку его шрам по-прежнему пульсировал, решил вновь окунуться в мозг Волдеморта... Он двигался тоннелем в первую пещеру... Он предпочёл удостовериться насчёт медальона, прежде чем прийти... Но это его надолго не задержит...

Раздался быстрый стук в дверь общей комнаты, и ученики Рэйвенкло застыли на месте. Гарри услышал, как мягкий музыкальный голос орла-молоточка по ту сторону двери спросил:

– Куда деваются исчезнувшие предметы?

– Я не знаю, понятно? Заткнись! – прорычал грубый голос, который Гарри немедленно узнал: голос принадлежал брату Кэрроу, Амикусу. – Алектос? *Алектос*? Ты там? Ты его взяла? Открой дверь!

Ученики Рэйвенкло в страхе перешёптывались между собой. Затем, без предупреждения, послышалась серия громких ударов, словно кто-то стрелял в дверь из ружья.

– АЛЕКТО! Если он придёт, а у нас не будет Поттера – ты хочешь пойти за Малфоями? ОТВЕЧАЙ! – заорал Амикус, трясая дверь изо всех сил, но та открываться по-прежнему не желала. Ученики пятились назад, а некоторые из наиболее испуганных начали карабкаться по лестнице обратно к постелям. Затем, как раз когда Гарри уже начал думать, не лучше ли ему

распахнуть дверь и оглушить Амикуса, прежде чем Пожиратель Смерти сделает что-нибудь ещё, за дверью раздался исключительно знакомый голос.

– Могу ли я поинтересоваться, что вы делаете, профессор Кэрроу?

– Пытаюсь – пройти – через эту – чёртову – дверь! – проорал Амикус. – Давай води сюда Флитвика! Веди его, чтоб он её открыл, живо!

– Но разве ваша сестра не там? – спросила профессор МакГонагалл. – Разве профессор Флитвик не впустил её сегодня, немного раньше, по вашему срочному требованию? Может быть, она сможет открыть для вас дверь? Тогда вам не придётся будить половину замка.

– Она не отвечает, ты, старая карга! *Ты* открывай! Блин! Давай, живо!

– Разумеется, если вам угодно, – ледяным голосом ответила профессор МакГонагалл. Раздался деликатный стук молоточка, и музыкальный голос вновь поинтересовался: «Куда деваются исчезнувшие предметы?»

– В несуществование, или, точнее говоря, во всё существующее, – ответила профессор МакГонагалл.

– Красиво сформулировано, – ответил орлоподобный молоточек, и дверь распахнулась.

Те немногие ученики, кто ещё оставался в комнате, кинулись к лестнице, как только Амикус ворвался через порог, размахивая волшебной палочкой. Сутулый, как и его сестра, с бледным одутловатым лицом, он сразу же устремил свои крохотные глазки на Алекто, неподвижно распростёртую на полу, и испустил вопль ярости и страха.

– Что они наделали, маленькие щенки? – заорал он. – Я их всех буду Крусиатить, пока они мне не скажут, кто это сделал... И что скажет Тёмный Лорд? – крикнул он, стоя над сестрой и стуча кулаком себе по лбу. – Мы его не взяли, а они, блин, её убили!

– Она только Оглушена, – раздражённо произнесла профессор МакГонагалл, склонившаяся над Алекто и осматривавшая её. – С ней будет всё в полном порядке.

– Нет, она, дьявол тебя побери, не будет в порядке! – проревел Амикус. – Только не после того, как до неё доберётся Тёмный Лорд! Она, блин, за ним послала, я почувствовал, как моя Метка горит, и он думает, что мы взяли Поттера!

– «Взяли Поттера»? – резко переспросила профессор МакГонагалл. – Что вы имеете в виду, «взяли Поттера»?

– Он говорил нам, что Поттер может попытаться пройти в башню Рэйвенкло, и чтоб мы его призвали, если поймаем!

– Зачем Гарри Поттеру пытаться проникнуть в башню Рэйвенкло? Поттер относится к моему Дому!

За скепсисом и гневом Гарри разобрал в её голосе струнку гордости, и в нём поднялось чувство признательности к Минерве МакГонагалл.

– Нам сказали, что он может прийти сюда! – заявил Кэрроу. – Не знаю почему, мало ли?

Профессор МакГонагалл встала, и взгляд её маленьких глаз прочесал комнату. Дважды он проходил через то место, где стояли Гарри и Луна.

– Мы сможем спихнуть это на детей, – произнёс Амикус, его свинячье лицо внезапно приобрело хитрое выражение. – Да, так мы и сделаем. Мы скажем, что дети напали на Алекто, вот эти наверху, – он поднял взгляд на звёздный потолок, в сторону спален, – и мы скажем,

что они заставили её нажать на Метку, и поэтому была ложная тревога... Их он и накажет. Парой щенков больше, парой меньше, какая разница?

– Разница всего лишь между правдой и ложью, смелостью и трусостью, – побледнев, ответила профессор МакГонагалл, – короче говоря, разница, которую вы с вашей сестрой никогда не могли понять. Но позвольте мне прояснить для вас одну вещь. Вы не будете сваливать ваши многочисленные проявления некомпетентности на учеников Хогвартса. Я не допущу этого.

– Простите?

Амикус шёл вперёд, пока не оказался в оскорбительной близости от профессора МакГонагалл, его лицо было в считанных дюймах от её. Она не попятилась, но смотрела на него сверху вниз, как будто перед ней было что-то отвратительное, прилипшее к стульчаку унитаза.

– Не имеет значения, что *ты* допустишь, Минерва МакГонагалл. Твоё время вышло. Мы теперь здесь главные, и ты прикроешь меня, или ты заплатишь.

И он плюнул ей в лицо.

Гарри стянул с себя плащ, поднял волшебную палочку и произнёс:

– Ты не должен был этого делать.

Едва Амикус развернулся, как Гарри крикнул: «*Crucio!*»

Пожиратель Смерти взмыл в воздух. Вися в воздухе, он корчился, словно утопающий, молотя руками и воя от боли, а потом с хрустом и стеклянным звоном врезался в дверцу книжного шкафа и рухнул на пол, уже без сознания.

– Я понял, что имела в виду Беллатрикс, – сказал Гарри, и кровь стучала у него в голове. – Этого действительно надо хотеть.

– Поттер! – прошептала профессор МакГонагалл, хватаясь за сердце. – Поттер... вы здесь! Что?.. Как?.. – она изо всех сил пыталась собраться. – Поттер, это было глупо!

– Он плюнул в вас, – сказал Гарри.

– Поттер, я... Это было очень... очень *галантно* с вашей стороны... Но неужели вы не понимаете?..

– Понимаю, – заверил её Гарри. Каким-то образом паника МакГонагалл его успокоила. – Профессор МакГонагалл, сюда идёт Волдеморт.

– О, мы теперь можем называть его по имени? – с оттенком интереса в голосе спросила Луна, стягивая плащ-невидимку. Появление ещё одного изгоя, похоже, доконало профессора МакГонагалл – та, шатаясь, шагнула назад и упала в ближайшее кресло, хватаясь руками за воротник своего старого шотландского шерстяного халата.

– Не думаю, что есть разница, как мы его называем, – сообщил Гарри Луне. – Он уже знает, что я здесь.

В отдалённом уголке Гарриного мозга, в том, что был связан с сердито горящим шрамом, он мог видеть, как Волдеморт стремительно плывёт над чёрным озером в призрачно-зелёной лодке... Он уже почти достиг островка, на котором стояла зелёная чаша...

– Вы должны бежать, – прошептала профессор МакГонагалл. – Сейчас же, Поттер, и как можно быстрее!

– Я не могу, – ответил Гарри. – Есть кое-что, что я должен сделать. Профессор, знаете ли вы, где находится диадема Рэйвенкло?

– Д-диадема Рэйвенкло? Конечно же, нет – она ведь была утрачена много веков назад? – она села чуть прямее. – Поттер, это было безумие, чистое безумие с вашей стороны, проникнуть в замок...

– Мне пришлось. Профессор, в замке кое-что спрятано, что я должен найти, и это, *возможно*, диадема – если бы я мог поговорить с профессором Флитвиком...

Послышалось движение и звон стекла: Амикус приходил в чувство. Прежде чем Гарри и Луна успели что-либо сделать, профессор МакГонагалл поднялась на ноги, навела волшебную палочку на всё ещё ничего не соображающего Пожирателя Смерти и произнесла: «*Imperio*».

Амикус поднялся, подошёл к своей сестре, подобрал её волшебную палочку, послушно прошептал к профессору МакГонагалл и протянул ей обе палочки (свою тоже). Затем он лёг на пол рядом с Алекто. Профессор МакГонагалл снова взмахнула волшебной палочкой, и длинная серебристая верёвка, появившаяся из ниоткуда, змейёй обвилась вокруг обоих Кэрроу, крепко привязав их друг к другу.

– Поттер, – профессор МакГонагалл снова повернулась к Гарри лицом, демонстрируя полное безразличие к печальному положению, в котором оказались Кэрроу, – если Тот-Кого-Нельзя-Называть действительно знает, что вы здесь...

При этих словах страшная ярость, словно физическая боль, прошла тело Гарри, воспламенив его шрам, и какую-то секунду он смотрел вниз, на чашу, зелье в которой стало прозрачным, и видел, что никакого золотого медальона не было под его поверхностью...

– Поттер, вы в порядке? – раздался голос, и Гарри пришёл в себя: он сжимал плечо Луны, чтобы остаться на ногах.

– Времени мало, Волдеморт приближается. Профессор, я действую по приказу Дамблдора, я должен найти то, что он хотел, чтобы я нашёл! Но нам нужно убрать отсюда учеников, пока я обыскиваю замок – Волдеморту нужен я, но он не постесняется убить ещё, парой больше, парой меньше, тем более сейчас... *Тем более сейчас, когда он знает, что я атакую Хогвартс*, мысленно закончил фразу Гарри.

– Вы действуете по приказу *Дамблдора*? – повторила она с удивлённым пониманием в глазах. Затем она выпрямилась во весь рост.

– Мы защитим школу против Того- Кого-Нельзя-Называть, пока вы ищете этот... этот предмет.

– Это возможно?

– Думаю, да, – сухо произнесла профессор МакГонагалл, – мы, учителя, довольно неплохи по части магии, знаете ли. Я уверена, что мы сможем не пускать его сюда в течение некоторого времени, если приложим все наши усилия. Конечно, что-то надо будет сделать в отношении профессора Снейпа...

– Позвольте я...

– ...и если Хогвартс в ближайшее время окажется в осаждённом состоянии и с Тёмным Лордом у ворот, разумеется, будет весьма разумно убрать с его пути как можно больше невинных людей. Сейчас, когда сеть летучего пороха находится под наблюдением, а аппарирование в пределах школы невозможно...

– Есть способ, – быстро сказал Гарри, после чего объяснил о тоннеле, ведущем в «Кабанью голову».

– Поттер, мы говорим о сотнях учеников...

– Я знаю, профессор, но если Волдеморт и Пожиратели Смерти сосредоточатся на границах школы, их не заинтересует кто-то, дезаппарирующий из «Кабаньей головы».

– В этом что-то есть, – согласилась она. Затем она навела волшебную палочку на Кэрроу, и серебряная сеть упала на их связанные тела, завязалась вокруг них и подвесила их в воздух, где они и болтались под сине-золотым потолком, словно два больших, уродливых морских чудовища. – Пойдёмте. Мы должны предупредить остальных глав Домов. Вам лучше снова надеть этот плащ.

Она стремительно прошла в сторону двери и подняла волшебную палочку. Из её кончика вырвались три серебряных кошки с отметинами вокруг глаз. Патронусы плавно побежали вперёд, наполнив винтовую лестницу серебристым светом, пока профессор МакГонагалл, Гарри и Луна торопливо спускались вслед за ними.

Они бежали коридорами, и один за другим Патронусы их покидали; клетчатый халат профессора МакГонагалл шелестел по полу, Гарри с Луной под плащом держались сзади.

Они спустились на два пролёта, когда раздались ещё одни негромкие шаги. Гарри, несмотря на продолжающееся покалывание в шраме, услышал их первым; он нашарил в сумочке на шее Карту Мародёра, но прежде чем он успел её извлечь, МакГонагалл, видимо, тоже поняла, что они не одни. Она остановилась, подняла волшебную палочку, готовая сражаться, и проговорила:

– Кто здесь?

– Это я, – ответил тихий голос.

Из-за статуи в доспехах выступил Северус Снейп.

Ненависть вскипела в Гарри, едва он его увидел. Он позабыл детали облика Снейпа за громадностью его преступлений, забыл, как его сальные чёрные волосы свисают шторами по краям худого лица, какой мёртвый, холодный взгляд испускают его глаза. На нём была не ночная одежда, но обычный чёрный плащ. Он также держал волшебную палочку изготовленной к бою.

– Где Кэрроу? – тихо поинтересовался он.

– Там, где ты приказал им быть, я полагаю, Северус.

Снейп шагнул ближе, и его взгляд скользнул по профессору МакГонагалл и обшарил пространство вокруг неё, словно Снейп знал, что Гарри здесь. Гарри тоже поднял волшебную палочку, приготовившись атаковать.

– У меня сложилось впечатление, – произнёс Снейп, – что Алектэ задержала постороннего.

– Правда? – спросила профессор МакГонаггалл. – И на основании чего у тебя сложилось такое впечатление?

Снейп едва заметно согнул левую руку, где в его кожу была впечатана Тёмная Метка.

– О, ну конечно же, – сказала профессор МакГонаггалл. – У вас, Пожирателей Смерти, есть свои персональные методы связи, я и забыла.

Снейп сделал вид, что не слышит. Его глаза по-прежнему ощупывали воздух вокруг неё, и он постепенно придвигался всё ближе, словно бы не вполне осознавая, что делает.

– Я не знал, что сегодня ночью твоя очередь патрулировать коридоры, Минерва.

– У тебя есть возражения?

– Любопытно, что могло поднять тебя из постели в столь поздний час?

– Мне показалось, что я слышала шум, – ответила профессор МакГонаггалл.

– Правда? Но сейчас, кажется, всё спокойно.

Снейп посмотрел ей в глаза.

– Ты видела Гарри Поттера, Минерва? Потому что если ты его видела, то я должен потребовать...

Профессор МакГонаггалл сделала движение более быстрое, чем Гарри мог бы от неё ожидать: её волшебная палочка рассекла воздух, и какую-то долю секунды Гарри казалось, что Снейп сейчас свалится без сознания, но его Щитовые чары были поставлены настолько стремительно, что профессор МакГонаггалл потеряла равновесие. Она махнула волшебной палочкой в сторону факела на стене, и он вылетел из своего гнезда; Гарри, уже собиравшийся наложить проклятие на Снейпа, вынужден был оттащить Луну с пути падающих языков пламени, которые превратились в огненное кольцо, заполнившее весь коридор и метнувшееся на Снейпа, словно лассо...

Но оно уже не было огнём – оно было огромной чёрной змеей. МакГонаггалл обратила змею в дым; тот в течение секунд сгустился, затвердел и превратился в рой кинжалов, полетевших в Снейпа. Снейп сумел уйти от удара, рывком поставив перед собой доспех, и кинжалы, один за другим, с лязгом впились в его нагрудник...

– Минерва! – послышался писклявый голос, и Гарри, по-прежнему закрывавший Луну от летающих повсюду заклятий, обернулся назад и увидел профессоров Флитвика и Спраут, бегущих по коридору в своих ночных туалетах, а позади них, тяжело дыша, мчался огромный профессор Слагхорн.

– Нет! – взвизгнул Флитвик, поднимая волшебную палочку. – Ты никого больше не убьёшь в Хогвартсе!

Заклятье Флитвика ударило в доспех, за которым укрывался Снейп. Доспех с лязгом ожил и попытался схватить Снейпа. Снейп вырвался из костоломных объятий и швырнул его в нападающих; Гарри и Луна вынуждены были броситься в сторону, когда доспех врезался в стену и развалился на части. Когда Гарри вновь поднял голову, Снейп уже удирал со всех ног, а МакГонаггалл, Флитвик и Спраут мчались за ним. Снейп ворвался в один из классов, и мгновениями позже Гарри услышал, как МакГонаггалл кричит: «Трус! ТРУС!»

– Что случилось, что случилось? – спрашивала Луна.

Гарри поднял её на ноги, и они побежали по коридору, волоча плащ-невидимку за собой. В пустом классе профессора МакГонагалл, Флитвик и Спраут стояли у разбитого окна.

– Он выпрыгнул, – пояснила профессор МакГонагалл, когда Гарри и Луна влетели в комнату.

– То есть он *мёртв*? – Гарри подбежал к окну, не обращая внимания на вызванные его появлением ошеломлённые возгласы со стороны Флитвика и Спраут.

– Нет, он не мёртв, – с горечью в голосе ответила профессор МакГонагалл. – В отличие от Дамблдора, у него была с собой палочка... И он, похоже, взял несколько уроков у своего господина.

Гарри на мгновение ощутил ужас, увидев вдалеке огромную, смахивающую на летучую мышь фигуру, летящую сквозь тьму в направлении внешней стены.

Позади них раздались тяжёлые шаги и громкое пыхтение: Слагхорн наконец-то их догнал.

– Гарри! – пропыхтел он, массируя свою огромную грудь под изумрудного цвета шёлковой пижамой. – Мой дорогой мальчик... Какой сюрприз... Минерва, всё-таки объясни, пожалуйста... Северус... что?

– Наш директор ушёл в небольшой отпуск, – профессор МакГонагалл указала на окно, в котором зияла дыра в форме Снейпа.

– Профессор! – прокричал Гарри, прижав ладони ко лбу. Он видел, как под ним скользит наполненное преисподами озеро, и ощутил, как призрачная зелёная лодка стукнулась о подземный берег, и как Волдеморт выпрыгнул из неё, неся убийство в своём сердце...

– Профессор, мы должны забаррикадировать школу, он уже идёт!

– Значит, так. Тот-Кого-Нельзя-Называть направляется сюда, – сообщила она остальным учителям. Спраут и Флитвик ахнули, Слагхорн испустил тихий стон. – Поттер в замке должен выполнить некую работу в соответствии с приказом Дамблдора. Нам необходимо установить все средства защиты, какие мы только можем, пока Поттер делает то, что он должен сделать.

– Ты, конечно, понимаешь, что всё, что мы сделаем, не сможет задерживать Сама-Знаешь-Кого бесконечно? – пропищал Флитвик.

– Но притормозить мы его можем, – произнесла профессор Спраут.

– Спасибо, Помона, – сказала профессор МакГонагалл, и две ведьмы обменялись взглядами, полными мрачного понимания. – Я предлагаю установить сейчас базовую защиту, затем собрать учеников и встретиться в Большом Зале. Большинство должно быть эвакуировано, хотя если те из них, кто достиг совершеннолетия, пожелают остаться и драться, я думаю, мы должны предоставить им такую возможность.

– Согласна, – профессор Спраут уже шла к двери. – Я встречу с вами в Большом Зале через двадцать минут вместе со всем моим Домом.

И когда она выбегала из комнаты, они слышали, как она бормочет себе под нос:

– Тентакула. Дьявольские силки. И стручки плетегруба... Да, интересно будет посмотреть, как Пожиратели Смерти справятся с *этим*.

– Я могу работать прямо отсюда, – заявил Флитвик и, хотя он едва дотягивался головой до разбитого окна, просунул в него волшебную палочку и начал бормотать какие-то невероятно сложные заклинания. Гарри услышал странный свистящий звук, словно профессор Флитвик обрушил на хогвартский парк сильный ветер.

– Профессор, – произнёс Гарри, подойдя к маленькому преподавателю чар. – Профессор, извините, что прерываю вас, но это очень важно. У вас нет случайно предположений, где может находиться диадема Рэйвенкло?

– ...*Protego horribilis*... Диадема Рэйвенкло? – пропищал Флитвик. – Немного лишней мудрости никогда не помешает, Поттер, но я не думаю, что от неё будет много пользы в *этой* ситуации!

– Я только хотел узнать... Вы знаете, где она? Вы её когда-нибудь видели?

– Видел? Никто из ныне живущих не видел! Она давно потеряна, парень!

Гарри ощутил смесь отчаянного разочарования и паники. Что же тогда было Хоркраксом?

– Мы встретимся с тобой и учениками Рэйвенкло в Большом Зале, Филнус! – сказала профессор МакГонагалл, жестом приглашая Гарри и Луну следовать за собой.

Они едва успели достичь двери, как раздался тихий голос Слагхорна.

– Боже ты мой, – пропыхтел он, бледный и истекающий потом; его моржовые усы тряслись. – Что за суматоха! Я совсем не уверен, что это мудро, Минерва. Он наверняка найдёт способ пройти, знаешь ли, и всякий, кто пытался его задержать, окажется в наисерьёзнейшей опасности...

– Тебя и слизеринцев я тоже жду в Большом Зале через двадцать минут, – ответила профессор МакГонагалл. – Если ты желаешь уйти вместе со своими учениками, мы не будем тебя задерживать. Но если кто-то из вас попытается помешать нашему сопротивлению или поднять на нас оружие внутри замка, тогда, Гораций, между нами дуэль. Насмерть.

– Минерва! – он явно был потрясён.

– Пришло время Дому Слизерина решить, на чьей он стороне, – перебила профессор МакГонагалл. – Иди буди своих учеников, Гораций.

Гарри не стал оставаться и слушать лопотание Слагхорна: они с Луной побежали вслед за профессором МакГонагалл; та заняла позицию в середине коридора и подняла волшебную палочку.

– *Piertotum*... О, ради бога, Филч, только не сейчас...

Престарелый смотритель как раз проковылял в коридор из-за угла, крича: «Ученики не в постелях! Ученики в коридорах!»

– Так и должно быть, ты, идиотское трепло! – заорала МакГонагалл. – Иди лучше сделай что-нибудь полезное! Найди Пивза!

– П-пивза? – заикаясь, повторил Филч, словно он никогда раньше не слышал этого имени.

– Да, *Пивза*, дурак, *Пивза*! Не ты ли на него уже четверть века жалуешься? Давай приведи его, немедленно!

Филч явно решил, что профессор МакГонагалл выжила из ума, но ухромал прочь, сутулясь и бормоча что-то себе под нос.

– А теперь – *piertotum locomotor!* – прокричала профессор МакГонагалл.

И по всему коридору со своих пьедесталов прыгнули статуи и доспехи, и по грохоту, доносящемуся с этажей выше и ниже, Гарри понял, что это происходит по всему замку.

– Хогвартс в опасности! – возвала профессор МакГонагалл. – Встаньте на границах, защитите нас, сделайте своё дело ради нашей школы!

Лязгая и вопя, орда статуй протопала мимо Гарри; некоторые из них были меньше живых людей по размеру, другие больше. Там были и животные, и доспехи, с грохотом размахивающие мечами и цепями.

– Так, Поттер, – произнесла МакГонагалл, – ты и мисс Лавгуд лучше возвращайтесь к своим друзьям и приведите их в Большой Зал – я подниму остальных гриффиндорцев.

Они разделились наверху следующей лестницы: Гарри и Луна побежали обратно к скрытому входу в Насущную Комнату. Пока они бежали, им встречались толпы учеников (большинство из них были одеты в дорожные плащи поверх пижам), сопровождаемых в Большой Зал преподавателями и премофами.

– Это был Поттер!

– *Гарри Поттер!*

– Это был он, правда, я его только что видел!

Но Гарри не оглядывался назад. Наконец они добрались до входа в Насущную Комнату. Гарри прислонился к зачарованной стене, которая тотчас раскрылась перед ним, и они с Луной поспешили вниз по крутой лестнице.

– Чт-?..

Увидев комнату, Гарри от шока поскользнулся и проехал несколько ступеней. Она была набита битком, народу было больше, чем когда он был здесь в прошлый раз. Кингсли и Люпин смотрели на него, так же как Оливер Вуд, Кэти Белл, Анджелина Джонсон и Алисия Спиннет, Билл и Флер, и мистер и миссис Уизли.

– Гарри, что происходит? – спросил Люпин, встречая его у подножия лестницы.

– Волдеморт идёт сюда, они баррикадируют школу – Снейп сбежал – а что ты здесь делаешь? Как ты узнал?

– Мы отослали сообщения всем остальным из Дамблдоровой Армии, – объяснил Фред. – Даже и не надейся, что все захотят пропустить развлекуху, Гарри, а потом ДА сообщила Ордену Феникса, ну и покатилося.

– Что теперь, Гарри? – поинтересовался Джордж. – Что сейчас происходит?

– Они эвакуируют самых маленьких, и все собираются в Большом Зале, чтобы организовать, – ответил Гарри. – Мы будем драться.

Раздался всеобщий рёв, и толпа двинулась к подножию лестницы; Гарри прижало к стене, когда они пробежали мимо него, направляясь в главную часть замка, все вместе, и члены Ордена Феникса, и Дамблдорова Армия, и Гарриная старая квиддичная команда, все с волшебными палочками наизготовку.

– Пошли, Луна! – позвал Дин, протягивая ей свободную руку; она ухватила за неё и проследовала за ним по лестнице.

Толпа истончалась; лишь несколько человек остались в Насущной Комнате, и Гарри к ним присоединился. Миссис Уизли сражалась с Джинни. Вокруг них стояли Люпин, Фред, Джордж, Билл и Флер.

– Ты несовершеннолетняя! – орала миссис Уизли на дочь, когда Гарри подошёл. – Я тебе не разрешаю! Мальчики да, но ты – ты должна идти домой!

– Не пойду!

Волосы Джинни разлетелись, когда она вырвала руку из руки матери.

– Я в Дамблдорской Армии...

– ...банда подростков!

– Банда подростков, которая бросила вызов *ему*, когда никто другой на это не решился! – заявил Фред.

– Ей шестнадцать! – проорала миссис Уизли. – Она ещё маленькая! О чём вы двое думали, когда брали её с собой...

Фред и Джордж, казалось, слегка устыдились.

– Мама права, Джинни, – мягко произнёс Билл. – Ты не можешь остаться. Всем несовершеннолетним придётся уйти, и это правильно.

– Я домой не пойду! – прокричала Джинни, и сердитые слёзы выступили у неё на глазах. – Вся моя семья здесь, я не выдержу просто ждать там одной, и ничего не знать, и...

Впервые она встретилась взглядом с Гарри. Она умоляюще посмотрела на него, но Гарри покачал головой, и Джинни сердито отвернулась.

– Отлично, – отрезала она, глядя на вход в тоннель, ведущий в «Кабанью голову». Всем до свидания, тогда, и...

Раздался топот ног и шлепок: кто-то выбрался из тоннеля, потерял равновесие и упал. Он поднялся, держась за ближайшее кресло, огляделся сквозь съехавшие набок очки в роговой оправе и произнёс:

– Я не очень опоздал? Уже началось? Я только что узнал, так что я... я...

Пёрси внезапно замолчал. Он явно не ожидал наткнуться на практически всю свою семью. Повисла долгая пауза, наполненная всеобщим ошеломлением. Наконец, Флер в очевидной попытке как-то снять напряжение повернулась к Люпину и сказала:

– Да – как поживает маленький Тедди?

Люпин потрясённо моргал на неё. Молчание между Уизли стремительно твердело, словно лёд.

– Я... о да... он отлично! – громко воскликнул Люпин. – Да, Тонкс сейчас с ним – у своей матери.

Пёрси и остальные Уизли по-прежнему смотрели друг на друга, застыв, как статуи.

– Вот, у меня есть фото! – прокричал Люпин, доставая из жилета фотографию и протягивая её Флер и Гарри; тот увидел крохотного младенца с шапкой ярко-бирюзовых волос, размахивающего кулачками перед камерой.

– Я был дурак! – проорал Пёрси так громко, что Люпин едва не выронил фотографию.
– Я был идиотом, я был надутым ослом, я был... был...

– Министролюбивым, властолюбивым, бросившим семью бараном, – предположил Фред.

Пёрси сглотнул.

– Да, этим я и был!

– Что ж, точнее и не скажешь, – и Фред протянул Пёрси руку.

Миссис Уизли разрыдалась. Она кинулась вперёд, оттолкнула Фреда в сторону и заключила Пёрси в удушающее объятие, в то время как он похлопывал её по спине, не сводя глаз с отца.

– Прости меня, папа, – сказал Пёрси.

Мистер Уизли резко моргнул, после чего тоже поспешил обнять своего сына.

– И что вернуло тебе разум? – поинтересовался Джордж.

– Всё понемногу в последнее время, – ответил Пёрси, промокая глаза под очками уголком дорожного плаща. – Но мне надо было найти способ выбраться, а это в Министерстве нелегко, они всё время сажают предателей. Мне удалось связаться с Аберфортом, и он десять минут назад намекнул мне, что Хогвартс собирается сражаться, и вот я пришёл.

– Что ж, все мы ожидаем от наших префектов, что в столь трудные времена они поведут нас за собой, – произнёс Джордж, удачно имитируя наиболее напыщенную манеру Пёрси. – Ну тогда пошли наверх драться, а то всех хороших Пожирателей Смерти разберут.

– Значит, ты теперь моя невестка? – спросил Пёрси, пожимая руку Флер, когда они торопливо шли к лестнице в компании Билла и Фреда с Джорджем.

– Джинни! – рявкнула миссис Уизли.

Джинни попыталась, воспользовавшись всеобщим отвлечением в виде примирения семьи, тоже прошмыгнуть наверх.

– Молли, а может, так, – предложил Люпин. – Почему бы Джинни не остаться здесь, тогда она, по крайней мере, останется недалеко от событий и будет в курсе происходящего, но при этом не попадёт в гуцу сражения?

– Я...

– Хорошая идея, – твёрдо произнесла миссис Уизли. – Джинни, ты остаёшься в этой комнате, ты меня слышала?

Джинни, похоже, эта идея не очень понравилась, но, ощущая на себе необычно строгий взгляд отца, она в конце концов кивнула. Мистер и миссис Уизли и Люпин тоже направились к лестнице.

– А где Рон? – спросил Гарри. – И Гермиона?

– Они, наверно, уже прошли в Большой Зал, – через плечо отозвался мистер Уизли.

– Я не видел, чтобы они мимо меня проходили, – покачал головой Гарри.

– Они что-то говорили про туалет, – сказала Джинни, – вскоре после твоего ухода.

– Туалет?

Гарри прошёл к открытой двери, ведущей из Насущной Комнаты, и проверил ванную и туалет, расположенные за ней. Там было пусто.

— Ты уверена, что они сказали туал-?..

Но в этот момент его шрам запылал, и Насущная Комната исчезла: он смотрел сквозь высокие железные ворота, по бокам которых на колоннах стояли крылатые кабаны, смотрел сквозь тёмный парк на сияющий огнями замок. Нагини лежала, свернувшись у него на плечах. Он был охвачен тем холодным, жестоким чувством цели, которое предшествовало убийству.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

БИТВА ПРИ ХОГВАРТСЕ

Зачарованный потолок Большого Зала был чёрен и усыпан звёздами, и четыре длинных стола Домов под этим потолком были заполнены непричёсанными учениками; некоторые были в дорожных плащах, другие в халатах. То тут, то там сияли жемчужно-белые фигуры призраков. Все глаза, и живые, и мёртвые, неотрывно смотрели на профессора МакГонагалл, говорившую с возвышения во главе Зала. За её спиной стояли остальные учителя, включая пегого кентавра Фиренце, и члены Ордена Феникса, прибывшие для участия в сражении.

— ...за эвакуацией будут присматривать мистер Филч и мадам Помфри. Префекты, когда я отдам команду, вы организуете свои Дома и направите их, не нарушая строя, к месту эвакуации.

Многие из учеников были напуганы. Однако, пока Гарри обходил вокруг Зала, осматривая стол Гриффиндора в поисках Рона и Гермионы, Эрни Макмиллан поднялся из-за стола Хаффлаффа и крикнул:

— А если мы хотим остаться и драться?

Раздались немногочисленные аплодисменты.

— Если вы совершеннолетние, вы можете остаться, — ответила профессор МакГонагалл.

— А что с нашими вещами? — спросила девочка из-за стола Рэйвенкло. — С нашими сундуками, с совами?

— У нас нет времени, чтобы собирать вещи. Самое важное — вывести вас отсюда в безопасное место.

— Где профессор Снейп? — крикнула девочка от слизеринского стола.

— Он, выражаясь простым языком, смылся, — ответила профессор МакГонагалл, вызвав лавину радостных криков учеников Гриффиндора, Хаффлаффа и Рэйвенкло.

Гарри прошёл через Зал вдоль гриффиндорского стола, всё ещё пытаясь найти Рона с Гермионой. Пока он шёл, лица поворачивались в его направлении, и за своей спиной он слышал многочисленные перешёптывания.

— Мы уже поставили защиту вокруг замка, — продолжала профессор МакГонагалл, — но она вряд ли продержится долго, если мы её не укрепим. Поэтому я вынуждена просить вас двигаться тихо и спокойно и делать то, что ваши префекты...

Но её последние слова утонули в другом голосе, разнёсшемся по всему Залу. Этот голос был высок, ясен и холоден; источник его определить было невозможно — он словно исходил прямо из стен. Как и монстр, которым этот голос когда-то повелевал, он, возможно, дремал здесь веками.

— Я знаю, что вы готовитесь сражаться.

Среди учеников раздались вскрики; некоторые из них вцепились друг в друга, оглядываясь в ужасе, пытаясь найти источник звука.

— Ваши усилия тщетны. Вы не можете со мной сражаться. Я не хочу убивать вас. Я чрезвычайно уважаю преподавателей Хогвартса. Я не желаю проливать магической крови.

Теперь в Зале царило полное молчание; это молчание давило на барабанные перепонки, оно казалось слишком огромным, чтобы его могли удержать стены.

– Выдайте мне Гарри Поттера, – продолжил голос Волдеморта, – и никому не будет причинён вред. Выдайте мне Гарри Поттера, и я оставляю школу нетронутой. Выдайте мне Гарри Поттера, и вы будете вознаграждены. У вас есть время до полуночи.

Тишина вновь залила всех. Каждая голова повернулась, каждый глаз в зале, казалось, нашёл Гарри, и он стоял, застыв, словно в свете тысяч незримых лучей. Затем фигура поднялась из-за стола Слизерина, и он узнал Пэнси Паркинсон; та подняла трясущуюся руку и прокричала:

– Но он же здесь! Поттер *здесь*! Кто-нибудь, схватите его!

Прежде чем Гарри смог что-то ответить, повсюду началось движение. Гриффиндорцы перед ним поднялись и повернулись лицом, но не к Гарри, а к слизеринцам. Затем встали хаффлапфцы и, практически одновременно – ученики Рэйвенкло, все спиной к Гарри, все лицом к Пэнси, и Гарри, ошеломлённый и охваченный чувством признательности, увидел, как повсюду появляются волшебные палочки, извлекаемые из-под плащей и из рукавов.

– Спасибо, мисс Паркинсон, – отрезала профессор МакГонагалл. – Вы покинете Зал первой, с мистером Филчем. Остальные ученики Дома, будьте любезны пройти следом.

Гарри услышал скрип скамеек и звук шагов слизеринцев, выходящих с противоположного от него конца Зала.

– Рэйвенкло, за ними! – призвала профессор МакГонагалл.

Постепенно четыре стола опустели. Стол Слизерина был полностью пуст, но часть самых старших учеников Рэйвенкло осталась сидеть; ещё больше народу осталось сидеть за столом Хаффлапффа, а за гриффиндорским столом осталась половина народу, вынудив профессора МакГонагалл спуститься с учительского помоста, чтобы заставить несовершеннолетних идти своей дорогой.

– Абсолютно нельзя, Криви, уходи! И ты *тоже*, Пикс!

Гарри поспешил к семье Уизли, сидящей вместе за гриффиндорским столом.

– Где Рон и Гермиона?

– А ты их ещё не на-?... – обеспокоенно начал мистер Уизли.

Тут он прервался, поскольку Кингсли на преподавательском помосте шагнул вперёд и обратился к оставшимся.

– У нас до полуночи всего полчаса, так что мы должны действовать быстро! План сражения был согласован между преподавателями Хогвартса и Орденом Феникса. Профессора Флитвик, Спраут и МакГонагалл поведут группы бойцов на три самые высокие башни – башни Рэйвенкло, Гриффиндора и Астрономическую – где у них будет хороший обзор и отличные позиции для наложения заклинаний. Одновременно Римус, – он указал на Люпина, – Артур, – он показал вперёд на мистера Уизли, сидящего за гриффиндорским столом, – и я поведём группы в парк. Нам нужен кто-то для организации защиты проходов в школу...

– ...похоже, это работа для нас, – крикнул Фред, показывая на себя и Джорджа, и Кингсли кивком одобрил этот вариант.

– Отлично, командиры сюда, и мы разделим бойцов!

– Поттер, – сказала профессор МакГонагалл, поспешно подходя к нему, пока ученики наводняли возвышение, толкаясь за место и получая приказы, – *вы, предположительно, что-то должны искать?*

– Что? Ох, – промямлил Гарри. – О... ага!

Он почти забыл про Хоркракс, почти забыл, что битва нужна была, чтобы он мог его найти; необъяснимое отсутствие Рона и Гермионы на время выбило из его головы все прочие мысли.

– Тогда идите, Поттер, идите!

– Верно... ага...

Гарри ощущал на себе взгляды, когда снова выбегал из Большого Зала в холл, по-прежнему запруженный эвакуирующимися учениками. Он позволил потоку людей отнести себя вверх по мраморной лестнице, но наверху выбрался и свернул в пустой коридор. Страх и паника затуманивали Гаррины мысли. Он пытался успокоиться, сосредоточиться на поисках Хоркракса, но мысли скакали безумно и бесплодно, словно осы, запертые в банке. В отсутствие помощи со стороны Рона и Гермионы он, казалось, не мог управлять своим мышлением. Гарри шёл всё медленнее, пока не остановился окончательно посреди пустого коридора. Тогда он уселся на постамент, на котором прежде стояла статуя, и вытащил Карту Мародёра из сумочки у себя на шее. Он не находил на ней Рона и Гермиону, хотя вполне допускал, что плотность толпы точек, пробирающихся к Насущной Комнате, могла их скрыть. Он убрал карту, прижал руки к лицу и закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться...

Волдеморт думал, что я пойду в башню Рэйвенкло.

Вот оно: твёрдый факт, то место, откуда можно начать. Волдеморт поместил Алекто Кэрроу в общей комнате Рэйвенкло, и объяснение могло быть только одно: Волдеморт боялся, что Гарри уже известно, что Хоркракс связан с этим Домом.

Но единственным предметом, который, похоже, все связывали с Рэйвенкло, была утраченная диадема... а как Хоркраксом могла быть диадема? Как такое могло быть, чтобы Волдеморт, ученик Слизерина, нашёл диадему, ускользавшую от многих поколений учеников Рэйвенкло? Кто мог сказать ему, где искать, если никто из ныне живущих никогда не видел этой диадемы?

Из ныне живущих...

Гаррины глаза под его пальцами раскрылись. Он соскочил с пьедестала и помчался обратно тем же путём, каким пришёл, преследуя свой последний шанс. Звук сотен людей, марширующих к Насущной Комнате, становился всё громче и громче, по мере того как Гарри возвращался к мраморной лестнице. Префекты отдавали приказы, пытаясь уследить за учениками своих Домов; люди толкались и пихались; Гарри увидел Захариаса Смита, который раскидывал первокурсников, стремясь пробраться в начало очереди; многие из младших учащихся были в слезах, а многие старшие в отчаянии звали своих друзей и родственников...

Гарри заметил жемчужно-белую фигуру, плывущую через холл вниз, и заорал, пытаясь перекрыть общий шум.

– Ник! НИК! Мне надо с тобой поговорить!

Он прорывался вниз через поток учеников, пока не добрался наконец до подножия лестницы, где его поджидал Почти Безголовый Ник, призрак башни Гриффиндора.

– Гарри! Дорогой мой мальчик!

Ник попытался обхватить Гаррины ладони своими; Гарри почувствовал, что его руки словно окунулись в ледяную воду.

– Ник, ты должен мне помочь. Кто призрак башни Рэйвенкло?

Почти Безголовый Ник был явно удивлён и, кажется, слегка оскорблён.

– Серая Леди, разумеется; но если тебе нужны услуги призрака...

– Это наверняка она – ты не знаешь, где она сейчас?

– Дай подумать...

Голова Ника чуть покачивалась на воротнике, когда он поворачивался в разные стороны, всматриваясь поверх голов кипящих вокруг учеников.

– Вот она, Гарри, молодая женщина с длинными волосами.

Гарри посмотрел в направлении, указанном прозрачным пальцем Ника, и увидел высокого призрака женщины. Поймав взгляд Гарри, она подняла брови и уплыла сквозь стену прочь.

Гарри кинулся за ней. Едва вбежав через дверь в коридор, в который она вошла, он увидел её в противоположном конце, по-прежнему ровно скользящую прочь.

– Эй – подожди – вернись!

Она милостиво остановилась, плывя в воздухе в нескольких дюймах над землёй. Гарри предположил, что она была красавицей, с её волосами по пояс и плащом до пола, но в то же время она выглядела гордой и высокомерной. Приблизившись, он вспомнил её: мимо этого призрака он несколько раз проходил в коридорах, но никогда раньше с ней не заговаривал.

– Вы Серая Леди?

Она кивнула, но ничего не ответила.

– Призрак башни Рэйвенкло?

– Это правильно.

Её голос не поощрял к продолжению общения.

– Пожалуйста, мне нужна ваша помощь. Я должен знать всё, что вы можете мне сказать об утраченной диадеме.

Холодная улыбка искривила её губы.

– Боюсь, – сказала она, отворачиваясь с явным намерением уйти, – что я не смогу тебе помочь.

– СТОЙ!

Гарри вовсе не хотел орать, но гнев и паника грозили полностью его поглотить. Он глянул на часы, пока Серая Леди висела в воздухе перед ним: была без четверти полночь.

– Это срочно, – яростно произнёс он. – Если эта диадема в Хогвартсе, я должен её найти, и быстро.

– Ты не то чтобы первый, кто желает заполучить эту диадему, – презрительно ответила она. – Многие поколения учеников постоянно упрашивали меня...

– Это нужно не для того, чтобы получать хорошие оценки! – заорал на неё Гарри. – Это для Волдеморта – для победы над Волдемортом – или вам это неинтересно?

Покраснеть она не могла, но её прозрачные щёки стали чуть менее прозрачными, а в голосе было чуть больше тепла, когда она ответила.

– Конечно, мне... Как ты посмел предположить?..

– Ну тогда помогите мне!

Самообладание Серой Леди рассеивалось на глазах.

– Это... это не потому что... – пробормотала она. – Диадема моей матери...

– Вашей *матери*?

Казалось, она была сердита на саму себя.

– Когда я жила, – с трудом выговорила она, – я была Хеленой Рэйвенкло.

– Вы её *дочь*? Но тогда вы должны знать, что случилось с диадемой!

– Хотя диадема даёт мудрость, – сказала она, явно пытаясь восстановить самообладание, – я сомневаюсь, что она сильно увеличит твои шансы на победу над колдуном, называющим себя Лордом...

– Я же вам только что сказал, мне неинтересно её носить! – сердито воскликнул Гарри. – У меня нет времени объяснять – но если вам дорог Хогвартс, если вы хотите увидеть конец Волдеморта, вы обязаны рассказать мне всё, что вы знаете о диадеме!

Серая Леди оставалась совершенно неподвижной, висая в воздухе, и чувство безнадежности охватило Гарри. Конечно же, если бы она что-то знала, она рассказала бы Флитвику или Дамблдору – они наверняка задавали ей этот самый вопрос. Он покачал головой и попытался было развернуться, но тут она тихо произнесла:

– Я украла диадему у моей матери.

– Вы... вы что сделали?

– *Я украла диадему*, – шёпотом повторила Хелена Рэйвенкло. – Я стремилась стать умной, превзойти мать. Я сбежала вместе с диадемой.

Гарри не знал, как именно ему удалось заслужить её доверие, и спрашивать он не стал – просто вслушивался изо всех сил. Она продолжила:

– Моя мать, говорят, так никогда и не признала, что диадема пропала, она делала вид, что та по-прежнему у неё. Она скрыла свою потерю, моё страшное предательство, даже от остальных основателей Хогвартса. Затем моя мать заболела – смертельно заболела. Несмотря на моё вероломство, она очень хотела увидеть меня ещё хотя бы раз. Она послала человека, который давно любил меня, хотя я отвергала все его ухаживания, чтобы он меня нашёл. Она знала, что он не успокоится, пока не сделает этого.

Гарри ждал. Серая Леди сделала глубокий вдох и откинула голову назад.

– Он выследил меня до леса, где я скрывалась. Когда я отказалась вернуться вместе с ним, он впал в ярость. Барон всегда был вспыльчивым человеком. Разозлённый моим отказом, завидуя моей свободе, он заколол меня.

– *Барон*? Вы имеете в виду?..

– Кровавого Барона, да, – и Серая Леди отвернула в сторону свой плащ, обнажив единственное тёмное ранение на своей белой груди. – Когда он увидел, что наделал, его

охватило раскаяние. Он взял оружие, отнявшее мою жизнь, и с его помощью убил самого себя. И все эти века он носит свои цепи в знак раскаяния... как должно, — горько добавила она.

— А... а диадема?

— Она осталась там, где я спрятала её, когда я услышала, как Барон проламывается через лес мне навстречу. Сокрыла её в дупле дерева.

— В дупле дерева? — переспросил Гарри. — Какого дерева? Где это было?

— В лесу в Албании. Одинокое место, которое, я думала, было вне досягаемости мой матери.

— Албания, — повторил Гарри. Из неразберихи в его голове чудесным образом родилась осмысленность. Теперь он понимал, почему она раскрыла ему то, что не поведала Дамблдору и Флитвику. — Вы уже рассказали кое-кому эту историю, правда ведь? Другому ученику?

Она закрыла глаза и кивнула.

— Я не имела... понятия... Он был... он льстил. Я думала, он... понимает... сочувствует...

«Да, подумал Гарри, Том Риддл наверняка понял бы желание Хелены Рэйвенкло владеть знаменитыми объектами, на которые она не очень-то имела право».

— Ну, вы были не первой, из кого Риддл вытянул информацию хитростью, — прошептал Гарри. — Он мог быть очаровательным, если хотел...

Значит, Волдеморту удалось выманить местонахождение потерянной диадемы у Серой Леди. Он добрался до того отдалённого леса и забрал диадему из тайника, вероятно сразу же, как только он закончил Хогвартс, даже раньше, чем начал работать у Боргина и Бёркса.

И не показались ли ему тихие албанские леса отличным убежищем, когда, много позже, Волдеморту понадобилось место, где его бы никто не беспокоил в течение десяти долгих лет?

Но диадема, как только она стала его драгоценным Хоркраксом, не была оставлена в том ничтожном дереве... Нет, диадема была тайно возвращена в её истинный дом, и Волдемо́рт наверняка поместил её туда...

— ...в ночь, когда приходил просить о работе! — воскликнул Гарри, закончив своё рассуждение.

— Прошу прощения?

— Он спрятал диадему в замке, в ту ночь, когда он просил Дамблдора разрешить ему преподавать! — пояснил Гарри. Когда он произнёс это вслух, все детали внезапно сложились.

— Он наверняка спрятал диадему на пути в кабинет Дамблдора или из него! Но всё равно попытаться получить работу стоило — тогда у него был бы шанс стырить и меч Гриффиндора тоже... Спасибо вам, огромное спасибо!

Гарри оставил Серую Леди висеть на месте в полном ошолбенении. Когда он свернул за угол, направляясь обратно в холл, он глянул на часы. До полуночи оставалось пять минут, и хотя теперь он знал, *что* было последним Хоркраксом, он несколько не приблизился к решению вопроса, *где* он находился...

Многие поколения учеников не смогли найти диадему; это означало, что она была не в башне Рэйвенкло – но если не там, то где? Какой тайник открыл Том Риддл в замке Хогвартса, про который он верил, что он останется тайным вечно?

Поглощённый безумными предположениями, Гарри свернул за угол, но по новому коридору он едва успел сделать несколько шагов, когда окно слева от него расколосось, издав оглушающий грохот бьющегося стекла. Гарри еле успел отскочить в сторону, когда что-то гигантское влетело сквозь окно и ударилось в противоположную стену. Нечто большое и лохматое, скуля, отделилось от новоприбывшего и бросилось на Гарри.

– Хагрид! – заорал Гарри, отбиваясь от приветствий волкодава Клыка, глядя на громадную бородатую фигуру, взбирающуюся на ноги. – Что за?..

– Гарри, ты здесь! *Ты здесь!*

Хагрид наклонился к Гарри, быстро его обнял (Гаррины рёбра хрустнули) и тут же отбежал обратно к разбитому окну.

– Хороший мальчик, Группи! – прокричал он сквозь дырку в стене. – Я тебя скоро увижу, ты молодец!

Позади Хагрида, далеко в ночи, Гарри увидел вспышки света и услышал странный отчаянный крик. Гарри глянул на часы: была полночь. Битва началась.

– Чёрт, Гарри, – пропыхтел Хагрид, – эт оно, э? Пора драться?

– Хагрид, откуда ты взялся?

– Услышал Сам-Знаешь-Кого, там в пещере, – мрачно ответил Хагрид. – Голос громкий, э? «У вас время до полуночи, шоб отдать мне Поттера». Я знал, шо ты тут, знал, шо шас начнётся. *Отвянь*, Клык. Ну вот мы пришли к вам, я и Группи, и Клык. Пробились через границу лесом, Группи нас нёс, Клыка и меня. Сказал ему, шоб он опустил меня у замка, и он запулил меня в окно, шоб он был здоров. Не совсем шо я имел в виду, но... А где Рон и Гермиона?

– Это, – ответил Гарри, – очень хороший вопрос. Пошли.

Они вместе поспешно двинулись по коридору, Клык гарцевал позади них. Гарри со всех сторон слышал движение в коридорах: бегущие шаги, крики. Через окна он увидел ещё несколько вспышек в тёмном парке.

– Куда мы идём? – пропыхтел Хагрид, громяхая сапогами за спиной у Гарри, так что доски пола тряслись.

– Не знаю точно, – Гарри в очередной раз свернул наугад, – но Рон и Гермиона должны быть где-то рядом.

Перед ними в коридоре уже растянулись первые жертвы боя: две каменные горгульи, обычно охранявшие вход в учительскую, были разнесены вдребезги сглазом, прилетевшим через ещё одно разбитое окно. Их останки вяло шевелились на полу, а когда Гарри перескочил через одну из лишённых тела голов, она слабо простонала: «О, не обращай на меня внимания... Я просто тут полежу и рассыплюсь...»

Её уродливое каменное лицо заставило Гарри внезапно вспомнить мраморный бюст Ровены Рэйвенкло в доме Ксенофилиуса, с этим безумным головным убором – и затем о статуе в башне Рэйвенкло, с каменной диадемой на её белых локонах...

А едва он достиг конца коридора, воспоминание о ещё одном каменном бюсте посетило его: уродливый старый чародей, на голову которого Гарри собственными руками надел парик и старую потрёпанную тиару. Тело Гарри пронзил шок, горячий, как огневиски, и он едва не споткнулся.

Наконец-то он знал, где, поджидая его, лежал Хоркракс...

Том Риддл, никому не доверявший и действующий в одиночку, должно быть, оказался настолько высокомерен, что предположил, что он и только он проник в глубочайшие тайны хогвартского замка. Конечно же, Дамблдор и Флитвик, эти образцовые ученики, никогда не ступали в это конкретное место, но он, Гарри, сошёл с протоптанной дорожки, когда учился в школе, — наконец-то нашёлся секрет, который знали он и Волдеморт, но который так никогда и не открылся Дамблдору...

Он вернулся к реальности, когда мимо него протопала профессор Спраут, а за ней — Невилл и ещё полдюжины человек; на всех были наушники, и у каждого было нечто вроде большого растения в горшке.

— Мандрагоры! — на бегу крикнул Невилл через плечо, обращаясь к Гарри. — Мы их кинем через стены — им это не понравится!

Теперь Гарри знал, куда идти; он ускорился, Хагрид и Клык галопом мчались позади. Они пробежали мимо одного портрета за другим, и нарисованные фигуры бежали рядом с ними, колдуны и ведьмы, в жабо и в бриджах, в броне и в плащах, втискиваясь в холсты друг друга, громко обмениваясь новостями о событиях в других частях замка. Когда они достигли конца этого коридора, весь замок пошатнулся, и гигантская ваза взорвалась на своём постаменте, и Гарри понял, что замок был схвачен заклинаниями более зловещими, чем наложенные учителями и Орденом.

— Всё путём, Клык — всё путём! — проревел Хагрид, но гигантский волкодав обратился в бегство, спасаясь от летящих подобно шрапнели осколков фарфора, и Хагрид утопал прочь вслед за перепуганным псом. Гарри остался один.

Он пробирался через трясущиеся коридоры, держа волшебную палочку наготове, и по одному из коридоров рядом с ним до самого конца из картины в картину мчался маленький нарисованный рыцарь, сэр Кадоган, лязгая своими доспехами и выкрикивая слова ободрения; его маленький толстый пони мчался карьером позади него.

— Хвастуны и разбойники, псы и негодяи, вымети их отсюда, Гарри Поттер, проводи их вон!

Гарри свернул за угол и обнаружил Фреда и с ним небольшую группу учеников, включая Ли Джордана и Ханну Эббот; они стояли рядом с ещё одним пустым постаментом, где раньше была статуя, скрывавшая тайный проход. Их волшебные палочки были наготове, и они прислушивались к потайному отверстию.

— Отличная ночка! — прокричал Фред, когда замок содрогнулся вновь, и Гарри пробежал мимо, возбуждённый и напуганный в равной степени. Ещё одним тёмным коридором он промчался, и вдруг повсюду оказались совы, и миссис Норрис шипела и пыталась сбить их лапами, несомненно, чтобы вернуть их на законное место...

— Поттер!

Аберфорт Дамблдор стоял перед ним, перегораживая коридор и держа волшебную палочку наготове.

– Через мой бар протопали сотни детей, Поттер!

– Я знаю, мы эвакуируемся, – ответил Гарри. – Волдеморт...

– ...атакует, потому что они не сдали ему тебя, да, – кивнул Аберфорт. – Я не глухой, его весь Хогсмид слышал. А что, никому из вас не пришло в голову оставить нескольких слизеринцев заложниками? Вы же детей Пожирателей Смерти только что отправили в безопасное место. Может, чуть умнее было бы придержать их тут?

– Это не остановило бы Волдеморта, – ответил Гарри, – и ваш брат никогда бы так не сделал.

Аберфорт что-то проворчал и умчался в противоположном направлении.

Ваш брат никогда бы так не сделал... Что ж, это была правда, подумал Гарри, снова переходя на бег; Дамблдор, столь долго защищавший Снейпа, никогда не стал бы брать учеников в заложники...

И тут он обогнул последний поворот и издал крик, в котором смешались облегчение и гнев: он увидел Рона и Гермиону, несущих в руках охапки больших, изогнутых, грязно-жёлтых предметов; Рон под мышкой держал помело.

– Где, *чёрт возьми*, вас носило? – заорал Гарри.

– В Камере Секретов, – ответил Рон.

– В Камере... *что?* – переспросил Гарри, резко затормозив и едва не потеряв равновесие прямо перед ними.

– Это всё Рон, это его идея! – едва дыша, выговорила Гермиона. – Абсолютно блестяще, правда? Мы сидели, после того как ты ушёл, и я сказала Рону, даже если мы найдём ещё один, как мы от него избавимся? Мы ещё от кубка не избавились! И тогда он придумал! Василиск!

– Что васи-?...

– Способ избавляться от Хоркраксов, – просто сказал Рон.

Гаррин взгляд упал на предметы, которые держали Рон и Гермиона: огромные изогнутые клыки, вырванные, как он наконец понял, из черепа мёртвого василиска.

– Но как вы туда попали? – спросил он, переводя взгляд с клыков на Рона. – Там же надо говорить на Рассеязе!

– Он говорил! – прошептала Гермиона. – Покажи ему, Рон!

Рон издал ужасающий, придушенный, шипящий звук.

– Так ты открыл медальон, – извиняющимся тоном пояснил он Гарри. – Мне пришлось сделать несколько попыток, чтобы ухватить суть, но, – он скромно пожал плечами, – в конце концов мы туда попали.

– Он был *потрясающ!* – воскликнула Гермиона. – Потрясающ!

– И... – Гарри изо всех сил пытался осознать произошедшее. – И...

– И у нас ещё на один Хоркракс меньше, – сказал Рон, вытаскивая из-под куртки изувеченные останки кубка Хаффлапффа. – Гермиона его долбанула. Я подумал, что она должна была. Она ещё этого кайфа не ловила.

– Гений! – закричал Гарри.

– Да ладно, ерунда, – произнёс Рон, хотя он явно был доволен собой. – Ну а у тебя какие новости?

При этих словах где-то наверху раздался взрыв; все трое посмотрели вверх, на падающую с потолка пыль. Вдалеке послышался вскрик.

– Я знаю, как выглядит диадема, и я знаю, где она, – быстро проговорил Гарри. – Он спрятал её точно там, где я спрятал мою старую книгу зелий, где уже веками все прячут всё подряд. Он думал, что он один нашёл это место. Пошли.

Стены вновь задрожали. Гарри повел своих спутников обратно через замаскированный вход и вниз по лестнице в Насущную Комнату. Она была пуста, за исключением трёх женщин: Джинни, Тонкс и престарелой ведьмы (в которой Гарри немедленно узнал бабушку Невилла) в поеденной молью шляпе.

– А, Поттер, – твёрдо произнесла она, словно его-то она здесь и ждала. – Расскажи нам, что происходит.

– Все наши в порядке? – спросили в один голос Джинни и Тонкс.

– Насколько мы знаем, – ответил Гарри. – Остался ещё кто-нибудь в тоннеле в «Кабанью голову»?

Он знал, что Комната не сможет трансформироваться, пока в ней находятся те, кто ей пользуется.

– Я была последней, кто прошёл, – сказала миссис Лонгботтом. – Я заперла его, я полагаю, неразумно оставлять его открытым, когда Аберфорт покинул свой бар. Вы видели моего внука?

– Он сражается, – ответил Гарри.

– Естественно, – гордо произнесла старая леди. – Извините меня, я должна идти помогать ему.

Она с поразительной скоростью просеменила к каменной лестнице.

Гарри посмотрел на Тонкс.

– Я думал, ты осталась вместе с Тедди в доме своей матери?

– Я не смогла выдержать... ничего не зная... – в лице Тонкс была видна боль. – Она за ним присмотрит... Вы видели Римуса?

– Он собирался вести отряд бойцов в парк...

Тонкс без единого слова бросилась наружу.

– Джинни, – сказал Гарри, – прости, но нам нужно, чтобы ты тоже вышла отсюда. Только на минуточку. Потом ты сможешь зайти обратно.

Джинни явно была в полнейшем восторге от перспективы покинуть своё убежище.

– А потом ты сможешь зайти обратно! – прокричал Гарри, когда она побежала по лестнице вслед за Тонкс. – *Ты должна будешь вернуться!*

– погоди-ка чуток, – внезапно проговорил Рон. – мы кое про кого забыли!

– Про кого? – спросила Гермиона.

– Про домовых эльфов, они все внизу на кухне, верно?

– Ты имеешь в виду, мы должны заставить их драться? – спросил Гарри.

– Нет, – серьёзно ответил Рон. – Я имею в виду, мы должны приказать им уходить отсюда. Нам не нужны ещё Добби, правильно? Мы не можем приказывать им умирать за нас...

Раздался лязг клыков василиска, посыпавшихся на пол из рук Гермионы. Подлетев к Рону, она обхватила его за шею и поцеловала прямо в губы. Рон отшвырнул в сторону клыки и помело, которые он держал, и ответил с таким энтузиазмом, что приподнял Гермиону с пола.

– Нашли момент? – вяло поинтересовался Гарри, но единственным эффектом было то, что Рон и Гермиона ещё сильнее обхватили друг друга и пошатнулись. Тогда он повысил голос: – Эй! Тут у нас вообще-то война!

Рон и Гермиона вынырнули друг из друга, по-прежнему не разжимая объятий.

– Я знаю, приятель, – ответил Рон; вид у него был такой, словно он недавно получил по затылку бладжером, – поэтому сейчас или никогда, верно?

– Да это ладно, что насчёт Хоркракса? – закричал Гарри. – Вам не кажется, что можно бы немного... немного сдержаться, пока мы не возьмём диадему?

– Ага... точно... прости, – и Рон с Гермионой, оба залившиеся краской, принялись собирать разбросанные клыки.

Как только они вышли наверх, стало ясно, что за те минуты, что они провели в Насущной Комнате, ситуация в замке здорово ухудшилась: стены и потолок тряслись сильнее, чем прежде; воздух был наполнен пылью; через ближайшее окно Гарри увидел вспышки красного и зелёного света настолько близко к подножию замка, что понял – Пожиратели Смерти близки к тому, чтобы ворваться в замок. Глянув вниз, он увидел проходившего мимо великана Гроупа, размахивающего чем-то вроде каменной горгульи, сорванной с крыши; Гроуп ревел от ярости.

– Надеюсь, он на кого-нибудь из них наступит! – сказал Рон, когда поблизости послышались ещё крики.

– Если только это не кто-то из наших! – ответил чей-то голос. Гарри обернулся и увидел Джинни и Тонкс, нацеливших волшебные палочки в соседнее окно, где не хватало нескольких стёкол. Уже когда он повернулся, Джинни послала метко нацеленный сглаз в толпу сражающихся внизу.

– Хорошая девочка! – проревела фигура, бегущая сквозь пыль им навстречу, и Гарри вновь увидел Аберфорта – тот вёл маленькую группу учеников, его седые волосы развевались. – Похоже, они пробивают северные укрепления, они привели своих великанов!

– Вы видели Римуса? – спросила вслед ему Тонкс.

– Он дрался с Долоховым, – прокричал в ответ Аберфорт, – больше я его не видел!

– Тонкс, – сказала Джинни, – Тонкс, я уверена, с ним всё нормально...

Но Тонкс уже умчалась в пылевое облако вслед за Аберфортом.

Джинни беспомощно повернулась к Гарри, Рону и Гермионе.

– С ними всё будет хорошо, – произнёс Гарри, прекрасно зная, что это были пустые слова. – Джинни, мы скоро вернёмся, просто держись подальше от драки, береги себя –

пошли! — обратился он к Рону и Гермионе, и они отбежали обратно к участку стены, за которым ждала Насущная Комната, готовая выполнить пожелания следующего вошедшего.

Мне нужно место, где всё спрятано, умолял про себя Гарри, и после их третьего прохода дверь материализовалась.

Шум боя словно отрезало, едва они пересекли порог и закрыли за собой дверь: пала тишина. Они находились в помещении размером с собор. Внутри находился словно целый город, образованный огромными башнями предметов, спрятанных тысячами давно исчезнувших учеников.

— И он так и не догадался, что *кто-то* мог сюда войти? — голос Рона гулко разнёсся в тишине.

— Он думал, что только он один, — ответил Гарри. — Не повезло ему, что мне понадобилось спрятать кое-что в своё время... Нам сюда, — добавил он. — Думаю, это где-то здесь...

Он прошёл мимо чучела тролля и Исчезательного Шкафа, который Дрэйко Малфой починил в прошлом году со столь катастрофическими последствиями, затем приостановился, оглядывая переулки, проложенные в горах мусора; он не помнил, куда идти дальше...

— *Accio диадема!* — в отчаянии крикнула Гермиона, но в их сторону ничего не полетело. Похоже, эта комната, как и хранилище Гринготтса, не желала отдавать спрятанные в ней предметы так легко.

— Давайте поделимся, — предложил Гарри. — Ищем каменный бюст старика, на который надеты парик и тиара! Он стоит на буфете, и это точно где-то здесь...

Они поспешно направились по соседним проходам; Гарри слышал, как эхо шагов его спутников разносится через возвышающиеся груды хлама — бутылок, шляп, ящиков, стульев, книг, оружия, метел, летучих мышей...

— Где-то здесь рядом, — бормотал Гарри себе под нос, — где-то здесь... где-то здесь...

Всё дальше и дальше он углублялся в лабиринт, выискивая предметы, которые он запомнил со времени его единственного предыдущего визита в Комнату. Его дыхание громко отдавалось в его же ушах. И тут словно сама душа его задрожала: вот он, прямо перед ним — старый обожжённый буфет, в котором он спрятал свой учебник зелий, а на нём — каменный колдун, весь в оспинах, со старым пыльным париком и древней выцветшей тиарой на голове.

Он уже протянул руку, несмотря на то, что находился в десяти футах от неё, когда голос у него за спиной произнёс:

— Стоять, Поттер.

Гарри резко остановился, едва не потеряв равновесие, и развернулся. Позади него плечом к плечу стояли Крэбб и Гойл, их волшебные палочки были направлены на Гарри. В маленькое окошко между их насмешливыми лицами виднелся Дрэйко Малфой.

— Это моя палочка у тебя в руках, Поттер, — заявил Малфой, просовывая свою собственную в щель между Крэббом и Гойлом.

— Уже нет, — тяжело дыша, ответил Гарри, крепче сжимая боярышниковую палочку. — Кто отобрал, того и палочка, Малфой. А тебе кто свою одолжил?

– Моя мать.

Гарри рассмеялся, хотя ничего особо смешного в ситуации не было. Рона и Гермионы он больше не слышал. Похоже, они в поисках диадемы вышли за пределы слышимости.

– А почему вы трое не с Волдемортом? – поинтересовался Гарри.

– Мы получим награду, – произнёс Крэбб; его голос был неожиданно мягким для столь огромной туши; Гарри вообще не мог припомнить, чтобы он когда-либо говорил. Крэбб улыбался, словно маленький ребёнок, которому пообещали большую коробку конфет. – Мы задержались, Поттер. Мы решили не уходить. Решили доставить тебя ему.

– Прекрасный план, – Гарри изобразил притворное восхищение. Он не мог поверить, что, будучи так близко, он был отброшен Малфоем, Крэббом и Гойлом. Он начал медленно сдвигаться назад, туда, где на бюсте криво примостился Хоркракс. Если бы только ему удалось забрать его, прежде чем начнётся драка...

– А как вы сюда попали? – спросил он, пытаясь отвлечь их внимание.

– Я весь прошлый год практически жил в Комнате Спрятанных Вещей, – надтреснутым голосом ответил Малфой. – Я знаю, как сюда входить.

– Мы прятались в коридоре снаружи, – проворчал Гойл. – Мы теперь можем делать Дизло-сорные⁷⁸ чары! А потом, – его лицо расклевала уродливая ухмылка, – вы появились прямо перед нами и заявили, что ищете дио-дем!⁷⁹ Что такое дио-дем?

– Гарри? – внезапно эхом разнёсся голос Рона откуда-то из-за стены справа от Гарри. – Ты с кем-то разговариваешь?

Движением, похожим на взмах кнута, Крэбб направил волшебную палочку на пятидесятифутовую гору старой мебели, разбитых сундуков, старых книг и мантий и ещё непойми чего и крикнул: «*Descendob!*»

Стена зашаталась и начала рушиться в соседний проход, где стоял Рон.

– Рон! – заорал Гарри; где-то за пределами видимости Гермиона вскрикнула. Гарри услышал грохот бесчисленных предметов, падающих на пол с противоположной стороны шатающейся стены. Он навёл волшебную палочку на стену, крикнул: «*Finite!*» – и она успокоилась.

– Нет! – Малфой остановил руку Крэбба, когда последний попытался повторить заклинание. – Если ты разнесёшь всю комнату, ты можешь похоронить эту штуковину, диадему!

– Ну и что? – сказал Крэбб, пытаясь высвободить руку. – Тёмному Лорду нужен Поттер, кого волнует дио-дем?

– Поттер пришёл сюда, чтобы её забрать, – ответил Малфой, не скрывая раздражения тугодумием своих спутников, – и это должно означать...

– «Должно означать»? – Крэбб повернулся лицом к Дрэйко с нескрываемой яростью. – Кого волнует, что ты думаешь? Я не слушаю больше твоих приказов, не, *Дрэйко*. Тебе и твоему папе конец.

⁷⁸ Игра слов. Гойл называет Disillusionment Charm «Diss-lusion Charm». Diss – несправедливая критика, «наезд», lusion созвучно с lesion – рана. Я слово «Дезиллюзорные» тоже трансформировал по созвучию.

⁷⁹ Снова игра слов. Диадему (diadem) Гойл произносит как «die-dum». Die – умереть.

– Гарри? – вновь послышался голос Рона из-за стены барахла. – Что происходит?

– Гарри? – передразнил Крэбб. – Что проис-... *нет*, Поттер! *Crucio!*

Гарри прыгнул к тиаре; проклятие Крэбба его не задело, но попало в каменный бюст, отчего тот взлетел в воздух; диадема взмыла вверх и упала куда-то в груду предметов, на которой раньше стоял бюст.

– СТОЙ! – заорал Малфой на Крэбба, и его голос разнёсся по всей колоссальной комнате. – Тёмному Лорду он нужен живым...

– И что? Я ведь не убиваю его, так? – заорал в ответ Крэбб, отбрасывая от себя руку Малфоя, – но если я смогу, я это сделаю, Тёмный Лорд всё равно хочет, чтобы он был трупом, какая разн-?..

Алая вспышка мелькнула в нескольких дюймах от Гарри: Гермiona, выскочив из-за угла, посла Оглушающее заклятье в голову Крэбба. Она промахнулась лишь потому, что Малфой рванул его в сторону.

– Это та грязнокровка! *Avada Kedavra!*

Гарри увидел, как Гермiona нырнула вбок, и ярость, что Крэбб пытался её убить, вымела из его головы всё остальное. Он послал в Крэбба Оглушающее заклятье; тот увернулся, выбив при этом палочку из руки Малфоя; палочка исчезла где-то под горой сломанной мебели и ящиков.

– Не убейте его! НЕ УБЕЙТЕ ЕГО! – орал Малфой на Крэбба и Гойла, целившихся в Гарри; на долю секунды они замешкались, и этого для Гарри было достаточно.

– *Expelliarmus!*

Волшебная палочка Гойла вылетела из его руки и исчезла в недрах бастиона, возвышающегося рядом с ним; Гойл с глупым видом прыгнул туда, пытаясь её подобрать; Малфой отпрыгнул за пределы досягаемости следующего Оглушающего заклятья Гермiony; Рон, внезапно появившийся в конце прохода, послал проклятие Телобинта в Крэбба и лишь чуть-чуть промахнулся.

Крэбб развернулся и вновь прокричал: «*Avada Kedavra!*». Рон отскочил в сторону, дабы уйти от зелёного луча. Лишённый волшебной палочки Малфой укрылся за трёхногим гардеробом, в то время как Гермiona понеслась в их направлении, попутно угостив Гойла оглушающим заклятьем.

– Она где-то здесь! – крикнул ей Гарри, показывая на груду барахла, куда упала старая тиара. Поищи её, а я пойду помогу Р-..

– ГАРРИ! – завопила она.

Нарастающий лавинообразно рёв за его спиной сообщил ему, что что-то не так. Он развернулся и увидел, как Рон и Крэбб со всех ног мчатся по проходу в его направлении.

– Любишь погорячее, мразь? – проорал на бегу Крэбб.

Но он, похоже, сам не мог управлять тем, что сделал. Необычайно крупные языки пламени гнались за ними, лизали стены бастионов мусора, обращавшиеся в сажу при одном лишь касании.

– *Aguamenti!* – во всё горло закричал Гарри, но струя воды, рванувшаяся из кончика его волшебной палочки, испарилась в воздухе.

– БЕЖИМ!!!

Малфой схватил оглушённого Гойла и поволок его; Крэбб опередил всех, теперь на его лице был написан ужас; Гарри, Рон и Гермиона мчались за ним, преследуемые огнём. Это был не обычный огонь: Крэбб применил проклятие, о котором Гарри ничего не знал, – когда они свернули за угол, языки пламени свернули тоже, словно они были живые, чувствующие, нацеленные на то, чтобы их убить. Теперь пламя изменялось, образуя гигантское стадо огненных существ: змеи, химеры и драконы взлетали и падали, и снова взлетали, и подбрасывали когтистыми лапами вековой слой мусора, которым они кормились, швыряя его прямо в свои зубастые пасти.

Малфой, Крэбб и Гойл пропали из виду. Гарри, Рон и Гермиона стремительно остановились: огненные монстры окружили их и приближались, когти, рога и хвосты рассекали воздух, жар словно окружал их твёрдой стеной.

– Что нам делать? – прокричала Гермиона сквозь оглушительный рёв огня. – Что нам делать?

– Вот!

Гарри схватил с ближайшей кучи рухляди два тяжёлых на вид помела и швырнул одно из них Рону; тот втянул на него Гермиону и уселся сам впереди неё. Гарри перекинул ногу через вторую метлу, и, изо всех сил оттолкнувшись от пола, они взмыли в воздух, на несколько футов разминувшись с щёлкнувшим рогатым клювом огненной птицы. Дым и жар казались всепоглощающими; проклятый огонь под ними пожирал контрабанду, пронесённую поколениями преследуемых учеников, свидетельства тысяч запрещённых экспериментов, секреты бесчисленных душ, искавших убежища в этой комнате. Ни следа Малфоя, Крэбба или Гойла Гарри не видел; он опустился так низко, как только осмелился, над жрущими огненными монстрами, чтобы попытаться найти их, но вокруг не было ничего, кроме огня... Что за страшная гибель... Он никогда этого не хотел...

– Гарри, давай выбирать, давай выбирать! – орал Рон, но разглядеть, где дверь, в чёрном дыму было невозможно.

И тут сквозь ужасающий рёв, сквозь гром всепожирающего пламени до Гарри донёсся тонкий жалобный человеческий вскрик.

– Это – слишком – опасно! – вопил Рон, но Гарри уже развернулся в воздухе. Его очки давали ему некоторую незначительную защиту от дыма, и он начал обшаривать взглядом огненную бурю в поисках чего-то живого, руки или лица, ещё не обугленного, как деревяшка...

И он их увидел: Малфой, обхватив руками бесчувственного Гойла, примостился на хрупкой башне обуглившихся столов, и Гарри спикировал. Малфой увидел его приближение и поднял одну руку, но едва Гарри схватил её, он понял, что ничего не выйдет: Гойл был слишком тяжёл, а покрытая потом рука Малфоя тут же выскользнула из Гарриной...

– ЕСЛИ МЫ ИЗ-ЗА НИХ УМРЁМ, Я ТЕБЯ УБЬЮ, ГАРРИ!!! – раздался вопль Рона, и в тот момент, когда огромная пламенеющая химера бросилась на них, он и Гермиона втянули Гойла на свою метлу и снова взлетели, крутясь в воздухе; Малфой взобрался на метлу позади Гарри.

– Дверь, давай к двери, к двери! – орал Малфой в Гаррино ухо, и Гарри ускорился, летя вслед за Роном, Гермионой и Гойлом сквозь клубы чёрного дыма, едва способный дышать. Повсюду взмывали в воздух последние немногочисленные предметы, ещё не пожранные пламенем, радостно подбрасываемые созданиями проклятого огня: кубки и щит, блестящее ожерелье и старая выцветшая тиара...

– *Что ты делаешь, что ты делаешь? Дверь там!* – закричал Малфой, но Гарри развернулся на сто восемьдесят градусов и спикировал. Диадема, казалось, падала, как в замедленной съёмке, вращаясь и сверкая, приближаясь к жадно разинутой пасти огненной змеи, и тут он поймал её, поймал к себе на запястье...

Гарри снова резко свернул, когда змея бросилась на него, затем взмыл в воздух и полетел прямо туда, где, он надеялся изо всех сил, была открытая дверь. Рон, Гермиона и Гойл пропали из виду, Малфой кричал и сжимал Гарри настолько сильно, что причинял боль. Затем Гарри сквозь дым увидел прямоутольное пятно на стене и направил туда свою метлу. Несколько мгновений спустя свежий воздух наполнил его лёгкие, и метла врезалась в противоположную стену коридора.

Малфой свалился с метлы и лежал лицом вниз, капляя, задыхаясь и хрипя. Гарри перекатился и сел. Дверь Насущной Комнаты исчезла; Рон и Гермиона, тяжело дыша, сидели на полу рядом с по-прежнему бессознательным Гойлом.

– К-крэбб, – прокашлял Малфой, как только снова смог говорить. – К-крэбб...

– Он мёртв, – хрипло сказал Рон.

Повисла тишина, прерываемая лишь пытением и каплем. Затем несколько громовых ударов сотрясли замок, и мимо них промчалась длинная кавалькада прозрачных фигур на конях; их головы находились у них в руках и яростно кричали. Когда Охота Обезглавленных унеслась прочь, Гарри с трудом поднялся на ноги и огляделся: повсюду продолжалась битва. До него доносились ещё крики, помимо издаваемых удаляющимися призраками. Паника вновь вспыхнула в нём.

– Где Джинни? – резко спросил он. – Она была здесь. Она должна была вернуться в Насущную Комнату.

– Чёрт, ты думаешь, она ещё работает после такого пожара? – спросил Рон, но, тем не менее, тоже поднялся на ноги, потирая грудь и осматриваясь. – Может, нам разделить и поискать?..

– Нет, – покачала головой Гермиона, вновь поднимаясь на ноги. Малфой и Гойл по-прежнему беспомощно лежали на полу коридора, оба без волшебных палочек. – Надо держаться вместе. Предлагаю пойти... Гарри, что у тебя на руке?

– Что? А, да...

Он снял диадему с запястья и поднял её к глазам. Она по-прежнему была горячая и чёрная от сажи, но когда он присмотрелся к ней вблизи, он смог разобрать крохотные слова, выправированные на ней: *«Ум без меры – ценность кавалера»*.

Похожая на кровь субстанция, тёмная и смолоподобная, вытекала из диадемы. Неожиданно Гарри ощутил, как диадема отчаянно завибрировала и распалась в его руках, и в этот момент ему показалось, что он услышал очень тихий, отдалённый крик боли,

донёсшийся не из парка или из замка, но из штуковины, только что развалившейся под его пальцами.

– Это, значит, был Демонический огонь! – ахнула Гермиона, не сводя глаз с обломков.

– Что?

– Демонический огонь – проклятый огонь – это одна из субстанций, которые могут уничтожать Хоркраксы, но я никогда, никогда не осмелилась бы его применить, он такой опасный. Откуда Крэбб научился его?..

– Наверняка узнал у Кэрроу, – мрачно ответил Гарри.

– Жаль, что он прослушал, когда они упоминали, как его останавливать, правда, – сказал Рон; его волосы, как и Гермионины, были обожжены, а лицо почернело от сажи. – Если б он не пытался нас всех убить, мне было бы жаль, что он мёртв.

– Но неужели вы не понимаете? – прошептала Гермиона. – Это значит, если мы всего лишь достанем змею...

Но она прервалась – коридор внезапно наполнили крики, вопли и безошибочно узнаваемые звуки магических дуэлей. Гарри оглянулся, и его сердце упало: Пожиратели Смерти прорвались в Хогвартс. Фред и Пёрси как раз, пятясь, вышли из-за угла, сражаясь с людьми в капюшонах и масках.

Гарри, Рон и Гермиона кинулись на помощь: лучи света летели во всех направлениях, и человек, дерущийся с Пёрси, слишком быстро попятился; его капюшон свалился, и они увидели высокий лоб и серебряные пряди волос...

– Здравствуйте, министр! – прокричал Пёрси, посылая слез точно в Тикнесса (тот уронил палочку и вцепился в мантию у себя на груди, явно испытывая жуткое неудобство). – Я вам уже говорил, что увольняюсь?

– Да ты шутишь, Пёрс! – крикнул Фред, и противостоящий ему Пожиратель Смерти рухнул под тяжестью трёх независимых Оглушающих заклятий. Тикнесс свалился на пол, из его тела повсюду вырастали крошечные иглы: он словно превращался в некую разновидность морского ежа. Фред радостно смотрел на Пёрси.

– Ты *правда* пошутил, Перс... По-моему, я последний раз слышал, как ты шутишь, когда тебе было...

Воздух вокруг взорвался. Они стояли все вместе: Гарри, Рон, Гермиона, Фред и Пёрси, а также два Пожирателя Смерти у их ног, один Оглушённый, второй трансфигурированный; и в эту долю секунды, когда опасность, казалось, на время отступила, мир раскололся. Гарри почувствовал, как он куда-то летит, и всё, что он мог сделать, – это изо всех сил держаться за тонкую деревянную палочку, которая была его единственным оружием; он услышал крики и вопли своих спутников безо всякой надежды узнать, что с ними стало...

И тут мир сформировался вновь, мир боли и полутьмы. Гарри был наполовину погребён в заполнивших коридор обломках. Коридор подвергся ужасающей атаке: холодный воздух дал ему понять, что часть стены замка рухнула; а ощутив что-то горячее и липкое на щеке, он понял, что обливается кровью. Затем он услышал страшный крик, вцепившийся в его внутренности, крик, выражающий такую муку, которую не могло причинить ни

проклятие, ни огонь. Он встал, пошатываясь, более напуганный, чем он был за весь сегодняшний день, более напуганный, возможно, чем он был за всю свою жизнь...

И Гермиона пыталась подняться на ноги, выгребаясь из кучи обломков, и три рыжеволосых человека вместе лежали на полу, там, где стена раскололась. Гарри ухватился за Гермионину руку, и они вместе, шатаясь и спотыкаясь, направились к ним сквозь мешанину камня и дерева.

– Нет – нет – нет! – кричал кто-то. – Нет! Фред! Нет!

И Пёрси тряс брата, и Рон, стоя на коленях, склонился рядом с ними. Глаза Фреда смотрели, но не видели, и тень последней усмешки всё ещё была видна на его лице.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

БУЗИНАЯ ПАЛОЧКА

Мир перестал существовать, так почему же битва не остановилась, почему весь замок не замолк в ужасе, почему все бойцы не сложили оружия? Гаррины мысли скакали, кружились совершенно неуправляемо, он был не в силах осознать невозможное, потому что Фред Уизли не мог умереть, все его чувства лгали ему...

А затем чьё-то тело, падая, пронеслось мимо дыры, пробитой в стене школы, и из темноты влетело несколько проклятий, ударившихся в стену у них над головами.

– Всем лечь! – крикнул Гарри, когда новые проклятия пролетели в ночи; он и Рон вдвоем вцепились в Гермиону и стянули её на пол, но Пёрси лёг поперёк тела Фреда, защищая его от дальнейшего вреда, и когда Гарри прокричал: – Пёрси, пошли, мы должны идти! – тот покачал головой.

– Пёрси! – Гарри увидел дорожки слёз, проходящие через покрывающую лицо Рона сажу, когда тот схватил старшего брата за плечи и потянул, но Пёрси не поддавался. – Пёрси, ты для него уже ничего не сделаешь! Мы хотим...

Гермиона вскрикнула, и Гарри, повернувшись, понял, что излишне спрашивать, почему. Монструозный паук размером с небольшой автомобиль пытался пролезть через огромную дыру в стене: один из потомков Арагога присоединился к сражению.

Рон и Гарри закричали одновременно; их заклинания столкнулись, и паука вынесло наружу; страшно дёргая ногами, он исчез в темноте.

– Он привёл друзей! – крикнул Гарри остальным, глядя на подножие замка через дыру в стене, пробитую проклятиями: новые гигантские пауки, выпущенные из Запретного Леса, куда проникли Пожиратели Смерти, взбирались по стене здания. Гарри сверху вниз послал в них несколько Оглушающих заклинаний, скинув первого монстра прямо на его приятелей, так что все они покатались по стене вниз и прочь из виду. Затем новые проклятия пролетели у Гарри над головой, да так близко, что он почувствовал дуновение на своих волосах.

– Пошли отсюда, БЫСТРО!

Толкнув Гермиону и Рона вперёд, Гарри нагнулся, чтобы подхватить тело Фреда под мышками. Пёрси, осознав, что Гарри пытается сделать, перестал цепляться за тело и стал помогать; вдвоем, пригибаясь, чтобы избежать попадания проклятий, летящих из парка, они отволокли Фреда от дыры.

– Сюда, – сказал Гарри, и они положили его в нишу, где раньше стояли доспехи. Гарри был не в силах смотреть на Фреда хоть секундой дольше, чем это было необходимо, и, удостоверившись, что тело надёжно укрыто, он припустил за Роном и Гермионой. Малфой и Гойл исчезли, но в конце коридора, наполненном теперь пылью и падающими камнями (в окнах давно уже не осталось ни единого стекла), он увидел множество бегущих взад-вперёд людей, друзей или врагов – непонятно. Свернув за угол, Пёрси взревел, как бык: «РУКБУД!» – и рванул вперёд в направлении высокого человека, преследующего пару учеников.

– Гарри, сюда! – крикнула Гермиона.

Она затащила Рона за гобелен. Они, казалось, боролись друг с другом, и какую-то безумную секунду Гарри казалось, что они опять обнимаются; затем он понял, что Гермиона пытается удержать Рона, не дать ему побежать вслед за Пёрси.

– Послушай меня – ПОСЛУШАЙ, РОН!

– Я хочу помогать... Я хочу убивать Пожирателей Смерти...

Лицо Рона было искажено, покрыто пылью и сажей от дыма, и его всего трясло от ярости и горя.

– Рон, мы единственные, кто может это прекратить! Пожалуйста... Рон... Нам нужна змея, мы должны убить змею! – говорила Гермиона.

Но Гарри знал, что чувствовал Рон: погоня за очередным Хоркраксом не могла удовлетворить жажду мщения; он и сам хотел драться, хотел наказать их, людей, убивших Фреда, и он хотел найти остальных Уизли, а в первую очередь удостовериться, полностью удостовериться, что Джинни была не... – но он не мог позволить этой мысли сформироваться у себя в голове...

– Мы *будем* драться! – воскликнула Гермиона. – Нам придётся, чтобы добраться до змеи! Но сейчас давай не забывать про то, что мы должны *сд-делать*! Мы одни можем это кончить!

Она тоже плакала, и пока говорила, вытирала лицо своим порванным и обожжённым рукавом. Делая глубокие вдохи, чтобы успокоиться, и по-прежнему крепко держа Рона, она повернулась к Гарри.

– Тебе надо выяснить, где сейчас Волдеморт, потому что змея вместе с ним, правильно? Давай, Гарри – загляни в него!

Почему это было так просто? Возможно, потому, что шрам горел уже многие часы, стремясь показать ему мысли Волдеморта? Гарри закрыл глаза, подчинившись приказу своей боли, и тотчас все крики, и удары, и прочий разнобой сражения – всё приглушилось, словно он был далеко, далеко отсюда...

Он стоял в центре заброшенной, но странно знакомой комнаты, с отстающими от стен обоями и заколоченными, кроме одного, окнами. Звуки сражения за замок были приглушёнными и отдалёнными. Через единственное незагороженное окно были видны далёкие вспышки света там, где стоял замок, но внутри комнаты всё было темно – свет давала лишь одна-единственная масляная лампа.

Он катал волшебную палочку между пальцами, глядя на неё, но все его мысли были о Комнате в замке, о скрытой Комнате, которую лишь он единственный нашёл, о Комнате, для нахождения которой, так же как и для нахождения Камеры Секретов, нужно было быть умным, и хитрым, и любознательным... Он был уверен, что мальчишка не сможет найти диадему... Хотя эта Дамблдорова кукла зашла много дальше, чем он когда-либо ожидал... слишком далеко...

– Мой лорд, – произнёс надтреснутый, полный отчаяния голос. Он повернулся: в самом тёмном углу сидел Люциус Малfoy, одетый в рваньё, всё ещё сохранивший следы наказания, полученного им после последнего побега мальчишки. Один его глаз заплыл и был закрыт. – Мой лорд... Пожалуйста... Мой сын...

– Если твой сын мёртв, Люциус, это не моя вина. Он не пришёл и не присоединился ко мне, как остальные слизеринцы. Может быть, он решил подружиться с Гарри Поттером?

– Нет... никогда, – прошептал Малфой.

– Ты должен надеяться, что нет.

– Не... не боитесь ли вы, мой лорд, что Поттер может погибнуть от чьей-то ещё руки, не от вашей? – дрожащим голосом спросил Малфой. – Не будет ли... простите меня... более разумным вам прекратить сражение, войти в замок и искать его с-самому?

– Не притворяйся, Люциус. Ты желаешь остановки сражения, чтобы ты мог выяснить, что стало с твоим сыном. И мне не нужно искать Поттера. До окончания этой ночи Поттер сам придёт, чтобы найти меня.

Волдеморт ещё раз кинул взгляд на волшебную палочку в своих пальцах. Она его беспокоила... А с теми вещами, которые беспокоили Лорда Волдеморта, следовало разобраться.

– Иди приведи Снейпа.

– Снейпа, м-мой лорд?

– Снейпа. Сейчас же. Он мне нужен. Есть одно... дело... которое он должен выполнить. Иди.

Испуганный, Люциус покинул мрачную комнату, едва не споткнувшись по пути. Волдеморт продолжал стоять неподвижно, крутя между пальцами волшебную палочку и не сводя с неё взгляда.

– Есть лишь один путь, Нагини, – прошептал он и оглянулся, и там была большая, толстая змея. Она была подвешена в воздухе, извиваясь грациозно внутри зачарованной защитной сферы, которую он создал для неё, мерцающей, прозрачной сферы – нечто среднее между сверкающей клеткой и баком.

Ахнув, Гарри дёрнулся назад и открыл глаза; в тот же момент на его уши обрушились скрежет и вопли, удары и грохот битвы.

– Он в Визжащей Хижине. Змея с ним, вокруг неё какая-то магическая защита. Он только что послал Люциуса Малфоя, чтобы тот нашёл Снейпа.

– Волдеморт сидит в Визжащей Хижине? – вне себя от ярости повторила Гермиона. – Он даже... он даже не *флажается*?

– Он не думает, что ему нужно сражаться, – ответил Гарри. – Он думает, что я скоро приду к нему.

– Но почему?

– Он знает, что мне нужны Хоркраксы – он держит Нагини при себе – естественно, мне придётся отправиться к нему, чтобы подойти поближе к этой штуковине...

– Хорошо, – произнёс Рон, расправляя плечи. – Значит, тебе нельзя идти, он этого от тебя ждёт, он этого хочет. Ты стой здесь и смотри за Гермионой, а я пойду и сделаю её...

Гарри его перебил.

– Вы двое оставайтесь тут. Я пройду под плащом и вернусь, как только...

– Нет, – возразила Гермиона, – гораздо разумнее, если я возьму плащ и...

– И не думай об этом, – рявкнул на неё Рон.

Гермиона успела добраться только до «Рон, я точно так же могу...», когда гобелен наверху лестницы, где они стояли, был оторван и отброшен в сторону.

– ПОТТЕР!

Двое Пожирателей Смерти в масках стояли в проёме, но, прежде чем их волшебные палочки были хотя бы подняты, Гермиона крикнула: «*Glisseo!*»

Ступеньки под их ногами сложились, образовав пандус, и она вместе с Гарри и Роном съехала вниз. Они были не в состоянии управлять скоростью скольжения, но мчались так быстро, что Оглушающие заклятья Пожирателей Смерти пролетели высоко над их головами. Они просвистели сквозь скрывающий лестницу гобелен внизу и крутанулись на полу, врезавшись в противоположную стену.

– *Duro!* – крикнула Гермиона, указав волшебной палочкой на гобелен, и они услышали два громких, тошнотворных шлепка – гобелен обратился в камень, и преследующие их Пожиратели Смерти врезались в него.

– Назад! – заорал Рон, и они втроём прижались к двери, когда стадо письменных столов галопом прогромыхало мимо них, направляемое бегущей МакГонаггалл. Она, похоже, их не заметила; её волосы были распущены, на щеке виднелся порез. Когда МакГонаггалл свернула за угол, они услышали её крик: «В АТАКУ!»

– Гарри, надень плащ, – сказала Гермиона. – На нас не обращай внимания...

Но Гарри накинул плащ на всех троих; хоть они и были уже большими, он сомневался, что кто-либо заметит их лишённые тела ноги сквозь забившую воздух пыль, падающие камни и мерцание заклинаний.

Они пробежали вниз по следующей лестнице и оказались в коридоре, полном дуэлянтов. Портреты по обе стороны от бойцов были забиты фигурами, наперебой дающими советы и ободряюще кричащими; Пожиратели Смерти, в масках и без масок, дрались с учениками и учителями. Дин захватил палочку, ибо он находился лицом к лицу с Долоховым, а Парвати – с Трэверсом. Гарри, Рон и Гермиона тотчас подняли свои палочки, готовые нанести удар, но дуэлянты вертелись и метались так интенсивно, что любое пущенное ими проклятие имело хороший шанс попасть в своего. Пока они стояли наготове, ища возможность действовать, раздалось громкое «*Уиииииииииии!*», и, глянув вверх, Гарри увидел летящего над ними Пивза. Тот бросал стручки плетегруба на Пожирателей Смерти, и их головы внезапно оказались покрыты слоем извивающихся зелёных клубней, словно жирными червями.

– Апп!

Горсть клубней свалилась на плащ прямо над головой Рона; скользкие зелёные корни неподвижно висели в воздухе, в то время как Рон безуспешно пытался их стряхнуть.

– Там кто-то невидимый! – крикнул Пожиратель Смерти в маске, указывая пальцем.

Дин извлёк максимум из кратковременного отвлечения Пожирателя Смерти, вырубив его Оглушающим заклятьем; Долохов попытался отомстить, и Парвати послала в него проклятие Телобинта.

– ПОШЛИ! – проорал Гарри, и они с Роном и Гермионой, натянув на себя плащ потуже, пронеслись сквозь самую гущу дерущихся, чуть поскальзываясь в лужицах сока плетегруба, к вершине мраморной лестницы, ведущей в холл.

– Я Дрэйко Малфой, я Дрэйко, я на вашей стороне!

Дрэйко стоял на верхней площадке, умоляя ещё одного Пожирателя Смерти в маске. Гарри Оглушил Пожирателя Смерти, когда они пробежали мимо; Малфой, широко улыбнувшись, огляделся в поисках своего спасителя, и Рон стукнул его из-под плаща. Совершенно ошеломлённый Малфой свалился на спину, прямо на Пожирателя Смерти, изо рта у него текла кровь.

– Это уже второй раз мы спасли тебе жизнь сегодня, ты, двуличный ублюдок! – прокричал Рон.

Повсюду на лестнице и в холле шли ещё поединки; куда ни кидал взгляд Гарри, он видел Пожирателей Смерти: возле входной двери Яксли сражался с Флитвиком, рядом с ними Пожиратель Смерти в маске дрался с Кингсли. Ученики бегали во всех направлениях, некоторые из них несли или волокли раненых друзей. Гарри нацелил Оглушающее заклятье на какого-то Пожирателя Смерти в маске, промазал, зато чуть не попал в Невилла, появившегося из ниоткуда с полными руками ядовитой тентакулы, которая радостно накинула петлю на ближайшего Пожирателя Смерти и принялась наматываться на него.

Гарри, Рон и Гермиона сбежали по мраморной лестнице; слева от них слышался звон стекла, и из песочных часов Слизерина, отмечавших заработанные Домом баллы, посыпались изумруды; они были повсюду, и люди поскальзывались и шатались на бегу. Два тела упали с балкона, когда Гарри, Рон и Гермиона спустились вниз, и серая тень, принятая Гарри за зверя, устремилась на четырёх ногах через холл, чтобы погрузить зубы в одного из упавших.

– НЕТ! – завопила Гермиона, и оглушительный удар заклинания из её волшебной палочки отшвырнул Фенрира Грэйбэка от слабо шевелящегося тела Лаванды Браун. Он врезался в мраморные перила и попытался снова подняться на ноги. Затем мелькнула ярко-белая вспышка и раздался треск – хрустальный шар свалился обратно точно на макушку. Грэйбэк рухнул наземь и больше не шевелился.

– У меня есть ещё! – прокричала профессор Трелони из-за перил. – Хватит всем, кто хочет! Вот так...

И, сделав движение, напоминающее теннисную подачу, она вытащила из своей сумки ещё одну огромную хрустальную сферу, взмахнула волшебной палочкой, и шар, стремительно пролетев через холл, врезался в окно. В этот момент тяжёлая деревянная входная дверь распахнулась, и новые гигантские пауки ворвались в холл.

Крики ужаса разорвали воздух; бойцы – равно Пожиратели Смерти и защитники Хогвартса – рассыпались, и красные и зелёные лучи света полетели в гущу наступающих монстров; те вздрагивали и вставали на дыбы, они выглядели более устрашающими, чем когда бы то ни было.

– Как мы выберемся? – проорал Рон, пытаясь перекрыть всеобщие вопли, но, прежде чем Гарри или Гермиона смогли ответить, их отнесло в сторону: Хагрид протопал сверху по лестнице, размахивая своим розовым в цветочек зонтом.

– Не трожьте их, не трожьте их! – орал он.

– ХАГРИД, НЕТ!

Гарри забыл обо всём на свете: он выскочил из-под плаща и побежал, согнувшись вдвое, чтобы избежать проклятий, освещавших весь холл.

– ХАГРИД, ВЕРНИСЬ!

Но он и полпути до Хагрида не успел пробежать, когда это случилось: Хагрид исчез среди пауков, и тотчас они забегали, гнусно задвигались всей кучей и отступили под натиском заклинаний. Хагрид остался погребён в самой их гуще.

– ХАГРИД!

Гарри слышал, как кто-то его самого зовёт по имени, но его не волновало, друг это был или враг: он мчался по ступеням в тёмный парк, и стая пауков увлакивала прочь свою добычу, и Хагрида он уже не видел.

– ХАГРИД!

Гарри показалось, что он различает огромную руку, машущую из глубины паучьего стада, но, когда он попытался преследовать пауков, его путь был преграждён монументальной ногой, вылетевшей откуда-то из темноты; при её приземлении почва задрожала. Гарри посмотрел вверх: перед ним стоял великан двадцати футов ростом, голова его утопала в тени, лишь древоподобные волосатые голени были хорошо видны в свете, исходящем от дверей замка. Одним жестоким, проворным движением он ударил кулаком в окно где-то наверху, и Гарри обдал поток стекла, вынудив его ретироваться обратно в дверной проём.

– О боже! – вскрикнула Гермиона, наконец-то вместе с Роном догнавшая Гарри; все вместе они смотрели на великана, пытающегося теперь схватить кого-нибудь сквозь разбитое окно.

– НЕТ! – Рон схватил руку Гермионы, когда она подняла волшебную палочку. – Оглуши его, и он разнесёт ползамка...

– ХАГТЕР?

Гроуп неуклюжей походкой вышел из-за угла замка; лишь теперь Гарри осознал, что Гроуп действительно был великаном-недоростком. Чудовищный монстр, пытавшийся раздавить людей на верхних этажах, оглянулся и взревел. Каменные ступени задрожали, когда он затопал навстречу своему меньшему соплеменнику. Искривлённый рот Гроупа открылся, обнажив жёлтые, в полкирпича размером, зубы, и затем великаны с львиной яростью набросились друг на друга.

– БЕЖИМ! – крикнул Гарри; ночь была полна устрашающих воплей и ударов дерущихся великанов, и он схватил Гермиону за руку и рванул вниз по ступеням и в парк, Рон мчался за ними. Гарри ещё не потерял надежды найти и спасти Хагрида; он бежал так быстро, что они уже были на полпути к лесу, когда вновь внезапно остановились.

Воздух вокруг них замёрз; у Гарри перехватило дыхание, словно его лёгкие затвердели. Тени выскользнули из ночи, клубящиеся фигуры концентрированной тьмы, они волной устремились к замку, их лица были закрыты, до Гарри донеслось хриплое дыхание...

Рон и Гермиона сдвинулись плотнее рядом с ним; звуки битвы позади них внезапно приглушились, утихли, ибо в ночи повисало вязкое молчание, какое могли приносить лишь дементоры...

– Давай, Гарри! – откуда-то издалека донёсся голос Гермионы. – Патронусы, Гарри, давай же!

Он поднял волшебную палочку, но тупая безнадежность уже расплзалась по его телу: Фред умер, Хагрид наверняка умирал или уже был мёртв; сколько ещё народу потеряло жизни, он пока не знал; он чувствовал, что его душа уже наполовину оставила тело...

– ГАРРИ, ДАВАЙ! – закричала Гермиона.

Сотня дементоров приближалась, скользила им навстречу, находя свой путь по Гарриному отчаянию, служившему для них словно обещанием пиршества...

Он увидел, как серебряный терьер Рона вырвался из его палочки в воздух, слабо померцал и исчез; он увидел, как выдра Гермионы дёрнулась в воздухе и угасла; и его собственная волшебная палочка дрожала в его руке, и он почти приветствовал надвигающееся забытьё, обещание пустоты, обещание конца чувств...

И тут серебряные заяц, кабан и лиса проплыли над головами Гарри, Рона и Гермионы; дементоры при их приближении отступили. Ещё три человека вышли из темноты и встали рядом, направляя волшебные палочки вперёд, продолжая вызывать Патронусов: Луна, Эрни и Шеймас.

– Вот так правильно, – ободряюще сказала Луна, словно они снова были в Насущной Комнате и у них было обычное практическое занятие ДА. – Вот так надо, Гарри... Давай, подумай о чём-нибудь счастливом...

– О чём-нибудь счастливом? – надтреснутым голосом повторил он.

– Мы всё ещё здесь, – прошептала она, – мы всё ещё дерёмся. Давай же, ну...

Выскочила серебряная искра, затем неровная струйка света, и затем, приложив больше усилий, чем ему когда-либо для этого требовалось, Гарри заставил серебряного оленя вырваться из кончика своей палочки. Он помчался вперёд, и теперь дементоры рассыпались окончательно, и ночь тут же снова стала тёплой, и звуки окружающей битвы вновь загремели у него в ушах.

– Не знаю, как вас благодарить, – дрожащим голосом проговорил Рон, поворачиваясь к Луне, Эрни и Шеймасу, – вы спасли...

Раздался рык, земля задрожала: ещё один великан неуклюже вышел из темноты со стороны леса, размахивая дубиной, более длинной, чем рост любого из них.

– БЕЖИМ! – снова завопил Гарри, но остальным его приказ не понадобился: они уже рассыпались, и вовремя, ибо в следующий момент колоссальная нога монстра ступила точно туда, где они только что стояли. Гарри оглянулся: Рон и Гермиона бежали за ним, но другие трое умчались обратно в гущу сражения.

– Надо убираться подальше! – крикнул Рон, когда великан снова взмахнул дубиной и его рёв разнёсся в ночи по всему парку, по-прежнему освещаемому вспышками красного и зелёного света.

– К Дракучей Иве⁸⁰, – сказал Гарри. – Бежим!

Каким-то образом ему удалось отгородиться от всего этого, запрятать всё в маленький уголок своего мозга, куда он сам не мог сейчас заглянуть: мысли о Фреде и Хагриде и страх за всех людей, которых он любил и которые сейчас рассыпались по замку и вокруг него, – всё это должно было подождать, потому что им надо было бежать, надо было добраться до змеи и до Волдеморта, потому что, как сказала Гермиона, это был единственный способ прекратить всё...

Он мчался, почти веря, что может обогнать саму смерть, не обращая внимания ни на лучи света, пролетающие в темноте вокруг него, ни на звук озера, шумящего подобно морю, ни на скрип (хотя погода была безветренной) Запретного Леса; через словно взбунтовавшийся парк он нёсся быстрее, чем когда-либо в жизни бежал, и именно он первым увидел огромную Иву, защищавшую тайну, сокрытую у её корней, с помощью гибких, стегающих, как кнуты, ветвей.

Пыхтя и глотая воздух, Гарри замедлился, обходя хлещущие по сторонам ветви Ивы, вглядываясь сквозь темноту в её толстый ствол, пытаясь разглядеть то пятнышко в коре старого дерева, которое его парализует. Рон и Гермиона подоспели следом; Гермиона настолько задышалась от бега, что была не силах говорить.

– Как... как мы туда попадём? – пропыхтел Рон. – Я вижу... это место... Если бы у нас... снова был Косолап...

– Косолап? – просипела согнувшаяся вдвое Гермиона, держась за грудь. – *Ты колдун или что?*

– О... да... точно...

Рон посмотрел вокруг, затем нацелил волшебную палочку на прутик, валяющийся на земле, и произнёс: «*Wingardium Leviosa!*» Прутик взлетел в воздух, развернулся в воздухе, словно пойманный порывом ветра, и устремился прямо к стволу Ивы сквозь её зловеще качающиеся ветви. Он уткнулся в точку близ корней, и извивающееся дерево тотчас застыло неподвижно.

– Отлично! – пропыхтела Гермиона.

– Погодите.

Гарри заколебался; одна секунда неуверенности, наполненная грохотом и треском боя. Волдеморт хотел, чтобы он это сделал, чтобы он пришёл... Не вёл ли он Рона и Гермиону в ловушку?

Но тут реальность сомкнулась над ним, простая и жестокая: единственным путём, ведущим вперёд, было убийство змеи, а змея была там, где был Волдеморт, а Волдеморт был в конце этого тоннеля...

– Гарри, мы идём, давай! – и Рон пихнул его вперёд.

⁸⁰ Whomping Willow. Игра слов: название похоже на Whimpering Willow – плакучая ива; но при этом первое слово созвучно с Whop – бить.

Гарри протиснулся в подземный тоннель через сокрытый в корнях дерева вход. Проход был намного теснее, чем в предыдущий раз, когда они им пользовались. Потолок тоннеля нависал очень низко; почти четыре года назад они были вынуждены согнуться в три погибели, теперь им ничего не оставалось, кроме как ползти. Гарри двигался первым, освещая путь волшебной палочкой, ожидая в любой момент наткнуться на препятствие, но препятствий не было. Они двигались молча, Гарри взгляд был нацелен на качающийся луч света волшебной палочки, зажатой в его кулаке.

Наконец тоннель пошёл вверх, и Гарри увидел впереди отблеск света. Гермiona потянула его за лодыжку.

– Плащ! – прошептала она. – Надень плащ!

Гарри пошарил позади себя свободной рукой, и Гермiona втиснула в неё комок гладкой ткани. Не без труда он натянул на себя плащ, пробормотал «*Nox*», погасив волшебную палочку, и продолжил ползти на четвереньках, стараясь не издавать ни звука. Все его чувства были напряжены, каждую секунду он ожидал, что его обнаружат, ожидал услышать ясный холодный голос, увидеть зелёную вспышку.

И тут он услышал голоса, исходящие из комнаты прямо впереди; голоса звучали лишь слегка приглушённо, потому что выход из тоннеля был заслонён чем-то вроде старого ящика. Едва осмеливаясь дышать, Гарри подкрался прямо к выходу и заглянул в крохотную щель между ящиком и стеной.

Комната за ящиком была тускло освещена, но он мог разглядеть Нагини, крутящуюся и извивающуюся, словно водяная змея. В своей зачарованной искрящейся сфере, плавающей в воздухе, она была в полной безопасности. Гарри мог разглядеть край стола и белую длиннопалую руку, играющую с волшебной палочкой. Затем раздался голос Снейпа, и Гаррино сердце вздрогнуло: Снейп был в нескольких дюймах от того места, где он прятался, согнувшись в три погибели.

– ...мой лорд, их оборона рушится...

– ...и это происходит без твоей помощи, – ответил Волдеморт своим высоким ясным голосом. – Хотя ты и искусный колдун, Северус, я не думаю, что твоё появление там многое изменит. Мы почти победили... почти.

– Разрешите мне найти мальчишку. Разрешите мне доставить вам Поттера. Я знаю, я могу найти его, мой лорд. Пожалуйста.

Снейп прошёл мимо щели, и Гарри чуть подался назад, не отрывая глаз от Нагини, размышляя, есть ли такое заклинание, которое способно пробить окружающую её защиту, но в голову ничего не приходило. Одна неудачная попытка, и он выдаст своё местонахождение...

Волдеморт встал. Теперь Гарри мог его видеть, его красные глаза, его плоское змееподобное лицо; бледная кожа в полутьме, казалось, слегка сияла.

– У меня проблема, Северус, – мягко произнёс Волдеморт.

– Мой лорд? – сказал Снейп.

Волдеморт поднял бузину палочку, держа её нежно и точно, словно дирижёр свою дирижёрскую палочку.

– Почему она не работает, Северус?

В тишине Гарри показалось, что он слышит тихое шипение сворачивающейся и разворачивающейся змеи, или это был свистящий вздох Волдеморта, повисший в воздухе?

– Мой... мой лорд? – озадаченно переспросил Снейп. – Я не понимаю. Вы... вы применяли экстраординарную магию с помощью этой палочки.

– Нет, – ответил Волдеморт. – Я применял свою обычную магию. Я сам экстраординарен, но эта волшебная палочка... нет. Она не раскрыла тех чудес, которые были обещаны. Я не чувствую разницы между этой палочкой и той, которую я достал у Олиwandера многие годы назад.

Его тон был задумчивым, спокойным, но Гаррин шрам начал покалывать и пульсировать; боль во лбу усиливалась, и он ощущал всё нарастающую, но пока сдерживаемую ярость Волдеморта.

– Не чувствую разницы, – повторил Волдеморт.

Снейп молчал. Гарри не видел его лица; он подивился, почувствовал ли Снейп угрозу; может быть, он пытается подобрать верные слова, как-то обнадежить своего господина?

Волдеморт начал тихими шагами мерить комнату; на несколько секунд Гарри потерял его из виду. Он продолжал говорить тем же размеренным тоном, в то время как боль и ярость в Гарри всё нарастали.

– Я долго и упорно думал, Северус... Знаешь ли ты, почему я отозвал тебя из битвы?

На мгновение Гарри увидел Снейпа в профиль: его взгляд был устремлён на змею, крутящуюся в своей зачарованной клетке.

– Нет, мой лорд, но я умоляю вас позволить мне вернуться. Разрешите мне найти Поттера.

– Ты говоришь, как Люциус. Ни один из вас не понимает Поттера так, как я. Его не нужно искать. Поттер сам придёт ко мне. Я знаю его слабость, понимаешь ли, его самый большой недостаток. Он не вынесет вида того, как другие погибают вокруг него, зная, что это происходит из-за него. Он захочет прекратить это любой ценой. Он придёт.

– Но мой лорд, его может случайно убить кто-то другой, не вы...

– Мои указания Пожирателям Смерти были предельно ясны. Захватить Поттера. Убить его друзей – чем больше, тем лучше, – но не убивать его. Но сейчас я о тебе хотел поговорить, не о Гарри Поттере. Ты был очень ценен для меня. Очень ценен.

– Мой лорд знает, что я хочу лишь служить ему. Но... разрешите мне уйти и найти мальчишку, мой лорд. Позвольте мне доставить его вам. Я знаю, я могу...

– Я уже сказал, нет! – отрезал Волдеморт, и Гарри уловил алую вспышку в его глазах, когда он в очередной раз повернулся, и шелест его плаща был подобен звуку ползущей змеи. В своём пылающем шраме Гарри ощутил раздражение Волдеморта. – Что меня заботит сейчас, Северус, это то, что произойдёт, когда я встречу наконец с мальчишкой!

– Мой лорд, но здесь не может быть вопроса, несомненно?..

– Но вопрос *есть*, Северус. Вопрос есть.

Волдеморт остановился, и Гарри отчётливо видел, как он проводит бузиной палочкой по своим белым пальцам, неотрывно глядя на Снейпа.

– Почему обе волшебные палочки, которые я использовал, подвели меня, когда были нацелены на Гарри Поттера?

– Я... я не могу ответить на этот вопрос, мой лорд.

– Вот как?

Укол ярости словно пикой пронзил Гаррину голову; он закусил собственный кулак, чтобы не закричать от боли. Он закрыл глаза, и внезапно он стал Волдемортом, и он глядел в бледное лицо Снейпа.

– Моя волшебная палочка из тиса делала всё, чего я от неё просил, Северус, кроме одного – она не убила Гарри Поттера. Она подвела меня дважды. Оливандер под пыткой рассказал мне о сердцевинках-близнецах, он сказал мне, чтобы я взял другую палочку. Я так и сделал, но волшебная палочка Люциуса раскололась, встретив палочку Поттера.

– У меня... у меня нет объяснения, мой лорд.

Снейп не смотрел на Волдеморта. Взгляд его тёмных глаз по-прежнему был устремлён на извивающуюся змею в её защитной сфере.

– Я разыскал третью волшебную палочку, Северус. Бузиновую палочку, Роковую палочку, Гробовую палочку. Я взял её у предыдущего владельца. Я взял её из могилы Альбуса Дамблдора.

Теперь Снейп взглянул на Волдеморта, и лицо его напоминало посмертную маску. Оно было мраморно-белым и таким неподвижным, что, когда он заговорил, показалось странным, что что-то живое оставалось за этими пустыми глазами.

– Мой лорд... позвольте мне пойти за мальчишкой...

– Всю эту долгую ночь, находясь на пороге победы, я сидел здесь, – сказал Волдеморту, и его голос был едва громче шёпота, – думая, размышляя, почему бузиновая палочка отказывается быть тем, чем она должна быть, отказывается работать так, как, согласно легендам, она должна работать для своего истинного владельца... и я думаю, что знаю ответ.

Снейп молчал.

– Возможно, ты тоже уже знаешь его? В конце концов, ты очень умный человек, Северус. Ты был хорошим и преданным слугой, и я сожалею о том, что должно случиться.

– Мой лорд...

– Бузиновая палочка не может служить мне как надо, Северус, потому что я не являюсь её истинным владельцем. Бузиновая палочка принадлежит тому, кто убил её предыдущего обладателя. Ты убил Альбуса Дамблдора. Пока ты жив, Северус, бузиновая палочка не может быть истинно моей.

– Мой лорд! – протестующе воскликнул Снейп, подняв свою собственную волшебную палочку.

– По-другому быть не может, – произнёс Волдеморту. – Я должен подчинить эту палочку, Северус. Я подчиню себе эту палочку, и тогда я наконец подчиню себе Поттера.

И Волдеморту рассёк воздух бузиной палочкой. Она не причинила Снейпу вреда, и какую-то долю секунды он, похоже, думал, что помилован; но намерение Волдеморта сразу же стало ясным. Клетка змеи прокатилась по воздуху и, прежде чем Снейп успел сделать что-

то большее, чем вскрикнуть, оказалась прямо на нём, заключив в себя его голову и плечи, и Волдеморт сказал на Рассеязе:

– *Убей.*

Раздался ужасающий вопль. Гарри увидел, как лицо Снейпа, в котором и раньше не было практически ни кровинки, потеряло остаток цвета; оно побелело, и чёрные глаза расширились, когда клыки змеи пронзили его шею; он безуспешно пытался столкнуть с себя зачарованную клетку; затем его колени подогнулись, и он упал на пол.

– Я сожалею, – холодно произнёс Волдеморт.

Он отвернулся. В нём не было ни печали, ни раскаяния. Пришло время покинуть хибару и возглавить остальных, теперь, когда его палочка будет в полной мере выполнять его приказы. Он указал на сверкающую клетку со змеей, и та поплыла вперёд, оторвавшись от лежащего на боку Снейпа, из шеи которого лилась потоком кровь. Волдеморт стремительно вышел из комнаты, не оглянувшись назад, и гигантская змея в своей огромной защитной сфере полетела вслед за ним.

В тоннеле, вернувшись в собственную голову, Гарри открыл глаза; он прокусил себе руку до крови, когда впивался зубами в костяшки пальцев, чтобы сдержать крик. Теперь он смотрел в крохотную щёлку между стеной и ящиком, глядя на ногу в чёрном ботинке, слабо шевелящуюся на полу.

– Гарри! – выдохнула Гермиона за его спиной, но он уже навёл волшебную палочку на ящик, загораживающий путь. Ящик бесшумно поднялся в воздух примерно на дюйм и отплыл в сторону. Как можно тише Гарри втянул себя в комнату.

Он не знал, зачем он это делает, зачем он подходит к умирающему; он не знал, что он чувствовал при виде белого лица Снейпа и его пальцев, пытающихся зажать кровавую рану на шее. Гарри снял плащ-невидимку и посмотрел на лежащего у своих ног человека, которого он ненавидел. Взгляд расширившихся глаз Снейпа нашёл Гарри, и он попытался заговорить. Гарри склонился над ним; тогда Снейп вцепился в мантию на его груди и притянул его к себе.

Страшный, хриплый, булькающий звук исходил из горла Снейпа.

– Возьми... это... возьми... это...

Нечто большее, чем кровь, истекало из Снейпа. Синевато-серебристое, не газ и не жидкость, оно струилось из его рта, из ушей и из глаз, и Гарри знал, что это было, но не знал, что ему делать...

Гермиона призвала из воздуха флакон и впихнула его в дрожащие руки Гарри. Тот с помощью волшебной палочки поместил серебристую субстанцию внутрь. Когда флакон наполнился до краёв, а в Снейпе, судя по его виду, не осталось крови вообще, рука, держащая Гаррину мантию, ослабла.

– Смотри... на... ме... ня... – прошептал Снейп.

Зелёные глаза встретились с чёрными, но через секунду что-то в глубине чёрных глаз пропало, оставив их неподвижными, пустыми и невидящими. Рука, державшая Гарри, свалилась на пол, и больше Снейп не шевелился.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЯ ПРИНЦА

Гарри оставался коленопреклоненным возле тела Снейпа, просто глядя на него, пока внезапно поблизости не раздался высокий холодный голос – настолько близко, что Гарри с зажатым в руке флаконом вскочил на ноги, решив, что Волдеморт снова вошёл в комнату.

Голос Волдеморта отражался от стен и от пола, и Гарри понял, что он обращается к Хогвартсу и ко всем его окрестностям, что обитатели Хогсмида и все те, кто всё ещё сражался в замке, должны были слышать Волдеморта так же отчётливо, как если бы он стоял рядом с ними, дыша им в затылок, на расстоянии смертельного удара.

– Вы сражались, – произнёс высокий холодный голос, – отважно. Лорд Волдеморт умеет уважать храбрость.

Вы понесли тяжёлые потери. Если вы продолжите сопротивляться мне, вы все погибнете, один за другим. Я не желаю, чтобы это произошло. Каждая пролитая капля магической крови – это потеря, пустая трата.

Лорд Волдеморт милосерден. Я приказываю моим силам отступить, немедленно.

У вас один час. Попрощайтесь с вашими умершими достойно. Позаботьтесь о раненых.

Теперь, Гарри Поттер, я обращаюсь непосредственно к тебе. Ты позволил своим друзьям умирать за тебя, вместо того чтобы встретиться со мной лично. Я буду ждать в Запретном Лесу в течение одного часа. Если, когда этот час минует, ты не придёшь ко мне, не сдашься, то сражение продолжится. На этот раз я вступаю в битву сам, Гарри Поттер, и я найду тебя, и я покараю каждого мужчину, женщину и ребёнка, кто пытался укрыть тебя от меня. Один час.

Рон и Гермиона лихорадочно трясли головами, глядя на Гарри.

– Не слушай его, – сказал Рон.

– Всё будет хорошо, – дрожащим голосом проговорила Гермиона. – Давай... давай вернёмся в замок – если он пошёл в Запретный Лес, нам нужно будет придумать новый план...

Она глянула на тело Снейпа, после чего поспешила обратно к входу в тоннель. Рон последовал за ней. Гарри подобрал плащ-невидимку и посмотрел сверху вниз на Снейпа. Он не знал, что ему чувствовать, кроме шока от того, каким образом Снейп был убит, и по какой причине это произошло...

Они пролезли обратно по тоннелю, не произнося ни слова, и Гарри дивился про себя, слышат ли до сих пор Рон и Гермиона у себя в голове слова Волдеморта, как слышал их он. *Ты позволил своим друзьям умирать за тебя, вместо того чтобы встретиться со мной лично. Я буду ждать в Запретном Лесу в течение одного часа... одного часа...*

Словно маленькие свёртки валялись во множестве на газоне перед замком. До рассвета, вероятно, оставался час или около того, но всё по-прежнему было угольно-чёрным. Троица поспешила вверх по каменным ступеням. Перед ними лежал одинокий ботинок размером с небольшую лодку. Других следов Гроупа и атаковавшего его великана видно не было.

Замок был неестественно тих. Теперь в нём не видно было вспышек света, не слышно ударов, вскриков и воплей. На плитках, которыми был выложен холл, виднелись пятна крови. Изумруды по-прежнему валялись по всему полу, смешавшись с кусочками мрамора и деревянными щепками. Часть перил отсутствовала.

– Где все? – прошептала Гермиона.

Рон первым двинулся в Большой Зал, остальные за ним. В дверях Гарри остановился.

Столы Домов пропали, и комната была набита народом. Выжившие стояли группами, обняв друг друга за плечи. Раненые лежали на учительском помосте, за ними ухаживали мадам Помфри и ещё несколько человек. Фиренце тоже был в числе раненых: из его бока текла кровь, и он дрожал, не в силах встать.

Погибшие лежали в ряд в центре зала. Гарри не видел тела Фреда, поскольку оно было окружено семьёй. Джордж стоял на коленях возле его головы; миссис Уизли лежала у него на груди, и её тело сотрясало; мистер Уизли гладил её волосы, в то время как слёзы текли по его собственным щекам.

Не сказав Гарри ни слова, Рон и Гермиона отошли. Гарри увидел, как Гермиона подошла к Джинни, лицо которой распухло и было всё покрыто какими-то пятнами, и обняла её. Рон присоединился к Биллу, Флер и Пёрси, который тут же обнял Рона за плечи. Когда Джинни и Гермиона подошли поближе к остальным членам семьи, Гарри смог разглядеть тела, лежащие рядом с Фредом: Римус и Тонкс, бледные, неподвижные, мирно лежащие, словно спящие под тёмным зачарованным потолком.

Большой Зал словно отлетал прочь, съёживался, становился меньше, когда Гарри, шатаясь, отступал от дверного проёма. Он не мог дышать. Он не мог решиться посмотреть на другие тела, чтобы узнать, кто ещё умер за него. Он не мог решиться присоединиться к семье Уизли, не мог смотреть в их глаза – если бы он сдался тогда, сразу, Фред мог бы не умереть...

Гарри отвернулся и побежал вверх по мраморной лестнице. Люпин, Тонкс... Больше всего он хотел уметь не чувствовать... Он хотел вырвать своё сердце, свои внутренности, всё, что кричало внутри него...

Замок был абсолютно пуст; даже призраки, похоже, присоединились к оплакиванию в Большом Зале. Гарри бежал не останавливаясь, сжимая в руке хрустальный флакон с последним воспоминанием Снейпа, и замедлился лишь добравшись до каменной горгульи, охраняющей кабинет директора.

– Пароль?

– Дамблдор! – не думая, ответил Гарри, потому что именно его он стремился увидеть. К его удивлению, горгулья скользнула в сторону, открыв винтовую лестницу за своей спиной.

Но когда Гарри ворвался в круглый кабинет, он заметил изменения. Портреты, висевшие повсюду на стенах, были пусты. Ни один директор или директриса не остался, чтобы увидеть его; похоже, они все унеслись прочь, через другие портреты в замке, чтобы иметь чёткое представление о том, что происходит.

Гарри безнадежно глянул на опустевшую раму Дамблдора, висевшую непосредственно за директорским креслом, и повернулся к ней спиной. Каменный ситодум лежал в шкафчике, там, где и всегда; Гарри взгромоздил его на стол и вылил воспоминания Снейпа в широкую

чашу с нанесёнными по краям рунами. Сбежать в чью-то другую голову было благословением, должно было принести облегчение... Даже то, что ему оставил Снейп, не могло быть хуже его собственных мыслей. Воспоминания бурлили, серебристо-белые и странные, и, не раздумывая, с чувством беспшибанного навсёнаплеательства, словно это могло уменьшить терзающее его горе, Гарри нырнул.

Он упал головой вперёд в солнечный свет, и его ноги наткнулись на тёплую землю. Выпрямившись, он увидел, что очутился на почти пустой детской площадке. Единственная огромная труба выделялась на далёком горизонте. Две девочки раскачивались на качелях, а тощий мальчик наблюдал за ними из-за зарослей кустов. Его чёрные волосы были слишком длинными, а детали одежды настолько не соответствовали друг другу, что это выглядело нарочитым: слишком короткие джинсы, старое, слишком большое пальто, которое могло бы принадлежать взрослому, странная рубашка, больше напоминающая толстовку.

Гарри подошёл поближе к мальчику. Снейпу на вид было лет девять-десять, не больше; он был маленький, бледноватый и жилистый. С неприкрытой жадностью он смотрел на младшую из двух девочек, раскачивающуюся всё выше и выше – выше, чем её сестра.

– Лили, не делай так! – крикнула старшая.

Но девочка отпустила качели в высшей точке дуги и взлетела в воздух, в буквальном смысле взлетела, метнула себя в небо, радостно рассмеявшись, и, вместо того, чтобы грохнуться на асфальт детской площадки, она пролетела по воздуху, как цирковая гимнастка, пролетела слишком далеко, приземлилась слишком мягко.

– Мамочка сказала тебе так не делать!

Петуния остановила свои качели, опустив сандалии на землю (те издали хрустящий, скребущий звук), затем соскочила, руки в боки.

– Мамочка сказала, что тебе нельзя, Лили!

– Но я нормально, – всё ещё хихикая, ответила Лили. – Тунья, смотри. Смотри, что я могу.

Петуния оглянулась. На детской площадке не было никого, кроме них и, хотя девочки и не знали об этом, Снейпа. Лили подобрала упавший цветок под кустом, за которым притаился Снейп. Петуния приблизилась, явно разрываясь между любопытством и неодобрением. Лили подождала, пока Петуния подойдёт достаточно близко, чтобы всё разобрать, затем протянула ладонь. Цветок лежал в ней, открывая и закрывая лепестки, подобно какой-то странной, многостворчатой устрице.

– Прекрати! – крикнула Петуния.

– Он же не кусается, – сказала Лили, но сомкнула пальцы на цветке и кинула его обратно на землю.

– Это неправильно, – пожаловалась Петуния, но её взгляд проследовал за летящим цветком и задержался на нём, когда он упал на землю. – Как ты это делаешь? – добавила она с тоской и жадой в голосе.

– Это же очевидно, верно? – Снейп более не мог сдерживаться, он выпрыгнул из-за кустов. Петуния закричала и побежала обратно к качелям, но Лили, хотя и явно

опеломлённая, осталась на месте. Снейп, похоже, сожалел о своём появлении. Краска залила его бледные щёки, когда он взглянула на Лили.

– Что очевидно? – поинтересовалась Лили.

Снейп был взвинчен и возбуждён. Глянув на Петунию, перетаптывающуюся вдалеке возле качелей, он понизил голос и произнёс:

– Я знаю, кто ты.

– В каком смысле?

– Ты... ты ведьма, – прошептал Снейп.

Она явно была оскорблена.

– *Это* не лучший способ говорить с кем-то!

Она повернулась, задрав носик вверх, и двинулась прочь в сторону своей сестры.

– Нет! – воскликнул Снейп. Теперь ярко-красным было всё его лицо, и Гарри подивился, почему он не снимет своё невообразимо большое пальто – может, потому что не желал демонстрировать толстовку? Он побежал за девочками, хлопая лапами пальто, выглядя нелепо похожим на летучую мышь, совсем как взрослый Снейп.

Сёстры рассматривали его, объединившись в своём неодобрении, держась за одну и ту же стойку качелей, словно боялись её отпустить.

– Это *правда*, – сказал Снейп Лили. – Ты *правда* ведьма. Я уже давно на тебя смотрю. Но это совсем не плохо. Моя мама тоже ведьма, а я колдун.

Смех Петунии был словно ледяной душ.

– Колдун! – крикнула она; теперь, когда она отошла от шока, вызванного его неожиданным появлением, смелость к ней вернулась. – Я знаю, кто *ты*. Ты тот мальчишка Снейп! Они живут в Тунике Вертуна около реки, – сообщила она Лили, и по её тону было ясно, что этот адрес, с её точки зрения, был неважной рекомендацией. – Чего ты за нами шпионил?

– Я не шпионил, – ответил Снейп; под ярким солнцем ему было жарко и неудобно, и у него были грязные волосы. – За *тобой* и не стал бы шпионить, по-любому, – злорадно добавил он, – потому что *ты* маггл.

Петуния, очевидно, не поняла этого слова, но тон, каким оно было произнесено, говорил сам за себя.

– Лили, пошли, мы уходим, – пронзительно заявила она. Лили немедленно подчинилась сестре, но, уходя, взглянула на Снейпа. Он стоял и смотрел, как девочки шагают сквозь ворота детской площадки, и Гарри, единственный, кто мог теперь за ним наблюдать, увидел на его лице горечь разочарования и понял, что Снейп довольно давно планировал этот момент и что всё пошло не так...

Сцена растворилась и, прежде чем Гарри успел что-либо сообразить, собралась вокруг него вновь. Теперь он был внутри маленькой купы деревьев. Он мог различить залитую солнцем реку, сверкающую между стволами. Тени деревьев образовывали чашу прохладной зелёной тени. Двое детей сидели по-турецки на земле лицом друг к другу. Снейп на этот раз был без пальто; в полутени его странная толстовка не казалась такой уж нелепой.

– ...и Министерство может наказывать того, кто делает магию вне школы, им присылают письма.

– Но я *делала* магию вне школы!

– Мы можем. У нас ещё нет палочек. Они отпускают, если ты ещё маленький и не можешь удержаться. Но когда тебе станет одиннадцать, – важно добавил он, – и они начнут тебя учить, то тебе надо будет быть осторожной.

Повисла короткая пауза. Лили подобрала с земли прутик и покрутила его в воздухе, и Гарри догадался, что она воображает вылетающие из него искры. Затем она бросила прутик, склонилась ближе к мальчику и сказала:

– Это *правда* есть, правда? Это не шутка? Петуния говорит, что ты мне врёшь. Петуния говорит, нет никакого Хогвартса. Он *правда* есть?

– Он есть для нас, – ответил Снейп. – Не для неё. Но мы получим письма, и ты, и я.

– Правда? – прошептала Лили.

– Точно, – кивнул Снейп, и даже несмотря на свою плохую стрижку и странную одежду, он выглядел очень впечатляюще, сидя перед ней, дыша уверенностью в своей судьбе.

– И его правда приносит сова? – прошептала Лили.

– Обычно да. Но ты магглорождённая, так что кто-то из школы наверняка придёт и объяснит твоим родителям.

– А есть разница, магглорождённый ты или нет?

Снейп поколебался. Его чёрные глаза, кажущиеся жадными в зеленоватом сумраке, пробежали по бледному лицу, по тёмно-рыжим волосам.

– Нет, – ответил он. – Никакой разницы.

– Здорово, – Лили расслабилась: ясно было, что это её волновало.

– Ты можешь делать столько магии, – произнёс Снейп. – Я видел. Все разы, когда я на тебя смотрел...

Его голос увял; она не слушала, но растянулась на усыпанной листвой земле и смотрела на лиственный навес у себя над головой. Снейп смотрел на неё так же жадно, как тогда, на детской площадке.

– Как дела у тебя дома? – поинтересовалась Лили.

Морщинка появилась на переносице Снейпа.

– Отлично, – ответил он.

– Они больше не ссорятся?

– О нет, они ссорятся, – Снейп подобрал горсть листьев и начал рвать их, видимо, не сознавая, что он делает. – Но это будет не так уж долго, и я уйду.

– Твой папа не любит магию?

– Да он всё не очень-то любит.

– Северус?

Маленькая улыбка искривила рот Снейпа, когда она назвала его по имени.

– Да?

– Расскажи мне ещё про дементоров.

– Зачем тебе про них знать?

– Если я буду делать магию вне школы...

– За это тебя дементорам не отдадут! Дементоры для тех, кто делал очень плохие вещи. Они сторожат колдовскую тюрьму, Азкабан. Ты не попадёшь в Азкабан, ты слишком...

Снейп снова покраснел и разорвал ещё несколько листьев. Затем тихий шорох позади Гарри заставил его повернуться: Петуния, прятая за деревьями, потеряла равновесие.

– Тунья! – приветливо и удивлённо воскликнула Лили, но Снейп вскочил на ноги.

– Ну и кто теперь шпионит? – крикнул он. – Чего тебе?

Петуния едва дышала, случившееся застало её врасплох. Гарри видел, как она мучительно пытается придумать, что бы сказать побольнее.

– А что это на тебе такое, кстати? – наконец спросила она, тыкая Снейпу в грудь. – Блузка твоей мамы?

Раздался треск: прямо над головой Петунии отломилась ветка. Лили вскрикнула: ветка ударила Петунию в плечо, та качнулась назад и разревелась.

– Тунья!

Но Петуния уже убегала. Лили повернулась к Снейпу.

– Это из-за тебя вышло?

– Нет, – вид у него был одновременно испуганный и вызывающий.

– Нет, из-за тебя! – она пятилась от него. – Из-за *тебя*! Ты её ударил!

– Нет... нет, это не я!

Но его ложь не убедила Лили: кинув на него последний испепеляющий взгляд, она побежала прочь от купы деревьев, вслед за сестрой, и Снейп казался унылым и сконфуженным...

И сцена снова изменилась. Гарри огляделся: он стоял на платформе девять и три четверти, и Снейп стоял поблизости, чуть сутулясь. Рядом со Снейпом стояла худая женщина с бледным до желтизны неприветливым лицом. Женщина была очень похожа на него. Снейп неотрывно смотрел на семью из четырёх человек, стоявшую неподалёку. Две девочки чуть отошли от своих родителей. Лили, казалось, о чём-то умоляла сестру; Гарри придвинулся поближе, чтобы послушать.

– Мне жаль, Тунья, мне жаль! Послушай... – она поймала руку своей сестры и крепко вцепилась в неё, хотя Петуния и старалась вырваться. – Может, когда я там буду – нет, слушай, Тунья! Может, когда я там буду, я смогу подойти к профессору Дамблдору и убедить его передумать!

– Я – не – хочу – идти! – процедила Петуния, вырывая руку из захвата сестры. – Ты думаешь, я хочу пойти в какой-то дурацкий замок и учиться, чтобы стать...

Её бледные глаза скользнули по платформе, по кошкам, мяукающим в руках своих владельцев, по совам, хлопающим крыльями и ухающим в своих клетках, по ученикам (некоторые из них уже переоделись в длинные чёрные мантии), загружающим сундуки в алый поезд или радостно приветствующим друг друга после летней разлуки.

– ...думаешь, я хочу быть... ненормальной?

Глаза Лили наполнились слезами, когда Петунии удалось высвободить свою руку.

– Я не ненормальная, – сказала Лили. – Ты очень плохо говоришь.

– Вот куда ты идёшь, – злорадно повторила Петуния. – В специальную школу для психов. Ты и этот Снейп... шизики, вот вы кто оба. Хорошо, что вас отделяют от нормальных людей. Это для нашей безопасности.

Лили кинула взгляд на родителей, которые с искренним наслаждением, упиваясь зрелищем, рассматривали платформу. Затем она снова посмотрела на свою сестру, и её голос звучал низко и яростно.

– Ты не считала, что это такая уж школа для ненормальных, когда ты писала директору и умоляла его взять тебя.

Петуния залилась краской.

– Умоляла? Я не умоляла!

– Я видела его ответ. Он был очень любезен.

– Ты не должна была читать... – пролепетала Петуния. – Это моё личное... Как тебе удалось?..

Лили выдала себя, метнув короткий взгляд на стоявшего неподалёку Снейпа. Петуния ахнула.

– Он нашёл его! Ты и этот мальчишка пролезли в мою комнату!

– Нет... не пролезли... – теперь уже Лили защищалась. – Северус увидел конверт, и он не поверил, что маггл может написать в Хогвартс, вот и всё! Он говорит, что наверняка на почте тайно работают колдуны, и они занимаются...

– Похоже, колдуны суют свой нос повсюду! – теперь Петуния была столь же бледной, сколь до того она была красной. – *Ненормальная!* – выплюнула она в лицо своей сестре и убежала туда, где стояли её родители...

Сцена растворилась вновь. Снейп торопливо шёл по коридору грохочущего по рельсам Хогвартс-экспресса. Он уже переоделся в свою школьную мантию, вероятно, при первой же возможности избавившись от своей кошмарной маггловской одежды. Наконец он остановился перед купе, в котором разговаривали несколько хулиганистых мальчуганов. На угловом сиденье возле окна, ссутулившись, прижавшись лицом к оконному стеклу, сидела Лили.

Снейп отодвинул дверь купе и уселся напротив Лили. Она глянула на него и снова уставилась в окно. Она недавно плакала.

– Я не хочу с тобой разговаривать, – сдавленным тоном произнесла она.

– Почему?

– Тунья меня н-ненавидит. Потому что мы видели это письмо от Дамблдора.

– Ну и что?

Она метнула в него взгляд, полный глубокого отвращения.

– Ну и то, что она моя сестра!

– Она всего лишь... – он вовремя опомнился; Лили слишком усердно пыталась вытереть глаза, так чтобы это осталось незамеченным, и не услышала его.

– Но мы едем! – воскликнул он, не в силах подавить восторг в голосе. – Наконец-то! Мы едем в Хогвартс!

Она кивнула, промокая глаза, но тут же против воли улыбнулась.

– Хорошо бы ты попала в Слизерин, – сказал Снейп, приободрённый тем, что она чуть повеселела.

– Слизерин?

Один из делящих с ними купе мальчишек, который до этого момента не выказывал ни малейшего интереса ни к Лили, ни к Снейпу, при этих словах оглянулся, и Гарри, внимание которого до того было полностью приковано к паре у окна, увидел своего отца. Он был худой, черноволосый, как и Снейп, но источавший ауру человека, о котором заботились и даже обожали, – ауру, которой Снейп был так явственно лишён.

– Кто хочет быть в Слизерине? Я думаю, я бы просто сбежал, а ты? – обратился Джеймс к мальчику, развалившемуся на сиденье напротив него, и в Гарри что-то дёрнулось, когда он узнал Сириуса. Сириус не улыбнулся.

– Вся моя семья была в Слизерине, – ответил он.

– Чёрт, – сказал Джеймс. – А я-то думал, ты нормальный парень!

Сириус ухмыльнулся.

– Может, я нарушу традицию. А ты бы куда пошёл, если бы мог выбирать?

Джеймс взметнул невидимый меч.

– Гриффиндор! *«Обитель тех, кто смел!»* Как мой папа.

Снейп испустил негромкий презрительный смешок. Джеймс повернулся к нему.

– Есть с этим проблемы?

– Нет, – ответил Снейп, хотя его лёгкая усмешка свидетельствовала об обратном. – Если ты предпочитаешь быть боевитым, а не башковитым...

– А ты куда надеешься попасть, учитывая, что ты ни тот, ни другой? – вмешался Сириус.

Джеймс расхохотался. Лили села прямо, слегка покраснела, и с отвращением посмотрела на Джеймса с Сириусом.

– Пошли, Северус, найдём другое купе.

– Оооооо...

Джеймс и Сириус имитировали её гордый голос; Джеймс попытался поставить Снейпу подножку, когда тот проходил мимо.

– До свиданья, Соплеус! – послышался голос в тот момент, когда дверь купе захлопнулась...

И сцена растворилась вновь...

Гарри стоял прямо позади Снейпа, и они оба смотрели на освещённые множеством свечей столы Домов, вокруг которых были видны ряды возбуждённых лиц. Затем профессор МакГонаггал произнесла: «Эванс, Лили!»

Гарри наблюдал, как его мать на дрожащих ногах идёт вперёд и садится на шатающийся стул. Профессор МакГонаггал уронила ей на голову Сортировочную Шляпу. Менее чем через секунду после того, как шляпа коснулась тёмно-рыжих волос, она выкрикнула: *«Гриффиндор!»*

Гарри услышал, как Снейп испустил тихий стон. Лили сняла шляпу, протянула её обратно профессору МакГонаггал и поспешила к приветствующим её гриффиндорцам. Но, идя, она оглянулась на Снейпа, и на лице её он увидел маленькую печальную улыбку. Гарри

заметил, как Сириус подвинулся на скамье, чтобы освободить для неё место. Она взглянула на него, явно узнала по поезду, сложила руки и твёрдо отвернулась.

Переключка продолжалась. Гарри наблюдал, как Люпин, Петтигрю и Гарриин отец присоединились к Лили и Сириусу за гриффиндорским столом. Наконец, когда лишь дюжину учеников осталось рассортировать, профессор МакГонаггалл вызвала Снейпа.

Гарри вместе с ними подошёл к стулу и смотрел, как Снейп надевает шляпу себе на голову. «*Слизерин!*» – проорала шляпа.

И Северус Снейп отправился в другой конец Зала, прочь от Лили, туда, где его приветствовали слизеринцы, где Люциус Малфой, сияющий значком префекта, похлопал севшего рядом с ним Снейпа по спине...

И сцена сменилась...

Лили и Снейп гуляли через двор замка и, судя по всему, спорили. Гарри поспешил их нагнать, чтобы прислушаться. Когда он до них добрался, он осознал, насколько выше они оба стали: несколько лет уже прошло с их Сортировки.

– ...думал, мы друзья? – говорил Снейп. – Лучшие друзья?

– Мы *правда* друзья, Сев, но мне не нравятся некоторые люди, с которыми ты водишься! Извини, но я ненавижу Эйверы и Малсибера! *Малсибер!* Что ты в нём нашёл, Сев? Он же страшный! Ты знаешь, что он недавно пытался сделать с Мэри Макдональд?

Лили дошла до колонны и прислонилась к ней, глядя снизу вверх в бледное, худое лицо.

– Ничего особенного, – ответил Снейп. – Просто шутка, вот и всё...

– Это была Тёмная магия, и если ты думаешь, что это смешно...

– А что насчёт той фигни, которую затевают Поттер и его дружки? – перешёл в атаку Снейп. Он покраснел при этих словах, видимо, не в силах сдержать негодование.

– А при чём тут Поттер? – спросила Лили.

– Они выходят из замка по ночам. С этим Люпином что-то странное. Куда он всё время ходит?

– Он болен, – ответила Лили. – Говорят, что он болен...

– Каждый месяц в полнолуние?

– Я знаю твою теорию, – холодным голосом произнесла Лили. – Почему, кстати, они тебе не дают покоя? Какое тебе дело до того, чем они занимаются по ночам?

– Я просто пытаюсь тебе показать, что они вовсе не такие замечательные, как все про них думают.

Под его пристальным взглядом она залилась краской.

– Они по крайней мере не используют Тёмную магию, – она понизила голос. – А ты просто неблагодарный. Я слышала, что было недавно ночью. Ты хотел пролезть в тот тоннель под Дракучей Ивой, а Джеймс Поттер спас тебя от того, что там внизу было...

Лицо Снейпа исказилось, и он выпялонул:

– Спас? Спас? Ты думаешь, он изображал героя? Он спасал свою шкуру, и своих дружков тоже! Ты не должна... Я не позволю тебе...

– *Позволишь* мне? *Позволишь* мне?

Ярко-зелёные глаза Лили превратились в щёлочки. Снейп тотчас отступил.

– Я не хотел сказать... Я просто не хочу, чтоб ты выглядела душой... Он в тебя вторился, Джеймс Поттер в тебя вторился! – слова как будто вырывались из него против воли. – А он не... Все думают... Супергерой квиддича... – злость и отвращение сделали его речь бессвязной, и брови Лили всё выше и выше вползали на её лоб.

– Я знаю, что Джеймс Поттер – самодовольный поганец, – врезалась она в тираду Снейпа. – И тебе не нужно мне это говорить. Но юмор в представлении Малсибера и Эйвери – это просто зло. *Зло*, Сев. Я не понимаю, как ты можешь с ними дружить.

Гарри усомнился, что Снейп расслышал хоть что-то из её филиппик в адрес Малсибера и Эйвери. В тот момент, когда она оскорбила Джеймса Поттера, всё его тело расслабилось, и когда они уходили, в шагах Снейпа появилась пружинистость...

И сцена растворилась...

Гарри снова наблюдал за тем, как Снейп выходит из Большого Зала после сдачи СОВ⁸¹ по защите от Тёмных искусств, смотрел, как он бредёт прочь от замка и случайно оказывается неподалёку от бука, где компанией сидели Джеймс, Сириус, Люпин и Петтигрю. Но на этот раз Гарри не приближался – он знал, что случилось после того, как Джеймс подвесил Северуса в воздух и издевался над ним; он знал, что было сделано и сказано, и ему не доставляло удовольствия слышать это вновь. Он наблюдал, как Лили присоединилась к компании и пришла Снейпу на выручку. Находясь в отдалении, он слышал, как Снейп в своём унижении и ярости выплюнул в неё непрощаемое слово: «*грязнокровка*».

Сцена изменилась...

– Извини меня.

– Мне наплевать.

– Пожалуйста, извини!

– Побереги дыхалку.

Была ночь. Лили, одетая в халат, стояла, скрестив руки, перед портретом Полной Леди, у входа в гриффиндорскую башню.

– Я вышла только потому, что Мэри сказала, что ты грозился остаться здесь спать.

– Грозился. Я бы это сделал. Я не хотел называть тебя грязнокровкой, это просто...

– ...случайно вырвалось? – в голосе Лили не было жалости. – Слишком поздно. Я находила тебе оправдания все эти годы. Все мои друзья не понимают, почему я вообще разговариваю с тобой. Ты и твои маленькие миленькие Пожиратели Смерти дружки – смотри, ты этого даже не отрицаешь! Ты даже не отрицаешь, что именно этим вы все собираетесь стать! Ты ждёшь не дождёшься, когда присоединишься к Сам-Знаешь-Кому, верно?

Он открыл рот, но захлопнул его, не произнеся ни слова.

– Я не могу больше обманывать себя. Ты выбрал свой путь, я выбрала свой.

– Нет... Послушай, я не хотел...

– ...называть меня грязнокровкой? Но ты всех таких, как я, называешь грязнокровками, Северус. Почему я должна отличаться?

⁸¹ O.W.L. – Ordinary Wizarding Level (обычный колдовской уровень). Owl – по-английски сова. Я перевёл аббревиатуру как СОВ – Ступени Обычного Волшебства.

Снейп пытался что-то выдавить из себя, но Лили, одарив его презрительным взглядом, развернулась и пролезла обратно через дыру за портретом...

Коридор растворился, но на этот раз, чтобы сцена собралась заново, времени понадобилось больше: Гарри словно летел через движущиеся тени и цвета, пока наконец всё окружающее не затвердело. Он стоял в ночи на вершине одинокого холодного холма, и ветер свистел в ветвях немногочисленных лишённых листвы деревьев. Взрослый Снейп тяжело дышал, поворачиваясь на месте, крепко сжимая в руке волшебную палочку, чего-то или кого-то ожидая... Его страх заразил даже Гарри, хотя тот и знал, что ему здесь ничто не сможет угрожать. Гарри глянул через Снейпово плечо, дивясь, чего же мог ждать Снейп...

Слепящий, неровный луч света пролетел в воздухе; Гарри подумал о молнии, но Снейп упал на колени, и волшебная палочка вылетела из его руки.

– Не убивайте меня!

– Это не входило в мои намерения.

Любой звук, сопровождавший апарирование Дамблдора, был поглощён воем ветра в ветвях. Он стоял перед Снейпом, мантино трепало вокруг него, его лицо было подсвечено снизу его волшебной палочкой.

– Итак, Северус? Какое сообщение хочет передать мне Лорд Волдеморт?

– Это не... не сообщение... Я пришёл сам!

Снейп заламывал руки; его чёрные волосы беспорядочно метались вокруг головы, он казался слегка безумным.

– Я... я пришёл предупредить... Нет, попросить... Пожалуйста...

Дамблдор шевельнул волшебной палочкой. Несмотря на то, что ветви и листва по-прежнему продолжали рассекал воздух вокруг них, тишина обрушилась на то место, где они со Снейпом смотрели друг на друга.

– И что же может у меня попросить Пожиратель Смерти?

– Это... это пророчество... предсказание... Трелони...

– Ах да, – кивнул Дамблдор. – Что ты передал Лорду Волдеморту?

– Всё... всё, что я услышал! – ответил Снейп. – Поэтому... именно по этой причине...

Он думает, что оно про Лили Эванс!

– Пророчество не относилось к женщине, – произнёс Дамблдор. – Оно говорило о мальчике, рождённом в конце июля...

– Вы знаете, что я имею в виду! Он думает, что оно про её сына, он собирается найти её... Убить их всех...

– Если она так много для тебя значит, – сказал Дамблдор, – конечно же, Лорд Волдеморт пощадит её? Разве ты не можешь попросить его о пощаде для матери в обмен на сына?

– Я уже... уже попросил его...

– Ты мне противен, – Гарри никогда ещё не слышал столько презрения в голосе Дамблдора. Снейп, казалось, чуть-чуть съёжился. – Стало быть, тебя не волнует гибель её мужа и ребёнка? Они могут умереть, главное, чтобы ты получил то, чего хочешь?

Снейп молча смотрел снизу вверх на Дамблдора.

– Спрячьте тогда их всех, – наконец прокаркал он. – Укройте её... их... всех. Пожалуйста.

– А что ты дашь мне взамен, Северус?

– В-взамен? – Снейп уставился на Дамблдора, и Гарри показалось, что он будет протестовать, но после долгой паузы он ответил: – Всё.

Вершина холма растворилась, и Гарри стоял в кабинете Дамблдора, и до него доносились ужасные звуки, напоминающие вой раненого зверя. Снейп сидел в кресле, уронив голову на колени, а Дамблдор с мрачным видом стоял над ним. Через одну-две секунды Снейп поднял лицо, и это было лицо человека, прожившего с момента встречи на холме сто лет, полных отчаяния.

– Я думал... Вы собирались... сохранить её... оставить жить...

– Она и Джеймс доверились не тому человеку, – произнёс Дамблдор. – Совсем как ты, Северус. Разве ты не надеялся, что Лорд Волдеморт пощадит её?

Снейп дышал часто и мелко.

– Мальчик выжил, – сказал Дамблдор.

Снейп едва заметно дёрнул головой, словно отгоняя надоедливую муху.

– Её сын остался жив. У него её глаза, в точности её глаза. Ты помнишь форму и цвет глаз Лили Эванс, разумеется?

– Не СМЕЙ! – проревел Снейп. – Её нет... мертва...

– Это раскаяние, Северус?

– Хотел бы я... Хотел бы, чтобы я умер...

– А какая от этого была бы кому-то польза? – холодно спросил Дамблдор. – Если ты любил Лили Эванс, если ты на самом деле её любил, то твой путь теперь ясен.

Снейп словно смотрел сквозь завесу боли, и понадобилось много времени, чтобы слова Дамблдора дошли до него.

– Что... что вы имеете в виду?

– Ты знаешь, как и почему она погибла. Сделай так, чтобы это не оказалось напрасным. Помоги мне защитить сына Лили.

– Ему не нужна защита. Тёмного Лорда больше нет...

– ...Тёмный Лорд вернётся, и когда это произойдёт, Гарри Поттер будет в страшной опасности.

Повисла долгая пауза, и Снейп постепенно восстановил контроль над собой, его дыхание вернулось в норму. Наконец он произнёс:

– Хорошо. Хорошо. Но никогда... никогда никому не говорите, Дамблдор! Это должно остаться между нами! Поклянитесь! Я не вынесу... Особенно сыну Поттера... Мне нужно ваше слово!

– Дать тебе слово, Северус, что я никогда никому не открою лучшее, что в тебе есть? – Дамблдор вздохнул, глядя в искажённое яростью и болью лицо Снейпа. – Ну, если ты настаиваешь...

Кабинет растворился и тотчас собрался заново. Снейп перед Дамблдором мерил кабинет шагами.

– Посредственность, самодовольный, как его отец, обожает нарушать правила, в восторге от своей известности, тщеславный невежа...

– Ты видишь то, что ожидаешь увидеть, Северус, – произнёс Дамблдор, не поднимая глаз от номера «Тематической трансфигурации». – Другие учителя говорят, что мальчик скромн, мил и в меру способен. Лично я нахожу его довольно интересным ребёнком.

Дамблдор перевернул страницу и добавил, не поднимая головы:

– Приглядывай за Квиррелом, ладно?

Разноцветный водоворот, и всё вокруг потемнело, и Снейп с Дамблдором стояли чуть поодаль друг от друга в холле, а последние задержавшиеся на Йольском балу проходили мимо них, собираясь ложиться спать.

– Ну? – прошептал Дамблдор.

– У Каркарова Метка тоже становится темнее. Он в панике, он боится возмездия – вы знаете, как он помогал Министерству после падения Тёмного Лорда, – Снейп искоса глянул на крючконосый профиль Дамблдора. – Каркаров собирается сбежать, если Метка начнёт гореть.

– Вот как? – мягко произнёс Дамблдор, в то время как Флер Делакур и Роджер Дэвис, хихикая, вошли в холл из парка. – Не испытываешь ли ты соблазна присоединиться к нему?

– Нет, – ответил Снейп, упёршись взглядом в удаляющиеся фигуры Флер и Роджера. – Я не такой трус.

– Да, – согласился Дамблдор. – Ты намного храбрее, чем Игорь Каркаров. Знаешь, иногда мне кажется, что мы Сортируем слишком рано...

Он ушёл прочь, оставив поражённого Снейпа в холле...

И снова Гарри стоял в кабинете директора. Была ночь, и Дамблдор, пошатываясь из стороны в сторону, сидел в троноподобном кресле за своим столом, явно в полубессознательном состоянии. Его правая рука, чёрная и обожжённая, безжизненно свисала вниз. Снейп бормотал заклинания, указывая волшебной палочкой на запястье Дамблдора; в то же время левой рукой он держал кубок, полный густого золотистого зелья, и выливал это зелье Дамблдору в рот. Прошла секунда или две, и веки Дамблдора задрожали и открылись.

– Зачем, – без преамбулы начал Снейп, – *зачем* вы надели это кольцо? На нём проклятие, вы наверняка это поняли. Зачем нужно было до него хотя бы дотрагиваться?

Кольцо Марволо Гонга лежало на столе рядом с Дамблдором. Камень треснул; меч Гриффиндора лежал рядом.

На лице Дамблдора появилась гримаса.

– Я... был дурак. Это был такой соблазн...

– Соблазн чего?

Дамблдор не ответил.

– Просто чудо, что вам удалось вернуться сюда! – Снейп был в ярости. – На этом кольце было проклятие невероятной силы, сдержать его – всё, на что мы можем надеяться. Я запер проклятие в одной руке пока что...

Дамблдор поднял свою почерневшую, бесполезную руку и осмотрел её с видом человека, которому показали интересную безделушку.

– Ты отлично всё сделал, Северус. Как ты думаешь, сколько времени у меня осталось?

Тон Дамблдора был совершенно будничным; таким же тоном он спросил бы о прогнозе погоды. Снейп помедлил, после чего ответил:

– Не могу сказать. Может, год. Такое заклинание невозможно остановить навсегда. Оно постепенно расплзётся, это проклятие из тех, что со временем усиливаются.

Дамблдор улыбнулся. Новость, что жить ему осталось меньше года, похоже, его не очень беспокоила, если вообще беспокоила.

– Мне повезло, чрезвычайно повезло, что у меня есть ты, Северус.

– Если бы вы только призвали меня чуть раньше, я смог бы сделать больше, купить вам больше времени! – яростно воскликнул Снейп. Он перевёл взгляд на разбитое кольцо и меч. – Вы думали, что уничтожение кольца снимет проклятие?

– Нечто вроде этого... Я был безумен, несомненно... – сказал Дамблдор. Он с усилием выпрямился в кресле. – Ну что ж, это делает всё намного более очевидным.

Снейп выглядел совершенно озадаченным. Дамблдор улыбнулся.

– Я имею в виду план, который Волдеморт закручивает вокруг меня. Он планирует заставить бедного Малфоя-младшего меня убить.

Снейп уселся на стул, который так часто занимал Гарри, с противоположной стороны стола Дамблдора. Гарри видел, что он хотел ещё что-то сказать по поводу проклятой руки Дамблдора, но тот вежливо и откровенно закрыл тему. Нахмурившись, Снейп произнёс:

– Тёмный Лорд не рассчитывает, что Дрэйко преуспееет. Это всего лишь наказание за последние неудачи Люциуса. Медленная попытка для родителей Дрэйко – заставить их смотреть, как он провалится и заплатит свою цену.

– Короче говоря, мальчик приговорён к смерти так же надёжно, как и я, – попыток Дамблдор. – Далее. Можно предположить, что, как только Дрэйко провалится, эта работа должна будет перейти к тебе?

Повисла краткая пауза.

– Это, я думаю, и есть план Тёмного Лорда.

– Лорд Волдеморт предвидит момент в ближайшем будущем, когда ему не понадобится шпион в Хогвартсе?

– Он верит, что школа вскоре будет в его власти, да.

– А если она окажется в его власти, – небрежно, словно это был какой-то побочный вопрос, спросил Дамблдор, – обещаешь ли ты мне сделать всё, что в твоих силах, чтобы защитить учеников Хогвартса?

Снейп коротко кивнул.

– Хорошо. Теперь вот что. Твоя главная задача – выяснить, что собирается делать Дрэйко. Перепуганный подросток представляет опасность как для окружающих, так и для себя самого. Предложи ему помощь и руководство, он наверняка согласится, он тебя любит...

– ...намного меньше, с тех пор как его отец попал в опалу. Дрэйко винит меня, он считает, что я узурпировал положение Люциуса.

– В любом случае попытайся. Я волнуюсь не столько за себя, сколько за случайных жертв тех планов, которые могут прийти мальчику в голову. В конечном итоге, только одну вещь мы сможем сделать, если мы хотим спасти его от гнева Лорда Волдеморта.

Снейп поднял брови и спросил сардоническим тоном:

– Вы намереваетесь позволить ему убить вас?

– Разумеется, нет. *Ты* должен будешь убить меня.

Повисло длительное молчание, прерываемое лишь странным щёлкающим звуком. Феникс Фокс клевал кусочек кости.

– Желаете, чтобы я сделал это сейчас? – полным иронии голосом поинтересовался Снейп. – Или мне подождать несколько минут, чтобы вы могли составить эпитафию?

– О, не теперь, – улыбнулся Дамблдор. – Осмелюсь предположить, момент со временем представится. С учётом того, что произошло сегодня ночью, – он указал на свою иссохшую руку, – мы должны сделать так, чтобы это произошло в течение года.

– Если вы не имеете ничего против того, чтобы умереть, – грубо спросил Снейп, – почему не дать Дрэйко это сделать?

– Душа мальчика пока что не очень повреждена, – ответил Дамблдор. – Не хочу, чтобы она была разорвана из-за меня.

– А моя душа, Дамблдор? Моя?

– Ты один знаешь, повредит ли твоей душе, если ты поможешь старому человеку избежать боли и унижения, – произнёс Дамблдор. – Я прошу этой большой услуги от тебя, Северус, потому что Смерть приближается ко мне так же уверенно, как «Пушки Чадли» к последнему месту в лиге по итогам года. Признаюсь, я предпочёл бы быстрый, безболезненный конец долгому и грязному, который настанет, если, к примеру, в этом поучаствует Грэйбэк – я слышал, Волдеморт его использует? Или дражайшая Беллатрикс, которой нравится играть со своей добычей, прежде чем она её съест.

Он говорил легко, но его синие глаза пронзали Снейпа, так же как они нередко пронзали Гарри, словно обсуждаемая ими душа была ему видна. Наконец Снейп снова коротко кивнул.

Дамблдор явно был удовлетворён.

– Спасибо, Северус...

Кабинет исчез, и теперь Снейп и Дамблдор вместе шагали по опустевшему сумеречному хогвартскому парку.

– Чем вы занимаетесь с Поттером все эти вечера, когда вы закрываетесь вместе? – внезапно спросил Снейп.

Дамблдор выглядел усталым.

– А что? Надеюсь, ты не пытаешься дать ему *новых* наказаний, Северус? Мальчик скоро будет проводить больше времени в наказаниях, чем без них.

– Он опять как свой отец...

– Возможно, это так выглядит, но в глубине души он гораздо больше похож на мать. Я провожу время с Гарри, потому что есть вещи, которые мне нужно с ним обсудить, информация, которую я должен ему передать, прежде чем будет слишком поздно.

– Информация, – повторил Снейп. – Вы доверяете ему... Вы не доверяете мне.

– Это не вопрос доверия. Моё время, как мы оба знаем, ограничено. Очень важно, чтобы я дал мальчику достаточно информации, чтобы он сделал то, что должен сделать.

– А почему мне нельзя иметь ту же самую информацию?

– Я предпочитаю не класть все мои секреты в одну корзинку, тем более в корзинку, которая проводит слишком много времени, свисая с руки Лорда Волдеморта.

– Я это делаю по вашему приказу!

– И ты делаешь это чрезвычайно хорошо. Не думай, что я недооцениваю постоянную опасность, в которой ты находишься, Северус. Передавать Волдеморту то, что выглядит ценной информацией, и в то же время удерживать самое существенное – это работа, которую я не доверил бы никому, кроме тебя.

– И тем не менее вы поверяете гораздо больше мальчишке, который не способен к окклюменции, который посредственно владеет магией и который имеет прямую связь с разумом Тёмного Лорда!

– Волдеморт страшится этой связи, – ответил Дамблдор. – Не так давно он единственный раз попробовал, каково это на вкус – действительно разделять разум с Гарри. Это была такая боль, какую он никогда не испытывал ранее. Он не будет пытаться овладеть Гарри вновь, я уверен в этом. Только не таким путём.

– Я не понимаю.

– Душа Лорда Волдеморта, столь изуверенная, как сейчас, не может вынести близкого контакта с такой душой, как у Гарри. Это как языком коснуться замёрзшей стали, как плоть погрузить в огонь...

– Души? Мы говорим о разумах!

– В случае с Гарри и Лордом Волдемортом, говорить об одном – то же, что говорить о другом.

Дамблдор кинул взгляд по сторонам, чтобы убедиться, что они одни. Теперь они находились вблизи Запретного Леса, но поблизости от них никого видно не было.

– После того как ты убьёшь меня, Северус...

– Вы отказываетесь рассказать мне всё, но при этом ожидаете от меня такой маленькой услуги! – прорычал Снейп, и гнев высветился на его худом лице. – Вы слишком многое принимаете как данность, Дамблдор! Возможно, я передумал!

– Ты дал мне слово, Северус. И если уж мы говорим об услугах, которых я от тебя жду, – я думал, ты согласишься приглядывать за нашим юным другом из Слизерина?

Снейп выглядел рассерженным; казалось, он готов взбунтоваться. Дамблдор вздохнул.

– Приходи ко мне в кабинет, Северус, сегодня в одиннадцать, и ты перестанешь жаловаться, что я тебе не доверяю...

Они снова были в кабинете Дамблдора; окна были темны, Фокс сидел тихо. Снейп неподвижно сидел на стуле, в то время как Дамблдор ходил вокруг него и говорил.

– Гарри не должен знать, до самого последнего момента, до момента, когда это будет необходимо, иначе как он найдёт в себе силы сделать то, что он должен сделать?

– Но что он должен сделать?

– Это между Гарри и мной. Теперь слушай внимательно, Северус. Настанет время – после моей смерти – не спорь, не перебивай! Настанет такое время, когда Лорд Волдеморт начнёт опасаться за жизнь своей змеи.

– За Нагини? – Снейп явно был поражён.

– Именно. Если наступит время, когда Лорд Волдеморт перестанет посылать змею выполнять его поручения, но будет держать её при себе, в безопасности, под магической защитой, тогда, я полагаю, можно будет рассказать Гарри.

– Рассказать ему что?

Дамблдор сделал глубокий вдох и закрыл глаза.

– Рассказать ему, что в ночь, когда Лорд Волдеморт пытался его убить, когда Лили поместила между ними свою жизнь, как щит – тогда Убивающее проклятие отразилось в Лорда Волдеморта, и фрагмент Волдемортовой души был оторван от целого и прикрепился к единственной живой душе, оставшейся в рушащемся здании. Часть Лорда Волдеморта живёт в Гарри; именно она даёт ему и способность говорить со змеями, и связь с разумом Лорда Волдеморта, которую он никогда не понимал. И пока эта частица души, о которой не подозревает Волдеморт, остаётся прикреплённой к Гарри и защищённой им, Лорд Волдеморт не может умереть.

Гарри словно наблюдал за двоими мужчинами с противоположного конца длинного тоннеля, они были так далеко от него, их голоса странным эхом отдавались в его ушах.

– Значит, мальчик... мальчик должен умереть? – довольно спокойно спросил Снейп.

– И Волдеморт должен сделать это лично, Северус. Это важно.

Ещё одна долгая пауза. Затем Снейп произнёс:

– Я думал... все эти годы... что мы защищали его ради неё. Ради Лили.

– Мы защищали его, потому что было важно обучить его, вырастить его, дать ему испытать свои силы, – ответил Дамблдор, по-прежнему не раскрывая зажмуренных глаз. – В то же время, связь между ними всё усиливается, она пьёт его силы; иногда мне кажется, что он сам это подозревает. Насколько я его знаю, он всё подготовит так, что когда он отправится навстречу своей смерти, это воистину будет означать конец Волдеморта.

Дамблдор открыл глаза. Снейп явно был в ужасе.

– Вы сохранили ему жизнь, чтобы он мог умереть в нужный момент?

– Почему ты так шокирован, Северус? Сколько мужчин и женщин умерло у тебя на глазах?

– В последнее время – только те, кого я не смог спасти, – Снейп встал. – Вы использовали меня.

– В смысле?

– Я шпионил для вас, и лгал для вас, я подвергал себя смертельной опасности для вас. Всё это, предположительно, было ради того, чтобы сберечь сына Лили Поттер. Теперь вы говорите мне, что откармливали его, как свинью для бойни...

– Это трогательно, Северус, – серьёзно сказал Дамблдор. – Ты дорос всё-таки до того, что стал заботиться о мальчике?

– О нём? – заорал Снейп. – *Expecto patronum!*

Из кончика его волшебной палочки вырвалась серебряная оленуха; она приземлилась на пол, одним прыжком пересекла кабинет и вылетела в окно. Дамблдор смотрел, как она улетает прочь, и когда её серебристый свет угас, он снова повернулся к Снейпу, и в глазах его стояли слёзы.

– После стольких лет?

– Всегда, – ответил Снейп.

Сцена сдвинулась. Теперь Гарри видел, как Снейп разговаривает с портретом Дамблдора позади стола.

– Ты передашь Волдеморту правильную дату отбытия Гарри из дома его дяди и тёти, – произнёс Дамблдор. – Если ты этого не сделаешь, это привлечёт подозрения, ведь Волдемонт верит, что ты хорошо информирован. Однако ты должен подбросить идею приманок – это, думаю, должно обеспечить Гаррину безопасность. Попробуй Запутать Мундунгуса Флетчера. И Северус, если ты будешь вынужден участвовать в погоне, тебе придётся действовать убедительно... Я рассчитываю, что ты останешься на хорошем счету у Лорда Волдеморта как можно дольше, не то Хогвартс будет отдан на растерзание Кэрроу...

Теперь Снейп сидел в незнакомой таверне, голова к голове с Мундунгусом. Лицо Мундунгуса выглядело загадочно пустым, Снейп сосредоточенно хмурил брови.

– Ты предложишь Ордену Феникса, – прошептал Снейп, – чтобы они использовали приманки. Многосущное зелье. Идентичные Поттеры. Это единственное, что сработает. Ты забудешь, что это я предложил. Ты представишь это как свою собственную идею. Ты понял?

– Я понял, – пробормотал Мундунгус, глядя куда-то в пространство...

Теперь Гарри летел рядом со Снейпом на помеле сквозь ясную ночь; его сопровождали другие Пожиратели Смерти, а впереди были Люпин и Гарри, который на самом деле был Джордж... Пожиратель Смерти возник прямо перед Снейпом и поднял волшебную палочку, нацелив её точно в спину Люпина...

– *Sectumsempra!* – выкрикнул Снейп.

Но заклинание, нацеленное на держащую палочку руку Пожирателя Смерти, промазало и попало в Джорджа...

И в следующий момент Снейп стоял на коленях в старой спальне Сириуса. Слёзы капали с конца его крючковатого носа, когда он читал старое письмо Лили. На второй странице было лишь несколько слов:

«мог когда-то дружить с Геллертом Гринделвальдом. Я лично думаю, что она уже не в себе!

С любовью,

Лили».

Снейп взял страницу, несущую подпись Лили и её любовь, и спрятал её внутри своей мантии. Затем он разорвал пополам фотографию, которая также была у него в руках, так что он смог забрать себе ту часть, где смеялась Лили, и швырнуть обратно на пол, под комод, ту часть, на которой были Гарри и Джеймс...

И теперь Снейп снова стоял в директорском кабинете, и Финneas Найджеллус вбежал в свой портрет.

– Директор! Они стоят лагерем в лесу Дина! Грязнокровка...

– Не говори этого слова!

– ...ну, девчонка Грейнджер, она упомянула название, когда открывала свою сумочку, и я её услышал!

– Хорошо. Очень хорошо! – крикнул портрет Дамблдора из-за директорского кресла. – Теперь, Северус, меч! Не забудь, он должен быть взят в условиях лишений и при проявлении доблести – и Гарри не должен знать, что это ты его даёшь! Если Волдеморт прочтёт Гаррины мысли и узнает, что ты действуешь ради него...

– Я знаю, – отрезал Снейп. Он подошёл к портрету Дамблдора и потянул за край рамы. Портрет откинулся вперёд, открыв позади себя полость, из которой Снейп извлёк меч Гриффиндора.

– Вы по-прежнему не собираетесь сообщить мне, почему так важно дать Поттеру меч? – спросил Снейп, накидывая дорожный плащ поверх мантии.

– Думаю, это не нужно, – ответил портрет Дамблдора. – Он знает, что с ним делать. И Северус, будь крайне осторожен, они будут не очень рады твоему появлению после несчастья с Джорджем Уизли...

От двери Снейп повернулся.

– Не волнуйтесь, Дамблдор, – прохладно произнёс он. – У меня есть план...

И Снейп покинул комнату. Гарри поднялся вверх из ситодума, и в следующее мгновение он лежал на покрытом ковром полу в той же самой комнате: Снейп словно только что закрыл за собой дверь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

СНОВА ЛЕС

Наконец-то правда. Лёжа лицом вниз на пыльном ковре кабинета, где, как он раньше думал, он изучал секреты победы, Гарри понял наконец, что изначально не должен был выжить. Его задачей было спокойно прийти в приветливо раскрытые руки Смерти. По пути он должен был избавиться от остальных связей Волдеморта с жизнью, так что, когда он в итоге встанет на пути Волдеморта и не поднимет волшебную палочку для собственной защиты, конец будет ясен, и работа, которая должна была быть сделана в Годриковой Лощине, будет закончена: ни один из них не будет жить, ни один не сможет выжить.

Он почувствовал, как сердце яростно колотится в груди. Как странно, что в своём страхе смерти оно билось всё сильнее, доблестно сохраняя Гарри жизнь. Но ему придётся остановиться, и скоро. Его удары сочтены. Для скольких ударов у него останется время, после того как Гарри встанет и в последний раз пойдёт через замок, направляясь в парк и затем в Запретный Лес?

Ужас волнами накатывал на Гарри, пока он лежал на полу и этот погребальный барабан стучал внутри него. Будет ли это больно? Часто он оказывался в ситуациях, когда думал, что это вот-вот случится, но всё время ускользал. Всякий раз при этом он не думал всерьёз о самой смерти: его воля к жизни всегда была настолько сильнее, чем страх смерти. Но теперь ему не приходило в голову, как попытаться уйти, убежать от Волдеморта. Всё было кончено, Гарри это знал, и оставалось ему только одно – собственно, умереть.

Если бы только он мог умереть той летней ночью, когда он в последний раз покинул дом четыре по Бирючинному проезду, когда благородная фениксовая палочка спасла его! Если бы только он мог умереть, как Хэдвиг, настолько быстро, что он бы даже не узнал, что это случилось! Или если бы он мог встать на пути волшебной палочки, чтобы спасти кого-то, кого он любит... Теперь он завидовал даже смерти своих родителей. Хладнокровная прогулка к собственному уничтожению потребует храбрости другого рода. Он чувствовал, что его пальцы слегка дрожат, и приложил усилие, чтобы вернуть контроль над ними, хотя видеть его никто не мог: все портреты на стенах были пусты.

Медленно, очень медленно Гарри уселся, и садясь, он почувствовал себя более живым, он лучше ощущал своё живое тело, чем когда бы то ни было раньше. Почему он никогда не осознавал, какое он чудо, его мозг, и нервы, и бьющееся сердце? Этого всего не станет... или, по крайней мере, его самого с этим телом уже не будет. Гарри задышал медленнее и глубже, его рот и глотка были абсолютно сухи, но и глаза тоже.

Предательство Дамблдора было почти ничем. Конечно же, существовал больший план; Гарри просто был слишком глуп, чтобы его увидеть, теперь он это понял. Он никогда не подвергал сомнению своё собственное предположение, что Дамблдор хотел, чтобы он остался жив. Теперь Гарри видел, что длительность его жизни всегда была определена тем временем, какое ему понадобится, чтобы уничтожить все Хоркраксы. Дамблдор передал работу по их уничтожению ему, Гарри, и он послушно продолжал обрубать связи,

привязывающие к жизни не только Волдеморта, но и его самого! Как аккуратно, как элегантно – не тратить больше жизней, но поручить опасную работу мальчику, который и так уже был предназначен для убоя и смерть которого будет не катастрофой, но ещё одним ударом по Волдеморту.

И Дамблдор знал, что Гарри не выскользнет, что он продолжит идти до конца, даже если это будет *его* концом, потому что Дамблдор озаботился тем, чтобы узнать его, ведь так? Дамблдор, так же как и Волдеморт, знал, что Гарри не позволит кому-нибудь другому умереть за себя, теперь, когда он обнаружит, что в его силах прекратить это. Образы Фреда, Люпина и Тонкс, лежащих мёртвыми в Большом Зале, снова встали перед ним, и на мгновение его дыхание почти остановилось: Смерть была нетерпелива...

Но Дамблдор переоценил Гарри. Он не преуспел: змея осталась жива. Один Хоркракс по-прежнему будет привязывать к земле Лорда Волдеморта, даже после того, как Гарри будет убит. Конечно же, это будет означать более лёгкую работу для кого-то другого. Он подумал, кто этим займётся... Рон и Гермиона, конечно же, знают, что нужно делать... Вот, наверно, почему Дамблдор хотел, чтобы он им открылся... Чтобы, если он выполнит своё истинное назначение слишком рано, они могли продолжить...

Словно дождь по холодному оконному стеклу, эти мысли стучали по твёрдой поверхности неопровержимой истины, заключающейся в том, что он должен умереть. *Я должен умереть.* Всё должно закончиться.

Рон и Гермиона словно были где-то далеко, в далёкой стране; Гарри казалось, что он расстался с ними давным-давно. Никаких прощаний и никаких объяснений не будет, это он решил твёрдо. В это путешествие они не могли отправиться вместе, а все попытки, которые они наверняка предпримут, чтобы его остановить, лишь приведут к потере драгоценного времени. Он глянул на потрёпанные золотые часы, полученные им в подарок на семнадцатилетие. Почти половина часа, отведённого Волдемортом на его сдачу, миновала.

Гарри встал. Сердце колотилось о его рёбра, словно перепуганная птичка. Возможно, оно знало, что у него осталось мало времени, возможно, оно твёрдо решило отстучать биения всей жизни, прежде чем остановится. Гарри не оглянулся, закрывая дверь кабинета.

Замок был пуст. Шагая по нему в одиночестве, он чувствовал себя призраком, словно он был уже мёртв. Обитатели портретов всё ещё отсутствовали в своих рамах; всё было зловеще-неподвижно, словно всё живое, что ещё осталось, было сосредоточено в Большом Зале, заполненном убитыми и теми, кто их оплакивал.

Гарри натянул на себя плащ-невидимку и начал спускаться с этажа на этаж, пока не сошёл наконец по мраморной лестнице в холл. Возможно, какая-то крохотная частица его надеялась, что его почувствуют, увидят, остановят, но плащ был, как всегда, непроницаем и совершенен, и Гарри легко достиг входных дверей.

Тут в него едва не врезался Невилл. Он и кто-то ещё вносили из парка тело. Гарри глянул вниз и ощутил ещё один тупой удар в живот: Колин Криви, хоть и несовершеннолетний, прокрался, должно быть, назад, точно так же как Малфой, Крэбб и Гойл. В смерти он казался крохотным.

– Знаешь что? Я с ним один справлюсь, Невилл, – сказал Оливер Вуд; он, словно пожарный, взвалил Колина на плечи и понёс его в Большой Зал.

Невилл прислонился ненадолго к дверному косяку и вытер лоб тыльной стороной ладони. Он казался стариком. Затем он отправился вниз по ступеням, в темноту, за другими телами.

Гарри кинул взгляд в сторону входа в Большой Зал. Люди ходили, пытались утешить друг друга, плали, стояли на коленях рядом с умершими, но он не видел никого из тех, кого он любил, никаких признаков Гермионы, Рона, Джинни и остальных Уизли, ни следа Луны. Ему казалось, что он отдал бы всё оставшееся у него время за один лишь взгляд на них; но тогда остались бы у него силы оторвать этот взгляд? Так, как есть – так было лучше.

Он спустился по ступеням и вышел в темноту. Было почти четыре часа ночи, и мёртвая неподвижность парка выглядела так, словно весь парк, затаив дыхание, следил, сделает ли он то, что должен сделать.

Гарри подошёл к Невиллу, склонившемуся над ещё одним телом.

– Невилл.

– Чёрт, Гарри, у меня чуть инфаркт не случился!

Гарри снял плащ-невидимку: к нему пришла мысль из ниоткуда, из отчаянного желания увериться полностью.

– Куда ты идёшь один? – подозрительно спросил Невилл.

– Это всё запланировано, – ответил Гарри. – Я кое-что должен сделать. Послушай, Невилл...

– Гарри! – Невилл внезапно испугался. – Гарри, ты случайно не думаешь о том, чтобы сдать?

– Нет, – с лёгкостью солгал Гарри. – Конечно, нет... это кое-что другое. Но меня некоторое время тут не будет. Ты знаешь змею Волдеморта, Невилл? У него есть огромная змея... Он её зовёт Нагини...

– Ага, я слышал... Что насчёт неё?

– Она должна быть убита. Рон и Гермиона знают, но на случай если они...

Ужас такой возможности накрыл Гарри на некоторое время, сделал его неспособным продолжать говорить. Но он снова собрался: это было жизненно важно, он должен быть как Дамблдор, должен сохранить холодную голову, удостовериться, что есть запасные пути, что есть другие, кто сможет продолжить. Дамблдор умер, зная, что ещё троим известно о Хоркраксах; теперь Невилл должен был занять Гаррино место – тайна по-прежнему будет известна троим.

– На случай если они... будут заняты... и у тебя будет возможность...

– Убить змею?

– Убить змею, – повторил Гарри.

– Хорошо, Гарри. Ты в порядке, а?

– Я нормально. Спасибо, Невилл.

Но Невилл схватил Гарри за запястье, когда тот попытался отойти.

– Мы все собираемся продолжать драться, Гарри. Ты это знаешь?

– Да, я...

Удушающий ком в горле не дал ему закончить фразу, он не мог говорить. Невиллу это, похоже, не показалось странным. Он похлопал Гарри по плечу, отпустил его и отошёл в поисках других тел.

Гарри снова накинул на себя плащ и продолжил идти. Кто-то ещё двигался неподалёку, склоняясь к очередной распростёртой на земле фигуре. До них оставалось лишь несколько футов, когда Гарри осознал, что это Джинни.

Он остановился. Джинни склонилась над девушкой, шёпотом звавшей маму.

– Всё хорошо, – говорила Джинни. – Всё нормально. Сейчас мы отнесём тебя внутрь.

– Но я хочу *домой*, – прошептала девушка. – Я не хочу больше драться!

– Я знаю, – сказала Джинни, и её голос осёкся. – Всё будет хорошо.

Волны холода расплзались по Гарриной коже. Он хотел крикнуть в ночи, он хотел, чтобы Джинни знала, что он здесь, он хотел, чтобы она знала, куда он идёт. Он хотел, чтобы его остановили, оттащили назад, отправили домой...

Но он *и был* дома. Хогвартс был первым и лучшим домом, который он когда-либо знал. Он, и Волдеморт, и Снейп, не знавшие родительской ласки дети, все они нашли свой дом здесь...

Теперь Джинни стояла на коленях возле раненой девушки, держа её руку. С немыслимым усилием Гарри двинулся дальше. Ему показалось, что Джинни оглянулась, когда он проходил мимо, и подивился, не ощутила ли она, как кто-то ходит поблизости, но он не заговорил, и Джинни не оглянулась.

Хижина Хагрида уныло выглянула из темноты. В ней не было света, Клык не скрёбся в дверь, громким лаем приветствуя посетителя. Все эти визиты к Хагриду, и сияние медного чайника на огне, и каменные кексы, и гигантские личинки, и его огромное бородатое лицо, и Рон, которого рвало слизняками, и Гермиона, которая помогала ему спасти Норберта...

Гарри продолжил идти, пока не дошёл до края леса, и тогда он замер.

Среди деревьев скользил целый рой дементоров; он ощущал их холод, и он был не уверен, что сможет спокойно пройти сквозь них. Сил на вызов Патронуса уже не оставалось. Гарри не мог больше контролировать свою дрожь. Умереть, в конечном итоге, оказалось не так-то просто. Каждую секунду, что он дышал, запах травы и ощущение свежего воздуха на его лице были такими драгоценными; подумать только, у людей есть годы и годы, они могут позволить себе тратить время, столько времени, что оно тянется, а он цеплялся за каждую секунду. В то же время он понимал, что не сможет идти дальше, и знал, что должен. Долгая игра завершилась, снитч был пойман, пора было спускаться на землю...

Снитч. Его ничего не чувствующие пальцы пошарили мгновение в сумочке на шее, и он вытащил его.

«Я открываюсь при закрытии».

Быстро и тяжело дыша, Гарри уставился на него. Теперь, когда он хотел, чтобы время текло как можно медленнее, оно словно ускорилося, и понимание пришло так быстро, что

Гарри словно и подумать об этом не успел. Его жизнь закончилась, он скоро закроет глаза навсегда.⁸² Это был тот самый момент.

Гарри прижал золото к губам и прошептал: «Я сейчас умру».

Металлическая скорлупа открылась. Он опустил дрожащую руку, поднял под плащом волшебную палочку Дрэйко и прошептал: «*Lumos*».

Чёрный камень с неровной трещиной, идущей из середины, лежал на двух половинках снитча. Воскрешающий камень раскололся поперёк вертикальной линии, изображающей бузину палочку. Треугольник и круг, изображающие плащ и камень, были всё ещё различимы.

И вновь Гарри понял, не думая. Дело было не в том, чтобы вернуть их обратно, ибо он должен был скоро к ним присоединиться. Он не приводил их, на самом-то деле: они отводили его.

Гарри закрыл глаза и перевернул камень в своей руке, три раза.

Он понял, что это произошло, потому что слышал вокруг себя слабое движение, словно хрупкие тела шаркали ногами по устланной веточками земле близ внешней границы Запретного Леса. Он открыл глаза и огляделся.

Они были не призраками, но и не существами из плоти и крови, Гарри это видел. Больше всего они напоминали Риддла, который вырвался из дневника так много лет назад – воспоминание, ставшее почти твёрдым. Менее материальные, чем живые тела, но много более материальные, чем призраки, они двигались навстречу ему, и на каждом лице была та же самая любящая улыбка.

Джеймс был в точности того же роста, что и Гарри. Он был одет так же, как в ночь своей смерти, и его волосы были встрёпанные и непричёсанные, а очки сидели чуть косо, как на мистере Уизли.

Сириус был высоким и красивым, и намного более молодым, чем Гарри видел его при жизни. Он двигался вприпрыжку, легко и грациозно, с руками в карманах и улыбкой на лице.

Люпин тоже был моложе и выглядел не таким неухоженным, и его волосы были гораздо гуще и темнее. Он казался счастливым от того, что снова вернулся в знакомое место, где он столько бродил в юности.

Лили улыбалась шире всех. Она откинула назад свои длинные волосы, подходя к Гарри, и её зелёные глаза, столь похожие на его, жадно изучали его лицо, словно она никогда больше не сможет вдоволь на него насмотреться.

– Ты был таким смелым.

Гарри не мог говорить. Он упивался, глядя на неё; он подумал, что хотел бы стоять и смотреть на неё вечно, и этого было бы достаточно.

– Ты почти дошёл, – сказал Джеймс. – Ты очень близко. Мы все... так гордимся тобой.

– Это больно?

Детский вопрос сорвался у Гарри с губ, прежде чем он смог его остановить.

– Умирать? Совсем нет, – ответил Сириус. – Быстрее и проще, чем заснуть.

⁸² В оригинале надпись на снитче: «I open at the close» (я откроюсь в конце). Игра слов: close означает и «конец», и «закрытый».

– А он захочет, чтобы это было быстро. Он хочет это закончить, – добавил Люпин.

– Я не хотел, чтобы вы умерли, – произнёс Гарри. Эти слова вырвались у него против воли. – Все вы. Мне так жаль...

Он обращался к Люпину больше, чем к остальным, умоляя его.

– ...сразу после того, как у тебя родился сын... Римус, мне так жаль...

– Мне тоже жаль, – ответил Люпин. – Жаль, что я его так и не узнаю... Но он будет знать, зачем я умер, и я надеюсь, что он поймёт. Я пытался создать мир, в котором он был бы счастливее.

Холодный ветер, исходящий, казалось, из самой середины леса, поднял волосы на Гарриных бровях. Он знал, что они не скажут ему идти, что это должно быть его решением.

– Вы останетесь со мной?

– До самого конца, – кивнул Джеймс.

– Они не смогут увидеть вас? – спросил Гарри.

– Мы часть тебя, – ответил Сириус. – Мы невидимы для других.

Гарри взглянул на свою мать.

– Оставайся поближе ко мне, – тихо попросил он.

И он отправился. Холод дементоров не наваливался на него; Гарри проходил через их толпу вместе со своими спутниками, и они словно были его Патронусами, и вместе они шли сквозь густую чащу старых деревьев с переплетёнными ветвями и корявыми, изгибающимися под ногами корнями. Гарри крепко сжимал свой плащ, идя в темноте всё глубже и глубже в лес, не имея понятия, где конкретно находится Волдеморт, но не сомневаясь, что найдёт его. Рядом с ним почти беззвучно шагали Джеймс, Сириус, Люпин и Лили, и их присутствие давало ему храбрость, оно было причиной, по которой он оставался способен делать шаг за шагом.

Гаррины тело и разум казались теперь странно разъединёнными, его ноги работали без указаний сознания, словно он был пассажир – не водитель – тела, которое он вскоре должен был покинуть. Мёртвые, шагающие рядом с ним через Запретный Лес, были для него теперь гораздо более реальными, чем живые, оставшиеся в замке: Рон, Гермиона, Джинни и остальные казались призраками, когда он, оскальзываясь и спотыкаясь, приближался к концу своей жизни, к Волдеморту...

Глухой удар и шёпот: другое живое существо пошевелилось где-то поблизости. Гарри замер под своим плащом, оглядываясь по сторонам, вслушиваясь, и его мать, отец, Люпин и Сириус также остановились.

– Здесь кто-то есть, – раздался грубый шёпот совсем рядом. – У него есть плащ-невидимка. Может, это?..

Две фигуры появились из-за ближайшего дерева: их палочки загорелись, и Гарри увидел Якли и Долохова, вглядывающихся в темноту, смотрящих точно туда, где стояли, Гарри, его мать, и отец, и Сириус, и Люпин. Они явно ничего не видели.

– Я точно что-то слышал, – произнёс Якли. – Животное, думаешь?

– Этот идиот Хагрид держал тут полно всяких, – ответил Долохов, оглянувшись через плечо.

Яксли посмотрел на часы.

– Время почти вышло. У Поттера был его час. Он не придёт.

– А *он* был так уверен, что он придёт! Ему это не понравится.

– Пошли лучше обратно, – предложил Яксли. – Узнаем, какой теперь план.

Яксли и Долохов развернулись и углубились в лес. Гарри направился за ними, зная, что они выведут его в точности туда, куда он хочет попасть. Он кинул взгляд в сторону, и его мать улыбнулась ему, а отец ободряюще кивнул.

Они шли лишь несколько минут, когда Гарри увидел впереди свет, и Яксли с Долоховым вышли на поляну, которую Гарри узнал: это было место, где когда-то жил монстр Арагог. Остатки его гигантской сети всё ещё были здесь, но стая его потомков была изгнана отсюда Пожирателями Смерти и послана драться за них.

Огонь пылал в центре поляны, и его прыгающий свет падал на толпу молчаливых, внимательно всматривающихся во тьму Пожирателей Смерти. На некоторых из них до сих пор были капюшоны и маски, лица других были открыты. Два великана сидели с краю группы, отбрасывая огромные тени, лица их были жестокими и словно грубо вытесанными из камня. Гарри увидел сидящего в тени Фенрира, жующего свои длинные ногти; огромный блондин Роул промокал кровоточащую губу. Гарри увидел Люциуса Малфоя, выглядевшего сдавшимся и напуганным, и Нарциссу, заплаканные глаза которой были полны ожиданием худшего.

Все взгляды были прикованы к Волдеморту. Тот стоял, склонив голову, и его белые руки держали перед ним бузину палочку. Похоже было, что он молится или считает про себя, и в голову Гарри, неподвижно стоящего на краю поляны, пришла абсурдная мысль о ребёнке, считающем при игре в прятки. Позади его головы, по-прежнему крутятся и изгибаясь кольцами, в сверкающей подобно монструозному гало зачарованной клетке плавала гигантская змея Нагини.

Когда Долохов и Яксли присоединились к кольцу, Волдеморт поднял взгляд.

– Никаких следов его, мой лорд, – сказал Долохов.

Выражение лица Волдеморта не изменилось. Освещённые огнём красные глаза словно горели. Он медленно протянул бузину палочку между своими длинными пальцами.

– Мой лорд...

Заговорила Беллатрикс; она сидела ближе всех к Волдеморту, растрёпанная, со следами крови на лице, но в остальном невредимая.

Волдеморт поднял руку, дав ей знак замолчать, и она не осмелилась произнести более ни слова, но продолжала с обожествляющим обожанием есть его глазами.

– Я думал, что он придёт, – произнёс Волдеморт своим высоким ясным голосом, не отрывая взгляда от прыгающих языков пламени. – Я ожидал, что он появится.

Никто не произнёс ни слова. Они казались такими же испуганными, как Гарри, сердце которого теперь колотилось о рёбра с такой силой, словно твёрдо вознамерилось вырваться из тела, которое он собирался отбросить. Его руки были в поту, когда он стянул плащ-невидимку и засунул его и волшебную палочку себе под мантию. Он не хотел подвергнуться искушению вступить в бой.

– Я, похоже... ошибался, – сказал Волдеморт.

– Ты не ошибался.

Гарри выкрикнул это так громко, как только мог, со всей силы, какая у него была: он не хотел казаться напуганным. Воскрешающий камень скользнул между его онемевшими пальцами, и уголком глаза он увидел, что, когда он шагнул на освещённую поляну, его родители, Сириус и Люпин исчезли. В этот момент он почувствовал, что никто, кроме Волдеморта, не имеет значения. Здесь их было только двое.

Иллюзия пропала так же быстро, как появилась. Великаны взревели, Пожиратели Смерти вместе вскочили, раздались крики, аханье, даже смех. Волдеморт застыл как истукан, но его красные глаза нашли Гарри, и он неотрывно смотрел, как Гарри идёт к нему, и разделяет их лишь огонь.

Затем прогрохотал голос...

– ГАРРИ! НЕТ!

Он обернулся: Хагрид был крепко скручен и привязан к растущему поблизости дереву. Его огромное тело в отчаянии рвалось из пут, отчего тряслись ветви над его головой.

– НЕТ! НЕТ! ГАРРИ, КАКОГО?..

– МОЛЧАТЬ! – крикнул Роул, взмахивая волшебной палочкой, и Хагрид умолк.

Беллатрикс, вскочившая на ноги, жадно переводила взгляд с Волдеморта на Гарри и обратно, её грудь вздымалась. Двигались теперь лишь языки пламени и змея, сворачивающаяся и разворачивающаяся в сверкающей клетке позади головы Волдеморта.

Гарри чувствовал волшебную палочку у себя на груди, но не попытался её извлечь. Он знал, что змея была слишком хорошо защищена, знал, что если ему удастся навести волшебную палочку на Нагини, пятьдесят проклятий ударят в него раньше. Волдеморт и Гарри продолжали смотреть друг на друга, и теперь Волдеморт склонил голову чуть вбок, изучая мальчика, стоящего перед ним, и единственная безрадостная улыбка искривила лишённый губ рот.

– Гарри Поттер, – очень мягко произнёс он. Его голос словно был частью шипящего огня. – Мальчик, который выжил.

Ни один из Пожирателей Смерти не шелохнулся. Они ждали; всё вокруг ждало. Хагрид дёргался, Беллатрикс тяжело дышала, и Гарри непонятно почему подумал о Джинни, о её горящем взгляде, о вкусе её губ на его...

Волдеморт поднял волшебную палочку. Его голова по-прежнему была наклонена вбок, словно у любопытного ребёнка, дивящегося, что будет, если он это сделает. Гарри посмотрел в красные глаза и захотел, чтобы это случилось сейчас, быстро, пока он может стоять неподвижно, пока он не потерял контроль, пока он не выдал свой страх...

Он увидел, как рот шевельнулся, увидел зелёную вспышку, и всё исчезло.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

КИНГС-КРОСС

Гарри лежал ничком и вслушивался в тишину. Он был совершенно один. Никто на него не смотрел. Никого больше здесь не было. Он был не до конца уверен, что он сам здесь был.

Спустя долгий промежуток времени, а может, совсем короткий, до Гарри дошло, что он существует, что он нечто большее, чем мысль без тела, потому что он лежал, определённо лежал, на какой-то поверхности. Следовательно, он мог осязать, и то, на чём он лежал, тоже существовало.

Практически сразу же, как только Гарри пришёл к такому выводу, он почувствовал, что обнажён. Поскольку Гарри был убеждён в своём полном одиночестве, его это не беспокоило, но всё же слегка интриговало. Он подивился: если он может осязать, то может ли он видеть? Открыв глаза, он обнаружил, что глаза у него есть.

Гарри лежал в ярком тумане, только этот туман был совсем не похож на туманы, какие он видел раньше. Всё окружающее не было скрыто облаками пара; скорее, облака пара не сформировались ещё во всё окружающее. Пол, на котором он лежал, казался белым, не тёплым и не холодным – он просто был: плоское пустое нечто, на котором можно лежать.

Гарри сел. Его тело, похоже, было совсем здоровым. Он дотронулся до лица. Очков на нём больше не было.

Затем через окружающее его несформировавшееся ничто до него донёсся какой-то звук: негромкие, мягкие удары чего-то, что билось, хлопало и дёргалось. Звук был жалобный, но в то же время слегка неприличный. Гарри испытал неловкое ощущение, что он подслушивает что-то секретное, постыдное.

Впервые он ощутил неудобство от того, что не одет.

Едва желание избавиться от наготы сформировалось в его мозгу, как неподалёку от Гарри возникла мантия. Он поднял её и надел; она была мягкая, чистая и тёплая. Это было просто невероятно, что она взяла и появилась в то мгновение, когда он её захотел...

Гарри встал и огляделся. Был ли он в некоей гигантской Насущной Комнате? Чем больше он смотрел, тем больше там было, на что смотреть. Огромная круглая стеклянная крыша сверкала на солнце высоко над головой. Возможно, это был дворец. Всё было приглушено и неподвижно, кроме этого странного глухого стука и хныканья, исходящих откуда-то поблизости, из тумана...

Гарри медленно развернулся на месте, и окружение словно проявлялось перед его глазами. Огромное открытое пространство, яркое и чистое, зал, много больший, чем Большой Зал, с этим прозрачным круглым стеклянным потолком. Он был абсолютно пуст. Гарри был единственным человеком здесь, кроме...

Он отвернулся, едва заметил то, что издавало звуки. Оно имело форму маленького нагого ребёнка, свернувшегося на земле, его поверхность была красная и грубая, словно его освежали, и оно лежало, дрожа, под сиденьем, где его оставили, нежеланное, скрытое с глаз долой, борющееся за воздух.

Гарри его боялся. Хотя оно казалось маленьким, хрупким и раненым, он не хотел подходить ближе. Тем не менее он постепенно приближался, готовый отпрыгнуть в любой момент. Скоро он стоял достаточно близко, чтобы коснуться его, но в то же время не мог заставить себя сделать это. Он чувствовал себя трусом. Он должен был успокоить существо, но оно его отталкивало.

– Ты не можешь помочь.

Гарри резко развернулся. Навстречу ему шёл Альбус Дамблдор, шёл прямой пружинистой походкой. На нём была длинная мантия тёмно-синего цвета.

– Гарри, – он широко развёл руки, и обе его ладони были нормальными, белыми и здоровыми. – Замечательный мой мальчик. Храбрый, храбрый мужчина. Давай пройдемся.

Ошеломлённый, Гарри следовал за Дамблдором, который широкими шагами уходил прочь от того места, где хныкал освежеванный ребёнок, ведя Гарри к двум сиденьям, которых Гарри прежде не замечал – они стояли на некотором удалении под тем же высоким, сверкающим потолком. Дамблдор уселся на одно из них, Гарри упал на второе, уставившись в лицо своего бывшего директора. Длинные серебряные волосы и борода Дамблдора, пронзительные синие глаза за полумесяцевидными очками, искривлённый нос – всё было таким, каким он помнил. И тем не менее...

– Но вы же мертвы, – произнёс Гарри.

– О да, – спокойно ответил Дамблдор.

– Тогда... я тоже мёртв?

– А, – Дамблдор улыбнулся ещё шире. – Вот вопрос, верно? В целом, дорогой мальчик, я думаю, что нет.

Они смотрели друг на друга. Старик по-прежнему сиял.

– Нет? – повторил Гарри.

– Нет, – подтвердил Дамблдор.

– Но... – Гарри инстинктивно поднял руку к молниеподобному шраму. Его там, похоже, не было. – Но я должен был умереть – я не защищался! Я хотел позволить ему убить меня!

– И в этом, – проговорил Дамблдор, – полагаю, всё дело.

Счастье, казалось, исходило от Дамблдора, как свет, как огонь: Гарри никогда не видел этого человека столь полно, столь осязаемо довольным.

– Объясните, – попросил Гарри.

– Но ты уже знаешь, – ответил Дамблдор. Он начал вертеть большими пальцами друг вокруг друга.

– Я позволил ему убить меня. Так?

– Так, – кивнул Дамблдор. – Продолжай!

– И значит, частица его души, которая была во мне...

Дамблдор кивнул с ещё бóльшим энтузиазмом, приглашая Гарри продолжать, и ободряющая улыбка сияла на его лице.

– ...её больше нет?

– О да! – сказал Дамблдор. – Да, он уничтожил её. Твоя душа цела, и она полностью твоя, Гарри.

– Но тогда...

Гарри глянул себе за плечо, туда, где под креслом трепетало маленькое изувеченное создание.

– Что это, профессор?

– Нечто, чему не может помочь любой из нас.

– Но если Волдеморт применил Убивающее проклятие, – снова начал Гарри, – и на этот раз ради меня никто не умер... как я могу быть жив?

– Я думаю, ты знаешь, – ответил Дамблдор. – Вспоминай. Вспомни, что он сделал, в своём невежестве, в своей жадности и жестокости.

Гарри задумался. Он позволил своему взгляду блуждать по тому, что их окружало. Если то место, где они сидели, действительно было дворцом, то очень странным: кресла стояли небольшими рядами, и то тут, то там виднелись металлические ограждения, и по-прежнему он, Дамблдор и карликовое создание под креслом были единственными, кто здесь находился. Затем ответ появился на его губах легко и без усилия.

– Он взял мою кровь, – сказал Гарри.

– Точно! – воскликнул Дамблдор. – Он взял твою кровь и восстановил с её помощью своё тело! Твоя кровь в его жилах, Гарри, защита Лили внутри вас обоих! Он привязал тебя к жизни, пока жив он сам!

– Я живу... пока он жив? Но я думал... я думал, всё должно быть наоборот! Я думал, мы оба должны погибнуть? Или это одно и то же?

Хныканье и биение агонизирующего создания позади них отвлекло его, и он снова глянул в ту сторону.

– Вы уверены, что ничего нельзя сделать?

– Помочь невозможно.

– Тогда объясните... ещё, – попросил Гарри, и Дамблдор улыбнулся.

– Ты был седьмым Хоркраксом, Гарри, Хоркраксом, который он никогда не намеревался создать. Он сделал свою душу настолько нестабильной, что она распалась, когда он совершил эти акты невыразимого злодеяния – убийство твоих родителей, покушение на жизнь ребёнка. Но то, что покинуло комнату, было даже чем-то меньшим, чем он думал. Он оставил позади себя не только своё тело. Он оставил часть себя, прилепившуюся к тебе, к его предполагаемой жертве, которая выжила.

И его знание осталось удручающе неполным, Гарри! То, что Волдеморт не ценит, он и не пытается понять. О домовых эльфах и детских сказках, о любви, верности и невинности Волдеморт не знает и не понимает ничего. *Ничего*. То, что всё это имеет силу за пределами его собственной, за пределами досягаемости любой магии – это истина, которую он так и не ухватил.

Он взял твою кровь, веря, что она его усилит. Он взял в своё тело крохотную частицу заклатья, которое твоя мать наложила на тебя, когда она умерла ради тебя. Его тело сохраняет её жертву, и пока это заклатье живо – жив и ты, и жива последняя надежда самого Волдеморта.

Дамблдор улыбнулся Гарри, и Гарри уставился на него.

– И вы знали это? Вы знали – всё время?

– Я догадывался. Но мои догадки, как правило, хороши, – радостно сказал Дамблдор, и он с Гарри довольно долго сидели в молчании, пока создание за их спинами продолжало хныкать и дрожать.

– И ещё, – произнёс наконец Гарри. – Ещё кое-что есть. Почему моя волшебная палочка расколола ту, которую он одолжил?

– Насчёт этого я не могу быть уверенным.

– Тогда догадайтесь, – предложил Гарри, и Дамблдор рассмеялся.

– Вот что ты должен понять, Гарри: ты и Лорд Волдеморт вместе углубились в области магии, донныне неизвестные и неизведанные. Но вот что, по моему мнению, произошло, и это беспрецедентно, и ни один создатель волшебных палочек, полагаю, не мог бы этого предсказать или объяснить Лорду Волдеморту.

Как тебе теперь известно, Лорд Волдеморт, сам того не желая, удвоил существовавшую между вами связь, когда вернулся к человеческому облику. Часть его души была по-прежнему связана с твоей, и, надеясь усилить себя самого, он принял в себя часть жертвы твоей матери. Если бы только он понимал истинную и ужасную силу этой жертвы, он, вероятно, не осмелился бы прикоснуться к твоей крови... но, с другой стороны, если бы он мог это понять, он не был бы Лордом Волдемортом и, может быть, вообще никогда бы не убивал.

Установив эту двойную связь, объединив ваши судьбы более прочно и надёжно, чем какие-либо два колдуна за всю историю, Волдеморт атаковал тебя волшебной палочкой, имеющей общую сердцевину с твоей. И тогда, как нам известно, произошло нечто странное. Сердцевинки среагировали так, как Лорд Волдеморт, не знавший, что его волшебная палочка была близнецом твоей, совершенно не ожидал.

Он боялся в ту ночь сильнее, чем ты, Гарри. Ты принял возможность смерти, признал её – нечто, чего Лорд Волдеморт никогда не был способен сделать. Твоя храбрость победила, твоя волшебная палочка превзошла его. И в этот момент нечто произошло между этими палочками, нечто повторяющее связь между их владельцами.

Я полагаю, в ту ночь твоя волшебная палочка впитала часть силы и свойств палочки Волдеморта, другими словами, она сама содержала в себе малую частицу Волдеморта. Поэтому твоя палочка узнала его, когда он преследовал тебя, узнала того, кто был одновременно родственником и смертным врагом, и повторила против него что-то из его же собственной магии, магии более сильной, чем всё, что когда-либо совершала волшебная палочка Люциуса. Твоя палочка содержала мощь твоей невероятной храбрости и смертельного искусства Волдеморта: какие шансы были у несчастной деревяшки Люциуса Малфоя?

– Но если моя волшебная палочка такая сильная, как так вышло, что Гермиона смогла её сломать?

– Мой дорогой, её примечательные эффекты были направлены только на Волдеморта, столь неразумно влезшего в глубочайшие закономерности магии. Только против него эта волшебная палочка была аномально сильнее. В остальных отношениях это была такая же

волшебная палочка, как и все остальные... хотя и очень хорошая, не сомневаюсь, — любезно добавил Дамблдор.

Гарри сидел, погрузившись в размышления, довольно продолжительное время — а может, несколько секунд. В этом месте очень трудно было судить о таких вещах, как время.

— Он убил меня вашей палочкой.

— Он *не смог* убить тебя моей палочкой, — поправил Дамблдор. — Я думаю, мы сошлись на том, что ты не мёртв — хотя, конечно же, — добавил он, словно опасаясь, что был невежлив, — я не умаляю твоих страданий, которые, я уверен, были велики.

— Ну, сейчас я себя отлично чувствую, — заявил Гарри, глядя на свои чистые, без единого пятнышка руки. — Где мы, конкретно?

— Вообще-то я сам собирался тебя об этом спросить, — Дамблдор оглянулся. — Где, как по-твоему, мы сейчас?

Пока Дамблдор не спросил, Гарри не знал. Теперь, однако, он обнаружил, что ответ готов сорваться с его губ.

— Это похоже, — медленно проговорил он, — на вокзал Кингс-Кросс. Только здесь намного чище, и он пустой, и здесь нет поездов, насколько я могу видеть.

— Вокзал Кингс-Кросс! — Дамблдор несдержанно захихикал. — Боже правый, в самом деле?

— Ну а вы как думаете, где мы? — чуть оправдывающимся тоном спросил Гарри.

— Мой дорогой мальчик, я понятия не имею. Это, как говорится, *твоя* вечеринка.

У Гарри не было ни малейшего представления, что это значило; Дамблдор был способен довести до бешенства. Гарри смотрел на него, потом вспомнил, что у него есть более насущный вопрос, чем выяснение их текущего местонахождения.

— Реликвии Смерти, — произнёс он и испытал удовольствие при виде того, как эти слова стёрли улыбку с лица Дамблдора.

— А, да, — сказал он. Он даже выглядел теперь немного озабоченным.

— Ну?

Впервые за всё время, что Гарри знал Дамблдора, тот выглядел чем-то меньшим, чем старый человек, много меньшим. Какое-то краткое время он казался маленьким мальчиком, пойманным за проступком.

— Можешь ли ты меня простить? — произнёс он. — Можешь ли ты простить меня за то, что я не доверял тебе? За то, что не рассказал тебе? Гарри, я лишь боялся, что тебя постигнет неудача, какая постигла меня. Я страшился лишь того, что ты повторишь мои ошибки. Я молю тебя о прощении, Гарри. Я знал, уже тогда, что ты лучше, чем я.

— О чём вы? — Гарри был поражён тоном Дамблдора, внезапными слезами в его глазах.

— Реликвии, Реликвии, — пробормотал Дамблдор. — Мечта отчаявшегося человека!

— Но они настоящие!

— Настоящие, и опасные, и манят к себе дураков, — сказал Дамблдор. — И я был таким дураком. Но ты ведь знаешь, верно? У меня нет больше от тебя секретов. Ты знаешь.

— Что я знаю?

Дамблдор развернулся к Гарри всем телом, и слёзы по-прежнему сверкали в блестящих синих глазах.

– Повелитель смерти, Гарри, повелитель Смерти⁸³! Был ли я, в конечном итоге, лучше Волдеморта?

– Конечно, были, – ответил Гарри. – Конечно – как вы можете спрашивать? Вы никогда не убивали, если могли этого избежать!

– Правда, правда, – кивнул Дамблдор; он походил на ребёнка, ищущего утешения. – И тем не менее я тоже искал путь к покорению смерти, Гарри.

– Не тот путь, который искал он, – заметил Гарри. После всей его злости на Дамблдора как странно было сидеть здесь, под высоким потолком, и защищать Дамблдора от него самого. – Реликвии, не Хоркраксы.

– Реликвии, – пробормотал Дамблдор, – не Хоркраксы. Именно.

Повисла пауза. Создание у них за спиной хныкало, но Гарри больше не оглядывался.

– Гринделвальд тоже их искал? – спросил он.

Дамблдор закрыл на мгновение глаза, затем кивнул.

– Это было тем основным, что сблизило нас, – тихо сказал он. – Двух умных высокомерных мальчишек с общей одержимостью. Он хотел прийти в Годрикову Лощину, как ты наверняка уже догадался, из-за могилы Игнотуса Певерелла. Он хотел исследовать место, где умер третий брат.

– Значит, это правда? Всё это? Братья Певереллы...

– ...были тремя братьями из сказки, – кивнул Дамблдор. – О да, думаю, да. Встретили ли они Смерть на пустынной дороге... Полагаю, более вероятно, что три брата просто были очень одарёнными и опасными колдунами, которым удалось создать эти сильные артефакты. История о том, что это Реликвии самой Смерти, мне кажется как раз такой легендой, которая могла бы возникнуть вокруг таких вещей.

Плащ, как ты теперь знаешь, путешествовал сквозь века, переходя от отца к сыну, от матери к дочери, прямо к последнему потомку Игнотуса, родившемуся, как и сам Игнотус, в деревне под названием Годрикова Лощина.

Дамблдор улыбнулся Гарри.

– Ко мне?

– К тебе. Я уверен, ты пытался понять, почему плащ был у меня в ту ночь, когда погибли твои родители. Джеймс показал его мне всего за несколько дней до того. Это многое объяснило про все их школьные шалости, которые они совершали незамеченными! Я едва верил своим глазам. Я попросил разрешения взять его на время, изучить его. Я давно уже забросил свою мечту об объединении Реликвий, но я не мог устоять, не мог отказаться от возможности взглянуть поближе... Это был плащ, подобных которому я никогда раньше не видел, невероятно старый, совершенный во всех отношениях... А потом твой отец погиб, и у меня наконец оказались две Реликвии, и обе мои!

В его голосе сквозила непереносимая горечь.

⁸³ Слово «смерть» пишется с маленькой или с большой буквы в соответствии с авторским написанием.

– Хотя плащ не помог бы им выжить, – быстро сказал Гарри. – Волдеморт знал, где были мои мама с папой. Плащ не защитил бы их от проклятий.

– Верно, – вздохнул Дамблдор. – Верно.

Гарри ждал продолжения, но Дамблдор молчал, поэтому Гарри решил подтолкнуть его.

– Значит, вы уже перестали искать Реликвии, когда увидели плащ?

– О да, – вяло согласился Дамблдор. Похоже, он заставлял себя смотреть Гарри в глаза. – Ты знаешь, что произошло. Ты не можешь презирать меня больше, чем я презираю себя сам.

– Но я не презираю вас...

– А должен бы, – сказал Дамблдор. Он сделал глубокий вдох. – Ты знаешь тайну нездоровья моей сестры, знаешь, что сделали эти маглы, чем она стала. Ты знаешь, как мой бедный отец жаждал отпущения и как он заплатил свою цену, умер в Азкабане. Ты знаешь, как моя мать посвятила всю свою жизнь заботе об Ариане... Меня это раздражало, Гарри.

Дамблдор сделал это заявление прямо и холодно. Теперь он смотрел куда-то вдаль, над головой Гарри.

– Я был одарён. Я был блестящ. Я хотел убежать оттуда. Я хотел сиять. Я хотел славы.

Только не пойми меня неправильно, – боль отразилась на лице Дамблдора, так что он снова стал выглядеть стариком. – Я любил их. Я любил моих родителей, я любил брата и сестру, но я был эгоистом, Гарри, большим эгоистом, чем ты, на редкость альтруистичный человек, можешь себе представить.

Итак, когда моя мать умерла и на меня легла ответственность за больную сестру и своенравного брата, я вернулся в родную деревню в гневе и горечи. Заточён в этой дыре, растрачиваю себя, вот как я думал! Ну а затем, разумеется, появился он...

Дамблдор снова посмотрел Гарри прямо в глаза.

– Гринделвальд. Ты не можешь себе представить, как его идеи захватили меня, Гарри, как они зажгли меня. Силой подчинённые маглы. Триумф колдунов. И мы с Гринделвальдом, великолепные юные лидеры революции.

О, какие-то моральные принципы у меня были. Я успокаивал свою совесть пустыми словами. Это всё будет во имя большего блага, и любой нанесённый вред будет оплачен стократно благами для колдунов. Знал ли я, в самой глубине моего сердца, чем был Геллерт Гринделвальд? Думаю, что знал, но закрывал глаза. Если бы планы, которые мы составляли, были претворены в жизнь, все мои мечты стали бы явью.

И в самом сердце наших схем были Реликвии Смерти! Как они его очаровали, как они очаровали нас обоих! Непобедимая волшебная палочка, оружие, которое приведёт нас к власти! Воскрешающий камень – для него, хотя я притворялся, что не знаю об этом, он означал армию преисподов! Для меня, признаюсь, он означал возвращение моих родителей и снятие ответственности с моих плеч.

И плащ... Почему-то плащ мы никогда много не обсуждали, Гарри. Мы оба могли достаточно хорошо укрываться и без плаща, истинная магия которого, конечно же, заключалась в том, что он может быть использован для защиты других, не только его владельца. Я думал, что, если мы его когда-нибудь найдём, он может помочь укрыть Ариану, но в основном наш интерес к плащу был связан с тем, что он замыкал трио, ибо легенда

гласит, что человек, объединивший все три предмета, станет истинным повелителем смерти, то есть, как мы это понимали, непобедимым.

Непобедимые повелители смерти, Гринделвальд и Дамблдор! Два месяца помешательства, жестоких мечтаний и полного пренебрежения двумя членами семьи, которые только у меня и остались.

А потом... ты знаешь, что было. Реальность вернулась, приняв форму моего брата – грубого, необразованного и достойного бесконечно большего, чем я, уважения. Я не хотел выслушивать истины, которые он мне выкрикивал. Я не хотел слушать, что я не должен отправляться на поиски Реликвий, волоча за собой хрупкую и непредсказуемую сестру.

Спор перешёл в драку. Гринделвальд вышел из себя. То, что я всегда чувствовал в нём, хотя и делал вид, что это не так, вырвалось и превратило его в ужасное существо. И Ариана... после всей заботы и внимания моей матери... лежала на полу мёртвая.

Дамблдор слабо ахнул и разрыдался. Гарри протянул руку и с радостью обнаружил, что может до него дотронуться. Он крепко сжал руку Дамблдора, и тот постепенно вернул контроль над собой.

– Вот... Гринделвальд сбежал, как мог заранее предсказать любой, кроме меня. Он исчез вместе со своими планами захвата власти, и со схемами пыток магглов, и с мечтами о Реликвиях Смерти, мечтами, в которых я его подбадривал и помогал ему. Он сбежал, ну а я остался хоронить сестру и учиться жить со своей виной и со своим страшным горем – ценой моего позора.

Прошли годы. О нём разносились слухи. Говорили, что он добыл волшебную палочку немыслимой силы. Мне, в то же время, предлагали пост министра магии, и не один, а несколько раз. Естественно, я отказался. Я знал, что мне нельзя доверять власть.

– Но вы были бы лучше, намного лучше, чем Фадж или Скримджер! – вырвалось у Гарри.

– Ты так думаешь? – тяжёлым голосом спросил Дамблдор. – Я не уверен. Я убедился, будучи очень молодым человеком, что власть была моей слабостью и моим искушением. Забавная вещь, Гарри, но, похоже, лучше всего подходят для власти те, кто никогда не ищет её. Те, на кого, как на тебя, бремя лидерства было возложено против их воли, те, кто взвалил на себя ответственность потому, что должен, те, кто к собственному удивлению обнаруживает, что справляется с ней хорошо.

Я был в большей безопасности в Хогвартсе. Думаю, я был хорошим учителем...

– Вы были лучшим...

– Ты очень любезен, Гарри. Но пока я загружал себя обучением молодых колдунов, Гринделвальд собирал армию. Говорили, что он меня боится, и возможно, так оно и было, но, полагаю, он меня боялся меньше, чем я его.

О, не смерти, – ответил Дамблдор на вопросительный взгляд Гарри. – Не того, что он мог сделать со мной магическим путём. Я знал, что мы с ним были равны по силе, может, я был самую малость искуснее. Боялся я правды. Понимаешь, я так никогда и не узнал, кто из нас в той последней, кошмарной схватке произвёл проклятие, убившее мою сестру. Ты можешь считать это трусостью; ты будешь прав. Гарри, я превыше всего боялся узнать, что

это я принёс ей смерть, не просто из-за моей тупости и высокомерия, но что я лично нанёс удар, унёсший её жизнь.

Думаю, он это знал. Думаю, он знал, что меня пугало. Я откладывал встречу с ним до тех пор, пока мне не стало слишком стыдно откладывать её дальше. Люди умирали, и он казался неостановимым, и я должен был сделать всё, что я мог.

Что ж, ты знаешь, что произошло дальше. Я победил в дуэли. Я забрал волшебную палочку.

Новая пауза. Гарри не стал спрашивать, узнал ли Дамблдор когда-либо, кто непосредственно убил Ариану. Он не хотел этого знать и ещё меньше хотел заставлять Дамблдора говорить об этом. Наконец-то он понял, что видел Дамблдор, глядя в зеркало Джедан, и почему Дамблдор так хорошо понимал всё очарование этого зеркала для Гарри.

Они долго сидели молча, и хныканье существа позади них уже практически не волновало Гарри.

Наконец, он сказал:

– Гринделвальд пытался не дать Волдеморту отправиться за палочкой. Он солгал, понимаете, он делал вид, что её у него никогда не было.

Дамблдор кивнул, глядя на своё колено; слёзы всё ещё сверкали на его искривлённом носу.

– Говорят, в последние годы он раскаялся, сидя один в своей камере в Нурменгарде. Надеюсь, это правда. Мне хотелось бы думать, что он ощутил весь ужас и постыдность того, что он натворил. Возможно, эта ложь Волдеморту была его попыткой загладить вину... не дать Волдеморту завладеть Реликвией...

– ...или, может быть, не дать ему вломиться в вашу гробницу? – предположил Гарри. Дамблдор вытер глаза.

После ещё одной короткой паузы Гарри произнёс:

– Вы пытались воспользоваться Воскрешающим камнем.

Дамблдор кивнул.

– Когда я его обнаружил, спустя все эти годы, закопанным в заброшенном доме Гонтов, Реликвию, к которой я стремился превыше всего, – хотя в юности я желал её по другим причинам, – я потерял голову, Гарри. Я совершенно забыл, что теперь это Хоркракс, что кольцо наверняка несёт на себе проклятие. Я подобрал его и надел, и целую секунду я воображал, что вот-вот увижу Ариану, и мою мать, и отца, и расскажу им, как сильно, очень сильно я сожалел о случившемся...

Я был таким глупцом, Гарри. За все эти годы я так ничему и не научился. Я был недостойн того, чтобы объединить Реликвии Смерти, я убеждался в этом снова и снова, а это стало последним доказательством.

– Почему? – спросил Гарри. – Это было естественно! Вы хотели увидеть их снова. Что в этом плохого?

– Возможно, лишь один человек из миллиона может объединить Реликвии, Гарри. Я годился лишь на то, чтобы владеть ничтожнейшей из них, наименее экстраординарной. Я годился на то, чтобы владеть бузиной палочкой, и не хвастаться этим, и не убивать ей. Мне

было дозволено приручить и использовать её, ибо я взял её не для личной выгоды, но чтобы спасти от неё других.

Но плащ я взял из пустого любопытства, и потому он никогда не служил бы мне так, как он служит тебе, его истинному владельцу. Камень я бы использовал, пытаясь притащить обратно тех, кто сейчас покоится с миром, а не для того, чтобы пожертвовать собой, как это сделал ты. Ты достойный владелец Реликвий.

Дамблдор похлопал Гарри по руке, и Гарри поднял взгляд на старого человека и улыбнулся; он не мог сдержаться. Как он мог теперь сердиться на Дамблдора?

– Зачем вам нужно было делать это всё таким трудным?

Улыбка Дамблдора дрожала.

– Боюсь, я рассчитывал, что мисс Грейнджер будет тормозить тебя, Гарри. Я боялся, что твоя горячая голова возьмёт верх над добрым сердцем. Я опасался, что если просто сообщить тебе факты об этих соблазнительных предметах, ты, как и я, ухватишься за Реликвии в неправильное время и с неправильной целью. Если они должны были оказаться у тебя в руках, я хотел, чтобы ты владел ими спокойно, без вреда для себя. Ты истинный повелитель смерти, потому что истинный повелитель не ищет способов сбежать от Смерти. Он принимает, что он должен умереть, и понимает, что в живом мире есть вещи намного, намного худшие, чем смерть.

– А Волдеморт так и не узнал о Реликвиях?

– Думаю, да, потому что он не узнал Воскрешающего камня, который он превратил в Хоркракс. Но даже если бы ему стало о них известно, Гарри, я сомневаюсь, что он бы заинтересовался какими-либо, кроме первой. Он вряд ли подумал бы, что ему нужен плащ, а что касается камня, кого бы он хотел вернуть из мёртвых? Он боится мёртвых. Он не способен любить.

– Но вы ожидали, что он будет искать волшебную палочку?

– Я был уверен, что он попытается, с того самого времени, как твоя палочка победила Волдемортову на кладбище Литтл-Хэнглтона. Сперва он опасался, что ты превзошёл его в магическом искусстве. Как только он похитил Олливандера, однако, он узнал о существовании сердцевин-близнецов. Он думал, что это объясняет всё. И тем не менее одолженная палочка справилась с работой не лучше! Поэтому Волдеморт, вместо того чтобы спросить себя – что такое было в тебе, что сделало твою палочку такой сильной; каким даром ты наделён, какого нет у него, – он, естественно, отправился искать новую волшебную палочку, которая, как говорили, способна была побить любую другую. Он стал одержим бузиной палочкой, почти так же, как он был одержим тобой. Он верит, что бузиная палочка устранила его последнее слабое место и сделала его воистину непобедимым. Бедный Северус...

– Если вы планировали свою смерть от руки Снейпа, вы хотели, чтобы он в итоге завладел бузиной палочкой, верно?

– Признаю, это входило в мои намерения, – кивнул Дамблдор, – но это не сработало так, как я планировал, да?

– Да, – ответил Гарри, – этот кусочек не получился.

Создание позади них дёргалось и стонало, и Гарри с Дамблдором сидели в молчании на протяжении более долгого, чем ранее, промежутка времени. Осознание того, что должно произойти дальше, постепенно наполняло Гарри за эти долгие минуты, словно мягкий падающий снег.

– Я должен вернуться обратно, верно?

– Это зависит от тебя.

– У меня есть выбор?

– О да, – Дамблдор улыбнулся ему. – Ты говоришь, мы на Кингс-Кросс? Я думаю, если ты решишь не возвращаться, ты сможешь... дай подумать... сесть на поезд.

– И куда он меня повезёт?

– Вперёд, – просто ответил Дамблдор.

Снова молчание.

– У Волдеморта теперь бузиная палочка.

– Верно. У Волдеморта бузиная палочка.

– Но вы хотите, чтобы я вернулся?

– Я думаю, – сказал Дамблдор, – что если ты выберешь возвращение, останется шанс, что с ним будет покончено навсегда. Я не могу обещать этого. Но что я знаю, Гарри – так это то, что у тебя меньше причин бояться возвращения сюда, чем у него.

Гарри снова глянул на изувеченную тварь, дрожащую и капающую под далёким креслом.

– Не жалею умерших, Гарри. Жалею живых, и больше всех жалею тех, кто живёт не любя. Вернувшись, ты сможешь сделать так, что меньше душ будет искалечено, меньше семей разорвано. Если тебе это видится достойной целью, то мы с тобой пока что распроцаемся.

Гарри кивнул и вздохнул. Покидать это место было не так трудно, как идти в Запретный Лес, но здесь было тепло, светло и мирно, и он знал, что возвращается к боли и страху новых потерь. Он встал, и Дамблдор сделал то же самое, и они долго смотрели в лицо друг другу.

– Скажите мне ещё одно, – попросил Гарри. – Это всё настоящее? Или это происходит у меня в голове?

Дамблдор широко улыбнулся и его голос прозвучал в Гарриных ушах громко и отчётливо, несмотря на то, что яркий туман начал опускаться, закрывая стоящую перед ним фигуру.

– Конечно же, это происходит у тебя в голове, Гарри, но почему же это должно означать, что оно ненастоящее?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

БРЕШЬ В ПЛАНЕ

Гарри вновь лежал на земле ничком. Его ноздри наполнил запах леса. Он ощущал под своей щекой холодную твёрдую землю; очки, сбитые в сторону при падении, врезались ему в висок. Каждый дюйм его тела болел, а то место, куда попало Убивающее проклятие, чувствовалось, словно туда пришёлся удар железным кулаком. Он не шевелился, но оставался в точности там, где упал, вытянув левую руку под неудобным углом и приоткрыв рот.

Он ожидал услышать возгласы триумфа и радости по поводу его смерти, но вместо этого воздух был наполнен звуком поспешных шагов, перешёптыванием и взволнованным бормотанием.

— Мой лорд... *мой лорд*...

Это был голос Беллатрикс, и она говорила словно с любимым. Гарри не осмелился открыть глаза, но позволил остальным чувствам исследовать затруднительное положение, в котором он оказался. Он знал, что его волшебная палочка всё ещё спрятана под мантией, он чувствовал её между своей грудью и землёй. Нечто отдалённо напоминающее подушку в районе живота подсказало ему, что плащ-невидимка тоже был там, надёжно спрятанный из виду.

— *Мой лорд*...

— Хватит, — произнёс голос Волдеморта.

Послышались ещё шаги: несколько человек пятились от одного и того же места. Отчаянно стремясь увидеть, что и почему происходит, Гарри на миллиметр приоткрыл глаза.

Волдеморт, похоже, поднимался на ноги. Разнообразные Пожиратели Смерти спешили отойти от него подальше, возвращаясь к толпе у края поляны. Одна лишь Беллатрикс оставалась на месте, стоя на коленях рядом с Волдемортом.

Гарри снова закрыл глаза и обдумал увиденное. Пожиратели Смерти сгрудились вокруг Волдеморта, который, судя по всему, упал на землю. Что-то произошло, когда он ударил Гарри Убивающим проклятием. Неужели Волдеморт тоже свалился? Похоже, что так и было. И оба они на короткое время лишились сознания, и к ним обоим оно теперь вернулось...

— Мой лорд, позвольте мне...

— Мне не нужна помощь, — холодно ответил Волдеморт, и Гарри, хотя и не видел этого, представил себе, как Беллатрикс убирает протянутую руку. — Мальчишка... он мёртв?

Над поляной повисла полнейшая тишина. Никто не приближался к Гарри, но он ощутил на себе концентрированный взгляд, словно вминающий его в землю, и испугался того, что хотя бы один его палец или веко может вздрогнуть.

— Ты, — сказал Волдеморт, и Гарри услышал звук удара и негромкий вскрик боли. — Проверь его. Скажи мне, мёртв он или нет.

Гарри не знал, кого послали удостовериться. Он мог лишь лежать на месте, слушая предательское биение сердца, и ждать, пока его проверят; но в то же время он не мог не заметить, хотя это было небольшим утешением, что сам Волдеморт не осмеливается

приблизиться к нему, что Волдеморт подозревает, что всё прошло не так, как планировалось...

Руки, более мягкие, чем он ожидал, дотронулись до лица Гарри, оттянули веко, влезли под рубашку, прижались к груди, к сердцу. Гарри слышал частое дыхание женщины, её длинные волосы щекотали ему лицо. Он знал, что она ощущает мерные удары жизни о его рёбра.

— *Дрэйко жив? Он в замке?*

Шёпот был едва слышен; её губы были в дюйме от его уха, голова была пригнута так низко, что её длинные волосы заслоняли его лицо от взглядов.

— *Да*, — выдохнул Гарри в ответ.

Он почувствовал, как рука на его груди сжалась; ногти пробороздили его кожу. Затем рука убралась. Женщина села.

— Он мёртв! — крикнула Нарцисса Малфой наблюдающим.

И только теперь они стали кричать, теперь они восторженно вопили и топали ногами, и сквозь закрытые веки Гарри видел вспышки красного и серебряного света, радостно выпущенные в воздух.

По-прежнему лёжа на земле и притворяясь мёртвым, он понял. Нарцисса знала, что единственный шанс для неё попасть в Хогвартс и найти своего сына заключался в том, что она должна была быть в составе победоносной армии. Ей теперь было безразлично, победил ли Волдеморт.

— Видите? — проклекотал Волдеморт через всеобщий гам. — Гарри Поттер пал от моей руки, и теперь никто из живущих не может мне угрожать! Смотрите! *Crucio!*

Гарри ждал этого: он знал, что его тело не останется лежать нетронутым на подстилке Запретного Леса, оно обязательно подвергнется унижению в доказательство победы Волдеморта. Его подняло в воздух, и ему потребовалась вся его решительность, чтобы остаться обмякшим; однако боль, которой он ждал, не пришла. Один, два, три раза он был подброшен вверх; его очки отлетели прочь, и он почувствовал, как волшебная палочка чуть скользит под его мантией, но он оставался пассивным и безжизненным, и когда он свалился на землю в последний раз, вся поляна гремела насмешками и вспышками хохота.

— А теперь, — сказал Волдеморт, — мы пойдём в замок и покажем им, что стало с их героем. Кто потащит тело? Нет — погодите...

Раздался новый взрыв хохота, и через несколько секунд Гарри почувствовал, как земля под ним дрожит.

— Ты его понесёшь, — произнёс Волдеморт. — Он будет прекрасно смотреться в твоих руках, не так ли? Подними своего маленького друга, Хагрид. И очки — наденьте ему очки — он должен быть узнаваем.

Кто-то с грубой силой впихнул очки обратно Гарри на нос, но огромные ручищи, поднявшие его в воздух, были невероятно мягкими. Гарри чувствовал, как руки Хагрида дрожат от тяжёлых всхлипов; гигантские слёзы капали на него, когда Хагрид баюкал его в своих руках, но Гарри не смел ни словом, ни движением тайно сообщить Хагриду, что не всё ещё потеряно.

– Пошли, – скомандовал Волдеморт, и Хагрид, спотыкаясь, побрёл вперёд, через чащу деревьев, обратно сквозь лес. Ветви цеплялись за Гаррины волосы и мантию, но он лежал неподвижно, приоткрыв рот, зажмурив глаза, в темноте, а Пожиратели Смерти вопили повсюду вокруг, и всхлипывающий Хагрид слепо шёл вперёд, и никто не смотрел, не бьётся ли жилка на открытой шее Гарри Поттера...

Два великана проламывались вперёд позади Пожирателей Смерти; Гарри слышал, как деревья трещали и падали там, где они проходили; они издавали столько шума, что птицы с криками взмывали в воздух, и даже насмешки Пожирателей Смерти были заглушены. Победоносная процессия маршировала вперёд, к опушке леса, и через некоторое время Гарри по слабейшей темноте под своими закрытыми веками догадался, что деревья начинают расти всё реже.

– БЭЙН!

Неожиданный выкрик Хагрида чуть не заставил Гарри открыть глаза.

– Шо, теперь вы щасливы, шо вы не дрались, вы, кучка нытиков? Вы щасливы, шо Гарри Поттер п-п-погиб?

Хагрид не смог продолжать – разрыдался. Гарри подивился, сколько созданий наблюдало за их процессией; он не осмеливался открыть глаза, чтобы посмотреть. Некоторые из Пожирателей Смерти выкрикивали оскорбления в адрес кентавров, проходя мимо них. Вскоре воздух посвежел, и Гарри понял, что они дошли до опушки леса.

– Стоять.

Гарри показалось, что Хагрида силой заставили подчиниться приказу Волдеморта, потому что его слегка дёрнуло. Теперь холод распространился там, где они стояли, и Гарри слышал хриплое дыхание дементоров, патрулирующих окраину леса. Они на него теперь не действуют. Факт своего выживания горел в Гарри, это был его талисман против дементоров, словно олень его отца нёс охрану в самом его сердце.

Кто-то прошёл совсем рядом, и Гарри понял, что это был сам Волдеморт, потому что секундой позже он заговорил, и его голос магически усилился, разносясь над парком, врезаясь в Гаррины барабанные перепонки.

– Гарри Поттер мёртв. Он был убит, когда убегал, пытаясь спасти себя, пока вы отдавали свои жизни ради него. Мы принесли вам его тело в доказательство того, что вашего героя больше нет.

Битва нами выиграна. Вы потеряли половину бойцов. Мои Пожиратели Смерти превышают вас числом, и с Мальчиком, Который Выжил, покончено. Война должна закончиться. Всякий, кто продолжит сопротивление, будь то мужчина, женщина или ребёнок, будет уничтожен, так же как и все члены его семьи. Теперь выходите из замка, встаньте предомной на колени, и вы будете пощажены. Ваши родители и дети, ваши братья и сёстры будут жить, они будут прощены, и вы присоединитесь ко мне в новом мире, который мы вместе построим.

В парке и в замке повисло молчание. Волдеморт был настолько близко, что Гарри не осмеливался снова приоткрыть глаза.

– Пошли, – приказал Волдеморт, и Гарри услышал, как он идёт вперёд, и Хагрид был принуждён идти за ним. Теперь Гарри чуть-чуть приоткрыл глаза и увидел, как Волдеморт шагает перед ним, неся на плечах свою огромную змею Нагини, свободную теперь от своей зачарованной клетки. Но у Гарри не было возможности вытащить волшебную палочку, спрятанную под мантией, незаметно для Пожирателей Смерти, шагающих по обе стороны от них сквозь постепенно светлеющую темноту.

– Гарри, – всхлипывал Хагрид. – Ох, Гарри... Гарри...

Гарри снова зажмурил глаза. Он знал, что они подходят к замку, и напряг слух, пытаясь различить сквозь злорадные голоса и топот Пожирателей Смерти признаки жизни тех, кто был внутри.

– Стоять.

Пожиратели Смерти остановились; Гарри услышал, как они встают в линию перед открытыми входными дверями школы. Даже сквозь закрытые глаза он видел красноватое сияние, означающее поток света, устремлённый на него из холла. Он ждал. В любой момент люди, ради которых он старался умереть, увидят его, кажущегося мёртвым, в руках Хагрида.

– НЕТ!!!

Вопль был тем более ужасен, потому что Гарри не ожидал, ему и во сне не могло присниться, что профессор МакГонагалл способна издать такой звук. Он услышал, как другая женщина хохочет поблизости, и догадался, что это Беллатрикс торжествует, радуется отчаянию МакГонагалл. На секунду он приоткрыл глаза вновь и увидел, что дверной проём заполняется людьми, что выжившие в сражении выходят на ступени, чтобы посмотреть на победителей и убедиться своими глазами, что Гарри мёртв. Он увидел Волдеморта, стоящего чуть впереди него и поглаживающего голову Нагини одним белым пальцем. Он снова закрыл глаза.

– Нет!

– *Нет!*

– Гарри! ГАРРИ!!!

Крики Рона, Гермионы и Джинни были хуже, чем МакГонагалл; Гарри ничего не хотелось больше, чем крикнуть в ответ, однако он заставил себя лежать молча. Их крики действовали как триггер, толпа выживших подхватила их пример, начала вопить и выкрикивать оскорбления в адрес Пожирателей Смерти, пока не...

– МОЛЧАТЬ! – взревел Волдеморт; раздался удар, яркая вспышка, и все внезапно замолчали. – Всё кончено! Положи его, Хагрид, положи к моим ногам, где ему самое место!

Гарри почувствовал, как его опускают на траву.

– Видите? – сказал Волдеморт, и Гарри ощутил, как он ходит взад-вперёд совсем близко. – Гарри Поттер мёртв! Теперь вы понимаете, вы, оболваненные? Он всегда был ничем, никем, всего лишь мальчишкой, который надеялся, что другие будут жертвовать собой ради него!

– Он побил тебя! – крикнул Рон, и чары рухнули, и защитники Хогвартса снова кричали и вопили, пока второй, более сильный удар не выключил их голоса вновь.

– Он был убит, когда пытался выбраться из хогвартского парка, – произнёс Волдеморт, явно получая наслаждение от своей лжи, – он был убит, когда пытался спасти себя...

Тут Волдеморт прервался; Гарри услышал шаркающий звук, вскрик, затем ещё один удар. Мелькнула вспышка света, и раздался болезненный стон. Гарри приоткрыл глаза на бесконечно малую величину. Кто-то вырвался из толпы и кинулся на Волдеморта; Гарри увидел, как обезоруженная фигура ударилась о землю. Волдеморт, смеясь, отшвырнул в сторону волшебную палочку своего противника.

– И кто это у нас? – прошепел он, подобно своей змее. – Кто это вызвался показать, что произойдёт с каждым, кто продолжает драться, когда сражение проиграно?

Беллатрикс испустила смешок восторга.

– Это Невилл Лонгботтом, мой лорд! Мальчишка, доставлявший столько неприятностей Кэрроу! Сын авроров, помните?

– Ах да, я вспоминаю, – Волдеморт смотрел сверху вниз на Невилла, пытающегося встать на ноги, безоружного и незащищенного, на нейтральной полосе между выжившими защитниками замка и Пожирателями Смерти. – Но ты ведь чистокровный, не так ли, мой храбрый мальчик? – спросил Волдеморт у Невилла; тот стоял перед ним, сжав пустые руки в кулаки.

– И что если так? – громко спросил Невилл.

– Ты показал присутствие духа и храбрость, и ты производишь из благородной семьи. Из тебя получится очень хороший Пожиратель Смерти. Нам нужны такие, как ты, Невилл Лонгботтом.

– Я к тебе присоединюсь, когда ад замёрзнет, – ответил Невилл. – Дамблдорская Армия! – прокричал он, и из толпы раздался ответный крик, заткнуть которые Волдемортовы чары Молчания были явно не в силах.

– Очень хорошо, – произнёс Волдеморт, и в его шёлковом голосе Гарри услышал большую опасность, чем в самом сильном проклятии. – Если таков твой выбор, Лонгботтом, мы возвращаемся к первоначальному плану. На твоей голове, – тихо продолжил он, – да будет это.

По-прежнему наблюдая сквозь ресницы, Гарри увидел, как Волдеморт взмахнул волшебной палочкой. Несколько секунд спустя из одного из разбитых окон замка вылетело нечто вроде бесформенной птицы. Пролетев сквозь сумрак, предмет приземлился в руку Волдеморта. Он потряс покрытый плесенью предмет за заострённый конец, и с его руки, пустая и порванная, свесилась Сортировочная Шляпа.

– В школе Хогвартс больше не будет Сортировки, – заявил Волдеморт. – Не будет Домов. Эмблема, цвет и цвета моего благородного предка, Салазара Слизерина, подойдут всем, не правда ли, Невилл Лонгботтом?

Он навёл волшебную палочку на Невилла, ставшего немедленно твёрдым и неподвижным, и натянул шляпу ему на голову, так что она спустилась ниже уровня глаз. В наблюдающей толпе перед замком началось какое-то движение, и Пожиратели Смерти разом подняли волшебные палочки, удерживая защитников Хогвартса на месте.

– Сейчас Невилл продемонстрирует нам, что случается с каждым, кто достаточно глуп, чтобы продолжить сопротивляться мне, – объявил Волдеморт и, взмахнув палочкой, заставил Сортировочную Шляпу вспыхнуть.

Вскрики раскололи рассвет, и Невилл был весь в огне, прикованный к тому месту, где стоял, неспособный двинуться, и Гарри не мог этого вынести – он должен действовать...

И тут в одно и то же мгновение произошло множество событий.

От дальней границы школы послышался громкий шум, словно сотни людей, громко крича, перемахнули через невидимые от входа стены и рванулись к замку. Одновременно из-за замка неуклюже вышел Групп и прорычал: «ХАГТЕР!» На его рык ответил рёв Волдемортовых великанов: они помчались на Группу, словно бешеные слоны, заставляя землю сотрясаться. Затем раздался цокот копыт и щёлканье луков, и неожиданно стрелы начали падать среди Пожирателей Смерти; те смешали ряды, удивлённо крича. Гарри вытянул из-под мантии плащ-невидимку, накинул его на себя и вскочил на ноги. Одновременно двинулся и Невилл.

Одним быстрым, текучим движением Невилл вырвался из проклятия Телобинта; горящая шляпа слетела с него, и он вытянул из её глубины нечто серебряное со сверкающей рубинами рукоятью...

Звук удара серебряного клинка был не слышен за рёвом приближающейся толпы, за воем дерущихся великанов, за цокотом наступающих кентавров, но, несмотря на это, на клинок словно устремился каждый взгляд. Одним ударом Невилл отсек голову гигантской змеи; та взмыла, вращаясь, высоко в воздух, сверкая в свете, исходящем из холла, и рот Волдеморта раскрылся в яростном вопле, которого никто не услышал, и тело змеи грохнулось к его ногам...

Прячась под плащом-невидимкой, Гарри наложил Щитовые чары между Невиллом и Волдемортом, прежде чем последний успел поднять волшебную палочку. Затем все крики, рёв и громовые удары сражающихся великанов потонули в вопле Хагрида.

– ГАРРИ! – проорал Хагрид. – ГАРРИ – ГДЕ ГАРРИ?!

Воцарился хаос. Наступающие кентавры рассенвали Пожирателей Смерти, все спасались от ног великанов, и ближе и ближе громыхали подкрепления, пришедшие неизвестно откуда; Гарри увидел гигантские крылатые существа, кружащие над головами великанов – это были тестралы и гиппогриф Брыклов⁸⁴, они пытались выцарапать великанам глаза, пока Групп бил и колотил их. Все колдуны, равно защитники Хогвартса и Волдемортовы Пожиратели Смерти, теперь двигались обратно в замок. Гарри пускал сглазы и проклятия в каждого Пожирателя Смерти, который попадался ему на глаза, и они падали, не зная, кто или что ударило их, и их тела давила отступающая в замок толпа.

Всё ещё скрытый под плащом-невидимкой, Гарри был внесён в холл. Он искал Волдеморта и увидел его в противоположном конце комнаты; тот пятился в сторону Большого Зала, пуская проклятия направо и налево из своей волшебной палочки и продолжая отдавать приказы своим последователям. Гарри наложил ещё несколько Щитов, и

⁸⁴ Buckbeak. Имя гиппогрифа состоит из двух частей: buck означает взбрыкивать, beak – клюв.

неслучившиеся жертвы Волдеморта, Шеймас Финниган и Ханна Эббот, прошмыгнули мимо него в Большой Зал и присоединились к сражению, уже шедшему внутри полным ходом.

И тут больше, ещё больше людей взбежало по каменным ступеням, и Гарри увидел Чарли Уизли, обгоняющего Горация Слагхорна, по-прежнему одетого в свою изумрудно-зелёную пижаму. Они вернулись во главе, судя по всему, семей и друзей всех и каждого ученика Хогвартса, оставшегося драться, а также владельцев домов и магазинов Хогсмид. Кентавры Бэйн, Ронан и Магориан ворвались в холл под громкий цокот копыт, и в тот же момент за Гарриной спиной слетела с петель дверь, ведущая в кухню.

Орава домовых эльфов Хогвартса влетела в холл, вопя и размахивая разделочными ножами и тесачами, а во главе их мчался Кричер; медальон Регулуса Блэка подскакивал у него на груди, а его квакающий голос перекрикивал общий шум:

– Бейтесь! Бейтесь за моего господина, защитника домовых эльфов! Бейтесь с Тёмным Лордом во имя храброго Регулуса! Бейтесь!

Они рубили и кололи лодыжки и голени Пожирателей Смерти, их крохотные лица дышали злобой. Всюду, куда Гарри кидал взгляд, Пожиратели Смерти рушились под натиском множества противников, поражённые заклинаниями, вытягивающие стрелы из ран, ударяемые по ногам ножами эльфов или просто пытающиеся сбежать и поглощённые наступающей ордой.

Но битва была ещё не кончена: Гарри поспешно прошмыгнул между сражающимися, мимо дёргающихся пленников, и вбежал в Большой Зал.

Волдеморт был в гуще сражения, он бил и крушил всё, до чего мог дотянуться. Гарри никак не мог прицелиться, но пробирался всё ближе, по-прежнему невидимый, и Большой Зал забивался всё больше и больше, ибо все, кто был способен ходить, направлялись сюда.

Гарри увидел, как Ясли грохнулся на пол, превзойдённый Джорджем и Ли Джорданом, как Долохов с криком пал от руки Флитвика, как Уолден Макнейр пролетел через комнату, брошенный Хагридом, ударился о каменную стену и свалился без сознания. Он увидел, как Рон и Невилл вдвоём свалили Фенрира Грэйбэка, как Аберфорт оглушил Руквуда, как Артур и Пёрси отправили на пол Тикнесса, как Люциус и Нарцисса Малfoy мчатся сквозь толпу, даже не пытаясь сражаться, и выкрикивают имя своего сына.

Теперь Волдеморт дрался одновременно с МакГонагалл, Слагхорном и Кингсли, и холодная ярость была написана на его лице, когда они вились и пригибались вокруг него, не в силах его прикончить...

В пятидесяти ярдах от Волдеморта Беллатрикс тоже продолжала драться, и, как и её повелитель, она билась одновременно с тремя: Гермионой, Джинни и Луной; все трое сражались изо всех сил, но Беллатрикс была с ними на равных, и внимание Гарри было отвлечено, когда Убивающее проклятие прошло так близко от Джинни, что она лишь на дюйм разминулась со смертью...

Гарри изменил направление движения, стремясь к Беллатрикс вместо Волдеморта, но, прежде чем он успел сделать несколько шагов, его оттолкнули в сторону.

– НЕ ТРОЖЬ МОЮ ДОЧЬ, СУКА!!!

Миссис Уизли на бегу отшвырнула плащ, освобождая руки. Беллатрикс крутанулась на месте и расхохоталась при виде своего нового противника.

– С ДОРОГИ! – проорала миссис Уизли трём девушкам и, замахнувшись волшебной палочкой, вступила в бой. Гарри с ужасом и восхищением наблюдал, как волшебная палочка Молли Уизли крутится и рассекает воздух, и улыбка Беллатрикс увяла, превратившись в оскал. Струи света вылетали из обеих палочек, пол под ногами ведьм раскалился и потрескался; обе женщины дрались насмерть.

– Нет! – крикнула миссис Уизли, когда несколько учеников бросились вперёд, желая прийти к ней на помощь. – Назад! *Назад!* Она моя!

Сотни людей выстроились теперь вдоль стен, наблюдая за двумя схватками – Волдеморта с тремя противниками и Беллатрикс с Молли, и Гарри стоял, невидимый, разрываясь между ними, желая нападать и в то же время защищать; он не мог быть уверен, что не попадёт в невинного.

– Что станет с твоими детьми, когда я убью тебя? – издевалась Беллатрикс, такая же безумная, как и её повелитель, уворачиваясь от проклятий Молли, танцующих вокруг неё. – Когда мамочка уйдёт туда же, куда Фреддичка?

– Ты – больше – никогда – не – тронешь – моих – детей! – прокричала миссис Уизли.

Беллатрикс расхохоталась тем же весёлым смехом, что её кузен Сириус, когда он падал спиной вперёд сквозь вуаль, и внезапно Гарри понял, что сейчас произойдёт, прежде чем оно произошло.

Проклятие Молли прошло под вытянутой рукой Беллатрикс и ударило её точно в грудь, прямо напротив сердца.

Издевательская улыбка Беллатрикс застыла на её лице, глаза, казалось, сейчас вылезут из орбит; в один крошечный миг она поняла, что произошло, и потом она рухнула на пол, и наблюдающая толпа взревела, и Волдеморту закричал.

Гарри видел всё как в замедленном кино: он увидел, как МакГонагалл, Кингсли и Слагхорн отлетели назад, корчась и размахивая руками в воздухе, ибо ярость Волдеморта от гибели его последнего, лучшего лейтенанта взорвалась подобно бомбе. Волдеморту поднял волшебную палочку и навёл её на Молли Уизли.

– *Protego!* – прокричал Гарри, и магический барьер образовался в центре Зала, и Волдеморту начал оглядываться в поисках источника этого барьера, и Гарри наконец-то стянул с себя плащ-невидимку.

Раздавшиеся со всех сторон вопли шока, приветствия, крики «Гарри!», «ОН ЖИВ!» мгновенно увяли. Толпа была напугана, и абсолютное молчание пало на Зал, когда Волдеморту и Гарри взглянули друг на друга. Они одновременно начали двигаться по кругу.

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь пытался помогать, – громко произнёс Гарри, и в полной тишине его голос разнёсся, как зов трубы. – Всё должно быть именно так. Это должен быть я.

Волдеморту зашипел.

– Поттер вовсе не имеет это в виду, – сказал он, не сводя с Гарри своих расширившихся красных глаз. – Это не так, как он обычно действует, верно? Кого ты сегодня собираешься использовать вместо щита, Поттер?

– Никого, – просто ответил Гарри. – Хоркраксов больше нет. Остались только ты и я. Ни один не может жить, пока жив другой, и один из нас скоро уйдёт отсюда навсегда...

– Один из нас? – насмешливо повторил Волдеморт; всё его тело было натянуто, глаза неотрывно смотрели на Гарри, он был подобен змее, готовой ударить. – Ты думаешь, что останешься ты, правда – мальчик, выживший случайно, и лишь потому, что Дамблдор тянул за нитки?

– Случайно, вот как? Это случайно моя мать умерла, чтобы спасти меня? – спросил Гарри. Они оба по-прежнему двигались боком, описывая идеальный круг, оставаясь на одном и том же расстоянии, и для Гарри не существовало другого лица, кроме лица Волдеморта. – Случайно я решил драться там, на кладбище? Случайно я не защищался сегодня ночью и остался жив, и снова вернулся, чтобы драться?

– *Случайно!* – крикнул Волдеморт, но удара всё ещё не наносил, и наблюдающая толпа застыла, словно окаменев; из сотен, заполнивших Зал, казалось, даже дышали только они двое. – Случайности, совпадения и то, что ты всё время прятался и корчился под юбками более достойных мужчин и женщин и позволял мне убивать их вместо тебя!

– Сегодня ночью ты больше никого не убьёшь, – произнёс Гарри, пока они кружили, неотрывно глядя друг другу в глаза, зелёные против красных. – Ты не сможешь убить никого из них, никогда. Ты этого ещё не понял? Я был готов умереть, чтобы ты прекратил ранить этих людей...

– Но ты не умер!

– Я хотел этого, и в этом всё дело. Я сделал то, что сделала моя мать. Они защищены от тебя. Разве ты не заметил, что ни одно из заклинаний, которые ты на них накладывал, не работает? Ты не можешь пытать их. Ты не можешь коснуться их. Ты не учишься на своих ошибках, Риддл, верно?

– *Ты смеешь...*

– Да, я смею. Я знаю вещи, которых ты не знаешь, Том Риддл. Я знаю множество важных вещей, которых ты не знаешь. Желаете услышать кое-какие из них, прежде чем ты совершишь ещё одну большую ошибку?

Волдеморт не ответил, но продолжал крадучись идти по кругу, и Гарри знал, что он на время как бы загипнотизировал Волдеморта, что теперь Волдеморта будет удерживать самая маленькая возможность того, что Гарри на самом деле может быть известен решающий секрет...

– Это опять любовь? – спросил Волдеморт, и его змееподобное лицо скривилось в насмешливую гримасу. – Любимое оружие Дамблдора, *любовь*, которое, как он заявлял, покорило смерть, но которое не помешало ему упасть с башни и развалиться, как восковая фигура? *Любовь*, которая не помешала мне раздавить твою мать-грязнокровку как таракана, Поттер – и никто, похоже, не любит тебя настолько, чтобы побежать вперёд на этот раз и принять моё проклятие. Так что помешает тебе умереть теперь, когда я ударю?

– Всего одна вещь, – ответил Гарри, и они по-прежнему кружили друг вокруг друга, обёрнутые друг вокруг друга, разделенные лишь последним секретом и больше ничем.

– Если это не любовь – то, что спасёт тебя на этот раз, – сказал Волдеморт, – то ты, должно быть, веришь, что ты владеешь магией, которой не владею я, или же что твоё оружие сильнее моего?

– Я верю и в то, и в другое, – и Гарри заметил, как шок отразился на змееподобном лице Волдеморта, хотя и исчез с него немедленно; Волдеморт начал хохотать, и этот звук был более пугающим, чем его крики; безумный, напроочь лишённый юмора смех эхом разнёсся по безмолвному Залу.

– Ты думаешь, *ты* знаешь больше магии, чем я? Чем *я*, Лорд Волдеморт, который применял такую магию, которая самому Дамблдору даже и не снилась?

– О, она ему снилась, – ответил Гарри, – но он знал больше, чем ты, он знал достаточно, чтобы не делать того, что ты сделал.

– Это значит, что он был слаб! – крикнул Волдеморт. – Слишком слаб, чтобы осмелиться, слишком слаб, чтобы взять то, что было его, то, что будет моим!

– Нет, он был умнее тебя, – произнёс Гарри. – Он был колдуном сильнее тебя и человеком лучше тебя.

– Я принёс смерть Альбусу Дамблдору!

– Ты думал, что ты это сделал, – поправил Гарри, – но ты ошибался.

Впервые наблюдающая за ними толпа пошевелилась, когда сотни людей, стоящих вдоль стен, разом ахнули.

– *Дамблдор мёртв!* – Волдеморт швырнул эти слова в Гарри, словно мог ими причинить Гарри невыносимую боль. – Его труп гниёт в мраморной гробнице в парке этого замка, я видел его, Поттер, он не вернётся!

– Да, Дамблдор мёртв, – спокойно ответил Гарри, – но ты не убил его. Он сам выбрал то, как он умрёт, выбрал за много месяцев до своей смерти, спланировал всё это вместе с человеком, которого ты считал своим слугой.

– Что это за детские мечтания? – спросил Волдеморт, но тем не менее он по-прежнему не наносил удара, и его красные глаза не отрывались от Гарриных.

– Северус Снейп не был твоим человеком, – заявил Гарри. – Снейп был человеком Дамблдора, он стал им с того самого момента, как ты начал охотиться за моей матерью. И ты этого не признавал из-за той самой вещи, которой ты никогда не понимал. Ты ведь никогда не видел, как Снейп призывает Патронуса, верно, Риддл?

Волдеморт не ответил. Они продолжали кружить в центре Зала, словно пара волков, намеревающихся разорвать друг друга.

– Патронусом Снейпа была оленуха, – продолжил Гарри, – как и у моей матери, потому что он любил её практически всю свою жизнь, с самого детства. Ты должен был осознать, – добавил он, увидев, как раздуваются ноздри Волдеморта, – он же просил тебя пощадить её, так?

– Он желал её, вот и всё, – усмехнулся Волдеморт, – но когда её не стало, он согласился, что есть другие женщины, и чистокровные, более достойные его...

– Разумеется, он сказал тебе так, – согласился Гарри, – но он был агентом Дамблдора с того момента, как ты начал угрожать ей, и всё это время он работал против тебя! Дамблдор уже умирал, когда Снейп его прикончил!

– Это не имеет значения! – заорал Волдеморт, впитывавший слова Гарри с неослабевающим вниманием, и испустил безумный смешок. – Не имеет значения, был Снейп моим или Дамблдора, и какие мелкие преграды они пытались поставить на моем пути! Я раздавил их, как я раздавил твою мать, предполагаемую Снейпову великую *любовь*! О, но это всё имеет смысл, Поттер, и такой смысл, которого ты не понимаешь!

Дамблдор пытался увести от меня бузину палочку! Он намеревался сделать Снейпа истинным владельцем этой волшебной палочки! Но я добрался до неё раньше тебя, малыш – я забрал палочку, прежде чем ты смог наложить на неё лапы, я понял истину раньше, чем ты её просёк. Я убил Северуса Снейпа три часа назад, и бузиная палочка, палочка Смерти, Роковая палочка теперь истинно моя! Последний план Дамблдора не сработал, Гарри Поттер!

– Верно, не сработал, – сказал Гарри. – Ты прав. Но прежде чем ты попытаешься убить меня, я советую тебе, подумай обо всём, что ты сделал... Подумай, и попробуй ощутить хоть немного раскаяния, Риддл...

– Что это?

Из всего, что Гарри сказал, из всех открытий и насмешек, ничто не шокировало Волдеморта так, как это. Гарри увидел, как его зрачки сузились в тонкие щёлки, как кожа вокруг глаз побелела.

– Это твой последний и единственный шанс, – продолжил Гарри, – это всё, что у тебя осталось... Я видел, чем ты станешь, если ты этого не сделаешь... Будь мужчиной... Попробуй... попробуй раскаяться...

– Ты смеешь?.. – снова воскликнул Волдеморт.

– Да, я смею, – заверил Гарри, – потому что последний план Дамблдора вовсе не ударил по мне. Он ударил по тебе, Риддл.

Рука Волдеморта, сжимающая бузину палочку, задрожала, и Гарри крепче сжал волшебную палочку Дрэйко. До репающего момента, он это знал, оставались секунды.

– Эта палочка по-прежнему не работает для тебя как надо, потому что ты убил не того человека. Северус Снейп никогда не был истинным владельцем бузиной палочки. Он не победил Дамблдора.

– Он убил...

– Ты что, не слушаешь? *Снейп не победил Дамблдора!* Смерть Дамблдора была спланирована ими обоими! Дамблдор намеревался умереть непобеждённым и стать последним истинным владельцем этой палочки! Если бы всё прошло так, как планировалось, сила волшебной палочки умерла бы вместе с Дамблдором, потому что она не была у него отобрана!

– Но тогда, Поттер, Дамблдор всё равно что отдал мне палочку! – голос Волдеморта дрожал от злобного удовлетворения. – Я украл эту палочку из гробницы её последнего владельца! Я забрал её против воли её последнего господина! Её сила теперь моя!

– Всё ещё не доходит, Риддл, вот как? Простого обладания волшебной палочкой недостаточно! Ты её держишь, используешь её, но это не делает её истинно твоей. Ты что, не слушал Оливандера? *Волшебная палочка выбирает колдуна...* Бузиная палочка узнала нового господина, прежде чем Дамблдор умер, кое-кого, кто к ней даже рукой не притронулся. Новый владелец выбил палочку из руки Дамблдора против его воли, никогда не осознавая, *что именно* он сделал, не зная, что самая опасная волшебная палочка в мире подарила ему свою преданность...

Грудь Волдеморта резко вздымалась и опускалась, и Гарри чувствовал, что проклятие надвигается, он чувствовал, как оно зарождается в волшебной палочке, нацеленной ему в лицо.

– Истинным владельцем бузиной палочки стал Дрэйко Малфой.

Чистый шок на мгновение проявился на Волдемортовом лице и тут же исчез.

– Но что это меняет? – мягко спросил он. – Даже если ты прав, Поттер, для тебя и для меня это не имеет значения. У тебя больше нет фениксовой палочки – мы сражаемся на чистом искусстве... А после того как я убью тебя, я смогу заняться Дрэйко Малфоем...

– Но ты уже опоздал, – сказал Гарри. – Ты упустил свой шанс. Я добрался до него первым. Я одолел Дрэйко несколько недель назад. Я забрал у него эту палочку.

Гарри покачал волшебной палочкой из боярышника и почувствовал, как все глаза в Зале обратились на неё.

– Так что всё вот к чему сводится, – прошептал Гарри. – Знает ли палочка в твоей руке, что её предыдущий владелец был обезоружен? Потому что если знает... тогда я истинный владелец бузиной палочки.

Красно-золотое сияние прорвалось неожиданно на зачарованном небе над их головами, когда краешек ослепляющего солнца появился над подоконником ближайшего окна. Свет ударил в их лица одновременно, так что Волдеморт превратился внезапно в пламенеющее марево. Гарри услышал, как высокий голос кричит, и в то же мгновение он тоже выкрикнул в небеса свою лучшую надежду, указав палочкой Дрэйко:

– *Avada Kedavra!*

– *Expelliarmus!*

Раздался грохот, подобный пушечному выстрелу, и в самом центре круга, который они описывали, там, где столкнулись заклинания, вспыхнуло золотое пламя. Гарри увидел, как зелёный луч Волдеморта встретился с его собственным заклинанием, увидел, как бузиная палочка, тёмная на фоне рассвета, взлетела высоко вверх, крутясь под зачарованным потолком подобно голове Нагини, стремясь навстречу своему господину, которого она не захотела убить, который пришёл, чтобы наконец завладеть ею полностью. И Гарри с безошибочным искусством искателя поймал эту палочку своей свободной рукой, а Волдеморт в это мгновение упал навзничь, раскинув руки, и зрачки-щёлочки его алых глаз закатились вверх. Том Риддл ударился об пол так, как падает человек, который больше не встанет; его тело стало слабым и съёжившимся, белые руки были пусты, змееподобное лицо было отсутствующим и ничего не выражающим. Волдеморт был мёртв, убит отразившимся в него

собственным проклятием, и Гарри стоял, держа в руке две волшебные палочки, и смотрел на пустую оболочку своего врага.

Одна дрожащая секунда тишины, шок, повисший в пространстве, – и затем воздух взорвался вокруг Гарри, сотрясённый выкриками, и воплями, и радостными возгласами присутствующих. Новое обжигающее солнце ослепило окна, когда все находящиеся в Зале кинулись к нему, и первыми до него добежали Рон и Гермиона, и именно их руки обняли его, именно их неразборчивые крики оглушили его. Затем рядом оказались Джинни, Невилл и Луна, затем все остальные Уизли и Хагрид, и Кингсли, и МакГонагалл, и Флитвик, и Спраут, и Гарри не мог разобрать ни единого слова, выкрикиваемого хоть кем-то, не мог сказать, чьи руки хватали его, тянули его, пытались обнять хоть кусочек его, сотни людей давили, желали прикоснуться к Мальчику, Который Выжил, к причине того, что всё наконец закончилось...

Солнце медленно и верно поднималось над Хогвартсом, и Большой Зал сиял светом и жизнью. Гарри требовался всем группам людей, одновременно празднующих и скорбящих, горящих и радующихся. Все хотели, чтобы он был с ними, их лидер и символ, их спаситель и проводник; а то, что он не спал, что он желал компании лишь немногих из них, похоже, никому не приходило в голову. Он должен был говорить с близкими погибших, сжимать их руки, видеть их слёзы, принимать их благодарности, слушать новости, сползающие теперь из всех районов, – новости, что находившиеся под Имперкусом люди по всей стране стали сами собой, что Пожиратели Смерти бежали или были пойманы, что невинные, сидящие в Азкабане, в это самое время получали свободу, и что Кингсли Шаклболт был провозглашён временным министром магии...

Тело Волдеморта унесли и положили в комнатку неподалёку от Зала, подальше от тел Фреда, Тонкса, Люпина, Колина Криви и полусотни других, погибших в борьбе с ним. МакГонагалл вернула столы Домов, но никто не сидел в соответствии со своим Домом: все смешались вместе, преподаватели и школьники, призраки и родители, кентавры и домовые эльфы, и поправляющийся Фиренце лежал в углу, и Гроуп заглядывал в окно, и все пшвыряли еду в его смеющийся рот.

Некоторое время спустя, опустошённый и истощённый, Гарри обнаружил, что сидит на скамье рядом с Луной.

– Если бы это была я, я бы хотела немного покоя и тишины, – сказала она.

– Я очень хотел бы, – ответил он.

– Я их отвлеку, – предложила она. – А ты надень плащ.

И прежде чем он успел произнести хоть слово, она прокричала: «Ооо, смотрите, пузырястый жучик⁸⁵!» – и показала пальцем в окно. Все, кто услышал, повернули головы, и Гарри накинул на себя плащ и поднялся на ноги.

Теперь Гарри мог пройти сквозь Зал без помех. Он заметил Джинни в двух столах от него; она сидела, положив голову на плечо матери. Он сможет поговорить с ней позже, у него будет время – часы, дни, а может, и годы, чтобы говорить. Он заметил Невилла и меч Гриффиндора, лежащий возле его тарелки; Невилл ел в окружении группы восторженных

⁸⁵ Blibbering Humdinger. В названии выдуманного Луной зверя видны слова blubber (пузырь), hum (жужжание) и ding (звенеть; назойливо или настойчиво повторять).

поклонников. Проходя между столами, он заметил трёх Малфоев, сгрудившихся вместе и словно бы не уверенных, должны ли они находиться здесь, но никто не обращал на них ни малейшего внимания. Повсюду, куда он смотрел, кучковались воссоединившиеся семьи, и наконец он увидел двоих, к чьему обществу он стремился больше всего.

– Это я, – прошептал он, склоняясь между ними. – Пойдёмте со мной?

Они тотчас поднялись, и втроём они покинули Большой Зал. Огромные куски были выбиты из мраморной лестницы, часть перил исчезла, и, взбираясь по лестнице, каждые несколько ступенек они натывались на обломки и пятна крови.

Где-то вдали они слышали Пивза; тот носился по коридорам и распевал победную песню собственного сочинения:

Наш Поттер был Избранник, и УпСики накрылись,
Он Лорде дал по морде, и мы повеселились!

– Правда, позволяет осознать весь размах и трагизм случившегося, а? – сказал Рон, открывая дверь и пропуская Гарри и Гермиону вперёд.

Счастье придёт, подумал Гарри, но сейчас оно было приглушено чувством опустошённости, и боль от потери Фреда, Люпина и Тонкс пронзала его, словно от физической раны, каждые несколько ступенек. Больше всего он ощущал колоссальное облегчение и безумное желание спать. Но в первую очередь он должен был объяснить Рону и Гермионе – они столько времени были вместе с ним, они заслужили правду. Он тщательно пересказал всё, что видел в ситодуме и что потом случилось в Лесу, и они даже не начали ещё выражать свой шок и изумление, когда наконец-то они добрались до места, куда шли, хотя ни один из них не упомянул место назначения.

С того раза, когда он её видел, горгулья, охраняющая вход в директорский кабинет, откинулась в сторону; она стояла скособочась, смахивая на боксёра в состоянии грогги, и Гарри подивился, сможет ли она в дальнейшем различать пароли.

– Мы можем пройти? – спросил он горгулью.

– Валяй, – простонала статуя.

Они перебрались через неё и ступили на каменную винтовую лестницу, медленно поднимающуюся вверх, как эскалатор. Добравшись до верха, Гарри открыл дверь.

Он едва успел заметить каменный ситодум на столе, где он его оставил, как душераздирающий шум заставил его громко вскрикнуть. Он успел подумать о проклятиях, вернувшихся Пожирателей Смерти и возрождении Волдеморта...

Но это оказались аплодисменты. Повсюду на стенах директора и директрисы Хогвартса стоя награждали его овацией; они махали шляпами (некоторые – париками), тянулись через свои рамы, чтобы пожать друг другу руки; они пританцовывали вверх-вниз в креслах, в которых они были нарисованы; Дилис Дёрвонт в открытую всхлипывала, Декстер Фортескью размахивал слуховым рожком; а Финеас Найджеллус выкрикнул своим высоким неприятным голосом: «И позвольте заметить, что Дом Слизерина тоже сыграл свою роль! Пусть о нашем вкладе не забывают!»

Но Гарри смотрел лишь на человека, изображённого на самом большом портрете, прямо за директорским креслом. Слезы стекали из-под полумесяцевидных очков на длинную серебряную бороду, и исходящие от него гордость и благодарность легли на душу Гарри таким же бальзамом, как песня феникса.

Наконец Гарри поднял руки, и все портреты уважительно замолчали. Они широко улыбались, некоторые вытирали глаза, и все жадно ожидали, когда он заговорит. Он, однако, обратился к Дамблдору, и заговорил, выбирая слова с огромной осторожностью. Конечно, он был вымотан, глаза закрывались сами собой, но всё же он должен был сделать последнюю попытку, спросить последний совет.

– То, что было спрятано в снитче, – начал он, – я бросил это в Лесу. Я не знаю, где именно, но я не собираюсь возвращаться и искать снова. Вы согласны?

– Дорогой мой мальчик, я согласен, – ответил Дамблдор; прочие портреты выглядели сконфуженными и заинтригованными. – Мудрое и смелое решение, впрочем, меньшего я от тебя и не ожидал. Кто-либо ещё видел, где оно упало?

– Никто, – ответил Гарри, и Дамблдор удовлетворённо кивнул.

– Однако подарок Игнотуса я намерен сохранить, – продолжил Гарри, и Дамблдор просил.

– Ну конечно же, Гарри, он твой навсегда, пока ты сам не передашь его!

– И остаётся ещё это.

Гарри протянул бузину палочку, и Рон с Гермионой взглянули на неё с уважением, которое Гарри даже в одурманенном и полусонном состоянии не понравилось.

– Я её не хочу, – произнёс Гарри.

– Что? – громко воскликнул Рон. – Ты свихнулся?

– Я знаю, что она сильная, – устало ответил Гарри. – Но с моей мне было лучше. Так что...

Он пошарил в сумочке, висящей у него на шеё, и вытащил два кусочка остролиста, по-прежнему соединённых лишь тонкой жилкой пера феникса. Гермиона сказала, что эта палочка не может быть починена, что поломка слишком серьёзна. Единственное, что он знал, – что если это не сработает, ничто не сработает.

Он положил сломанную палочку на директорский стол, прикоснулся к ней самым кончиком бузиной палочки и сказал: «*Reparo*».

Когда половинки волшебной палочки скрепились, красные искры брызнули из её кончика. Гарри понял, что ему удалось. Он подобрал волшебную палочку из остролиста и пера феникса и внезапно ощутил в пальцах тепло, словно палочка и рука радовались своему воссоединению.

– Я собираюсь вернуть бузину палочку, – сообщил он Дамблдору, наблюдавшему за ним с большой любовью и восхищением, – туда, откуда она была взята. Она может оставаться там. Если я умру естественной смертью, как Игнотус, её сила пропадёт, верно? Получится, что её предыдущий владелец никогда не был побеждён. Это будет её концом.

Дамблдор кивнул. Они улыбнулись друг другу.

— Ты уверен? — спросил Рон. Едва заметная тоска была слышна в его голосе, когда он смотрел на бузину палочку.

— Я думаю, Гарри прав, — тихо проговорила Гермиона.

— От этой палочки больше неприятностей, чем она того стоит, — сказал Гарри. — И ей-богу, — он отвернулся от нарисованных портретов, думая теперь лишь о своей кровати, ожидающей его в гриффиндорской башне, и гадая, сможет ли Кричер принести ему туда сэндвич, — у меня уже было столько неприятностей, что хватит на всю жизнь.

ЭПИЛОГ. ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Осень в этом году наступила внезапно. Утро первого сентября было хрустящим и золотым, словно яблоко. Когда маленькое семейство поспешно пересекало грохочущую дорогу, направляясь к огромному, грязному от сажи вокзалу, выхлопы автомобилей и выдохи пешеходов играли в холодном воздухе, как паутинки. Две больших клетки дребезжали на вершине загруженных тележек, толкаемых родителями; сидящие в клетках совы неодобрительно ухали; рыжеволосая девочка с полными слёз глазами плелась позади своих братьев, цепляясь за руку отца.

– Недолго ждать осталось, и ты тоже пойдёшь, – сказал ей Гарри.

– Два года, – хныкнула Лили. – Я хочу *сейчас*!

Прохожие с любопытством смотрели на сов, когда семейство прокладывало себе путь к барьеру между платформами девять и десять. Голос Альбуса донёсся до Гарри через окружающий гам; его сыновья продолжили спор, начатый ещё в машине.

– *He попаду!* Я *не попаду* в Слизерин!

– Джеймс, прекрати! – потребовала Джинни.

– Я только сказал, что он *может* попасть, – Джеймс ухмыльнулся своему младшему брату.

– И ничего такого в этом нет. Он *может* попасть в Слиз-...

Тут Джеймс поймал взгляд матери и немедленно замолчал. Пять Поттеров подошли к барьеру. Джеймс, кинув через плечо чуть самоуверенный взгляд на младшего брата, взял у матери тележку и разбежался. Мгновением позже он исчез.

– Вы мне напишете, правда? – тут же спросил Альбус родителей, воспользовавшись временным отсутствием брата.

– Каждый день будем писать, если захочешь, – заверила Джинни.

– Не надо *каждый* день, – быстро произнёс Альбус. – Джеймс говорит, почти все получают письма из дома где-то раз в месяц.

– Мы в прошлом году писали Джеймсу три раза в неделю, – сказала Джинни.

– И тебе не следует верить всему, что он рассказывает про Хогвартс, – добавил Гарри. – Он большой шутник, твой братец.

Вместе они толкнули вторую тележку вперёд и пошли всё быстрее и быстрее. Когда они достигли барьера, Альбус вздрогнул, но столкновения не произошло. Вместо этого всё семейство оказалось на платформе девять и три четверти, залитой густым белым паром, изрыгаемым алым паровозом Хогвартс-экспресса. Множество неразличимых фигур виднелось в тумане, в котором уже исчез Джеймс.

– Где они? – обеспокоенно спросил Альбус, присматриваясь к неопределённым фигурам, мимо которых они проходили, двигаясь вдоль платформы.

– Мы их найдём, – успокаивающе ответила Джинни.

Но пар был густым, и различить чьи-либо лица было трудно. Голоса, отделённые от своих обладателей, звучали неестественно громко. Гарри показалось, что он слышит Пёрси, громко вещающего что-то насчёт закона о помельях, и он был вполне доволен, что у него был повод не задерживаться для приветствий...

– Кажется, вон они, Ал, – внезапно сказала Джинни.

Группа из четырёх человек появилась из тумана и остановилась возле самого последнего вагона. Их лица обрели чёткость, лишь когда Гарри, Джинни, Лили и Альбус подошли вплотную.

– Привет, – с огромным облегчением в голосе поздоровался Альбус.

Роза, уже переодевшаяся в свою новёхонькую хогвартскую мантию, улыбнулась ему.

– Запарковались нормально? – спросил Рон у Гарри. – Мне удалось. Гермиона не верила, что я смогу сдать на маггловские права, да, Гермиона? Она думала, что мне придётся Запутать экзаменатора.

– Совершенно не думала, – ответила Гермиона. – Я в тебе была абсолютно уверена.

– На самом деле я его таки *Запутал*, – прошептал Рон на ухо Гарри, когда они вместе поднимали сундук и сову Альбуса на поезд. – Я всего лишь забыл посмотреть в боковое зеркало, и, если глянуть правде в глаза, я для этого всегда могу применить чары Сверхчувствительности.

Вернувшись на платформу, они обнаружили, что Лили и Хьюго, младший брат Розы, затеяли оживлённую дискуссию о том, на какой Дом они будут рассортированы, когда наконец-то попадут в Хогвартс.

– Если не в Гриффиндор, мы от тебя откажемся, – заявил Рон, – но вообще-то мы на тебя не давим.

– *Рон!*

Лили и Хьюго рассмеялись, но Альбус и Роза сохраняли торжественный вид.

– Он не хотел этого сказать, – вместе произнесли Гермиона и Джинни, но Рона это больше не интересовало. Поймав взгляд Гарри, он тихонько кивнул, указывая на точку ярдах в пятидесяти от них. Пар на некоторое время слегка разошёлся, и силуэты трёх человек отчётливо выделялись на фоне летящего тумана.

– Глянь, кто здесь.

Дрэйко Малфой стоял вместе с женой и сыном, его тёмное пальто было застёгнуто на все пуговицы. Он начал немного лысеть со лба, и это ещё больше подчёркивало его остренький подбородок. Стоящий рядом с ним мальчик был похож на него так же, как Альбус на Гарри. Дрэйко заметил, как Гарри, Рон, Гермиона и Джинни смотрят на него, коротко кивнул и отвернулся снова.

– Это, стало быть, маленький Скорпиус, – тихонько проговорил Рон. – Постарайся побить его в каждом задании, Розы. Слава богу, ты унаследовала мозги своей матери.

– Рон, ради бога, – произнесла Гермиона строгим голосом, но было видно, что эта реплика доставила ей удовольствие. – Не пытайся настроить их друг против друга ещё до того, как они начали учиться!

– Ты права, прости, – сказал Рон, но, не удержавшись, тут же добавил: – хотя и *слишком* дружить с ним тоже не надо, Розы. Дедушка Уизли не простит тебе, если ты выйдешь замуж за чистокровного.

– Эй!

Джеймс появился вновь; он успел избавиться от сундука, совы и тележки и теперь просто бурлил от новостей.

– Тедди вон там, – едва дыша, выпалил он, показывая через плечо назад, туда, где продолжал клубиться пар. – Только что его видел! И угадайте что он делает? *Лижется с Виктуар!*

Он уставился на взрослых, явно разочарованный отсутствием реакции.

– *Наш Тедди! Тедди Люпин!* Целуется с *нашей* Виктуар! С *нашей* кузиной! И я спросил Тедди, что он делает...

– Ты их отвлѣк? – спросила Джинни. – Ты *совсем* как Рон...

– ...и он сказал, что он пришѣл её проводить! А потом он сказал мне убираться. Он с ней *лижется!* – добавил Джеймс, словно волнуясь, что выразился недостаточно ясно.

– О, будет так здорово, если они поженятся! – прошептала Лили, она явно была в экстазе. – Тогда Тедди *правда* станет членом нашей семьи!

– Он и так приходит ужинать вместе с нами раза четыре в неделю, – сказал Гарри. – Почему бы нам просто не пригласить его жить у нас и не покончить с этим?

– Точно! – с энтузиазмом воскликнул Джеймс. – Я не против жить в одной комнате с Алом – Тедди может поселиться у меня!

– Нет, – твёрдо заявил Гарри. – Ты и Ал будете жить в одной комнате только тогда, когда я захочу разнести весь дом.

Он глянул на старые, потрёпанные часы, принадлежавшие когда-то Фабиану Прюетту.

– Уже почти одиннадцать, вам лучше зайти на поезд.

– Не забудь передать Невиллу нашу любовь! – сказала Джинни Джеймсу, обнимая его.

– Мама! Я не могу передать профессору *любовь!*

– Но ты же *знаком* с Невиллом!

Джеймс закатил глаза.

– Здесь да, но в школе он профессор Лонгботтом, так? Я не могу просто так войти на гербологию и передать ему *любовь*...

Покачив головой по поводу глупости матери, он выразил свои чувства, попытавшись пнуть Альбуса.

– Увидимся позже, Ал. Берегись тестралов.

– Я думал, они невидимые? Ты говорил, что они невидимые!

Но Джеймс лишь рассмеялся, позволил матери поцеловать его, быстро обнялся с отцом, после чего вспрыгнул на стремительно заполняющийся поезд. Гарри и Джинни увидели, как он помахал им рукой и умчался по коридору в поисках друзей.

– Насчёт тестралов не волнуйся, – сказал Гарри Альбусу. – Это тихие создания, ничего страшного в них нет. В любом случае, ты не поедешь в школу на повозках, ты поедешь на лодках.

Джинни поцеловала Альбуса на прощание.

– Увидимся на Рождество.

– Пока, Ал, – попрощался Гарри, когда сын его обнял. – Не забудь, что Хагрид пригласил тебя на чай в эту пятницу. Не связывайся с Пивзом. Не дерись ни с кем на дуэлях, пока не научишься, как это делается. И не позволяй Джеймсу тебя заводить.

– Что если я попаду в Слизерин?

Этот шёпот предназначался исключительно для отца, и Гарри понял, что лишь момент расставания заставил Альбуса показать, насколько сильным и искренним был его страх.

Гарри присел на корточки, так что лицо Альбуса оказалось чуть выше его. Из трёх Гарриных детей лишь Альбус унаследовал глаза Лили.

– Альбус Северус, – тихо произнёс Гарри, так что его не слышал никто, кроме Джинни, а та была достаточно тактичной, чтобы сделать вид, что не слышит, и помахать Розе, уже забравшейся на поезд. – Ты получил имена в честь двух директоров Хогвартса. Один из них был слизеринцем и, возможно, самым храбрым человеком из всех, кого я когда-либо знал.

– Нет, ты *просто скажи*...

– Тогда Дом Слизерина получит замечательного ученика, верно? Для нас это неважно, Ал. Но если это важно для тебя, ты сможешь выбрать Гриффиндор вместо Слизерина. Сортировочная Шляпа принимает твой выбор во внимание.

– Правда?

– Мой выбор приняла, – кивнул Гарри.

Он никогда раньше не рассказывал этого своим детям, и теперь, рассказав, он увидел восторженное удивление на лице Альбуса. Но теперь уже двери по всему алому поезду захлопывались, и туманные фигуры родителей рвались вперёд, чтобы напоследок поцеловать детей или о чём-то напомнить. Альбус вскочил в вагон, и Джинни захлопнула за ним дверь. Ученики свисали из ближайших к ним окон. Огромное количество лиц, как на поезде, так и на платформе, было устремлено в сторону Гарри.

– Чего они все *таращатся*? – спросил Альбус, когда они с Розой, вытягивая шеи, смотрели на других учеников.

– Пусть это тебя не беспокоит, – ответил Рон. – Это они на меня. Я потрясающе знаменит.

Альбус, Роза, Хьюго и Лили рассмеялись. Поезд начал двигаться, и Гарри запагал рядом, глядя на худощавое лицо сына, уже горящее возбуждением. Гарри продолжал улыбаться и махать рукой, хотя это было довольно печально – смотреть, как родной сын уплывает от него...

Последнее облако пара растаяло в осеннем воздухе. Поезд свернул за угол. Гарриная рука всё ещё была поднята в прощальном взмахе.

– У него всё будет в порядке, – прошептала Джинни.

Взглянув на неё, Гарри рассеянно опустил руку и коснулся молниеподобного шрама на своём лбу.

– Я знаю.

Шрам не беспокоил Гарри уже девятнадцать лет. Всё было хорошо.

[КОНЕЦ СЕДЬМОЙ КНИГИ.]

О НАЗВАНИИ РОМАНА (от переводчика)

В самом деле, почему бы не поговорить о названии? Как, вероятно, заметил читатель, я предпочёл дать своему переводу романа иное название, чем большинство других переводчиков. Впрочем, когда я подбирал варианты перевода названия, я ещё не знал, что остальные сделают иной выбор. Но если бы и знал, вряд ли что-то изменилось бы – я по-прежнему убеждён, что название «Гарри Поттер и Реликвии Смерти» более удачное, чем «...Дары Смерти». И сейчас попытаюсь объяснить свою точку зрения.

Однако, прежде чем приступить, я обязан сообщить, что нижеприведённый текст содержит сюжетные спойлеры, и я *не рекомендую* его читать тем, кто не дошёл в романе хотя бы до [21 главы](#). Если вы относитесь как раз к таким читателям – пожалуйста, вернитесь к роману, а потом уже заходите сюда снова.

Ну вот, теперь, когда все вняли предупреждению – приступим.

Вообще перевод названия этого романа – дело трудное. Однозначно удачный вариант и не подберёшь. С самого начала я выбирал между двумя – собственно, «Реликвиями Смерти» и «Дарами Смерти». И остановился на «Реликвиях». Почему?

Начнём с того, что Роулинг, безусловно, прекрасно знает слово gift (дар). Более того, в романе это слово дважды употребляется в отношении обсуждаемых нами трёх артефактов (далее для краткости эти три артефакта я буду называть ДН – сокращение от Deathly Hallows). Несомненно, если бы Роулинг *хотела* назвать их «Дарами Смерти», она бы их так и назвала. Однако она этого не сделала.

Почему она этого не сделала, что она хотела сказать своим названием – точных ответов у меня, конечно, нет; с легитименцией у меня похуже дела обстоят, чем у Дамблдора. Однако я могу высказать несколько предположений разной степени правдоподобности.

Для начала выскажу общее соображение: если не понимаешь, что конкретно имел в виду автор своим названием – лучше переводить дословно и не нести отсебятины; меньше шансов потом сесть в лужу, если окажется, что автор хотел сказать совсем другое (привет Злодеусу Злею ;)).

Ну а теперь – предположения, почему Роулинг *не* назвала ДН «Дарами Смерти».

1. Она искала редкое, не используемое в разговорной речи слово, чтобы подчеркнуть древность этих артефактов. Слово «gift», хотя и не относится к часто употребляемым, всё же используется в разговорной речи, особенно в переносном смысле. В точности то же самое относится и к слову «дар»; а значит, если слово «gift» было отвергнуто по этой причине, то и «дар» должен быть отвергнут.

2. Возможно, Ро искала как можно более загадочное и непонятное название для книги. Вспомните, сколько было дискуссий и предположений, когда мы только узнали английское название. Как народ гадал, что бы могло быть этими самыми Deathly Hallows. Кстати, по моему, так никто и не угадал. Явно с Deathly Gifts теорий и обсуждений было бы меньше.

Это предположение, впрочем, я привёл больше для проформы – его я считаю маловероятным. Хотя бы потому, что у Роулинг были и другие рабочие варианты названия книги, и эти варианты вообще не включали в себя упоминание ДН.

3. А вот третье предположение, напротив, я считаю одним из наиболее реальных. Заключается оно в следующем: Роулинг не назвала ДН «Дарами Смерти», *потому что они не были дарами!*

Поясню свою мысль.

Английское слово «gift», как и русское «дар», имеет ярко выраженную положительную эмоциональную окраску. В отличие от «present'a»/«подарка», который может быть чисто формальным, дар — это всегда что-то, что дарится с добрыми намерениями. Особенно эта положительная эмоциональная окраска заметна, когда слово употребляется в переносном смысле. Когда про человека говорят, что он «одарён», всегда имеют в виду что-то хорошее, какой-то талант, и никогда — что он, например, алкоголик.

А теперь перечитайте «Сказку о трёх братьях». Разве Смерть подарила братьям ДН с добрыми намерениями? Ничего подобного! Смерть их подарила, намереваясь с помощью ДН забрать братьев к себе! И в отношении двоих из них ей это удалось. Какой же это «дар»? Это мина-ловушка! Троянский конь, если хотите. Кстати, троянского коня никто не воспринимает как *дар греков троянцам...* хотя сами троянцы, вероятно, именно так и считали.

В связи с этим очень показательно, в каком контексте Роулинг всё же употребила слово «gifts» в отношении ДН. Выше я уже писал, что она это сделала дважды; сейчас посмотрим, где именно.

Вот первое место — в тексте «Сказки о трёх братьях».

*Then Death stood aside and allowed the three brothers to continue on their way, and they did so talking with wonder of the adventure they had had and admiring **Death's gifts**.*

*Тогда Смерть отошла в сторону и позволила трём братьям продолжить свой путь, и они пошли дальше, с изумлением беседуя о приключении, которое пережили, и восхищаясь **дарами Смерти**.*

Обратите внимание: здесь слово «дары» вложено в уста братьев. И это логично: они-то думали, что это *действительно* дары; они были теми самыми несчастными троянцами!

Второе место — после окончания «Сказки», когда Гарри, Рон и Гермиона обсуждают эти три артефакта.

*"I think you're right," she told him. "It's just a morality tale, it's obvious which **gift** is best, which one you'd choose —"*

*Думаю, ты прав, это просто морализаторская байка, очевидно же, какой **дар** лучший, какой нужно выбрать...*

Здесь слово «дар» вложено в уста Гермионы — человека, изначально не верившего ни в эту сказку, ни в ДН. Естественно, она не воспринимала всерьёз идею возмездия со стороны самой Смерти, так что и для неё они оставались именно «дарами» (причем гипотетическими).

В целом, мы видим: лишь те, кто воспринимал ДН как дары, и называют их дарами. По сказке же они — нечто совершенно другое...

Ну и напоследок. В русском языке есть один случай, когда слово «дар» употребляется с отрицательной окраской. Это известная идиома «дары данайцев». В принципе, «дары Смерти» могли бы стать аналогичной идиомой, если бы не два «но». Во-первых, идиомы успешно применяются лишь тогда, когда все окружающие знакомы с их значением; а те, кто читает роман впервые, этого значения, разумеется, не знают. Во-вторых и в-главных: оригинальное название романа никакой самодельной идиомы не содержит, и кто мы такие, чтобы пропихивать её в перевод?

4. Этот пункт не столь монументален, как предыдущий, но тем не менее. Обсуждение ДН до и после чтения «Сказки о трёх братьях».

Вот что было до.

"Well, you see, believers seek the Deathly Hallows," said Xenophilus, smacking his lips in apparent appreciation of the Gurdyroot infusion.

"But what are the Deathly Hallows?" asked Hermione.

– Ну, понимаете ли, те, кто верит, ищут Реликвии Смерти, – пояснил Ксенофилиус и причмокнул губами, явно наслаждаясь настойкой стражекорня.

– **Но что такое эти Реликвии Смерти?** – спросила Гермиона.

Потом была «Сказка», и в ней в явном виде упоминаются **дары Смерти** (см. цитату выше по тексту). А потом...

"Well, there you are."

"Sorry?" said Hermione, sounding confused.

"Those are the Deathly Hallows," said Xenophilus.

(...)

"Together," he said, "the Deathly Hallows."

"But there's no mention of the words 'Deathly Hallows' in the story," said Hermione.

– Ну вот.

– Простите? – озадаченно переспросила Гермиона.

– Это и есть Реликвии Смерти, – пояснил Ксенофилиус.

(...)

– Вместе – Реликвии Смерти.

– **Но в сказке не упоминаются слова «Реликвии Смерти»**, – заметила Гермиона.

Вроде текст как текст. Но подставьте в этот текст «Дары Смерти» вместо «Реликвий» – и Гермиона будет выглядеть полной дурой ;). В самом деле: ей заранее сообщили, что речь пойдёт о «дарах Смерти», потом прочли сказку (фактически, она сама её прочла), где есть слова «дары Смерти», и потом она заявляет, что этих слов в сказке нет.

Если переводчики не хотят, чтобы Гермиона выглядела дурой, им приходится нести какую-то отсебятину, меняя текст. Что само по себе не есть хорошо. Вот, скажем, Ильин и Лахути попытались обойтись малой кровью. В «Сказке» они заменили «дары Смерти» на

«чудесные вещицы, что подарила им Смерть». Получилось, на мой взгляд, посредственно – Гермiona всё равно выглядит душой, хотя формально слов «Дары Смерти» в «Сказке» действительно нет.

Итак, по целому ряду причин идею переводить ДН как «Дары Смерти» следует признать неудачной. Вопрос, однако – а какая удачная? Изначально главным конкурентом были «Реликвии Смерти». Достоинства этого варианта лежат на поверхности.

Во-первых, это дословный перевод. Разумеется, я знаю, что дословный перевод названия далеко не всегда лучший, – но, как я уже писал выше, этим вариантом безопаснее всего пользоваться, если не понимаешь, что же именно хотел сказать автор.

Во-вторых, «реликвии» – редкое слово, куда более редкое, чем «дары», и никогда не используемое в разговорной речи.

И в-третьих, реликвиями, как правило, называют что-то старинное и ценное, так что и по смыслу это слово в целом подходит.

Разумеется, есть и недостатки – фактически, крупный недостаток один, и он тоже лежит на поверхности. Реликвии – как правило, нечто, хранящееся как память и не применяемое по прямому назначению; здесь же две из трёх ДН по прямому назначению использовались очень даже активно, и лишь Воскрешающий камень действительно являлся реликвией в полном смысле этого слова.

Тем не менее по соотношению достоинств и недостатков вариант «Реликвии Смерти» явно выглядит более предпочтительным, чем «Дары Смерти» – потому я его и использовал.

Надеюсь, текст, который вы прочитали, дал вам пищу для размышлений. Если мне удалось вас убедить – я рад. Если вы считаете, что я неправ – я с удовольствием ознакомлюсь с вашими контраргументами и предложениями у себя на сайте.

Аннотация

Это заключительная часть в эпопее Джоан Роулинг о Гарри Поттере. Раскол в магическом мире произошёл окончательно, и сторонники Волдеморта становятся всё сильнее. Служащие Министерства магии один за другим подчиняются им, и помощи ждать неоткуда. Однако Гарри продолжает бороться с Тёмным Лордом. Потому что больше некому...